

Н. А. ИВАНОВ

КРИЗИС
ФРАНЦУЗСКОГО
ПРОТЕКТОРАТА
В ТУНИСЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н. А. ИВАНОВ

**КРИЗИС
ФРАНЦУЗСКОГО
ПРОТЕКТОРАТА
В ТУНИСЕ
(1918—1939 гг.)**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1971

Ответственный редактор
Л. Н. КОТЛОВ

Монография посвящена социально-политической истории Туниса в годы между двумя мировыми войнами. На фоне социального и экономического развития страны дается анализ роста самосознания мусульман и европейского населения Туниса, характеризуются тунисский национализм, политические партии, профсоюзы и некоторые религиозные группировки.

1-6-3

46-71

Николай Алексеевич Иванов
КРИЗИС ФРАНЦУЗСКОГО ПРОТЕКТОРАТА В ТУНИСЕ
(1918—1939 гг.)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

*

Редактор *Л. А. Кожуховская*
Художник *М. И. Эльцуфин*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*
Корректоры *Л. И. Письман* и *Г. В. Стругова*

*

Сдано в набор 16/XII 1970 г. Подписано к печати 7/IX 1971 г.
А-11265. Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага № 1. Печ. л. 25. Уч.-изд. л. 26,44.
Тираж 1300 экз. Изд. № 2709. Зак. № 4056. Цена 1 р. 78 к.

*

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»

Москва, Центр, Армянский пер., 2
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.

КОЛОНИАЛЬНЫЙ РЕЖИМ ПРОТЕКТОРАТА

Победа Франции в мировой войне 1914—1918 гг. позволила ей полностью сохранить свои позиции в Тунисе. Как никогда раньше, французы были убеждены в их прочности и незыблемости. Во всем чувствовалась их спокойная уверенность: в твердом управлении страной, в деловом использовании ее ресурсов, в долгосрочных планах колонизации и развития, в нескрываемых надеждах на ее полную, хотя и постепенную ассимиляцию и даже в полупрезрительном нежелании считаться с чувствами и настроениями коренного населения. Французы считали себя полновластными хозяевами Туниса и не собирались отказываться от «прав», которые они приобрели в этой стране.

В руках французов находились наиболее плодородные земли, промышленность, транспорт, банки. Небольшая группа европейских переселенцев, тесно связанная с магнатами французской колонизации в Алжире и деловыми кругами метрополии, фактически контролировала всю хозяйственную и политическую жизнь Туниса.

Европейская колонизация. Численность европейцев в Тунисе выросла с 18 914 человек в 1881 г. до 156 100 в 1921 г. Они составляли всего лишь 7,4% населения страны. Несмотря на это, писал Поль Себа, европейцы, «присвоив лучшие земли, имея в своем распоряжении необходимое оборудование, капиталы и кредит, наконец, используя достижения современной науки и техники... заняли первостепенное место в хозяйственной жизни страны» [20, стр. 82]. Из их среды вышла местная буржуазия, которая, опираясь на крупный капитал метрополии, стала господствующим классом колониального Туниса.

Хозяйственная деятельность европейских переселенцев имела своим следствием перенесение на тунисскую почву капиталистических общественных отношений метрополии. Однако капитализм в Тунисе существовал и развивался параллельно со старыми общественными отношениями, с традиционными феодальными структурами мусульманского Магриба. В экономике и общественном строе страны как бы сочетались элементы переселенческой колонии с ее почти автоматическим воспроиз-

водством социально-экономических отношений метрополии и элементы «туземной» колонии, находившейся к моменту завоевания на докапиталистической стадии развития. Сочетание этих разнородных элементов выражалось, в частности, в прочном и длительном сосуществовании в Тунисе двух секторов — капиталистического, так называемого современного, сектора и архаического, так называемого традиционного, сектора.

Хотя оба эти сектора существовали параллельно, они не были полностью изолированы. В силу уже одних географических условий, развиваясь на одной и той же территории, они не могли не оказывать активного влияния друг на друга. Современный сектор, особенно на первых порах, приспособлялся к местным докапиталистическим формам эксплуатации. С другой стороны, занимая ведущее место, он постепенно разрушал старые социальные структуры и втягивал страну в целом в русло капиталистического развития.

Развитие колониального капитализма было связано прежде всего с захватом и освоением минеральных богатств Туниса. Установление протектората обеспечило французскому капиталу господствующие позиции в горнодобывающей промышленности страны. Хотя в 1881 г. правительство установило принцип государственной собственности на все горные разработки, добыча полезных ископаемых находилась в руках частных компаний. Они арендовали рудники и карьеры или брали их в концессию на весьма выгодных условиях.

Первые горные концессии были выданы еще до установления протектората. В 1868 г. итальянцы, а затем, в 1876 г., французы получили право на разработку свинцовой и цинковой руд. В 1923 г. действовали уже 35 предприятий по добыче полиметаллических руд. Ежегодно свинца добывали 36 тыс. т, цинка — 12 тыс. т. Максимум был достигнут накануне войны: 59 тыс. т свинца (1913 г.) и 37,4 тыс. т цинка (1912 г.) [20, стр. 100]. Добыча полиметаллов по сути дела была монополизирована пятью горнопромышленными компаниями, среди которых ведущее место занимал международный трест «Пеньяройя», находившийся под контролем банкирского дома Ротшильдов. Этот же трест построил в Мегрине (близ г. Туниса) самый крупный из трех металлургических заводов страны. По выплавке свинца он намного превосходил сравнительно небольшие заводы в Бизерте и Сук-эль-Хемисе и занимал второе место в Африке [20, стр. 112; 52, стр. 111].

В 1885 г. французский географ и естествоиспытатель Филипп Тома, служивший в колониальной администрации, открыл в Тунисе крупнейшие в мире месторождения фосфоритов, промышленная разработка которых началась в 1899 г. Вскоре она была монополизирована «Компани де фосфат э де шмен де фер де Гафса» (месторождения Метлави, Редейф и Муларес в Джериде), «Сосьете де фосфат тюнизьен» (место-

рождения Калаа-Джерда) и «Сосьете тюнизьен де фосфат дю Джебель-Мдилла» (месторождения Джебель-Мдилла) [20, стр. 63, 98]. Добыча с 70 тыс. т в 1899 г. поднялась до 2044 тыс. т в 1913 г. и 2357 тыс. т в 1923 г. Тунис стал одним из главных поставщиков фосфоритов на мировой рынок, удовлетворяя примерно половину его потребностей. Однако после войны 1914—1918 гг. вследствие конкуренции марокканских фосфоритов его доля в мировом экспорте фосфоритов стала падать [61, стр. 343—344].

В 1908 г. началась разработка богатейших железнорудных месторождений. Добыча железной руды, с самого начала предназначенной для экспорта, в значительной мере зависела от конъюнктуры в английской металлургии и составляла: в 1908 г.— 98 тыс. т, в 1913 г.—590 тыс. и в 1923 г.—845 тыс. т. Хозяевами тунисских руд были компании «Сосьете дю Джебель-Джериса» (филиал алжирской «Мокта аль-Хадид»), которая разрабатывала месторождения Джебель-Джерисы, считавшиеся самыми богатыми в Тунисе, и «Сосьете дю Дуария», обосновавшаяся в районе Бизерты.

Месторождения лигнитов и марганцевых руд вследствие их бедности и малой рентабельности не привлекали особого внимания французских капиталистов и разрабатывались эпизодически.

Бурное развитие горнодобывающей промышленности вызвало к жизни тунисский железнодорожный транспорт. Он давал выход продукции горной промышленности и в свою очередь получал от нее основную загрузку. 80% железнодорожных перевозок приходилось на фосфориты и железную руду.

Первые железнодорожные линии в Тунисе были построены «Компани де шмен де фер Бон — Гельма» на основе километрических гарантий. Без них компания отказывалась расширять свою железнодорожную сеть. Поэтому в 1892 г. правительство протектората решило само вести железнодорожное строительство. Оно осуществляло его за счет тунисской казны и с этой целью заключило целый ряд займов (в 1902 г.— 40 млн. фр., в 1907 г.— 75 млн., в 1912 г.— 90,5 млн.), которые в конечном счете оплачивались тунисскими налогоплательщиками [20, стр. 54, 69]. Железнодорожная революция, начавшаяся в 1897—1899 гг., отвечала интересам прежде всего горнопромышленных компаний. Линии прокладывались перпендикулярно побережью — от горнопромышленных предприятий к портам.

В 1922 г. правительство выкупило линии, оставшиеся в руках «Компани де шмен де фер Бон — Гельма», и присоединило их к государственной сети, которая, таким образом, выросла до 1610 км. Одновременно оно сдало в аренду той же самой компании, правда, уже называвшейся «Компани фермьер де шмен де фер тюнизьен», все тунисские государственные

железные дороги. На всей этой операции, кроме горнопромышленных компаний, в кратчайшие сроки получивших необходимый им транспорт, нагрели руки известные французские банки «Креди фонсьер д'Альжери э де Тюнизи», «Банк де Пари э де Пэи-Ба» и группа «Томсон — Хаустон», участвовавшие в капитале «Компани де шмен де фер Бон — Гельма» [см.: 52, стр. 112]. Кроме государственных железных дорог существовала линия Сфакс — Гафса длиной 455 км, принадлежавшая фосфоритной компании Гафсы, которую она эксплуатировала на основе концессии.

Несмотря на большую протяженность и сравнительно высокую плотность (1 км пути на 59,5 кв. км территории), в Тунисе все же не было единой транспортной системы. Из 2065 км железных дорог 507 км имели нормальную колею, а 1558 км (в основном в Центре и на Юге) были узкоколейными [61, стр. 372]. Это, естественно, сдерживало развитие народнохозяйственных связей внутри страны.

Наряду с железнодорожным строительством правительство протектората форсировало строительство и модернизацию тунисских морских портов (Бизерты, г. Туниса — Ла-Гулет, Суса, Сфакса) и шоссейных дорог.

Кроме горнодобывающей промышленности и связанного с ней транспорта, ни одна отрасль промышленности не получила должного развития. Это объяснялось не только узостью энергетической базы (отсутствием собственной нефти, каменного угля, гидроресурсов), не только нехваткой квалифицированных кадров и неразвитостью рынка, но также нежеланием французских монополий создавать в протекторате предприятия, которые могли бы конкурировать с промышленностью метрополии. Правда, еще до первой мировой войны в Тунисе появились зачатки современной промышленности, удовлетворявшей элементарные потребности французской колонизации. В начале XX столетия были построены первые электростанции, предприятия по газо- и водоснабжению, ремонтные мастерские, а также отдельные предприятия пищевой, швейной, кожевенной, деревообрабатывающей, строительной и полиграфической промышленности. Почти все они принадлежали иностранцам и контролировались финансовым капиталом метрополии.

Местные банки и страховые общества также полностью зависели от иностранного капитала. Даже эмиссия тунисских франков, в 1891 г. заменивших пиастр в качестве денежной единицы Туниса, находилась в руках «Банк де л'Альжери» — дочернего предприятия крупнейших французских банков «Контуар насьональ д'эсcont де Пари» и «Креди лионнэ». Большинство других тунисских банков и кредитных учреждений также являлись филиалами или дочерними обществами французских банков метрополии (помимо двух упомянутых выше «Сосьете

женераль», «Сосьете марсейез де креди») или Алжира («Компани альжерьен», «Креди фонсьер д'Альжери э де Тюнизи», находившихся в свою очередь под контролем таких финансовых гигантов, как «Банк де л'Юньон паризьен», «Банк де Пари э де Пэи-Ба», и «Банк де л'Эндошин») [см.: 20, стр. 57—59].

Среди французских финансовых групп шла непрерывная борьба за эксплуатацию колоний, за право определять и направлять их экономическое развитие. По мнению советских и прогрессивных французских исследователей, в Тунисе наиболее влиятельной была группа «Банк де л'Юньон паризьен» — «Мирабо э К⁰» [см.: 7, стр. 91; 52, стр. 112]. Впрочем, преобладание той или иной группы отнюдь не исключало ее сотрудничества с другими группами французского финансового капитала, действовавшими в Северной Африке.

Первая мировая война благоприятно отразилась на деловой конъюнктуре. Увеличились прибыли французской буржуазии Туниса и ее покровителей из метрополии и Алжира. Доходы от военных поставок снова пускались в оборот. За 1907—1919 гг. общая сумма капиталовложений в Тунисе и Алжире, которые в это время в экономическом отношении фактически составляли одно целое, выросла примерно в три раза и в 1919 г. равнялась 3 млрд. фр. Из них около половины приходилось на банки и страховое дело (0,4 млрд.) и на транспорт (1 млрд.) [40, стр. 23]. Создавались новые общества и предприятия. Рос вывоз сельскохозяйственных продуктов и минерального сырья. Стоимость экспортированной продукции предприятий горнодобывающей промышленности увеличилась с 15,5 млн. фр. в 1914 г. до 40,1 млн. в 1920 г. и 79,4 млн. фр. в 1923 г. [87, стр. 169].

Режим протектората закрепил чисто колониальный характер внешних экономических связей Туниса. На мировом рынке страна выступала как поставщик минерального сырья, сельскохозяйственных товаров, а также таких продуктов лесостепного промысла, как пробковая кора и альфа, производство и вывоз которых были организованы европейскими предпринимателями. Вместе с тем Тунис был и оставался потребителем готовой продукции европейских стран, в первую очередь Франции. Декреты 1898 г. значительно снизили тарифы на французские товары, а многие из них вообще освобождались от уплаты ввозной пошлины. Этим воспользовались и некоторые другие страны Западной Европы. В Тунис хлынули товары иностранного производства — от спичек и духов до машин и оборудования. Тунисцы носили лионские шелка, английские и французские хлопчатобумажные и шерстяные ткани. Даже шеши — традиционный головной убор тунисцев — ввозились из Чехии.

Завоевание Туниса сопровождалось захватом земель европейскими колонистами и акционерными обществами. В 1921 г.

европейцам принадлежало 641 тыс. га, т. е. около 8% всего фонда сельскохозяйственных земель (включая пастбища). Из них 367 850 га было расположено в достаточно влажных районах Севера с его плодородными землями, хорошо вознаграждавшими труд земледельца, и 273 150 га — в Сахеле и зоне степей. Французским колонистам и земельным обществам принадлежало 554 тыс. га, итальянцам — 60,4 тыс., англо-мальтийцам — 14,9 тыс., другим европейцам — 11,4 тыс. га [83, стр. 262—263].

Для европейской, особенно французской, колонизации были характерны крупные земельные владения.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КОЛОНИСТСКИХ ЗЕМЕЛЬ ПО КАТЕГОРИЯМ
ВЛАДЕНИЯ В 1921 г. [83, стр. 263]

Национальность	Число владельцев	Размеры земельных владений, га					
		менее 10	10—50	50—100	100—200	200—500	свыше 500
Французы	1708	365	198	203	444	300	198
Итальянцы	1465	940	365	60	50	29	21
Англо-мальтийцы	102	58	20	4	7	4	9
Другие европейцы	50	14	13	3	2	10	8
Всего	3325	1377	596	270	503	343	236

«Много гектаров, но мало людей», — характеризовал Жан Жорес французскую колонизацию [цит. по: 62, стр. 717]. Землевладельцами являлись крупные французские капиталистические компании: «Сосьете франко-африкэн», захватившее гигантский хеншир (имение) Энфида площадью 96 тыс. га; «Омнийом иммобильер тунизьен», имевшее вместе с филиалами 28 488 га; «Сосьете де ферм франсэз», располагавшее 27 326 га; горнопромышленное общество «Компани де фосфат э де шмен де фер де Гафса», владевшее 30 тыс. га [см.: 20, стр. 50—51; 64, стр. 109 и сл.]. Большинство земель этих обществ и других крупных французских землевладельцев первоначально сдавалось в аренду или служило объектом самых отчаянных спекуляций. Сами владельцы, как правило, проживали во Франции и не только не вели собственного хозяйства, но, возможно, даже не видели своих имений.

Развитие товарного фермерского хозяйства происходило постепенно. По существу оно началось лишь после принятия таможенных законов 1890 и 1904 гг., облегчивших экспорт во Францию тунисских сельскохозяйственных продуктов. Первой полностью товарной отраслью сельского хозяйства было вино-

делие. Оно развилось после установления протектората и с самого начала строилось на чисто капиталистической основе. В 1881 г. было всего 1,1 тыс. га виноградников и вино не изготовлялось. А в 1912—1913 гг. под виноградниками было занято 17,8 тыс. га; производство вина оценивалось в 300 тыс. гл в год [83, стр. 219].

В зерновом хозяйстве медленное развитие капитализма было обусловлено крепостническими пережитками. Лишь в 1910 г. закрепощенные издольщики — хаммасы получили личную свободу (с правом уходить от хозяина). Чтобы привлечь хаммасы для работы на фермах, колонисты нередко были вынуждены выкупать их долги [55, стр. 121]. Колонизация размывала крепостничество, постепенно заменяя его отношениями, основанными на купле-продаже рабочей силы. Безземелье, голод и страшная нужда гнали крестьян на фермы колонистов. Бывшие хаммасы и разорившиеся кочевники составляли неисчерпаемые резервы рабочей силы, которые позволили колонистам приступить к интенсификации сельского хозяйства.

По мере укрепления связей с рынком, прежде всего с внешним, колонисты начали применять машины и удобрения. В 1901 г. появились первые сеялки, в 1905 г. — жнейки, в 1906 г. — дисковые плуги [83, стр. 211]. Потребление суперфосфата возросло с 3 тыс. ц в 1904 г. до 130 тыс. ц в 1913 г. Накануне первой мировой войны появились первые тракторы. Проводились научные исследования. В частности, тщательно изучался опыт США в технике земледелия в засушливых районах (*dry-farming*). Однако о техническом перевооружении сельского хозяйства в целом говорить еще было рано. Оно наступило позднее, в годы после первой мировой войны. Посевные площади под зерновыми увеличились с 750—800 тыс. га в первые годы протектората до 960 тыс. га в 1910—1920 гг. (в среднем за год), а сбор зерна — с 2—3 млн. до 3 млн. ц соответственно [83, стр. 102, 104; 92, стр. 120—121]. На долю европейцев приходилось 20% всего производства зерна.

В оливководстве — этой традиционной отрасли туниского земледелия — европейцы не внесли ничего нового ни в технику возделывания культуры, ни в производственные отношения. Однако, пользуясь хорошей рыночной конъюнктурой, они основали огромные плантации, в частности знаменитый «Сфакский лес» с его уходящими к горизонту геометрически правильными линиями насаждений, усовершенствовали методы экстракции масла и двинули вперед торговлю. Количество оливковых деревьев возросло с 8090 тыс. в 1881 г. до 11 770 тыс. в 1913 г., в том числе в районе Сфакса — с 380 тыс. до 2803 тыс. соответственно [83, стр. 106, 217].

Чтобы предотвратить эпидемии, а также, как пишет Поль Себа, «предоставить капиталу здоровую рабочую силу» [20, стр. 193], правительство протектората приняло энергичные ме-

ры по улучшению медико-санитарного состояния страны. Были заложены основы современной системы здравоохранения и ликвидированы такие заболевания, как холера, чума, тиф, оспа. Развернулась большая научная работа. В 1893 г. был основан Пастеровский институт, который, после того как им стал руководить выдающийся ученый, лауреат Нобелевской премии Шарль Николь, превратился в важный центр медицинских исследований.

Развитие колонизации, современной промышленности и транспорта вызвало острую потребность в квалифицированных кадрах. Из-за их отсутствия компании привлекали рабочих со стороны. Еще до первой мировой войны в Тунисе появились рабочие-европейцы — железнодорожники, горняки, печатники и т. п.; по переписи 1921 г., их насчитывалось 30 926 человек. В виноградарстве и виноделии были заняты почти исключительно европейцы.

В ходе колонизации менялся самый облик тунисских городов и селений. В Тунисе, Бизерте, Сусе, Сфаксе рядом с мединой (арабским «старым городом») выросли новые города с прямыми широкими улицами, домами европейской архитектуры, бульварами, открытыми кафе, кинотеатрами, концертными залами и дансингами. В сельской местности среди прямоугольников колониальных полей, около рудников, заводов и железнодорожных станций появились небольшие европейские домики.

Традиционный сектор. «Итоги колонизации,— заметил Поль Себа,— всегда кажутся положительными тем, кто ограничивается лишь подсчетом километража протяженности рельсовых путей, шоссейных дорог, причальных линий, числа почтовых отделений, электростанций, водопроводов, центнеров зерна и гектолитров вина, тонн железной руды и фосфоритов» [20, стр. 155]. Действительно, технико-экономический прогресс страны в годы протектората не может вызывать сомнений. Куда более сложным является вопрос: что он дал населению Туниса? Теоретически, по-видимому, все жители страны пользовались благами технико-экономического прогресса. На самом деле это было далеко не так. Материальные блага в колониальном Тунисе, так же как и во всяком капиталистическом обществе, распределялись в зависимости от капитала, в зависимости от места, занимаемого людьми в общественном производстве. Поэтому выгоды, которыми могло воспользоваться арабское население, были прямо пропорциональны его участию в технико-экономическом прогрессе и соответствовали «той роли, которую оно играло в экономике страны» [20, стр. 125].

Несмотря на европейскую колонизацию, арабское население Туниса составляло большинство и вследствие высокой рождаемости продолжало быстро расти. Эпидемии, голодовки и

другие средневековые регуляторы демографического роста уже не оказывали своего действия. В 1881 г. коренное население насчитывало примерно 900 тыс. человек [83, стр. 44], а в 1921 г. оно выросло до 1 937 824 (из них 48 436 тунисских евреев), составив 92,6% всех жителей страны.

В силу главным образом социальных условий, культурной и технической отсталости вся эта масса коренного населения была совершенно не подготовлена к активному участию в технико-экономическом прогрессе. Он начался и происходил помимо воли местного населения, в лучшем случае при его пассивном участии. На первых порах даже рабочая сила импортировалась. К началу первой мировой войны современный тунисский сектор находился в эмбриональном состоянии. Он не имел самостоятельного значения и являлся придатком, или, скорее, продолжением, европейского капиталистического сектора.

В Тунисе не было арабской промышленной буржуазии. Богатые мусульманские фамилии, совершенно лишенные грюндерского духа, боялись основывать промышленные предприятия и предпочитали вкладывать деньги в торговлю, ростовщичество и покупку земель, которая истари считалась самым надежным помещением капитала. Лишь наиболее смелые и предприимчивые дельцы Сахеля по примеру европейцев отваживались открывать небольшие маслобойные заводы, работавшие на жидком топливе или конной тяге. Накануне первой мировой войны тунисцам принадлежало большинство из 200 маслобойных заводов Сахеля и около 45 маслобоен Сфакса [45, стр. 475]. За исключением маслобойной промышленности, к тому же тесно связанной с сельским хозяйством, вплоть до второй мировой войны тунисцы так и не открыли ни одного сколько-нибудь значительного промышленного предприятия, если не считать двух-трех типографий, нескольких мыловарен, мельницы и кондитерской фабрики [20, стр. 153].

Более уверенно чувствовала себя мусульманская торговая буржуазия. Она довольно быстро сумела приспособиться к новым условиям и даже разбогатеть на развитии внешней торговли. В погоне за прибылью она развернула бурную активность, нередко выходящую за рамки дозволенного бизнеса. Обходя европейские законы и преступая условности мусульманской морали, она занималась спекуляциями и самыми разнообразными ростовщическими операциями. Разбогатевшие коммерсанты устанавливали деловые связи с европейскими фирмами и банками. Особую роль при этом играла тунисская еврейская буржуазия. С первых дней протектората она стала главным посредником между европейской промышленностью и тунисским рынком. Она быстро ассимилировалась, что значительно облегчило ее контакты с европейскими контрагентами [см.: 20, стр. 151—152].

Совершенно иным было положение мелких торговцев и ремесленников. Не располагая кредитом в иностранных банках, мелкие торговцы едва сводили концы с концами и становились легкой добычей безжалостных ростовщиков и оптовых торговцев. С наплывом дешевых фабричных товаров падал спрос на изделия ремесленного производства, которые еще в XIX в. находили сбыт даже за пределами Туниса. Упадок коснулся всех отраслей ремесленного производства, включая художественные промыслы и производство национальной одежды. Постепенное изменение нравов, вкусов и потребностей местного населения, наконец, просто соблазнительная дешевизна потрепанного пиджака и отслужившей свой век шинели лишали ремесленников массовой клиентуры. За 40 лет протектората исчезли целые профессии ремесленников, в городах пошатнулись устои цеховой организации ремесла, в деревнях и кочевьях забывались навыки кустарного промысла. Массовое разорение ремесленников, растянувшееся на многие десятилетия, несло неисчислимые бедствия трудовому населению. Вместе с тем оно имело серьезное социальное значение. По сути дела это была агония средневекового арабского города, торгово-ремесленные кварталы которого превращались в заповедники нищеты, чахоточные трущобы новых европейских городов.

Подавляющее большинство коренного населения жило в деревнях и кочевьях. Основная часть земель принадлежала представителям феодального класса. Хотя при французах он и утратил значение правящего класса, тем не менее сохранил достаточно большое влияние. Особенно заметным оно было в бледе (сельской местности), где феодалы наряду с колонистами чувствовали себя хозяевами положения.

Феодальное землевладение существовало в трех основных формах: мульковых (частновладельческих), хабусных (вакфных) и государственных земель (частный домен династии, бейлик, и имения, находившиеся в ведении бейт аль-маля) [подробнее см.: 9, стр. 3—14]. На Севере господствовало мульковое землевладение ($\frac{9}{10}$ всех земель) с преобладанием хенширов площадью свыше 200 га. Многие помещики имели несколько сот и даже тысяч гектаров (нередко до 5 тыс. га). В степях Центра и на Юге землевладение было представлено в основном гигантскими хабусами и государственными имениями площадью в несколько десятков тысяч гектаров. Однако большая часть пустынных и степных пространств составляла ард ашширк — общинную собственность племен и родовых коллективов (по терминологии французских авторов, «коллективная собственность»). Около городов, в оливководческом Сахеле и в оазисах наряду с феодальным существовало мелкое мульковое землевладение крестьян. Многие из них владели парцеллами с одним-двумя оливковыми деревьями.

Землевладельцы, особенно крупные, не занимались делами своих поместий. Они сдавали их в аренду или перепоручали своим управляющим. Те в свою очередь передавали землю субарендаторам. Вся эта иерархия владельцев, управляющих и арендаторов с многочисленной челядью и родней, разумеется, никогда не притрагивалась к земле, считая труд земледельца зорным и оскорбительным для себя.

Непосредственными производителями в земледелии выступали хаммасы и джеддари, а также издольщики, работавшие в садоводстве и оливководстве на основе контрактов мусакат, мугарасат и шерикат. На помощь им спорадически привлекались аджиры (батраки), главным образом из числа обедневших кочевников.

Джеддари, которых французы за неимением лучшего термина называли «оссурпанта», — это земледельцы, из поколения в поколение жившие на одних и тех же землях и несшие на основе обычая определенные повинности в пользу феодалов. «Безотчетное чувство внутреннего равновесия, — писал некто Альтума, — запрещало гонять их из одного имения в другое» [112, 1925, № 9 бис, стр. 420]. Французские власти колебались между двумя крайними решениями: признать джеддари в качестве крепостных с неполными правами на землю или же разрешить сгонять их с земли, признав полные права частной собственности за владельцами феодальных средневековых латифундий. Вследствие этих колебаний они ничего не предпринимали, и все оставалось по-старому. Лишь на государственных землях они приступили к операциям по «закреплению туземца на земле» (*fixation de l'indigène au sol*), в ходе которых джеддари признавались юридически свободными собственниками обрабатываемой ими земли.

Хаммасы были несвободными издольщиками, прикрепленными к земле и находившимися в долговой кабале у помещика. За свой труд они получали $\frac{1}{5}$ урожая (хумс), из которой регулярно вычитались долги хозяину, дававшему своим хаммасам одежду, питание, жилье, землю, скот, инвентарь и семена. Не расплатившись с долгами, нельзя было уйти от хозяина. Как упоминалось, лишь в 1910 г. французы признали «свободу воли» хаммасов, отменив телесные наказания и заключение в тюрьму за самовольный уход от помещика или невыход на работу.

В начале XX в. хаммасы составляли $\frac{2}{3}$ земледельческого населения [69, стр. 238]. Производительность их труда была ниже всяких возможностей. Они были бездеятельны и безынициативны. Один из младотунисских лидеров, Абд аль-Джелиль Зауш, следующим образом охарактеризовал их образ мышления: «К чему работать? Будет урожай плохим или хорошим, хозяин меня накормит, правда, плохо, но я знаю, что не умру с голоду. Я не стараюсь освободиться; бесполезно делать уси-

лия! Я делаю только минимум работы, чтобы избежать тюрьмы» [45, стр. 492]. Хаммасы ненавидели хозяев и тайно мстили им: ломали инвентарь, морили скот, тащили все, что могли.

Технический и агротехнический уровень традиционного сектора был настолько низок, что не вызывал удивления разве только у самих хаммасов и джеддари. Посевы производились на одной и той же веками истощенной земле. Время и площадь посевов зависели от начала и продолжительности осенних дождей. Прimitивный инвентарь представлял отнюдь не самые блестящие достижения античной сельскохозяйственной техники: деревянная соха с железным наконечником, античный серп, а также джаруша (*tribulum*) и каррита (*plaustrum*), применявшиеся при молотье [подробнее об этих орудиях см.: 20, стр. 128]. Урожайность на полях хаммасов и джеддари была потрясающе низкой, вероятно самой низкой за всю трехтысячелетнюю историю тунисского земледелия. В 1910—1920 гг. урожай ячменя — самой неприхотливой в тунисских условиях культуры — в среднем с 1 га составлял 3,48 ц, твердой пшеницы — 2,86 ц [92, стр. 120—121]. Урожай твердой пшеницы в традиционном секторе редко превышал 3—4 ц с 1 га против 12—15 ц у колонистов. Иногда посевы, особенно в Центре и на Юге, не давали всходов или целиком выгорали.

В начале XX в. в связи с развитием внешней торговли и колониетского хозяйства наметилась тенденция к разложению феодальных отношений и средневековых социальных структур. Земля превратилась в товар. Цены на нее, особенно после 1890 г., быстро поднимались. На Севере за каких-нибудь 10—15 лет они выросли в 5—6 раз. Это побуждало помещиков и владельцев хабусных имений¹ довольно быстро уступать земли. Кроме колонистов их покупали богатые тунисские горожане, в основном коммерсанты, и даже отдельные зажиточные крестьяне. В отличие от представителей старого феодального класса многие из новых владельцев, следуя примеру европейцев, сами стали вести хозяйство. Во всем подражая колонистам, они проводили весеннюю пахоту, вносили удобрения и переходили к применению машин [45, стр. 469]. Накануне войны 1914—1918 гг. в их руках находилось около $\frac{1}{4}$ «французских» плугов и некоторое количество сеялок, жнеек и молотилок [83, стр. 211]. Правда, этот современный тунисский сектор был еще невелик. В 1910—1920 гг. из 960 тыс. га, занятых под зерновыми, на его долю приходилось только 20—25 тыс. га, т. е. чуть больше 2%.

Одновременно с зарождением современного сектора происходил распад традиционных структур тунисской деревни.

¹ Законодательство 1885—1905 гг. подорвало принцип неотчуждаемости хабусных земель, разрешив их приобретать в обмен на обязательство платить вечную неизменную и невыкупаемую ренту (энзель) или даже просто в «обмен» на деньги.

В районах интенсивной колонизации этот процесс протекал особенно быстро. Вместе с феодальным землевладельцем уходили в прошлое феодальные отношения в области производства, имущественных и личных связей. Хаммасат уступал место отношениям найма. Закрепощенные издольщики превращались в юридически свободных батраков, лишенных земли и каких бы то ни было средств существования. «Феодальные пережитки,— пишет по этому поводу исследователь европейской колонизации в Тунисе Жан Понсэ,— в большей части несомненно были уничтожены, но вместе с ними были уничтожены и традиционные связи тунисского крестьянства с землей» [83, стр. 224].

Французская колонизация нанесла также сильный удар по кочевому хозяйству, вызвав кризис кочевого общества, которое в Тунисе длительное время сосуществовало рядом с оседлым обществом. Еще в 1890 г. кочевники составляли примерно $\frac{2}{3}$ сельского населения страны. Они жили в рамках родо-племенной организации, имели свои обычаи и законы, поддерживавшиеся шейхами родов и племен. Они разводили овец и верблюдов, занимались перевозкой товаров, а также набегам и грабежами. В Центре и на Юге кочевники были подлинными хозяевами страны. Они осуществляли «покровительство» над земледельческими поселениями и оазисами, взимая с крестьян различного рода платежи и повинности. Целые районы составляли бед ас-сиба (область мятежа), где власть тунисских беев была чисто номинальной.

С приходом французов все переменялось. Восстания племен были подавлены, их привилегии отменены. Кочевники были подчинены административно-территориальным и военным властям, которые лишили их былых вольностей и строго карали за любое отклонение от французской законности. Власть протектората (вплоть до 1918—1935 гг.) не признавали прав собственности племен на их общинные земли; прогон и выпас стад на летних (северных) пастбищах допускался лишь по согласию с землевладельцами, прежде всего колонистами; за пользование пастбищами кочевников вынуждали вносить ашабу². Все это привело к сокращению и удорожанию пастбищных земель, нарушило традиционные условия существования и развития экстенсивного скотоводческого хозяйства, а также лишило кочевников дополнительных источников обогащения в виде платежей и повинностей с оседлого населения. Более того, сами кочевники в хозяйственном отношении стали зависеть от земледельцев. «Все происходило так,— писалось в одной из позднейших статей,— как если бы оседлое государство приговорило племена к исчезновению» [106, 1955, № 224, стр. 393].

² Ашаба — плата за выпас скота.

В обедневших и ослабевших племенах начался быстрый процесс социального расслоения, который подтачивал и разлагал традиционную родо-племенную организацию кочевников. С одной стороны, росла роль и экономическое благосостояние кайд аль-азибов — руководителей и организаторов выпаса скота, заключавших, в частности, сделки с собственниками пастбищ. С другой стороны, все большее количество кочевников нищало и даже совсем лишалось скота. Эти обедневшие соплеменники периодически отправлялись на заработки, а многие, совершенно отчаявшись, оседали на землю. В связи с разорением и обнищанием племен в период протектората начал меняться сам характер миграций кочевого населения. Из передвижений кочевников, шедших со своими стадами, они все более превращались в сезонные перемещения рабочей силы, направлявшейся на сбор урожая в зерновые и оливководческие районы. «Со времени установления протектората,— констатировал М. Кларк,— летний номадизм изменил свой характер: кочевки со стадами уменьшаются, за исключением очень засушливых лет, тогда как перемещения рабочей силы становятся более значительными и более регулярными» [103, 1952, № 226—228, стр. 135].

Одним из наиболее ярких проявлений кризиса кочевого общества являлось оседание кочевников на землю. Этот процесс, начавшийся вскоре после установления протектората, шел довольно быстрыми темпами. Если в 1890 г., по данным военных властей, насчитывались 81 тыс. шатров и 57 тыс. домов и гурби³ [68, стр. 69], то к 1921 г. положение коренным образом изменилось. В районах Меджез-эль-Баба, Беджи, Сук-эль-Арбы и Тебурсука в долине средней Меджерды количество шатров сократилось с 10,8 тыс. в 1890 г. до 4,3 тыс. в 1921 г., а число домов возросло с 2,8 тыс. до 8 тыс., гурби — приблизительно с 4 тыс. до 27,7 тыс. соответственно [83, стр. 229]. В районах Эль-Кефа, Мактара и Загуана за тот же период число шатров уменьшилось с 10 тыс. до 9 тыс., а количество домов увеличилось с 2,5 тыс. до 12,6 тыс.; количество гурби в 1921 г. достигло 13,7 тыс. [83, стр. 240].

Как видно из этих данных, шатры с каждым годом становились все менее приметной деталью тунисского пейзажа. На смену им шли поселения из гурби. Издали похожие на кучи перепревшей соломы, гурби, веками служившие хаммасу, в XX в. стали настоящим символом колониальной тунисской деревни.

С исчезновением хаммасата и кризисом кочевого хозяйства в бледе начался процесс образования свободного безземельного сельского племса, своего рода деревенского люмпен-про-

³ Г у р б и — примитивные хижины, сложенные из камней (маамра) или веток (киб) и покрытые соломой.

летариата, нищего, неграмотного, постоянно озабоченного поисками хлеба насущного. Быстрыми темпами развивалось бродяжничество. В погоне за куском хлеба и случайным заработком деревенские люмпен-пролетарии переходили с места на место, от одного хозяина к другому. Однако они еще не нашли путей в город. Европеизированные приморские города, загадочные, чужие и неизвестные, отпугивали их, людей блада. За 1890—1921 гг. арабское население Туниса увеличилось примерно в два раза, а арабское население городов по существу оставалось стабильным [83, стр. 279].

Хотя массовое разорение кочевников, обезземеливание хаммазов, бродяжничество и попрошайничество свидетельствовали о наличии в стране скрытой недозанятости, безработицы как социального явления еще не было. Предприниматели постоянно жаловались на нехватку рабочей силы, привлекали рабочих из-за границы [92, стр. 277]. Только полное отчаяние и угроза голодной смерти заставляли бывших кочевников и хаммазов идти на фермы колонистов, на транспорт и в горно-промышленные предприятия.

В начале XX в. из люмпен-пролетарских элементов города и деревни начали формироваться первые кадры тунисского пролетариата. По переписи 1921 г., насчитывалось 110 310 поденных рабочих-тунисцев. Подавляющее большинство их было занято в сельском хозяйстве. По самым приблизительным оценкам, в промышленности и на транспорте работали 30—35 тыс. тунисцев, в том числе около 16 тыс. в горнодобывающей промышленности. Все эти рабочие были еще тесно связаны с деревней, с традициями сельской и кочевой жизни. В большинстве случаев они работали временно. 95% рабочих-тунисцев являлись лицами без определенного места жительства [112, 1925, № 10 бис, стр. 490]. Обычно они работали несколько месяцев в году (максимум восемь-десять), сколачивали какую-то сумму денег, уходили и вновь возвращались на заработки, лишь полностью исчерпав свои мизерные накопления [92, стр. 278].

Для большинства рабочих-тунисцев ежедневный 10—12-часовой рабочий день оказывался выше их физических и моральных сил. Плохо питаюсь⁴ и одеваюсь, страдаю от холода зимой, они не выдерживали длительного напряжения, какого требовала «французская обработка» земли или работа на рудниках и в карьерах. В докладе на заседании Североафриканского конгресса в 1908 г. Абд аль-Джелиль Зауш говорил, что через

⁴ Абд аль-Джелиль Зауш отмечал в 1908 г., что основу питания хаммазов, мелких крестьян, батраков обычно составляли ячмень и кукуруза, немного оливкового масла или молочных продуктов. Лишь в Сахеле и на северо-восточном побережье крестьяне жили лучше и «довольно часто» потребляли мясо и овощи. Поэтому, говорил Зауш, они были пригодны к более продолжительной работе [45, стр. 483].

два-три года службы у колониста тунисец или падал больным или уходил от хозяина. Все это, не говоря уже о естественном стремлении вернуться к привычной обстановке, заставляло тунисских поденщиков бросать работу и искать счастья в другом месте. «Араб,— говорил Зауш,— предпочитает вернуться к хаммасату или возобновить пастушескую жизнь» [45, стр. 460].

Действительно, многие крестьяне покидали районы колонизации и уходили к родным кочевьям или поселялись в районах, где не было колонистов. В докладах Хайраллаха и Сфара на Североафриканском конгрессе 1908 г. отмечался этот процесс вытеснения тунисцев с плодородных равнин Севера [см.: 45, стр. 107, 399]. Со своим примитивным инвентарем, без достаточных средств и навыков, крестьяне осваивали небольшие клочки земли в труднодоступных горно-лесных зонах и безводных степях.

Так постепенно, шаг за шагом, традиционный сектор отступал в горы и засушливые районы Центра и Юга, где был обречен на медленное и мучительное вымирание.

Два общества (европейцы и мусульмане). В результате колонизации в Тунисе образовалось два общества с двумя различными образами жизни. Миру сравнительно чистых и светлых кварталов, зажиточных и благоустроенных ферм противостоял мир городских трущоб, нищих и грязных гурби. Между ними пролегла глубокая пропасть, которую лишь изредка перекрывали тонкие и ненадежные переходы.

Людей, принадлежавших к этим двум мирам, разделял своего рода расовый и социальный барьер, дополняемый религиозными различиями. Недостаточная изученность вопросов, связанных с психологией колонизации, не дает возможности ясно представить, почему этот расовый барьер зачастую оказывался выше классовых перегородок, разделявших как европейское, так и мусульманское общество. Оба общества были почти полностью изолированы друг от друга и соприкасались только в силу необходимости жить на одной земле. Минимальные контакты между ними, как правило, ограничивались сферой деловых отношений и были отравлены взаимной неприязнью и отчужденностью. Причем эта отчужденность исчезала скорее на более высоких, чем на низших, ступенях социальной лестницы, скорее в городах, чем в деревне, где всякие контакты в сфере личных отношений были фактически исключены.

Привилегированное общество составляли европейцы, «белые люди». При всей их социальной и национальной⁵ неоднородности большинство тунисцев воспринимало их как нечто единое, как представителей особой господствующей или руко-

⁵ В 1921 г. из 156,1 тыс. европейцев насчитывалось 54,4 тыс. французов и 84,8 тыс. итальянцев. Были также мальтийцы, русские и греки.

водящей расы. Все европейцы, богатые и бедные, рабочие и капиталисты, атеисты и верующие, воспринимались, особенно в «низах» мусульманского общества, как ненавистные «руми», как наследственные враги ислама. «Отнюдь не заводы, не поместья и не счета в банке,— писал Ф. Фанон,— характеризуют прежде всего „руководящий класс“. Руководящие — это прежде всего те, кто откуда-то пришел, те, кто не похож на автохтонов, другие» [50, стр. 32—33]. Хотя Ф. Фанон сильно и, конечно, не без умысла сгущает краски, тем не менее объединение в сознании, или, скорее, в подсознании, туниscев всех «белых» в какую-то особую привилегированную расу несомненно было объективной реальностью в годы протектората.

Европейцы в Тунисе отличались прежде всего сравнительно высоким уровнем жизни. «Богатый, потому что белый; белый, потому что богатый»,— пишет Ф. Фанон [50, стр. 32—33]. Средний годовой доход туниscкого европейца в 13 раз превышал средний годовой доход туниscкого мусульманина [20, стр. 154]. Европейцы фактически обладали монополией на научные и технические знания, а также на современное образование. Практически все их дети посещали школу и могли получить такое образование, какое позволяли их способности и деньги родителей. Всех европейцев объединяла приверженность к примерно одинаковым моральным и духовным ценностям, выработанным в процессе развития западноевропейской цивилизации. Большинство европейцев было католиками, и многие из них считали своим долгом ревностно проявлять свое благочестие, отмечать христианские религиозные праздники, посещать многочисленные католические церкви и соборы, вместе с ними появившиеся на туниscкой земле.

Чужая и недоброжелательная среда безусловно способствовала сплочению европейцев и распространению среди них «колониcтского духа» с его колониальным патернализмом и чувством расового превосходства. Европейцы были привилегированным меньшинством, каждый на своем социальном уровне, будь то предприниматели, земледельцы, служащие или рабочие. «Государство и предприниматели,— отмечал, например, П. Себа,— ставили европейских рабочих в привилегированное положение как для того, чтобы удержать их на работе, поскольку страна в них нуждалась, так и для того, чтобы оторвать их от остальной массы рабочих-туниscев» [20, стр. 169—170]. Государство давало рабочим-европейцам различные льготы при обзаведении жильем. Горнопромышленные компании строили для них коттеджи с огородами и садами. Все предприниматели, как правило, предоставляли им наиболее чистую и наиболее выгодную работу. Для любого колониального бизнесмена все туниscкие рабочие, независимо от их деловых качеств и навыков, представляли работников второго

или даже третьего сорта и шли вслед за итальянцами и русскими.

Расовая дискриминация существовала не только при приеме на работу, но и при оплате труда. В 1923 г. в горнодобывающей промышленности ежедневная заработная плата составляла 6—25 фр. для европейцев и 4—16 фр. для тунисцев. При этом разнорабочий-европеец получал 6 фр. в день, разнорабочий-тунисец — 4 фр. В сельском хозяйстве заработная плата европейцев варьировала в пределах 7,5—18 фр. в день, тунисцев — 3,5—9 фр. Поденщику-европейцу платили 7,5 фр. в день, поденщику-тунисцу — только 3,5 фр. [112, 1925, № 10 бис, стр. 485]. Служащие-французы на всей территории Туниса получали так называемую колониальную треть — надбавку к жалованью, равную 33%.

Привилегированное положение, обладание научно-техническими знаниями и квалификацией, наконец, сама принадлежность к обществу «белых» порождали среди европейцев сознание силы и расового превосходства. Они до степени предрасудка были убеждены в неполноценности арабов, в их природной лени и неспособности хорошо работать. Европейцы презирали тунисцев и третировали их как «туземцев». Вместе с тем они боялись их. Одинокие колонисты, изолированные в бледе, особенно остро чувствовали окружающую их стену всеобщего недоброжелательства. Этот тайный страх перед «арабской опасностью» в сочетании с расовой спесью рождал у колонистов особый комплекс, «колониистский дух», унаследованный от пионеров алжирской и тунисской колонизации. Ходячая сентенция колонистов: «Если ты идешь по дороге и повстречаешь слева от себя змею, а справа — араба, убей последнего!» или изречение де Карньера⁶: «Сначала убивайте, потом судите» — достаточно ярко характеризуют этот пресловутый колониистский дух.

Поселившись в Тунисе, европейцы считали его чуть ли не заново обретенной родиной, сознательно, а чаще стихийно стремились переделать страну на французский лад, сделать из нее «продолжение Франции». Они всячески поощряли национальную и культурную ассимиляцию тунисских арабов и отказывали им в праве на национальную самобытность, национальную историю и национальную культуру, — одним словом, отказывали им в праве на самостоятельное национальное существование. «Я знаю, — писал Хабиб Бургиба, — что некоторые, да к тому же профессора истории, хладнокровно приравнивают тунисский народ... к краснокожим Америки и папуасам Австралии! Говорят о белом и о цветном населении, забывая, что тунисский народ — народ древней цивилизации, который был

⁶ Де Карньер — один из лидеров французской колонизации в Тунисе на рубеже XIX—XX вв.

славен в то время, когда Франция была только географическим понятием,— по крайней мере такой же белый, как испанцы, итальянцы и провансальцы» [42, стр. 393].

Чувство расового превосходства питало корни колониального патернализма. Он был свойствен почти всем европейцам Туниса, но особенно представителям интеллигенции и высших классов. В наиболее законченном виде колониальный патернализм заключался в сознании европейцами своей «цивилизаторской миссии», в сознании того, что их дела — это благо для тунисцев. Они терпеливо и снисходительно «развивали» арабов и вместе с тем считали, что без их руководства, без их подсказки арабы ничего не сделают хорошо, даже не смогут победить французский империализм. «Поскребите,— говорил Х. Бургиба,— любого француза, самого интеллигентного, самого либерального, самого левого и вы обнаружите человека, уверенного в своем превосходстве» [42, стр. 45]. С колониальным патернализмом у европейцев было тесно связано сознание собственной значительности и незаменимости. Колонисты, писал Ф. Фанон, делали историю и знали, что делают историю. «Если мы уйдем,— считали они,— все будет потеряно; эта земля вернется к средневековью» [50, стр. 40].

Цивилизованному «белому» обществу противостоял огромный мир темного, забитого и униженного мусульманского населения. Тунисцы, если исключить сравнительно небольшой слой крупных землевладельцев и купцов, были бедны и почти сплошь неграмотны. Из каждой тысячи тунисцев только двое могли твердо читать, писать и считать. Остальные находились в состоянии полной или относительной неграмотности. В 1921 г. среди арабского населения насчитывалось 6 врачей, 13 адвокатов, 1 фармацевт и 1 инженер. Повсеместно были распространены различного рода суеверия, вера в джиннов, колдовство и знахарство. Из 100 новорожденных-тунисцев половина умирала в возрасте до десяти лет [112, 1925, № 9 бис, стр. 428].

В отличие от европейцев, автохтонное население Туниса было более однородно в национальном⁷ и религиозном отношении. Наличие бедуинских, деревенских (в Сахеле) и городских говоров не исключало взаимного общения на туниской койнэ — арабском разговорном языке, общепонятном на всей территории страны. Койнэ понимало также около 30% туниских европейцев. Кроме того, образованные мусульмане могли говорить на арабском литературном языке, на котором издавались книги, газеты и многие официальные документы.

Религиозное единство выражалось в общей приверженности тунисцев к суннитскому исламу⁸, основывавшемуся в Тунисе на традициях местного и андалусского маликизма. Му-

⁷ По данным 1921 г., берберский язык сохранило около 20 тыс. жителей Юга, т. е. примерно 1% мусульманского населения Туниса.

⁸ Ибадитские общины на Юге насчитывали всего около 20 тыс. человек.

сульманский модернизм в общем слабо затронул страну, и тунисская элита в целом очень настороженно относилась к реформе ислама, начатой Мухаммедом Абдо и его последователями. Впрочем, официальный ислам был достоянием сравнительно узкой группы грамотных горожан. Вера крестьян и кочевников, или так называемый народный ислам, резко отличалась от ортодоксального вероучения. Она характеризовалась деятельностью религиозных братств и культом святых, под покровом которого сохранялись многочисленные суеверия и пережитки доисламского времени. В деревнях, особенно среди женщин, местные святые нередко почитались больше, чем Аллахом или его посланник [61, стр. 154—155].

В 1922 г. в Тунисе насчитывалось 17 религиозных братств, которые имели 476 завий [34, стр. 244]⁹ с десятками тысяч хванов («братьев»). В ряде местностей в братствах состояла $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ всего населения. Наиболее могущественные братства — Кадирия, Рахмания, Аисауа (Исавия), Арусия, Тиджания — располагали десятками завий и имели значительное влияние на массы. Некоторые из них имели приверженцев в высших сферах, вплоть до бейского двора. Помимо религиозных братств в стране действовали марабуты, имевшие 178 завий, в которых жили приблизительно 40 тыс. потомков и учеников марабутов-основателей. Наконец, 622 куббы¹⁰, разбросанные в различных районах страны, служили объектом пылкого поклонения верующих [см.: 63, стр. 66].

Марабуты и братства, многие из которых были основаны еще в XIII—XV вв., являлись серьезными соперниками улемов и других служителей официального ислама. Впрочем, их взаимное соперничество имело одну цель — держать народ в повиновении и страхе перед днем страшного суда. Оберегая массы от всего нового и уводя их в область бесплодной ненависти к европейцам, марабуты и улемы-консерваторы в конечном счете оказывали неплохую услугу колониальным властям. Они обрекали народ на бессилие. Религиозные школы при мечетях и завиях, даже так называемые современные коранические школы (куттаб асри) и религиозно-богословский университет Аз-Зитуна фактически не давали учащимся никаких знаний, за исключением арабского языка, мусульманского права, богословия и толкования Корана. Познания выпускников Аз-Зитуны в области естественных и общественных наук, говорил Поль Себа, вызвали бы только улыбку у бакалавра-француза. «Империализм,— отмечает в связи с этим П. Себа,— достаточно хорошо приспособляется к культурному консерватизму старых каст» [20, стр. 201].

Значение ислама в общественно-политической жизни Туниса

⁹ З а в и я — пустынь, дервишский монастырь.

¹⁰ К у б б а — небольшое прямоугольное в плане строение с куполом, посвященное памяти того или иного святого.

са в годы протектората, несомненно, снизилось. С отменой в 1883 г. права убежища в завиях марабуты и братства вообще лишились возможности непосредственно вмешиваться в политику. Тем не менее роль марабутов, хванов и официальных служителей культа в общественной и частной жизни тунисцев была еще достаточно велика. Ислам по сути дела определял психологию и мораль подавляющего большинства автохтонного населения. За редким исключением, мусульмане жили вековыми традициями. Сегрегация полов и затворничество женщин были правилом в городах, особенно в зажиточных семьях. Тунисские женщины не только не занимали никаких официальных постов, но формально вообще исключались из общественной жизни. Если они и оказывали какое-либо влияние на ход общественных дел, то только косвенно. Женщины закрывали лицо, редко выходили на улицу и почти всегда в сопровождении родственников или слуг, предпочтительно пожилого возраста.

Жизнь, конечно, не стояла на месте. Влияние европейцев шаг за шагом постепенно проникало в мусульманское общество. Большое значение имел также пример Египта и мусульманских реформаторов, которые мало-помалу находили сторонников даже среди выпускников Аз-Зитуны. На мусульманскую элиту, особенно молодежь, все большее впечатление производили новая египетская литература и публицистика, сочинения египетских богословов и ученых.

Новые веяния охватывали прежде всего города, губительно отражаясь на традиционном укладе старомусульманской жизни. Вместе с новой одеждой и стилем жизни, вместе с новыми привычками, вкусами и модами проникали и новые пороки. В дополнение к проституции, издавна существовавшей в стране, появилось пьянство, которое следует признать благоприобретением колониального периода. Материальные и вообще внешние проявления западноевропейской цивилизации усваивались в мусульманской среде быстрее и легче, чем духовные ценности, которые зачастую становились объектом издевательств и насмешек. «Насилие,— пишет Ф. Фанон,— с которым утверждается превосходство белых ценностей, агрессивность, которая пронизывает победоносное противостояние этих ценностей образу жизни и мысли колонизованных, приводят к тому, что по самой логике вещей колонизованный насмехается, когда наедине с собой мысленно представляет эти ценности» [50, стр. 35].

Исключение из этого правила составляла новая, европеизированная, получившая французское образование интеллигенция, которая ни по знаниям, ни по уровню интеллектуального развития ничем не отличалась от европейской интеллигенции. Она стремилась служить своему народу. Однако система образования и школьная политика французских властей меша-

ли этому. В большинстве школ преподавание велось на французском языке, по французским учебникам и программам. Арабский язык преподавался в качестве иностранного. «Наши предки — галлы...», — учили тунисские дети. Выпускники лицев и колледжей, с горечью признавали тунисцы, хорошо знали даты жизни Хлодвига или Карла Мартелла, но зачастую не могли сказать, когда умер Мухаммед. «Таким образом, — констатировал П. Себа, — получаемое образование скорее открывает тунисскую интеллигенцию от родной среды, вместо того чтобы еще теснее связать ее с нею» [20, стр. 206]. Это, естественно, давало о себе знать и проявлялось в самых неожиданных ситуациях. Городского националиста, писал, например, Ф. Фанон, который говорит по-французски, работает с европейцем и живет в европейском квартале, многие крестьяне рассматривали как «перебежчика», как «продавшегося» иноземцам и, конечно, полностью ему не доверяли [50, стр. 86].

Основная масса мусульманского населения, в частности крестьяне и кочевники, почти не поддавалась новым веяниям и была глубоко враждебна ко всему иностранному. В его среде были нередки проявления религиозной нетерпимости, вспышки марабутического фанатизма. Тунисца, вышедшего из тюрьмы за кражу у европейца, племя нередко встречало с развернутым знаменем и музыкой. В большинстве деревень крестьяне отказывались посылать своих детей во французскую школу [112, 1925, № 6 бис, стр. 226]. Приезду врача, производившему профилактический осмотр населения, почти всегда сопутствовало общее собрание жителей, созываемое силами и попечением полиции [см.: 49, стр. 112].

Колониальный гнет, расовая дискриминация и привилегированное положение европейцев создавали у тунисцев своего рода *complex d'infériorisé*, который Ф. Фанон рассматривает как «туземный коррелятив» европейского сознания превосходства [см.: 48, стр. 98]. Арабы сознавали, что к ним относятся как к «неполноценной» расе, чувствовали себя гонимыми и презираемыми. Они сознавали это повсюду — на улице и в магазине, в государственном учреждении и на приеме у врача. «Мы выносили ужасные страдания, — писал тунисский поэт и публицист Мухаммед Фарид Гази. — Никто не был избавлен от них: ни заслуженный интеллигент, убеленный сединой, насквозь проникнутый гордостью за свои аттестаты, полученные во французских университетах (и нередко женатый на европейке), ни „баляди“ — очаровательный, приветливый и удивительно услужливый буржуа, ни бедный феллах, ни нищий труженик земли, униженный пролетарий, докер из порта или чернорабочий с цементных заводов» [114, 1956, № 123, стр. 1355].

Тунисцы были унижены, но не мирились со своей униженностью. На высокомерие и расовую спесь они отвечали зата-

енной клокочущей ненавистью. Безземельные пролетарии бледа жаждали вернуть земли, занять место колониста и завладеть всем, чего их так долго лишали. Выражая это почти подсознательное желание сотен тысяч обездоленных люмпен-пролетариев Северной Африки, Ф. Фанон писал: «Взгляд, который колонизованный бросает на виллу колониста,— это взгляд сладострастия, взгляд желания. Мечта обладать. Обладать всем: сидеть за столом колониста, спать в кровати колониста, с его женой, если возможно» [50, стр. 32]. В более цивилизованной среде это желание занять место европейца и жить по-человечески преломлялось в различных концепциях национализма и находило выход в борьбе за поправное человеческое достоинство и свободу.

Государственное устройство. Двойственный характер экономической и социальной структуры дополнялся двойственной организацией государственной власти, что нашло свое выражение в существовании двух государственных аппаратов на территории страны. В отличие от других колониальных режимов при протекторате (буквально «покровительстве») завоеватель сохранял местную власть и лишь формально контролировал ее. На деле, особенно при французских традициях «прямого управления», установление протектората означало полную потерю покровительствуемой страной всякой самостоятельности в области внешней и внутренней политики, а также полное подчинение местного административного аппарата иностранному. В силу Бардоского договора 12 мая 1881 г. Тунис утратил так называемый внешний суверенитет, т. е. право поддерживать отношения и заключать договоры с другими государствами. На основании Ла-Марсской конвенции 8 июня 1883 г., в которой впервые официально упоминалось слово «протекторат», Тунис лишился также «внутреннего суверенитета», т. е. права самостоятельно осуществлять власть на территории страны.

По Бардоскому договору бей обязывался «не предпринимать никаких действий, носящих международный характер, не поставив об этом в известность правительство Французской республики и предварительно не проконсультировавшись с ним». На пост министра иностранных дел бей обязан был назначать генерального резидента Франции, который в «ранге министра» представлял в Тунисе французское правительство и от его имени осуществлял надзор за выполнением договора. Бей соглашался на военную оккупацию страны и передавал французскому командованию право устанавливать и поддерживать порядок на тунисской территории. Согласно букве Бардоского договора, эта оккупация являлась временной и должна была быть прекращена, когда «французские и тунисские военные власти придут к обоюдному соглашению, что местная администрация способна гарантировать поддержание

порядка». Франция со своей стороны обязывалась оказывать бею постоянную помощь против «всякой опасности, которая могла бы угрожать личности или династии Его Высочества».

Согласно Ла-Марсской конвенции, бей должен был «приступить к осуществлению административных, юридических и финансовых реформ, которые французское правительство сочтет полезными». Давая одностороннее и небескорыстное толкование конвенции, президент Французской республики декретом от 10 ноября 1884 г. предписывал генеральному резиденту «одобрять от имени французского правительства опубликование и проведение в жизнь в тунисском регентстве всех декретов, изданных Его Высочеством беем» [см.: 20, стр. 212—213].

Теоретически, в соответствии с буквой договоров, Тунис сохранил национальную государственность и вместе с нею все внешние атрибуты суверенитета — флаг, герб, ордена, правительство, суд, администрацию и даже национальную армию численностью около 600 человек. В силу этой формальности генеральный резидент подчинялся французскому министерству иностранных дел, которое в ведомственном плане отвечало за состояние дел в Тунисе. В отношениях с беем и другими тунисскими официальными лицами французские власти старались скрупулезно соблюдать протокольный церемониал.

Юридически Тунис сохранил также монархическую форму правления. Главой государства считался наследственный правитель из династии Хусейнидов, носивший титул «паша, бей, владетель (сахиб) королевства Тунис». Формально ему принадлежала вся полнота законодательной, исполнительной и судебной власти. Фактически он пользовался лишь ее внешними атрибутами. Цивильный лист, покрывавшийся французами за счет тунисского бюджета, позволял бею вести царственный образ жизни. В патриархальной обстановке своего двора он предавался несложным жизненным удовольствиям в традициях и вкусе мелких восточных правителей. Оставаясь символом национального суверенитета для любителей юридической казуистики и старины, бей превратился в чисто декоративную фигуру, никому и ничему не мешавшую.

На деле вся полнота власти принадлежала генеральному резиденту Франции, который, по словам создателя тунисского протектората Поля Камбона, «управляет от имени бея всем Тунисом сверху донизу» [цит. по: 20, стр. 214]. Генеральному резиденту подчинялись командующие французскими морскими и сухопутными силами в Тунисе, которые по совместительству являлись бейскими министрами по военным и морским делам. В соответствии с договорами генеральный резидент разрабатывал и представлял на одобрение бея проекты декретов, обнародовал и проводил их в жизнь, а также издавал акты, затрагивавшие интересы европейского населения. Наконец, генеральный резидент руководил работой тунисского правитель-

ства, назначал и смешал ответственных чиновников французского колониального аппарата.

Тунисское правительство состояло из французских чиновников, возглавлявших на правах министров генеральные управления финансов, общественных работ, просвещения и искусств, почт и телеграфа, экономических дел (земледелия, торговли и колонизации) и безопасности, а также двух бейских министров — великого везира, или первого министра, и министра пера, ведавшего тунисским протоколом. При первом министре имелся Государственный отдел (Section d'Etat), ведавший каидской администрацией, хабусами, мусульманским духовным образованием и религиозными братствами. Особую роль в функционировании правительственной машины играл аппарат генерального секретаря тунисского правительства. Этот французский чиновник, непосредственно подчиненный генеральному резиденту, контролировал и координировал работу всех центральных ведомств и министерств. Без его визы правительственные постановления и важнейшие распоряжения министерств не имели законной силы.

Власть на местах осуществляли французские гражданские контролеры, назначаемые непосредственно генеральным резидентом, и подчиненный им аппарат местной бейской, или каидской, администрации. После установления протектората управление страной было сильно централизовано и перестроено по административно-территориальному принципу вместо ранее существовавшего деления по родо-племенному признаку.

Вся страна была разделена на 37 административно-территориальных единиц — каидатов во главе с каидами — окружными начальниками, осуществлявшими административную, финансовую и судебную власть. Обычно они назначались из среды «крупных земельных собственников и представителей старых и уважаемых семей, которых туземцы привыкли видеть во главе себя» [57, стр. 38]. Каиды располагали отрядами туземной жандармерии, собирали налоги, чинили суд и расправу над местным мусульманским населением. Каидаты делились приблизительно на 600 шейхатов во главе с шейхами (старостами), также назначаемыми властями. Между шейхатом и каидатом находились еще промежуточные инстанции во главе с кахьями и халифами.

Вся эта бейская администрация — каиды, кахьи, халифы и шейхи — отличалась крайней некомпетентностью и продажно-стью. Вплоть до 1924 г. этот аппарат не получал никакого регулярного жалованья и официально вознаграждался пятипроцентными отчислениями от суммы собираемых ими налогов. Разумеется, эти отчисления служили лишь легальным прикрытием для всякого рода злоупотреблений и вымогательств.

При всей своей наглости и грубости в отношениях с тунисцами каиды и другие бейские чиновники, которых, по словам

Ф. Гараса, «выбирали за их податливость, любовь к наградам и мелким выгодам жизни» [54, стр. 56], как правило, заискивали и раболепствовали перед французскими властями. Каиды выступали как смиренные слуги двух господ — местного феодала и иностранного колонизатора. Они и подчинялись по двум линиям: с одной стороны — бею и первому министру, с другой — французскому гражданскому контролеру или офицеру по делам туземцев. По существу каиды являлись низовым звеном французской колониальной администрации, которому поручалась вся грязная работа и непосредственные контакты с местным населением.

Средним звеном, отвечавшим за политическую безопасность, колонизацию и хозяйство, а также за координацию деятельности каидов, была французская администрация гражданского контроля. В 1884 г. Тунис был разделен на 19 округов гражданского контроля, охватывавших от 1 до 3—4 каидатов каждый. Особый режим существовал на военной территории Юга (каидаты Нефзава, Матмата, Ургамма и Удерна), которой управляли офицеры по делам туземцев, стоявшие во главе «туземных бюро». Гражданские контролеры и офицеры по делам туземцев официально не вмешивались в административную деятельность каидов. Они лишь направляли ее и контролировали, имея, впрочем, право, как говорилось в резидентском циркуляре от 22 июля 1887 г., «вызывать их к себе и вести с ними переписку, с тем чтобы отдавать им приказы» [цит. по: 20, стр. 225]. В качестве непосредственных администраторов гражданские контролеры выступали лишь по отношению к европейцам, которые не подлежали юрисдикции бейских властей.

Руководящее положение и численное преобладание французов в правительстве и администрации, французская структура государственных учреждений, наконец, предпочтение, оказываемое французскому языку,— все это делало административный аппарат Туниса по существу французским [см.: 20, стр. 218]. Тунисцев даже не допускали на целый ряд должностей, везде и всюду их оттесняли на второй план. Единственным исключением являлись торжественные церемонии, когда тунисские официальные лица в фесках, с полным набором орденов размещались на самых видных местах.

У тунисцев не только не было решающего голоса в управлении страной, но даже возможности представлять и защищать свои интересы. Консультативная конференция, созданная в 1891 г. как некое подобие представительных учреждений, вплоть до 1907 г. состояла исключительно из одних европейцев. С 1907 г. правительство стало назначать 16 тунисских делегатов, которые в 1910 г. образовали Туземную секцию Консультативной конференции. По образцу алжирских финансовых делегаций она заседала отдельно от Европейской секции. Кон-

сультативная конференция обладала весьма ограниченными правами и фактически выступала лишь как совещательный орган при обсуждении бюджета. Колониальные власти по сути дела сами определяли, кого и по каким вопросам они будут заслушивать. В этих условиях ни о каком действительном представительстве, конечно, не могло быть и речи.

Общественная и политическая жизнь регулировалась стародавними традициями и новыми законодательными актами французских властей. Старое и новое длительное время сосуществовало рядом и, по-видимому, не создавало никакого прочного конституционного правопорядка. Важные принципы, записанные в «Ахд аль-Амане» (Фундаментальном пакте) 1857 г. и конституции 1861 г., так и не были проведены в жизнь. Действие конституции было приостановлено в 1864 г. и в дальнейшем не возобновлялось. На практике европейцы придерживались тех конституционных норм и обычаев, которые они привезли с собой из Европы. Их примеру следовали представители нарождавшейся тунисской интеллигенции и национальной буржуазии. Время от времени власти издавали декреты, санкционировавшие те или иные права граждан. «История вопроса о предоставлении политических свобод в Тунисе,— пишет П. Себа,— сложна и характеризуется робкими продвижениями и стремительными отступлениями. Кроме того, пользование основными свободами всегда было связано с сильными ограничениями правового и фактического характера» [20, стр. 227].

До протектората Тунис не знал института личных и общественных свобод. Расчищая путь для капиталистического развития, французы разработали законодательство о правах. В первую очередь были гарантированы неприкосновенность личности и имущества — этот важнейший принцип буржуазного общества, который Ф. Энгельс охарактеризовал как «первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности» [1, стр. 33]. Впрочем, положение, выдвинутое в уголовном кодексе 1913 г., — «никто не может быть наказан иначе, как в силу определения, содержащегося в ранее изданном законе», — имело и более широкое значение.

Что касается общественных свобод, то власти протектората издали декреты о свободе печати (1884 г.), ассоциаций (1888 г.), митингов и собраний (1905 г.). Эти декреты содержали значительные ограничения правового характера, требуя, например, предварительного разрешения властей на проведение собраний, которые «имеют целью обсуждение политических или религиозных вопросов», а также на создание общественных организаций [см.: 20, стр. 227—232]. Большинство партий и профсоюзов находилось на полулегальном положении: они действовали открыто, не имея на то официального разрешения.

Неграмотность, социальная неразвитость и забитость основной массы мусульманского населения, его политическая неорганизованность, а следовательно, неспособность к коллективной защите своих прав, фактически лишали его возможности пользоваться демократическими свободами. В сочетании с широким применением исключительного законодательства это в значительной мере придавало личным и общественным свободам формальный характер и открывало путь к безграничному произволу, перед которым колониальные власти никогда не останавливались, если речь шла об угрозе позициям Франции, ее правам и прерогативам в Тунисе.

Октябрьская революция как новый фактор мировой истории. Политические и социальные результаты первой мировой войны, особенно революционные события в России, имели всемирно-историческое значение и отразились на судьбах всего человечества. Они означали полный и бесповоротный крах старого мира. Канул в Лету XIX век — золотая пора мирового капитализма и европейского колониального грядущества. Крах величайших военно-монархических империй и целая серия освободительных войн и революций до основания потрясли старый порядок и поставили под сомнение мировую гегемонию Европы. Упадок «старой Европы» В. И. Ленин считал одним из важнейших результатов первой мировой войны. «Старая буржуазная и империалистская Европа, которая привыкла считать себя пупом земли, загнила и лопнула в первой империалистской бойне, как вонючий нарыв» [4, стр. 174].

Коренным образом изменилось соотношение сил на мировой арене. Появилась новая сила — международное революционное движение, направленное против европейского и североамериканского империализма. На Западе одним из первых осознал этот новый поворот в мировой истории Арнольд Тойнби, крупнейший английский историк и мыслитель. Он возвестил о начале нового «конфликта цивилизаций», в котором Запад противостоит всем незападным народам. «Русские, — заметил при этом А. Тойнби, — были безусловно в антизападном лагере и являлись главными героями по ту сторону баррикады» [90, стр. 12]. Если отвлечься от тойнбианской формы выражения мыслей, то А. Тойнби в общем правильно оценил новую расстановку сил в глобальном масштабе. Россия стала центром нового мирового движения, охватившего Китай, Индию, арабо-мусульманский мир, Тропическую Африку, а затем и Латинскую Америку. «В силу ряда обстоятельств, — писал В. И. Ленин, — между прочим, в связи с отсталостью России и с ее необъятным пространством и тем, что она служит рубежом между Европой и Азией, Западом и Востоком, — нам пришлось взять на себя всю тяжесть — в чем мы видим великую честь — быть застрельщиками мировой борьбы против империализма» [2, стр. 318].

Вслед за Россией октябрьский залп «Авроры» поднял на

борьбу Китай, Индию и, что особенно важно для Туниса, мусульманские средиземноморские страны. В марте 1919 г. вспыхнуло восстание в Египте, в 1920 г. — в Ираке. 7 марта 1920 г. Сирийский конгресс в Дамаске провозгласил независимость Сирии. На южных границах Туниса, в необозримых безводных степях Ливии, боролись фанатичные сенуситы. 1 июня 1919 г. итальянское правительство с помпой обнародовало «Статут» (органический закон) Триполитании, который поразил тунисцев как гром с ясного неба. Все эти события, как и антиимпериалистическое движение 1919—1922 гг. в Турции, живо волновали тунисскую общественность. Одни видели в них начало мировой революции, другие — возрождение великой мусульманской державы. И те и другие воспринимали их как сигнал к действию.

В то же время следует подчеркнуть, что в послевоенные годы произошел существенный перелом в настроениях западноевропейской общественности, которая со все возрастающей симпатией и надеждой следила за пробуждением колониальных стран. Сознание религиозной и расовой исключительности постепенно вытеснялось в Европе доктриной равенства рас и народов. Концепция европейского концерта держав уступила место принципам всемирной Лиги наций. Под влиянием Октябрьской революции активизировалось рабочее движение, окрепли левые и демократические силы. Уже в первые послевоенные годы все это принесло национально-освободительному движению большие успехи. И существо дела не меняется от того, что эти новые явления, как и сама игра политических сил на Западе, находились — используя выражение А. Тойнби — за линией горизонта националистических вождей, которые приписывали себе все успехи национально-освободительного движения. Более того, растущая уступчивость метрополий воспринималась ими как признак своей силы и еще более революционизировала Восток.

Историческая заслуга В. И. Ленина состояла в том, что он правильно оценил потенциальные возможности этих различных по своему характеру сил и объединил их в едином потоке мирового революционного движения. В настоящее время международное значение Октябрьской революции и ленинская революционная стратегия получили всеобщее признание в странах Азии, Африки и Латинской Америки. «Мы знаем,— говорил, например, в 1966 г. президент Туниса Хабиб Бургиба,— чем человечество обязано Ленину. Мы знаем также не только о том большом скачке, который совершил Советский Союз после Октябрьской революции, но и о влиянии этой революции на другие страны. Я уверен, что Октябрьская революция в России и та роль, которую СССР сыграл во второй мировой войне, во многом способствовали освобождению поработанных народов...»

Велико также значение идей Великой Октябрьской революции. Для Туниса, как, впрочем, и для других колоний, совершенно особое значение приобрел принцип самоопределения народов. Впервые введенный в 1917 г. революционной русской дипломатией в международное право, он вскоре нашел практическое применение в первых декретах Советской власти и был воспринят президентом США В. Вильсоном, который в послании Конгрессу 8 января 1918 г. сформулировал свои знаменитые 14 пунктов. По выражению Ш. Моншикура (Родд Балека), они тотчас же стали Кораном тунисской молодежи, а право народов на самоопределение — ее исповеданием веры [86, 1920, № 7—8, стр. 227].

Провозглашение на заключительном этапе войны основ нового международного права во многом способствовало формированию национально-государственного самосознания малых народов. Первая мировая война, отмечал в 1933 г. Хабиб Бургиба, имела большое значение в пробуждении национального сознания тунисского народа, когда союзники, чтобы завершить разгром центральных держав, провозгласили принцип свободы народов в определении своей собственной судьбы [42, стр. 32].

Идеи и принципы Октябрьской революции, естественно, по-разному воспринимались в различных странах и в разной социальной среде. Однако везде и всюду они воспринимались как конец старого мира. После перемирия 11 ноября 1918 г., писал Ш. Моншикур, очень многие в Тунисе воображали, что жизнь снова будет такой, какой она была до августа 1914 г. Однако вскоре слепцы прозрели, а оптимисты встревожились. «Становилось ясно, — продолжал Ш. Моншикур, — что Тунис был наиболее слабым местом нашей Северной Африки из-за незначительной численности нашего этнического элемента, из-за европейцев-иностранцев, образующих компактный блок, из-за двусмысленного соседства Триполитании, из-за сотен окон, распахнутых на Египет и Восток, откуда налетали порывы национализма и большевизма» [86, 1922, № 3, стр. 136].

Распространение марксизма и социалистических идей. Рабочее движение. Вести об Октябрьской революции, о взятии власти в России рабочими, солдатами и крестьянами вызвали волну энтузиазма среди французских рабочих, фронтовиков, революционно настроенной молодежи. Неимоверно выросла популярность Французской социалистической партии. Число членов партии увеличилось с 34 тыс. в 1918 г. до 150 тыс. в начале 1920 г. [51, стр. 70]. Образовались новые федерации. Повсюду распространялись революционные издания, листовки, газеты, пропагандировавшие подчас причудливую смесь идей пацифизма, анархизма и социализма.

Вся эта смесь революционных идей и боевых настроений широким потоком хлынула в Тунис. Увлечение левой прессой, особенно «Юманите», в 1919—1920 гг. стало характерной чер-

той тунисской жизни [54, стр. 46]. Молодежь ждала революции, жадно прислушивалась к ее отдаленным раскатам. «Большевизм,— писала 30 марта 1919 г. социалистическая газета „Авенир сосиаль“,— перевернул Россию, дисциплинировал и упорядочил Венгрию. Он победил и приближается к нам»¹. В июне 1919 г. в Бизерте произошло восстание на броненосце «Вольтер», тесно связанное с черноморским восстанием французских моряков в апреле 1919 г. [53, стр. 114].

События в России находили живейший отклик среди молодых революционеров Туниса. Они высмеивали панические страхи буржуазии, которая буквально содрогалась при каждом известии «об ужасах большевистской революции». «Ведь мы действительно боимся, не правда ли?» — иронически писала «Авенир сосиаль», говоря об иллюзорных барьерах, которые воздвигали на пути революции защитники старой Европы. Молодые революционеры разоблачали политику Антанты и с радостью воспринимали вести об успехах революционного движения в России, Венгрии, Баварии. «Интернационал труда,— говорилось в той же газете,— приобретает все больший размах... Преодолевая границы, трудящиеся всех стран договариваются о солидарности и готовности к борьбе за скорейший мир, демобилизацию, возобновление производства, отказ от всяких военных действий против Российской республики». Тунисские революционеры осуждали агрессивную политику Европы в отношении Советской России. Они требовали прекратить интервенцию, заключить мир с Советами и вернуть домой «тунисцев, которые сражались на русском фронте в качестве французских солдат». От имени революционных рабочих, матросов и фронтовиков социалисты Туниса приняли 7 ноября 1919 г. специальную резолюцию, в которой горячо приветствовали Октябрьскую революцию. «По случаю второй годовщины Республики Советов,— говорилось в резолюции,— Тунисская секция Социалистической партии обращается к русским революционерам с братским приветствием и осуждает возмущающие человеческую совесть преступные махинации капиталистического Священного союза» [100, 15.VI, 13.IV и 16.XI 1919].

Волна инстинктивных симпатий к русской революции захватила не только рабочих-европейцев и фронтовиков, но также трудящихся-мусульман и молодежь. Арабы составляли значительный элемент в Тунисской федерации Французской социалистической партии, организационно оформившейся весной 1919 г. 13 апреля в Бизерте состоялся ее первый съезд. Месяц спустя, в мае 1919 г., группа революционной тунисской молодежи образовала молодежную коммунистическую организацию и ходатайствовала о присоединении к III Интернационалу.

¹ Пользуясь случаем, автор выражает глубокую признательность О. В. Богушевичу за предоставленную им возможность использовать его выписки из газеты «Авенир сосиаль» за 1919 г.

Многие тунисцы познакомились с революционными социалистическими идеями непосредственно во Франции. В годы войны в метрополии работало около 30 тыс. тунисских рабочих. Кроме того, 63 тыс. тунисских солдат были призваны в армию и отправлены в Европу. Из них 10,5 тыс. погибли на фронте. Возвратившиеся представляли в социально-психологическом плане совершенно новый тип людей: они критически относились к традиционному укладу старомусульманской жизни и, говоря словами Ж. Берка, «скорее приспособлялись, чем включались в нее снова» [40, стр. 156]. Легко восприимчивые к новым идеям, они дали первые кадры тунисских коммунистов.

Часть тунисцев, особенно традиционалистски настроенные мусульмане, очень сдержанно относились к новым идеям. Ислам официально осудил пропаганду марксизма. 3 мая 1920 г. тунисская газета «Аз-Зохра» («Венера») опубликовала фетву каирского муфтия от 2 июля 1919 г., в которой он осуждал «большевизм», сравнивая коммунистическое учение с доктриной маздакитов [86, 1922, № 2, стр. 82]. Впрочем, осуждение марксистской идеологии не помешало религиозно настроенным националистам пользоваться поддержкой левых партий.

На съезде в Туре, состоявшемся 25—30 декабря 1920 г., Французская социалистическая партия раскололась. Большинство ее высказалось за присоединение к III Интернационалу, меньшинство образовало Социалистическую партию (СФИО). Соответственно раскололась и Тунисская федерация, которая, по данным на 30 сентября 1920 г., насчитывала 300 членов [78, стр. XII]. Тунисская делегация на съезде располагала девятью мандатами. Из них за резолюцию Кашена — Фроссара о присоединении к III Интернационалу было подано шесть мандатов [78, стр. 116].

Меньшинство, вдохновителями которого были Дюран-Анльивьель и Коэн-Хадриа, образовало Тунисскую федерацию СФИО. В лучшие времена она насчитывала лишь несколько сот членов, но пользовалась влиянием, далеко выходящим за рамки собственных ячеек. Социалисты руководили профсоюзным движением. В 1921 г. они приступили к изданию еженедельной газеты «Тюнис-социалист», в которой знакомили читателей с французским рабочим и социалистическим движением, критиковали европейское капиталистическое и традиционное мусульманское общество.

Большинство революционно настроенных тунисских социалистов образовали Тунисскую федерацию Французской коммунистической партии (ФКП). Численность федерации в 1921 г. составляла 200 человек, а по данным на июль 1922 г., — 300 [76, стр. 18, 102]. Она имела секции в городах Тунисе, Ферривиле (ныне Мензель-Бургиба), Бизерте, Сусе, Ла-Гулете. На $\frac{3}{4}$ федерации состояла из тунисцев-мусульман [32, стр. 662,

705]. Однако большинство руководящих постов принадлежало европейцам. Генеральным секретарем федерации и вождем тунисских коммунистов был горный инженер Робер Лузон, в качестве капитана зуавов участвовавший в первой мировой войне. При расколе коммунисты сохранили за собой центральный орган федерации — газету «Авенир сосиаль», основанную 9 марта 1919 г. Одним из ее главных руководителей был Финидори, видный и наиболее активный коммунист столицы, бывший служащий муниципалитета. 24 октября 1921 г. компартия приступила к изданию газеты на народном арабском языке «Хабиб аль-Умма» («Друг народа»). Ее редактором и издателем являлся Мухтар аль-Айари, бывший железнодорожник, фронтовик, награжденный военным крестом. На 16-м номере власти закрыли газету, но она продолжала выходить под разными названиями: «Хабиб аш-Шааб» («Друг народа»), «Ан-Насир» («Заступник»), «Аль-Мазлум» («Угнетенный»), «Аль-Басир» («Прозорливый»), «Аль-Хабир» («Сведущий»), «Аль-Мехезум» («Бесправный») [см.: 99, 1921, № 12; 1922, № 2, стр. 81].

Через партийные газеты, листовки и брошюры коммунисты развернули энергичную пропаганду идей Октябрьской революции, разоблачали империалистическую систему колониального рабства, призывали к ниспровержению капиталистического строя, к передаче заводов рабочим, земли — крестьянам. На книжном рынке появились арабские переводы марксистской литературы. Широкое распространение имели французские издания Маркса, Энгельса, Ленина. Робер Лузон еще в 1919 г. призывал молодежь изучать речи и статьи В. И. Ленина, про которого он говорил, что «Маркс и Петр Великий совместились здесь в одном лице» [100, 9.XI.1919]. На страницах партийной печати он рекомендовал коммунистам относиться к статьям В. И. Ленина как к практическому и теоретическому руководству по организации пролетарской власти. В июне 1919 г. в Тунисе была опубликована первая советская конституция, принятая на V Всероссийском съезде советов 10 июля 1918 г. В «Авенир сосиаль» и «Хабиб аль-Умма» ставились вопросы о характере и природе Советской власти, о диктатуре пролетариата, о рождении нового общества, где труд становился обязанностью каждого, а отказ от него влек за собой общественные санкции.

Новые идеи горячо обсуждались в узких революционных кружках и в широкой аудитории кафе. Радио еще не было, и посетители слушали громкую читку газет. Новые идеи об эволюции человека, производства и общества захватывали воображение, особенно романтически настроенной молодежи. Сопоставление нового и старого, простое сравнение положения в Тунисе и в Европе будило мысль и вместе с ней решимость к революционному действию [см.: 39, стр. 14].

Другим важным каналом распространения социалистических идей было профсоюзное движение. Первые профсоюзы возникли в Тунисе еще в 1894 г. Однако они объединяли лишь одних европейцев. Рабочие-мусульмане — хотя первая маевка с их участием состоялась в 1904 г.— фактически держались в стороне от профсоюзного движения. Положение коренным образом изменилось после войны. В условиях общего подъема революционных настроений тунисские рабочие стали активно поддерживать существовавшие в стране французские профсоюзы и вместе с рабочими-европейцами создавать новые. В 1919 г. эти профсоюзы, действовавшие полужуридически, объединились в тунисское Департаментское объединение профсоюзов Всеобщей конфедерации труда (ВКТ). Руководство в нем принадлежало европейцам, в основном правым социалистам, во главе с Дюрелем, преподавателем лицея Карно. В 1924 г. в Департаментское объединение входили уже 56 профсоюзов.

При всем своем реформизме профсоюзы Дюреля стали серьезной школой классового самосознания для тунисских рабочих. Многие из них, особенно пришельцы из дальних деревень и кочевий, на профсоюзных собраниях и митингах впервые слышали призывы к освобождению труда, к свободе, равенству и братству. Профсоюзные лидеры, вспоминает тунисский революционер, поэт и публицист Тахар аль-Хаддад, говорили, «что вера рабочих — это труд, враг этой веры — капитал, что между ними (рабочими.— Н. И.) не может быть никаких расовых или религиозных различий, которые лишь разрывают узы их союза, и что пользуется этим капитал как отдушиной, чтобы разобщить их и обречь на неудачу их усилия» [30, стр. 27]. Эти речи, отмечает Тахар аль-Хаддад, производили глубокое впечатление на рабочих-мусульман.

Тунисцы не ограничивались ролью простых слушателей и наблюдателей. Они активно участвовали в жизни и борьбе французских профсоюзов, на практике учились пролетарской самоорганизации и накапливали опыт классовой борьбы. Первые забастовки в Тунисе состоялись в 1900 г. В послевоенные годы они приняли особенно широкий размах. Об этом свидетельствуют следующие данные [88, стр. 480—481]:

Год	Число забастовок	Число охваченных предприятий	Число бастующих
1919	14	104	4047
1920	6	9	5520
1921	6	101	2254
1922	9	248	1593
1923	6	25	1227
1924	16	149	2208
1925	15	73	3170
1926	10	36	728

Статистика показывает, что наиболее массовый характер забастовочное движение носило в 1919—1920 гг. В эти годы оно охватывало крупные предприятия, где рабочие были лучше организованы и поэтому первыми начали борьбу за профсоюзные права, повышение заработной платы и сокращение рабочего дня. За ними поднялись рабочие более мелких предприятий. В 1920 г. бастовали железнодорожники, горняки, трамвайщики. Много шуму наделала забастовка рабочих мукомольных заводов в ноябре 1921 г. Власти были даже вынуждены обратиться к военному командованию, чтобы организовать подвоз муки из Марселя [40, стр. 17].

Хотя многие забастовки кончились неудачей, в целом рабочие достигли значительных успехов. Они добились распространения на Тунис ряда социальных законов метрополии, в частности положений французского законодательства о несчастных случаях на производстве (с 15 марта 1921 г.), о найме на работу и еженедельном дне отдыха (с 20 апреля 1921 г.). Наиболее ожесточенная борьба развернулась вокруг французского закона 1919 г. о 8-часовом рабочем дне. Власти упорно держались за бейский декрет от 15 июня 1910 г., который предусматривал 10-часовой рабочий день с многочисленными исключениями, позволявшими предпринимателям увеличивать его длительность до 11—12 часов, хотя к этому времени в Тунисе в большинстве отраслей фактически установился 8—9-часовой рабочий день. В металлургии, в строительстве, в деревообрабатывающей промышленности, на портовых работах в результате забастовок хозяева согласились на 8-часовой рабочий день. На железных дорогах был введен 9-часовой рабочий день. Лишь в горнодобывающей промышленности рабочих постигла неудача, и здесь сохранился 9—10-часовой рабочий день.

Существенным недостатком социального прогресса первых послевоенных лет являлся отказ властей признавать профсоюзные права трудящихся. Хотя профсоюзы существовали и даже имели контакты с администрацией, правительство протектората не признавало за рабочими легального права на объединение в профсоюзы. Между тем «признание профсоюзного права,—отмечал еще Леон Жуо,—являлось необходимым условием развития всякого социального законодательства» [цит. по: 112, 1925, № 10 бис, стр. 483].

Рабочее движение, пропаганда социализма, особенно распространение идей Октябрьской революции, серьезно обеспокоили власти протектората. Они обрушились на коммунистов с градом репрессий. 4 января 1922 г. после двухмесячной борьбы была окончательно закрыта газета «Хабиб аль-Умма». Одновременно были арестованы Р. Лузон, Мухтар аль-Айари и сотрудник «Авенир сосиаль» Энрико Коста [99, 1922, № 2, стр. 81—82, 107]. Лузон был приговорен к шести месяцам тю-

ремного заключения, а затем выслан во Францию. 21 апреля 1922 г. власти арестовали редактора «Авенир сосиаль» Марселя Жубера. В мае 1922 г. по приказу правительства Р. Пуанкаре была распущена «Тунисская секция Коммунистического Интернационала» [99, 1922, № 6, стр. 306].

Последняя акция вызвала серию протестов со стороны ФКП. По поручению ее Руководящего комитета и парламентской группы Андре Бертон, который в 1920—1932 гг. был одним из лидеров ФКП, выехал в Тунис. 9 июня 1922 г. в г. Тунисе он созвал массовый легальный митинг и торжественно заявил о восстановлении Тунисской федерации ФКП. Следует, однако, подчеркнуть, что Тунисская коммунистическая партия как марксистско-ленинская организация революционеров нового типа в эти годы так и не была создана. Партия Лузона — Финидори не имела четкой и дисциплинированной организации с централизованным партийным аппаратом. В ней были сильны пережитки анархизма и революционного романтизма. Укоренившиеся в ней троцкистские и анархо-синдикалистские тенденции мешали ее «большевизации» и реорганизации на принципах международного коммунистического движения.

При всех своих слабостях деятельность тунисских федераций СФИО и ФКП имела огромное значение, положив начало массовому распространению социалистических идей в стране. Пропаганда социализма, подчас наивная и исходившая из разных и противоречивых источников (марксизм, анархо-синдикализм, жоресизм), тем не менее находила живой отклик в массах, особенно среди революционной молодежи, которая познакомилась с новейшими социально-политическими учениями Европы и с европейскими формами политической организации и борьбы. Наконец — и это очень важно — коммунисты, социалисты и руководимые ими профсоюзы преодолевали существовавшие в стране религиозно-расовые барьеры и служили своего рода связующим звеном между «белым», европейским населением и традиционным, мусульманским обществом.

Таальби и новая стратегия мусульманских националистов. Результаты войны и новая обстановка, складывавшаяся в стране, заставили националистов в корне пересмотреть свою стратегию, покоившуюся на довоенных концепциях панисламизма. В годы войны младотунисские лидеры делали ставку на победу кайзеровской Германии. Али Баш-Хамба, один из наиболее видных и популярных вождей младотунисской партии, основанной им в 1907 г., находился в эмиграции в Стамбуле. Он болезненно переживал отрыв от родины и по мере возможностей поддерживал конспиративные связи с ней, а также с тунисской эмиграцией в Берлине и Женеве, где его брат Бешир в 1916—1918 гг. издавал журнал «Ревю дю Магреб». Дважды — осенью 1915 г. и весной 1916 г. — он пытался организовать восстания на тунисском Юге, координируя дей-

ствия повстанцев с действиями сенуситов. Оба выступления, в которых участвовали в основном кочевники, были разгромлены. Погибло несколько тунисских офицеров, которые отправлялись на помощь повстанцам, высаживаясь с немецких подводных лодок на пустынных побережьях Триполитании и Южного Туниса. Никаких результатов не дали также дипломатические демарши в Берлине, Вене и даже Гааге, имевшие целью обеспечить международное признание Объединенной североафриканской республики (Барка, Триполи, Тунис, Алжир и Марокко) [28, стр. 78—80].

Неудачи и промахи побудили националистов отказаться от всякой мысли о вооруженной борьбе; победа же Франции и разгром центральных держав развеяли последние надежды на достижение независимости с помощью иностранного оружия. В 1918 г., когда чаша весов окончательно склонилась в пользу Антанты, националисты осознали полную бесперспективность проводимой ими политики. Надо было искать новые пути.

Первый шаг сделала эмиграция. В сентябре 1918 г. «Ревю дю Магриб» обратился к союзникам с меморандумом, в котором излагались национальные требования Алжира и Туниса. 2 января 1919 г. Комитет за независимость Алжира и Туниса направил телеграмму президенту США Вильсону [86, 1920, № 9—10, стр. 280]. Эти демарши, однако, не имели никаких последствий. Союзники совершенно не были заинтересованы в диалоге с эмигрантскими центрами, которые к тому же доживали свои последние дни. Еще в ноябре 1918 г., в день вступления союзных войск в Стамбул, умер Али Баш-Хамба. Два года спустя в Берлине скончался его брат Бешир.

Большинство младотунисских вождей еще до войны получили амнистию и мирно жили в Тунисе. Они имели обширные связи в кругах столичной мусульманской буржуазии. Их социальной опорой были богатые мусульманские фамилии, городской патрициат традиционного мусульманского общества. Он включал, по терминологии Л. К. Брауна, «религиозное руководство, или улемов; религиозно-судебное руководство, или муфтиев, кадиев и адулов (нотариусов); видных купцов; лидеров наиболее почитаемых ремесел; неофициальных лидеров различных кварталов города» [67, стр. 41]. В отличие от аристократии, имевшей длительный опыт общения с европейскими дипломатами и деловыми людьми, а также в отличие от рабочих и нарождавшейся интеллигенции, которые зачастую работали бок о бок с европейцами, эта мусульманская буржуазия была менее всего восприимчива к западным веяниям. Источником вдохновения для нее служила египетская научная и богословская литература. В ее среде были широко распространены идеи арабского и мусульманского единства [63, стр. 67].

Наиболее видным представителем этих кругов в первые

послевоенные годы стал шейх Абд аль-Азиз Таальби. В отличие от большинства лидеров младотунисской партии — либерально настроенных аристократов, получивших французское образование, он не знал европейских языков и много раз подолгу жил на Востоке. Он родился в г. Тунисе в 1875 г. в семье адула; воспитывался дедом — алжирским кади, который покинул родину во времена Бюжо, так как не хотел жить под властью немусульманского правительтва. По словам Амина Саида, Таальби унаследовал от деда «возвышенные принципы и знание Корана» [28, стр. 363]. В 1896 г. Таальби окончил религиозно-богословский университет Аз-Зитуна, сотрудничал в арабских газетах Туниса, в 1898—1902 гг. совершил путешествие на Восток — в Турцию и Египет. Он всецело находился под обаянием идей Джамаль ад-Дина аль-Афгани и Мухаммеда Абдо. Подвергаясь преследованиям со стороны религиозных консерваторов, Таальби в 1904 г. опубликовал книгу «Дух Корана», в которой призывал мусульман порвать с косностью и застоём, а заодно опровергал выдвинутые против него обвинения в неверии. В 1907 г. он примкнул к младотунисцам и лояльно сотрудничал с ними, хотя и не разделял полностью их взгляды. После кратковременной эмиграции в 1911—1913 гг. Таальби возвратился в Тунис и целиком ушел в частную жизнь [см.: 28, стр. 363—367; 96, стр. 67, 98—101].

«Округлый, с цветущим лицом, скорее бонвиван, чем апостол», по мнению Родд Балека [86, 1922, № 2, стр. 83], шейх Таальби был верным последователем Мухаммеда Абдо. «Он,— пишет Никола Зияде,— принимал жизненность ислама как нечто само собой разумеющееся и, подобно другим искренним мусульманам, полагал, что мусульмане пришли в упадок лишь тогда, когда стали забывать свою веру» [96, стр. 101]. Мухамед Фадель бен Ашур в своей книге «Идейно-литературное развитие Туниса» (Каир, 1956) характеризует Таальби как «религиозного вождя и социального реформатора», который рассматривал Тунис как «часть мусульманской восточной структуры».

Ближайшее окружение Таальби составляли Мухаммед Рийахи, потомок марабутов, занимавший скромный пост по ведомству хабусов; Салах бен Яхья, мозабит², в 1910 г. приехавший в Аз-Зитуну и оставшийся при ней; Фархат бен Айад, отпрыск довольно известной, но обедневшей мусульманской фамилии г. Туниса. Большие услуги группе оказывал Ахмед Сакка, сын и племянник каида, адвокат, большей частью живший в Париже, где он служил секретарем у одного из левых депутатов [см.: 96, стр. 92; 40, стр. 18].

Вместе с ними к активной политической деятельности вер-

² Мозабиты — выходцы из Мзаба (район алжирской Сахары), составлявшие обособленную группу населения Северной Африки.

нулись Хасан Геллати, адвокат, алжирец по происхождению; Ахмед ас-Сафи, адвокат; Мухаммед Номан, адвокат; Али Кахья и Садок Змерли. Все они были выходцами из той же социальной среды, что и Таальби, но многие получили французское образование.

11 ноября 1918 г. весь этот цвет традиционной мусульманской буржуазии собрался на совещание в доме Али Кахьи. Их волновал один-единственный вопрос: что делать в создавшейся обстановке? Совещание длилось около недели, и в конце концов его участники, как и эмигранты, пришли к заключению, что после поражения Германии дальнейшая судьба Туниса зависит исключительно и только от Франции. Из этого они сделали вывод, что надо в корне изменить старую политику, установить взаимопонимание с Францией и выработать новый курс, соответствующий новой международной обстановке. 14 пунктов президента Вильсона оказались как нельзя более кстати, чтобы привлечь внимание союзников и развернуть пропаганду в пользу освобождения Туниса. На тот случай, если это окажется невозможным и Франция не возвратит Тунису «его права и суверенитет», было решено требовать безотлагательного проведения реформы управления. С этой целью был выдвинут лозунг восстановления дестура (конституции) 1861 г. Если и это окажется невозможным, то участники совещания договорились предпринимать все возможные действия для удовлетворения максимальных требований [см.: 28, стр. 359—360; 96, стр. 90].

В социально-политическом плане среди мусульманских националистов вскоре выявились три течения: 1) экстремисты во главе с Таальби; 2) центристы, или чистые конституционалисты, во главе с ас-Сафи, в общем и целом склонявшиеся к Таальби; 3) оппортунисты во главе с Геллати, которые считали, что лучшим путем для достижения намеченных целей являлись постепенные реформы в сотрудничестве с Францией. В отличие от Таальби группа Геллати была теснее связана с деловыми кругами, поддерживала экономические требования национальной торговой буржуазии и стремилась, говоря словами Родд Балека, к созданию торгово-промышленного капитализма [86, 1922, № 2, стр. 84]. Группы ас-Сафи и Таальби, напротив, были ближе феодально-помещичьим кругам и мусульманской духовной иерархии.

В тактическом плане мусульманские националисты решили добиваться прямых контактов с французским правительством в метрополии и с этой целью осуществить нажим через Парижскую мирную конференцию и президента Вильсона. Дополнительно они решили заручиться поддержкой влиятельных людей в Париже, в том числе в парламентских и журналистских кругах. При этом они сочли возможным использовать помощь сначала левых социалистов, затем коммунистов. К этому их скло-

нить было нетрудно, замечает Родд Балек, во всяком случае гораздо легче, чем убедить в том, что «хаммасу следует отдавать пять пятых плодов земли» [там же, стр. 82]. Впрочем, коммунистические связи Таальби вызывали к нему определенное предубеждение со стороны людей его же собственного круга. «Его,— писал Родд Балек,— мало уважали как человека [там же, стр. 83].

«Тунис-мученик». В 1919 г., вскоре после созыва Парижской мирной конференции, мусульманские националисты приступили к осуществлению принятых решений. Президенту Вильсону был направлен меморандум о требованиях тунисской нации. В марте — июне 1919 г. основные тезисы меморандума появились в социалистических газетах «Попюлер» и «Юманите». В кулуарах конференции действовал Ахмед Сакка, к которому в июле 1919 г. присоединился и Абд аль-Азиз Таальби с группой своих сторонников. Перед отъездом из Туниса он посетил бея и просил его восстановить конституцию 1861 г. [96, стр. 91].

В Париже Таальби и его друзья, которым активно помогали тунисские студенты, обучавшиеся во Франции, развернули бурную пропагандистскую кампанию. Они посещали редакции газет, отдельных журналистов и парламентариев, устраивали встречи и распространяли всякого рода материалы, стремясь привлечь к себе внимание французской общественности. Они нашли благожелательный отклик среди радикалов и социалистов всех оттенков, но не добились постановки тунисского вопроса ни на Парижской мирной конференции, ни во французском парламенте.

Видя тщетность своих усилий, группа Таальби решила, по-видимому, начать открытую полемику. В начале 1920 г. в Париже она подготовила и опубликовала памфлет под выразительным названием «Тунис-мученик»³. В 14 главах этого шумевшего памфлета более чем на 200 страницах авторы раз-

³ Памфлет «Тунис-мученик» был опубликован анонимно, и это сразу же породило многочисленные и разноречивые толки о его авторе. А. Бертон заявил на страницах «Юманите», что автором памфлета являлся не кто иной, как сам шейх Таальби. Родд Балек подверг сомнению это утверждение, указав, что автор памфлета достаточно хорошо владеет французским языком, зная все его тонкости и возможности. Арабские газеты Туниса называли в качестве автора некоего Хасана Камела, египетского журналиста, работавшего в газете «Аль-Джамиа» («Общность»). Ф. Гарас считал подлинным автором памфлета Ахмеда Сакку. Другие полагали, что пафлет действительно мог быть написан Таальби и его друзьями, а затем переведен и отредактирован Ахмедом Саккой. Во всяком случае он выражал мнение экстремистской группы Таальби. В таком случае, отмечает Никола Зияде, вопрос о его авторстве не имеет существенного значения. Можно полностью согласиться с Н. Зияде, что памфлет «выражает коллективное мнение многих людей, которые в то время участвовали в национальном движении с Таальби как движущим умом» [см. об этом: 86, 1920, № 9—10, стр. 281—282; 96, стр. 103].

вернули резкую, хотя и несколько наивную критику колониального режима, противопоставляя золотой век беев-реформаторов мрачным дням французского господства. Авторы заявляли, что после блистательного прогресса предоккупационных лет наступила эпоха застоя и упадка. Из свободной и процветающей страны Тунис превратился в мученика, угнетаемого Францией. Заклеймив режим протектората, памфлет как бы призывал вернуться назад, к идеализированным дням бейской монархии, к «Ахд аль-Аману» и конституции 1861 г.

В заключение памфлет выдвигал следующие требования тунисского народа:

натурализация⁴ всех лиц, родившихся в Тунисе или проживших в нем более десяти лет;

равенство всех перед законом и равное пользование основными правами и свободами. «Народ должен пользоваться правом частной собственности, и правительство должно полностью прекратить позорную практику конфискации собственности»;

восстановление прав и прерогатив бейской фамилии; передача исполнительной власти бею и его министрам, которые должны отчитываться перед Верховным советом (представительным органом, предусмотренным конституцией 1861 г.);

образование Верховного совета, как предусматривалось конституцией 1861 г., в составе 60 членов, исключительно тунисцев;

реорганизация судебной системы, обеспечивающая должное функционирование шариатских и гражданских судов;

обязательное начальное образование на арабском языке, сохранение французского языка в средней и высшей школе, предоставление стипендий для обучения за границей;

проведение земельного кадастра с регистрацией земель по системе Торренса и признание земельных прав племен. Полная свобода частного предпринимательства, создание банков для финансирования сельского хозяйства, торговли и промышленности; покровительство властей в деле организации предприятий;

предоставление рабочим и служащим права на объединение в профессиональные ассоциации и союзы. Развитие здравоохранения и социальных услуг [96, стр. 106—108].

В большинстве своем эти требования повторяли соответствующие положения «Ахд аль-Амана» 1857 г. и конституции 1861 г. и были направлены преимущественно против колонистов и французской сельскохозяйственной колонизации. Народ «Туниса-мученика» предстает в основном в образе теснимого земельного собственника. Это, очевидно, и дало основание Родд Балеку говорить о стремлении Таальби восстановить мусульманский религиозный и аграрный феодализм, возродить

⁴ В данном случае принятие тунисского гражданства.

прежнюю гегемонию землевладельцев [86, 1922, № 2, стр. 84].

Тем не менее при всей своей оторванности от народа выраженная в памфлете тоска о потерянном рае, о либеральной конституции и счастливых днях независимости нашла широкий отклик в угнетенной и страдающей стране. И хотя в памфлете не содержалось требований об отмене протектората и неравноправных договоров, его общая антифранцузская настроенность была созвучна эпохе. Тунисский народ жаждал перемен, и лозунг «назад к дестуру», к национальной независимой упорядоченной жизни, стал «эффективным эмоциональным символом для всех тунисцев» [67, стр. 43].

Вскоре после выхода в свет власти запретили «Тунис-мученик», который первоначально предназначался для французских и вообще иностранных дипломатов, журналистов и политиков, циркулировавших в кулуарах Парижской мирной конференции. Однако о нем узнали, тайно переправляли в Тунис, распространяли из-под полы и с жадностью читали. «Тунис-мученик» не на шутку встревожил колонистов, которые в один голос заговорили о Таальби, как об опасном экстремисте, желающем «сбросить французов в море».

Широкое распространение и популярность памфлета идеологически подготовили создание на базе прежних младотунисских организаций новой, откровенно антизападной, исламофильской и социально-консервативной националистической партии, которая в первые послевоенные годы в условиях полной политической неорганизованности и отсталости масс возглавила национально-освободительное движение в Тунисе.

Борьба за хабусы (вакфы) и создание партии Дестур. Дестуровская пропаганда, как и социалистическая, первоначально ограничивалась столичными кафе и медуинами крупных городов. Неожиданно она получила мощное подкрепление в виде широкого движения в защиту хабусов и вскоре фактически сомкнулась с ним. Это движение, антиколониальное в своей основе, возникло в связи со слухами о реформе частных хабусов, воспринимавшейся в народе как очередное посягательство неверных на священный шариат и земельные права тунисцев.

В 1919 г., желая оживить колонизацию и передать в распоряжение французов новые земли, правительство протектората решило приступить к разработке декрета «об обмене на деньги» частных хабусов [57, стр. 191]. Средства, необходимые для поддержки и развития колонизации, оно решило получить, выпустив от имени тунисского государства заем на 250—265 млн. фр. При этом, как всегда, власти рассчитывали на обычное послушание мусульманских верхов. Однако то ли непредусмотрительность нового генерального резидента Этьена Фландена (1918—1921 гг.), то ли смерть в 1919 г. «папаши» Руа, в течение десятилетий возглавлявшего генеральный секре-

тариат тунисского правительства и умевшего ладить с бейской администрацией, но механизм неожиданно отказал. «Старые тюрбаны» — вся эта традиционалистски настроенная официальная иерархия консервативного мусульманского духовенства воспротивилась намечавшейся реформе и даже возглавила движение недовольства. Арабскую печать заполонили статьи в защиту хабусов. Температура антифранцузских настроений резко пошла вверх.

В этих условиях на почве общей вражды к реформе частных хабусов произошло примирение, а затем и быстрое сближение официального духовенства и лидеров мусульманского национализма. Объективно этот блок придал всему национальному движению еще более исламофильский и клерикальный характер и укрепил в нем позиции сторонников Таальби.

24 февраля 1920 г. в г. Тунисе состоялась массовая демонстрация протеста против реформы хабусов. Власти, и без того обеспокоенные социалистической и дестуровской агитацией, поспешили пойти на попятную и заверили лидеров национализма, которые встретились с генеральным резидентом Фланденом, что частные хабусы останутся нетронутыми [см.: 96, стр. 92]. Примерно тогда же они пошли навстречу и другим социально-экономическим требованиям столичной буржуазии и землевладельцев. Отвечая «пожеланию, с давних пор высказываемому Туземной секцией Консультативной конференции» [57, стр. 53], власти разрешили создать 21 января 1920 г. Туземную сельскохозяйственную палату Северного Туниса и 6 марта 1920 г. Туземную торговую палату г. Туниса. Члены палат назначались правительством из списка кандидатов, избираемых сельскими хозяевами и коммерсантами, и получили право высказывать свое мнение правительству. Одновременно была несколько ослаблена цензура печати.

Этим воспользовались националисты и объявили о воссоздании своей политической организации. Пока группа Таальби, которую Амин Саид не очень определенно называл Национальной партией (Хизб аль-ватани) [28, стр. 360], занималась пропагандой в Париже, Ахмед ас-Сафи, Геллати и их сторонники восстановили в Тунисе подпольную организацию, к которой примкнуло большинство младотунисских лидеров. В феврале 1920 г.⁵ они распространили манифест, в котором открыто объявили об образовании Тунисской партии свободы (Хизб аль-хурр ат-туниси). Вскоре — в соответствии с основным лозунгом национально-освободительного движения — она стала называться Тунисская конституционная (или дестуровская) партия свободы (Хизб аль-хурр ад-дестури ат-туниси) или — во французском варианте — Тунисская либерально-конституци-

⁵ Ряд арабских авторов дает другую дату образования партии: 17 рамадана, т. е. 5 июня, 1920 г. (Тахар аль-Хаддад); рамадан 1340, т. е. апрель 1922 г. (Амин Саид) и т. п.

онная партия. Значительно большее распространение получило ее упрощенное наименование — партия Дестур, или дестуровская партия⁶.

Манифест Тунисской партии свободы [см.: 112, 1925, № 6 бис, стр. 222—223] в качестве конечной цели объявлял «освобождение тунисской страны от цепей рабства» и призывал бороться в первую очередь за «конституцию, которая даст народу возможность самоуправления в соответствии с нормами, выработанными наиболее справедливыми друзьями человечества и одобренными всем цивилизованным миром». Конституция, согласно манифесту, должна была основываться на разделении властей, уважении основных человеческих свобод и признании арабского языка в качестве государственного. Наиболее подходящей формой правления дестуровцы считали конституционную монархию во главе со старшим по возрасту членом Хусейнидской фамилии. Бей назначал правительство, за исключением министра иностранных дел, которым по должности оставался посол Французской республики. Это правительство должно было быть ответственным перед «парламентом тунисской нации» и уходить в отставку в случае вотума недоверия. Тунисский парламент, в первое время создаваемый на основе раздельного представительства европейцев и мусульман, должен был избираться путем всеобщих выборов. Правом голоса должны были пользоваться все тунисцы мужского пола, достигшие 21 года. Манифест требовал создания торговых и сельскохозяйственных палат, а также выборных муниципалитетов и каидатских генеральных советов. В заключение манифест указывал на желательность создания разумно ограниченной национальной армии, которая «ни под каким предлогом не должна использоваться для войны ни с одним из мусульманских народов».

7 марта 1920 г. Тунисская партия свободы дополнительно опубликовала прокламацию, в которой резюмировала свою программу в следующих восьми пунктах:

- 1) законосовещательное собрание, состоящее из равного числа французов и тунисцев, избираемых путем всеобщих выборов;
- 2) ответственность тунисского правительства (руководителей ведомств);
- 3) полное разделение законодательной, исполнительной и судебной власти;
- 4) допуск тунисцев ко всем должностям, если они отвечают

⁶ По мере развития национального движения слово «дестури» фактически стало восприниматься как синоним «националистский», и в этом смысле слова «дестуровец», «дестуровский» закрепились в тунисском общественно-политическом словаре, в большой степени потеряв связь с первоначальным значением слова «дестур» (конституция) 1861 г.

интеллектуальным и моральным требованиям, предъявляемым к кандидатам-французам;

5) равное жалование чиновникам, занимающим при равной пригодности одинаковое служебное положение, без каких-либо исключений в пользу европейцев или в ущерб тунисцам;

6) образование муниципалитетов, избираемых путем всеобщих выборов, во всех городах;

7) участие тунисцев в покупке участков для сельскохозяйственной колонизации и государственных земель;

8) свобода печати, собраний и ассоциаций.

В конце 1920 г. или самом начале 1921 г. [96, стр. 95, 145], возможно под влиянием «Туниса-мученика», был внесен дополнительный пункт, занявший затем порядковое седьмое место, — «обязательное начальное образование».

Эти девять пунктов стали официальной канонизированной программой партии Дестур и впоследствии были отпечатаны на ее членских билетах.

Ни манифест, ни прокламация, ни другие документы Дестура формально не требовали отмены протектората и в отличие от «Туниса-мученика» даже не настаивали на принудительной натурализации колонистов или исключении их из общественно-политической жизни страны. Либералы-конституционалисты и реформисты, которые активно участвовали в разработке этих документов⁷, делали упор на равноправие обеих этнических групп и на развитие выборных начал в общественно-политической жизни страны. Наконец, под конституцией в отличие от «Туниса-мученика» они понимали отнюдь не простое возвращение к дестуру 1861 г., а скорее развитие принципов алжирского представительства с двумя коллегиями, только на более либеральных и демократических основах. В остальном требования либералов совпадали с программой экстремистов, а впоследствии они еще более сблизились.

В манифесте партия объявила также свою организационную структуру. Во главе Тунисской партии свободы находился постоянный Административный совет (в составе генерального секретаря, двух его заместителей, генерального казначея и его заместителя) — руководящая партийная инстанция в столице. В других городах и районах страны образовывались секции во главе со своими административными советами. Высшим органом партии Дестур объявлялся Генеральный совет, который созывался два раза в год и состоял из членов Административного совета, десяти делегатов от столицы и двух делегатов от каждой из периферийных секций. Члены партии давали клятву на Коране и вносили 10 фр. в качестве членского взноса. Кроме

⁷ По некоторым сведениям, в разработке дестуровской программы 1920 г. решающий голос имела либерально-реформистская группировка Геллати-Номана [см.: 112, 1925, № 6 бис, стр. 218].

того, партийная касса пополнялась за счет добровольных пожертвований.

Весной 1920 г. Дестур не имел еще легально организованной партийной массы и местных секций и комитетов. Они возникли позднее, примерно год спустя. Генеральным секретарем партии был избран Ахмед ас-Сафи. Большую роль в развитии событий играл также шейх Садок ан-Ниффер, организатор и вдохновитель борьбы за хабусы.

В мае 1920 г. делегация во главе с ан-Ниффером представила генеральному резиденту Фландену записку относительно сохранения частных хабусов и восстановления дестура [96, стр. 92]. Аналогичные требования было решено вручить также французскому правительству и бею [28, стр. 326]. Во время рамадана 1920 г. (19 мая — 17 июня) по всей стране развернулась кампания по сбору подписей под петицией об удовлетворении национальных требований; вместе с подписями собирались деньги для отправки дестуровской делегации в Париж.

Народ горячо поддержал инициативу религиозных и дестуровских вождей. Он увидел в ней начало долгожданной борьбы за независимость против колонистов и ненавистного режима протектората. «Народные массы,— писал Тахар аль-Хаддад,— убеждены, что постигшие их страдания и лишения вызваны властью, которая ими управляет. Земледелец жалуется на плохой урожай и слабость своего положения, связывая это с правительством; ремесленник жалуется на застой в делах, на отсутствие доходов от своего труда и разорение в связи с этим и говорит, что все это от гнета правительства; торговец — весь в долгах, иностранные банки отказываются иметь с ним дело, время не терпит, и он может разориться, если под рукой не окажется ничего, что можно было бы заложить или продать, и во всем этом он винит правительство; рабочие, обиженные в оплате, и безработные — все они считают, что причины их неудач — в правительстве, которое не дает им самого необходимого и не предпринимает бед, встречающихся на их пути, не дает им знаний, в которых они нуждаются, и вообще несправедливо по отношению к ним» [30, стр. 31].

Люди были поглощены заботами о хлебе насущном; их бесконечно волновал вопрос о ценах на товары и совершенно не трогали конституционные требования, детали которых они просто не знали. Их привлекало другое — антифранцузский характер дестуровских лозунгов. Рабочие, ремесленники, торговцы, даже хаммасы и крестьяне поднялись в поддержку партии Дестур за то, что она, как пишет аль-Хаддад, заявила о своем недовольстве существующим режимом и потребовала от французского правительства изменить форму правления в Тунисе [30, стр. 32]. Широкое недовольство и вражда к иноземной власти предопределили популярность дестуровских лозунгов и обеспечили буржуазно-помещичьему Дестуру, этой, по выра-

жению Ф. Гараса, «партии буржуа и эстетов», массовую поддержку.

Участие масс превратило по сути дела верхушечную борьбу за хабусы и дестур в широкое антиимпериалистическое движение, которое всколыхнуло всю страну. Летом 1920 г. в Тунисе, Сусе, Сфаксе и других городах происходили уличные манифестации и кампании бойкота. Вся арабская печать и левые французские газеты вели почти открытую антиправительственную кампанию. В сочетании с забастовками и социалистической пропагандой это создало нервную обстановку. В стране воцарилась атмосфера революционного подъема, которая заставила власти более серьезно относиться к требованиям Дестура.

18 июня, в день Ид аль-Фитр⁸, делегация в составе 30 человек во главе с шейхом ан-Ниффером посетила бея Мухаммеда ан-Насера и вручила ему петицию с тысячами подписей. «Тунисская нация,— говорилось в петиции,— обращается с просьбой к своему возлюбленному государю признать все принадлежащие ей права и свободы». Далее излагались требования, сформулированные в «восьми пунктах» [см.: 96, стр. 94].

Несколько ранее, 6 июня, в Париж отбыла первая официальная дестуровская делегация (по-арабски Вафд) во главе с генеральным секретарем Дестура ас-Сафи. Кроме него в состав делегации вошли два адвоката и два марабута (шейха завий). В Париже к делегации присоединился Абд аль-Азиз Таальби, хотя, как отмечает Никола Зияде, степень его участия в Вафде не совсем ясна [96, стр. 95]. Амин Саид пишет, что Таальби организовал ужин в ресторане «Риц», где представил делегацию ряду французских парламентариев и журналистов [28, стр. 369]. Возможно также, что он участвовал в большинстве бесед с представителями прессы, парламентских групп и политических партий, которых делегация познакомила с дестуровской программой из восьми пунктов. Впоследствии реформисты обвиняли ас-Сафи и Таальби в том, что они взяли слишком резкий тон, действовали в полемическом запале и перенесли центр тяжести с конституционных требований на проблему хабусов и займа, требуя отставки генерального резидента Фландена. Александр Мильеран, который тогда был председателем совета министров и министром иностранных дел, отказался от встречи с делегацией, и 31 июля 1920 г. она была принята лишь де Бомарше, заместителем заведующего отделом Африки французского МИД. 1 августа, израсходовав 150 тыс. фр. на пропаганду, делегация отправилась назад, по существу так ничего и не добившись.

Возросшая активность дестуровского руководства и расту-

⁸ Ид аль-Фитр (Ид ас-Сгир, Байрам или Кючук-Байрам) — мусульманский религиозный праздник разговения.

шая напряженность в стране встревожила Этьена Фландена, который решил сбить волну недовольства рядом верхушечных репрессий. 31 июля 1920 г. в Париже были арестованы Таальби и его ближайшие сподвижники Салах бен Яхья и Мухаммед Рийахи. В Тунисе за подачу петиции бею ан-Насеру власти подвергли дисциплинарным санкциям нескольких чиновников, закрыли газету «Аль-Джамиа» и возбудили судебное дело против ее редактора — Хасана Камеля. 22 августа Таальби перевезли в Тунис, где он вскоре предстал перед военным судом по обвинению в покушении на безопасность государства. Его приговорили к пяти годам тюремного заключения и 3 тыс. фр. штрафа.

Верхушечные репрессии оказались, однако, грубым политическим просчетом. Во всяком политически недостаточно развитом обществе исключительно велика роль избранной личности, вождя. Эмоциональное и дисциплинирующее воздействие такой личности, пользующейся массовым поклонением, во много раз превосходит значение самодисциплины в борьбе за политические идеалы, и это как раз то, чего не хватало дестуровскому движению⁹. Арест Таальби прославил его имя, сделал из него национального героя и мученика тунисского народа. Вся печать, от Туниса до Ирака, именовала его «тунисским Заглулом» [см.: 40, стр. 80]. Попав в тюрьму, Абд аль-Азиз Таальби резко выделился среди других дестуровских лидеров и стал общепризнанным вождем тунисского национально-освободительного движения.

Люсьен Сэн и разногласия в Дестуре. Неуклюжие действия Фландена вызвали раздражение в правящих кругах Франции, и 24 ноября 1920 г. он ушел в отставку. Его преемником на посту генерального резидента стал Люсьен Сэн, «человек умный и обворожительный» [54, стр. 49], мастерски владевший искусством политических комбинаций. Его назначение, благожелательный тон официальной парижской печати и успокоительные заверения Жоржа Лейга, очередного председателя совета министров и министра иностранных дел, создали в Тунисе приподнятую атмосферу радостного ожидания и больших надежд, особенно в либерально-реформистских кругах. Огонек оптимизма всячески поддерживался умелыми, хотя и несколько неопределенными декларациями из Парижа, например, такими, как заявление Ж. Лейга, «что г-н Люсьен Сэн будет проводить политику широкого сотрудничества с тунисским элементом» [цит. по: 54, стр. 49].

В надежде повлиять на разработку новой политики, совершенно неизбежную при всяком изменении руководства, в Париж отправилась вторая тунисская делегация. Она состояла из шести человек во главе с Тахаром бен Аммаром — умерен-

⁹ О длительном отсутствии «вождя» в Дестуре см.: 96, стр. 101.

ным националистом и личным другом Хасана Геллати. Второй Вафд включал лишь одного члена предшествующей делегации и представлял в основном реформистское течение Дестура. В его состав входил также один из лидеров Тунисской федерации СФИО — Дюран-Анльивьель. Делегация приехала в Париж в конце декабря 1920 г. и пробыла в нем более месяца. Она имела встречи с премьер-министром Ж. Лейгом, с новым генеральным резидентом Л. Сэном, который прибыл в Тунис лишь 6 января 1921 г., а также с представителями различных политических группировок и газет. В ходе бесед делегация разъясняла программу национальных требований, проявляя при этом максимум осторожности и умеренности. Хотя Ж. Лейг и Л. Сэн отказались обсуждать поднятые вопросы по существу, тем не менее правительственный официоз — газета «Тан» высказалась за «законное удовлетворение» тунисского населения («но не партии, именуемой „Младотунисской“»), с тем чтобы «заинтересовать всех тунисцев в сохранении протектората».

Первый официальный ответ на требования Дестура Люсьен Сэн дал 21 января 1921 г. в беседе с «Делегацией 40», состоявшей из националистически настроенных общественных деятелей Туниса во главе с Ахмедом ас-Сафи. Изложив традиционные девять пунктов, генеральный секретарь Дестура поднял вопрос о введении представительных учреждений и восстановлении конституции. «Имейте в виду, — отвечал генеральный резидент, — что слово „конституция“ вызывает в уме целый ряд административных и социальных мероприятий, целый политический строй, основные элементы которого абсолютно несовместимы ни с самим принципом протектората, ни с договорами, заключенными между Тунисом и Францией. Ваш высокочтимый государь и правительство республики всегда считали честью скрупулезно уважать эти соглашения, соблюдая их дух и букву» [см.: 86, 1922, № 2, стр. 80]. Отклонив, таким образом, основное требование Дестура, Люсьен Сэн, однако, обещал благоприятно рассмотреть остальные требования, в частности: об участии тунисцев в управлении страной, о введении выборных начал, о равной оплате государственных служащих, о земельных участках и т. д.

Желая как можно скорее продемонстрировать новую политику, а заодно и укрепить позиции реформистского крыла Дестура, с которым у него были связаны далеко идущие расчеты, Люсьен Сэн срочно провел целую серию мероприятий. 21 марта 1921 г. он отменил осадное положение, введенное в Тунисе еще в 1911 г., затем возвестил о разделении властей и 24 апреля 1921 г. создал министерство юстиции, поставив во главе его Тахара Хайрадина — сына знаменитого министра-реформатора, с именем которого связывались «Ахд аль-Аман» 1857 г. и дестур 1861 г. Наконец, 29 апреля 1921 г. в силу французского закона об амнистии Л. Сэн освободил Таальби, который после

девяти месяцев тюремного заключения вернулся к активной политической деятельности.

Мероприятия Л. Сэна несколько разрядили обстановку, но положение в стране продолжало оставаться напряженным. Особенно бурным был рамадан (9 мая — 7 июня) 1921 г. Разгоряченная улица и печать имели боевой вид. Си Таальби находился в зените и излучал яркий свет, воспламенявший души его экзальтированных поклонников. Со всех сторон к нему прибывали приветствия и поздравления, а также депутации патриотически настроенных граждан. Арабская пресса именвала его не иначе, как «саадат ар-раис» (его превосходительство).

На волне боевых настроений происходило организационное укрепление и совершенствование Дестура. Весной 1921 г. повсюду создавались местные секции (шууба) и комитеты партии, которые в мае были перестроены на легальной основе. Всего, по словам Таальби, насчитывалось свыше 70 секций как в городах, так и в сельских районах страны [108, 1923, № 4, стр. 203]. В мае состоялось общетунисское совещание дестуровских активистов, равнозначное съезду партии, на котором была избрана Исполнительная комиссия Дестура в составе 27 человек. Абд аль-Азиз Таальби стал официальным вождем и председателем партии, Ахмед ас-Сафи остался на посту генерального секретаря. Началась выдача членских билетов и сбор средств в партийную кассу. Влияние Дестура распространилось от глухих отдаленных завий до ступеней хусейнидского трона. Многие эмиры правящей династии и сам царствующий государь Мухаммед ан-Насер сочувствовали движению. В доме у наследного принца Мухаммеда аль-Хабиба устраивались совещания сторонников Таальби и хранились многие партийные документы [см.: 96, стр. 121].

Создав мощную и влиятельную партию, сплотившую почти все мусульманское население Туниса, руководство Дестура, однако, не сумело сохранить собственное единство. Апофеоз Таальби и его экстремистская линия вызывали недовольство среди реформистски настроенных вождей партии. Между двумя группами возникли серьезные разногласия, перешедшие в открытую полемику по вопросу о стратегии, тактике и даже конечных целях движения. Генеральный резидент решил не упускать представившейся возможности и всячески раздувал разногласия, поддерживая один клан против другого.

Летом 1921 г. руководящее ядро Дестура фактически раскололось. 28 августа Хасан Геллати опубликовал в газете «Тюнис-социалист» статью с резкими нападками на Таальби и ас-Сафи. Почти одновременно Мухаммед Номан издал брошюру «Слово правды к народу» («Кельмет хакк лиш-шааб»), в которой едко высмеивал действия и карьеру Таальби. Наконец, в середине сентября Геллати и Номан начали издавать газету «Аль-Бурхан» («Аргумент»), впоследствии переимено-

ванную в «Ан-Нахда» («Возрождение»), ставшую рупором реформистского крыла Дестура. В своих полемических статьях геллатисты перемежали критику экстремизма с личными нападками на Таальби и ас-Сафи. Они обвиняли «недалекого фанатика» Таальби и «политического спекулянта» ас-Сафи в безмерном честолюбии и злоупотреблении доверием партии. Публикацию «Туниса-мученика» они рассматривали как дискредитацию самой национальной идеи, ради которой возникло дестуровское движение, а также как ненужный удар по самолюбию французской общественности, лишь затруднявший установление действенного взаимопонимания с Францией. Наконец, они осуждали флирт Таальби с коммунистами и выступали против духа ксенофобии и религиозной нетерпимости, пронизывавшего всю деятельность экстремистов.

После некоторого замешательства группа Таальби — ас-Сафи перешла в решительное контрнаступление. 24 сентября 1921 г. «Муршид аль-Умма» («Наставник нации») начала ответную кампанию, в которую вскоре включились «Ас-Саваб» («Правильный путь») и другие арабские газеты. В резких и оскорбительных тонах они характеризовали Геллати и Номана как политических двурушников и оппортунистов, сотрудничающих с французскими властями, и как людей, которые систематически пренебрегают молитвами, пьют вино и играют в карты. Они высмеивали умеренность геллатистов, отстаивали «Тунис-мученик» как правильный анализ и обвиняли Геллати в том, что он все время пытался сбивать членов Вафда и дестуровского руководства с патриотического пути [96, стр. 111—113; 86, 1922, № 2, стр. 83—84].

Публичная полемика между сторонниками Таальби и Геллати привела к четкому размежеванию позиций не только в Дестуре, но и во всем антиимпериалистическом лагере Туниса. При всей диаметральной противоположности классовых интересов экстремистов и коммунистов последние полностью поддерживали Таальби в его борьбе против группировки Геллати — Номана. В свою очередь дестуровские газеты с радостью отмечали появление на страницах коммунистической «Хабиб аль-Умма» памфлетически заостренных материалов, разоблачающих империалистическую политику Франции [86, 1922, № 2, стр. 82]. 15 января 1922 г., вскоре после закрытия «Хабиб аль-Умма», партия Дестур опубликовала заявление протеста, поместив его почти во всех арабских газетах [96, стр. 147]. С другой стороны, когда дестуровская и продестуровская печать отказалась публиковать материалы Геллати — Номана, социалистическая «Тюнис-сосиалист» предоставила им свои страницы.

ИЮЛЬСКИЕ РЕФОРМЫ 1922 г., РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ И КРИЗИС ДЕСУРА

Образование реформистской партии. Размежевание политических сил в конце 1921 г. явилось началом классового расщепления тунисского национализма. Оно было первым признаком распада раннего Дестура (1920—1922 гг.), существовавшего как аморфный антиимпериалистический фронт. В основе его быстрых успехов лежало широкое недовольство существующим положением. Однако, по мере того как негативные цели движения дополнялись положительным идеалом, внутри Дестура проявились серьезные разногласия, определявшиеся в конечном итоге чисто классовыми интересами отдельных социальных слоев.

В результате ожесточенной полемики 1921 г. геллатисты покинули Дестур и, возможно, не без содействия Люсьена Сэна [см.: 54, стр. 54] в апреле 1922 г. объявили о создании Тунисской реформистской партии (Аль-Хизб аль-ислахи ат-туниси). Вместе с Геллати и Номаном из Дестура ушли Бешир Акаша, Хасуна Айаши, Рашид Хайдер, Мухаммед Бургиба, Змерли и ряд других деятелей, привязанных к либеральным традициям довоенной младотунисской партии. По мнению ряда исследователей, раскол дестуровского руководства предстает скорее как расхождение людей и методов, чем как расхождение доктрин. Феликс Гарас даже утверждает, что программы сторонников Таальби и Геллати не имели существенных различий. «Более западный,— пишет Ф. Гарас,— Геллати был также более дипломатом по темпераменту, чем его товарищи из Дестура, закосневшие на теоретических позициях... Он полагал, что политика активного сотрудничества даст лучшие результаты, чем бесплодное возражение» [54, стр. 52].

Конечно, различие людей и политических темпераментов имело место, но оно, как представляется, само отражало принципиально различный подход к проблемам тунисской политики, вытекавший из различия классовых интересов. Как уже отмечалось, экстремистской линии Таальби, связанной с интересами старых господствующих классов, враждебных капиталистическому прогрессу и духовной европеизации страны, противосто-

яла оппортунистическая линия Геллати, отражавшая интересы национальной буржуазии. В этом плане раскол Дестура предстает как отражение серьезных изменений, происходивших в настроениях национальной буржуазии и связанной с нею либеральной интеллигенции.

Национальная буржуазия была слаба, малочисленна и собственно не претендовала на господство. В условиях высокой спекулятивной конъюнктуры, сложившейся по окончании послевоенного кризиса, она страдала не столько от иностранного засилья, сколько от многочисленных остатков традиционных феодальных структур. Она была заинтересована в их скорейшей ликвидации и ради этого была готова ограничиваться ролью младшего партнера. Она не хотела, да и не могла заменить европейскую буржуазию Туниса и требовала только равноправия, предоставления ей одинаковых с французами прав и возможностей. Большое значение имело, по-видимому, также воздействие Алжира, где подымающаяся мусульманская буржуазия вообще стояла в стороне от национально-освободительного движения [см.: 63, стр. 39]. В среде алжирской буржуазии в это время процветал ассимиляционизм, доходивший до полного национального нигилизма. В знаменитой статье «Франция — это я» Фархат Аббас, будущий глава Временного правительства Алжирской Республики, писал: «Если бы я нашел „алжирскую нацию“, я бы стал националистом... И все же я не буду умирать за „алжирскую родину“, потому что такой родины не существует. Я ее не нашел. Я вопрошал историю, я вопрошал живых и мертвых, я был на кладбищах — никто мне о ней не говорил. Я отыскал, конечно, „арабскую империю“, „мусульманскую империю“, которые чтутся исламом и нашей расой. Но эти империи давно угасли. Они соответствовали Латинской империи и Священной Римской империи германской нации из эпохи средневековья. Они были рождены для времени и людей, которые не являются более ни нашим временем, ни нашими людьми... Мы, следовательно, разом отбросили все нелепости и химеры, чтобы окончательно связать наше будущее с судьбой того, что сделали французы в этой стране. Мы это писали. Защита того, что сделали французы,— это основа всей нашей политической деятельности» [цит. по: 65, стр. 314].

Под влиянием Алжира ассимиляционистские настроения постепенно захватывали и тунисскую буржуазию, которая начала переходить на позиции активного сотрудничества с протекторатом. Лидера и наиболее видного представителя тунисской буржуазии, председателя Туземной торговой палаты Туниса, будущего главы первого национального правительства — Мухаммеда Шеника в революционных и патриотических кругах рассматривали не иначе как «вождя коллаборационистской клики» [42, стр. 35]. Не без влияния алжирского ассимиляционизма Геллати, который, кстати, сам был родом из

Алжира, в полемике с экстремистами полностью переосмыслил дестуровскую программу и фактически заново истолковал ее. Борьба за дестур и ответственное правительство превратилась в борьбу за «завоевание в условиях порядка, труда и мира» конституционных и парламентских учреждений «свободных и независимых стран», что позволит осуществить «франко-тунисское самоуправление» и сделать из Туниса «одно из наиболее богатых владений Франции». Реформисты выступали даже за избрание двух-трех тунииских депутатов во французский парламент. Фактически они были против независимости и требовали лишь ускоренного обновления страны при поддержке властей протектората. Наконец, в отличие от Таальби они были республиканцами. Экстремисты обвиняли их в том, что еще в 1920 г. они отказались дать клятву верности дестуровской программе, поскольку в ней содержались монархические требования о правах и прерогативах бейской фамилии [см.: 86, 1922, № 2, стр. 84—85].

Раскол 1921 г. означал, что национальная буржуазия и часть европеизированной интеллигенции покинули Дестур. Однако их ассимиляционистские увлечения не нашли никакого отклика в массах. В отличие от классических ситуаций в условиях колониального режима борьба буржуазии против средневековых социальных структур и старых господствующих классов не получила поддержки в народе, который все свои невзгоды в первую очередь связывал с иностранным господством. Вследствие этого дестуровское руководство сравнительно легко изолировало реформистскую партию. Насчитывая всего лишь около 100 приверженцев [99, 1924, № 12, стр. 636], она по сути дела превратилась в политический клуб, не имевший ни собственной партийной организации, ни сколько-нибудь значительной партийной массы. Через несколько лет, когда Хасан Геллати ушел из общественной жизни, реформистская партия сошла со сцены. Однако в первые годы своего существования она играла довольно заметную роль, пользуясь вниманием и поддержкой оппозиционных течений европейского меньшинства.

Европейская оппозиция. Активные выступления европейского населения, которое боролось за всеобщее избирательное право и равное представительство в выборных собраниях, были существенным фактором тунииской политики. Требования европейцев во многом совпадали с требованиями умеренных националистов и в целом ряде случаев они выступали совместно. Оппозиционная кампания европейцев, затрагивавшая вопросы образования, функционирования и полномочий Консультативной конференции, началась в 1919 г. и выявила серьезные разногласия между цензовыми элементами французской колонии и ее демократическими слоями, настроенными резко против правительства [86, 1922, № 1, стр. 29].

В 1920 г. 8 членов Консультативной конференции от профсоюзных организаций и рабочих официально потребовали провести реформу этого представительства в «демократическом направлении, указанном общественностью». Их поддержали многие другие члены Консультативной конференции. Во время зимней (ноябрь — декабрь) сессии 1920 г. 20 из 45 делегатов французской секции Консультативной конференции демонстративно отказались рассматривать бюджет, представленный генеральной резиденцией, и покинули зал заседаний. Их поддержали 7 из 16 членов Туземной секции, которые также выступили против бюджета. Наконец, 16 декабря 1920 г. на завтраке, данном Французской секцией, ее члены потребовали безотлагательно провести реформы. Они заявили о необходимости реорганизовать Консультативную конференцию по образцу алжирских Финансовых делегаций, соответственно расширить ее полномочия, в частности ввести вотирование бюджета вместо его рассмотрения, а также создать выборные муниципалитеты и местные собрания.

Оппозиция колонистов была довольно неприятным явлением для правительства протектората. В условиях забастовочного движения, социалистической и националистической агитации, а также массового брожения среди мусульманского населения разрыв с колонистами означал изоляцию власти, и без того находившейся в затруднительном положении. Едва прибыв в страну, Люсьен Сэн обещал колонистам осуществить требуемые реформы и лишь просил об отсрочке. Он заявил, что, «прежде чем вносить изменения в систему управления, он хотел бы посмотреть, как она функционирует» [там же, стр. 30].

Согласившись с доводами генеральной резиденции, колонисты тем не менее продолжали кампанию за реформы. Состоявшийся в г. Тунисе съезд французских палат земледелия и торговли поддержал требования Консультативной конференции. В поддержку реформ продолжали выступать профсоюзы и Тунисская федерация СФИО. В 1921 г. в Париже Дюран-Анльивьель, который, как уже упоминалось, в декабре 1920 г. выезжал во Францию в составе второго Вафда, опубликовал брошюру «Что Тунис требует от Франции» с предисловием М. Мутэ и Ахмеда ас-Сафи.

В 1922 г. европейская оппозиция получила неожиданную поддержку во французском парламенте. Здесь образовалось довольно влиятельное меньшинство, считавшее, что решение тунисской проблемы в первую очередь зависит от проведения реформ. 2 февраля 1922 г. 23 депутата во главе с Пьером Теттенже внесли проект резолюции, предлагавшей правительству отложить выпуск тунисского займа до того времени, когда французское правительство в согласии с беєм предоставит стране конституционную хартию, основанную на принципе разделения властей, создаст законосовещательное собрание, изби-

раемое путем всеобщих выборов, и даст стране ответственное правительство [см.: 63, стр. 74].

Апрельский кризис 1922 г. Кампания за реформы, которую вела колонистская, социалистическая и реформистская печать, естественно, подхлестывала и дестуровскую прессу. Большое значение имели также резолюция Теттенже и известие об отмене британского протектората над Египтом (28 февраля 1922 г.). Отбросив былую сдержанность, националисты чуть ли не в открытую стали требовать независимости. Настало время, заявила «Ас-Саваб», сказать то, что долго скрывалось. «В либеральной (дестуровской.— *Н. И.*) партии,— писала газета 10 марта,— существует абсолютное большинство, которое считает недостаточными требования, выдвигаемые до сего дня» [цит. по: 99, 1922, № 7, стр. 331].

В те тревожные дни, когда мирных обывателей запугивали всякого рода «большевистскими эксцессами», колониальная пропаганда считала удобным выдавать националистов за «большевистских агентов», подстрекаемых из Москвы и Берлина. Одна за другой сыпались репрессии против коммунистов (см. стр. 39). Весной 1922 г. на помощь полиции был призван примитивный пропагандистский аппарат генеральной резиденции, который попытался подключить к антикоммунистической кампании престарелого бей Мухаммеда ан-Насера. 70-летний монарх охотно согласился дать интервью по вопросу о большевизме. В конце марта в окружении министров он принял пресс-атташе генеральной резиденции, который обещал опубликовать беседу в парижской печати. Польщенный бей был необычайно любезен и словоохотлив. Он осудил большевизм и заявил, что у коммунистов нет будущего в Тунисе, поскольку в стране нет классового строя, крупных капиталистов и угнетателей, а есть лишь народ, сотрудничающий с мелкими капиталистами, которые, разумеется, никого не эксплуатируют. Тронутый приятной беседой, пресс-атташе быстро обработал материал и направил его в печать в форме обращения государя к народу. Из опубликованного текста явствовало, что бей осуждает не только коммунистов, но и дестуровцев, требуя сурово покарать смутьянов, и полностью одобряет политику покровительствующей державы. Мухаммед ан-Насер выступал против реформ и конституции, заявив, что единственное, в чем нуждается страна,— это в дожде и благоденствии [см.: 28, стр. 371].

Учитывая связи Таальби с царствующей фамилией, легко представить, в каком затруднительном положении оказался престарелый государь. Когда националисты, имевшие свободный доступ во дворец, предъявили ему соответствующий номер газеты, бей «слегка потерял голову» [43, стр. 220] и объявил опубликованный текст грубым подлогом. Под нажимом ближайшего окружения, в частности жен, он потребовал опубли-

ковать резкое опровержение, четко и недвусмысленно отметив, что в беседе речь шла только о большевизме. Однако много лет служивший первым министром Тайеб Джеллули, боясь осложнений с Францией, решил замять дело и воспротивился публикации какого бы то ни было опровержения [28, стр. 371—372].

Между беем и великим везиром возник острый конфликт, который Таальби решил использовать в интересах Дестура. Близился государственный визит президента Французской республики Александра Мильерана. 5 апреля 1922 г. он должен был прибыть в Касабланку и начать торжественный вояж по Северной Африке. Вряд ли срыв президентского визита входил в расчеты Таальби. Скорее всего, он просто хотел продемонстрировать силу, заставить генеральную резиденцию считаться со своей партией и под угрозой громкого политического скандала вырвать у Франции ряд уступок.

Как бы то ни было, заручившись поддержкой Дестура, Мухаммед ан-Насер 3 апреля предъявил французам подлинный ультиматум. Он потребовал немедленно удалить в отставку первого министра, а заодно удовлетворить национальные требования¹. Можно предполагать, пишет Никола Зияде, что программа требований в действительности была подготовлена партией Дестур и представлена бею, который в свою очередь направил ее генеральному резиденту [96, стр. 118]. Во всяком случае требования бея ничем существенно не отличались от требований Дестура и воспроизводили программу-минимум Таальби. Они были сформулированы в следующих 18 пунктах:

- 1) учреждение Законодательного собрания путем всеобщих выборов;
- 2) создание ответственного правительства;
- 3) назначение беем председателя совета министров;
- 4) преобразование генеральных управлений в тунисские министерства; все члены кабинета министров должны быть тунисцами;
- 5) открытие беем сессий Законодательного собрания;
- 6) передача руководства советом министров великому везиру (первому министру);
- 7) полное разделение властей;
- 8) прекращение официальной колонизации;
- 9) отмена декрета о натурализации² тунисцев;

¹ Возможно, первоначально национальные требования были переданы устно или сформулированы в общей форме. Амин Саид утверждает, что рескрипт (марсум) бея с изложением его требований был составлен позднее по просьбе Р. Пуанкаре, возглавлявшего в это время совет министров, и передан властям в разгар кризиса [28, стр. 372—373]. Таальби со своей стороны заявил, что записка (лаиха) с требованиями бея была вручена генеральной резиденции через два дня после заявления об отречении, т. е. 6 апреля [см.: 108, 1923, № 4, стр. 203].

² Имеется в виду декрет 8 ноября 1921 г.

10) обязательное согласие бея на мобилизацию тунисской армии; армия должна выступать под собственным флагом;

11) уважение и неприкосновенность частных и общественных хабусов;

12) обязательное и бесплатное образование;

13) основание университета и посылка молодежи для обучения за границей, особенно в области военного дела;

14) уважение шариата и тунисской юстиции;

15) поощрение населения во всех отраслях хозяйственной деятельности, в частности в области земледелия и торговли;

16) распространение на Тунис французских законов о свободе мнений, печати и ассоциаций;

17) внимание к положению и нуждам членов царствующей фамилии;

18) оказание царствующей фамилии уважения, соответствующего ее традициям, престижу и положению. Передача семейных дел на усмотрение бея.

Предъявляя требования, Мухаммед ан-Насер дал понять, что в случае их невыполнения он отречется от трона и, следовательно, не сможет участвовать во встрече и других протокольных мероприятиях, связанных с визитом Мильерана. Эмиры из дома Хусейнидов со своей стороны поклялись не вступать на трон в случае отречения царствующего государя. В довершение всего бей покинул столицу и раньше положенного времени переехал в летнюю резиденцию в Ла-Марсе.

Демарш бея поставил французов в неловкое положение. 4 апреля Люсьен Сэн прибыл в Ла-Марсу для объяснений. Бей, по словам аль-Фаси, проявил «стойкость и арабское достоинство» [27, стр. 56]. Он заставил генерального резидента ждать окончания вечерней молитвы, затем, не пригласив его сесть, объявил, что «с этого часа» оставляет трон. Ошеломленный представитель Франции, уточняет Амин Саид, при выходе от волнения натолкнулся на железную ограду загородного дворца.

По городу поползли слухи о конфликте между беем и генеральным резидентом и об отречении Мухаммеда ан-Насера, не имевшего в своем распоряжении иных средств отстаивать национальные требования. Утром 5 апреля по призыву Исполнительной комиссии Дестура закрылись базары. Торговцы и ремесленники прекратили работу. Огромная толпа во главе с Абд аль-Азизом Таальби и другими дестуровскими лидерами направилась в Ла-Марсу. Делегация демонстрантов была принята беем и от имени народа просила его не отречься от престола. Мухаммед ан-Насер уступил желанию народа и передал в печать заявление, в котором говорилось, что государь тронут горячей привязанностью подданных и вопреки слухам отнюдь «не имеет намерения покинуть трон своих предков».

Опровержение несколько разрядило атмосферу в верхах.

Но в низах оно породило полное недоумение и лишь подтвердило самые разноречивые слухи, распространявшиеся по стране. Никто ничего толком не знал. Тунисский сук (рынок, базар) по-прежнему пустовал. То там, то здесь устраивались демонстрации в поддержку бея и национальных требований. Молодежь массами вступала в Дестур, клялась на Коране и получала членские билеты. Как сообщал Амин Саид, по улицам время от времени дефилировали войска. Власти, впрочем, заверяли Париж в том, что в Тунисе не произошло ни восстания, ни мятежа, ни даже подлинной манифестации.

В верхах, если судить по информации Таальби и Амина Саида, продолжалась лихорадочная деятельность. Бей настаивал на увольнении первого министра и принятии национальных требований. Одна за другой шли депеши в Париж и ответы французского правительства. Бей взял переговоры в свои руки и в конце концов по настоянию Р. Пуанкаре согласился отложить вопрос о национальных требованиях до возвращения Мильерана в Париж. Одновременно он пришел к соглашению с генеральной резиденцией, которое, впрочем, было достигнуто в несколько необычной обстановке. 15 апреля Люсьен Сэн в парадном мундире и при орденах в сопровождении делегата и начальника военного кабинета генеральной резиденции явился, как писалось в официальных публикациях, «en grand appareil» в бейскую резиденцию в Ла-Марсе. «Особая пышность» выгодно подчеркивалась эскадрой африканских егерей, которые развернулись вокруг бейского дворца. «Беседа,— пишет Роже Ле Турно,— была короткой, но корректной» [65, стр. 67]. Согласно аль-Фаси, Л. Сэн представил список из 36 видных националистов и потребовал выдворить их из дворца. Бей заявил: «Твой список далеко не полон. В него надо еще включить мое имя и имена членов моей семьи» [27, стр. 56]. На Л. Сэна это заявление, по-видимому, не произвело должного впечатления. «Когда,— продолжает Р. Ле Турно,— генеральный резидент простился с государем, ни о каком отречении не было и речи» [65, стр. 67].

В тот же день бей опубликовал второе официальное сообщение, в котором решительно опровергал слухи о якобы представленной им программе из 18 пунктов и категорически заявлял, что не намерен отречься от трона. С этого дня исчезли всякие упоминания о 18 требованиях. Ряд националистов покинул дворец. 17 апреля бей нанес ответный визит генеральному резиденту и публично призвал своих подданных «принять господина президента республики с величайшим почетом» [99, 1922, № 4, стр. 194].

Дестур, сообщает Таальби, согласился с позицией Мухаммеда ан-Насера [108, 1923, № 4, стр. 205]. По словам Амина Саида, бей направил зятя и племянника — двух своих адъютантов на большое совещание в штаб-квартире Дестура, где

присутствовали все члены Исполнительной комиссии, представители местных секций и видные граждане страны. Посланцы бея зачитали телеграмму государя, в которой он извещал о своем решении остаться на троне и об обещании Франции рассмотреть все его требования. Оценив ситуацию, лидеры Дестура объявили об окончании кризиса и призвали народ открыть базары и возобновить работу [28, стр. 374—375].

27 апреля в Тунис прибыл Александр Мильеран. За два дня до этого великий везир Тайеб Джеллули ушел в отставку, и на его место был назначен Мустафа Дингизли, занимавший ранее пост министра пера. Бей встретил президента и выразил надежду, что деятельность Франции будет развиваться «во все более и более либеральном духе». Мильеран напомнил о «нерасторжимых узах» Туниса и Франции, восхвалял алжирский образец и обещал осуществить административные и политические реформы, которые «мы считаем полезными» [см.: 112, 1922, № 5].

Дни визита (27 апреля — 3 мая 1922 г.) совпали с началом рамадана и были сплошным празднеством. Город был украшен и иллюминирован. Тунисцы, отмечают Таальби и Амин Саид, принимали высокого гостя с необычайным радушием. Поездка президента, подчеркнул со своей стороны Ле Турно, прошла без сучка без задоринки.

В результате апрельского кризиса бей Мухаммед ан-Насер сохранил популярность в народе, дал полное удовлетворение французам и позволил Таальби совершить ряд тактических промахов. Урегулирование кризиса происходило фактически без всякого участия Дестура и ослабило его позиции при дворе, а прием, оказанный Мильерану, показал, что «старые тюрбаны» из дестуровского руководства далеко не полностью овладели массаами, хотя и пользовались у них достаточно большим престижем. Наконец, «несмотря на свои порою замечательные интеллектуальные качества и знакомство с французской цивилизацией, пишет Р. Ле Турно, дестуровцам в Тунисе надо было еще многое узнать о жизни французских политических кругов и о том, как с ними вести дела» [65, стр. 68].

Через несколько недель после президентского визита Мухаммед ан-Насер тяжело заболел и 10 июля 1922 г. умер. Причиной его смерти, по словам Амина Саида, был не то хронический алкоголизм, не то воспаление большого пальца правой ноги. На трон вступил один из старых друзей Таальби — эмир Мухаммед аль-Хабиб, который, впрочем, довольно быстро установил хорошие отношения с Люсьеном Сэном и обещал не вспоминать 18 требований. «И стало,— пишет Амин Саид,— безоблачным небо господина Сэна» [28, стр. 377].

Реформы 13 июля 1922 г. За две недели до смерти Мухаммеда ан-Насера Люсьен Сэн вернулся из Парижа и привез готовые законопроекты о реформах. Они были разработаны

Французским правительством и одобрены парламентской комиссией по делам Алжира, колоний и протекторатов во главе с Морино — депутатом от Константины, «откровенным антисемитом и представителем крупной колонизации» [63, стр. 78]. Комиссия отклонила резолюцию П. Теттенже и высказалась в поддержку политики Пуанкаре. После двухдневных дебатов (4—5 июля 1922 г.) палата депутатов подавляющим большинством голосов одобрила резолюцию Морино, предлагавшую правительству:

«1) сохранять при всех обстоятельствах власть и права Франции в Тунисе;

2) проводить в этой стране политику мелкой и средней колонизации, национального заселения и широких реформ, имеющих целью, с одной стороны, усовершенствовать действенный контроль большого тунисского собрания над местной администрацией, с другой — сделать более удобным и плодотворным общение между колонистами и туземцами, создать во всех тунисских собраниях выборное представительство туземцев и неуклонно улучшать их моральное, интеллектуальное и материальное положение» [32, стр. 709].

13—14 июля 1922 г. были опубликованы шесть бейских декретов и одно резидентское постановление о реформах, которые еще более «алжиризировали» политико-административную систему Туниса. В соответствии с декретами в регентстве учреждались Большой совет, областные и каидатские советы, создавалось генеральное управление внутренних дел, видоизменялась судебная система и упразднялся пост генерального секретаря тунисского правительства.

Суть реформы заключалась в создании представительных учреждений по алжирскому образцу, которые приближали администрацию к имущим слоям европейской колонии и к местной феодально-бюрократической верхушке. Ликвидация генерального секретариата тунисского правительства имела скорее эмоциональное, чем политическое значение. Вызвав вздох облегчения у националистов и тунисских чиновников, она мало что изменила в функционировании правительственной машины и отнюдь не ослабила французского засилья в государственном аппарате. Более того, создание генерального управления внутренних дел и выборных собраний по сути дела увеличивало роль европейцев в управлении страной.

Большой совет (Аль-Маджлис аль-кабир), как и его предшественница — Консультативная конференция, состоял из двух секций — Французской и Туземной, юридически обладавших равными правами, независимых друг от друга и заседавших раздельно. Французская секция состояла из 44 членов (впоследствии их число было увеличено), из которых одна половина представляла французскую колонию в целом и избиралась на основе всеобщего избирательного права, другая —

французские экономические интересы и избиралась на собраниях выборщиков от французских экономических палат Туниса (сельскохозяйственных, торговых и горнопромышленных). Такая система выборов обеспечивала французским колонистам, промышленникам и коммерсантам двойной голос и руководящее положение в Большом совете. Туземная секция состояла из 18 членов (впоследствии их число также было увеличено), которые частично назначались, частично избирались путем двухстепенных ограниченных выборов. Два члена Туземной секции назначались правительством в качестве представителей военных территорий Юга, два — представляли еврейскую общину Туниса; четырнадцать членов избирались либо выборщиками от туземных экономических палат, либо избирательными коллегиями, состоявшими из членов каидатских и областных советов, к которым в ряде случаев присоединялись некоторые другие лица. Все члены Большого совета избирались сроком на шесть лет с последующим обновлением половины состава каждые три года.

Основной задачей Большого совета было рассмотрение и утверждение тунисского бюджета. Кроме того, он обсуждал другие вопросы финансового, а также экономического и социального порядка. В случае разногласий между секциями вопрос передавался в Примирительную комиссию Большого совета с участием представителей правительства, которому в конечном счете принадлежало последнее слово. Обсуждение конституционных и политических вопросов категорически запрещалось.

Каидатские советы (маджлис аль-амаль) обсуждали экономические нужды каидата и избирали представителей в Большой совет и областные советы. Каидатские советы были чисто тунисскими собраниями и не имели представителей от европейского населения. Они избирались сроком на шесть лет местными нотаблями, т. е. «теми, кто пользуется всеобщим уважением в силу их общественного положения, или их благочестия, или их почтенного возраста, или их образования, или услуг, оказанных ими государству» [цит. по: 20, стр. 225—226].

Областные советы (маджлис аль-джихат) учреждались в пяти областях, на которые был разбит Тунис, с центрами в Бизерте, Тунисе, Эль-Кефе, Сусе и Сфаксе. В отличие от каидатских советов они были смешанными собраниями, где наряду с представителями от мусульманского населения, избравшимися каидатскими советами и туземными экономическими палатами, заседали представители местных европейцев, назначавшиеся муниципалитетами и экономическими палатами. Областные советы избирались сроком на шесть лет и обсуждали экономические и социальные нужды области. Они рассматривали предложения каидатов и формулировали свои предложения правительству. Обычно в центре их внимания

были местные дороги, школы, лечебные учреждения, а также земельные и сельскохозяйственные вопросы.

Июльские реформы 1922 г., которые, по словам Ш.-А. Жюльена, укрепили привилегированное положение крупных колонистов и полностью обошли реальные трудности [63, стр. 75], вызвали резкую критику со стороны Дестура и коммунистов. Местная европейская демократия и реформисты также не были удовлетворены реформами, хотя и квалифицировали их как первый шаг на пути прогресса. 4 ноября 1922 г. группа европейских демократов опубликовала протест против проведенных реформ и вновь потребовала равного избирательного права с ликвидацией двойного представительства привилегированных слоев европейской колонии. Представители национальной буржуазии, поддерживая реформы, тем не менее выражали глубокую озабоченность в связи с усилившейся «тенденцией алжиризировать Тунис».

Первые выборы в Большой совет и местные собрания состоялись осенью 1922 г. и вылились в довольно оживленную политическую кампанию с предвыборными митингами, лозунгами и афишами. Это можно расценивать как принятие реформ политически активной частью населения и как определенный успех политики Люсьена Сэна. Выборы в каидатские советы происходили в ноябре того же года и принесли победу кандидатам администрации. При установленной июльскими декретами избирательной системе из 2413 мест Дестур получил только 20. Выборы во Французскую секцию Большого совета состоялись 26 ноября, Туземную — 5 декабря. Результаты выборов по Туземной секции были предопределены составом выборщиков от каидатов. Во Французской секции оппозиция получила 11 мандатов, т. е. половину всех мест, распределяемых на основе всеобщего избирательного права. В состав Большого совета вошли 7 социалистов. Однако власти могли быть спокойны. Члены Большого совета, делегированные сельскохозяйственными, торговыми и горнопромышленными палатами, отмечает А. Камбон, устроили правительственное большинство [43, стр. 226].

Первая сессия Большого совета открылась 11 декабря 1922 г. и явилась прообразом всех последующих. Оппозиционное меньшинство критиковало политику правительства, большинство поддерживало ее. Меньшинство выразило протест против июльских реформ, как не соответствующих желаниям нации, большинство же — чувство горячей признательности, охватившее деловые круги и «друзей» Франции из «племени поддакивающих» (бени уи-уи).

Отъезд Таальби. Июльские реформы получили одобрение бейского двора и послужили поводом к разрыву отношений между Дестуром и хусейнидской династией. Подлинные причины, по всей видимости, коренились в личной ссоре Таальби

с наследником престола, который долгое время принимал его как лучшего друга. Характер ссоры и крутой поворот во взглядах Мухаммеда аль-Хабива, возможно, навсегда останутся тайной для историков. Несомненно одно — это активное участие Люсьена Сэна, проявившего в этом деле весь свой «резидентский макиавеллизм».

Сразу же после вступления на престол Мухаммед аль-Хабиб стал всячески подчеркивать свою лояльность к Франции и явно тяготиться связями с Таальби. Он одобрил и скрепил своей подписью декреты 13 июля 1922 г., а через год — в июле 1923 г. — с ответным официальным визитом посетил Францию. Дестуровская печать по-прежнему критиковала французскую политику и «смехотворные реформы», делая при этом прозрачные намеки на позицию бей. Возможно, как думает Никола Зияде, это раздражало его [96, стр. 121]. Во всяком случае, бей перешел к угрозам и начал шантажировать Абд аль-Азиза Таальби. В дестуровских кругах, пишет Аллаль аль-Фаси, «опасались, что бей воспользуется своим положением, чтобы отомстить вчерашним друзьям и сегодняшним врагам, особенно после того, как бей пригрозил Таальби, напоминая ему, что у него в руках есть кое-какие секреты» [27, стр. 57].

Шантаж удался, и Таальби решил убраться из Туниса добру-поздорову. Люсьен Сэн горячо поддержал его намерение и, по слухам, циркулировавшим в Тунисе, снабдил его деньгами на дорогу и на пребывание за границей. Руководство партии также одобрило самоизгнание своего вождя и председателя. Возможно, что в партии возникли какие-то трения; во всяком случае, Феликс Гарас считает, что генеральному резиденту удалось рассорить Таальби с его товарищами [54, стр. 54]. Как бы то ни было, «партия решила, — говорит Аллаль аль-Фаси, — чтобы Таальби отправился на Восток, положив тем самым конец конфликту, который — если бы великий вождь продолжал упорствовать — мог бы развиваться неблагоприятно для тунисцев и их дела» [27, стр. 57].

26 июля 1923 г. Таальби сел на пароход и, как писал Амин Саид, «по совету врачей» выехал в Италию, а оттуда на Восток. Его отъезд колониcтская газета «Тюнизи франсэз» квалифицировала как «триумф разумной политики генерального резидента, которому без насилия и без ненужных крайностей удалось отделить от Таальби одного за другим его главных соратников» [см.: 99, 1923, № 8, стр. 416].

На Востоке Таальби выступил в амплуа крупного деятеля общемусульманского и панарабского движения. Отмена 3 марта 1924 г. халифата в Турции дала ему возможность выдвинуться на первый план и начать новый этап в своей политической карьере. Он объехал почти все мусульманские страны, побывал в Египте, Сирии, Ираке, Хиджазе, Индии и сыграл видную роль в созыве Халифатистского конгресса в Каире

13 мая 1926 г., в котором принял самое активное участие как делегат Ирака. Тунис представлял один из членов Большого совета. В самом Тунисе халифатистский комитет возглавил один из секретарей Дестура — Ахмед Тауфик аль-Мадани, который в телеграмме на имя низложенного халифа Абдул Меджида засвидетельствовал преданность партии делу мусульман [108, 1924, № 9, стр. 572].

Отъезд Таальби породил многочисленные догадки и предположения о кризисе Дестура и о разногласиях между рядовой массой и вождями. Наследники Таальби поспешили опровергнуть эти слухи, официально поддержали тезис о лечении «великого вождя» и заявили о неизменности политической линии Дестура [108, 1923, № 4, стр. 208]. После Таальби руководство партии возглавили генеральный секретарь Ахмед ас-Сафи, его заместитель Салах Фархат и секретари по пропаганде Ахмед Тауфик аль-Мадани и Тайеб Джемаиль. Из рук Таальби они получили массовую партию, которая в 1923 г. насчитывала 30 тыс. членов³ и 75 местных секций. По своей организации, уровню кадров и по характеру связей с массами она в значительной мере напоминала египетский Вафд. Однако в отличие от Египта процесс социального развития шел в Тунисе более быстрыми темпами и настоятельно диктовал необходимость безотлагательно перестроить всю деятельность партии. Вместо этого наследники Таальби клялись в верности заветам великого вождя и упорно держались старых принципов и концепций. Они ничего не изменили ни в политической философии Дестура, ни в формах борьбы, ни в организации масс и тем самым упустили благоприятную возможность, которую давал отъезд «великого вождя».

Апрельский кризис 1922 г. был, видимо, вершиной того, на что были способны дестуровские руководители. Развернувшаяся осенью 1923 г. борьба против закона о приобретении французского гражданства тунисскими мусульманами, окончательно принятого 20 декабря 1923 г., вылилась в бесплодную кампанию протестов. В отличие от революционных партий Дестур еще раз предпочел обратиться не к массам, а к влиятельным лицам в стране и за рубежом. Массы, видевшие в законе поощрение «продавшихся отступников», всем сердцем поддерживали дестуровскую кампанию против «покушения на веру и политическую самобытность тунисского народа» [108, 1924, № 9, стр. 571], но так и не дождались призыва к действию. Местные улемы молчали, а протесты Рашида Рида и других зарубежных авторитетов не имели никаких практических последствий.

³ В интервью итальянскому журналу «Ориенте Модерно» Таальби, находившийся проездом в Риме, заявил, что партия имела 100 тыс. членов [108, 1923, № 4, стр. 203]. По мнению большинства исследователей, это было явным преувеличением.

Неверие в массы и страх перед возможными последствиями неконтролируемых выступлений «черни», как паралич, охватывали дестуровское руководство. Ничего не делая, оно ждало подходящего момента, чтобы возобновить нажим на французское правительство и еще раз испытать силу звонких слов. Поработенное собственными иллюзиями, при всей искренности и глубине патриотических чувств оно не видело реальной исторической действительности и инстинктивно отгораживалось от нее. В силу политической недалекновидности, малой одаренности или классовой ограниченности руководители Дестура не сознавали или, во всяком случае, недооценивали значение растущего городского пролетариата и молодой революционной интеллигенции, получившей образование во французских школах. Они были слишком далеки от народа, чтобы понимать его. В какой-то мере представляя его национальные интересы, они не обращали никакого внимания на его социальные и экономические нужды. Они поддерживали верхушечные контакты с ФКП и вместе с тем совершенно не интересовались, чем и как жили тунисские рабочие, крестьяне и революционная молодежь.

Мухаммед Али и Тунисское общество экономической взаимопомощи. В первые послевоенные годы рабочие-мусульмане в политическом плане поддерживали антиимпериалистические выступления Дестура; в социальном плане они жили и боролись в рамках европейских профсоюзов, входивших в Департаментское объединение ВКТ. Плечом к плечу с рабочими-европейцами они боролись против хозяев, участвовали в забастовках, профсоюзных митингах и собраниях. Однако успехи и неудачи рабочего движения (см. стр. 37—38) далеко не одинаково отражались на положении рабочих-тунисцев и рабочих-европейцев. Лидеры профсоюзов в первую очередь заботились о нуждах европейцев; об интересах тунисцев в пылу борьбы они нередко забывали. Наконец, тунисцы — хотя они на равных основаниях участвовали в забастовочном движении — чувствовали себя чужими во французских профсоюзах. Вожди французских рабочих, писал Тахар аль-Хаддад, проявляли «снисходительность, помогая тунисским рабочим, даже распределяя среди них пособия в дни забастовок... При всем этом тунисские рабочие чувствовали несправедливость и умаление их прав даже внутри этих профсоюзов, которые призывали их к борьбе против несправедливости, дискриминации, расового и религиозного предпочтения» [30, стр. 47]. Положение становилось тем серьезнее, что «у товарищей, — как однажды заметил Хабиб Бургиба, — которые претендуют бороться за справедливость и свободу, эти рефлексy еще более одиозны» [42, стр. 380].

Снисходительность и патернализм рабочих вождей, особое положение французских рабочих в профсоюзах, колониетский

дух и расистские тенденции в их среде— все это отдаляло туниских рабочих от Департаментского объединения ВКТ и создавало у них тягу к образованию самостоятельных организаций. Еще во время войны 1914—1918 гг. железнодорожники-мусульмане создали отдельную кассу взаимопомощи. Таким же путем пошли рабочие-табачники, образовавшие отдельную от французов организацию [см.: 30, стр. 47—48].

В этой обстановке подъема рабочего движения и вместе с тем усилившихся трений между тунискими рабочими и вождями французских профсоюзов в Тунис возвратился Мухаммед Али — националист и революционер, выходец из народа, до конца жизни сохранивший жгучую ненависть к колонизаторам и страстное желание помочь, как он говорил, «братьям по нищете» [33, стр. 867].

Мухаммед Али родился в Эль-Хамме, небольшом местечке близ Габеса. Юношей он отправился на Восток, был в Турции и Египте. В 1911 г. прибыл в Триполитанию, чтобы воевать с итальянцами. Здесь он познакомился с Энвер-пашой, одним из лидеров младотурецкой партии «Единение и прогресс», и после поражения турок вместе с ним уехал в Стамбул. В 1913 г., когда Энвер-паша стал военным министром Османской империи и самым влиятельным членом младотурецкого «триумvirата», Мухаммед Али поступил в турецкую армию, став личным шофером военного министра. В 1918 г. вслед за Энвер-пашой Мухаммед Али перебрался в Германию. Он учился в Берлине, прослушал там курс политэкономии и в марте 1923 г. вернулся на родину.

Мухаммед Али как человек действия не мог остаться в стороне от событий, развертывавшихся в Тунисе. Он видел пропасть, отделявшую массы от дестуровских вождей. Пораженный картинами народной нищеты, видом бедняков, спящих на улицах медины, он выступил против дестуровского увлечения звонкой фразой при полном забвении насущных интересов трудящихся масс. Возможно, что «он,— пишет Феликс Гарас,— интуитивно понимал, чем может быть туниское национальное профсоюзное движение» [54, стр. 192]. Как бы то ни было, он не примкнул к партии Дестур и целиком посвятил себя борьбе за дело туниских рабочих.

В Тунисе он сблизился с группой молодых революционеров. Среди них были Ларби Маами, Тахар Ботория и Тахар аль-Хаддад (1901—1936), прогрессивный туниский поэт и публицист. Социалистические идеи, пропагандируемые в «литературных кафе» и кружках, захватывали их воображение. Тахар аль-Хаддад, говорят, читал арабские переводы произведений К. Маркса [115, 1960, № 1, стр. 10]. Как и Мухаммед Али, молодые революционеры были выходцами из далекой провинции. Неодолимая тяга к знаниям привела их в столицу и поставила перед ними мучительные вопросы о добре и зле, о причинах

бедствий тунисского народа. После длительных споров и размышлений Мухаммед Али, Тахар аль-Хаддад и их друзья пришли к выводу, что успехи, достигнутые в Европе, являлись результатом хорошей организации и длительной борьбы рабочего класса и что тунисский народ также должен сплотиться в союзах и ассоциациях, чтобы заставить правительство идти по пути развития экономики и благосостояния народных масс [30, стр. 31—32]. Они считали, что капиталистическое производство ради прибыли должно уступить место кооперативным производственным товариществам. Эта доктрина кооперативного социализма, возможно, была навеяна социально-экономическими воззрениями Лассалья, с которыми Мухаммед Али мог познакомиться в Германии. Во всяком случае, вернувшись в Тунис, он знакомил своих товарищей с принципами кооперативного движения. Впрочем, идеи и принципы кооперативного социализма были широко распространены и среди французских социалистов, в частности последователей Ж. Жореса, которых было довольно много на юге Франции и в Тунисе. Как бы то ни было, молодые революционеры решили основать в различных районах Туниса сельскохозяйственные, промышленные, торговые и финансовые кооперативные товарищества (ширкат таауния) во главе с представителями патриотической молодежи. В дальнейшем эти товарищества предполагалось объединить друг с другом и создать общую администрацию. Она могла бы вести их к единой цели — «сообществу кооператоров (аммат аль-муштарикин.— Н. И.), которые, используя знание и разум, будут вести дела сообщества, в частности руководить теми предприятиями, которые они создадут» [30, стр. 36]. Социалистическая программа Мухаммеда Али и его друзей, выдержанная в стиле лассальянских идей о свободных производственных товариществах, была, разумеется, чистой утопией, и это скоро поняли сами авторы программы [см.: 30, стр. 33].

Все поклонники кооперативного социализма своей основной задачей считали преобразование общества путем создания производственных ассоциаций, и все они, сталкиваясь с практическими трудностями, начинали с образования потребительских рабочих кооперативов. Молодые тунисские революционеры в этом отношении не составляли исключения. Не имея ни средств, ни возможностей основать промышленные или сельскохозяйственные товарищества, они решили для начала создать потребительский кооператив. В течение многих дней и ночей они разрабатывали проект устава Тунисского общества экономической взаимопомощи (Джамийат ат-тааун аль-иктисади ат-туниси). Это общество должно было охватить торговлю съестными припасами и предметами домашнего обихода. Своей главной целью они ставили избавление рабочих от эксплуатации торговцев путем ликвидации «монополии

торговли» и введения кооперативных принципов закупки и распределения товаров. Наряду с этим предусматривалось создание кооперативного фонда для помощи «членам нации», которые «развращены безработицей или уже не в состоянии применять свои дарования». Путем организации лекций, докладов и публикаций общество должно было вести пропаганду социализма, а также содействовать развитию всеобщей грамотности [30, стр. 33—37].

29 июня 1924 г. в присутствии Тайеба бен Мустафы, Мухаммеда Бургибы, Османа Каака и других почетных гостей в г. Тунисе в большом зале «Халдуния» состоялось собрание. Оно заслушало выступления Тахара аль-Хаддада, Тахара Сфара, Мухаммеда Али и утвердило устав Тунисского общества экономической взаимопомощи. Через неделю, 6 июля, были созданы комитет по сбору взносов и руководящий комитет во главе с Мухаммедом Али. Руководящий комитет сразу же начал широкую пропаганду принципов и целей общества. В различных районах г. Туниса созывались митинги и собрания, на которых выступали Мухаммед Али и его товарищи. На юного Хабиба Бургибу (будущего президента Тунисской республики), в молодости слышавшего Мухаммеда Али, его речи «производили сильное впечатление горячей убежденностью, ясностью изложения и глубиной взглядов» [42, стр. 379]. В короткий срок Мухаммеду Али удалось снискать симпатии революционной молодежи и завоевать популярность среди тунисских рабочих.

Третий Вафд. Инициатива Мухаммеда Али, естественно, осталась вне поля зрения руководителей Дестура, которые по-прежнему парили в высоких сферах чистой политики. Националистическое по своей сути движение тунисских рабочих интересовало их неизмеримо меньше, чем результаты французских выборов 11 мая 1924 г., приход к власти правительства Левого картеля во главе с лидером радикал-социалистической партии Эдуардом Эррио (14 июня 1924 г.— 1 мая 1925 г.) и распространившиеся в связи с этим слухи о возможной отставке Люсьена Сэна. Смена власти во Франции вызвала среди них бурный прилив энергии. Как никогда раньше, они надеялись, что французское правительство пойдет им навстречу. Немедленно после выборов Ахмед ас-Сафи послал приветствие Эррио и поздравил его с успехом. В июне 1924 г. Салах Фархат выехал в Париж и попытался завязать переговоры с правительством, но неудачно.

В связи с победой Левого картеля значительно окрепли позиции Тунисской федерации СФИО и реформистов, которые в 1924—1925 гг. выступали единым фронтом с социалистами. Положение правительства Эррио в значительной мере зависело от голосов социалистов в палате депутатов, и это вынуждало его при разработке тунисской политики искать взаимопонимания с местной федерацией СФИО. В свою очередь социалисты

из оппозиции перешли к политике сотрудничества с французским правительством и фактически превратились в полуправительственную партию.

Как и в бурном 1921 году, в печати разгорелась ожесточенная полемика о целях, задачах и перспективах национально-освободительного движения. Дестур, реформисты и СФИО лихорадочно уточняли пункты и подпункты своих партийных программ. 26 августа 1924 г. социалисты опубликовали программу-минимум, состоявшую из 14 пунктов. Они требовали расширения полномочий Большого совета; ответственности перед ним министров и директоров генеральных управлений; предоставления права голоса всем тунисцам, достигшим 21 года; абсолютного разделения властей; отмены всех декретов, противоречащих принципам свободы слова, печати и собраний; обязательного начального образования на арабском языке и т. д. [см.: 99, 1924, № 9, стр. 502]. Политика социалистов, «основанная на абсолютнейшем равенстве между двумя элементами», нашла полную и безоговорочную поддержку со стороны реформистской партии, выступавшей за политику «франко-тунисской ассоциации» (сийасат ат-ташрик). В своих девяти пунктах с многочисленными подпунктами реформисты также потребовали всеобщего избирательного права «без различия классов», реорганизации и расширения прав Большого совета, выборности муниципалитетов, уважения свобод, начального образования на арабском языке, равенства в оплате труда и в несении военной службы. Фактически они повторяли программу-минимум Тунисской федерации СФИО, дополнив ее требованием реформировать шариятский суд [108, 1924, № 12, стр. 779].

Социалисты лучше, чем кто-либо другой, понимали всю глубину социальных противоречий в стране и революционно-националистический характер движения Мухаммеда Али. Они считали его порождением социального невежества и нищеты и требовали от правительства обратить самое пристальное внимание на экономическое положение трудящихся. В 14 пунктах они настаивали на отмене хаммасата, предоставлении тунисцам земельных участков, ссуд и материальной помощи на равных основаниях с французами, на праве рабочих и служащих объединяться в профсоюзы. Реформисты со своей стороны требовали распространить на Тунис французское трудовое и социальное законодательство в целом.

Программа социалистов и реформистов, их проправительственные симпатии и яростные нападки на всех, кого они считали коммунистами или сепаратистами, оказали серьезное воздействие на позицию Дестура. Большое значение имела также поездка совместной делегации Тунисской федерации СФИО и реформистской партии в Париж, где она в середине октября 1924 г. была принята Эдуардом Эррио и представила ему свои

требования. Видимость успехов, достигнутых Тунисской федерацией СФИО и реформистами, усилила надежды Дестура на взаимопонимание с Францией. Ради переговоров с Эррио руководители Дестура пошли на все, вплоть до забвения принципиальных основ дестуровского движения. Неожиданно отказавшись от экстремистской позы, Ахмед ас-Сафи и Салах Фархат повели партию извилистым путем тактических уступок. Изменение курса встретило полное понимание среди традиционной мусульманской буржуазии, улемов и хабусных землевладельцев, боевой дух которых заметно падал по мере развития рабочих волнений.

В 1924—1925 гг. политическую линию Дестура отличали два момента — антикоммунизм и снятие лозунга о независимости, выдвинутого в начале войны Али Баш-Хамбой и втайне поддерживавшегося Таальби. Осенью 1924 г., убедившись, что ФКП раздражает Эррио и партии Левого картеля, что она не имеет влияния в парламенте и, следовательно, не может быть полезной при переговорах с правительством, «старые тюрбаны» отказались от поддержки коммунистов и пошли на сближение с парламентской фракцией социалистов. Всячески откровенно отходя от экстремизма и «скандального союза с коммунистами», в котором их обвиняли социалисты, дестуровские руководители дошли до смешных и нелепых утверждений об отсутствии у них каких-либо антифранцузских и сепаратистских тенденций. «Мы не являемся националистами», — заявил, например, 29 ноября 1924 г. Салах Фархат на страницах партийного органа — газеты «Либераль» [40, стр. 82].

В ходе газетной войны 1924 г. Дестур тщательно отработывал тактику и программу нового Вафда. Формально программа покоилась на незыблемых девяти пунктах 1920 г., фактически полностью от них отходила. В памятной записке и декларации, опубликованных в Париже 12 декабря 1924 г., руководители Дестура пространно критиковали июльские реформы 1922 г., а затем развертывали свою новую программу в форме детализированного комментария к девяти пунктам [см.: 112, 1925, № 6 бис, стр. 224—226]. В общих замечаниях к декларации авторы специально подчеркивали совместимость требований Дестура с режимом протектората и интересами Франции. Первое и важнейшее требование национально-освободительного движения о законосовещательном собрании в документах третьего Вафда выступало как исправление несовершенств Большого совета. Оно должно было, по их мнению, заключаться в преобразовании двух секций в единое собрание, обладающее правом вотировать бюджет и разрабатывать законы местного значения. Члены этого собрания должны были избираться кандидатскими советами, и лишь эти последние должны были образовываться на основе прямых и всеобщих выборов. Пункт об ответственности тунисского правительства третий Вафд под-

менил требованием местной федерации СФИО об ответственности директоров генеральных управлений и, таким образом, фактически снял требование об образовании тунисского правительства. «Наша цель, следовательно, — говорилось в декларации, — не уменьшить власть покровительствующей державы, а дать законосовещательному собранию право действительного контроля над деятельностью глав управлений» [там же]. Остальные требования — о разделении властей, выборности муниципалитетов, обязательном начальном образовании, равноправии тунисцев и французов, уважении свобод — являлись общими для всех национальных партий и группировок и в основном повторяли соответствующие положения дестуровской программы 1920 г. Экономические и социальные требования масс по-прежнему не находили никакого отражения в документах третьего Вафда, хотя бы в той форме, в какой они были представлены в программах социалистов и реформистов.

Программа, тактика и политика Дестура в период третьего Вафда сблизили его позицию с позициями реформистов и Тунисской федерации СФИО и подготовили, таким образом, почву для их последующего объединения в рамках межпартийного соглашения. Никаких других последствий политическая эквилибристика Дестура не имела. 29 ноября 1924 г. третий Вафд в составе Салаха Фархата, Тайеба Джемаиля и Ахмеда Тауфика аль-Мадани под председательством Ахмеда ас-Сафи выехал в Париж и вновь испытал горечь поражения. Ни Эдуард Эррио, ни его министры не приняли третью дестуровскую делегацию, которая после почти месячного пребывания в Париже разделилась на две группы и в конце декабря отправилась в обратный путь.

Тунисская всеобщая конфедерация труда. Пока Дестур готовился к переговорам, Мухаммед Али развертывал бурную агитацию среди рабочих. Суровая реальность классовой борьбы быстро отрезвила молодых революционеров и избавила их от всяких иллюзий о мирном переустройстве общества на кооперативно-социалистических началах. В портах и рабочих трущобах кипели страсти, подогреваемые жгучей ненавистью к колонизаторам. Засуха и неурожай 1924 г. еще более обострили национальные и классовые противоречия. Большой успех имели коммунистические агитаторы, активно действовавшие в профсоюзах и призывавшие массы ликвидировать колониальную систему протектората, упразднить каидов и разделить землю между крестьянами [там же, стр. 221]. То тут то там вспыхивали забастовки, в большинстве случаев возникавшие стихийно, без санкции профсоюзного руководства или даже вопреки вождям ВКТ.

13 августа 1924 г. начали забастовку 2 тыс. докеров г. Туниса. Они потребовали упорядочить организацию работ и увеличить заработную плату до уровня докеров Марселя. Не

встретив поддержки ВКТ, докеры самостоятельно начали забастовку, продолжавшуюся 23 дня. Большую роль в ней сыграл Мухтар аль-Айари — профессиональный революционер, издатель коммунистической газеты «Хабиб аль-Умма». Забастовочный комитет выдержал шантаж буржуазной печати, требовавшей послать на работу в порт солдат или заключенных, 25 августа отверг посредничество шейха тунисской медины, 28-го организовал демонстрацию против найма штрейкбрехеров-бедуинов. Три демонстранта были ранены во время схватки с полицией.

Особенно крупный размах забастовочное движение приняло в Бизерте и ее окрестностях. 15 августа 1924 г. объявили забастовку докеры Бизерты. 22 августа к ним присоединились рабочие кирпичного завода в Мензель-Джамиле, 4 сентября — рабочие, занятые на реконструкции бизертского порта. За ними последовали забастовки сельскохозяйственных рабочих Джебель-Харубы, извозчиков Сиди-Ахмеда и пр. Забастовщики пользовались широкой поддержкой местных коммунистов. Руководителями бизертских рабочих выступили лидеры местного объединения профсоюзов ВКТ Мухаммед Хемири и Тахар бен Салем.

Наиболее драматическим моментом классовых боев в Бизерте явились события 11 сентября 1924 г. В этот день власти арестовали секретаря Бизертского объединения ВКТ Хемири. К вечеру огромная толпа собралась у здания комиссариата полиции. Ораторы — французы и тунисцы призывали собравшихся не расходиться, пока не освободят Хемири. Тогда полиция и отряд сенегальских стрелков открыли огонь. Один демонстрант был убит, шесть — ранены. Мухаммед Хемири был выслан из Туниса.

Волна забастовок резко изменила планы Мухаммеда Али и его друзей. В первые же дни народных выступлений они пришли на помощь бастующим и всячески стремились облегчить их лишения. Забастовки в городах Тунисе и Бизерте в значительной мере протекали стихийно, без серьезной предварительной подготовки. Рабочие не имели ни собственной организации, ни действенной помощи со стороны лидеров ВКТ, занявших выжидательную позицию. В этих условиях Мухаммед Али и его друзья, жившие интересами рабочих, поняли всю важность и необходимость самоорганизации пролетариата. Они увидели, что работа по созданию Тунисского общества экономической взаимопомощи лишилась всякого смысла. Поэтому они решили «отложить» ее и вместо этого приняли за организацию рабочих профсоюзов [30, стр. 101].

Во время забастовок движение по созданию самостоятельных тунисских профсоюзов приняло широкий размах. Первыми создали профсоюз докеры тунисского порта. Их примеру последовали рабочие бастующих предприятий Бизерты. Рабо-

чие-тунисцы массами выходили из профсоюзов ВКТ и присоединялись к организациям Мухаммеда Али. В октябре — декабре 1924 г. независимые национальные профсоюзы были созданы на многих предприятиях столицы. В ноябре — декабре того же года движение охватило города и горнопромышленные поселки центрального и южного Туниса. Национальные рабочие организации образовались в Сфаксе, Гафсе, Метлави, Сусе, Матере и других местах.

Большую помощь Мухаммеду Али оказывали тунисские коммунисты. Характер пропаганды среди забастовщиков, в частности агитация за передачу земель крестьянам, резко антиимпериалистические лозунги («Тунис принадлежит рабочим и крестьянам, а не Франции») [113, 1. II. 1925], попытки связать забастовочное движение с выступлениями в деревне (в Джебель-Харубе в сентябре 1924 г., в Потэнвиле в январе 1925 г.), вызов, брошенный «желтым» профсоюзам ВКТ, — все это говорит за то, что коммунисты приняли активное участие в движении, а возможно, были инициаторами многих забастовок. Об этом же свидетельствует присутствие коммунистов в руководстве движением и в выборных органах профсоюзов. В январе 1925 г., во время забастовок в Хаммам-Лифе и Потэнвиле, когда Мухаммеда Али не допустили в зону волнений, движение возглавил один из лидеров тунисских коммунистов — Финидори [99, 1925, № 2, стр. 65].

Одновременно с организацией профсоюзов на предприятиях, стройках, шахтах и карьерах руководители движения приступили к их объединению и формированию центральных органов. 12 октября 1924 г. в Бизерте, которая фактически стала центром движения, девять независимых местных профсоюзов объединились и объявили о создании Тунисской всеобщей конфедерации труда — ТВКТ (Джамийат умум аль-амала ат-тунисия) во главе с временным бюро из трех человек. 14 октября аналогичное объединение было создано в г. Тунисе. 3 декабря 1924 г. оба центра объединились под руководством Мухаммеда Али, ставшего к этому времени общепризнанным вождем национального рабочего движения.

Встав во главе ТВКТ, Мухаммед Али в основном сохранил свои старые политико-экономические и социологические воззрения. Как это ни парадоксально, в теории он отрицал необходимость классовой борьбы и выступал за социальное обновление тунисского общества на основе сотрудничества между всеми классами нации. Своей целью ТВКТ ставила борьбу за реформы.

3 декабря 1924 г. собрание представителей тунисских профсоюзов утвердило устав ТВКТ и создало руководящие органы — Временный исполнительный комитет и Комитет по пропаганде и информации. В состав Временного исполнительного комитета вошли Мухаммед Али (генеральный секретарь), Иб-

рахим бен Аммар (заместитель секретаря), Мухаммед Каддур (казначей) и Бешир Джуди (заместитель казначея). В Комитет по пропаганде были избраны Мухтар аль-Айари, Мухаммед аль-Габади, Мухаммед аль-Гануши, Тахар аль-Хаддад и Бешир Фалех [30, стр. 126].

Размах движения и образование ТВКТ серьезно обеспокоили Дюреля и других лидеров Департаментского объединения ВКТ. Еще в октябре 1924 г. Дюрель встретился с Мухаммедом Али и выразил опасения по поводу раскола рабочих перед лицом «объединенной силы капитала». 18 октября 1924 г. газета «Тюнис-социалист» осудила создание «сепаратных мусульманских профсоюзов». Однако руководители ТВКТ отвергли домогательства Дюреля на монопольное право представлять тунисских рабочих. Мухаммед Али заявил Дюрелю, что тунисские профсоюзы основаны на принципах, общепринятых в мировом движении, что они открыты для французских рабочих и что тунисцы, как и все другие народы, имеют право на собственные рабочие организации [30, стр. 107—108]. «Велик был гнев и разочарование тунисской СФИО,— злорадствовала колониальная газета „Тюнизи франсез“.— Подумать только! Она, которая столько работала, чтобы распространить профсоюзную идею среди туземцев, она увидела, как их крупные отряды, на которые она рассчитывала, ушли от нее и организовались отдельно» [цит. по: 99, 1925, № 2, стр. 64].

24 октября 1924 г. спасти положение прибыл сам генеральный секретарь ВКТ и представитель Франции в Лиге наций Леон Жуо. Он действовал в тесном контакте с председателем совета министров Эдуардом Эррио, который был очень встревожен событиями в Тунисе. Эррио, по-видимому, не придавал большого значения Дестуру и рассматривал Мухаммеда Али как единственного подлинного лидера тунисского национализма, создавшего реальную угрозу французским позициям в Тунисе. Посылая Жуо, он «просил его содействия в осуществлении в Тунисе собственно профсоюзной программы, а не политической программы, прикрытой профсоюзной программой» [33, стр. 868].

6 ноября, после двухнедельного пропагандистского турне, Жуо покинул Тунис, так ничего и не добившись. Тунисские рабочие не пошли за ВКТ, которая с этого времени отказалась от политики выжидания и заняла открыто враждебную позицию в отношении ТВКТ.

По возвращении в Париж Жуо вошел в состав консультативной комиссии, которую Эррио образовал 27 ноября 1924 г. под своим председательством. Эта комиссия — единственный практический результат пребывания в Париже совместной делегации Тунисской федерации СФИО и реформистов — должна была изучить положение в протекторате и разработать соответствующие рекомендации. 20 и 29 января 1925 г., во время

обсуждения тунисских событий в палате депутатов, Эррио сообщил, что комиссия и правительство продолжают изучать вопрос о реформах, в частности о распространении на Тунис французского законодательства о профсоюзных свободах. При этом глава правительства наотрез отказался рассматривать Мухаммеда Али как профсоюзного лидера Туниса и вступать с ним в какие-либо отношения.

Таким образом, ВКТ, СФИО и правительство Эррио после некоторого периода выжидания заняли резко отрицательную позицию в отношении национального рабочего движения в Тунисе. Тем самым они фактически полностью солидаризировались с патронатом и французскими империалистическими кругами, требовавшими энергичной расправы с «агитатором».

В защиту Мухаммеда Али выступила лишь Французская коммунистическая партия. В печати и в парламенте она поддержала образование ТВКТ. В августе 1924 г. ФКП организовала забастовку солидарности докеров Марселя [107, 29. VIII. 1924]. 15 сентября 1924 г. французская Унитарная всеобщая конфедерация труда (УВКТ) опубликовала протест против расстрела в Бизерте и заклеимила находившихся у власти «пацифистских лжедемократов» как «злейших пособников империализма». От имени ФКП Андре Бертон дважды поднимался на трибуну парламента в защиту тунисских рабочих. 17 февраля 1925 г. он внес запрос о попытках удушить ТВКТ [33, стр. 865]. Палата отказалась обсуждать интерпелляцию коммунистов и ограничилась заслушиванием ответа Эррио, который подтвердил позицию правительства.

Картель националистов и разгром ТВКТ. В создавшейся ситуации судьба ТВКТ в значительной мере зависела от расстановки политических сил в самом Тунисе, в частности от позиции Дестура. Полиция и власти протектората чинили всяческие препятствия революционному рабочему движению. Не говоря уже о расстреле в Бизерте, срыве забастовок и разгоне демонстраций, власти путем произвольных приводов в полицию, высылки, запрещения собраний мешали нормальной организационной и пропагандистской деятельности ТВКТ. В декабре 1924 г. были задержаны в Матёре Мухтар аль-Айари и в Метлави Мухаммед Али, а затем высланы из этих мест [107, 27. XII. 1924]. В январе 1925 г. полиция не допустила Мухаммеда Али в район волнений в Потэнвиле, где пикетчики пытались полностью остановить работу на полях. Усилились трения между рабочими-европейцами и рабочими-мусульманами, переходившие порой в открытые столкновения. 26 января европейцы смогли приступить к работе в Потэнвиле только под защитой сильных нарядов полиции.

Дестур все это время был в стороне. Мусульманская элита презирала пришлых оборванцев. Со всей откровенностью и подлинно восточным высокомерием она третировала их как

людей, занимающихся низким, недостойным промыслом. Если даже «Дестур,— пишет Клемент Генри Мур,— презирал рабочих скорее из-за их бедуинского происхождения, чем вследствие какого-либо марксистского классового предубеждения» [72, стр. 29], то это далеко не меняло сути дела. Социальный антагонизм был велик, и мусульманская буржуазия была не в состоянии его преодолеть. «Старые тюрбаны» с трудом скрывали свою неприязнь к движению Мухаммеда Али, но до поры до времени молчали. Они, по-видимому, хотели использовать его как разменную монету при торге с властями. Неудача третьего Вафда не обескуражила их, и вскоре после возвращения из Парижа дестуровские вожди вошли в контакт с генеральным резидентом. Как умный и прозорливый политик, Люсьен Сэн решил воспользоваться недоверием имущих классов к рабочему движению, чтобы отколоть массы, в частности рабочих, от руководящего ядра Дестура, противопоставить их друг другу и тем самым ослабить национально-освободительное движение в целом.

Дестуровские «бонзы» попали в ловушку. Люсьен Сэн, отмечает Хабиб Бургиба, «тайком стакнулся с „кациками“ из Исполнительной комиссии партии, обольстил их туманными обещаниями, заявив, что удовлетворить их политические требования Франции мешает только страх перед рабочим движением, подозреваемым в связях с коммунистами. „Держитесь подальше, отмежуйтесь от Мухаммеда Али, и ваш Дестур — у вас в кармане“» [42, стр. 381].

Дестур сделал выбор и полностью отмежевался от ТВКТ. Это позволило генеральной резиденции завершить политическую изоляцию ТВКТ и нанести ей решающий удар. 5 февраля 1925 г. власти арестовали Мухаммеда Али, Финидори, Мухтара аль-Айари и некоторых других руководителей рабочего движения (21 февраля им было предъявлено обвинение в заговоре против безопасности государства). Рабочие пытались протестовать. 7 февраля около 300 докеров г. Туниса бросили работу и вышли на улицу. Но их никто не поддержал. «Рабочее движение, которым руководит Мухаммед Али,— хладнокровно заявила дестуровская „Либераль“ 7 февраля 1925 г.,— не имеет ничего общего с дестуровским движением» [цит. по: 99, 1925, № 2, стр. 65]. Буржуазия отреклась от Мухаммеда Али, а сам народ, как заметил Хабиб Бургиба, «был еще страшно неорганизован и не имел никакого опыта политического действия» [42, стр. 381].

Ясная и четкая позиция Дестура в отношении национальных профсоюзов получила поддержку тунисской СФИО и ее союзников. Она позволила ему конкретизировать курс на сближение с социалистами и объединить все фракции и группировки тунисской буржуазии. Соглашение о единстве было достигнуто 18 февраля 1925 г., когда представители Дестура, рефор-

мистской партии, Туземной торговой палаты и Туземной секции Большого совета договорились о создании картеля — межпартийного союза мусульманских националистов, вступившего в блок с Тунисской федерацией СФИО и Департаментским объединением ВКТ. 19 февраля картель опубликовал манифест, в котором в качестве «пожеланий всего Туниса» потребовал провести «необходимые реформы в условиях самого полного спокойствия без какого бы то ни было злого умысла в отношении противной стороны и без какой бы то ни было связи с коммунизмом» [99, 1925, № 3, стр. 111]. Манифест подписали 17 виднейших представителей мусульманской общности, в их числе Ахмед ас-Сафи, Салах Фархат, Хасан Геллати, Мухаммед Шеник — председатель Туземной торговой палаты и Бешир Аннаби — вице-президент Туземной секции Большого совета. Одновременно эти же лица направили телеграмму на имя Эдуарда Эррио с решительным протестом против «заявления депутата Бертона», который, выступая в качестве адвоката на процессе Финидори, бросил фразу: «В силу договоров в Бардо и Ла-Марсе Франция имеет только одно право в Тунисе — право уйти!» [99, 1925, № 2, стр. 67].

Участники картеля сохранили полную организационную и идеологическую самостоятельность. В основе союза, заявил Ахмед ас-Сафи, лежит «уважение программы каждой партии и группировки» [99, 1925, № 3, стр. 112]. Фактически они сплотились на соглашательской антикоммунистической платформе, нашедшей свое выражение в документах третьего Вафда, программе реформистской партии 1924 г. и в «программе реформ», представленной Туземной секцией Большого совета 22 января 1925 г. Эти программы не имели существенных расхождений и отражали общий крен имущих классов в сторону сотрудничества с протекторатом, а также их неприязнь к рабочему движению.

Объединение буржуазно-помещичьих партий и группировок вызвало восторженные отклики в правом секторе национально-освободительного движения и в демократических кругах европейской колонии. Всех их спланивал страх перед «большевистской опасностью». 19 февраля 1925 г. «Тюнис-социалист» с радостью приветствовала примирение «наших туземных друзей». Мухаммед Шеник выразил удовлетворение по поводу того, что вожди Дестура «со смелостью, которой следует воздать должное, признали свою ошибку в отношении нас». В поддержку картеля выступили Хасан Геллати и Ахмед ас-Сафи. Выпущенный по этому случаю манифест Дестура подчеркивал, что партия хотела бы «опровергнуть обвинения в сделках с коммунистами». Все участники картеля рассматривали его создание как необходимость сплотить ряды перед объединенным фронтом противников реформ.

Важнейшим, если не единственным, совместным выступле-

нием картеля было осуждение Мухаммеда Али и национальных профсоюзов. 22 февраля 1925 г. Ахмед ас-Сафи, Салах Фархат, Хасан Геллати, Мухаммед Шеник, Бешир Аннаби и другие лидеры тунисского национализма опубликовали совместное обращение, в котором выступили против ТВКТ. В этом обращении сообщалось о встрече представителей национальных партий и группировок, которые после «обмена мнениями» заявили, что, хотя у них нет прямой власти над рабочими, они решили «использовать всю силу своего влияния, чтобы как устно, так и через печать убедить тунисских рабочих присоединиться к ВКТ» [цит. по: 99, 1925, № 3, стр. 118]. 6 марта 1925 г. совещание лидеров Дестура с секретарями партийных секций столицы и внутренних районов страны одобрило позицию, занятую руководством партии.

Тунисские коммунисты и ТВКТ остались в полном одиночестве и с дерзостью пролетариев, которым нечего терять, выступили против картеля и его оппортунистической политики. «Они вольны усыплять себя опиумом реформ,— заявила коммунистическая газета „Авенир сосиаль“ 22 февраля 1925 г.— Наша задача — поставить пролетариат лицом к лицу с французским империализмом и буржуазией». ТВКТ со своей стороны выпустила манифест, который 1 марта 1925 г. был опубликован в «Авенир сосиаль». Как «чисто профессиональная организация» ТВКТ «во имя законности, свободы мнения и труда» протестовала «против всякого вмешательства политических партий в ее дела» [99, 1925, № 3, стр. 113]. Однако силы были неравны. Изолированное со всех сторон и лишенное руководства движение быстро пошло на убыль. «Националистическая и коммунистическая агитация,— констатировала „Тан“ 17 февраля 1925 г.,— кажется, прошла свой кульминационный пункт»⁴.

Профсоюзы Мухаммеда Али были разгромлены, но вопрос о реформах по-прежнему тонул в тумане двусмысленных обещаний. 7 тыс. телеграмм, которые Эррио получил от дестуровских активистов и молодежи, не дали никаких результатов. Терпение дестуровских вождей было на исходе. Еще 17 февраля 1925 г. в Тунис прибыли члены Комиссии тунисских исследований. Однако они не привлекли к работе мусульманских

⁴ Судебный процесс над шестью руководителями ТВКТ происходил в г. Тунисе 12—17 ноября 1925 г. Мухаммед Али, Финидори, Мухтар аль-Айари были приговорены к десяти годам изгнания, аль-Габади, аль-Гануши и Али аль-Каруи — к пяти годам изгнания. Финидори был отправлен в Алжир для вызова в суд, остальные были высланы в Италию. Почти все они погибли вдали от родины. Мухаммед Али отправился, было, воевать в Марокко на стороне рифов. Но его арестовали в Танжере и выслали в Египет. Некоторое время он преподавал политэкономию в колледже Аль-Фалах в Каире; работал шофером; затем переехал в Саудовскую Аравию, где был водителем автобуса. В 1936 г. по дороге из Джидды в Мекку он погиб в автомобильной катастрофе.

националистов, и Дестур сам решил напомнить о себе. В марте распространились слухи, что комиссия предложила ликвидировать тунисскую судебную систему и заменить ее смешанной юстицией. Дестур воспользовался этим поводом и немедленно призвал население к однодневной забастовке протеста, чтобы дать колонизаторам «урок и предупреждение».

В субботу 21 марта 1925 г. по призыву Дестура, зачитанному накануне во всех мечетях, по всей стране бастовали торговцы и ремесленники. Повсюду, за исключением Суса, пустовали базары и мусульманские магазины. Торговля замерла в Бизерте, Сфаксе, Габесе, Махдии, Сук-эль-Арбе, Сук-эль-Хемисе, Эль-Кефе, Набэле и многих других городах. В столице не работали сук, центральный рынок и мусульманские магазины. Делегация из 50 именитых граждан отправилась на автомобилях в Ла-Марсу, где находился бей Мухаммед аль-Хабиб. Авто-демонстранты хотели вручить ему петицию с просьбой («зная о вашей прошлой и незабываемой позиции») вмешаться в пользу туниССского суда. Бей не принял делегацию и отказался рассматривать ее «протест против реформ, намечаемых Комиссией туниССских исследований» [99, 1925, № 4, стр. 168].

Авто-демонстрация и торговая стачка 21 марта, частично поддержанная в туниССском порту, дали яркое представление о Дестуре в период третьего Вафда, о его формах и методах действия. Они показали его подлинное влияние и реальные масштабы его массовой базы. Со всей силой они проявили горячее стремление туниССского народа к национальному освобождению и полное бессилие дестуровских лидеров. 23 марта Комиссия туниССских исследований опубликовала коммюнике, в котором говорилось, что она «не выносила никаких решений ни по одному из пунктов, намеченных ею» [там же]. Руководители Дестура расценили это как успех и спокойно принялись ждать дальнейшего развития событий. В мае комиссия вернулась в Париж и рекомендовала правительству усовершенствовать административный аппарат, оставив всякую мысль о каких-либо серьезных реформах в Тунисе.

Кризис Дестура. Очевидный крах третьего Вафда, отставка Эррио, война в Рифе и события в Сирии изменили настроения в дестуровском руководстве. В мае 1925 г. Дестур вышел из картеля и возобновил автономную деятельность. Дестуровские вожди сбросили маску смирения и вновь облачились в одежды непримиримых противников французского протектората.

В мае 1925 г. в связи с вмешательством Франции в рифскую войну [см.: 14, стр. 104 и сл.] в Тунисе развернулась широкая кампания солидарности с марокканскими повстанцами. В стране проходил сбор средств в помощь рифским раненым. Устраивались вечера и театральные представления, имевшие характер открытого вызова французским колонизаторам. Вла-

сти вынуждены были даже запретить пьесе Мустафы Камиля «Фатх аль-Андалус» («Завоевание Андалусии») [27, стр. 58]. В поддержку Рифа выступала вся антиимпериалистическая печать Туниса. Дестуровские газеты «Либераль» и «Ифрикия», реформистская «Ан-Нахда», коммунистическая «Авенир социаль» систематически публиковали статьи, клеймившие позором французскую интервенцию.

Особой смелостью и решительностью отличалась коммунистическая газета «Авенир социаль». Она не скупилась на самые резкие выражения, разоблачая французскую агрессию в Рифе. Заголовки майских статей — «Новый разбой», «Да здравствует рифский народ!», «Долой войну!», «Окровавленное Марокко» — красноречиво свидетельствовали о боевом стиле и бескомпромиссности коммунистов, которые требовали признать независимость Рифа и призывали французских солдат брататься с повстанцами [см.: 112, 1925, № 6 бис, стр. 228]. Колониальные власти закрывали одну за другой коммунистические газеты, но они каждый раз появлялись снова. 10 мая 1925 г. вместо запрещенной «Авенир социаль» стала выходить «Комба социаль», затем «Об социаль», «Батай социаль», наконец, с 11 января 1926 г. — «Пролетэр».

Тяжелый урон понесла и дестуровская печать. 25 мая 1925 г. «Ифрикия» опубликовала статью «Правда о событиях в Рифе. Да здравствует свободный и независимый Риф!», которая вышла за подписью директора газеты, секретаря Дестура — Ахмеда Тауфика аль-Мадани. 7 июня власти закрыли газету, арестовали аль-Мадани и выслали его на родину, в Алжир [там же, стр. 230].

Осенью 1925 г. поднялась новая волна репрессий. В Тунисе, Сусе и некоторых других пунктах произошло несколько демонстраций. Особенно бурной была демонстрация студентов Аз-Зитуны, вышедших протестовать против сооружения памятника кардиналу Лавижери. Бронзовый кардинал с крестом в руке, вознесенным над мединой, вызвал среди мусульман настоящий взрыв ненависти. 28 ноября у подножия памятника развернулась ожесточенная схватка между французами и зитунийцами. Несколько улемов были арестованы и высланы в провинцию, Хабиб аль-Мауи и Рийахи — брошены в тюрьму [27, стр. 58]. За «оскорбление муниципального совета» в связи с установлением статуи Лавижери 5 декабря 1925 г. власти закрыли газету «Муршид аль-Умма». 26 января 1926 г. за статью «Дамаск — город-мученик» правительство закрыло газету «Либераль», официальный орган Дестура на французском языке. Один из секретарей Дестура — Шадли бен Хайраллах был приговорен к шести месяцам тюремного заключения.

29 января 1926 г. правительство протектората издало два декрета, еще более ограничивавших свободу печати и усили-

вавших наказания за политические правонарушения. В соответствии с этими декретами «всякий, кто написанными им сочинениями, действиями или выступлениями, будь они публичными или нет», разжигал ненависть к властям, вызывал недовольство, «способное нарушить общественный порядок», или побуждал население к нарушению действующего законодательства, подвергался тюремному заключению на срок от двух месяцев до трех лет [20, стр. 229]. Уголовные наказания вводились также за «мятежные возгласы и песни» и прочие действия, порочащие государя, правительство и администрацию протектората.

Совместная кампания, начатая было дестуровскими газетами и «Тюнис-сосиалист», которая через парламентскую группу СФИО добивалась отмены декретов, не увенчалась успехом. Люсьен Сэн бил национально-освободительное движение по частям. Над тунискими журналистами, издателями, политическими и общественными деятелями, как дамочков меч, нависла угроза арестов, штрафов и судебных преследований.

Январские декреты 1926 г. серьезно затруднили деятельность Дестура и в конечном счете вынудили его вернуться к полуподпольному положению. Для партии, обескураженной целой серией политических неудач, это имело роковые последствия. Со всей силой дали о себе знать политические просчеты и тактические ошибки дестуровского руководства.

Значительно сузилась социальная база главной националистической партии Туниса. С ликвидацией картеля Дестур вновь потерял поддержку деловых кругов. Отношения с хусейнидским двором и династией даже отдаленно не напоминали весенних дней 1922 г. А главное, Дестур утратил доверие широких масс, особенно рабочего класса. В тревожную зиму 1924/25 г. рабочие обнаружили, что классовые предрассудки дестуровских вождей сильнее их патриотических чувств. Социальная база партии по сути дела свелась к традиционалистским кругам мусульманской буржуазии, связанным с хабусным землевладением и находившим поддержку и понимание в мелкобуржуазных слоях города, особенно среди мелких торговцев и ремесленников.

Социальный консерватизм партии, естественно, порождал ее политический иммобилизм. Отмежевание от рабочего движения на деле означало полный разрыв с наиболее динамичными силами нации, какими в то время были рабочий класс, революционная интеллигенция и молодежь. По инерции они продолжали идти вместе с Дестуром, участвовали в кампаниях солидарности и протеста, но их присутствие только подчеркивало политическое одряхление «старых тюрбанов». С мая 1925 г. дестуровские вожди проявляли поразительную политическую инертность. После мартовской торговой стачки 1925 г.

они не организовали ни одной общенациональной кампании. Спорадические движения протеста имели ярко выраженный локальный характер, не преследовали далеко идущих политических целей и лишь давали выход революционной энергии националистической молодежи.

С весны 1925 г. Дестур фактически ушел в себя. Почти все свои силы он посвятил укреплению собственной организации, ее росту и совершенствованию. Однако в условиях полулегального существования этот уход во внутрипартийную жизнь неизбежно привел к увеличению роли отдельных лиц, редакций и секций партии. Их значение постепенно росло в ущерб официальному руководству. Это в свою очередь усиливало внутрипартийную борьбу и способствовало образованию фракционных течений и группировок. В партийной массе, особенно среди молодежи, росло разочарование. Она жаждала живой революционной работы, устала от бесплодной игры в политику, которая зачастую не выходила за рамки партийных ячеек. С каждым годом она все сильнее критиковала партийное руководство, обвиняя его в трусости и отсутствии связей с народом.

Дестур и вместе с ним все национально-освободительное движение вступило в полосу глубокого кризиса. На пять лет в стране воцарилось почти полное спокойствие. Но оно было чисто внешним. В глубине, в недрах тунисского общества на фоне быстрых экономических успехов происходили серьезные социальные и психологические сдвиги, шла острая идеологическая борьба, которая во многом определила пути дальнейшего развития Туниса.

Экономический бум 20-х годов. После неглубокого послевоенного кризиса 1920—1921 гг. в Тунисе восстановилась хорошая деловая конъюнктура. Страна вступила в период бурного экономического развития, связанного с расцветом колонизации и внешней торговли. Временный кризис колонизации, вызванный войной и падением цен в 1920 г., встревожил французское правительство, и оно приняло срочные меры по восстановлению и развитию французского колонизационного движения. Колонист был и оставался основной опорой режима протектората, и, не считаясь ни с какими затратами, французское правительство и парламент требовали проводить «политику мелкой и средней колонизации, национального заселения». В 1920 г. правительство протектората ходатайствовало о выпуске займа на 274,5 млн. фр. Из них 12,5 млн. оно испрашивало на развитие колонизации; палата депутатов утвердила эти расходы в размере 33,5 млн. фр. [83, стр. 250].

В 1919 г. правительство протектората приняло десятилетнюю программу развития колонизации, призванную значительно усилить французский этнический элемент в Тунисе. Она предусматривала ежегодное поселение в стране 100 французских семей. В отличие от Алжира в Тунисе земля никогда не раздавалась бесплатно. Участки продавались колонистам в рассрочку на 10 лет без процентов, а с 1924 г.— на 20 лет. Колонисты обязывались построить на участке дом, поселиться в нем вместе с семьей, освоить полученную землю и лично вести хозяйство. Любое отчуждение земли без разрешения администрации категорически воспрещалось.

Колонизационная программа имела большой успех. За два пятилетних периода правительство протектората распределило 1473 участка общей площадью около 260 тыс. га [44, стр. 32]. Дальнейшее развитие этой так называемой официальной колонизации было парализовано мировым экономическим кризисом. В 1932 г. правительство полностью прекратило выделение и продажу колонизационных участков.

Земли для поселения колонистов правительство нарезало из государственного колонизационного фонда, который пополнялся как путем приобретения у частных лиц, так и в ходе

различного рода землеустроительных операций. Тысячи тунисских крестьян при этом были согнаны с насиженных мест. В ряде случаев их выселяли с помощью полиции и французских войск. Наиболее строптивых избивали и арестовывали, их гурби сжигали или сминали тракторными гусеницами. В 1928 г. страну потрясли события в Джебель-Мансуре, где «лесная стража» сожгла Бордж-Си-Мабрук-бен-Мансур и все окрестные гурби [83, стр. 271].

Общая площадь французского землевладения в эти годы выросла несколько меньше, чем можно было бы ожидать, приплюсовывая земли официальной колонизации к землям, находившимся в руках европейцев в 1921 г. Это объясняется тем, что официальная колонизация 1919—1931 гг. в какой-то степени происходила за счет сокращения частной колонизации. Старые земельные спекулянты, финансовые группы, крупные французские землевладельцы довоенной формации уступали место капиталистическим фермерам и колонистам. В 1918—1934 гг. около 40 французских землевладельцев продали только государству приблизительно 65—70 тыс. га [83, стр. 277]. Частная колонизация если и не прекратилась, то в значительной мере изменила свой характер. В 1918—1924 гг. было создано 12 новых земельных компаний с капиталом около 18 млн. фр. [47, стр. 90—91]. Часть из них по-прежнему специализировалась на купле-продаже земельных участков, но многие — на эксплуатации огромных сельскохозяйственных имений. В послевоенные годы колонисты и земельные общества почти повсеместно завершили переход от сдачи земель в аренду к непосредственной организации хозяйства, к так называемому прямому хозяйствованию.

Успехи колонистского хозяйства были самым тесным образом связаны с использованием достижений агрономической науки и новейшей техники. В 20-х годах в сельском хозяйстве произошел подлинный технический переворот. Сразу же после войны, в 1919 г., началась широкая механизация сельского хозяйства. Начало было положено приобретением большой партии тракторов из запасов американской армии, покидавшей Европу. Первоначально это были колесные тракторы, которые использовались колонистами как подспорье живому тяглу, а также в случае засухи или падежа рабочего скота. Однако вскоре они потеряли подстраховочное значение и стали основной тягловой силой в колонистском хозяйстве. Этому в не малой степени способствовала замена колесных машин гусеничными, более удобными на рыхлых тунисских почвах. Большую роль в механизации сельского хозяйства сыграл Машинно-тракторный кооператив Туниса, созданный в 1920 г. Он помогал колонистам в покупке и эксплуатации тракторов, снабжал их горючим, запасными частями и инструментом. В 1920—1930 гг. в Тунисе было продано свыше 3600 тракторов и более

1000 комбайнов. Часть из них устарела или вышла из строя. Тем не менее в 1931 г. на полях страны работали 2500 тракторов и 750 комбайнов [93, стр. 172]. Ввоз горючего и нефтепродуктов возрос с 50 тыс. т в 1920 г. до 250 тыс. в 1928 г. и 550 тыс. т в 1932 г. [40, стр. 35].

Большое значение в подъеме колонизации имели научные исследования в области сельского хозяйства, особенно выведение и внедрение новых сортов, в частности мягкой пшеницы, дававшей на опытных участках до 30 ц с 1 га. В колонистских хозяйствах широко применялись фунгисиды (средства борьбы с грибковыми поражениями растений) и химические удобрения. Потребление суперфосфата увеличилось со 130 тыс. ц в 1913 г. до 540 тыс. ц в 1929 г.

Немаловажным фактором тунисского «просперити» были высокие цены на сельскохозяйственные товары, удачное использование возможностей французского рынка и постепенное совершенствование системы сбыта. По мере развития и внедрения стандартизации увеличивался массовый сбыт продукции. Созданный в 1917 г. Центральный кооператив земледельцев Туниса построил в 1925—1930 гг. семь элеваторов общей емкостью 31,3 тыс. т и создал непосредственно во Франции свою торговую организацию, осуществлявшую прямую продажу зерна мукомольным предприятиям метрополии. В виноделии в 1926 г. на кооперативных началах были построены Кооперативный винокуренный завод и около десяти винных погребов, которые обеспечивали виноделам упорядоченный сбыт. Большую помощь колонистам оказывали оливководческие, молотильные и прочие кооперативы, объединявшие французских сельских хозяев.

Рационализация, интенсификация и техническое переоснащение колонистского хозяйства привели к резкому увеличению сельскохозяйственного производства. Посевные площади под зерновыми увеличились с 937 тыс. га в 1920—1924 гг. (в среднем за год) до 1200 тыс. га в 1925—1929 гг. [37, стр. 62], в том числе в колонистском секторе с 70—80 тыс. га в 1917—1923 гг. до 150 тыс. га в 1929 г. [83, стр. 256]. Сбор зерновых вырос в 1,6 раза, достигнув максимума в 1932 г. Ниже приводятся среднегодовые данные урожая зерновых (в тыс. ц) [37, стр. 62].

	1920— 1924 гг.	1925— 1929 гг.	1932 г.
Твердая пшеница	1473	2608	3400
Мягкая пшеница	320	600	1350
Ячмень	1304	1913	3400
Всего . . .	3097	5121	8150

В колонистском секторе за десять лет производство пшеницы утроилось, урожайность выросла на 43%. Из страны,

ввозящей зерно, Тунис превратился в крупного экспортера зерновых. В 1924—1928 гг. экспортные излишки составляли 200—300 тыс. *ц*, в 1928—1932 гг. — 1657 тыс. *ц* [93, стр. 212].

Из года в год росли площади под виноградниками. С 17,8 тыс. *га* в 1913 г. они выросли до 49,5 тыс. *га* в 1932 г., т. е. почти в 3 раза. Более чем вдвое увеличилась урожайность и соответственно в 6 раз производство вина. В 1913 г. оно составляло 300 тыс. *г*л, в 1932 г. — 1710 тыс. *г*л [37, стр. 62].

Оливковые плантации, которые начинают плодоносить через 15 лет после посадки, естественно, не могли расти лихорадочными темпами послевоенного бума. Но и здесь был отмечен значительный прогресс. Количество оливковых деревьев увеличилось с 11 770 тыс. в 1913 г. до 16 812 тыс. в 1931 г., производство оливкового масла — с 14,6 тыс. *т* в 1914 г. до 31,5 тыс. *т* в 1931 г. (35,5 тыс. *т* в среднем за 1927—1931 гг.) [там же].

В садоводстве, скотоводстве и других отраслях сельского хозяйства, где удельный вес колонистов был невелик¹, рост производства был менее значительным и происходил в основном на старой технико-агрономической базе за счет простого увеличения трудовых затрат и возделываемых площадей.

Наряду с сельским хозяйством бум затронул также и другую отрасль «первичного сектора» — добычу минерального сырья. За 1920—1930 гг. вследствие благоприятной конъюнктуры мирового рынка добыча железной руды удвоилась, фосфоритов — утроилась и намного превышала довоенный уровень; значительно хуже обстояло дело со сбытом свинца и цинка, добыча которых так и не достигла предвоенного максимума. Об этом свидетельствуют следующие данные (в тыс. *т*) [36, стр. 96]:

	1920 г.	1923 г.	1930 г.
Фосфориты	1075,0	2357	3326,0
Железная руда	434,0	845	828,0
Свинцовая руда	23,6	36	27,5
Цинковая руда	9,6	12	10,0*

* Данные за 1929 г.

Наиболее концентрированным выражением спекулятивного бума 20-х годов было непомерное развитие торговли и кредита. К 1929 г. внешнеторговый оборот Туниса в стоимостном выражении по сравнению с 1913 г. вырос в несколько раз, достигнув 3393 млн. фр. (импорт — 1984,5 млн., экспорт — 1408,5 млн.).

В отличие от торговли, горной промышленности и сельского хозяйства развитие обрабатывающей промышленности

¹ В 1931 г. в руках европейцев было: финиковых пальм — 2%, крупного рогатого скота — 12—15, лошадей — 12,5, овец и коз — 5%.

происходило более медленно. Она играла второстепенную роль в экономике страны. В 1930 г. приблизительно 90% экспорта Туниса и 44% внутреннего валового продукта (*produit intérieur brut*) приходилось на сельское хозяйство и добычу минерального сырья. Доля обрабатывающей промышленности, включая ремесло, составляла 6,4% внутреннего валового продукта. Хотя общий объем промышленного производства (без горной промышленности, энергетики и строительства) в 1910—1930 гг. увеличился примерно в два раза, его доля во внутреннем валовом продукте снизилась за этот период с 6,6 до 6,4%. Увеличение внутреннего валового продукта, который, по оценке Самира Амина, возрос на 33% в 1920—1930 гг. и почти вдвое превышал уровень 1910 г. [31, стр. 101], шло в основном за счет сельского хозяйства, торговли и добычи минерального сырья. Следовательно, экономическое развитие 20-х годов происходило без индустриализации страны и тем самым еще более усиливало несамостоятельный, колониальный характер тунисской экономики — аграрно-сырьевого придатка метрополии.

Следует, наконец, подчеркнуть, что бурное развитие экономики слабо затрагивало мусульманское население и почти полностью обходило традиционный сектор. Рост производства в традиционном секторе далеко не соответствовал темпам экономического развития страны в целом. «Быстрый рост сельскохозяйственного производства на душу населения, по крайней мере до начала 30-х годов... — пишет Самир Амин, — отражает, разумеется, не общее повышение производительности труда в сельском хозяйстве, а лишь растущее значение колониального хозяйства с его высокой производительностью, тогда как производительность традиционного сектора остается на месте или даже падает под влиянием аграрного перенаселения» [31, стр. 103]. Располагая 80% посевных площадей под пшеницей, тунисские хозяйства давали в 1931—1935 гг. только 45% общего производства пшеницы вместо 65% в 1921—1925 гг. (в среднем за год). Средняя урожайность пшеницы в традиционном секторе снизилась за это время с 2,9 ц с 1 га до 2,7 ц. Амплитуда колебаний урожайности в зависимости от погоды составляла в крестьянском хозяйстве 200%, у колонистов — 25% [83, стр. 256, 257].

Экономический бум был целиком и полностью связан с развитием французской колонизации, вызван внешними экономическими факторами, зависел от конъюнктуры внешних рынков и всецело ориентировался на них. Подъем хозяйства происходил стихийно на чисто капиталистической основе самого классического образца и вплоть до 1930 г. финансировался главным образом за счет притока частного французского капитала из метрополии [см.: 31, стр. 112].

Главным стимулом и единственным регулятором экономического развития была неумная жажда прибыли, погоня за

барышом, профитом. Высокие оклады гнали в Тунис администраторов и специалистов, исследователей и героев освоения Африки. Они прокладывали дорогу колонистам, которые, пользуясь высокими ценами, быстро окупали все расходы и получали значительные прибыли [93, стр. 174]. В свою очередь колонистское «просперити» привлекало различного рода спекулянтов и посредников. Вокруг колонистской фермы наживались подрядчики и коммерсанты, охотно поставлявшие горючее, смазочные масла и стройматериалы. Тут же, пишет Ж. Берк [40], были «агент по продаже ценных бумаг; маклер по торговле недвижимостью, который всегда готов устроить ваше дело и найти удобно расположенный участок, гарантирующий вам быструю сверхприбыль; заимодавец, дающий ссуды под залог» [стр. 146]. Однако все эти дельцы и спекулянты зачастую сами были лишь посредниками или простыми агентами французских банков. Тунисцы нередко воспринимали колонистов как главных и ненавистных эксплуататоров. Однако сами колонисты, замечает Ж. Берк, были лучше осведомлены об истинном положении вещей. «Их периодические выпады против Банка,— пишет он,— которому они повиновались и который кляли, более точно определяют в экономической иерархии роль вдохновителя и роль исполнителя, финансового дельца и клиента» [стр. 348]. Банкиры и финансисты щедро кредитовали французскую колонизацию и в час оплаты векселей пожинали богатые прибыли. Бум способствовал их неслыханному обогащению. Банки и акционерные общества в 20-х годах значительно увеличили свои капиталы и распределяли огромные дивиденды [стр. 95—98].

Формирование колониальной бюрократии. Банки и финансовые монополии оставались подлинными хозяевами Туниса. В 20-х годах, в классическую пору финансового капитала, они обладали огромным влиянием в парламенте, правительстве и государственном аппарате. Оставаясь в тени, финансисты поддерживали отношения деловой дружбы и сотрудничества, выходявшие далеко за пределы финансово-промышленных кругов. «Солидарность великих руководителей Третьей республики и международного капитализма,— отмечает Ж. Берк, один из крупнейших знатоков североафриканской жизни,— часто связывала их с проконсулом и его директорами, и их участие в колониальном творении и разрушении огромно» [стр. 348].

Однако в 20-х годах параллельно влиянию финансового капитала метрополии выросло влияние местной колонистской верхушки. К этому времени она достаточно прочно встала на ноги и обрела большой вес в стране. Ничем не брезговавший спекулянт или предприимчивый авантюрист, уехавший за море с единственной целью — разбогатеть, стал крупным колонистом, крупным предпринимателем, богатым владельцем недвижимости, транспортным или горнопромышленным магнатом.

Он остепенился и, по выражению Ж. Берка, ленточкой Почетного Легиона «обелил» кое-какие прегрешения молодости. «Превратившись в нечто значительное и почти уважаемое, он обедает у генерального резидента и выдает свою дочь замуж, как в благородном обществе» [стр. 347].

После войны эта разбогатевшая колониальная верхушка приобрела решающее влияние в тунисской администрации, особенно в среднем и низшем звене. Тысячами нитей, светскими, деловыми, семейными отношениями, она привязала к себе колониальный аппарат управления, привила ему свои взгляды, привычки, вкусы. Тунисская администрация приобрела плечистость, красноватый цвет лица, широкополую шляпу и галльские усы. Ее кадры все больше и больше пополнялись за счет местных уроженцев с их африканским опытом и расистскими предрассудками. В 1926 г. 31,5% тунисских французов бегло говорили на местном арабском языке [47, стр. 75].

Эти менеджеры колонизации, по словам Ж. Берка, производили впечатление новой расы [40, стр. 338]. Она окончательно сложилась в 20-х годах, когда быстрый рост тунисского государственного аппарата привел к «созданию автономной бюрократии, отделенной непроницаемыми перегородками, без всякого прямого контакта с туземным элементом» [43, стр. 227]. Бюрократия была совершенно оторвана от народа. В ее среде господствовали групповщина и кастовая замкнутость. «Дистанция», которую чиновники соблюдали в отношении третьих лиц, подчеркивала их исключительность и особое место в жизни страны.

Образование колониальной бюрократии как самодовлеющей общественной группы, тесно связанной с верхушкой колонизации, естественно, изменило характер и стиль управления Тунисом. Резко возросла роль административного аппарата. Авторитарная власть генерального резидента постепенно уступала место анонимным решениям, исходящим от безличной бюрократической машины. В обиходе слово «администрация» все чаще стало заменять такие понятия, как «государство», «правительство» [40, стр. 67]. Феликс Гарас утверждает даже, что «администрация» подменила собой политическую власть: «Тунис,— пишет он,— становится ее (администрации.— *Н. И.*) частным имением, которым она управляет на свой лад и методами, уже испытанными ею. Французское правительство охотно рассматривается как учреждение некомпетентное, директивы которого непригодны, а вмешательство неуместно. Политический деятель, который направляется в Тунис с особым поручением, считается подозрительным. Вокруг него создается пустота». Повсюду, куда бы он ни направлялся, ему подсовывали своих людей, которые навязывали ему нужные суждения и взгляды. Если же парижский парламентарий или политик все же формулировал свои собствен-

ные выводы, то их спешили объявить тенденциозными или личными. Парижских журналистов, продолжает Ф. Гарас, которые «не воспринимали с энтузиазмом традиционные лозунги колонизации», попросту объявляли опасными коммунистами [54, стр. 55].

Образование тунисской колониальной бюрократии, а также наметившиеся уже в начале 20-х годов различия в подходе к тунисской проблеме между парижскими инстанциями и администрацией протектората стали беспокоить французское правительство, которое опасалось «неуправляемости» Туниса. Вину за это многие возлагали на генерального резидента Люсьена Сэна, с 1921 г. правившего протекторатом. Одна за другой в Тунис прибывали парламентские комиссии, и в конце концов 2 января 1929 г. Л. Сэн был отозван из Туниса и переведен в Марокко. Новый генеральный резидент Франсуа Мансерон, карьерный бюрократ, уже имевший африканский опыт в качестве генерального секретаря тунисского правительства, даже не пытался противостоять администрации. У него, пишет Анри Камбон, было плохое состояние здоровья, которое вынуждало его уходить на «продолжительный отдых в то время, когда больше всего требовались решительные действия». К тому же он не встречал в Париже «достаточно прочной поддержки для укрепления своего авторитета» [43, стр. 232].

Вместе с правителями сменились венценосцы. 11 февраля 1929 г. умер бей Мухаммед аль-Хабиб. Его преемник — 67-летний бей Сиди Ахмед продолжал политику своего предшественника, которая заключалась в полном невмешательстве во внутренние дела возглавляемой им страны, и ничем не стеснял свободу действий администрации. Власть в стране полностью сконцентрировалась в руках «анонимной безответственной бюрократии, которая, — как говорится в резолюции II съезда Нового Дестура, — наряду с прерогативами тунисского государства присвоила прерогативы державы-покровительницы» [42, стр. 154].

Итальянская опасность. Становление на ноги французской колонизации далеко не всем приходилось по вкусу. У многих, особенно на Апеннинском полуострове, оно вызывало чувство щемящей боли. Италия с ревностью и вожделием следила за успехами своей «латинской сестры». Итальянские националисты никак не могли себе простить, что в 1878 г. они проявили нерешительность, когда Бисмарк намекал им на возможность захватить Тунис. Они рассматривали эту страну чуть ли не как свою ирреденту, обрести которую им повелевали история и долг перед родиной.

Одним из главных козырей итальянского ирредентизма было наличие в Тунисе сравнительно многочисленного итальянского меньшинства. Выходцы из Италии селились здесь

еще где-то в первой половине XIX в. Давние исторические связи, географическое соседство и нищета, царившая в Сицилии, Калабрии и других провинциях Южной Италии, обусловили выход в Тунис итальянских эмигрантов, которые отправлялись за море в поисках лучшей жизни. Здесь нередко укрывались и борцы за объединение Италии. Дважды — в 1835 и в 1849 гг. — в Тунисе искал убежище национальный герой Италии Джузеппе Гарибальди.

После установления французского протектората поток итальянских эмигрантов еще более усилился. По численности они значительно преобладали над французским элементом, что давало ирредентистам основание говорить о Тунисе как об «итальянской колонии, управляемой французами». Ниже приводятся данные о соотношении итальянского и французского населения в Тунисе.

	1901 г.	1921 г.	1926 г.
Итальянцы	71 600	84 799	89 216
Французы	24 201	54 476	71 020

Действительное число итальянцев, т. е. включая принявших французское гражданство, было несколько больше и составляло в 1926 г., согласно официальным оценкам, минимум 93 тыс. человек, т. е. 54% всего европейского населения Туниса [99, 1927, № 5, стр. 196]. Неблагоприятным для Франции был и социально-профессиональный состав выходцев из Италии. В большинстве своем (55% в 1926 г.) они состояли из сельскохозяйственных рабочих, горняков, строителей, ремесленников и рыбаков, приехавших в Тунис на постоянное жительство. Среди французов, наоборот, было много чиновников, членов семей военнослужащих, коммерсантов и просто искателей легкой наживы, стремившихся поскорее разбогатеть и вернуться на родину. Наконец, среди других эмигрантов из Европы итальянские переселенцы меньше всего поддавались ассимиляции. В 1926 г. среди тунисских итальянцев лишь 41,6% владело французским языком, тогда как среди испанцев — 69,4, у греков — 55,8% и т. д. [47, стр. 75].

Францию все время беспокоила итальянизация тунисского протектората. Поэтому, с одной стороны, она форсировала политику заселения страны французами, с другой — поощряла натурализацию переселенцев и всячески внедряла принцип *jus soli*, согласно которому все эмигранты из Европы начиная со второго поколения автоматически становились французскими гражданами. Итальянцев это, естественно, не устраивало, и они всеми средствами противодействовали ассимиляторской политике французских властей.

В 1896 г. Италия добилась от Франции признания особого статуса итальянцев в Тунисе. Согласно конвенциям 18 сентября 1896 г. итальянские переселенцы сохраняли свое граждан-

ство и освобождались от несения военной службы во французской армии. Они имели свои экономические, культурные и спортивные ассоциации, а также начальные и средние школы, которые в 1888 г. правительство Криспи взяло на содержание итальянского государства. В 1885 г. итальянцы основали газету «Унионе» и торговую палату, в 1891 г. открыли итальянскую больницу, знаменитый «Оспedale колониале итальяно». В Тунисе были созданы отделения и филиалы итальянских банков, а также кредитные, кооперативные и сберегательные товарищества. Среди эмигрантов активно действовала ирредентистская организация «Данте Алигьери», которая имела комитеты в городах Тунисе, Сфаксе и Сусе. Она основывала частные итальянские школы, организовывала уроки итальянского языка во французских школах, устраивала лекции и концерты, имевшие целью поддерживать живое чувство принадлежности к итальянской нации [73, стр. 155—157].

В конце войны Франция была не на шутку встревожена развитием итальянского национализма и его колониальных притязаний. 9 сентября 1918 г. она денонсировала конвенции 1896 г. и в начале 1919 г. ограничила права итальянцев в приобретении недвижимой собственности и в строительстве национальных школ. Бурные протесты со стороны Италии вынудили ее пойти на компромисс. Конвенции 1896 г. были признаны утратившими силу, но должны были возобновляться через каждые три месяца вплоть до заключения нового соглашения. На деле все осталось по-старому, но итальянцев крайне раздражало такое неустойчивое положение. Они жаловались на многочисленные помехи, которые чинили им французские власти. Они сетовали, что после войны открыли только одну новую школу, что их представительство в муниципалитетах было урезано, что переселенцам из Италии всеми средствами навязывали французское гражданство, хотя они не подпадали под действие декрета 8 ноября 1921 г. и закона 20 декабря 1923 г. о натурализации.

В 1921 г. в Италии прокатилась бурная волна антифранцузских выступлений.

Положение резко ухудшилось в результате «революции» 1922 г. и прихода к власти фашистского правительства Муссолини. Обещание дуче 16 ноября 1922 г. проводить «политику достоинства и национальной полезности» означало открытое провозглашение экспансионистского империалистического курса. В 1922—1923 гг. Муссолини неоднократно развивал тезис о том, что «нас уже 40 млн. на этом очаровательном, но тесном полуострове» и что проблема экспансии — это вопрос жизни или смерти для итальянского народа [см.: 8, стр. 17; 99, 1926, № 7, стр. 353]. 28 октября 1923 г. на массовом митинге в Милане Муссолини воскликнул, обращаясь к слушателям: «Если завтра я буду просить вас возобновить марш и идти не

на Рим, а за Альпы и за море, пойдете ли вы за мной?» «Да!» — ревели в ответ экзальтированная толпа [цит. по: 99, 1924, № 6, стр. 375].

Положение еще более осложнялось вследствие острых политико-идеологических разногласий, возникших в результате противостояния демократии и фашизма. Итальянское правительство считало Францию главным оплотом антифашизма. Оно обвиняло ее в организации заговоров и в покровительстве итальянским антифашистам, которые массами укрывались на французской территории [см.: 75, стр. 211]. Все это привело к крайнему обострению франко-итальянских отношений и создало «атмосферу подозрительности, недоверия и вражды. При таких условиях, — пишет П. Андровский, — всякий, иногда совсем мелкий, инцидент превращается в политическое событие, раздуваемое шовинистической прессой обеих стран» [8, стр. 61].

Инциденты следовали один за другим. Фашистская пропаганда предъявляла Франции и ее балканским союзникам различного рода территориальные и политические претензии. Фашисты требовали Савойю, Ниццу, Корсику, Тунис. Один из секретарей фашистской партии — Бастианини в марте 1923 г. прибыл в Тунис и объявил на собрании местных итальянцев о восходе новой звезды на руинах Карфагена, который снова станет римским. Националистическая печать обвиняла Францию в агрессивных замыслах, писала об исторических правах Италии и требовала защитить тунисских итальянцев от произвола французских властей.

В Тунисе фашисты подчинили своему влиянию итальянские националистические организации — «Данте Алигьери», Итальянское рабочее общество, Национальную ассоциацию итальянских ветеранов и т. д. В 1925—1926 гг. под их контроль перешли итальянские кружки, школы, госпиталь. Они получали из Рима национальные флаги, деньги и вдохновение. Фашистские парламентарии и журналисты зачастили в Тунис, выступали здесь с лекциями и докладами, клеймили ренегатов и в большом количестве распространяли портреты дуче и другие фашистские талисманы. На фашистских собраниях принимались приветственные телеграммы на имя Муссолини. Их поток резко увеличился в связи с покушениями на дуче. Фашисты устраивали благодарственные молебны и грозили расправой стойким антифашистам. 18 декабря 1925 г. они напали на Дюран-Анльивьея, который в газете «Тюнис-социалист» написал, что Италией правит «человек-флюгер, продажный паяц и перебежчик» [цит. по: 99, 1926, № 1, стр. 32]. Их печать развернула бешеную кампанию против «тунисской социалистической камарильи» и включилась в поход против «французских гнезд антифашизма».

С конца 1925 г., когда фашисты перешли к бряцанию оружием, Тунис жил в тревожном ожидании новой войны. Коло-

нисты да и многие тунисские мусульмане считали, что война неизбежна. Ходили слухи, что на юге возле Габеса роют окопы. Газеты писали, что осенью 1925 г. во время маневров итальянская армия и флот отрабатывали высадку десанта на тунисское побережье. В апреле 1926 г. Муссолини прибыл в Ливию. «Сама судьба,— сказал он,— ведет нас к этой земле». Приветствуя делегацию итальянцев из Туниса, дуче заверил их, что «итальянский народ не забудет о братьях, живущих в Тунисе» [цит. по: 8, стр. 38, 66], и приложился губами к итальянскому флагу, доставленному из этой североафриканской страны.

Франция, естественно, не осталась в долгу. В 1926 г. она произвела переброску войск из Алжира в Тунис и широко разрекламировала учения по уничтожению итальянского десанта. Французское правительство явно не поддавалось шантажу, и Муссолини решил бить отбой. Осенью 1927 г. он изменил фронт и с политической непосредственностью, свойственной многим диктаторам, предложил Франции заключить пакт о дружбе. 12 декабря 1927 г. в интервью тунисской газете «Депеш тюнизьен» он всячески развивал тезис о «латинской семье» и желательности франко-итальянского сотрудничества. 17 декабря 1927 г. официоз «Джорнале д'Италия» заявил, что «не существует итальянской опасности в Тунисе» [цит. по: 75, стр. 228].

19 марта 1928 г. начались переговоры между Муссолини и французским послом в Риме Морисом де Бомарше. По существу они лишь прикрывали отступление фашистской Италии. Французы понимали двойную игру итальянского диктатора, который параллельно переговорам продолжал подрывную работу фашистской агентуры. «Муссолини,— писал Людовик Надо,— когда он в рединготе, проявляет страстную любовь к Франции. Но когда он надевает рубашку, то частенько, обратив к нам спину, задирает край этого одеяния в нашу сторону» [цит. по: 112, 1928, № 5, стр. 330]. Но ничто не помогало. Ни черная рубашка, ни министерский редингот не давали дуче желанных результатов. Лишь в конце 1934 г., после убийства Л. Барту, появились первые признаки успеха. Вместе с П. Лавалем на Кэ д'Орсэ воцарилось стремление к широкому урегулированию франко-итальянских разногласий.

Следует, наконец, подчеркнуть, что большинство итальянского населения Туниса далеко не полностью поддерживало экспансионистские устремления итальянского фашизма. Вопреки усилиям фашистской пропаганды связи между Италией и ее гражданами в Тунисе несколько ослабли, и, наоборот, значительно увеличилось число итальянцев, добровольно принявших французское гражданство. В 1928—1929 гг. они подложили несколько бомб в здание итальянского консульства в Тунисе и в редакцию националистической газеты «Унионе».

Эволюция тунисского общества. Тунисцы, обреченные на роль статистов в ожесточенной борьбе, развернувшейся за их родину, проявляли известное равнодушие к франко-итальянскому конфликту. Италия никогда не пользовалась их особыми симпатиями и в глазах тунисского народа ничем не выделялась среди прочих гяуров. Что касается интеллигенции и высших классов, то они скорее предпочитали французское господство. Впрочем, и те и другие не придавали конфликту принципиального значения и ясно понимали, что их мнения никто не будет спрашивать. Куда больший интерес в их среде вызывали внутренние проблемы, связанные с эволюцией тунисского общества.

В середине 20-х годов произошли серьезные сдвиги в общественном сознании тунисских мусульман. Вслед за аристократией европеизация охватила средние слои города и в той или иной форме отразилась на образе мышления всего тунисского народа. Экономический бум и успехи колонизации в значительной степени подорвали замкнутые хозяйственные связи и натуральное хозяйство. Втягивание тунисцев в товарно-денежные отношения, постепенное освоение ими материальных достижений европейской цивилизации, повседневный контакт с европейцами, политическая и профсоюзная борьба начала 20-х годов — все это пробуждало в тунисском обществе неподдельный интерес к духовной жизни Европы и вместе с тем подрывало доверие к моральным идеалам средневекового ислама. Не только высшие классы, но и широкие слои мусульманского населения стали понимать неотвратимость перемен. В 20-х годах начал рушиться привычный мир старых жизненных представлений и общественных связей. Все большее число тунисцев, в том числе крестьян, стали обращаться к врачу с европейским дипломом, а не к знахарю и заклинателю. В городах родители все чаще предпочитали посылать детей во французские школы, а не в куттабы при мечетях. В ущерб шариату росло значение светского суда. Тунисцы, пишет Л. К. Браун, все чаще обращались к адвокату, а не к муфтию и адулу, к государственным должностным лицам, а не к марабутам [см.: 67, стр. 57].

Одним из важнейших признаков развала старого общества был упадок марабутизма. Начались, по выражению Али Мерада, изоляция и культурное иссушение марабутов, потеря ими социального, морального и культурного значения [см.: 66, стр. 120—122]. Рабочая молодежь, демобилизованные солдаты, средние слои города (мелкие чиновники, учителя, коммерсанты) избегали марабутов, не верили в их способность творить чудеса и совершать таинственные исцеления. Новые развлечения — книги, газеты, с 30-х годов радио и звуковое кино, наконец, спорт — привлекали их куда больше, чем религиозно-мистические представления марабутов. Влияние завий сужа-

лось с каждым годом и все более ограничивалось невежественными массами сельского и кочевого населения, особенно женщинами, составлявшими их последнюю клиентуру.

Коренным образом изменилось отношение к ортодоксальному исламу, точнее, к его средневековой интерпретации. 20-е годы, разумеется, не дают никаких оснований говорить об исчезновении внешнего благочестия или пietetа. Равным образом было бы неправильно говорить о каком-либо отрыве туниССкого общества от ислама как формы общественного и национального самосознания. И тем не менее старому исламу пришел конец. Достаточно сказать, что после войны никто уже не преследовал Таальби за его идеи в стиле Мухаммеда Абдо. Более того, верхи традиционного общества, в частности мусульманская буржуазия, с жаром воспринимали все новшества, порожденные мусульманским модернизмом. До войны они ориентировались на Стамбул как на центр мусульманской цивилизации. В 20-х годах, особенно после культурно-бытовых реформ Ататюрка, образцом для подражания стал Каир. Египтомания вошла в моду и распространялась подобно огню по сухому кустарнику. «Феска, моды в одежде и хорошие манеры, политические взгляды и нравственные понятия — все новшества, инспирированные Западом, — пишет Анри де Монтети, — реимпортировались тогда из Египта» [71, стр. 86].

Большинство туниССких улемов довольно сдержанно относились к новшествам. Они не одобряли реформу ислама, не признавали религиозного первенства Востока [см.: 61, стр. 154] и по сути дела остались в стороне от эволюции туниССкого общества. Обновление в Тунисе не получило религиозной санкции. Оно происходило как массовый стихийный отход от обветшалых канонов при внешней приверженности старым маликитским догмам. Вследствие этого уже в 20-х годах трудно было провести четкую грань между мусульманской модернизацией, опирающейся на реформированный ислам, и чисто светской европеизацией, лишь прикрываемой ссылками на пример Египта. И то и другое выходило за рамки официально признанного ортодоксального учения и создавало опасный разрыв между теорией и практикой. В отличие от Египта развитие пошло не по пути религиозной реформы, а по пути постепенной дeтeократизации общества, открывавшей путь к атеизму.

Крушение старой жизненной философии нередко принимало классические формы борьбы поколений. Оно рождало непонятных молодых людей, отрицавших моральные ценности предшествующего поколения и даже встававших на путь революционного действия. «Отцы» и «дети» имели различные идеалы и разные стремления. «Старые тюрбаны» хранили верность традиции и боролись за возрождение идеализированного прошлого; «двадцатилетние», наоборот, идеализировали буду-

дять пыл юных пророков. С завидным упорством они низвергали старые авторитеты, высмеивали жизненные идеалы и принципы «старых тюрбанов», их тоску по утраченному раю и противопоставляли им свои взгляды и представления о жизни, почерпнутые во французских университетах, в профсоюзках, в различного рода социалистических кружках.

Формирование новой общественной морали происходило довольно медленно и было связано с постепенным укреплением позиций новых общественных сил — промышленного пролетариата и национальной интеллигенции. Особенно велика была роль этой последней. Ее значение в общественной жизни, ее престиж в стране с давними культурными традициями, наконец, ее численность были намного выше, чем в соседних арабских странах. В 1931—1932 гг. во французских университетах учился 151 североафриканец, в том числе тунисцев 119, алжирцев — 21, марокканцев — 11 [72, стр. 22]. Кроме того, в Тунисе находился крупнейший в Магрибе религиозно-богословский университет Аз-Зитуна, который поставлял, по выражению Кл. Мура, кадры «интеллектуального субпролетариата». В 1927 г. в нем училось около 2 тыс. студентов, а в 1948 г. число учащихся возросло до 15 тыс. [41, стр. 487; 72, стр. 23].

Большие изменения претерпел также социальный состав студенчества, а следовательно, и интеллигенции. Если до первой мировой войны аристократия и верхи столичной буржуазии фактически обладали монополией на высшее образование, то после войны положение коренным образом изменилось. В 1938 г. $\frac{2}{3}$ общего числа тунисских студентов составляли выходцы из Сахеля и внутренних районов страны. На долю аристократии и крупной буржуазии приходилось едва 0,5% [72, стр. 23].

Демократизация интеллигенции имела далеко идущие последствия. Она дала стране новую элиту, костяк которой составляли уроженцы Сахеля. Они были трудолюбивы, отличались упорством и предприимчивостью. Моряки, садоводы, ремесленники и коммерсанты Сахеля выше всего ценили благоразумие, медленный, но прочный успех. Поняв выгоды европейского образования, они зачастую «выкладывались до последнего», чтобы дать детям французские дипломы. Из Сахеля вышли основные кадры разночинной интеллигенции, свободной от условностей и традиций старой мусульманской буржуазии. Разночинцы легче сближались с французской интеллигенцией, нередко женились на француженках, сохраняя при этом глубокую привязанность к родному селению. Энергичные и мобильные, они быстро оттесняли представителей старых фамилий и вскоре заняли ведущее место в различных областях интеллектуальной жизни страны. В 1939 г. 75% юристов, 50% врачей и около половины фармацевтов мусульман-

ского происхождения были выходцами из низших и средних классов [72, стр. 24].

Формирование новых общественных взглядов находилось в резком противоречии со всем укладом старомусульманской жизни, в частности с традиционными представлениями о семье и браке. Возник новый идеал женщины. В лекции о «Поэтическом воображении у арабов» Абу-ль-Касем Шабби осуждал своих предшественников за то, что они никогда не рассматривали женщину как источник вдохновения, как источник высоких чувств, а лишь как «тело, отягощенное жиром и мясом». Сам он, идя по стопам Шатобриана, Ламартина, Мюссе, в своих «Молитвах в храме любви» («Салават фи хейкаль аль-хубб») показал высокопоэтические образцы романтического обожествления женщины [см.: 56, стр. 273]. В одной из своих новелл он рассказывал, как в парке Бельведер рядом с площадкой, где играли в теннис грациозные христианки, двое юношей-мусульман читали переводы А. Франса и Ламартина. Почему этого нет в их жизни? «Молодежи всего мира,— с горечью писал в 1936 г. Мухаммед Змерли,— знакома свежесть и чистота любви в 20 лет. Всей молодежи, за исключением мусульман, так как в современном исламе, косном, неподвижном, бесплодном, сведенном к злосчастному покрывалу, не существует любви... Для молодых мусульман брак не что иное, как простое спаривание, старательно подготовленное семьями, с женой, которую они совершенно не знают» [71, стр. 114].

В 20-х годах молодежь начала отходить от старых традиций. В 1920—1925 гг. отмечены первые браки по любви. В тунисском свете разразился первый брачный скандал, когда представитель одной из знатных тунисских фамилий — Бешир Дингизли женился на европейке [см.: 40, стр. 208]. Всего за период 1920—1940 гг. было заключено свыше 500 смешанных браков. Адвокаты, врачи, журналисты и даже представители «низших слоев» населения женились на француженках. «Сколько простых работниц,— пишет де Монтети,— вывезли из Франции унтер-офицеры стрелковых и спагийских частей!» [71, стр. 116].

Импорт жен, разумеется, не решал проблемы. К тому же он вызывал серьезное недовольство как улемов, так и французских властей. Нужна была решительная эмансипация мусульманской женщины, повышение ее интеллектуального и морального уровня. Нужно было заполнить огромную пропасть, отделявшую европейски мыслящего интеллигента от его сестер. «Какой контраст,— восклицает Анри де Монтети,— между молодым врачом, молодым адвокатом, который вернулся из Парижа, носит пиджак и читает модные романы, и их сестрами, которые совершенно не знают этого другого мира, скованы своими восточными одеждами и еще более своими гаремными предрассудками» [стр. 56].

В 1900 г. открылась первая школа мусульманских девушек, преобразованная впоследствии в женский колледж Луизы Рене Милье. Сначала под давлением французских властей, затем добровольно туниисские чиновники, а в 20-х годах столичная буржуазия и сахельцы стали отправлять своих дочерей во французские школы и колледжи. В конце 20-х годов появились первые эмансипированные. В мусульманских кварталах они чувствовали себя, как в джунглях, подвергаясь всякого рода насмешкам и оскорблениям. «Да это и не могло быть иначе,— пишет Анри де Монтети,— в обществе, где женщину так долго держали в неволе; выйдя из гарема, она была убежавшим животным, которое всякий может попытаться поймать. Добавьте к этому сексуальную ненасытность туниисцев!» [стр. 90]. Вследствие всего этого европеизированные семьи были вынуждены переезжать на загородные виллы или переселяться в новые кварталы, где они смешивались с европейской толпой.

Эмансипация женщины влекла за собой европеизацию домашнего очага, обстановки, кухни и всего стиля жизни. Начиная с 1930 г., отмечает Жак Берк, мечтой сорокалетнего буржуа стала квартира в современном городе. «Ее корректное однообразие вместо дорогостоящей пышности дворцов, совместная жизнь и публичность вместо семейного изоляционизма, приобщение к французскому образу жизни и отход от стародовских мод — решающая революция!» [40, стр. 207].

Однако не следует слишком преувеличивать. Революция только начиналась и по существу охватывала лишь верхи туниисского общества. Дикость, невежество и, как сказал Э. Ф. Готье, «открытая война полов, без перемирия, без пощады» [цит. по: 24, стр. 64], их взаимная ненависть, плотское сближение и мордобой, традиционный ортокузенный брак, многоженство у богатеев были скорее правилом, чем исключением. В 1930 г. насчитывались лишь несколько десятков мусульманок, которые сбросили покрывало. В 1940 г. во французских школах училось всего лишь 6 тыс. девочек-мусульманок; 70% горожан и 80% бедуинов женились на «дочерях дяди» [71, стр. 97, 119]. В 1927 г. в Сиди-бу-Саиде толпа чуть не избил офицера-мусульманина за то, что он вошел в завию в форменной фуражке. Даже высокообразованные улемы осуждали приглашения на вечера, которые рассылала супруга Л. Сэна женам туниисских чиновников. В благочестивых мусульманских кругах оживленно и вполне серьезно обсуждали вопрос о том, следует ли женщин учить грамоте и не запретно ли слушание женского голоса [см.: 40, стр. 102—103]. Репортеры арабских газет выискивали всяческие факты и скандальные истории, чтобы опорочить и заклеить любые попытки подражать нечестивой румийской моде. «Поймали,— писала, например, газета «Ан-Надим» («Собеседник»),— одну молодую мусульманку, которая вошла в европейскую гостиницу. Но ее отпу-

стили, так как она работала в комиссариате. Нас удивляет, что она не понесла наказания, полагающегося ей подобным, и что родители посмели устроить свою дочь на работу вне дома, вместо того чтобы следить за ее добродетелью» [цит. по: 99, 1927, № 10, стр. 406].

Не только фанатичные марабуты, но и многие просвещенные тунисцы видели в эмансипации, в частности в открытии лица, отказ от национального достоинства, офранцуживание, раболепие перед руми, своего рода моральную диверсию, подрывающую нравственные основы и единство мусульманского общества. По мере социального прогресса женщины — этой «последней опоры нашего величественного общественного здания» (Слиман аль-Джадуи) нарастали силы инерции, росло внутреннее напряжение. И вскоре произошел взрыв. В 1930 г. вышла в свет книга Тахара аль-Хаддада «Наша женщина в шариате и обществе» («Имраатуна фи-ш-шариа валь-муджтамаа»). Она произвела эффект искры, брошенной в бочку с порохом. В этой книге Тахар аль-Хаддад со всей страстью пламенного революционера доказывал насущнейшую необходимость скорейшей эмансипации мусульманской женщины. Как и его предшественник — египетский писатель Касим Амин (1865—1908), он смело пошел против течения и заявил, что было бы тщетно ожидать возрождения Туниса как современного государства без радикального изменения традиционного характера мусульманской семьи. Противопоставляя позднейшие наслоения так называемому чистому исламу, он доказывал, что многоженство, подневольное супружество, отказ от жены (талак) были не религиозными предписаниями, а лишь тем, что дозволялось (мубах), и отнюдь не вытекали из сущности ислама. Аль-Хаддад предлагал целый ряд мер, которые бы освободили женщину — это «открытое пыльное семейное сокровище» — от гнета средневековых предрассудков, и резко выступал против того, что «мы, магрибинцы, остаемся верны тому, что касается верований и обычаев, тому, что оставила нам наша мрачная история, ложно ссылаясь при этом на ислам» [цит. по: 40, стр. 102].

Такого рода заявления, как и все содержание книги, вызвали неистовую бурю гнева среди ревнителей мусульманского правоверия. Воспользовавшись «некоторыми стилистическими погрешностями, особенно в отношении частной жизни Пророка» [54, стр. 69], они потребовали от французских властей запретить книгу. Однако правительство протектората предпочло остаться в стороне, предоставив улемам самим разбираться во всем этом деле. Это спасло аль-Хаддада от ареста, но не от бешеной травли, которую развернули совершенно обезумевшие поборники ортодоксального учения. Если исключить «Тунис-сосиалист», то не было ни одной тунисской газеты, ни одного журнала, которые бы отважились взять под защиту

злополучного аль-Хаддада³. Совет Аз-Зитуны лишил его диплома и вытекающих отсюда прав, а также осудил его книгу как еретическое произведение. По некоторым сведениям, зитунийские улемы устроили аутодафе — торжественное сожжение богопротивного сочинения [см.: 71, стр. 85].

Книга Тахара аль-Хаддада, стихи Абу-ль-Касема Шабби, начавшаяся эмансипация мусульманской женщины, рост европеизированного образования, новый быт, новые общественные вкусы и моды, а также упадок марабутизма и сомнения в непогрешимости старых догм — все это свидетельствовало о глубоких трещинах, надломивших старое здание мусульманского общества. И, хотя окончательный выбор дальнейшего пути далеко еще не определился, можно со всей определенностью утверждать, что в конце 20-х годов по крайней мере верхние этажи общественного здания стали разваливаться на глазах, давая материал для новых строителей.

Споры и колебания: коммунисты, социалисты, националисты. В области политики моральный кризис мусульманского общества выражался прежде всего в напряженной идейной борьбе, в ожесточенных дискуссиях и бесконечных колебаниях по самым принципиальным вопросам национальной жизни. Цели, задачи, формы и методы достижения идеала и даже сам идеал — все возбуждало споры и сомнения. Героями времени, говоря словами Ж. Берка, были колеблющиеся и спорящие. За какие-нибудь пять-семь лет многие тунисцы по дватри раза меняли общественно-политические убеждения. Лишь в одном не было сомнений — в необходимости активного действия и в стремлении к великим свершениям, которые должны были обновить страну. «Отсюда, — замечает Жак Берк, — известный романтизм, экзальтированный дух самопожертвования, короче, революционное чувство» [40, стр. 77, 80].

События первых послевоенных лет, особенно рабочие волнения 1924—1925 гг., свидетельствовали о пробуждении политической активности масс. То тут, то там возникали различного рода стихийные выступления, демонстрации или кампании бойкота, которые возглавлялись зачастую никому не ведомыми людьми. Куда и как направить движение масс, во имя каких целей? — все это волновало революционную молодежь, порождало споры и горячую полемику между приверженцами различных социально-политических концепций.

После 1925 г. заметно упало влияние коммунистов. Это объяснялось прежде всего положением внутри самой Тунисской федерации ФКП, которая переживала тяжелый кризис. Основатель федерации Робер Лузон в 1926 г. опубликовал в журнале «Революсьон пролетариен» статью, озаглавленную

³ Много лет спустя после смерти Тахара аль-Хаддада его возвели в ранг мученика за прогресс.

«Бонапартистская опасность», в которой яростно выступил «против этой опасности, воплощенной — сознательно или бессознательно — в сталинизме» [97, 1926, № 16, стр. 51]. Он порвал с ФКП и вскоре стал одним из ведущих лидеров французского троцкизма. За ним последовали Финидори и многие другие руководители Тунисской федерации ФКП. Однако целый ряд коммунистов выступал против троцкистской и анархо-синдикалистской линии «Революсьон пролетариен» и боролся за организационное обновление партии. Вытекавшая отсюда внутривнутрипартийная борьба, бесконечные дискуссии и различного рода фракционные выпады резко ослабляли Тунисскую федерацию ФКП, которая фактически распалась на отдельные группы и кружки. Многие тунисцы вообще покинули партию или отошли от активной политической деятельности.

Положение осложнялось еще и тем, что партия работала в условиях подполья, не имела собственного печатного органа и по существу была политически изолирована. Эти трудности частично перекрывались поддержкой из метрополии, где коммунисты вели интенсивную пропаганду среди тунисских студентов и эмигрантов, распространяли среди них марксистскую литературу и специальные газеты для «колониальных трудящихся»⁴.

В самом Тунисе наиболее прочные позиции коммунисты сохранили в Ферривиле и Бизерте, частично в Тунисе, Сфаксе и Кайруане. Здесь они распространяли листовки, участвовали в кампаниях по выборам в Большой совет и т. п. Основной упор они делали на профсоюзную работу, борясь за укрепление красных профсоюзов УВКТ. Этому в значительной мере способствовали анархо-синдикалистские взгляды Финидори и его группы, считавших рабочий класс единственной и самой надежной опорой революционного движения.

Ориентируясь на ферривильский арсенал и портовых рабочих, коммунисты не уделяли достаточного внимания крестьянам и полупролетарским слоям города, не знали их подлинных интересов и настроений. Их массовая пропаганда нередко напоминала монолог, обращенный к аудитории, которая к этому была совершенно не предрасположена или которую, во всяком случае, занимали совершенно иные проблемы. Тунисские коммунисты, конечно, учитывали мусульманский характер страны и религиозный образ мышления подавляющего большинства трудящегося населения. В Бизерте, например, они предложили докерам отказаться от разгрузки судна с известью под тем предлогом, что поднятая при разгрузке известковая пыль могла бы побудить их к нарушению поста [см.: 40, стр. 80].

⁴ В 1926—1927 гг. в Париже издавались «Аль-Алам аль-Ахмар» («Красное знамя»), затем «Аль-Байрак аль-Ахмар», «Аль-Лива аль-Ахмар» [см. 99, 1927, № 5, стр. 182].

Этого, однако, было далеко не достаточно. Избегая какой бы то ни было полемики на религиозной почве, коммунисты вместе с тем не учитывали, что массы в общем и целом все еще доверяли своим религиозным вождям и что без идейного разгрома этих вождей левые партии не могли рассчитывать на ведущее место в общественно-политической жизни страны. Наконец, призывая трудящихся сбросить иго колонизаторов и изгнать их из Туниса, коммунисты упускали из виду, что эти трудящиеся политически еще не были организованы и обладали более чем скромным опытом массового действия.

При всем своем сектантстве тунисские коммунисты в 20-х годах не вели никакой борьбы с националистами, даже со «старыми тюрбанами» из руководства Дестура. Всю свою критику они направляли против социалистической партии. В речах и листовках они неустанно разоблачали «желтые» профсоюзы ВКТ и соглашательскую «политику поддержки империалистических палачей», призывая трудящихся не верить демагогии «социал-фашистов». Своей главной задачей они считали немедленное освобождение Туниса путем революционной антиколониальной борьбы и били социалистическую партию по ее самому слабому пункту — по национально-колониальному вопросу.

Тунисская федерация СФИО, как и все партии II Интернационала, выступала против лозунга об оставлении колоний. Социалисты не верили в способность тунисского народа создать действительно независимое государство, идущее по пути прогресса. Вообразите, говорили они коммунистам, что Тунис находится под покровительством фашизма, под пятой какого-нибудь Муссолини, и вы поймете опасения, внушаемые нам идеей о денатурализации колоний в рамках капиталистического общества. Единственной политикой, отвечающей их социалистическому идеалу, они считали политику ассимиляции, заключающуюся в том, чтобы постепенно «поднимать их (туземцев.— *Н. И.*) на тот же политический, умственный и моральный уровень, на котором стоит их собственная нация» [97, 1927, № 3, стр. 48].

Главным злом, мешающим социальному прогрессу Туниса, социалисты считали национализм, откуда бы он ни исходил и в каких бы формах ни проявлялся. Они в равной мере выступали против оголтелого расизма европейских колонистов и против того, что именовали ксенофобным религиозным фанатизмом Дестура. Общим врагом народов Туниса и Франции они считали капиталистов и духовенство. Они выступали за развитие науки и просвещения, за эмансипацию мусульманской женщины и вели яростную антирелигиозную пропаганду, которая не щадила ни христианское, ни мусульманское духовенство.

Особенно большое значение имела борьба социалистов

против католической церкви. Их выступления против сооружения памятника кардиналу Лавижери в 1925 г. и против Евхаристического конгресса 1930 г. в Карфагене, пишет Л. К. Браун, затрудняли смешение в одну кучу церкви и протектората и тем самым помешали национально-освободительному движению принять форму мусульманско-христианской религиозной розни [см.: 67, стр. 50].

Для того чтобы окончательно сбросить власть капитала и религиозных учреждений, по мнению социалистов, надо было пройти длительный путь, состоящий из ряда этапов, организовать массы в профессиональные и политические союзы, поднять их интеллектуальный уровень, освободить от гнета религиозных и национальных предрассудков. Отвечая Тахару аль-Хаддаду, Дюрель писал в «Тюнис-социалист» в 1925 г.: «Да, француз — всегда враг... Хищный и ленивый феодализм, который угнетал вас в течение столетий и сделал из вас холопские души; мечеть, в тени которой вы увековечиваете свое интеллектуальное рабство, и „славное прошлое“, обманчивость которого душит и отравляет вас, — вот реальные причины вашей нищеты и вашего падения, понять которые вы не хотите. Надо, однако, будет выбирать между медленной, но верной смертью в скудной нищете ваших старых традиций и обновленной жизнью с напряжением ума и сотрудничеством с людьми Запада» [цит. по: 67, стр. 51].

Свою пропаганду социалисты подкрепляли организационной и идеологической работой в профсоюзах ВКТ и в партийных ячейках СФИО, куда наряду с европейцами входили и тунисские мусульмане. Восстановив не без помощи Э. Эррио контроль над тунисскими профсоюзами, социалисты после 1925 г. значительно укрепили свои позиции в стране. Однако национальный нигилизм и ассимиляционистская политика в сочетании с отказом от борьбы за национальную независимость не оставляли им никакой надежды на превращение в массовую партию тунисского народа.

Социалистические идеи о свободе и демократии, о борьбе против капиталистической эксплуатации и социального неравенства сравнительно легко воспринимались революционной молодежью. Однако она никак не могла примириться с мыслью о том, что во имя социализма надо отречься от своих национальных патриотических чувств. На этой почве возникали острые конфликты между тунисскими националистами и их социалистическими наставниками, которые обрушивались на них со всей страстью поборников истинной ортодоксии. «Стоять за существование тунисского народа, который имеет свою индивидуальность, свои традиции, свои права, — писал Хабиб Бургиба в 1931 г. в газете «Вуа дю тюнизьен», — значит вызывать скандал и восстанавливать против себя всех „благомыслящих“ людей, включая революционеров, „самых

настоящих“, тех, которые кичатся, что они непримиримые противники всякой эксплуатации человека человеком, какими бы формами она ни прикрывалась» [цит. по: 98, 31.X. 1965].

Главное, что отделяло молодых националистов от их социалистических оппонентов,— это стремление примирить демократию и социализм с националистической идеей. Еще Мухаммед Али пытался соединить рабочее движение с национализмом. С тех пор, несмотря на боевой, наступательный характер социалистической пропаганды, националисты упорно выступали против национального нигилизма СФИО и ВКТ. Они хватались за любые аргументы, чтобы оправдать свои идеологические позиции. На заявления Леона Жуо и Фернана Пеллетье о том, что пролетариат не имеет отечества, что Дестур — это реакционная партия, так как она еще привязана к национализму, националистически настроенная молодежь отвечала: «Национализм, может быть, и преодолен во Франции, но здесь, в Тунисе, мы еще не достигли этой стадии»⁵.

В противовес европейскому ассимиляционизму и панисламизму «старых тюрбанов» молодые националисты в конце 20-х годов выдвинули теорию тунисской нации. Они рассматривали ее как особую общность людей, обладающих своей самобытностью, территорией, историческим прошлым и правом на образование самостоятельного тунисского государства. В 1929 г. левонационалистическая газета «Этендар тюнизьен» опубликовала серию статей «Формирование нового тунисца», где развивала новое понятие родины. Тунисец чувствует себя дома только в Тунисе, говорилось в них. Новое патриотическое сознание, исходившее из чувства принадлежности к тунисской нации, не имело ничего общего с традиционными представлениями о религиозной общности мусульман, хотя и признавало ислам в качестве одного из факторов национальной солидарности [см.: 67, стр. 59]. Молодые националисты считали, что тунисская нация окончательно осознала себя в период после установления протектората, под влиянием Франции и в борьбе с ней. «Можно сказать,— писал Абд аль-Хакк⁶ в 1931 г.,— что тунисская нация в действительности появилась на свет лишь тогда, когда французский протекторат географически отделил регентство от остального мусульманского мира. Если бы тунисский национализм существовал ранее, то он должен был бы найти прекрасный повод проявить себя в стране фактически пользовавшейся независимостью до того, как Франция оккупировала тунисскую территорию» [цит. по: 54, стр. 69—70].

Новые понятия о нации и тунисском патриотизме заняли довольно прочное место в сознании европеизированной интел-

⁵ Речь Х. Бургибы на IX съезде ВСТТ 28 марта 1963 г.

⁶ Абд аль-Хакк — по некоторым сведениям, журналистский псевдоним Шадли Хайраллаха.

лигенции и молодежи. Печать развивала патриотические мотивы, обсуждала характер связей Туниса с другими арабскими и мусульманскими странами. Большой интерес вызывали исторические исследования. Чувство национальной гордости пробуждали такие герои тунисской истории, как великий полководец древности Ганнибал, гений католической мысли св. Августин, крупнейший мусульманский историк и философ Ибн Халдун.

Однако при всем своем патриотизме и духе революционного самопожертвования молодые европеизированные *évolués* были еще очень далеки от народа, от его реальной повседневной жизни. Их влияние в массах едва ли превышало влияние коммунистов или социалистов. Наконец, в конце 20-х годов они не имели еще собственной политической организации и в большинстве своем действовали в рядах старого исламофильского Дестура.

Дестур и «Североафриканская звезда». Находясь в состоянии глубокого внутреннего кризиса, Дестур не причинял никакого беспокойства правительству протектората. Его руководство было явно растеряно. У него не было ни ясного понимания ситуации, ни сколько-нибудь отчетливого представления о том, что надо делать в сложившихся условиях. В результате оно ничего не предпринимало и шло по инерции. Дестуровское руководство по-прежнему активно участвовало в выборах в Большой совет. Как и прежде, оно ломало копыта в борьбе с ассимиляционистски настроенными реформистами, нападало на их лидеров в лице Мухаммеда Номана и Шадли Касталли и полемизировало с их печатным органом — газетой «Ан-Нахда». Как и прежде, религиозные праздники, особенно Мулуд и Рамадан, давали повод к красочным пропагандистским представлениям. Помещения партии украшались национальными флагами и ярко иллюминировались. С речами выступали Ахмед ас-Сафи, Салах Фархат и другие представители Дестура, которые говорили о величии дела Пророка, о международном положении и о конечном торжестве дела партии. «Но не пустыми словами мы достигнем этого, — писала в 1928 г. дестуровская газета „Лисан аш-Шааб“ („Голос народа“). — Необходимо, чтобы мы дали всему миру доказательства того, что мы верим в себя» [цит. по: 112, 1928, № 10, стр. 655].

Этого-то как раз, по-видимому, и не хватало дестуровским вождям. Кроме пустых и звонких слов они ни на что не решались и ничего не предпринимали. Действительно, с весны 1925 г. дестуровское руководство ни разу не выступило с какой-либо политической инициативой и, прикрываясь знаменитыми девятью пунктами, не сказало ни одного нового слова, не выдвинуло ни одного нового предложения. Оно как будто не замечало никаких изменений, происходящих вокруг, и намертво застыло на позициях пассивного выжидания. В сочета-

нии с социальным консерватизмом, личным соперничеством и фракционной борьбой это привело к тому, что дестуровское руководство оказалось по сути дела лишено настоящего боевого духа и подлинной веры в успех своего дела.

Единственное, на что решились дестуровские вожди в ожидании, пока наступят более благоприятные времена,— это организационное расширение партии. Оно целиком легло на плечи Мухиэддина Клиби, молодого энергичного коммерсанта и журналиста, в эти годы выдвинувшегося в число наиболее видных руководителей Дестура. В исполкоме он занял пост ответственного за организационную работу и много сил вложил в создание новых партийных секций (шууба) и примыкавших к ним неполитических организаций [27, стр. 57—58]. Особенно большое значение имело формирование дестуровских секций в деревне и образование Союза туземной молодежи, к созданию которого Мухиэддин Клиби приступил сразу же после съезда партии Дестур в декабре 1927 г. Этот союз объединял националистически настроенных студентов и молодежь из буржуазных мусульманских семей. Коммунисты обвиняли его в том, что он отказывался принимать в свои ряды молодых рабочих, боясь, как бы они не внесли в него слишком много революционного духа [см.: 65, стр. 53; 99, 1928, № 4, стр. 147].

Создание ряда новых секций и молодежных организаций объективно сыграло большую роль в развитии национально-освободительного движения. Если раньше влияние Дестура ограничивалось в основном столицей и крупными городами, то теперь сеть дестуровских организаций охватывала почти все районы страны. Значительно обновились и пополнились кадры партии, особенно в низовых звеньях. В нее вошло много представителей нового поколения революционной молодежи, среди которых ведущее место занимали выпускники французских колледжей и университетов.

Наибольшую активность проявляли студенты, возвращавшиеся из Франции. Они обладали незаурядным запасом реальных знаний и сравнительно большим политическим опытом. Находясь во Франции, они жили полнокровной интеллектуальной жизнью, поддерживали близкие отношения с французскими политическими деятелями и революционной эмиграцией из стран Азии и Африки, хорошо знали их взгляды и настроения. Наиболее тесные связи у них существовали с левыми кругами французской столицы, особенно с коммунистами. Разумеется, далеко не каждый из них становился марксистом, но все они в той или иной степени испытали влияние ФКП. Их привлекали ее методы массово-политической работы, ее четкая антиколониальная позиция. Большое значение имели также их собственный революционный темперамент и убогая нищета их родных пепелищ. «Если эти молодые люди,— пи-

шет Роже Ле Турно,— охотно вступали в контакт с коммунистами, то прежде всего из-за того, что эта партия и ее антиколониальная доктрина обладали огромной притягательной силой для заморской молодежи, а также вследствие того, что они уже не принадлежали, как националисты первого часа, к зажиточной буржуазии г. Туниса» [65, стр. 70].

По возвращении на родину революционно настроенные студенты активно пропагандировали свои взгляды, порою серьезно расходившиеся с официальной доктриной дестуровского руководства. В конце 20-х годов наиболее видной фигурой среди этой революционной неконформистской дестуровской молодежи был Шадли Хайраллах (род. в 1898 г.), сын крупного чиновника, бывший одно время секретарем по пропаганде партии Дестур. Приговоренный, как упоминалось выше, в 1926 г. к шести месяцам тюремного заключения, он эмигрировал во Францию и здесь сблизился с левыми кругами, выступавшими за эмансипацию колоний. В марте 1926 г. он в качестве председателя возглавил общество «Североафриканская звезда», подлинным руководителем которого вскоре стал алжирский эмигрант Мессали Хадж, официально занявший пост генерального секретаря. «Североафриканская звезда», насчитывавшая 3,5 тыс. членов, ставила своей целью борьбу за независимость Туниса, Алжира и Марокко. Для пропаганды своих идей общество приступило к изданию ежемесячной газеты «Аль-Икдам» («Отвага»), которая распространялась среди магрибинских рабочих и революционных эмигрантов, живших во Франции, а также среди националистической молодежи Туниса и Алжира. Газета опубликовала программу требований «Североафриканской звезды». В части, касающейся Туниса, она предусматривала:

1) независимость Туниса и вывод французских оккупационных войск;

2) организацию туниских вооруженных сил;

3) признание арабского языка в качестве официального;

4) конфискацию в пользу туниской нации банков, железнодорожных линий, портов и общественных служб, находящихся в руках иностранных компаний;

5) конфискацию крупной земельной собственности, присвоенной агентами колонизации, колонистами и частными капиталистическими обществами, и возвращение крестьянам земель, которые были у них отняты [см.: 99, 1927, № 6, стр. 228].

В распространении революционных идей и требований «Североафриканской звезды» большую роль сыграл Брюссельский антиколониальный конгресс, происходивший 10—14 февраля 1927 г. Он основал Антиимпериалистическую лигу (1927—1935 гг.) — «первую широкую антиимпериалистическую организацию единого фронта международного рабочего класса, прогрессивной интеллигенции капиталистических

стран и представителей народов колониальных и зависимых стран Азии, Африки и Латинской Америки» [21, стр. 3]. В деятельности лиги активное участие принимали видные коммунисты и националисты — Хулио Мелья, Георгий Димитров, Сэн Катаяма, Джомо Кениата, Джавахарлал Неру, Ахмед Сукарно, который впоследствии даже отмечал преемственную связь между Брюссельским конгрессом и Бандунгской конференцией 1955 г. В работах конгресса участвовали 152 делегата из 37 стран, в том числе от Северной Африки Шадли Хайраллах и Мессали Хадж. Официальное дестуровское руководство отклонило предложение о посылке делегации в Брюссель. «Я глубоко сожалею,— говорилось в письме ас-Сафи от 22 января 1927 г. на имя организаторов конгресса,— что наша Тунисская либерально-конституционная партия не может в нынешних обстоятельствах участвовать в работах Конгресса угнетенных народов, наших братьев» [цит. по: 99, 1927, № 6, стр. 226].

С большой речью на конгрессе выступил Шадли Хайраллах. Он говорил о решимости народов Северной Африки бороться за независимость своих стран, изложил программные требования «Североафриканской звезды» и наметил основные задачи национально-освободительного движения. По докладу Ш. Хайраллаха конгресс принял специальную резолюцию по Северной Африке, в которой поддержал национальные требования тунисского, алжирского и марокканского народов, а также отметил, что «вовлечение трудового населения Северной Африки в борьбу за изгнание французских колонизаторов из Алжира, Марокко и Туниса разворачивается при братской помощи и поддержке рабочего класса Франции» [21, стр. 40].

В Брюсселе Ш. Хайраллах был избран членом Генерального совета Антиимпериалистической лиги. На сессии совета 9—12 декабря 1927 г. он выступил с речью о положении в Алжире и Тунисе. В Париже на собраниях членов «Североафриканской звезды», в газете «Аль-Икдам», которая, несмотря на запреты французских властей, в 1926—1928 гг. имела очень широкое распространение в Тунисе, наконец, в листовках, подписанных «Группа тунисцев — друзей газеты „Аль-Икдам“», Шадли Хайраллах активно популяризировал работу Брюссельского конгресса, противопоставляя империалистической Лиге наций Лигу угнетенных народов. Деятельность Ш. Хайраллаха вызывала большое раздражение французского правительства, и оно выслало его из Франции. 20 января 1928 г. Ш. Хайраллах вернулся в Тунис, отсидел три месяца в тюрьме по старому приговору и сразу же после выхода на свободу, в начале декабря 1928 г., принялся за организацию новой националистической газеты.

4 января 1929 г. вышел первый номер газеты «Этендар тюнизьен», сменившей «Аль-Икдам» в качестве рупора тунисской революционной молодежи. Обе газеты Ш. Хайраллаха не

ограничивались пропагандой идей и принципов нового тунисского национализма. Они закладывали основы новой стратегии и тактики национально-освободительного движения, которое должно было опираться на «угнетенные и эксплуатируемые туземные массы». «Аль-Икдам» и «Этендар тюнизьен» занимали непримиримую позицию в отношении ассимиляционистской политики сотрудничества, проводимой Геллати и ему подобными «под лицемерной маской защиты мусульман». Они также осуждали за полную никчемность «эфемерную деятельность» алжирского националиста эмира Халеда, который «ничего не имел за собой» [99, 1927, № 6, стр. 230].

Более сложным было отношение к партии Дестур. С одной стороны, Ш. Хайраллах считал крайне важным сплочение всех национальных сил для «безжалостной борьбы» за независимость и в этой связи призывал к объединению всего тунисского народа под эгидой единой и мощной политической группировки. «Единственная группа, способная взять в свои руки это благородное дело,— говорил он,— это дестуровская либеральная партия» [там же, стр. 228]. Отсюда следовали призывы ко всем тунисским патриотам без колебаний присоединиться к партии Дестур. Сам Шадли Хайраллах сохранял в своей титулатуре звание члена Исполнительной комиссии Дестура. С другой стороны, Ш. Хайраллах понимал необходимость коренного обновления партии и ее приспособления к социальным и политическим потребностям момента. Это, по его мнению, следовало осуществить, действуя изнутри, путем отеснения старого руководства. «Верная своей политике,— писала в июле 1928 г. „Аль-Икдам“,— „Североафриканская звезда“ будет со своей стороны бороться за оздоровление Дестура и организацию массовой национальной партии с целью усиления антиимпериалистической борьбы — необходимого условия, чтобы вырвать независимость Туниса» [цит. по: 112, 1928, № 10, стр. 655].

В этом плане партия Дестур подвергалась резкой критике со стороны революционно настроенной националистической молодежи. Газета «Аль-Икдам» издевательски писала, что вся деятельность дестуровских вождей сводилась к иллюминированию по праздникам фасада центрального правления партии на рю д'Англетерр. Молодые националисты считали, что их вожди напрасно теряли время в политических салонах, что они не способны ни к какому революционному действию и что показной верностью незыблемым принципам они лишь прикрывали свою бездеятельность.

К концу 20-х годов революционная молодежь потеряла всякую веру в националистическую знать. Она величала вождей «бонзами», «кациками», «старыми тюрбанами», квалифицировала их как политических бездельников и трусов, которые не хотят, не могут и не намерены ничего делать. «Ясно

также,— говорилось в июльском номере „Аль-Икдам“ за 1928 г.,— что политика молчания, которую он (Дестур.— *Н. И.*) проводит, далеко не служит национальному делу и фактически поощряет империализм в его выпадах против тунисцев». Руководящие должности в партии, писала газета, должны быть постами, сопряженными с борьбой и жертвами. «Если господа вожди Дестура не думают так, пусть уходят» [цит. по: 112, 1928, № 10, стр. 654].

Глава V

ХАБИБ БУРГИБА И ВОЗРОЖДЕНИЕ ТУНИССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Экономический кризис. В 1930 г. на Тунис обрушились первые удары мирового экономического кризиса. Они покончили с безудержным «просперити» 20-х годов и поколебали политическую стабильность в стране. Небывалый крах, потрясший нью-йоркскую фондовую биржу 24 октября 1929 г., явился предвестником величайших испытаний, выпавших на долю тунисского народа. Уже в июле 1930 г. появились первые признаки надвигавшегося кризиса сбыта, создавшего ситуацию перепроизводства почти во всех отраслях тунисского народного хозяйства.

Первыми забили тревогу горнопромышленные компании. Резкое падение спроса на минеральное сырье привело к образованию огромных запасов непроданных фосфоритов и железной руды. Горнопромышленные магнаты заволновались. Они требовали защищать рынок от «демпинга» советских апатитов, сетовали на конкуренцию новых марокканских рудников, расположенных ближе к морю и дававших сырье более высокого качества, и жаловались на угрозу со стороны американских компаний. К апрелю 1933 г. в портах Флориды находилось около 1 млн. т фосфоритов, готовых к немедленному вывозу. Алжиро-тунисские компании в панике душили друг друга, сбивали цены и нередко продавали продукцию ниже ее себестоимости. Большинство сделок фосфоритные и железнорудные общества заключали в фунтах стерлингов, и не удивительно, что отказ Англии от золотого стандарта в сентябре 1931 г. и обесценение фунта стерлингов поставили тунисскую горную промышленность на край гибели. Многие компании закрыли рудники, другие резко снизили производство.

Ниже приводятся данные о добыче минерального сырья в Тунисе в годы кризиса (в тыс. т) [36, стр. 96]:

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.
Фосфориты	2511	3326,0	2148,0	1678	1810,0	1766,0	1500,0	1488,0
Железная руда . . .	977	828,0	447,0	209	291,0	546,0	503,0	723,0
Свинцовая руда . . .	32	27,5	24,1	11	5,8	6,4	7,9	16,7
Цинковая руда . . .	10	1,3	0,7	—	—	—	—	2,8

Добыча фосфоритов к 1935—1936 гг. упала в два с лишним раза, железной руды в 1932 г.— почти в пять раз. Возобновление работы в английской металлургии привело к некоторому оживлению в железнорудной промышленности, которая, однако, как и фосфоритная, так и не оправилась от кризиса вплоть до 1937—1938 гг.

В тяжелом положении оказались тунисское ремесло и полкустарная промышленность, которым приходилось выдерживать конкуренцию заморских товаров. Теряя рынки сбыта, они пытались изготовлять продукцию как можно быстрее и дешевле, и это самым плачевным образом отражалось на ее качестве. Они оказались под угрозой «потери доброй славы и клиентуры» [20, стр. 127]. Вконец запутавшись, мелкие хозяева обрастали долгами и прогорали.

В сельском хозяйстве кризис разыгрался в 1931 г. Наиболее тяжелыми были 1933 и 1934 годы. Накануне кризиса колонисты широко пользовались кредитом со стороны государства, банковских учреждений, кооперативов, торговых домов, особенно фирм по продаже сельскохозяйственных машин и тракторов. Их обязательства исчислялись десятками и даже сотнями миллионов франков¹. «Стабильность всего этого экономического, финансового и политического здания обуславливалась, так сказать, изо дня в день сохранением высокого уровня цен и экспорта» [83, стр. 294]. Все зависело от сбыта вина, зерна и оливкового масла во Францию. Эти товары, за исключением вина, ввозились в метрополию без ограничений и продавались по французским внутренним ценам, которые были значительно выше мировых. Что касается вина, то под давлением алжирских и французских виноделов палата депутатов 13 июля 1927 г. приняла закон, введший контингентирование тунисских вин: 550 тыс. гл разрешалось ввозить беспошлинно, еще 500 тыс. гл с уплатой пошлины, равной 50% минимального таможенного тарифа. В те годы этот контингент в общем соответствовал экспортным возможностям Туниса. Однако в погоне за прибылью тунисские виноделы лихорадочно расширяли площади под виноградниками без какого-либо учета емкости потенциальных рынков.

Крах наступил в 1931 г. в связи с начавшимся падением цен на сельскохозяйственные продукты во Франции. Обильные урожаи 1932 и 1934 гг. поставили тунисское земледелие на грань катастрофы. Стоимость зернового экспорта колонистов упала с 291,4 млн. фр. в 1931 г. до 60,8 млн. фр. в 1934 г., средняя цена за 1 ц хлеба — со 160 до 104 фр. соответственно. Производство вина превышало все контингенты. К тому же цены на вино упали со 156 фр. за гектолитр в 1930 г. до 108 в 1931 г. и

¹ Общая сумма кредитов, предоставленных под залог имматрикулированной земельной собственности, в 1934 г. достигла 1671 млн. фр.

54 фр. в 1934 г. Общий объем сельскохозяйственного экспорта в стоимостном выражении снизился: в 1929 г. он составлял более чем 1 млрд. фр., а в 1934 г.— менее 500 млн. фр. [83, стр. 299, 302, 318]. Резко упали доходы европейских колонистов и тунисских предпринимателей. У них не хватало денег для оплаты процентов и погашения долговых обязательств. Это вызвало панику среди коммерсантов, которые оказались без наличных средств и сами были обременены долгами. Боясь разорения, они требовали погашения коммерческой задолженности колонистов. Банки и другие кредитные учреждения также настаивали на платежах, грозя реализацией заложенных земель.

Начался развал колонизации и всего современного сектора тунисского сельского хозяйства. Многие колонисты продавали свои фермы. Резко упали темпы модернизации и механизации хозяйств. Среднегодовой объем закупок сельскохозяйственных машин снизился с 40—45 млн. фр. в 1929—1931 гг. до 8—9 млн. фр. в 1932—1934 гг. Началось сокращение посевов и вырубка виноградников. Запасы вина превышали емкость хранилищ. 15 июля 1932 г. власти запретили расширение виноградников площадью более 10 га, 3 мая 1933 г.— вообще всякие посадки и пересадки виноградной лозы, наконец, 12 июля 1934 г. установили премии колонистам, добровольно вырубавшим свои виноградники. В 1934—1935 гг. колонисты уничтожили 8,5 тыс. га великолепных плантаций, или 17% общей площади европейских виноградников.

Не лучше обстояло дело и в других отраслях сельского хозяйства. Резко уменьшились доходы от оливководства, вынужденного конкурировать с быстро развивавшейся культурой арахиса. Цены на оливковое масло высшего сорта упали с 900 фр. за 1 ц в 1928 г. до 300—320 фр. в 1933 г., поставив тунисских оливководов в исключительно трудное положение. Тунисские купцы жаловались на трудности со сбытом скота. Сократился рынок фиников, фруктов и овощей. Финики не только потеряли сбыт за границей, но даже на внутреннем рынке столкнулись с конкуренцией фиников из Басры и зоны Персидского залива.

Кризис сбыта и перепроизводства сопровождался обесцениением валют и сокращением объема международной торговли. Почти все страны принимали меры, усиливавшие народнохозяйственную автаркию в ущерб свободным международным связям; образовались противостоящие друг другу зоны доллара, фунта стерлингов, франка; тоталитарные государства открыто проводили автаркическую политику. В результате этого внешняя торговля Туниса стала катастрофически падать и все более ориентировалась на Францию. Общий объем внешней торговли сократился с 3393 млн. фр. в 1929 г. до 2708 млн. в 1931 г., 1924 млн. в 1934 г. и 1860 млн. фр. в

1936 г. Увеличилась доля метрополии. Помимо кризиса этому способствовал закон 30 марта 1928 г., устанавливавший по большинству товаров таможенный союз между Тунисом и Францией. В 1936 г. 66% тунисского экспорта и 63% импорта приходилось на Францию, а вместе с Алжиром — соответственно 70% и 71% [см.: 93, стр. 322—324].

Экономический кризис поколебал самые основы мировой капиталистической экономики, покоившейся на свободном частном предпринимательстве. Пытаясь выйти из кризиса, власти метрополии и Туниса обратились к мероприятиям дирижистского характера, которые, предвосхищая политику Народного фронта, явились своего рода французским эквивалентом рузвельтовского new deal. Правительство протектората вплотную занялось проблемами экономической и социальной жизни страны, выступило инициатором различного рода картельных соглашений и взяло в свои руки регулирование тунисской экономики.

В 1931 г. в Тунисе была создана «Банковская антанта» — «настоящий картель, имеющий целью положить конец разнобою в кредитных ставках, который старается унифицировать ставки учета векселей, процента по вкладам и по комиссиям» [20, стр. 59]. В 1933 г. по инициативе правительства алжирские и тунисские фосфоритные компании основали представительство по разработке фосфоритов «Контур де фосфат де л'Африк дю Нор», к которому примкнула марокканская фосфоритная промышленность. «Контур де фосфат» занялся организацией централизованного сбыта продукции на основе взаимно согласованных квот. Он распределял заказы на поставку фосфоритов между отдельными странами и компаниями, а также старался поддерживать стабильный уровень цен. Существенным ограничением подверглась свобода внешней торговли. Возрастание регулирующей роли государства сопровождалось снижением самостоятельности частных компаний. Резко сократились поступления частных капиталовложений из-за рубежа. Самир Амин утверждает даже, что «начиная с 1930 г. самофинансирование европейского сектора практически полностью заменило финансирование за счет притока нового иностранного капитала» [31, стр. 112].

В области сельского хозяйства регулирующие меры государства касались прежде всего современного сектора. Своей главной задачей правительство протектората считало спасение французской колонизации. В 1932 г. было прекращено выделение новых колонизационных участков. Для уже поселившихся колонистов власти увеличили рассрочку платежей за землю с 20 до 30 лет. В 1930—1932 гг. государство получило ряд авансов от «Креди фонсьер д'Альжери э де Тюнизи» и на их основе приступило к консолидации коммерческой задолженности колонистов. В 1932—1934 гг. правительство реорганизовало

всю систему сельскохозяйственного кредита, создав государственные кредитные учреждения, которые действовали наряду с частными банками и кредитными кооперативами. В начале 1932 г. государство создало Земельную кассу Туниса (реорганизованную 21 февраля 1934 г.), а 4 января 1934 г. специально для колонистов — Тунисскую кредитно-консолидационную кассу. Обе кассы наряду с контролируруемыми государством паевыми кассами «Взаимного сельскохозяйственного кредита» (основан в 1905 г.) помогали французским колонистам и тунисским землевладельцам конвертировать свои долги в долгосрочные ипотечные ссуды под сравнительно небольшие проценты. Средства для своих операций Земельная касса получила путем эмиссии облигаций трехпроцентного займа, гарантированного тунисским правительством [см.: 93, стр. 133—134, 156—158 и др.].

Наряду с реорганизацией кредита правительство протектората распространило на Тунис многие положения французского законодательства о закупках зерна и других сельскохозяйственных продуктов. Начиная с 1933 г. государство приступило к заготовкам и варрантированию зерна и оливкового масла. Производители получали установленные законом закупочные цены. Все заботы о дальнейшей судьбе сданной продукции брали на себя оптовые фирмы и кооперативы, действовавшие под гарантией государства, которое стало полностью контролировать и регламентировать рынок зерновых, оливкового масла и других продуктов. Одновременно была улучшена работа сельскохозяйственных инспекторов и советников, а также создан Офис стандартизации, повысивший конкурентоспособность тунисских сельскохозяйственных товаров на внешних рынках [см.: 93, стр. 175—176].

Мероприятия 1933—1934 гг. создали новую организационно-хозяйственную структуру в товарных отраслях сельского хозяйства и означали, по мнению Ж. Понсэ, «первый шаг к направляемой экономике (*économie dirigée*)» [83, стр. 303]. Правда, сами инициаторы этих мер, подчеркивает тот же Ж. Понсэ, еще не сознавали всего значения проводимых ими реформ и рассматривали их лишь как вынужденные обстоятельства мероприятия временного порядка. Как бы то ни было, они приостановили развал тунисского сельского хозяйства, позволили колонистам и тунисским предпринимателям избавиться от средне- и краткосрочной задолженности, обеспечить себя необходимыми средствами и получить гарантированный сбыт продукции. Вместе с постепенным восстановлением цен и хорошими урожаями 1937—1938 гг. они дали возможность народному хозяйству Туниса преодолеть последствия мирового экономического кризиса.

Возникновение бидонвилей. По сравнению с экономическими вопросами социальные проблемы, возникшие в резуль-

тате кризиса, оказались значительно более сложными. Впервые в своей истории Тунис столкнулся с массовой безработицей. Предприниматели, сокращавшие производство, увольняли часть персонала. В горнодобывающей промышленности численность рабочих сократилась с 20 350 в 1927 г. до 11 500 в августе 1931 г. и 7450 в конце 1933 г. [35, стр. 113; 108, 1932, № 2, стр. 98]. Аналогичное положение складывалось и в других отраслях. Ряды безработных пополнялись также за счет ремесленников, большинство которых в 1931—1932 гг. не имело работы и существовало за счет бесплатных раздач продовольствия, производимых муниципальными властями.

Для борьбы с безработицей власти создали Оффис трудоустройства, в обязанности которого входило подыскание работы лицам, оказавшимся без постоянных занятий. В частности, оффис организовал общественные работы по улучшению дорог [см.: 99, 1932, № 10, стр. 581]. Лица, зачисленные на дорожное строительство, получали минимальные пособия, выделяемые казной.

Значительно хуже обстояло дело с проблемой хронической незанятости. До кризиса она существовала в скрытой форме аграрного перенаселения; теперь же приняла открытые формы массового босячества. У правительства протектората, по-видимому, не было ясного представления ни о характере самой проблемы, ни о методах ее решения. Во всяком случае, власти, целиком поглощенные заботами о колонистах, не уделяли ей достаточно серьезного внимания.

Между тем кризис резко изменил положение в тунисской деревне.

Прежде всего ухудшилось экономическое положение сотен тысяч крестьянских и бедуинских хозяйств. Они страдали не только от затоваривания рынка и падения цен, но также от недопроизводства и технической отсталости. В течение двух лет (1930—1931) в обширных районах Центра и Юга свирепствовала сильнейшая засуха. Посевы выгорели; маслины давали скудные урожан; стада на 80% погибли от жажды и бескормицы [см.: 108, 1932, № 2, стр. 98]. Неисчислимые бедствия принесли зимние наводнения 1931—1932 гг. Убытки исчислялись в 47,9 млн. фр. [см.: 15, стр. 243]. Наконец, летом 1932 г. посевы пострадали от нашествия саранчи. Правительство, заявил генеральный резидент Мансерон, было вынуждено прийти на помощь большей части населения [см.: 112, 1932, № 3, стр. 166]. Однако воспользоваться ею смогли далеко не все. Большую часть средств, выделенных из государственного бюджета, разворовали чиновники бейской администрации, их сородичи и друзья. К тому же помощь была не беспредельна. Полную несостоятельность в годы кризиса проявили тунисские общества попечения, выдававшие продовольственные и семенные ссуды. Их жалкие фонды, пополнявшиеся за счет допол-

нительных сантимов к поземельным налогам, далеко не соответствовали масштабам бедствия. При этом крестьяне жаловались на качество семенного материала, выдаваемого как натуральные ссуды, и требовали заменить их деньгами.

Денег у крестьян не было. Для них были закрыты все источники регулярного кредита. Меры по консолидации коммерческой задолженности распространялись только на колонистов. Лишь в 1932 г. тунисским обществам попечения и вновь созданной Земельной кассе было разрешено выдавать ипотечные ссуды на основе арабских титулов собственности², которые не признавались ни одним солидным кредитным учреждением. Волей-неволей крестьяне были вынуждены обращаться к ростовщикам. Последние нередко выступали лишь как простые посредники серьезных банков. Обладая приятной внешностью и уважая сроки погашения, писал Рейдон, президент административного совета Земельной кассы, они получали в банках ссуды, необходимые для их ростовщических операций [см.: 93, стр. 201]. Наиболее распространенными ростовщическими сделками были «рахн» — отдача в залог титулов собственности, «биа аль-уафа» — продажа земли или другого имущества с правом выкупа и особенно «слем» — продажа урожая вперед, на корню. Ипотечные ссуды выдавались, как правило, из расчета 2% в месяц, «слем» — 4% в месяц. Специальным обследованием было установлено, что в Сахеле при ростовщических операциях типа «слем» долг за три года возростал на 500% [см.: 93, стр. 201]. Нередки были случаи, когда за год долги достигали 300% от первоначально выданной суммы [см.: 108, 1933, № 7, стр. 379]. При таких условиях один-два неурожайных года полностью разоряли землевладельцев.

В годы кризиса заметно упали цены на землю. В 1932 г. вместе с падением цен на сельскохозяйственные продукты это привело к тому, что многие хозяйства обросли долгами, превышавшими их реальную стоимость. Боясь оказаться в проигрыше, ростовщики в 1933—1934 гг. стали требовать незамедлительной уплаты долгов и в случае отказа начали забирать в свои руки стада, земли, сады и оливковые плантации.

Разорение мелких хозяйств, тяжелое положение, в котором оказались многие тунисские помещики, панические настроения, охватившие колонистов, — все это самым пагубным образом отразилось на социальном равновесии в деревне. Возросла численность безземельного и пауперизированного населения. Снизились заработки. Резко упала занятость, которая и без того была отнюдь не на высоком уровне. В Сахеле — этом главном районе традиционного земледелия — численность постоянно занятых в сельскохозяйственном производстве не пре-

² Т. е. документов на право владения землей, не прошедших имматрикуляцию по закону 1885 г. и соответственно не зарегистрированных в Земельной книге.

вышала $\frac{1}{3}$ мужской рабочей силы. В периоды жатвы, пахоты, сбора оливок она доходила до 50%. И наоборот, весной и в конце лета удельный вес занятых падал до 15—20%. «Если приехать в селение в эти периоды,— писал Ж. Берк [40],— то можно убедиться в огромном количестве лаццарони. Их пестрые компании, оставляющие довольно яркое впечатление, без всякой цели сидят в мавританских кафе, потягивая тот очень крепкий чай, которому приписывают столько зла» [стр. 157].

В тяжелые годы кризиса и многолетней засухи все эти полубезработные батраки, а также разорившиеся хаммасы, крестьяне и бедуины оказались без куска хлеба. В родных кочевьях и селах у них ничего не было: ни земли, ни скота, ни работы, ни даже надежды на будущее. Оставался один выход — попытать счастье в городе, который раньше пугал их чужим, неведомым укладом жизни. Однако в конце 20-х годов, как уже отмечалось, в их сознании произошли определенные сдвиги. Вместе с наивной верой в марабутов они утратили былые добродетели и жизненные идеалы³, привязывавшие их сознание к родному углу. А самое главное, они утратили бездумную покорность судьбе и обычаю, изменили свое отношение к городу. Они преодолели былую робость перед ним. Более того, многие из них считали, что в городе с его широкими возможностями «подзаработать» им было бы гораздо легче достичь минимального достатка или, во всяком случае, прокормиться.

И вот сотни и тысячи людей потянулись в приморские европеизированные города. Не имея здесь ни родных, ни пристанища, они селились на окраинах и городских свалках, ютясь в наскоро сколоченных лачугах или просто укладываясь на ночь в мягкую теплую пыль. Градостроительное искусство обаяно им целым рядом нововведений, начиная от бараков — этого «чуда» XX в. — и кончая средневековой гурби, переселившимися вместе с ними на границы городской черты. Жак Берк не без иронии замечает, что в противоположность «вертикальной» концепции застройки города новые пришельцы недвусмысленно высказались в пользу «горизонтальной» кон-

³ Жак Берк, в частности, писал о пролетаризированном земледельце Сахеля. «Он делает „то, чего не позволяют себе“. Он покупает хлеб, вместо того чтобы выпекать его из своего теста. Он ест на улице — то, что некогда заставляло его краснеть. Он уже не строит глухих стен вокруг своего жилища, чтобы сохранить тайну семейного очага. Его жена ходит с открытым лицом. Конечно, она все еще считает нужным блюсти сельскую честь. Время от времени она совместно с другими односельчанками ходит на посиделки, где они все вместе сообща готовят крупу для кускуса (национального блюда.— Н. И.). Но все эти обычаи не предохраняют ее от разлагающего воздействия бедности. Она уже не далека от того, чтобы бежать на дороги, ведущие к Тунису» [стр. 159].

цепции [стр. 192]. Их низкие, обросшие грязью антидома сооружались в удивительно короткие сроки. Излюбленными материалами служили полуистлевшие доски, толь и особенно выброшенные на свалку старые бидоны из-под керосина. Эти последние дали свое название всему новому типу нелегальной застройки городских окраин. В 1934 г. один из «старых друзей» Бургибы — Фелисьен Шаллай, по данным Ж. Берка, первым ввел в литературу новый термин — «бидонвиль» [стр. 192], получивший в те годы широкое распространение для обозначения безобразных скоплений гурби, барачков и лачуг, которые сооружались на грязных пустырях вопреки всем правилам и нормам современного градостроительства.

В непривычных и невыносимых условиях бидонвилей тунисские лаццарони, бездомные босяки и деклассированные оборванцы стремились наладить семейную жизнь, исходя зачастую из традиционных представлений и моральных норм. Некоторые из них в «скорбной и карикатурной форме» воспроизводили в бидонвильной архитектуре чуть ли не все элементы традиционного магрибинского жилья, включая внутренний дворик, существовавший у них в виде жестяной «воздушной трубы» [стр. 192]. Участь тунисских босяков вызывала сострадание в цивилизованных кругах европейского и мусульманского общества. Но оно было беспомощно. Бездомные пролетарии, вырванные из своей патриархальной среды, естественно, не находили никаких постоянных занятий в городе. Они не имели ни профессии, ни образования, ни даже простой привычки постоянно работать. Они нищенствовали и попрошайничали, перебиваясь случайными заработками. Иногда к ним на помощь приходили благотворительные общества и муниципалитеты, но чаще полиция попросту изгоняла их, стараясь водворить на прежнее место жительства. Но они возвращались снова и снова, поставив перед властями совершенно необычную проблему — проблему массового босячества и хронической незанятости в городах.

Легализация профсоюзов и националистические волнения 1930—1931 гг. Трудности и новизна социально-экономических проблем, вызванных кризисом, в сочетании с растерянностью властей активизировали общественное движение в Тунисе. Заметно накалилась политическая обстановка. Вместе с тем тяжелые испытания, выпавшие на долю всех слоев населения, наложили свой отпечаток на всю общественно-политическую жизнь страны, проходившую под знаком кризиса. Как это ни парадоксально, в годы экономического кризиса произошел заметный спад рабочего движения. Сократилось число трудовых конфликтов. Количество забастовок и численность бастующих снизились почти до уровня военных лет. Об этом свидетельствуют данные о забастовочном движении 1926—1934 гг. [88, стр. 480—481; 89, стр. 166—167]:

	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.
Число забастовок	10	8	11	9	6	8	3	3	2
Число охваченных предприятий	36	26	126	106	12	76	9	31	2
Число бастующих	728	1532	1637	4869	2805	855	189	2076	77

Эти данные показывают, что начавшийся было в 1928—1929 гг. подъем забастовочного движения с наступлением кризиса резко пошел на убыль, так и не достигнув уровня первых послевоенных лет. Основными требованиями рабочих были восьмичасовой рабочий день и признание профсоюзных прав. Многие забастовки носили исключительно упорный характер. В г. Тунисе, например, 1—11 ноября 1928 г. в связи с забастовкой трамвайщиков и рабочими демонстрациями на главных перекрестках были выставлены военные патрули и усиленные наряды полиции [99, 1928, № 12, стр. 469]. Большинство забастовок проходило под руководством ВКТ. Слабые коммунистические организации ограничивались главным образом работой среди докеров. Коммунисты распространяли листовки, призывавшие рабочих поддерживать УВКТ и не верить правосоциалистическим лидерам ВКТ во главе с Дюрелем и Альбером Бузанке, который в эти годы выдвинулся в число видных руководителей Департаментского объединения ВКТ.

В условиях кризиса власти не желали обострять отношения с профсоюзами и пошли на широкое умиротворение рабочих. 16 ноября 1932 г. правительство протектората опубликовало декрет о юридическом признании профсоюзов, а 23 июня 1933 г. ввело в Тунисе восьмичасовой рабочий день. Отныне профсоюзы могли «создаваться свободно, без разрешения правительства» [20, стр. 231]. Вместе с декретом о восьмичасовом рабочем дне легализация профсоюзов была исключительно важным завоеванием тунисского рабочего класса, значительно облегчившим его дальнейшую борьбу за социальный прогресс и свободу.

Ослабление чисто классово-борьбы, по крайней мере по сравнению с периодом 20-х годов, сопровождалось значительным обострением национальных противоречий. Столкновения на этой почве зачастую носили стихийный, неорганизованный характер. В мае—июне 1931 г. в различных городах Туниса состоялись бурные антиитальянские выступления, нередко переходившие в драки между итальянцами и мусульманами [см.: 99, 1931, № 7, стр. 437—438; 108, 1931, № 7, стр. 358]. Летом 1932 г. в Сфаксе, Тунисе, Ариане, Бизерте произошли кровавые столкновения между арабскими и еврейскими национали-

стами; имелись раненые [см.: 99, 1932, № 9, стр. 558]. Усилению антифранцузских настроений способствовала сама генеральная резиденция, организовавшая в Тунисе всемирный Евхаристический конгресс и торжественное празднование 50-летия протектората.

Созыв XXX Международного Евхаристического конгресса, происходившего в Карфагене 7—11 мая 1930 г., по мысли его организаторов, должен был подчеркнуть незабываемость и преемственность французского присутствия в Тунисе. Иначе его созыв следует рассматривать как грубую ошибку правительства протектората, которую еще более усугубил его инициатор — архиепископ Карфагенский, монсеньер Лемэтр. Этот «бывший капеллан черных войск, бригадный генерал запаса» [40, стр. 231] действовал с чисто военной прямолинейностью и размахом. На конгресс съехались 6253 делегата. Торжества транслировались через громкоговорители; по улицам дефилировали отряды молодых людей в форме крестоносцев. «Таким образом,— пишет Ж. Берк,— мусульмане могли серьезно думать, что Франция, достигшая апогея, вспомнила о крестовых походах и путем силы и убеждения добивалась окончательного уничтожения их нравственного бытия» [там же]. Бесцеремонность монсеньера Лемэтра не встретила поддержки в Ватикане и тем более в мусульманском Тунисе. Почти все арабские газеты напечатали прокламацию, которую подписали 125 общественных деятелей страны и в которой заявлялось, что «действительная цель конгресса — это чудовищный крестовый поход против североафриканского ислама» [цит. по: 40, стр. 231].

Не меньшее недовольство среди мусульманского населения вызвали торжества по случаю 50-летия протектората, состоявшиеся вслед за пышным празднованием 100-летия французского Алжира. Голодная страна узнала, что палата депутатов выделила на эти цели 10 млн. фр. В апреле 1931 г. в Тунис прибыл президент Французской республики Гастон Думерг, парламентарии и многочисленные гости. Парады, приемы и спортивные представления поражали своей пышностью и политической близорукостью.

Двукратные торжества явились прекрасным поводом для развертывания массовой антифранцузской пропаганды. Участие бея и шейх-уль-ислама в официальных церемониях, в том числе в Евхаристическом конгрессе, отнюдь не соответствовало настроениям страны и только лишний раз продемонстрировало их роль прислужников колониального режима. Бешеную кампанию против конгресса развернула «Тюнис-социалист». В течение нескольких месяцев она изо дня в день клеймила его организаторов — монсеньера Лемэтра и правительство протектората [см.: 99, 1930, № 6, стр. 351]. Еженедельные фельетоны газеты, высмеивавшие конгресс и католический

культ, пользовались большим успехом среди революционной молодежи, которая рассматривала конгресс чуть ли не как «сигнал к офранцузиванию тунисцев путем крещения» [26, стр. 45]. 5 мая 1930 г. учащиеся колледжа Садыки и Аз-Зитуны организовали мощную демонстрацию протеста. Несколько десятков человек были арестованы, многие брошены в тюрьму.

Антикатолические выступления тунисских учащихся и СФИО были немедленно подхвачены всей арабской печатью. С каждым днем антиправительственная кампания становилась все более резкой и хлесткой. Появились новые националистические газеты. 15 августа 1930 г. начала выходить газета «Круасан», 1 октября 1930 г. — «Буа дю тюнизьен». Ее директором был Шадли Хайраллах — лидер революционной молодежи конца 20-х годов, который преобразовал ранее издававшуюся им «Этендар тюнизьен» в ежедневную газету левых тунисских националистов. Правда, основные программные требования «Буа дю тюнизьен» имели традиционно дестуровский характер, а в состав ее редакции наряду с молодежью входили члены Исполнительной комиссии Дестура — Салах Фархат и Тахар Сфар. Вместе с тем газета продолжала неконформистскую линию своих предшественниц. Она охотно предоставляла свои страницы лидерам революционной молодежи и вскоре стала их главной пропагандистской трибуной.

В связи с 50-летием протектората мусульманская печать, по мнению властей, взяла совершенно недопустимый тон. 12 мая 1931 г. правительство закрыло газеты «Ан-Нахда» (орган реформистов) и «Аль-Вазир» (орган дестуровских «старых тюрбанов»), сделало строгое предупреждение газете «Аз-Зохра» (орган религиозных консерваторов) и возбудило судебное преследование против «Буа дю тюнизьен». Репрессивные меры властей вызвали большое возбуждение в столице. 8 июня 1931 г., в день суда над «Буа дю тюнизьен», состоялась демонстрация. Войска, конная и пешая полиция охраняли здание суда от напора огромной толпы, которая рукоплескала шести редакторам «Буа дю тюнизьен». 20 июня, в день второго заседания суда, власти поставили на ноги всю полицию, жандармерию и войска столичного гарнизона. Во избежание кровопролития редакция «Буа дю тюнизьен» призвала граждан к манифестации наоборот — в знак протеста оставаться дома и не выходить на улицу. 20 июня 1931 г., отмечала печать, на тунисских улицах не было мусульман. В довершение всего обвиняемые нашли поддержку со стороны демократических кругов европейского населения, газеты «Тюнис-социалист» и ряда левых депутатов французского парламента. Два депутата — М. Мутэ, один из лидеров СФИО, и Г. Бержери, видный деятель радикал-социалистской партии, выступавший тогда за сплочение всех левых сил, — приехали в Тунис в ка-

честве адвокатов «Вау дю тюнизьен». В этих условиях генеральный резидент Фр. Мансерон решил идти на попятную. 30 июня он встретился с членами редколлегии «Вау дю тюнизьен» и после трехчасовой беседы разрешил им возобновить издание газеты. 4 июля суд отложил дело «Вау дю тюнизьен» на неопределенное время. Вновь начали выходить газеты «Ан-Нахда» и «Аль-Вазир».

Этот первый успех революционной молодежи окрылил туниское национально-освободительное движение и вдохнул в него новые силы. «Вау дю тюнизьен» возобновила кампанию за «действие масс» против «бестолкового коллаборационизма». Из всех уголков Туниса в редакцию шли письма с жалобами на притеснения властей и на бедственное положение трудящихся. «Ставшую глашатаем тунисцев и осмелевшую от своих успехов газету „Вау дю тюнизьен“ отныне благоговейно выслушивают и покупают самые темные из неграмотных» [99, 1931, № 7, стр. 437—438; № 8, стр. 522—523; № 10, стр. 686].

Популярность газеты, несмотря на то что она выходила на французском языке, во многом объяснялась интеллектуальной смелостью ее редакции, которая по-новому подошла к реальным проблемам тунисской действительности и сумела установить психологический контакт с широкими массами читателей. Среди ее руководителей все более заметную роль играл молодой адвокат Хабиб Бургиба, энергично включившийся в борьбу за осуществление тунисского националистического идеала.

Хабиб Бургиба. Новый лидер революционной молодежи был родом из Сахеля. Среднего роста, с лучистыми голубыми глазами он прежде всего поражал ясной логикой мысли, холодным расчетом государственного ума и страстным жаром южного темперамента. Широта мышления, горячая убежденность и личный магнетизм делали из него естественного руководителя. Как прирожденный политик и дипломат он умело использовал свой природный дар чаровать людей. «Подобно всем великим актерам,— писал Кл. Мур,— Бургиба, который как бы всегда был на сцене, обладал способностью не только рассчитывать свои жесты, но и излучать теплую непосредственность, располагавшую к нему слушателей» [72, стр. 42—43]. Долгое время Бургибу не принимали в верхах столичного мусульманского общества. Для него он был чужаком, офранцузенным провинциалом, который не знал традиций, условностей и этикета богатых мусульманских фамилий.

Он родился 3 августа 1903 г. в г. Монастире в скромной мелкобуржуазной семье. У отца Бургибы, лейтенанта бейской армии, было восемь детей. Хабиб был самым младшим. Мать рано умерла, и с пяти лет Бургиба жил в г. Тунисе у старшего брата Мухаммеда, переводчика в ведомстве премьер-мини-

стра. Он учился в колледже Садыки, проведя шесть лет в интернате. Усиленные занятия и неважное питание подорвали его здоровье. В 1919 г. он заболел туберкулезом и возобновил учебу лишь в 1921 г., на этот раз в лицее Карно. Он много работал, проявив неплохие способности, особенно по математике, философии и французскому языку, и в 1924 г. успешно закончил лицей со степенью бакалавра философии.

Для завершения образования Бургиба выехал во Францию. В 1924—1927 гг. он учился на факультете права Сорбоннского университета и в Школе политических наук. Он много читал, увлекался театром. Огромный интерес Бургиба проявлял к истории, политике и социальным наукам. Он специально прослушал курс психологии и психопатологии. В философии и социологии позитивизм О. Конта привлекал его больше, чем диалектические конструкции Г. Гегеля. «Капитал» К. Маркса, по словам Ф. Гараса [54], «наводил на него скуку» [стр. 60]. К тому же он вообще считал марксизм применимым лишь к промышленным нациям Запада. Зато «Происхождение христианства» Э. Ренана произвело на него неизгладимое впечатление.

Подобно многим другим представителям молодой европеизированной интеллигенции, Хабиб Бургиба женился на французенке. В 1925 г. он познакомился с Матильдой Лоррэн и в 1926 г. связал с ней свою судьбу.

Делом всей своей жизни Бургиба считал борьбу за национальное освобождение родины. Стремление к свободе и тюрьма, замечает Феликс Гарас, были семейной традицией в доме Бургибы [стр. 58]. Его дед и дядя были активными участниками народного восстания 1864 г., проходившего под руководством Али бен Гедахума. Девятнадцати лет Хабиб Бургиба вступил в партию Дестур и в 1922 г. послал телеграмму протеста Л. Сэну. К истории национально-освободительного движения он проявлял чисто профессиональный интерес. Он много читал и размышлял о Боливаре, Мадзини, Гарибальди, Ганди. Но ни один из них не стал его героем. Он искал другие пути, другие формы и методы борьбы. Еще лицеистом он слушал Мухаммеда Али. В Париже он сблизился с марксистскими социалистическими кругами. Здесь в среде революционного студенчества он познакомился с молодым тунисским врачом Махмудом Матри, который стал его самым близким другом и боевым товарищем.

Махмуд Матри был на пять лет старше Бургибы и во многом способствовал его политическому развитию. Он был несколько менее активен, чем Бургиба, но как выходец из семьи столичной буржуазии пользовался в ее среде значительно бóльшим кредитом. В юности он вступил в социалистическую партию, но в глубине души таил националистические убеждения и ненависть к колониальному строю. «Колебания социалистической партии в этой области,— пишет Ф. Гарас,— его

разочаровали и сделали из него убежденного коммуниста» [стр. 61]. Однако в 1925 г., в самый разгар борьбы с троцкизмом, он вышел из коммунистической партии. Свои сомнения он, естественно, выкладывал Бургибе, размышляя вместе с ним о необходимости создания прочной политической организации тунисского народа. «Ты помнишь,— писал он впоследствии,— сколько раз суровой зимой в твоей маленькой комнатке на улице Сен-Северин я делил с тобой твой скудный ужин, состоявший из сухого хлеба и нескольких маслин, присланных из Монастира?» [цит. по: 54, стр. 61].

Как и многие другие представители тунисской революционной молодежи того времени, друзья расходились с левыми по вопросу о национализме, но полностью сохраняли верность идеалам свободы и демократии. Они верили в действие и роль масс в истории. Бургиба не переносил военщину и милитаризм, с неодобрением отзывался о генералах, делающих революции,— о всех этих «любителях женщин и государственных переворотов», которые начиная с Боливара возглавляли военные хунты. Он был приверженцем массовых ненасильственных действий. И это, по мнению Ф. Гараса, чем-то напоминало Мохандаса Карамчанда Ганди [стр. 66—67]. Однако в отличие от Махатмы Ганди Бургиба отнюдь не абсолютизировал ненасилие. Эпиграфом к его книге «Тунис и Франция» взяты слова Джавахарлала Неру: «Если насилию я предпочитаю ненасилие, то еще больше я люблю свободу через насилие, чем ненасилие в неволе».

Как политическому прагматику Бургибе были абсолютно чужды религиозно-мистические чувства. «Бургиба,— говорит Ф. Гарас,— это не святой, ни даже религиозно мыслящий человек, это — мирянин» [стр. 67]. Разумеется, он знал мусульманское вероучение и даже ценил ислам как фактор национальной солидарности. Но не больше. Он не был исламофилом подобно Таальби. Его националистический идеал был чисто светского характера и совершенно лишен какого бы то ни было религиозного содержания.

К революции, к национально-освободительному движению Бургиба относился как к серьезной работе, требующей повседневных усилий. Как большинство сахельцев, он ценил медленный, но прочный успех. Он не ожидал и не готовил чуда. Политику он рассматривал как искусство достижения возможного и никогда «не штурмовал небо». В этом смысле он вообще не был революционером. Он не принадлежал к числу тех, кто все свои силы и помыслы направлял на ниспровержение существующего строя, откладывая на потом конструктивную созидательную работу. Бургиба скорее был государственным деятелем, лидером оппозиции, сознающим ответственность за нынешнее и будущее состояние дел.

Бургиба был политическим профессионалом и высоко це-

нил профессионализм. Деловые качества и навыки, умение делать политику он ставил выше революционно-патриотической преданности. Он нетерпимо выступал против всякой самодельности и эмпиризма, изучал и откровенно восхищался искусством, «техникой» управления. Политика для него была строгим расчетом, отмечал Кл. Мур, картезианской деятельностью, умеряемой здравым смыслом [72, стр. 42]. Как политическому деятелю Бургиба была присуща смелость, способность идти на рассчитанный риск. На практике эта смелость нередко сочеталась с виртуозным политическим оппортунизмом, каким-то сверхъестественным даром Бургибы приспосабливаться к обстоятельствам и использовать их в своих интересах.

По своим склонностям и вкусам, по своему образованию и складу мышления Бургиба был «тунищем французской формации» [54, стр. 67] и делал политику по-французски. Он недолюбливал «старых тюрбанов», их восточные симпатии и подход к делу. Во Франции он великолепно освоил новейшую политическую технику и насмешливо отзывался об организационно-пропагандистских потугах традиционных арабских вождей.

По возвращении в Тунис в 1927 г. Бургиба посвятил себя юридической практике. В качестве адвоката он вел дела джеддари, «осcupants», против владельцев хабусных имений, оспаривавших их земельные права. Параллельно он занимался журналистикой, писал статьи и заметки в «Либераль» и «Ан-Надим». Частично он делал это по необходимости, испытывая серьезные материальные затруднения. Вместе с Матри, который также вернулся в Тунис, Бургиба возобновил свое членство в партии Дестур, но лишь в 1930 г. в связи с Евхаристическим конгрессом целиком переключился на политику. Будучи постоянными авторами и членами редколлегии «Вау дю тюнизьен», Бургиба и Матри приобрели широкую известность как молодые талантливые журналисты и представители левого течения тунисского национализма.

«Аксьон». *Зарождение бургибизма.* В начале 1932 г. в редакции «Вау дю тюнизьен» возник острый конфликт. Директора и владельца газеты Шадли Хайраллаха крайне раздражало стремление его сотрудников превратить газету в коллективное детище редакции. К тому же он в значительной мере растерял свой авторитет как общепризнанный лидер революционной молодежи. По Тунису ходили слухи, что он поддерживает конфиденциальные отношения с генеральной резиденцией и получает оттуда деньги. Разрыв становился неизбежным. Посредничество Номана, одного из реформистских вождей, ничего не дало. Матри и Бургиба поставили вопрос ребром: или Ш. Хайраллах уступает им руководство газетой, или они уходят.

Летом 1932 г. Махмуд Матри, Хабиб Бургиба и его брат Мухаммед Бургиба покинули редакцию «Вау дю тюнизьен» и решили основать собственный печатный орган. 1 ноября 1932 г. вышел в свет первый номер новой националистической газеты «Аксьон тюнизьен». В состав редакции входили Махмуд Матри, Хабиб и Мухаммед Бургиба, Бахри Гига и Али Бухаджеб. Все они были молодыми европеизированными évolués, думающей элитой националистически настроенной революционной молодежи Туниса. Наибольшим авторитетом среди них пользовались Матри и Бургиба. Третьим, безусловно, был Бахри Гига, «один из самых subtilных интеллигентов» [40, стр. 398], изящный молодой адвокат, который своей утонченностью и вкусом к интриге напоминал Ф. Гарасу дворянина эпохи итальянского Возрождения [54, стр. 81—82]. По сравнению с этим подававшим надежды молодым политиком Али Бухаджеб выглядел более чем скромно. Он был фармацевтом и горячим поборником обездоленных, совмещая обязанности провизора с журналистской деятельностью в рядах Тунисской федерации СФИО.

В первые времена редакция «Аксьон» размещалась в задней комнатке аптеки Бухаджеба на ул. Баб-Суика. Статьи писались и редактировались за столиками близлежащих кафе. Многие принципиальные вопросы решались непосредственно в типографии газеты «Ан-Нахда».

В этой суровой и несколько романтической обстановке началась история новой националистической партии Туниса, принявшей идеи и принципы тунисской революционной молодежи конца 20-х годов. Подзаголовок «Аксьон» — «Независимая ежедневная газета. Орган защиты тунисских интересов» поразительно напоминал подзаголовок «Аль-Икдам». Назвав себя «пролетариями мысли, свободными от каких-либо привязанностей и обязательств по отношению к кому-либо» [40, стр. 263], редакторы «Аксьон» заявили о своем намерении искать выход из тяжелого политического, морального и экономического кризиса, который переживала страна. Они объявили себя противниками «бесплодной демагогии». Поддержав общенациональные требования Дестура, они вместе с тем выступили против безудержной патриотической трескотни, не подкрепленной никакими действиями. «Перейти от „голоса“ к „действию“ — вот вся программа», — писал Ж. Берк, обыгрывая названия националистических газет «Вау дю тюнизьен» и «Аксьон тюнизьен».

Группа «Аксьон» не выдвигала никакой конкретной программы требований, ни в общих чертах, ни с рубрикацией по пунктам, подпунктам и параграфам. Она отказалась также от разработки собственной политико-идеологической доктрины. Ее руководители — бывшие коммунисты, социалисты и сочувствующие — довольствовались идейным наследием француз-

ских левых партий и лишь дополнили его тунисским националистическим идеалом. Они были «западниками», и исламофильские концепции в духе Таальби совершенно не соответствовали их взглядам. Борясь с французами, они любили Париж и Францию.

В первом номере «Аксьон тюнизьен» заявила, что хотела бы быть «посредником между французским и тунисским общественным мнением» [цит. по: 98, 31.X. 1965]. Матри и Бургиба считали, что борьба за национальное освобождение не должна означать ни вражды, ни разрыва с Францией. Обрушиваясь на привилегированные группы «кровососов-колонистов» и «вампинов-чиновников», клеймя их политику «грабежа и вымогательств», их постоянные выпады против «наших самых заветных религиозных чувств» и «наших самых законных национальных чаяний» [42, стр. 55], Бургиба вместе с тем постоянно подчеркивал, что тунисский народ не питает никаких враждебных чувств в отношении Франции и Запада вообще. «Мы не отвергаем,— писал Бургиба в 1933 г.,— всякий контакт с западной цивилизацией... но мы не хотим, чтобы расплатой за неоспоримый материальный и духовный прогресс... была отвратительная эксплуатация, губительная для человечества, несовместимая с принципами справедливости и братства, которые лежат в основе этой самой цивилизации и которым она обязана своей силой и своим несравнимым сиянием» [42, стр. 56].

Бургиба и его друзья выступали за мирную ненасильственную эволюцию колониального режима протектората «к нормальному режиму, черпающему свою силу в добровольном и ясном понимании общих интересов» [42, стр. 87]. При этом они исходили из так называемой диалектики колонизации, т. е. из признания того факта, что наряду с угнетением и эксплуатацией колониализм принес положительные моменты духовного и материального порядка, связанные с распространением западноевропейской цивилизации. Отец отрицательные явления, сохранить и развить положительные результаты «полувекowego контакта» — вот в нескольких словах то, к чему стремились вдохновители нового тунисского национализма. Они жаждали независимости и национального возрождения Туниса в рамках западной цивилизации. «Контакты с более передовой цивилизацией,— писал Бургиба в 1931 г.,— вызывают в нем (тунисском народе.— *Н. И.*) здоровую реакцию. Он переживает подлинное возрождение, и благодаря разумному усвоению принципов и методов этой цивилизации он неизбежно добьется достижения по этапам своего окончательного освобождения» [цит. по: 54, стр. 69].

Отказываясь от лозунга полной и немедленной независимости, руководители «Аксьон» считали необходимым прежде всего не допустить, чтобы распространение западной цивили-

зации сопровождалось национальной ассимиляцией страны. В юридическом, политическом и экономическом плане они боролись за утверждение национальной самобытности Туниса. Этому они подчиняли все, нередко идя на компромисс с собственными убеждениями. Разделяя приверженность левых к принципам «либеральной демократии», «священным свободам» и «неприкосновенным правам человека и гражданина», они вместе с тем ополчились против социалистической кампании за эмансипацию мусульманской женщины. В 1931 г. Матри уклонился от прямой поддержки Тахара аль-Хаддада. Признавая в отличие от «старых тюрбанов» существование классов и классовой борьбы, а также необходимость бороться за удовлетворение социальных требований трудящихся, они одновременно выступали против развертывания классовой борьбы. Вдохновители «Аксьон» безусловно были поборниками социального прогресса. Они вполне искренне полагали, что одной политической свободы недостаточно, что надо освободить патриотов также от нищеты, безработицы и других социальных недугов [см.: 26, стр. 71]. Они нередко повторяли слова Дюран-Анльивьеля о необходимости создать «людей там, где существовали только рабы» [42, стр. 91]. Но ради единства нации они в течение 30 лет воздерживались от выдвижения каких бы то ни было социалистических лозунгов. Националистические лидеры, заявлял Бургиба, были «твердо убеждены, что тунисский рабочий класс составляет нераздельную часть нации и что социальное освобождение нельзя представить себе и осуществить иначе как в результате и в рамках политического освобождения родины» [42, стр. 386—387].

Одним словом, все проблемы морального, социального и политического порядка они рассматривали с точки зрения националистического императива. Разумеется, им были чужды чувства примитивной ксенофобии и религиозного фанатизма. И тем не менее самой главной опасностью они считали не нищету народных масс, не колониальный режим протектората как таковой, не господство империализма, а офранцуживание, утрату Тунисом своего национального лица. «Итак,— писал Бургиба в 1933 г.,— меньшинство иммигрантов думает, что благодаря диктаторскому режиму, основанному на неравенстве и привилегиях, оно может полностью изменить лицо страны и из автономного мусульманского государства, имеющего собственные национальные особенности, сделать французский департамент, продолжение метрополии. Весь тунисский вопрос — в этом» [42, стр. 54].

Чтобы предотвратить офранцуживание Туниса и подготовить его возрождение как национального независимого государства, группа «Аксьон» считала нужным поднять народ, внедрить в него националистическую идею. Согласно теоретикам тунисского национализма, это составляло первый этап

на пути к независимости [см.: 26, стр. 61]. С этой целью газета обращалась к национальной интеллигенции и революционной молодежи, призывая их установить связь с народом. Руководители «Аксьон» искренне верили в историческую миссию масс, идеализировали народ, делали его своим главным героем. Не доблестные полководцы и не праведные святые, а, говоря словами Бургибы, «слабые, жертвы, те, кому приходилось страдать от силы, и только они» прокладывали путь к «понятиям права и справедливости» [см.: 54, стр. 70]. Группу Бургибы вдохновляли демократические принципы Великой французской революции. Нивы и обездоленные феллахи составляли единственный источник жизни нации, утверждала газета «Аксьон» [см.: 99, 1933, № 2, стр. 123]. Народ, по мнению этих последователей Руссо, был также единственным источником суверенитета и национального возрождения страны. «Эта национальная идея,— писала „Аксьон“,— не может быть претворена в жизнь иначе как только самим народом, уже давно преданным меньшинством привилегированных в расширенных золотом мундирах и в бурнусах на шелковых шнурах» [цит. по: 54, стр. 71].

Вдохновители «Аксьон» идентифицировали себя с народом, считали себя его мыслящими представителями. Они со всей решительностью встали на сторону «серого человека, который живет в наших деревнях, неисправимого приверженца рвани и лохмотьев, смиренного подносчика в городах, рабочего с рудников, грузчика на пристанях, железнодорожника, ведущего стальные поезда, хаддама⁴ у колониста и хаммаса у горожанина — словом, человека из поместья, человека с глазами ребенка». В каждом номере газеты появлялись материалы, подписанные «Босяк». Этот романтический персонаж, замечает Гарас, стал национальным героем нового Туниса, своего рода арабским санкюлотом. Дело босяка «Аксьон» объявила святым делом каждого тунисца и заявила, что предметом ее повседневного внимания будет оборванец — «извечная жертва колониализма, хаммасата, земельного коллективизма⁵ и прихотей сборщика налогов» [цит. по: 99, 1933, № 2, стр. 124].

Итак, босяки и оборванцы, в совокупности составлявшие тунисский народ, должны были стать главным орудием национального освобождения и возрождения родины. Но каким образом эта масса темных, невежественных, вечно обманываемых и никому не верящих людей должна была покончить с иностранным господством? Ведь она имела перед собой не собственное угнетательское меньшинство, а незыблемую мощь колониального аппарата, опирающегося на огромный военно-экономический потенциал великой европейской державы. Еще

⁴ Х а д д а м — батрак, наемный работник.

⁵ Имеется в виду общинное землепользование на землях родо-племенных коллективов.

со времен Компьенского перемирия туниссие националисты утратили надежду на успешное вооруженное восстание при поддержке из-за рубежа. Затем они разочаровались в политике торга и закулисных интриг, время от времени поддерживаемых шумными уличными манифестациями. Ничего не давала также и тактика выжидания, политика подготовки к тому, что когда-то и где-то произойдет. Революционная молодежь жаждала действий и немедленных действий, которые открыли бы перед ней ясную перспективу конечного торжества национального дела.

Подобного рода перспективу давали новые формы и методы массовой политической борьбы, которые впоследствии получили название «бургибизм» по имени их главного вдохновителя и исполнителя. Основным орудием бургибизма были народные массы, сплоченные в крепкую и дисциплинированную политическую армию. Успех борьбы целиком и полностью зависел от способности этой армии поставить противника перед дилеммой: либо длительная и нудная борьба, либо мирное урегулирование с кое-какими, казалось бы, не очень значительными уступками. «Бургибизм,— говорил впоследствии его творец,— это боевой метод, который требует соответствующего оружия. Это оружие — народ. Чтобы стать действенным оружием, народ должен быть научен, натренирован и закален. Его приливы и отливы должны следовать один за другим с таким постоянством, которое заставляет врага, прежде непримиримого, считать, что наименьшее зло — это согласиться на мирное решение» [111, 21.III. 1962].

Характерной чертой бургибизма являлась политическая гибкость, способность к широкому маневрированию, чередование политики совершившихся фактов и тщательно продуманных компромиссов. Касаясь этих двух аспектов бургибизма, Хабиб Бургиба говорил: «За боевым положением следует положение примирения. При этом речь идет отнюдь не об отказе от борьбы, а о согласии „поговорить“ с противником и рассмотреть его предложения» [там же].

Заключая компромиссы, Бургиба нередко отступал, соглашаясь на частичные решения. Для бургибизма вообще характерно стремление не загонять противника в угол. Эта особенность бургибизма нередко вызывала иронию и даже насмешки в революционных кругах афро-азиатского мира. Люди с Востока, которые, по словам Бургибы, просто не понимали, что политика — это искусство достижения возможного, обычно обвиняли его в отказе от революционных методов борьбы, в соглашательстве и вымаливании уступок у империализма. На Арабском Востоке бургибизм нередко воспринимали как осуществление принципа, выраженного в арабской поговорке: «Бери, что дают, и проси снова».

Бургиба неоднократно возражал против подобной интер-

претации своей политики: «В действительности,— говорил он 6 апреля 1961 г.,— бургибизм соглашается на частичный компромисс лишь постольку, поскольку он дает возможность получить все, что надо. Лучший пример можно было бы привести из искусства стратегии. Представьте себе, что вы пытаетесь овладеть крепостью, занятую врагом, который сильнее вас и у которого вы не можете взять ее одним ударом. Если при этом противник предлагает вам что-то ненужное, то здесь нет никаких оснований для компромисса. Но если он оставляет стратегически важную позицию, способную стать исходным пунктом, с которого можно овладеть всей системой укреплений, то было бы преступно отказываться от этого. Поскольку я чувствую себя не в состоянии занять силой всю крепость, то было бы изменой долгу и ущербом для родины, если бы я отказался взять пункт, который позднее позволил бы мне получить все остальное» [111, 7.IV. 1961].

Впрочем, бургибизм как метод политической борьбы складывался постепенно, вырастая из практики франко-туниских отношений. В начале 30-х годов он вряд ли существовал как нечто большее, чем признание необходимости организовать массы и пройти ряд последовательных этапов на пути к независимости. К тому же основная трудность заключалась не в теоретической разработке доктрины массовой политической борьбы, а в ее практическом осуществлении. Поборникам народного движения не хватало прежде всего их основного орудия — народа, который индифферентно и даже враждебно относился к городским европеизированным националистам. «Фундаментальной задачей» революционного движения в 1932—1933 гг. Бургиба считал «завоевание масс и объединение страны вокруг националистической идеи» [42, стр. 39].

С этой целью группа «Аксьон» намеревалась использовать партию Дестур. Матри и Бургиба целиком восприняли тактические установки Шадли Хайраллаха и «Североафриканской звезды». Они считали крайне важным овладеть политическим наследием Дестура с его традициями национально-освободительной борьбы, с его лозунгами и популярностью среди широких слоев мусульманского населения. Дестур был нужен им как трамплин для создания новой революционно-националистической партии. Поэтому руководители «Аксьон» вели борьбу не против Дестура, а против дестуровского руководства, за завоевание партии изнутри, за захват командных рычагов в партийно-пропагандистском аппарате. Они не порывали с партией Дестур и зачастую выступали от ее имени. Но, оставаясь в партии, они совершенно не считались с официальным партийным руководством и проводили свою собственную политическую линию.

В условиях мирового экономического кризиса основное внимание «Аксьон» уделяла социально-экономическим проб-

лемам страны. Первая статья Бургибы в «Аксон» была посвящена вопросам тунисского бюджета. В «Аксон» появлялись материалы о ценах на хлеб, о голоде, о проблемах тунисского земледелия и крестьянства. С еще большей иронией и сарказмом, чем «Вау дю тюнизьен», новая националистическая газета критиковала политику властей и злоупотребления крупных колонистов. Газета старалась откликаться на все злободневные вопросы, которые обсуждались на базарах и в тунисских кафе. И один из них — вопрос о месте захоронения натурализованных мусульман, возможно, даже несколько неожиданно для самих руководителей «Аксон», позволил группе Матри — Бургиба установить контакт с массами.

Кампания против натурализации. В начале 30-х годов в Тунисе имелась небольшая группа мусульман, принявших французское гражданство. Они объединялись в Лигу французских мусульман, насчитывавшую около 2 тыс. членов. Это были алжирцы и тунисцы, в силу разных причин (иногда вследствие брака на француженке) принявшие французское гражданство, но сохранившие свою принадлежность к мусульманскому вероисповеданию. Среди простого народа они без всяких скидок на юридические формальности рассматривались как отступники, как люди, отрекшиеся от мусульманской веры. В 30-х годах в связи с общим обострением национальных противоречий в Тунисе неприязнь к натурализованным значительно выросла. Определенное влияние, возможно, оказали также решения Мусульманского конгресса в Иерусалиме в 1931 г., который принял знаменитый Арабский пакт, где в части, касающейся Северной Африки, призвал к «ожесточенной борьбе против натурализации мусульман в странах ислама, управляемых Францией» [цит. по: 65, стр. 74].

31 декабря 1932 г. в Бизерте умер один из натурализованных мусульман. На следующий день огромная толпа собралась у дома покойного. Демонстранты заявили, что ни в коем случае не допустят похорон ренегата на мусульманском кладбище и что, если это все же произойдет, они выкопают труп и бросят в море. Волнения продолжались несколько дней и взбудоражили всю страну. Растерявшийся каид Бизерты, не зная, что делать, обратился к бизертскому муфтию. Тот поддержал демонстрантов и заявил, что, приняв французское гражданство, покойный перестал быть мусульманином. «Аксон» и ее сторонники в Бизерте немедленно поддержали муфтия, усмотрев в натурализации подрыв принципа автономности тунисского государства. За ними последовали другие арабские газеты [см.: 99, 1933, № 2, стр. 122—123]. Драки у гробов и на кладбищах стали оборачиваться политическим кризисом.

После некоторых колебаний правительство протектората отдало приказ хоронить натурализованных под охраной сол-

дат и полиции. Вместе с тем, понимая последствия, к каким могли бы привести беспорядки на религиозной почве, оно попыталось выйти из игры (как в случае с Тахаром аль-Хаддадом) и передать все дело на усмотрение улемов.

Улемы оказались в довольно затруднительном положении. С одной стороны, они не могли подвергать сомнению свой престиж хранителей и защитников веры, с другой — у них были неплохие отношения с французскими властями, и они не хотели их портить, ввязываясь в политику. Свою главную задачу улемы видели в борьбе за чистоту ислама и арабской культуры, и с этой целью они выступали против марабутизма невежественной деревни и западничества слишком просвещенной молодежи. Их главным оплотом был религиозно-богословский университет Аз-Зитуна — один из древнейших очагов арабомусульманской образованности в Магрибе. Однако при французах этот университет находился в состоянии постоянного кризиса, который временами выливался в студенческие волнения и беспорядки. В конечном счете они выражали недовольство студентов схоластической оторванностью зитунийского образования от потребностей практической жизни, и, следовательно, узостью жизненных путей, открывшихся перед выпускниками Аз-Зитуны [см. об этом: 20, стр. 202]. Нужна была коренная реформа зитунийского образования, и улемы хотели провести ее, не подрывая основных принципов ислама. К весне 1933 г. после длительных споров и колебаний был подготовлен проект реформы зитунийского образования, за который давно боролись улемы-реформаторы.

Еще в феврале 1932 г. ушли в отставку первый министр бейского правительства Халиль бу Хаджеб и шейх-уль-ислам Ахмед Байрам, которые выступали против улемов-реформаторов и хотели сохранить чисто богословский характер преподавания в Аз-Зитуне. Их места заняли сторонники реформы, которые заодно реорганизовали и систему духовного управления страной. Вместо одного шейх-уль-ислама были назначены два — Мухаммед бен Юсеф от ханифитов и Тахар бен Ашур от маликитов. Особенно большое впечатление в мусульманских кругах произвело назначение на вновь созданный пост маликитского шейх-уль-ислама Тахара бен Ашура — представителя известной богословской фамилии и вместе с тем видного лидера тунисских улемов-реформаторов. Он стал первым маликитским шейх-уль-исламом со времен турецкого завоевания. 20 сентября 1932 г. он был назначен шейхом Аз-Зитуны и приступил к подготовке реформы, в поддержку которой активно выступали газета «Ан-Нахда» и официальное дестуровское руководство.

30 марта 1933 г. бей Сиди Ахмед подписал декрет о реформе зитунийского образования. Он состоял из 252 глав. Изменялись организация, методика и программы преподавания.

Вводились такие предметы, как алгебра, история, география, элементы физики, химии и некоторых других естественных наук, которые добавлялись к арабскому языку, литературе, богословию, фикху (шариатскому праву) и тафсиру (толкованию Корана). Кроме того, усиливалась учебная дисциплина и вводилась система экзаменов. Хотя декрет был опубликован 29 апреля 1933 г., слухи о нем распространились значительно раньше. Они вызвали широкое недовольство среди зитунийцев, выступавших за расширение прав выпускников и за увеличение количества должностей, на которые они могли бы претендовать, а отнюдь не за увеличение числа учебных часов и введение экзаменов [см.: 99, 1933, № 6, стр. 329, 347—348].

Брожение и недовольство среди учащихся Аз-Зитуны совпало с кампанией против натурализации. Улемы, даже если бы они этого и хотели, не могли более оставаться в стороне от событий. И то ли не желая портить отношения с властями во время проведения реформы зитунийского образования, то ли по укоренившейся в период протектората привычке к аполитичному решению вопросов веры, улемы не согласились с мнением бизертского муфтия и дезавуировали его. На запрос правительства: «Можно ли считать мусульманином того, кто путем натурализации стал французом и кто исповедует ислам, неукоснительно придерживаясь предписаний своей религии?» — маликитская шариатская коллегия единогласно ответила: «Да», ханифитская приняла аналогичное решение большинством голосов [см.: 99, 1933, № 4, стр. 241].

Националисты как будто только этого и ждали. Бургибовская и дестуровская печать развернули бешеную кампанию против французских властей, фетвы, улемов и бея Сиди Ахмеда. Они придали похоронным инцидентам политическое звучание, выступая под лозунгом спасения тунисской национальности. Вскоре, впрочем, дестуровское руководство, питавшее симпатии к улемам-реформаторам, попыталось изменить характер движения. Но это лишь подлило масла в огонь и дало группе «Аксьон» повод вслед за улемами приняться за вождей Дестура. «Аксьон», не стесняясь, критиковала их «странную позицию» и выражала сожаление, что ранее якобы доверяла им. Матри, Бургиба и их друзья, боровшиеся за чисто светский националистический идеал, были совершенно безразличны к проблемам и судьбам мусульманского модернизма, так же как и к спорам, противопоставлявшим мусульманских реформаторов и традиционалистов. Во всяком случае их интересовала прежде всего политическая сторона дела, и здесь они старались вовсю, заняв, как выразился К. Мур, «мнимо реакционную позицию» [72, стр. 32].

7 апреля 1933 г. «Аксьон тюнизьен» опубликовала резкую статью, разоблачавшую предательство улемов. 8 апреля в различных пунктах столицы происходили беспорядочные митинги

протеста против фетвы и ее авторов. На суке торговцы закрыли свои лавки. В мечетях сторонники «Аксьон» выступали с оскорбительными речами против улемов. Особенно тяжелые инциденты произошли 14 апреля, когда в ряде мечетей разгоряченные обличители в насмешку именовали Тахара бен Ашура «Рабби Ашуш», а его коллегу — ханифитского шейх-уль-ислама — «Рабби Юсеф». Учащиеся Аз-Зитуны бросили занятия и начали всеобщую забастовку, которую поддержало большинство преподавателей. 15 апреля, в день Пасхи, на площади Хальфауин и прилегающих улицах произошли беспорядки, связанные со слухами о похоронах «натурализованного». Были вызваны войска и усиленные наряды полиции. Столичное кладбище Аль-Джалляз охранялось отрядами сенегальских стрелков.

Волнения в столице продолжались свыше месяца, не затихая ни на один день. Зитунийцы группами бродили по городу, затеывая скандалы. Многие разъехались по своим деревням. К концу апреля «атмосфера бунта» распространилась на провинцию. Крупные беспорядки, связанные с намечавшимися похоронами «натурализованных», произошли в Хаммам-Лифе, Ферривиле и Кайруане.

Призывы бея и религиозных лидеров сохранять спокойствие не давали никаких результатов. Генеральная резиденция была вынуждена заявить, что впредь на мусульманских кладбищах для натурализованных мусульман будут выделяться особо огороженные участки. В народе их немедленно прозвали «собачьими кладбищами» и стали с удвоенной энергией преследовать «рenegатов».

В ходе кампании против натурализации Матри, Бургиба и их сторонники дали бой улемам на религиозной почве и выиграли его. Они подорвали престиж улемов-реформаторов, которые в это время в ряде других арабских стран, в частности в Египте и в Алжире, укрепляли свои позиции, выступая под флагом арабизма и обновления ислама. Здесь же, в Тунисе, религиозно-обновленческое движение было скомпрометировано в самом начале, едва коснувшись сферы политики, и это оказало огромное влияние на последующее развитие тунисского национально-свободительного движения. 27 апреля 1933 г. в «Аксьон тюнизьен» появилась статья за подписью «Молодой тунисец». Многие люди на Западе, говорилось в ней, думали, что европейское образование подрывает мусульманскую веру. Улемы своими паническими криками об офранцузивании, отмечалось далее, всячески поддерживали эту мысль. Однако кампания против натурализации показала, кто истинные мусульмане — религиозные лидеры или молодежь [см.: 67, стр. 62].

В результате кампании против натурализации группе «Аксьон» удалось вырвать массы из-под влияния религиозных

вождей. До сих пор это не удавалось ни коммунистической партии, избегавшей любой полемики на религиозной почве, ни социалистам, которые вели фронтальную атаку против «народного опиума». Вполне возможно, что официальное дестуровское руководство было недалеко от истины, когда оно впоследствии утверждало, что молодые националисты были безбожниками, которые пытались использовать религию в политических целях [см.: 72, стр. 33]. Но это уже ничего не меняло.

Массы верующих мусульман отвернулись от улемов-реформаторов и пошли за людьми в галстуках и европейских костюмах. «Связь между народом и его мыслящими представителями, намеченная нашим Баш Хамбой,— писал Бахри Гига в 1933 г.,— в конце концов установлена. Мечта всей молодежи — укреплять ее все больше и больше...» [цит. по: 67, стр. 63].

Дело Шеника. Другой не менее важный сдвиг в расстановке общественно-политических сил Туниса был связан с изменениями в политических взглядах и симпатиях тунисской национальной буржуазии, точнее, ее деловых кругов, в отличие от традиционной мусульманской буржуазии, или так называемого городского патрициата. В годы кризиса национальная буржуазия отошла от ассимиляционистских позиций 20-х годов и отказалась от политики сотрудничества с французскими властями. Одним из наиболее ярких проявлений этой смены позиций было так называемое дело Шеника — виднейшего лидера тунисской национальной буржуазии, председателя Туземной торговой палаты, пользовавшегося огромным влиянием в тунисских деловых кругах.

Во время кризиса резко обострились противоречия между колониетской и национальной буржуазией Туниса. Как та, так и другая страдали от тяжелых последствий кризиса и, пытаясь выжить, не брезговали никакими средствами. При этом национальная буржуазия, и до этого вынужденная довольствоваться ролью младшего партнера, оказалась в наиболее трудном положении. Фактически она стала жертвой своих более сильных европейских конкурентов, которые пытались за ее счет поправить свои собственные дела. Банки, сами едва державшиеся на поверхности, кредитовали в первую очередь европейцев. Тунисские фирмы и мелкие полукустарные предприятия задыхались от недостатка кредита, разорялись и нередко переходили в руки европейцев.

Национальная буржуазия требовала от правительства срочных мер по спасению тунисской торговли, промышленности и сельского хозяйства. В 1932—1933 гг. Мухаммед Шеник, занимавший в то время пост вице-председателя тунисской секции Большого совета, неоднократно выступал за уменьшение налогов, сокращение административных расходов, которые, по подсчетам его коллеги Бессиса, составляли 54% всех бюджетных расходов [см.: 54, стр. 73], а главное, за организацию ту-

земного кредита и мер по защите туниских промыслов от конкуренции иностранных товаров [см.: 108, 1934, № 1, стр. 52]. Однако власти протектората, целиком поглощенные заботами о французской колонизации, ничего не делали для спасения национальной буржуазии. Более того, среди различных проектов по перестройке экономической жизни протектората выдвигались и такие, как «слияние» туземных палат земледелия и торговли с соответствующими французскими учреждениями [см. 42, стр. 36]. Таким образом, вместо помощи национальная буржуазия оказалась под угрозой попасть под опеку своих европейских конкурентов, лишиться собственных хозяйственно-корпоративных объединений и — вместе с ними — последних надежд на возможность эффективно влиять на экономическую политику правительства.

В этих условиях национальная буржуазия решила проявить самостоятельность. Осенью 1932 г. делегация Большого совета во главе с Мухаммедом Шеником отправилась в Париж. Через голову властей протектората она поставила перед Эдуардом Эррио, который возглавлял тогда французское правительство, вопрос об экономическом положении Туниса. В декабре 1932 г. в протекторат прибыла комиссия экспертов во главе с ответственным чиновником французского министерства земледелия Тарди. Она установила контакт со специальной комиссией Большого совета и вместе с ней приступила к изучению положения на месте. Хотя задачи комиссии Тарди были довольно ограниченными, ее прибытие вызвало большой интерес в Тунисе.

Одновременно М. Шеник проявил инициативу в ряде других областей. В частности, он основал Туниский кредитный кооператив, проводивший самостоятельную кредитную политику в интересах национальной буржуазии. Это вызвало раздражение французских властей, стремившихся связать чрезмерную инициативу Шеника. Под более или менее благовидным предлогом нарушения финансовой дисциплины генеральный директор финансов Дюбуа-Тэн опечата л дела Туниского кредитного кооператива и потребовал, чтобы во главе его был поставлен француз.

Вопрос о деятельности Туниского кредитного кооператива привел к открытому конфликту между М. Шеником и правительством протектората. Он положил конец надеждам на равноправное сотрудничество, которые были у многих чиновников и представителей мусульманского делового мира. В феврале 1933 г. в пространным интервью, опубликованном в газете «Аксон», Мухаммед Шеник констатировал «несостоятельность протектората» и заявил, что «всякое сотрудничество между туниским выборным представительством и администрацией становится невозможным» [цит. по: 42, стр. 30].

Среди националистов дело Шеника вызвало глубокие раз-

ногласия. Большинство, особенно ортодоксальные дестуровцы, не скрывали своей радости по поводу провала ассимиляционистской политики сотрудничества, за которую некогда выступали реформисты во главе с Геллати. При этом они стремились окончательно добить своих старых политических соперников и не допускали даже мысли о возможности примирения.

Совершенно иную позицию занял Хабиб Бургиба. Он давно мечтал о сплочении вокруг революционного ядра всех слоев тунисского населения и в деле Шеника увидел знаменательное событие, начало «нового этапа» в развитии национально-освободительного движения. Несмотря на возражения Али Бухаджеба и Бахри Гиги, он без колебаний поддержал Мухаммеда Шеника. 22 февраля 1933 г. на страницах «Аксьон» он заявил о своей готовности, «несмотря на его прошлое», протянуть руку Шенику, чтобы «вместе вести бой» [42, стр. 36—37].

Эта позиция Бургибы имела далеко идущие последствия. С одной стороны, она еще более углубила разногласия с дестуровским руководством и вызвала первый кризис внутри самой группировки Матри — Бургиба, когда двое из пяти редакторов «Аксьон» в знак протеста вышли из состава редакции. С другой стороны, поддержав Мухаммеда Шеника, Бургиба приобрел новых и весьма ценных союзников. Хотя личное знакомство не состоялось, Бургиба установил довольно прочный контакт с Шеником. Он поддерживал его через личного секретаря и советника Шеника — Си Мадани Бадру, «высокообразованного тунисского буржуа» [63, стр. 80], сочувствовавшего национально-освободительному движению. Вместе с Шеником Бургиба перетянул на свою сторону всю тунисскую национальную буржуазию, заручился ее симпатиями и — что особенно важно — ее финансовой помощью.

Объединительный съезд Дестура. С выходом Бургибы на политическую арену фракционная борьба в националистическом лагере еще более усилилась. Уже само появление «Вау дю тюнизьен», затем «Аксьон тюнизьен», их полемические выпады против старого дестуровского руководства обострили отношения между различными течениями тунисского национализма. Разногласия Бургибы с Хайраллахом, затем с Бухаджебом и Гигой еще более запутали положение. Дело Шеника и кампания против натурализации показали растущую силу дестуровской оппозиции и не на шутку встревожили лидеров Исполнительной комиссии Дестура.

Официальное руководство партии резко активизировалось. Оно поддержало тезис о необходимости коренного обновления дестуровского движения, осудило тактику выжидания и развернуло резкую критику правительства протектората. 11 марта 1933 г. вышел первый номер еженедельника «Вау дю пёпл» — официального органа Исполнительной комиссии на

французском языке. В нем были опубликованы передовая за подписью Салаха Фархата, заместителя генерального секретаря Дестура, и декларация партии. Политика сотрудничества, говорилось в декларации, потерпела неудачу, и возвращаться к ней — это все равно, что становиться быком, запряженным в плуг протектората [см.: 99, 1933, № 5, стр. 180].

Критическая переоценка политики Дестура отражала явное беспокойство, которое испытывали руководители партии. Они явно не контролировали положение на улицах. Апрельские выступления 1933 г. происходили помимо их воли и желания. Над дестуровскими вождями нависла реальная угроза быть обойденными развитием событий. Они понимали, что в случае дальнейших успехов группы «Аксьон» они могли полностью утратить влияние в массах и остаться в стороне от национально-освободительного движения.

В этих условиях дестуровские вожди не хотели обнажать противоречия, существовавшие в националистическом лагере. Скорее, наоборот. Им надо было привлечь на свою сторону лидеров революционной молодежи и через них восстановить свое влияние в массах. Исходя из этого, члены Исполнительной комиссии Дестура обратились к различным фракциям и группировкам национально-освободительного движения с призывом преодолеть разногласия, совместно обсудить положение и выработать единую линию национальной политики. С этой целью они предложили созвать чрезвычайный съезд партии Дестур. На съезде, по их мнению, должно было произойти объединение всех тунисских националистов в рядах обновленного Дестура. При этом для группы «Аксьон» предполагалось выделить дополнительные места в партийном руководстве. Таким образом, дестуровские вожди надеялись приблизить к себе лидеров революционной молодежи и связать их требованиями общепартийной дисциплины.

Что касается самой группы «Аксьон», то она, еще не веря в свои силы, опасалась, как бы открытый раскол в лагере националистов не ослабил движение в целом. Идя на съезд, Матри и Бургиба склонялись к тому, чтобы рассматривать Дестур как организацию «единого фронта», как такое «образование, которое могло объединить и сплотить различные тенденции тунисского национализма при условии отказа от своих обветшалых методов и от своей прежней программы» [42, стр. 57—58]. К тому же съезд давал им возможность осуществить первоначальные тактические замыслы — завоевать партию изнутри и подчинить себе ее политико-пропагандистский аппарат.

Местные секции Дестура также выступали за созыв съезда. В ходе кампании против натурализации они значительно активизировались и теперь жаждали конкретной программы действий. При этом многие активисты, особенно молодежь, видели в Матри и Бургибе тех людей, которые на деле могли воз-

родить партию и сделать ее инструментом настоящей антиколониальной борьбы.

В этой обстановке подъема антиимпериалистических настроений, всеобщего стремления к единству и значительной активизации местных секций состоялся чрезвычайный съезд Дестура. Он происходил в партийном клубе Кисм-аль-Джебель в г. Тунисе 12—13 мая 1933 г. В нем приняли участие члены Исполнительной комиссии партии, делегаты с мест и представители группы «Аксьон тюнизьен» [см.: 27, стр. 62]. Вся работа съезда проходила под знаком растущего динамизма Матри и Бургибы, который выступил на съезде с речью о программе партии.

Майский съезд 1933 г. занял видное место в истории тунисского национально-освободительного движения. Его главным итогом было объединение всех фракций и группировок тунисского национализма в рамках «великой националистической партии Туниса» [42, стр. 58]. Махмуд Матри, Хабиб Бургиба, Мухаммед Бургиба, Бахри Гига и Али Бухаджеб были единодушно избраны в состав расширенной Исполнительной комиссии. Был принят новый устав партии. Однако организационного обновления Дестура фактически не произошло. Впоследствии Бургиба обвинял Ахмеда ас-Сафи, Салаха Фархата, Мухиэддина Клиби и других представителей старого руководства в том, что они не считались с новым уставом и игнорировали решения съезда по организационным вопросам. Не было налажено также и серьезное сотрудничество в рамках самой Исполнительной комиссии. Это свидетельствовало о глубине разногласий между различными фракциями Дестура, которые не были преодолены на съезде.

По основным политическим вопросам, в частности по вопросу о независимости и об отношениях с Францией, объединенный Дестур по сути дела остался на прежних позициях. Как и раньше, он отказался выдвигать лозунг о немедленном предоставлении независимости и о полном разрыве с Францией. В своей речи на съезде Бургиба заявил, что тунисцы отнюдь не хотят «сбрасывать французов в море» и что идеал тунисского националистического движения составляет «независимость Туниса, дополненная договором о дружбе и союзе с великой Французской республикой, гарантирующим Франции интересы всей иностранной колонии» [42, стр. 58]. Однако в официальных документах съезда само слово «независимость» даже не упоминалось. В Декларации, принятой съездом, говорилось лишь, что целью партии является «освобождение тунисского народа и получение страной прочного и незыблемого устройства на основе конституции, сохраняющей ее самобытность и закрепляющей суверенитет народа через тунисский парламент, избираемый на основе всеобщего избирательного права, самостоятельно утверждающий свою повестку дня и об-

ладающий всей полнотой законодательной власти; создание правительства, ответственного перед этим парламентом; разделение законодательной, исполнительной и судебной власти» [26, стр. 46, 27, стр. 63]. Декларация полностью обходила вопрос о форме правления и социально-экономическом строе будущего Туниса. Правда, в отличие от «Туниса-мученика» и других документов раннего Дестура в Декларации ничего не говорилось о «возлюбленном государе» и бейской фамилии. Из этого многие наблюдатели делали вывод, что «идея Тунисской республики в это время не была чужда дестуровской программе» [79, стр. 126].

В плане практических решений объединительный съезд Дестура констатировал, что «после многолетнего опыта политика взаимопонимания с Францией неизбежно кончилась провалом» [26, стр. 46], и выразил единодушное мнение о необходимости «отхода от всякой линии, способствующей сотрудничеству с существующим режимом». Он призвал тунисских националистов бойкотировать выборы в Большой совет и заявил о «возвращении партии к решительной политике, которую проводила после войны первая делегация в Париже» [27, стр. 62, 63].

Хотя Декларация 1933 г. в своих наиболее существенных чертах повторяла основные положения и лозунги Манифеста 1920 г., тем не менее она имела огромное значение в развитии тунисского национально-освободительного движения. В течение всех предвоенных лет она служила наиболее авторитетной и общепризнанной программой, на которую равнялись лидеры дестуровского движения. По сути дела вплоть до 1946 г. она была главной и основной хартией тунисского национализма, давала ему боевые лозунги и призывы. При всей своей осторожности Декларации 1933 г. отражала бурную обстановку начавшегося подъема национально-освободительного движения и свидетельствовала о возрождении тунисского национализма, который начал преодолевать глубокий внутренний кризис, парализовавший партию Дестур в 1925 г.

СЕНТЯБРЬСКОЕ ПОЛУВОССТАНИЕ 1934 г.

Кампания гражданского неповиновения. Студенческие волнения, начавшиеся в апреле 1933 г., постепенно переросли в широкое движение массового недовольства. 17 мая правительство объявило об отчислении всех учащихся, которые не приступят к занятиям в шестидневный срок, и об отмене в отношении их отсрочки от призыва в армию. Из 2500 учащихся Аз-Зитуны только 300 возобновили занятия [см.: 99, 1933, № 6, стр. 349]. По всей столице происходили столкновения между полицией и пикетчиками, которых поддерживало все население Туниса. Для острастки правительство 6 мая 1933 г. издало декрет, распространявший на Тунис алжирский закон 4 августа 1920 г. об административной высылке под надзор полиции. В соответствии с декретом любое лицо, виновное в действиях, причиняющих ущерб государю, покровительствующей державе и правительству протектората, а также ведущее «политическую или религиозную пропаганду, носящую характер покушения на общественную безопасность» [20, стр. 227], могло быть путем простого административного постановления выслано в один из отдаленных районов без права выезда. Опубликование декрета вызвало недовольство в демократических кругах французской колонии, и его проведение в жизнь было несколько задержано. Это ободрило националистов, которые иронизировали по поводу всей этой трескотни и с возросшим энтузиазмом продолжали антиправительственную кампанию.

Положение явно ухудшалось, и после некоторых колебаний Мансерон решил пустить в ход машину репрессий. Однако, избегая крупного политического скандала, генеральная резиденция до поры до времени не трогала главных лидеров движения. В первую очередь страдали мелкие активисты, непосредственные организаторы масс. На основе декрета 6 мая 1933 г. в Фахсе, Фериане и других местностях жандармы врываются в дома местных жителей, хватали дестуровских пропагандистов и без лишних слов отправляли их в Алжир или в один из отдаленных оазисов тунисского Юга [см.: 42, стр. 68].

27 мая 1933 г. власти опубликовали наспех сфабрикованный закон о печати и через четыре дня на основании этого за-

кона закрыли все три националистические газеты на французском языке — «Аксьон тюнизьен», «Вау дю тюнизьен» и «Вау дю пёпль». Одновременно, 31 мая, Мансерон издал постановление о роспуске Дестура и закрытии всех помещений партии [см.: 99, 1933, № 6, стр. 349].

Репрессии, однако, не дали ожидаемых результатов. Наоборот, уже 31 мая в знак протеста против запрещения газет и роспуска Дестура в столице и ряде провинциальных центров закрылись мусульманские магазины и лавки. С 1 июня движение приняло широкий и организованный характер. Молодые революционеры пошли в народ, начали борьбу словом. Воспрявшие дестуровские организации служили им надежным орудием развертывания массовых антифранцузских выступлений. «Репрессии,— меланхолично отметил Бургиба,— приходят слишком поздно». Дестуровцы, по его словам, «уже имели время поговорить с народом, стряхнуть с него апатию и увлечь за собой» [42, стр. 62].

1 июня 1933 г. докеры тунисского порта, еще хранившие воспоминания о славных днях Мухаммеда Али, организовали 24-часовую забастовку протеста. Одновременно были закрыты все тунисские магазины и торгово-ремесленный сук. Бастовали торговцы центрального рынка, весь день просидевшие около своих товаров со скрещенными руками. «Никто не мог купить ни фруктов, ни овощей» [99, 1933, № 7, стр. 412]. 3 июня аналогичные забастовки состоялись в Сусе, Мсакене, Ксар-Хеллале, 4 июня — в Кайруане, Бизерте, Сфаксе и других городах.

Во время этих выступлений не было отмечено ни одного акта насилия. В подражание методам Ганди движение развивалось как кампания гражданского неповиновения. Учащиеся Аз-Зитуны отказывались сдавать экзамены. Раздавались призывы не платить налоги. Одновременно с забастовкой 1 июня началась кампания по бойкоту французских товаров. Надписи мелом: «Катау аль-аджаниб!» («Бойкотируйте иностранцев!») — виднелись почти на всех стенах тунисских городов. Особенно успешным был бойкот табака и других товаров государственной монополии. Курильщики жевали лакрицу, запасы которой были распроданы в несколько дней. Потребление табака в Тунисе сократилось на 25%, соответственно уменьшив поступления казны [там же]. Тунисцы отказывались покупать чай, бойкотировали трамвай, телефон, почту. То и дело происходили демонстрации в поддержку национальных требований. В июньские дни 1933 г. состоялись первые антиимпериалистические выступления мусульманских женщин.

Французская демократия полностью поддерживала кампанию гражданского неповиновения и выступала с резкой критикой правительства протектората. В Тунисе снова появились депутаты Мутэ и Бержери (см. выше, стр. 128). Один из лидеров Тунисской федерации СФИО — Дюран-Анльивьель, генераль-

ный секретарь Департаментского объединения ВКТ Дюрель, представители радикал-социалистов и других демократических организаций опубликовали энергичные протесты против драконовских законов 1933 г. и политики репрессий [42, стр. 64]. «Тюнис-социалист», которая и до этого симпатизировала группе Матри — Бургиба, предоставила свои страницы «людям, которых лишили свободы высказываться» [63, стр. 79]. Социалистическая печать призывала граждан бойкотировать французские товары, не платить налоги и полностью прекратила критику национализма. «Мы не смешиваем национализм свободных народов с национализмом угнетенных народов», — заявил Дюран-Анльивьель [цит. по: 99, 1933, № 8, стр. 483].

Буржуазно-колониальные круги, напротив, были недовольны слабостью власти. В их среде царило глубокое раздражение. Они требовали решительных действий и твердого руководства. «Поменьше политики, побольше управления» — таков был лозунг, ставший знаменем всех проимпериалистических кругов Франции. Как и местные колонисты, они требовали смещения Мансерона, слишком мягкого перед «арабской опасностью», и назначения твердого человека, который мог бы навести порядок в тунисском протекторате.

Марсель Пейрутон. Умеренно-пацифистское правительство Э. Даладье пошло навстречу требованиям колониальных кругов и сместило Мансерона. На его место декретом 29 июля 1933 г. был назначен Марсель Пейрутон — опытный колониальный деятель, имевший репутацию сильного человека. Службу в колониях он начал на Таити, Мадагаскаре и в Камеруне. Непосредственно перед назначением в Тунис он в течение трех лет был генеральным секретарем алжирского генерал-губернаторства. Со своей лицемерной «откровенностью, которую он умело разыгрывал», «прямой, грубой и даже циничной» [54, стр. 77], Пейрутон пользовался доверием в правых буржуазно-патриотических кругах, считавших его своим человеком. К авторитетам колоний он относился с примитивным высокомерием выскочки. В одном из публичных выступлений в 1934 г. он не постеснялся охарактеризовать тунисцев как «людей средневековья, людей, которые не имеют иных забот, кроме потребности ежедневно набивать свой желудок» [цит. по: 98, 3.IX.1965].

Назначая Пейрутона, французское правительство поставило перед ним задачу «восстановить положение». С присущей ему энергией он взялся «выполнять это поручение быстро и решительно» [82, стр. 210]. 8 августа 1933 г. он уже был в Тунисе. Ознакомившись с положением, Пейрутон нашел, что оно действительно очень тяжелое. «Галера, на которой мы все находимся, дала течь по всему борту», — заявил он 16 августа представителям тунисской печати [99, 1933, № 8, стр. 483]. Но это его нимало не смущало. Жара и накаленная политическая атмосфера Туниса были ему нипочем. «После того как я жил в

самом центре Гвинейского залива, в стране, где надо вставать по шесть раз на ночь, чтобы окатываться холодной водой, жара Туниса меня не смущает», — заверял он на той же пресс-конференции [там же].

Начиная аврал по спасению тунисского протектората, Пейрутон решил навести порядок прежде всего в самом государственном аппарате. Как профессиональный администратор он полагался в основном на чиновников и специалистов. Он возлагал на них всю ответственность, даже за политические промахи и неудачи. В первые же недели Пейрутон уволил целый ряд должностных лиц, которые действовали «совершенно неудовлетворительным образом». 30 сентября 1933 г. ушел с поста шейха-ректора Аз-Зитуны Тахар бен Ашур, подал в отставку каид г. Монастира Хасан Мсака и т. д. Энергией, силой и властью Пейрутон подчинил себе людей и в короткий срок сумел превратить администрацию в послушное орудие своей политики. Колониальная бюрократия утратила последние остатки «левого идеализма» (Ж. Берк) и обрела в Пейрутоне своего естественного руководителя.

Став подлинным «сатрапом» и «проконсулом», как прозвали Пейрутона в либеральных кругах, он начал энергичную борьбу с «ростовщичеством, административной неразберихой и кое-какими злоупотреблениями колонизации» [40, стр. 262]. Этим он завоевал расположение представителей делового мира и даже, как пишет Жак Берк, «некоторых националистов и некоторых левых деятелей» [там же]. Постепенно он усовершенствовал систему бюрократического управления. В частности, 10 октября 1933 г. он восстановил генеральный секретариат тунисского правительства — этот «главный орган всей туземной политики» [43, стр. 235]. Генеральный секретарь тунисского правительства стал контролировать все государственные доходы и расходы, визировать важнейшие постановления правительства и отдельных ведомств и благодаря этому фактически осуществлять «тесную координацию действий различных министерств и управлений, имеющую своей целью обеспечить господство точки зрения генерального резидента, которому этот секретарь и подчинен» [20, стр. 218].

По своим взглядам и методам действия Пейрутон безусловно выделялся среди других руководителей Третьей республики. Принимая назначение, он, видимо, добился свободы рук. Во всяком случае, в своем заявлении от 16 августа 1933 г. он недвусмысленно пригрозил Парижу, что если он не встретит с его стороны «понимания», то тут же откажется от выполнения своих обязанностей [см.: 99, 1933, № 8, стр. 483].

Как всякий человек умеренно правых взглядов, новый резидент ценил практическую работу и недолюбливал излишне образованных людей. Они, по его мнению, были главными виновниками политических неурядиц, охвативших Тунис. Ксено-

фобия, утверждал Пейрутон, всегда была основным элементом арабской психологии. «Но распространение высшего образования покровительствующей державой,— писал он много лет спустя,— и введенная ею привычка свободно обсуждать вопросы изменили характер этой оппозиции. Она стала политической, национальной, народной и народнической» [82, стр. 243—244]. Если интеллигенты — главная причина зла, то надо, чтобы их не было. «Мы не хотим иметь специалистов с высшим образованием,— говорил Пейрутон 7 февраля 1935 г.— Мы не хотим создавать завтрашних безработных... Нет более серьезной ошибки, чем плодить образованных людей, чтобы затем оставлять их без места» [цит. по: 99, 1935, № 3, стр. 195].

С этой точки зрения положение в Тунисе было более чем тревожно, особенно по сравнению с Алжиром и Марокко. Численность тунисской интеллигенции продолжала расти быстрыми темпами. В 1937 г. во Франции учились 200 тунисских студентов; 95 тунисцев получили степень бакалавра и 5 — свидетельства об окончании высшей школы, тогда как только 50 алжирцев стали бакалаврами. В Марокко число лиц, получивших высшее французское образование, было еще меньше [см.: 40, стр. 385].

Всех офранцузенных интеллигентов колонисты рассматривали как потенциальных революционеров, и вполне естественно, что они требовали ограничить распространение высшего образования. Вместо этого они предлагали бороться с элементарной неграмотностью масс и всемерно развивать профессионально-техническое образование, ориентированное на чисто практические задачи. Пейрутон полностью разделял эту точку зрения и как человек дела предпринял первые шаги в этом направлении. Он решил запретить выпускникам тунисских лицеев и колледжей продолжать свое образование во Франции без разрешения генеральной резиденции, ограничить двумя десятками в год — а если возможно, то и меньшим числом — количество лиц, получающих степень бакалавра, а также зарезервировать за тунисцами небольшой круг французских учебных заведений. Однако эти мероприятия, к огорчению Пейрутона, не встретили поддержки в парижских инстанциях.

Ограничение высшего образования Пейрутон рассматривал как самое радикальное средство по предотвращению революции. Но, к сожалению, оно не могло дать немедленных результатов, и, следовательно, требовались дополнительные меры неотложного характера. Проводить репрессии в стиле Мансерона Пейрутон считал нецелесообразным и вместо этого наметил целую серию успокоительных мероприятий. Главную ставку он делал на раскол национально-освободительного движения, на разжигание противоречий между «западниками» и «исламофилами». Он полагал, что если националисты будут поглощены междоусобной борьбой, то у них не останется времени на борьбу

бу с колониализмом и они оставят в покое правительство протектората.

Пейрутон был прекрасно осведомлен об острых разногласиях, существовавших между дестуровскими вождями, и довольно отчетливо сознавал их подлинные причины. «Это был,— писал он впоследствии [82],— разрыв между двумя концепциями борьбы против покровительствующей державы» [стр. 247]. Он знал, что одни дестуровские вожди по-прежнему были склонны к выжиданию, другие выступали за немедленное развертывание массовой борьбы и чуть ли не за восстание.

Подобно другим деятелям французского правого крыла, Пейрутон испытывал зоологическое отвращение к левым националистам, к последователям Бургибы и Матри. В их действиях и словах он не усматривал ничего, кроме «патологического пренебрежения к элементарной порядочности» [стр. 211]. Зато «старые тюрбаны», выходцы из известных буржуазных фамилий, представлялись ему вполне приличными людьми, «культурными, хорошо говорившими и, прямо скажем, довольно умеренными» [стр. 247].

Здесь, видимо, следует подчеркнуть, что начиная с Пейрутона во взаимоотношениях между Францией и тунисскими националистами стала довольно четко прослеживаться вполне определенная закономерность: чем правее становилось французское правительство, тем сговорчивее оказывались «старые тюрбаны», поспешно отмежевавшиеся от «авантюризма» левых националистов; и наоборот, сдвиг влево во Франции почти автоматически возрождал непримиримость «старых тюрбанов», немедленно переходивших на экстремистские позиции, и вызывал настоящую эйфорию реформизма в бургибистских кругах.

Эта закономерность действовала совершенно безотказно, несмотря на то что французские правые и «старые тюрбаны» представляли собой враждующие национализмы, формально непримиримые между собой. Более того, социально-психологическая корреляция различных национализмов, особенно при близости их классовой природы, порождала между представителями обоих национализмов чувство взаимного расположения и доверчивости, которое не оправдывалось никакими соображениями политического или экономического порядка. Парадоксально, но факт: французский националист и профессиональный колонизатор Пейрутон испытывал безотчетное чувство симпатии к лидерам тунисского исламофильского экстремизма, глубоко враждебным к Франции, и был искренне предубежден против, казалось бы, умеренных «прозападных» националистов, готовых к «свободному франко-тунисскому сотрудничеству»¹. И уже на склоне лет у Пейрутона сохранилась

¹ Подзаголовок книги Хабиба Бургибы «Тунис и Франция» [42].

уверенность, что «старые тюрбаны» при всей их кажущейся непримиримости «в глубине души сошлись бы на широкой внутренней автономии» [стр. 247]. Что касается самих лидеров старого руководства, то, чувствуя симпатию Пейрутона, они платили ему тем же.

Образование партии Новый Дестур. Вопрос об отношении к Пейрутону окончательно расколол дестуровское движение. Сторонники «Аксьон» не допускали даже мысли о возможности соглашения с резидентом-сатрапом и взяли курс на дальнейшее развертывание антиправительственных выступлений.

6 августа 1933 г., когда кампания гражданского неповиновения пошла на убыль, в Монастире, на родине Бургибы, произошли кровавые инциденты в связи с похоронами натурализованного. Похоронная процессия, двигавшаяся под охраной войск и полиции, была атакована националистами, которых собралось около 500—600 человек. Посыпался град камней, раздались револьверные выстрелы. У комиссара полиции было сломано ребро, около десяти солдат и полицейских получили ранения. Среди тунисцев один человек был убит, десять — ранены. Лишь к вечеру, когда на помощь местному гарнизону прибыла конная жандармерия и моторизованный отряд Иностранного легиона, порядок был восстановлен [см.: 99, 1933, № 8, стр. 483].

События в Монастире и возрождение кампании против натурализации шли вразрез с линией руководящего ядра партии Дестур. Оно надеялось и вскоре действительно установило контакты с новым генеральным резидентом. Пейрутон имел несколько конфиденциальных встреч с генеральным секретарем Дестура Ахмедом ас-Сафи и его ближайшими коллегами. По некоторым сведениям, он обещал Ахмеду ас-Сафи содействовать достижению независимости Туниса [см.: 54, стр. 77]. Вскоре он принял дестуровскую делегацию, состоявшую в основном из представителей старого руководства. Он заявил им, что готов удовлетворить некоторые требования Дестура, в частности сократить число французских чиновников и постепенно заменять их тунисцами, открывая таким образом путь к сотрудничеству в деле осуществления власти и в конечном счете к тому, чтобы, как заявил Пейрутон, тунисцы стали сами управлять собой [см.: 27, стр. 64]. При этом он подчеркнул свое недовольство группой Матри — Бургиба.

В дальнейшем Пейрутон не забывал своих собеседников, регулярно приглашал их на приемы и, казалось, начал выполнять свои обещания. Он прекратил репрессии против националистов и, хотя заявил, что пока не может отменить декрет Мансерона о роспуске Дестура, тем не менее разрешил дестуровцам, как и всякой другой «частной группе», проводить собрания и официально собираться [см.: 99, 1934, № 1, стр. 61].

Более того, он намекнул им, что не будет возражать против издания националистических газет на арабском языке.

Заканчивая беседу с представителями Дестура, резидент предложил им без всяких формальностей ударить по рукам: «Или вы со мной, или вы против меня» [54, стр. 77]. Националисты, подавленные несокрушимой авторитетностью сильного человека, обещали ему полную поддержку. Тогда Пейрутон, чтобы не вызывать, как он сказал, преждевременных подозрений со стороны французских чиновников, предложил лидерам Дестура сохранять в тайне достигнутую договоренность. Националисты согласились. Выйдя из дворца, Ахмед ас-Сафи добавил со своей стороны: «Само собой разумеется, господа, этот разговор должен оставаться в секрете» [там же].

Однако у Бахри Гиги, одного из новеньких членов Исполнительной комиссии, который присутствовал на беседе, зародились глубокие сомнения. Его смущали чисто восточные методы, какими делалась дестуровская политика, а также сам факт секретного соглашения. Короче говоря, он рассказал обо всем Хабибу Бургибе, своему бывшему соратнику по редакции «Аксьон». Вопрос о соглашении был поставлен на обсуждение Исполнительной комиссии. Ахмед ас-Сафи информировал руководство партии о состоявшихся переговорах и потребовал, чтобы по политическим соображениям достигнутая договоренность сохранялась в строгом секрете. При этом он добавил, что Пейрутону нужно дать время, чтобы он мог выполнить свои обещания, а уже затем ставить вопрос о его неискренности. Сторонники Бургибы, напротив, резко обрушились на Пейрутона. Они высказались против тайного характера переговоров и вообще против политики негласного сотрудничества с властями. Они заявили, что между националистами и генеральной резиденцией не может быть никаких секретов, которые надо было бы скрывать от масс [см.: 27, стр. 64].

Вопрос о секретном соглашении с Пейрутоном был последней каплей, которая переполнила чашу дестуровских разногласий. Вопреки мнению Матри, братьев Бургиба и Тахара Сфара, Бахри Гига был исключен из партии Дестур. Почти одновременно ас-Сафи, Фархат, Клиби, Джемаиль, Хазнадар и следовавшее за ними большинство Исполнительной комиссии объявили выговор Хабибу Бургибе. На него возложили ответственность за кровавые инциденты в Монастире, а также обвинили в том, что он без санкции Исполнительной комиссии возглавил делегацию граждан Монастира, которая добилась приема у бея Ахмеда и тем самым вновь привлекла внимание общественности к проблеме натурализации. 9 сентября 1933 г. Хабиб Бургиба в знак протеста вышел из Исполнительной комиссии партии Дестур [см.: 40, стр. 264; 54, стр. 78]. Попытки достичь примирения ни к чему не привели, и в ноябре 1933 г. Исполнительную комиссию покинули доктор Матри, Мухам-

мед Бургиба и Тахар Сфар — один из старейших деятелей Дестура, который сочувствовал революционной молодежи и в свое время сотрудничал с Шадли Хайраллахом, входя в редакцию «Вау дю тюнизьен».

17 ноября 1933 г. в Сусе, 22 ноября в Мензель-Камеле, затем в Тебульбе произошли новые тяжелые инциденты в связи с похоронами натурализованных. Они показали, что Бургиба и его сторонники пользовались значительным влиянием в стране, особенно среди революционной молодежи. В этих условиях Исполнительная комиссия Дестура решила начать в партии крупную кампанию по разоблачению раскольников (муншакун), как она стала именоваться группу Матри — Бургиба. Первая задача Пейрутона была выполнена. Дестур занялся острой внутрипартийной борьбой. По всем секциям были разосланы циркуляры, в мрачных тонах осуждающие действия Матри и Бургибы. Их объявили предателями и атеистами, использующими религию в политических целях, и призывали всех патриотов отмежеваться от кучки раскольников.

Однако, чувствуя за собой поддержку левых националистов, особенно молодежи, Матри, Бургиба и их друзья начали контркампанию, выдвинув предложение о немедленном созыве нового съезда партии. В январе — феврале 1934 г. они стали объезжать одну секцию за другой. В первое время, как вспоминал впоследствии Хабиб Бургиба [см.: 40, стр. 263—264], партийные «братья» оказывали им холодный прием. Они отказывались слушать «раскольников», не говоря уже о поддержке. С трудом организовав первую встречу с активистами Қсар-Хеллаля, Бургиба пустил в ход все свое обаяние и красноречие. «Его простой разговорный язык, внезапные перемены голоса, движения рук, неожиданно брошенный взгляд ультрамариновых глаз, его доводы, возмущение и слезы сделали свое дело» [там же]. Несмотря на сдержанность старших «братьев», молодежь горячо аплодировала ему.

В результате дискуссий и многочисленных собраний непосредственно в низовых организациях «раскольники» добились нужных результатов. Большинство секций поддержало требование о созыве съезда. На стороне Матри — Бургибы была не только европеизированная интеллигенция и молодежь, но также пролетарские районы Туниса и Сахель с его садоводами, ремесленниками и рыбаками. Все они недолюбливали националистическую знать, тесно связанную со столичными патрицианскими фамилиями и богатыми землевладельцами Севера. Из 49 секций, высказавшихся за созыв съезда, 13 представляли г. Тунис, 19 — Сахель, 12 — районы Центра и Юга, 2 — полуостров Мыса Бон и только 3 — Север Туниса [см.: 72, стр. 34]. Против высказалась 31 секция, в основном долина Меджерды и Северо-Восток. Таким образом, география съезда как бы подтверждала иногда высказываемый тезис о том, что раскол

Дестура в известном смысле представлял собой движение провинции и низов против засилья столичной буржуазии, помещиков и хабусных землевладельцев в национально-освободительном движении.

Заручившись поддержкой секций, «раскольники» образовали Временный комитет (ладжна уактия) и вплотную приступили к подготовке съезда [см.: 29, стр. 9]. Его намечалось провести в Ксар-Хеллале — в сердце Сахеля, городе ткачей и мелких хозяев, тесно связанных с Туниским кредитным кооперативом Мухаммеда Шеника. Секретарем Временного комитета был Хабиб Бургиба. Он лично, собственной рукой, написал приглашения на съезд, которые были разосланы всем секциям и членам Исполнительной комиссии Дестура. Однако члены Исполнительной комиссии и часть секций отказались участвовать в съезде «раскольников» и занялись подготовкой собственного партийного съезда.

Съезд «раскольников» происходил 2 марта 1934 г. в г. Ксар-Хеллале. В нем приняли участие около 60 делегатов, представлявших 49 из 80 секций партии. К вечеру были приняты резолюция съезда, устав партии и избрано новое руководство. В качестве официальной программы была утверждена Декларация 1933 г., принятая на объединенном съезде в Кисм-эль-Джебеле [27, стр. 63, 64; 108, 1934, № 7, стр. 350].

Старое руководство партии подверглось на съезде резкой критике. Его осуждали за формы и методы политической работы, за безучастную позицию в отношении кризиса и колонизации, за то, что оно, как говорил Бургиба, «избегало всяких контактов с народом и пошло заигрывало с правительством» [74, стр. 13]. Центральным вопросом было отношение к Пейрутону и вообще причины конфликта, противопоставившего друг другу членов Исполнительной комиссии «по основополагающим вопросам, непосредственно затрагивающим политическую программу партии». В своей резолюции Ксар-хеллальский съезд резко осудил Исполнительную комиссию. Он обвинил ее в том, что она действовала тайно от народа, клеветала на лучших активистов и привела партию к «инертности» и «застою». В заключение резолюция съезда отстранила Исполнительную комиссию от руководства партией и объявила ее распущенной [74, стр. 19].

Вместо Исполнительной комиссии съезд создал новые партийные органы. С докладом по организационному вопросу выступил Тахар Сфар. Он представил делегатам новый устав партии, исходивший из принципов демократического централизма, заимствованных из организационной структуры марксистских партий Западной Европы. На месте случайно созданных секций, возникших «вокруг отдельных сознательных лиц» [74, стр. 87], образовывались новые первичные партийные организации — секции (шуаба), или ячейки. Они строились по тер-

риториальному принципу и лишь в виде исключения — по производственному или родо-племенному. Ячейки насчитывали не менее 50 активных членов партии и возглавлялись выборными партийными комитетами. Они избирали делегатов на съезд партии, который должен был созываться не реже одного раза в год. Съезд, рассматривавшийся как высший орган партии, избирал Национальный совет (меджлис милли) и Политбюро (диван сийаси), являвшееся высшим исполнительным органом партии. В Ксар-Хеллале в состав Политбюро вошли пять человек: Махмуд Матри — председатель, Хабиб Бургиба — генеральный секретарь, Тахар Сфар, Мухаммед Бургиба и Бахри Гига — члены Политбюро и казначеи партии. В конце мая 1934 г. Тахар Сфар начал издавать еженедельник «Аль-Амаль» («Действие»), ставший официальным органом «раскольнического» Дестура. В различных городах и районах страны стали открываться партийные клубы, которые вели работу среди молодежи и сочувствующих.

В результате Ксар-хеллальского съезда в Тунисе образовалась совершенно новая политическая партия. Она отражала глубинные сдвиги, происшедшие в общественном сознании тунисских мусульман. Она вызвала к активной политической жизни новых людей с их новыми взглядами и жизненными представлениями, которые начали формироваться в конце 20-х годов. «Ксар-хеллальский съезд,— пишет Роже Ле Турно,— явился знаменательной датой не только в политической истории Туниса, но и в неменьшей степени в его коренной эволюции; он возвестил о более или менее полном исчезновении целого Туниса, того Туниса, который едко высмеял Дюгамель в „Принце Джафаре“, Туниса турок, мамлюков и столичных буржуа, рафинированных, учтивых, замечаящих малейшие оттенки и тонкости и не так уж и недовольных протекторатом, который почти не затронул их привилегий, не нарушил их привычно-равнодушного отношения к действительности и даже предоставил в их распоряжение некоторое количество современных удобств» [65, стр. 77]. Отныне к руководству национально-освободительным движением пришли новые люди, выходцы из народа, понимающие его интересы и установившие с ним прямую связь. Если в старом руководстве Дестура, по данным Анри де Монтети, патрицианские семьи занимали 70% партийных постов, то в новой партии — только 15% [цит. по: 72, стр. 30].

Образование новой националистической партии еще более оттенило инертность и склеротическое состояние старой партии Дестур. Хотя в политике и программе этой последней ровным счетом ничего не изменилось, в силу контрастности она приобрела еще более консервативный и исламофильский характер. Она органически не воспринимала никаких новых идей и принципов. В начале 1934 г. с разрешения Пейрутона Испол-

нительная комиссия приступила к изданию газеты «Аль-Ирада» («Добрая воля»), которая стала официальным органом старого руководства. В его руках она превратилась в главное орудие по борьбе с «раскольниками». Через нее лидеры Исполнительной комиссии обращались к массам, призывали их не верить молодым офранцузенным националистам. Они обвиняли молодежь в «ребячестве и неопытности», настаивая на сохранении единства дестуровского движения. Когда же это не удалось, они созвали собственный съезд партии. Он состоялся 27 апреля 1934 г. в г. Тунисе [см.: 108, 1934, № 7, стр. 350] и выразил полное доверие старому руководству.

Таким образом, в Тунисе образовались две дестуровские партии. Одна из них — во главе с Матри и Бургибой — некоторое время спустя стала называться партией Новый Дестур (ад-Дестур аль-джадид) или Нео-Дестур; другая — во главе с ас-Сафи и Фархатом² — Старый Дестур (ад-Дестур аль-кадим) или просто «Архео». Официально, с формальной точки зрения, обе партии имели абсолютно идентичные программы. Теоретически они стремились к одной и той же цели и боролись за одни и те же национальные требования, которые были сформулированы в знаменитой Декларации 1933 г.

На деле все обстояло иначе. Различия между двумя Дестурами были куда более серьезными и глубокими, чем это можно было бы предположить, исходя из общности официальной программы, единства лозунгов и названий. У Старого и Нового Дестура был разный подход к национально-освободительному движению, диаметрально противоположная политическая философия и, наконец, различная классовая база. Старый Дестур был партией улемов и помещиков, опиравшихся на отсталые слои городского мещанства, страдавшего от развития капитализма и слепо ненавидевшего все, что несла с собой западно-европейская цивилизация. Новый Дестур был партией европеизированной интеллигенции и мелкой предпринимательской буржуазии, апеллировавших к пролетарским слоям города и деревни, которые втягивались в русло капиталистической цивилизации. Старый Дестур был партией знатных патрицианских фамилий и старой мусульманской элиты. Новый Дестур

² Официальный вождь и председатель партии Дестур Абд аль-Азиз Таальби в это время находился в Бирме. Узнав о расколе партии, он, «уступая желанию друзей», сделал попытку вернуться из эмиграции. Установив контакт с французским посольством в Каире, он в мае 1934 г. приехал в Египет, но так и не добился разрешения властей на возвращение в Тунис. Таальби тяжело переживал отрыв от родины. Несмотря на оживленную переписку с членами Исполнительной комиссии, он отчетливо понимал, что не в состоянии оказывать какое-либо реальное воздействие на политическую обстановку в стране. В одном из писем в 1934 г. он горько сетовал на то, что его имя, известное всему миру и наводившее ужас на французов, в Тунисе фактически предано забвению [см.: 29, стр. 25; 108, 1935, № 1, стр. 33—34].

вырос как партия офранцузенных разночинцев и бунтующей молодежи, формировавших новую элиту страны. Старый Дестур представлял партию исламофилов, скорбевших о минувшем величии и выступавших за сохранение религиозных мусульманских традиций, за панисламистские лозунги и панарабские идеалы. Новый Дестур являлся партией западников, мечтавших о коренном обновлении тунисского общества и выступавших за светский националистический идеал, за либеральные лозунги западной демократии. Старый Дестур был социально-консервативной партией, проявлявшей симпатии к правым и право-радикальным националистическим группировкам во Франции. Новый Дестур отличался социальным радикализмом и имел тесные связи с левыми кругами французской общественности.

Демократическое движение в городах летом 1934 г. Связи с демократическими кругами во Франции и Тунисе в значительной мере предопределили первые успехи Нового Дестура. В отличие от Абд аль-Азиза Таальби его руководители не просто флиртовали с вождями французских левых течений, а действительно ориентировались на французскую демократию. Они отказались от всякого сотрудничества с Пейрутоном и сделали все возможное, чтобы поддержать левые партии, боровшиеся против резидента-сатрапа.

События 6 февраля 1934 г. во Франции, когда «Огненные кресты» полковника де Ла Рока двинулись на штурм французского парламента, со всей очевидностью показали, что французские националисты полны решимости во что бы то ни стало добиться своих целей. Над Францией нависла зловещая тень фашизма. В этих условиях в ответ на авантюру правых националистов левые партии организовали мощную кампанию в защиту республики и демократии. Грандиозная забастовка 12 февраля 1934 г. положила начало широкому движению народного антифашистского фронта, которое охватило многомиллионные массы французских трудящихся и постепенно распространилось на Северную Африку.

В Тунисе все левые партии придерживались тактики единого фронта. Несмотря на отсутствие организационных связей между собой, все они самоотверженно боролись против правой опасности.

Весной 1934 г. по поручению ЦК ФКП в Тунис прибыли Девез, Ферра и Дадо. В короткий срок они сумели сплотить и возродить коммунистическую организацию Туниса. В феврале — мае 1934 г. тунисская печать не раз отмечала возобновление деятельности коммунистов [см.: 99, 1934, № 5, стр. 306—307]. Правда, их было немного, и они далеко еще не преодолели своих внутренних разногласий. Коммунистическая организация Туниса состояла всего из нескольких кружков, объединявших главным образом европейских рабочих. Связи с тру-

дящимися-мусульманами были слабы. К тому же коммунисты не имели правильного представления о характере изменений, происходивших в национально-освободительном движении в связи с расколом партии Дестур, и не принимали никаких мер «в сторону единого фронта с национал-революционными элементами», сгруппировавшимися на платформе партии Новый Дестур. В плане практических действий коммунисты при посредстве профсоюзов, примыкавших к УВКТ, организовали ряд крупных выступлений тунисского рабочего класса. Совместно с Тунисской федерацией СФИО они провели несколько демонстраций за единство профсоюзного движения, за удовлетворение экономических требований трудящихся, в защиту СССР и т. д. [11, стр. 513, 514].

Социалисты с самого начала занимали резко отрицательную позицию в отношении Пейрутона. Они критиковали его социальную программу и диктаторские замашки, изобличали его как прислужника крупных капиталистических компаний. Тунисская федерация СФИО ни на йоту не доверяла Пейрутону и противостояла ему по всем пунктам. В декабре 1933 г. она выступила против проводимой им реформы Большого совета. В соответствии с декретами 28 декабря 1933 г. и 6 января 1934 г. численность Туземной секции Большого совета была увеличена с 26 до 41 члена; некоторые изменения были внесены в избирательный закон. Однако сохранение системы двойных выборов по Туземной секции, двойное представительство имущих классов, наконец, сохранение самой системы двух коллегий — все это свидетельствовало о недемократическом характере тунисского представительства и нежелании властей идти навстречу требованиям либеральной общественности. Съезд Тунисской федерации СФИО, состоявшийся 31 декабря 1933 г., выразил протест против пейрутоновской реформы Большого совета, потребовал ввести в Тунисе всеобщее избирательное право, а заодно осудил всю политику Пейрутона как политику, направленную на сохранение в стране «гегемонии крупных Экономических Интересов» [99, 1934, № 1, стр. 61].

В метрополии СФИО развернула энергичную кампанию против резидента-сатрапа. «Попюлер» обвиняла его в «фашизме» и откровенном покровительстве правым. Аналогичную позицию заняли также «Юманите», «Эвр», «Люмьер» и другие левые органы французской печати. В Тунисе их поддерживали новодестуровская «Аль-Амаль» и социалистическая «Тюнис-социалист».

Активизация левых сил в Тунисе обеспокоила французскую буржуазию. В колониетских кругах росли панические настроения. Респектабельные чиновники, уютные буржуа, да и многие колонисты содрогались от призрака социальной революции. Либеральные увлечения молодости уступили место серьезным размышлениям о необходимости твердой власти. В буржуаз-

но-чиновничьей среде произошел резкий крен вправо, в пользу «героев» 6 февраля 1934 г. Вокруг либеральных чиновников и левых интеллигентов создавалась атмосфера открытого недоброжелательства и вражды. Их шантажировали «не раз повторявшимися конфиденциальными советами, угрозами, предостережениями и предупреждениями» [40, стр. 261].

Большинство европейского населения Туниса оказало предпочтение правым, или так называемым национальным, группировкам. На выборах в Большой совет в мае 1934 г. французская демократия потерпела крупное поражение. Это ободрило Пейрутона. Тогда же, в мае 1934 г., он создал комиссию реформ. В нее вошли 18 членов Большого совета (по 9 от каждой секции), 18 влиятельных лиц (9 французов и 9 мусульман), 15 высших чиновников протектората и бейские министры. Официально комиссия была создана с целью «узнать реальные нужды страны и средства для их удовлетворения» [99, 1934, № 7, стр. 438]. Фактически, создавая комиссию, Пейрутон стремился консолидировать правые силы и сплотить их в поддержку своей политики. Для проформы предложения об участии в правительственной комиссии были направлены всем общественно-политическим группировкам Туниса, в том числе СФИО и обоим Дестурам. Однако социалисты и Новый Дестур отказались участвовать в назначаемой комиссии, которая, по словам Бургибы, даже внешне, по видимости не имела выборного характера Большого совета [см.: 74, стр. 29]. Тунисская федерация СФИО также заявила, что «предпочитает бороться на выборах» [цит. по: 99, 1934, № 7, стр. 438]. Лишь буржуазно-помещичьи националисты из Старого Дестура и французские правые согласились занять предложенные им места в комиссии реформ и тем самым еще раз подтвердили свою волю к сотрудничеству с Пейрутоном.

Автократический курс генерального резидента вызывал все более широкое возмущение в демократических и либеральных кругах тунисского общества. В мае 1934 г. ушел в отставку министр юстиции Тахар Хайрадин. Волновалась интеллигенция. Однако самый решительный отпор политика Пейрутона получила со стороны рабочего класса. Весной и летом 1934 г. по главным городам Туниса прокатилась волна рабочих митингов, уличных шествий и манифестаций. В них участвовали французы, арабы и итальянские антифашисты. Речи ораторов дублировались на арабском и итальянском языках. Пели «Интернационал». 1 мая в столице были вывешены красные флаги с серпом и молотом. Особенно бурный характер имели демонстрации 1 мая и 6 июля. Поднявшиеся по призыву коммунистов, социалистов и новодестуровцев рабочие тунисских предприятий, грузчики порта, босяки и оборванцы из голодных бидонвилей буквально терроризировали буржуазные кварталы. Возбужденные группы манифестантов прошли по цент-

ральным улицам Туниса, оставив после себя белеющие листки прокламаций, опрокинутые трамваи и кучи стекла от разбитых витрин и фонарей.

Эти решительные выступления тунисских пролетариев показали, что демократические круги Туниса не остановятся ни перед чем, чтобы помешать превращению страны в трамплин для французского фашизма.

Обстановка в Тунисе заметно накалилась. Буржуазно-колониальные круги и партии порядка требовали оградить их от шантажа уличных демонстраций, а также пресечь происки врагов французского протектората. Пейрутон не заставил себя долго ждать. Он круто изменил курс и от успокоительных мероприятий перешел к политике массовых репрессий. После июльских манифестаций 1934 г. правительство протектората закрыло биржу труда и начало широкую кампанию предупредительных арестов и высылки. При этом власти действовали с поразительным цинизмом и наглостью. Не имея никаких юридических оснований, они выслали из Туниса генерального секретаря Департаментского объединения ВКТ Дюреля, его заместителя Альбера Бузанке, активистов ВКТ Лаффона и Лубэ и оформили это как «перевод» нескольких государственных служащих³ в распоряжение центральных ведомств. Вместе с ними они выслали из страны группу французских коммунистов: Девеза — депутата от департамента Нор, Ферра — делегата ЦК ФКП, Дадо — пропагандиста УВКТ, а также Боне — итальянского антифашиста. Поскольку эти действия находились в вопиющем противоречии с законами Французской республики, власти не нашли ничего лучшего, как сослаться на королевский эдикт 1778 г. [см.: 63, стр. 83]. Этот эдикт предоставлял консулам короля право арестовывать и высылать из Леванта и Варварийских владений любого француза, который «своим плохим поведением и своими интригами мог бы принести вред общему благу» [цит. по: 20, стр. 228]. Ссылку на эдикт Людовика XVI трудно расценить иначе как насмешку колониальной бюрократии над демократическими учреждениями и республиканской законностью.

Произвол колониальных властей вызвал широкую кампанию протестов. Однако ни новая волна манифестаций, прокатившаяся по городам Туниса, ни ожесточенная кампания в прессе, ни интерpellации в парламенте, с которыми выступили Герню, Венсан Ориоль, Мутэ и Моннэ, не остановили Пейрутона. Чувствуя за собой поддержку правых и опираясь на них, он начал широкое наступление против демократического движения в Тунисе.

Обстановка в деревне. Из городов движение перебралось

³ Дюрель, как уже упоминалось, был преподавателем лицея Карно. Лаффон и Лубэ также были преподавателями. Бузанке работал на одном из предприятий военного министерства.

в блед. Здесь антиправительственную кампанию возглавляла партия Новый Дестур. Отдельные очаги пропагандистского огня поддерживались активистами СФИО [см., например: 40, стр. 159]. Влияние Старого Дестура катастрофически падало. Большая часть его партийного аппарата была захвачена «раскольниками», которые «клеямили оппортунизм стародестуровцев в том же тоне, в каком они поносили покровительствующую державу» [82, стр. 247].

Сразу же после Ксар-хеллальского съезда Политбюро Нового Дестура развернуло лихорадочную кампанию по мобилизации и воспитанию масс. Активисты Нового Дестура не знали ни минуты покоя. Они беспрестанно разъезжали по стране, выступали на рабочих митингах, в тэкиях (лагерях для голодающих), на стоянках бедуинов и в селениях Сахеля. Повсюду создавались новые ячейки, избирались руководители, которые тут же включались в политическую работу. Пылкие энтузиасты, горевшие националистической идеей, буквально не щадили себя и раздували пламя экзальтированного национализма.

Партийная пропаганда Нового Дестура использовала самые последние достижения агитационно-пропагандистской техники. Въезд вождей в города и селения обставлялся как народный праздник, с торжественной встречей лидера, нередко восседавшего на белом коне, с парадами молодежи и массовыми уличными шествиями. Трибуны украшались в цвета национального флага, раздавались значки, гремели оркестры арабской музыки. Речи ораторов сменялись пением национального гимна [см.: 63, стр. 80—81].

Несколько месяцев неустанной и безостановочной пропаганды принесли свои результаты. Политбюро и местные секции Нового Дестура завоевали широкую популярность. В столице самой прочной опорой партии стали грузчики порта, основавшие одну из самых первых и самых активных организаций Нового Дестура. Другие ячейки пополнялись за счет ремесленников и коммерсантов медины. В бледе Бургиба возобновил контакты с племенами, земельные права которых он защищал в качестве начинающего адвоката. Совершенно исключительные успехи были достигнуты в Сахеле, превратившемся в настоящую вотчину Нового Дестура. Партийный аппарат комплектовался за счет учащихся лицеев и колледжей, а также выпускников французских университетов. Большую роль играли талебы Аз-Зитуны. Многие из них окончательно разочаровались в старых наставниках и прочно связали свою судьбу с Новым Дестуром. «Зитунийское обучение,— пишет Кл. Мур,— давало им известные навыки ораторского и литературного мастерства, которое уважалось в народе и весьма действительно противостояло культурным претензиям старой партии» [72, стр. 35].

Магия слов играла огромную роль. Четкие, много раз повторявшиеся выражения и лозунги каждый раз по-новому сливались в страстный призыв к антиколониальной борьбе. Красноречивые ораторы превращались в настоящих народных трибунов. Многие из них становились политическими лидерами в полном смысле этого слова и наряду с членами Политбюро руководили антиправительственной кампанией. Среди них выделялись Хабиб Бугетфа, действовавший в районе Бизерты; Хеди Шакер, возглавлявший дестуровское движение в Сфаксе, и особенно Салах бен Юсеф, имя которого звучало по всему Тунису. Этот «маленький, честолюбивый и пылкий юноша» [59, стр. 17] был на пять лет моложе Хабиба Бургибы. Образование он получил во Франции. «Это был,— пишет Гарас,— человек действия, политическая голова, реалист и смельчак, но вместе с тем совершенно беззастенчивый честолюбец и циник, любивший удовольствия и деньги» [54, стр. 81]. Далеко не святой, он тем не менее пользовался симпатиями друзей и близких. В 1934 г., уже после Ксар-хеллальского съезда, он выдвинулся в число наиболее авторитетных руководителей Нового Дестура и почти с первых дней знакомства заручился глубоким расположением Хабиба Бургибы.

Выступая перед массами, руководители Нового Дестура проявляли исключительную гибкость. В политико-пропагандистском плане они широко использовали опыт кампании против натурализации и, не стесняясь, прибегали к традиционным мусульманским лозунгам и понятиям. Они, как пишет Ш.-А. Жюльен, отдавали себе отчет в полной невозможности передать массам свою программу, разработанную на основе европейских концепций разделения властей, народного суверенитета и полного безразличия в вопросах веры [см.: 63, стр. 81]. Выход был только один — адаптировать программу к религиозному сознанию масс, приспособить массово-политические лозунги к уровню развития подавляющего большинства тунисцев. Ислам был единственным связующим моментом, в котором выражалось сознание нации, и новодестуровцы широко использовали его. Они нередко устраивали митинги в мечетях и завиях, призывая граждан поминать в своих молитвах мучеников за национальное дело.

Откровенно мусульманский характер массово-политической пропаганды Нового Дестура нередко вызывал со стороны его оппонентов обвинения в двуличии, неискренности и беспардонной политической демагогии. «Дестур,— писал Анри де Монтети,— часто упрекали за его два лица: западное и демократическое перед людьми с Запада, мусульманское и ксенофобное, когда он обращался к своим войскам. Теоретики партии были тем не менее искренни в своей любви к картезианству. Но как партия народа они должны были говорить страстным языком народа, хотя и с риском быть увлеченными по

другую сторону границы, которую представляли собой эти люди двух цивилизаций» [цит. по: 72, стр. 33].

Риск был действительно велик, но полностью оправдал себя. Религиозные лозунги помогли политической мобилизации масс. Большую роль сыграла также увязка религиозно-политической пропаганды с постановкой вопросов об экономическом положении трудящихся. Именно этим в значительной мере объяснялась огромная восприимчивость тунисских крестьян и кочевников к новодестуровской пропаганде.

Летом 1934 г. положение в тунисском бледе было поистине катастрофическим. Кризис был в самом разгаре. Сравнительно неплохой урожай пшеницы и ячменя сделал положение совершенно безнадежным. Рынок был полностью затоварен. Объем экспорта зерновых упал почти в пять раз по сравнению с 1931—1932 гг. Государственные заготовки не превышали $\frac{1}{3}$ урожая [83, стр. 304]. Не хватало элеваторов и зернохранилищ. Крестьяне были вынуждены продавать хлеб спекулянтам по 60—65 фр. за 1 ц вместо 90—100 фр., составлявших минимальные закупочные цены, гарантированные государством. Колонисты, не говоря уже о крестьянах, не имели средств на оплату долгов. Среди них царило открытое недовольство. 7 августа 1934 г. колонисты устроили крупный антиправительственный митинг, осудили экономическую политику властей и злоупотребления банков. В знак протеста они начали отправлять в генеральную резиденцию свои военные билеты и угрожали открытым неповиновением [см.: 40, стр. 267—268].

Положение крестьян и кочевников было еще более тяжелым. Над ними нависла угроза полной экспроприации. Земли продавались за бесценок. Спекулянты и ростовщики скупали крестьянские парцеллы и даже целые хозяйства по цене в 10—20 раз дешевле, чем они стоили в начале кризиса. Известен случай, когда имение, проданное в 1932 г. за 100 тыс. фр., в начале 1934 г. было перепродано за 11 тыс. фр. К 4 октября, ко дню возобновления работы судов после летних каникул, в повестке дня гражданского суда г. Туниса значилось 3 тыс. дел о продаже земельной собственности в обеспечение гражданских исков [83, стр. 305]. Не покладая рук работали судебные исполнители, которые производили опись секвеструемых имуществ. Кроме земли описывались скот, инвентарь, семена, фураж, удобрения и даже солома. В степях производили опись стад. Экспроприация и голодная смерть нависли над тысячами крестьян и кочевников. Многие из них уже находились в тэкиях. Другие бродяжничали по стране, перебиваясь случайными заработками и мелкими кражами. Массовое недовольство в бледе вызывало запрещение властей и землевладельцев, вопреки устоявшимся обычаям, заготавливать дрова, рубить хворост, пасти скот, собирать съедобные травы и плоды дико-

растущих деревьев на территории так называемого «лесного домена государства» и частных имений.

В августе 1934 г. обстановка в бледе была накалена до предела. Последствия кризиса, пропаганда Нового Дестура, сообщения о бурных событиях в городах, наконец, известия о кровавых столкновениях между арабами и евреями в Константинополе 8 августа 1934 г.— все это электризовало массы. Взрыв был почти неминуем. Развивая антиправительственную кампанию, Новый Дестур в августе призвал тунисцев отказаться от уплаты налогов и возобновить бойкот французских товаров [см.: 65, стр. 78]. Этот призыв, несомненно, свидетельствовал о намерении лидеров партии направить движение в русло новой кампании гражданского неповиновения. Однако события приняли другой оборот. Крестьяне, последовавшие призыву Нового Дестура и отказавшиеся платить налоги, подверглись суровым репрессиям. Их арестовывали, бросали в тюрьмы. Против них возбуждали судебные дела. 25 августа 1934 г. правительство ввело войска в г. Кайруан и арестовало около 400 крестьян, прибывших в город по торговым делам [см.: 18, стр. 37]. Это вызвало взрыв всеобщего возмущения. В деревнях Сахеля и в степях люди требовали освободить арестованных и с энтузиазмом поддерживали новодестуровских агитаторов. Повсюду раздавались призывы открыть тюрьмы, прекратить продажу имущества за долги, не платить налоги, отменить декреты, ограничивавшие демократические свободы, и, наконец, сместить ненавистного Пейрутона.

В колониальной печати появились тревожные сообщения о «растущем брожении умов, о частичных забастовках и прекращении торговли, о скоплении в степях вооруженных всадников». По Тунису циркулировали самые невероятные и разноречивые слухи. Говорили, что «интеллигентные агитаторы» неспроста разжигали религиозный фанатизм бедуинов и крестьян, что они подстрекали их грабить еврейские и французские магазины и что бедуины уже готовы к вооруженным нападениям [см.: 99, 1934, № 9, стр. 526].

Бунты и беспорядки в Сахеле. С конца июня в связи с визитом бея во Францию Пейрутон находился в Париже. Представители властей, время от времени приезжавшие из Туниса, информировали генерального резидента об ухудшении обстановки и наконец потребовали срочного возвращения. 22 августа 1934 г. Пейрутон возвратился в Тунис. На месте он убедился, как пишет «Африк франсэз», в «тревожных симптомах различного порядка» [там же] и, избрав политику предупреждения событий, решил действовать немедленно. С одной стороны, ему хотелось завершить разгром демократического движения и ликвидировать постоянные очаги антиправительственной пропаганды, с другой — он понимал необходимость уступок общественному мнению, хотя бы в плане принятия

каких-то экономических мер, которые могли бы внести элемент успокоения.

29 августа 1934 г. Пейрутон создал Постоянный комитет экономической обороны. В него вошли представители администрации, Большого совета, французских и тунисских торговых и сельскохозяйственных палат. По поручению правительства они приступили к срочному изучению мер по защите мелких хозяйств от тяжелых последствий кризиса, а также к разработке соответствующего законодательства.

В плане политических мероприятий Пейрутон не нашел ничего лучшего как продолжать репрессии. Он явно стремился создать в стране атмосферу всеобщего страха, которая могла бы дисциплинировать умы. 3 сентября 1934 г. «Журнал оф-фисель» опубликовал три декрета, фактически отменявших в Тунисе демократические свободы. Один из них, датированный 15 апреля 1934 г., разрешал генеральному резиденту высылать в административном порядке любое лицо, виновное в нарушении «общественного спокойствия». Второй декрет, датированный 1 сентября 1934 г., запрещал под страхом тюремного заключения сроком до трех месяцев самовольную организацию уличных митингов и демонстраций, крамольные выкрики и пение в общественных местах, а также публичное изображение подстрекательских символов, эмблем, расклейку афиш и т. п. В соответствии с третьим декретом, датированным также 1 сентября 1934 г., генеральный резидент получил право закрывать любую газету «впредь до того, как суд вынесет свое окончательное решение по жалобе истца» [20, стр. 229]. Уже в день опубликования декретов, 3 сентября, правительство протектората издало постановление о закрытии газеты «Аль-Амаль». Одновременно в прессе появились сообщения об аресте восьми руководителей Нового Дестура и шести коммунистов. Никаких официальных разъяснений на этот счет не последовало, но вся страна узнала, что на рассвете 3 сентября 1934 г. полиция арестовала Махмуда Матри — председателя партии Новый Дестур, Хабиба Бургибу — генерального секретаря партии, Мухаммеда Бургибу — члена Политбюро, Саида Джеббари — молодого поэта, опубликовавшего патристические стихи в газете «Аль-Амаль», а также шестерых руководителей тунисских коммунистов, в том числе Хасана Саадауи — одного из пионеров коммунистического движения в Тунисе. Нескольким националистам удалось скрыться, и они на время избежали ареста.

Вопреки ожиданиям Пейрутона чувство страха не парализовало тунисскую общественность. Генеральная резиденция явно ошиблась в своих расчетах. Известия об «окаянных» декретах 1934 г., закрытии «Аль-Амаль» и аресте руководителей национально-демократического движения вызвали стихийную волну массового возмущения. Она прорвала все препоны

и вылилась в серию бурных манифестаций, крестьянских бунтов и беспорядков. Никто и нигде не готовил вооруженного восстания или даже простого движения вооруженного сопротивления. Лидеры Нового Дестура явно не намеревались выходить за рамки ненасильственных методов борьбы. Никто и нигде не призывал народ к оружию. И тем не менее Тунис восстал. Арест Матри и Бургибы явился искрой, из которой возгорелось пламя. Он сыграл роль детонатора, который в напряженной обстановке 1934 г. привел к мгновенному взрыву.

Ныне 3 сентября отмечается в Тунисе как день начала борьбы тунисского народа за национальное освобождение. Судя по материалам, опубликованным в журнале «Африк франсэз»⁴, эта борьба началась с мирных выступлений в защиту арестованных. 3 сентября 1934 г. после полудня закрылся тунисский сук; опустели улицы медины. Около 3 тыс. демонстрантов подошли к зданию генеральной резиденции. От имени властей г-н Шерб — начальник службы печати при генеральном резиденте был вынужден принять делегацию манифестантов. Шесть представителей Нового и Старого Дестура, в том числе Тахар Лахдар, Салах бен Юсеф, Али Даргут, Ахмед бен Милад, передали Шербу требования о немедленном освобождении арестованных и отмене всех декретов, ограничивавших общественные свободы. С аналогичными требованиями выступили представители Туземной секции Большого совета, а также дестуровские лидеры, возглавлявшие демонстрацию в Ла-Марсе. Гига, Сфар, ас-Сафи, Фархат были приняты беом Ахмедом. Крупные манифестации состоялись в Мокнине, Тозёре и некоторых других населенных пунктах.

На следующий день демонстрации протеста и торговые стачки произошли в 23 городах и селениях страны, в том числе в Тунисе, Сфаксе, Сусе, Кайруане, Габесе, Махдии, Мсакене, Мокнине, Монастире, Набёле и др. В столице забастовали докеры и ломовые извозчики, в Монастире — рабочие соляных промыслов. По деревням металась группа агитаторов, призывавших крестьян к демонстрациям перед местными почтовыми отделениями, пунктами приема налогов и пр.

5 сентября закрыли свои лавки мусульманские торговцы Бизерты. В большинстве районов Сахеля торговля была парализована на 75—100%. Напряжение нарастало с каждым часом. В Сфаксе произошли уличные беспорядки. В г. Тунисе на улице появились военные патрули. Армия заняла важнейшие пункты столицы.

⁴ Сентябрьские события 1934 г. плохо изучены в историографии. Отрывочные данные, публиковавшиеся в арабской и европейской печати, не сопоставлены между собой, а также с мемуарной литературой. Материалы, опубликованные в газете «Аксон» в 1965 г. с пометкой, что они основаны на донесениях «осведомителей» Службы туземных дел, полностью совпадают с текстом официального коммюнике, помещенного в сентябрьском номере журнала «Африк франсэз» за 1934 г.

Первое восстание произошло в Мокнине — большом торговом-земледельческом селе, где демонстрации не прекращались с 3 сентября. Утром 5-го, как обычно, состоялась демонстрация перед зданием муниципального совета и правления кахьялика. Собралось около 5—6 тыс. человек, включая прибывших из Ксар-Хеллала. Уклончивое поведение властей переполнило чашу терпения. Сотни крестьян, вооруженных кольями, мотыгами, топорами, некоторые пистолетами, напали на жандармов и начали громить государственные учреждения. Они ворвались в здание кахьялика и муниципального совета, переломали мебель и подожгли архивы. Кахья был ранен, один жандарм убит, несколько ранено. Разгрому подверглись также почта, дорожное управление, контора судебного исполнителя; его бумаги были сожжены. Повстанцы взломали ворота местной тюрьмы и освободили заключенных. Несколько чиновников были избиты, сожжены пять автомашин. Жандармы, забаррикадировавшиеся в некоторых домах, отбивали атаки демонстрантов, применяя огнестрельное оружие. Лишь на третий день с помощью подкреплений, прибывших из Суса, властям удалось восстановить порядок.

7—8 сентября аналогичные инциденты имели место в Керкере, Бурджине, районе Мсакена, в Мензель-Темиме и некоторых других местах. Повстанцы поджигали автомобили, громили уединенные фермы колонистов. 9 сентября в Тебульбе крестьяне разгромили ферму некоего Бийе, сожгли гараж, уничтожили цитрусовую плантацию и забросали камнями полицию и небольшой отряд войск, прибывших на место происшествия. Во многих местах Сахеля были разгромлены мэрии и тюрьмы. Освобождаемых заключенных повстанцы приветствовали как родных братьев и патриотов [см., например: 82, стр. 247].

В некоторых районах, в частности Эль-Ауине и в направлении Суса, отмечались акты саботажа на железных дорогах. В районах Эль-Джема, Керкера, Лахраша, Бурджина, Мсакена, Суса повстанцы совершали нападения на проходившие по дорогам машины с европейцами, в том числе с полицией. 8 сентября в Бурджине, в 20 км от Суса, крестьяне забросали камнями колонну военных автомашин, шедшую в сопровождении броневедомостей. Французские броневики, патрулировавшие шоссе, пулеметным огнем рассеивали группы крестьян и бедуинов, которые устраивали заграждения на дорогах и забрасывали камнями броневедомости.

Бунты и беспорядки в Сахеле, где доведенные до отчаяния крестьяне с мотыгой в руках восстали против колониального режима, явились стихийными выступлениями крестьянских масс. Ими никто не руководил. Да и сами повстанцы не имели перед собой никаких четко поставленных задач. Они просто давали выход годами кипевшей в них ненависти к «руми» и

вымещали ее на случайно подвернувшихся чиновниках, жандармах и колонистах. Они ненавидели колониальную строй, и это чувство ненависти руководило их действиями.

Волнения охватили огромную территорию от Бизерты до Габеса и Тозера. В стороне от событий остались лишь горно-промышленные районы и долина Меджерды, т. е. районы интенсивной колонизации и крупного капиталистического хозяйства. Но не это определило географию сентябрьского полувосстания. Наиболее активными очагами движения были окрестности г. Туниса, полуостров мыса Бон и особенно Сахель, т. е. районы, где Новый Дестур имел разветвленную и хорошо организованную сеть партийных ячеек и клубов. Политическая роль Нового Дестура в сентябрьских событиях несомненна. Это он организовал и поднял массы. Но руководители партии принципиально отвергали насилие как метод политической борьбы. И когда движение вышло за рамки кампании гражданского неповиновения, они сделали все возможное, чтобы вернуть его в первоначальное русло.

Пейрутон со своей стороны также проявил сдержанность. 6 сентября 1934 г. он принял в Ла-Марсе две делегации: одну от Нового Дестура, другую от Туземной секции Большого совета, которые «очень настойчиво» требовали от правительства немедленной отмены всех репрессивных мер. Любопытно, что в делегацию Нового Дестура входили Бахри Гига и Тахар Сфар. По сообщениям газет, они сами подлежали аресту и официально разыскивались полицией. Тем не менее Пейрутон принял их и, по некоторым сведениям, даже просил их содействия в деле умиротворения страны [см.: 108, 1935, № 1, стр. 33]. В беседах с руководителями Нового Дестура и Туземной секции Большого совета Пейрутон не исключал «мер милосердия», во всяком случае в «подходящий момент». Как говорилось в официальном коммюнике, «он подчиняет осуществление этих мер милосердия полному восстановлению общественного порядка, успокоению умов и окончанию всяких манифестаций, всякого политического брожения на всей территории регентства» [99, 1934, № 9, стр. 529].

Переговоры с Пейрутоном в какой-то мере предопределили тактику национальных организаций, и прежде всего Нового Дестура. С одной стороны, он по-прежнему требовал отмены всех антидемократических мероприятий правительства и освобождения политических заключенных; с другой — выступал поборником мира и общественного порядка. Сразу же после беседы с генеральным резидентом Бахри Гига и Тахар Сфар выехали в Сахель. Они повидали Матри и Бургибу, а затем объехали большинство районов Центра и Юга. На собраниях и митингах они призывали патриотов отказаться от пролития крови и действовать методами ненасилия. При этом они ссылались на свою встречу с национальными лидерами.

Уговоры новодестуровских вождей не пропали даром. Они оказали умиротворяющее воздействие на массы и вместе с тем продемонстрировали всю глубину и прочность связей, которые партия Новый Дестур установила с народом. Весь блед, писала газета «Трибюн де Сфакс», последовал призыву Нового Дестура, тогда как такой же призыв, исходивший со стороны правительства протектората, население оставило без всякого внимания. «Кто же правит в Тунисе?» — спрашивала в связи с этим газета [цит. по: 108, 1935, № 1, стр. 33].

Новый Дестур, конечно, был далеко еще не правящей партией. Но сентябрьские события показали, что через шесть месяцев после своего создания он стал самой значительной политической силой в стране. Его влияние было тем более значительным, что он пользовался поддержкой со стороны французской демократии. В сентябрьские дни французские левые партии активно поддерживали антиправительственные выступления крестьян и энергично протестовали против пейрутоновской политики полицейского произвола. 10 сентября 1934 г. правительство протектората закрыло газету «Тюнис-социалист». 13 сентября Пейрутон запретил распространение на территории Туниса французской социалистической газеты «Попюлер», 14 сентября — органа ФКП газеты «Юманите» [см.: 99, 1934, № 9, стр. 530].

В очень деликатном положении оказались правые националисты Туниса. Репрессии их не касались, да и сентябрьские события по сути дела застigli их врасплох. Ни партийное руководство, ни стародестуровские секции, особенно влиятельные на Северо-Востоке и в долине Меджерды, не были готовы к борьбе с правительством протектората. Политически они были демобилизованы и вследствие этого не оказали никакого влияния на ход сентябрьских событий. Фактически партия была вне игры. Более того, с известной долей осторожности можно утверждать, что в сентябрьские дни 1934 г. у партии Старый Дестур вообще не было своей политики. 3 сентября она поддержала движение протеста против колониальных репрессий. Ее руководители вместе с лидерами Нового Дестура участвовали в различных делегациях, требовавших освобождения заключенных. 7 сентября, после переговоров с Пейрутоном и вслед за партией Новый Дестур, стародестуровское руководство опубликовало в газете «Аль-Ирада» свой «Призыв к населению», в котором призвало «всех граждан соблюдать благоразумие и мудрость, сохранять полнейшее спокойствие и не позволять „агитаторам“ и „анархистам“ провоцировать новые прискорбные события» [цит. по: 98, 3.IX.1965].

Отмежевываясь от «агитаторов» и «анархистов», Старый Дестур не мог, однако, отмежеваться от антифранцузского движения в целом. Это противоречило бы самой логике вещей

и антифранцузскому характеру партии. Старый Дестур симпатизировал французам и Пейрутону, но ненавидел Францию. И, несмотря на свою неприязнь к Новому Дестуру, в силу своей чисто националистической природы он был вынужден поддерживать его выступления и идти вслед за развитием событий. 10 сентября 1934 г. за публикацию антиправительственных статей власти протектората закрыли газету «Аль-Ирада». Это означало, что в период подъема массового националистического движения пути тунисских и французских националистов коренным образом разошлись. Их националистические чувства взяли верх над всеми остальными соображениями. И напрасно колониальные круги, в частности «Депеш колониаль»⁵, зывали к общности классовых интересов. Французские и тунисские поклонники Пейрутона оказались в противоположных лагерях.

Что касается французских правых, то они активно поддерживали Пейрутона и даже критиковали его за излишнюю осторожность. Захлебываясь от восторга, правая печать прославляла «правителя, который наконец-то правит» [см.: 99, 1934, № 9, стр. 530].

13 сентября 1934 г. Гига и Сфар возвратились в Тунис и на массовом митинге в Гамбетта-парке дали отчет о своей поездке в деревню. Они заявили, что поскольку порядок восстановлен, то в соответствии с ранее данными обещаниями генеральный резидент должен освободить арестованных. Это, конечно, не входило в намерения Пейрутона. Но, так как опасность еще не миновала, он решил продолжать игру. После митинга в Гамбетта-парке с его стороны не последовало никакого опровержения. Более того, 20 сентября, во время приема делегации Постоянного комитета экономической обороны, генеральный резидент внимательно выслушал Мухаммеда Шеника и Тахара бен Аммара, которые вновь поставили вопрос об освобождении политических заключенных. С аналогичной просьбой к Пейрутону обратился также бей Туниса Ахмед-паша. В ответ на эти демарши генеральный резидент вновь обещал освободить Матри и Бургибу и даже установил срок — 3 октября 1934 г. Правда, и на этот раз он оставил себе запасный выход. «В случае если волнения возродятся, — говорилось в официальном коммюнике, — развязанные кем бы то ни было и где бы то ни было, правительство безотлагательно примет суровые меры...» [там же, стр. 533].

Волнения, о которых шла речь, как само собою понятно, возобновились, и 3 октября 1934 г. Матри, Бургиба и другие

⁵ «Депеш колониаль» писала 7 сентября 1934 г., что «в час, когда экономическая политика Туниса требует внимания всех, проявлять антифранцузские чувства — это все равно что поддерживать профессиональных агитаторов, весьма заинтересованных в поддержании беспорядка» [цит. по: 99, 1934, № 9, стр. 534].

заклученные вместо освобождения были переведены в Бордж-Лебёф — отдаленный и затерянный в песках Сахары французский военный форт. Пейрутону казалось, что он действовал просто и находчиво, ловко используя стремление Нового Дестура во что бы то ни стало избежать кровавого побоища. Правая печать торжествовала. В кругах французской колонии окончательно укрепилось мнение, что Пейрутон — это как раз тот самый сильный человек, которого им так не хватало. В расправах Пейрутона они видели начало конца нового тунисского национализма.

К огорчению поклонников сильной власти они глубоко заблуждались. Пейрутон действительно кое-что выгадал в чисто управленческом плане. Он сравнительно легко погасил очаги начавшегося антифранцузского восстания. Но он не решил проблемы по существу. Скорее наоборот. Начиная с 1934 г. колониальный режим протектората вступил в полосу затяжного политического кризиса. Добившись определенных тактических успехов, Пейрутон проиграл политическое сражение в целом. «Ему,— пишет Роже Ле Турно,— не удалось восстановить спокойствие; напротив, можно даже сказать, что он широко способствовал рождающейся популярности Бургибы, держа его в Бордж-Лебёфе, и поддерживал волнения, требуя абсолютного спокойствия» [65, стр. 78].

Вскоре после возвращения Гиги и Сфара для руководства движением был образован временный комитет Нового Дестура, или так называемый Второй Дестур. В состав этого II Политбюро вошли Тахар Лахдар — активный участник сентябрьского движения, занявший пост председателя Политбюро, Салах бен Юсеф, заменивший Бургибу в качестве генерального секретаря, а также Гига, Сфар и Бугетфа. К концу сентября они развернули мощную кампанию гражданского неповиновения. Одна за другой происходили забастовки, демонстрации, кампании бойкота. В кафе выключали граммофоны [см.: 108, 1935, № 1, стр. 33]. За некоторыми исключениями движение носило ненасильственный характер и с отдельными периодами спадов продолжалось весь сентябрь и октябрь. Отдельные выступления происходили и в дальнейшем, постепенно переходя в петиционную кампанию. Лозунги Нового Дестура неизменно встречали полную поддержку мусульманского населения. Временами деловая жизнь в арабских кварталах полностью замирала. «Например, в конце сентября 1934 г.,— пишет Берк,— полное закрытие лавок наполнило ее (медину г. Туниса.— Н. И.) безмолвием, среди которого посетителю тревожно слышалось эхо его собственных шагов» [40, стр. 210].

Крестьянское законодательство 1934—1935 гг. Пейрутон со свойственной ему прямолинейностью полагал, что основной причиной массового недовольства было тяжелое экономическое положение страны. Поэтому он все свое внимание сосре-

доточил не на политических, а на социально-экономических аспектах сентябрьского полувосстания. Проявляя максимум выдержки, он постарался увести крестьян от политической борьбы. С этой целью наряду с выборочными репрессиями он начал широкую кампанию по умиротворению деревни. Преследуя печать и националистических «агитаторов», он отказался от проведения массовых карательных экспедиций в бледе. Более того, не желая, чтобы «люди, лишенные своих земель», шли к «главарям революции» [см.: 20, стр. 122], Пейрутон решил немедленно и почти полностью удовлетворить экономические требования крестьянства, во всяком случае те требования, которые послужили непосредственным поводом к восстанию.

14 сентября 1934 г. Постоянный комитет экономической обороны разработал и представил правительству протектората целую серию законопроектов, направленных на защиту интересов мелких хозяев. Правительство в срочном порядке одобрило эти законопроекты, немедленно передало их в печать [см.: 99, 1934, № 9, стр. 530—531] и обратилось к французскому правительству с просьбой о проведении их в жизнь. 16 сентября Пейрутон писал в министерство иностранных дел, что, «учитывая тревожное социально-экономическое положение, считает крайне необходимым дать сельским должникам крупные льготы» [83, стр. 306].

2 октября были опубликованы два бейских декрета, запрещающих продавать за долги землю, скот и другое имущество крестьян. Один из этих декретов предписывал немедленно прекратить всякие операции, связанные с наложением ареста на недвижимое имущество и продажей его с торгов. Для рассмотрения долговых обязательств крестьян и кочевников создавалось пять арбитражных комиссий во главе с французскими магистратами. Неплатежеспособным должникам предоставлялась отсрочка на три года с последующим правом выплачивать свои долги по частям. При этом правительство протектората поспешило избавить мусульманских торговцев и ростовщиков, а также их кредиторов в лице европейских банков и торговых домов от возможных неприятностей моратория. Защищая их интересы, оно декретом от 10 ноября 1934 г. разрешило Земельной кассе заключать с кредиторами крестьян соглашения об учете и выкупе долговых обязательств. Они оплачивались облигациями Земельной кассы, которые находились в свободном обращении и погашались путем периодических тиражей. Крестьяне, таким образом, стали должниками Земельной кассы и начали постепенно выплачивать ей свои долги.

Вторым декретом (от 2 октября 1934 г.) запрещалось накладывать арест и отчуждать за долги стада стоимостью менее 3 тыс. фр., а также устанавливалось, что рабочий скот,

сельскохозяйственный инвентарь, корма, семена, удобрения и т. п., как и во французском праве, должны составлять недвижимое имущество по назначению. Из этого следовало, что отныне все это имущество не могло продаваться с торгов отдельно от земли и хозяйства в целом.

Помимо этого, власти учли широкое недовольство, которое вызывалось различного рода ограничениями, связанными с использованием «лесного домена государства». Специальным резидентским постановлением крестьянам впредь разрешалось беспрепятственно пользоваться лесами для своих личных нужд, в частности заготавливать топливо и пасти скот [см.: 99, 1934, № 9, стр. 531—532; 102, 1952, № 67, стр. 24; 108, 1935, № 1, стр. 34].

В развитие этого законодательства, дававшего немедленное удовлетворение ближайших требований крестьянства, правительство протектората приняло целый ряд других мер, направленных на укрепление экономического положения «добросовестных сельских хозяев». Декретом от 23 января 1935 г. в каждом каидате вводились публичные реестры, куда вписывались права собственности, ипотечные и другие обязательства владельцев неимматрикулированных земель. Это имело целью устранить злоупотребления, связанные с передачей земельных прав, не зарегистрированных в Земельной книге, а также открыть перед собственниками неимматрикулированных земель источники серьезного кредита. Благодаря этому мероприятию власти надеялись снизить ставки ипотечного процента и избежать чрезмерного падения цен на землю.

В 1935 г. в тунисской печати развернулась энергичная кампания за укрепление крестьянской собственности, в частности в защиту джеддари и мугарси⁶. «Пти матэн» и некоторые другие газеты с сочувствием поддерживали движение сахельских мугарси, отстаивавших свои права на половину плантации [см.: 18, стр. 55]. К сожалению, вследствие сопротивления тунисских помещиков и мусульманского духовенства, не желавшего отказываться от хабусных земель в пользу джеддари, эта кампания не привела к каким-либо практическим результатам. Единственным исключением были крестьяне и кочевники, жившие на общинных землях, которые со времени установления протектората рассматривались как государственный домен. Декретом от 30 декабря 1935 г. правительство протектората признало права собственности племен на их общинные земли. Из «оссирантс» государственных земель племена превратились в общинных землевладельцев, обладающих всеми

⁶ Мугарси — крестьянин, который принимает на себя обязательство засадить оливковыми деревьями пустующий участок земли на основе договора о мугарсе. Через 15—20 лет, когда деревья начинают плодоносить, плантация в принципе должна быть разделена поровну между землевладельцем и крестьянином.

правами «юридического лица». Все члены племени признавались коллективными совладельцами общинной земли, пользовались ею в соответствии с нормами обычного права и не могли отчуждать ее без согласия племени и государства [подробнее см.: 101, 1949, № 29, стр. 26—34]. Это, безусловно, укрепляло земельные права туниССкого крестьянства и препятствовало переходу общинных земель в руки ростовщиков, родовых старейшин и иностранных плантаторов.

Вместе с тем, санкционируя традиционные нормы обычного права, правительство протектората сохраняло общинные формы землевладения и землепользования и тем самым создавало помехи на пути дальнейшего развития крестьянской собственности. Общинные земли занимали в Тунисе около 2,5 млн. га, или 23% всего фонда сельскохозяйственных земель. И все они, по сути дела, превратились в огромные резервации социального консерватизма. Общинники, даже зажиточные кочевники и крестьяне, воздерживались от каких-либо капитальных вложений, связанных с землей, и, как правило, ограничивались хищнической экстенсивной эксплуатацией земельных угодий. Вследствие этого общинные земли становились огромными резерватами традиционного сектора. Правда, в декрете 30 декабря 1935 г. предусматривалась возможность «индивидуализации семейных имуществ» [101, 1947, № 6, стр. 217] и всемерное поощрение частнособственнических тенденций в родо-племенной среде. Возможно, это было главной задачей реформы. Однако вследствие различного рода бюрократических проволочек и слишком затянувшихся подготовительных работ к практическому осуществлению этой задачи приступили лишь после второй мировой войны, и то в довольно скромных размерах.

Почти одновременно с реформой общинного землевладения правительство протектората по требованию Тунисской секции Большого совета отменило средневековую десятину — ашур. Это имело определенное значение в процессе постепенного отмирания средневековых социальных структур. Декретом 26 декабря 1935 г. ашур упразднялся и большинство землевладельцев было освобождено от уплаты каких бы то ни было прямых сельскохозяйственных налогов.

В социально-экономическом отношении аграрное законодательство Пейрутона «задержало крах» [83, стр. 310] туниССкого крестьянства, которое в результате кризиса оказалось на грани полного разорения. В какой-то мере оно намечало также пути дальнейшего оздоровления и модернизации традиционного сектора, но само по себе не привело ни к каким структурным изменениям. В политическом плане октябрьские декреты 1934 г. внесли определенный элемент успокоения в сельских районах. Пейрутон уступил в самых животрепещущих вопросах крестьянской жизни, и это в какой-то степени спо-

собствовало разрядке политической напряженности в деревне. Аграрно-крестьянское движение постепенно пошло на убыль. Однако в целом по стране разрядки не произошло. Экономические мероприятия Пейрутона не привели и не могли привести к стабилизации политического положения в Тунисе, поскольку основная проблема страны была не столько экономической, сколько политической по своему существу и характеру.

Революционное движение 1935—1936 гг. В политическом плане Пейрутон не предпринял ничего, что могло бы способствовать разрядке напряженности и мирной эволюции режима протектората. Здесь он также ограничивался по существу уступками чисто экономического порядка. 18 ноября 1935 г. правительство издало восемь декретов, расширявших допуск тунисцев на государственную службу. Отныне они могли претендовать на 55% (вместо 35%) постов в государственной администрации. Но это совершенно не устраивало ни демократическую, ни националистическую оппозицию, которые требовали не оплачиваемых государственных должностей, а серьезных реформ в области управления.

Между тем Пейрутон занимал все более жесткую позицию. Он даже и слышать не хотел о каких-либо реформах или даже просто контактах с оппозицией, всячески подчеркивал нежелание заниматься чем-либо, кроме серьезной государственной работы. «Вы мне говорите,— обращался он к политическим оппонентам,— о всяких там свободах; я вам отвечаю: если уж вам угодно, то говорите со мной лучше о бюджетном равновесии, медицинском обслуживании, строительных работах» [99, 1935, № 5, стр. 298]. Чтобы не терять времени на пустяки, он даже распустил Комиссию реформ. «С этим покончено»,— твердо заявил он, выступая 15 апреля 1935 г. перед колонистами Беджы [там же].

Жесткая позиция Пейрутона находила горячую поддержку среди колонистов Туниса и в правых кругах метрополии. Они буквально боготворили Пейрутона. Полностью разделяя его политику, журнал «Африк франсэз» с восхищением писал: «Хорошо скроено, теперь надо сшить» [там же].

Однако старый колониальный раскрой с претензией на фашистскую моду не соответствовал вкусам тунисской публики, ориентировавшейся на новейшие парижские модели. Шить было трудно. Вслед за Францией в Тунисе распространялись идеи Народного фронта. 14 ноября 1934 г. железнодорожники столицы впервые в Тунисе организовали совместное собрание членов ВКТ и УВКТ и горячо приветствовали единство действий рабочего класса [107, 7.XII.1934]. Уже не только социалисты, но и коммунисты встречали все бóльшую поддержку в Новом Дестуре, особенно в его пролетарских секциях. Коммунистическим листовкам, отмечалось в газете «Юманите», повсеместно оказывался самый благоприятный

прием как среди феллахов, так и среди трудового населения городов. В самой новодестуровской партии наметились экстремистские тенденции. «Внутри Дестура (националистической партии), — говорилось в письме из Туниса, опубликованном в „Юманите“ 31 октября 1934 г., — после запрещения партии и насильственного закрытия ее помещений большое число молодых элементов, выражая волю арабских масс к антиимпериалистической борьбе, открыто выступает против вождей, которые стремятся к умеренности и не желают использовать никаких других средств борьбы, кроме бойкота французских товаров».

Боевые настроения масс придавали политической оппозиции революционный характер. Несмотря на аресты, ссылки и увольнения с работы, несмотря на то что тунисская печать не отваживалась обсуждать актуальные проблемы и попросту молчала о том, что происходит в стране, несмотря на все это, обстановка в Тунисе оставалась накаленной до предела. То и дело происходили инциденты, многие из которых не удавалось замалчивать. Основными лозунгами движения, как и в сентябрьские дни 1934 г., были требования об освобождении политических заключенных и о восстановлении демократических свобод. Боевой призыв «Долой Пейрутона!» объединял всех — от социалистов до коммунистов и дестуровских экстремистов. Он звучал на подпольных собраниях и красовался на многочисленных листовках, которые распространялись по стране. В конце 1934 г. большой размах приняла кампания по сбору подписей — сначала под петицией к Имперской конференции, которая открылась 5 декабря 1934 г., затем под обращением к бею.

1 января 1935 г. в связи с окончанием рамадана царствующий бей Ахмед-паша по традиции прибыл в мечеть Аз-Зитуна. Здесь ему подали петицию с десятками тысяч подписей об освобождении дестуровских вождей. Возбужденная толпа окружила бея и его свиту, которым пришлось выслушивать гневные речи Тахара Сфара, Гиги и Салаха бен Юсефа. Собравшиеся скандировали: «Да здравствует Политбюро!». Между толпой и охраной бея начались столкновения. Когда бею удалось покинуть мечеть, он проследовал по замершим улицам медины: ремесленники и торговцы Туниса начали очередную забастовку. Волнения и беспорядки произошли также в Сахеле.

По всей стране прокатилась новая волна арестов и ссылок. Власти арестовали Сфара, Гигу и Бен Юсефа, возглавлявших второй состав Политбюро, Хеди Шакера, руководившего новодестуровским движением в Сфаксе, и Хабиба Бугетфу — дестуровского лидера Бизерты. Специальным поездом они были немедленно высланы на Юг. Вместе с ними были сосланы Мухиэддин Клиби, Букордага и Таабури — стародестуровские

вожди, принявшие участие в зитунийской демонстрации 1 января.

Руководство Старого Дестура фактически было расколото. Меньшинство во главе с Клиби продолжало начатую в сентябре 1934 г. политику поддержки Нового Дестура. Большинство же во главе с тяжелобольным Ахмедом ас-Сафи вскоре после сентябрьских дней отошло в сторону и не имело никакого отношения к антиимпериалистическим выступлениям революционного подполья. Стародестуровские лидеры в большинстве своем находились на свободе, располагали помещениями для партийной работы и возможностями публиковаться. В области политики они проявляли большую сдержанность и все свои усилия сосредоточили на пропаганде. Они активно поддерживали антифранцузскую кампанию улемов-реформаторов, которые выступали под лозунгами религиозного обновления и боролись за возрождение арабской культуры, языка и религиозных наук.

В начале 1934 г. преподаватель Аз-Зитуны шейх Абд аль-Азиз аль-Бауанди основал Ассоциацию за сохранение и распространение Корана в Тунисе (Джамийат аль-мухафазат уа таалим аль-Куран фи Тунис), ставшую главным центром тунисских улемов-реформаторов. Она почти полностью копировала программу и методы действия алжирской Ассоциации улемов-реформаторов [об алжирской Ассоциации улемов-реформаторов см.: 13]. Сторонники Бауанди выступали против культурного порабощения и «офранцузивания» страны, клеймили социальные язвы тунисского колониального общества и изо всех сил боролись против новой западной морали и старых марабутических «новшеств» (бида) как основной преграды, закрывавшей массам путь к истинному исламу. Ассоциация создавала коранические школы при мечетях; в 1935 г. она начала проводить так называемые «коранические диктанты» с целью распространения идей мусульманского возрождения.

Правительство протектората более или менее терпимо относилось к культурно-религиозной пропаганде «старых турбанов», тем более что они не рассматривали независимость как актуальную проблему дня. Улемы действовали почти легально и лишь изредка подвергались преследованиям со стороны властей. Один из таких эпизодов произошел в декабре 1934 г., когда власти применили санкции против еженедельника «Аль-Мунир», издававшегося Шадли аль-Мурали — директором коранической школы Ас-Салам [см.: 99, 1935, № 2, стр. 97].

Известное недоумение в колониальных кругах вызвало возвращение в Тунис шейха Ахмеда Тауфика аль-Мадани — бывшего секретаря Дестура по пропаганде и одного из виднейших руководителей алжирской Ассоциации улемов-реформаторов. В начале 1935 г. «по семейным обстоятельствам» и с

разрешения властей он прибыл в Тунис, где возобновил контакты со старыми боевыми соратниками. Он опубликовал брошюру, в которой пропагандировал идеи мусульманского возрождения и — что особенно возмутило французские правые круги — высказался за прием Туниса в Лигу наций [см.: 99, 1935, № 5, стр. 294].

В официальных документах «старые тюрбаны» проявляли гораздо большую умеренность. Осенью 1935 г. они попытались даже возобновить политику сотрудничества с Пейрутоном, который по-прежнему вызывал у них чувство искренней симпатии и пользовался глубоким личным доверием. 27 ноября 1935 г. от имени Исполнительной комиссии Старого Дестура Салах Фархат, возглавивший партию в качестве генерального секретаря, Тайеб Джемаль, Али Бухаджеб, Монсеф аль-Местири и Эззэддин Шериф подписали письмо к Пейрутону, предлагая встречу и взаимное сотрудничество. Однако в генеральной резиденции их неправильно поняли. В своем ответе от 28 ноября Пейрутон отклонил это предложение [см.: 99, 1935, № 12, стр. 726—727]. В правительстве протектората и в правых кругах, нуждавшихся в дополнительных аргументах в пользу политики силы, демарш стародестуровского руководства расценивался лишь как проявление слабости и ничего больше. «Страх перед жандармом — начало мудрости», — поучала в связи с этим газета «Депеш альжержен» [там же, стр. 728].

Спокойно-выжидательная позиция Старого Дестура оказывала определенное влияние на националистические круги, близкие к Новому Дестуру. В тяжелых условиях подполья и массовой потери кадров партия была обескровлена. Разгром II Политбюро еще более осложнил положение. В этой обстановке к руководству движением пришли буферные дестуровские группировки во главе с Шадли Хайраллахом, бывшим председателем «Североафриканской звезды» и издателем «Вау дю тюнизьен». Они попытались возродить реформистскую линию соглашения с властями, встав во главе революционно настроенной партии, что само по себе представляло искусственный и довольно рискованный эксперимент.

Для начала Хайраллах выступил как продолжатель новодестуровских традиций и сразу же после ареста Сфара, Гиги и Салаха бен Юсефа сформировал III Политбюро Нового Дестура. В его состав вошли 12 человек, в том числе Шадли Хайраллах, Бешир аль-Фурати, Тахар Зауш, Мухаммед ас-Суиси Зауш, Нуреддин Зауш, Тауфик ибн аш-Шейх, Тахар Лахдар и др. Своей первоначальной целью III Политбюро ставило, во-первых, продлить существование партии, во-вторых, добиться освобождения всех пострадавших.

6 января 1935 г., в Ид аль-Фитр, III Политбюро организовало мощную демонстрацию протеста против новой волны колониальных репрессий. Представители манифестантов во

главе с Шадли Хайраллахом и Тахаром Заушем добились встречи с Пейрутоном и передали ему требование об освобождении политических заключенных, а также просили «предусмотреть реформы в политической области» [99, 1935, № 2, стр. 98]. Демонстрации и беспорядки произошли также в Сахеле и вскоре перебросились на Юг. Новодестуровское движение не умерло. Однако его новые вожди нуждались в искреннем доверии партии, и в первую очередь в признании со стороны сосланных лидеров.

С согласия Пейрутона Хайраллах совершил поездку на Юг и имел беседы со «старыми вождями», находившимися в концлагерях в Бордж-Лебёфе и Ремаде. Он сообщил им об обещании Пейрутона освободить их с условием, что они не будут заниматься политической деятельностью. По возвращении Хайраллах заявил, что «все тунисское население одобряет его действия» и что он пользуется «поддержкой всех тунисских политических руководителей» [там же, стр. 99]. Он дал, таким образом, понять, что III Политбюро действует с согласия основателей Нового Дестура и является непосредственным продолжателем их дела.

Наряду с этим Хайраллах объявил об изменении программы партии и о политических контактах с Пейрутоном, который якобы был склонен к серьезным политическим уступкам. Действительно, в январе 1935 г. стала выходить националистическая газета «Пти-Тюнизуа», в ряде мест открылись клубы Нового Дестура. Всячески афишировались слухи о предстоящем помиловании Матри и Бургибы. В дальнейшем Хайраллах намеревался возглавить национально-освободительное движение, чтобы в условиях сотрудничества с Пейрутоном осуществить поэтапную эволюцию режима протектората («сначала возвращение к подлинному протекторату, затем переход к мандату и, наконец, договор о дружбе и союзе»), возродить арабскую культуру, традиции и обычаи Туниса и вместе с тем найти справедливое решение социальных и экономических проблем. Все это, по его мнению, открывало «новую эру для Туниса» [там же].

Искусственность позиции Хайраллаха заключалась не только в смешении лозунгов Нового и Старого Дестура, но, главное, в смешении тактических установок этих партий, в попытках по существу перевести новодестуровское движение на рельсы стародестуровской тактики. Хайраллах хотел быть посередине националистического лагеря. Однако эта промежуточная позиция, по словам Ш.-А. Жюльена, ничего не дала — ни расположения генеральной резиденции, ни поддержки в массах, ни сочувствия в буржуазных кругах, которые не оставались безучастны к тенденциям общественного мнения [см.: 63, стр. 82]. К тому же соглашательская линия Шадли Хайраллаха шла вразрез с революционными настроениями в

Новом Дестуре и грозила подорвать союз с французской демократией. В целом она представляла серьезную ревизию политики партии Новый Дестур и не на шутку встревожила интернированных лидеров.

13 февраля 1935 г. в газетах «Пти-Тюнизуа» и «Ан-Нахда» появились письма соответственно Бургибы и Матри, датированные 8 февраля. В этих письмах они заявили о своей верности решениям Ксар-хеллальского съезда, обвинили Хайраллаха в сговоре с генеральной резиденцией [29, стр. 12] и наотрез отказались от просьб о помиловании, которое, впрочем, как заметил журнал «Африк франсэз», «им никто и не предлагал» [99, 1935, № 5, стр. 294]. Таким образом, сосланные руководители Нового Дестура дезавуировали Шадли Хайраллаха и III Политбюро. В партии началось мощное движение за изменение руководства. 10 марта 1935 г. в помещении Политбюро состоялось бурное собрание. Представители актива и подпольных организаций резко критиковали капитулянтскую линию соглашателей. Власти вновь опечатали и закрыли помещения партии. Чтобы оправдаться, Хайраллах отправился в пропагандистское турне по Сахелю. Однако после первых объяснений в Мокнине он был вынужден прервать поездку и возвратиться в г. Тунис [там же, стр. 295].

Крах III Политбюро был очевиден. Хайраллах, однако, все еще питал надежды. Ему казалось, что если он добьется освобождения Матри и Бургибы, то сможет вернуть утраченное доверие партии и занять в ней ведущее положение. Он с нетерпением ждал возвращения Пейрутона, который возглавлял тунисскую делегацию на Имперской конференции. Пейрутон вернулся 24 марта 1935 г. 27 марта Хайраллах с группой членов III Политбюро добился приема у генерального резидента, но не имел успеха. Пейрутон отклонил его ходатайство об освобождении политических заключенных и заявил, что «будет продолжать политику, которую начал» [там же, № 4, стр. 254].

28 марта 1935 г. III Политбюро организовало грандиозную манифестацию в поддержку национальных требований. В ней приняло участие около 30 тыс. человек. Вместе с рабочими и ремесленниками здесь были женщины, молодежь, безработные. От имени демонстрантов Хайраллах и его соратники еще раз просили Пейрутона пойти им навстречу. Однако и на этот раз Пейрутон ответил решительным отказом. Тогда демонстранты направились к площади Баб-Саадун. Здесь на митинге выступил Шадли Хайраллах, который призвал к продолжению борьбы за национальное дело и вместе с тем признал, что III Политбюро потерпело поражение [там же].

Манифестация 28 марта и публичное признание своей неудачи были последней попыткой Хайраллаха спасти свое лицо. Он уже не контролировал движение, где сложилось новое

руководящее ядро во главе с одним из героев сентябрьских дней 1934 г. Белькасемом Гнауи, который опирался на докеров и рабочие ячейки Нового Дестура.

На Юге в это время происходили крупные волнения. В удаленных ксурах жили многочисленные группы политических ссыльных. Они вели активную пропаганду, и под их влиянием весной 1935 г. поднялись крестьяне и кочевники тунисского Юга. Наиболее крупными были беспорядки в Нефте 6 февраля 1935 г. За ними последовали восстание призывников в Меденине 28 марта, волнения кочевников и призывников в Ксар-Халлуфе, Бени-Хаддаше, Ксар-Джелиди и Ксар-Крера-Шефе в Джериде 10—12 апреля 1935 г. С обеих сторон имелись раненые. Волнения были подавлены с помощью авиации. В довершение всего, чтобы окончательно терроризировать население Юга, власти организовали в Джериде военные маневры. Генерал Азан, командующий французскими войсками в Тунисе, во главе военных колонн с броневиками и артиллерией объехал все главные ксуры, где проводил назидательные беседы с шейхами племен и селений [там же].

На Севере возросла активность новодестуровского подполья. Происходило организационное укрепление и консолидация нелегальных ячеек. «Трудящиеся, организованные в Дестуре,— писала „Юманите“,— поняли, куда вела политика компромиссов их руководителей. Они не хотят нищеты и порабощения в „спокойствии“. Собрания дестуровских организаций голосовали за исключение тех, кого они называли „предательскими вождями“» [107, 20.IV.1935]. В начале апреля 1935 г. сторонники Гнауи готовились образовать новое руководство партии, но не успели. Полиция неожиданно напала на их след и приступила к массовым арестам. Гнауи и другие активисты революционного подполья (всего свыше 200 человек) были отправлены в концлагерь. Вслед за этим началась охота на сторонников Гнауи по всему Тунису. Многих из них удалось выследить и арестовать. Новый Дестур подвергся очередному разгрому.

Для Хайраллаха и его друзей по III Политбюро, по-прежнему разгуливавших на свободе, это было равносильно политическому убийству. О них распространялись самые нелестные слухи, вплоть до обвинений в платном осведомлении властей. Не видя иного выхода, Хайраллах решил отказаться от всякой политической деятельности и покинуть Тунис. 12 апреля 1935 г. в газете «Ан-Нахда» был опубликован текст заявления об отставке III Политбюро. В нем Хайраллах признал свой провал и счел долгом «оповестить о своей отставке и передать руководство партией тем, кто получит полное доверие и будет отвечать необходимым условиям своей самоотверженностью и духом самопожертвования» [цит. по: 99, 1935, № 5, стр. 296—297]. 13 апреля 1935 г. «с согласия заинтересованных

правительств» Шадли Хайраллах на итальянском гидроплане вылетел в Рим. Здесь он поселился в качестве частного лица «по мотивам, которые, как писала одна французская газета, не были исключительно политическими, а, как говорят, и сентиментальными» [там же, № 12, стр. 725].

В который раз разгромив новодестуровское движение, Пейрутон не обрел желанного успокоения умов. Еще не стихли дестуровские волнения, как публику захватили перипетии суда над тунискими социалистами. 9 апреля 1935 г. после различных проволок начался процесс по делу газеты «Тюнис-социалист», закрытой еще 10 сентября 1934 г. На скамье подсудимых находились лидеры Тунисской федерации СФИО — Дюран-Анльивьель, Коэн-Хадрия, Серж Моатти и Ив Фэвр. К неудовольствию властей, на процесс в качестве адвоката прибыл депутат французского парламента, один из лидеров СФИО и будущий президент Французской республики Венсан Ориоль. 30 апреля суд приговорил Дюран-Анльивьеля к двум месяцам тюремного заключения и штрафу, остальных — к одному месяцу тюрьмы и штрафу.

Еще бóльшую опасность для властей представляла возросшая активность туниских коммунистов. Правая печать с тревогой писала о формировании в Тунисе «социалистического, коммунистического, дестуровского фронта» [там же, № 2, стр. 100], который действительно пробивал себе дорогу на почве общих преследований и общей борьбы против Пейрутона. Сентябрьские репрессии не привели к ликвидации возродившейся коммунистической партии. Более того, в период репрессий значительно выросло ее влияние, обновился ее руководящий состав. В начале 1935 г. в Тунис вернулся Али Джерад — профессиональный революционер, выходец из крестьян, начавший свою революционную и трудовую жизнь в среде пролетариата. Сразу же по возвращении он активно включился в антиимпериалистическую борьбу, возглавив нелегальные организации коммунистической партии. В Тунисе, Бизерте и других городах страны коммунисты распространяли листовки и нелегальные издания. Освобождаясь от сектантского прошлого, они развернули широкую пропаганду в массах и вышли далеко за рамки чисто профсоюзных кругов. Они отказались от тотального предубеждения против Нового Дестура и внимательно следили за политическим развитием этой партии. В апреле 1935 г. коммунисты приветствовали крах III Политбюро и рассматривали отъезд Хайраллаха «как важный этап в антиимпериалистическом движении туниских трудящихся» [107, 20.IV.1935]. Сразу же после этого они обратились с письмом к Новому Дестуру, предлагая «совместные действия для достижения следующих требований:

- 1) возвращения ссыльных и освобождения заключенных;
- 2) отмены специальных декретов;

3) свободы печати, профсоюзных и политических организаций, собраний и демонстраций, помощи трудящимся города и деревни;

4) обеспечения семей погибших во время демонстрации 4 сентября 1934 г.» [107, 23.IV. 1935].

В апреле власти обрушились на коммунистическое подполье. Около 120 трудящихся, подозреваемых в связях с коммунистами, были вызваны в Сюрте (французскую службу безопасности) и подвергнуты там перекрестному допросу. 30 апреля полиция арестовала пятерых руководителей тунисских коммунистов — Али Джерада, Мухаммеда Джерада, Али бен Хатиру, Куаса и Лариши. Они обвинялись в том, что «призывали население нарушать законы страны, подрывали общественный порядок и дискредитировали правительство» [107, 13.V. 1935].

Несмотря на арест руководителей, коммунистическая партия продолжала свою деятельность. 28 мая 1935 г. власти арестовали еще одну группу коммунистов, в том числе Аззопарди и Витиело. Однако по всей стране продолжали распространяться коммунистические листовки. Летом 1935 г. в Тунисе издавалась газета «Веритэ» — «орган социальной и национальной борьбы за Тунис», в которой печатались материалы от имени Центрального комитета Тунисской коммунистической партии [99, 1935, № 10, стр. 599—600].

Можно смело сказать, что в этот период коммунистическая партия Туниса была наиболее стойкой антиимпериалистической силой в стране и именно к ней были обращены надежды всего революционного подполья. Откликаясь на призыв коммунистов, новодестуровские активисты устанавливали деловые контакты с представителями коммунистической партии. В ряде случаев эти контакты заходили так далеко, что дестуровское движение после отъезда Хайраллаха, с беспокойством отмечалось в журнале «Африк франсэз», «рискует стать коммунистическим» [там же, № 5, стр. 297].

Пейрутон решил во что бы то ни стало помешать этому. Прежде всего ему надо было усилить недоверие между арестованными руководителями Нового Дестура и компартии. Пейрутон знал, в каких тяжелых условиях содержались заключенные. Ему были известны периоды душевных спадов, которые временами охватывали людей, оторванных от друзей и близких и брошенных без суда и следствия в опаленные солнцем сахарские лагеря. Он знал также, что неоправданные льготы одним заключенным вызвали подозрение других. На этом и решил сыграть Пейрутон, сделав не очень сложный и не очень красивый ход в тюремно-политической игре.

В начале лета 1935 г. в минуту слабости заключенные решили написать коллективное письмо, в котором ходатайствовали о помиловании и в случае освобождения обещали не

заниматься политикой. Бургиба некоторое время возражал. Все же, пишет Ф. Гарас, наступил мучительный момент. «Товарищи умоляли вождя вернуть им свободу. После упорного сопротивления, одновременно исполненного презрения и жалости, Бургиба подписал письмо, оговорив, что протокол, заверенный ими всеми, будет констатировать его несогласие» [54, стр. 85]. Наконец, письмо было отправлено. Спасая свое лицо, заключенные адресовали письмо не генеральному резиденту Франции, а одному из министров бея, каковым формально, в силу договоров, являлся тот же Пейрутон. Прошло несколько недель, а ответа не было. Заключенные поняли, что их надеждам не суждено было сбыться. В это время, 3 сентября 1935 г., власти освободили Мухаммеда Бургибу⁷ и группу руководителей туниских коммунистов [см.: 99, 1935, № 10, стр. 599—600].

Однако освобождение коммунистов было просто мошенничеством. 13 сентября были вновь арестованы Али Джерад, Мухаммед Джерад, Куас и другие — всего пять человек. 19 сентября было объявлено о ссылке на военные территории Валенси, Заны, Бисмута-Зарки, находившихся в заключении с 3 сентября 1934 г. [там же]. В этом свете амнистия коммунистов предстает как самая откровенная провокация и гнусный обман. Но как бы то ни было, а дело было сделано.

Осенью 1935 г. Новый Дестур отказался от всякого соглашения и сотрудничества с компартией [там же, стр. 601]. Это, естественно, привело его к еще большему сближению с СФИО, с которой у руководителей Нового Дестура существовали традиционно дружественные отношения.

Несмотря на срывы и взаимное недоверие, все антиимпериалистические партии Туниса продолжали самоотверженную борьбу против полицейско-бюрократического режима Пейрутона. В начале октября 1935 г. сформировалось IV Политбюро Нового Дестура. Во главе его находились Аллала Лауити, Насер бен Аммар, Тайеб бен Аммар и Хасуна аль-Каруи. В октябре по всей стране широкое распространение получил манифест IV Политбюро. 10 ноября за подпольную деятельность и попытки возродить «коммуно-дестуровские» волнения были арестованы и высланы на Юг руководители IV Политбюро [там же, № 12, стр. 725—726]. Тогда образовалось V Политбюро Нового Дестура во главе с Нуреддином Заушем, за-

⁷ Отчаявшись в благополучном исходе коллективного прошения, Мухаммед Бургиба, старший брат генерального секретаря Нового Дестура, написал отдельное письмо Пейрутону, в котором почтительно ходатайствовал о помиловании, осуждал свое политическое прошлое и заранее разрешал ему опубликовать письмо [см.: 99, 1935, № 10, стр. 599]. Хотя, по выражению Ф. Гараса, «это было не очень элегантно ни с той ни с другой стороны, Пейрутон пошел на это, и заключенные узнали о случившемся из „Депеш тюнизьен“. Халиб Бургиба был в состоянии полного отчаяния и заболел» [см.: 54, стр. 87].

тем VI Политбюро. Несмотря на систематические репрессии и провалы, несмотря на значительный урон в кадрах, Новый Дестур возродился все вновь и вновь. «Он из тех убитых, которых надо убивать»,— писала в декабре 1935 г. газета «Прогрэ де Тунис» [цит. по: 99, 1936, № 3, стр. 151]. После ареста VI Политбюро в конце 1935 г. образовалось VII Политбюро Нового Дестура.

Опорную борьбу продолжали тунисские коммунисты. Преодолевая сектантство, они настойчиво выступали за единство действий дестуровцев, коммунистов, социалистов и беспартийных. VIII съезд ФКП 24 января 1936 г. принял специальную резолюцию, в которой солидаризировался с антиимпериалистическим движением в колониях и, в частности, приветствовал тех, кто «выслан на тунисский Юг» [107, 26.I. 1936]. В своей практической деятельности коммунисты поддерживали лозунги, общие для всего революционного движения в Тунисе. «Освобождение заключенных и ссыльных,— писала 4 марта 1936 г. „Юманите“,— дарование демократических свобод в регентстве, немедленное отзывание Пейрутона — вот чего хотят народы Франции и Туниса!»

В середине февраля 1936 г. в Тунисе были арестованы и высланы в Бордж-Лебёф коммунисты Морис Сфез и Эжен Бессис. 17—24 февраля Пейрутон организовал процесс над группой молодых пропагандистов, обвинявшихся в распространении коммунистических листовок. Главный обвиняемый Адда был приговорен к восьми месяцам тюремного заключения [107, 26.II. 1936].

7 февраля 1936 г. за публикацию антиправительственных статей был арестован и выслан во Францию Серж Моатти — один из редакторов запрещенной «Тунис-социалист». 29 января 1936 г. Апелляционный суд Алжира отклонил протест СФИО по поводу незаконности закрытия этой газеты. Накануне суда «Попюлер» писала: «Но что бы он ни сказал и каков бы ни был его приговор, мы не перестанем требовать головы г-на Пейрутона. Если сегодняшнее правительство не может или не хочет этого сделать, то этим займется правительство, которое появится в результате предстоящего решения избирателей» [цит. по: 99, 1936, № 3, стр. 151].

По всему Тунису действовали агитаторы — дестуровцы, социалисты и коммунисты. Они поддерживали в массах готовность к возобновлению борьбы с правительством протектората и использовали малейший повод для разоблачения политики Пейрутона. 7 февраля 1936 г. правительство опубликовало декрет, который ставил в качестве основного условия для поступления тунисцев на государственную службу знание французского разговорного языка [там же, стр. 153]. Этот декрет, естественно, вызвал особое негодование среди талемов Аз-Зитуны. Они бросили занятия и 22 февраля 1936 г. вышли

на улицы. Учащихся поддержали торговцы, рабочие и ремесленники. Забастовал тунисский сук [107, 25.II.1936]. 22—23 февраля в различных пунктах города происходили демонстрации. Манифестанты несли портреты высланных лидеров Нового Дестура. Появился лозунг «Тунис — тунисцам!». Повсюду завязывались столкновения с полицией и войсками. Десять учащихся были ранены, один убит; свыше ста человек было арестовано. «Надо опасаться,— писала „Юманите“ 4 марта 1936 г.,— что это только часть истины».

Тяжелые беспорядки имели место также в Сфаксе, Бизерте, Мокнине. В Кайруане, Сусе и Ксар-Хеллале произошли демонстрации и столкновения со службой порядка. 29 февраля в Ксар-Хеллале были введены части Иностранного легиона [см.: 99, 1936, № 3, стр. 153]. Даже политические единомышленники Пейрутона оценивали ситуацию весьма пессимистично. «Положение в Тунисе,— отмечалось в мартовском номере журнала „Африк франсэз“,— остается очень беспокойным и неустойчивым. Малейшая искра может вызвать пожар, который сегодня ограничивает и предотвращает сила репрессий, но вспышку которого она не может полностью предупредить» [там же, стр. 154]. У правых явно начинали сдавать нервы. «Недостаточно смотреть, надо видеть»,— с раздражением писала 14 марта 1936 г. колониальная газета «Тюнизи франсэз» [см.: там же, стр. 135].

Столь же неблагоприятно для правых складывалась ситуация и во Франции. Набирал силу Народный фронт. 22 января 1936 г. ушло в отставку правительство Лавалля. Вместе с роспуском фашистских лиг и военизированных националистических отрядов это означало, что в Париже начался явный крен влево. Он и решил судьбу резидента-сатрапа. «Быть может, Пейрутону,— меланхолично пишет А. Камбон,— все же удалось бы подавить агитаторов. К несчастью, 21 марта 1936 г. он был назначен резидентом в Марокко» [43, стр. 237].

Кризис режима. Неудача Пейрутона заключалась прежде всего в том, что он шел против времени. Его административный талант, энергия и воля были поставлены на службу интересам, которые покидали историческую сцену. Его идеи и принципы изживали себя.

Социальная, политическая и экономическая система протектората в том виде, в каком она была создана при Жюле Ферри и Камбоне, была поражена в своих самых фундаментальных основах. Мировой экономический кризис со всей очевидностью проявил это и показал, что всесторонний кризис режима протектората по сути дела являлся лишь конкретным проявлением и отражением общего кризиса капитализма.

Пейрутону в какой-то мере удалось пресечь разрушительное воздействие мирового экономического кризиса на народное хозяйство Туниса, но ему не удалось главное — возродить к

прежней жизни пораженный кризисом организм колониальной экономики. В этом плане кризис не прошел бесследно. Необратимый процесс парализовал целый ряд каналов, которые прежде питали и стимулировали развитие колониального предпринимательства.

Прежде всего следует отметить, что начиная с 1932—1934 гг. практически приостановилась французская иммиграция в Тунис и — что еще более существенно — прекратилась сельскохозяйственная колонизация как широкое переселенческое движение. «Мираж переселенческой колонизации» потускнел и, как пишет Жан Понсэ, «без всякого шума исчез из пропагандистских работ» [83, стр. 322]. Если отвлечься от конъюнктурных колебаний, то площадь европейского землевладения стабилизировалась где-то на уровне 750 тыс. га, а количество европейских колонистов — 3—4 тыс. семей⁸. «Для колонизации и для французских властей, — подчеркивает Ж. Понсэ, — проблема земли и заселения перестала быть основной проблемой» [83, стр. 321]. На первый план выдвинулись вопросы стабилизации и консолидации. Вместо национальных и демографических забот, отмечает тот же Ж. Понсэ, французскую колонизацию стали тревожить вопросы технического и финансового порядка. Это исключительно важный и многозначительный факт, особенно если учитывать, что ранее Тунис рассматривался как одна из возможных переселенческих колоний, где предполагалось создать, по словам П. Бурда, «многочисленное население французского происхождения» [см.: 84, стр. 79]. Все это, вместе взятое, означало, что Тунис — если исходить из представлений пионеров колониальной политики — утратил для Франции свое значение как переселенческая колония, как резервуар земель и естественных ресурсов для населения метрополии.

Другой не менее существенный факт заключался в том, что Тунис утратил свою привлекательность как сфера приложения французского частного капитала из метрополии. В 1934 г. французские частные капиталовложения в Тунисе исчислялись в 1116,4 млн. фр. Они распределялись между 146 компаниями, капитал которых (в акциях и облигациях) «принадлежал почти полностью финансовым кругам метрополии и лишь в незначительной части французской буржуазии, осевшей в Тунисе» [20, стр. 62]. Эти сотни миллионов франков, отмечает Поль Себа, «с громадной выгодой» были вложены в горную промышленность, в сельское хозяйство, в обрабатывающую промышленность, частично в транспорт и в предприятия комму-

⁸ По различным данным, в 1937 г. земельная собственность европейцев составляла 724,7 тыс. га; в 1946 г. — 770,5 тыс.; в 1949—1950 гг. — 756,8 тыс. га. Включая арендуемые земли, площадь колониистских хозяйств составляла 800—850 тыс. га [см.: 20, стр. 50—51; 83, стр. 330]

нального обслуживания⁹. Однако с началом мирового экономического кризиса поток частных капиталовложений стал катастрофически сокращаться. Финансовые магнаты потеряли интерес к Тунису. «Капиталы,— констатировал Пейрутон в речи на Имперской конференции 1935 г.,— не поступают более ни из Франции, ни из других мест». Это подрывало не только платежный баланс страны, но также — чего больше всего боялись в правительстве протектората — живую связь с Францией, изменяло самый характер взаимоотношений между Тунисом и Францией. В конечном счете это ослабило интерес к французскому господству в Тунисе со стороны правящих кругов метрополии и вызвало настоящую панику среди колонистов Туниса. «Я не драматизирую,— восклицал Пейрутон в той же речи 7 февраля 1935 г.— Никто в Тунисе не драматизирует. Но я говорил со всеми членами тунисской делегации, что если этот порядок не изменится, то Тунис будет потерян» [99, 1935, № 3, стр. 194].

Однако ни прозорливости Пейрутона, ни тем более его искреннего беспокойства за судьбу французского протектората в Тунисе было далеко не достаточно, чтобы возродить у французских денег интерес к Тунису. Французский частный капитал с какой-то апатией удерживал те позиции, которые он захватил в докризисный период, и не проявлял ни малейшего желания к дальнейшей экспансии. Опустив руки, французский финансовый мир безвольно уступал предпринимательскую инициативу местной европейской буржуазии и ограничивался вялой поддержкой своих старых предприятий. «Начиная с 1930 г.,— следует напомнить очень важный вывод Самира Амина,— в Алжире и Тунисе самофинансирование европейского сектора практически полностью заменило финансирование за счет нового иностранного капитала» [31, стр. 112].

Среди прочего это имело двойного рода последствия.

С одной стороны, существенно замедлились темпы экономического развития. Постепенно они начали отставать от бурного роста населения. За всю оставшуюся историю протектората производство на душу населения никогда больше не достигало уровня 1925—1929 гг. В ряде ведущих отраслей, в частности в сельском хозяйстве, наметилось вполне определенное падение производства на душу населения.

С другой стороны, это вело к усилению самостоятельности местной европейской буржуазии и создавало в ее среде вполне определенные предпосылки для развития местнических тенденций. Расхождение в подходе к тунисской проблеме, наметившееся еще в 20-х годах, в новых условиях переросло в кризис доверия между французской колонией в Тунисе и

⁹ Количество акционерных обществ и распределение капитала по отраслям см. 20, стр. 62.

метрополией. Это стало особенно ясно в середине 30-х годов. Среди колонистов возникли вполне реальные опасения, что французское правительство рано или поздно оставит их на произвол судьбы. На этой почве стали произрастать сепаратистские тенденции, стремление если не отделиться от Франции, то по крайней мере действовать самостоятельно от парижских инстанций.

Одним из наиболее ярких проявлений кризиса режима протектората было обострение политической борьбы и состояние перманентной политической нестабильности. Сентябрьское полувосстание 1934 г. и последовавшие затем события показали полную неспособность режима найти положительные ответы на новые запросы времени, порожденные социальным и политическим развитием страны. Национализм получал все более широкое распространение и стал среди мусульманской публики, особенно среди учащейся молодежи, своего рода признаком хорошего тона. Национальное самосознание постепенно вытесняло традиционную ксенофобию масс и питало революционные настроения в Тунисе. При замедлении темпов экономического развития, ведущих к обострению социальных противоречий в стране, это создавало подлинно революционную ситуацию, когда жажда перемен приобретала всеобщий характер.

Во всех слоях общества росло убеждение, что дальше все оставаться по-старому не может. Все увеличивавшаяся тяга к новому базировалась на крушении старого мира, всей прежней системы экономических, политических и общественных связей. Моральный кризис мусульманского общества, начавшийся в конце 20-х годов, принимал все более упаднический характер. Старые моральные ценности почти повсеместно утратили свою былую силу и привлекательность. Новые были еще достоянием немногих. Все это создавало атмосферу моральной эклектичности, общественного разложения и гражданской безответственности. Коррупция царила повсюду, вплоть до бейского окружения и членов Большого совета. Использование служебного положения, взяточничество, семейственность, синекуры и противозаконные раздачи теплых местечек — все эти, используя выражения Ж. Берка [40], «реакционные формы энергии» [стр. 42] процветали на всех ступенях бейской администрации. И побороть их были не в силах ни жалобы населения, ни французские законы и суды. На дно человеческого существования опускалось все большее число жертв происходившего социального переворота. «Старики,— писал Жак Берк,— просят милостыню. Дочери продаются. Сыновья — мойщики, чистильщики обуви, рассыльные, молодцы на все руки — становятся „йауледами“»¹⁰ [стр. 371]. Опош-

¹⁰ «Йа улед» — «Эй, парень!»

лялись идеалы и представления о человеческом достоинстве. «Большие чувства,— отмечал тот же Ж. Берк,—искреннюю приверженность, всякое благородство и даже сам язык считалось нужным охамить» [стр. 373].

Первую попытку найти выход из кризиса, охватившего режим протектората, представляла собой политика Народного фронта. В его программе был сформулирован тезис: «Создание парламентской комиссии для изучения политического, экономического и морального положения на французских заморских территориях, в частности во Французской Северной Африке и Индокитае» [107, 11.1.1936]. При всей своей скромности и неопределенности этот тезис отражал главное: необходимость искать мирный и гуманный выход из создавшегося положения.

НАРОДНЫЙ ФРОНТ В ТУНИСЕ

Арман Гийон. Начало разрядки. Новым генеральным резидентом Франции в Тунисе был назначен Арман Гийон — чиновник, имевший репутацию человека либеральных взглядов. Он был известен в левых кругах, так как по долгу службы находился с ними в постоянном контакте. Некоторое время он возглавлял комитет социальной гигиены в департаменте Сена, а непосредственно перед назначением в Тунис был префектом пролетарского угольно-металлургического департамента Нор — вотчины СФИО, где ему постоянно приходилось иметь дело с лидерами рабочего движения. В отличие от Пейрутона он не имел опыта колониальной работы, и это сразу же насторожило буржуазно-колониалистские круги. «Видный администратор, — писал о нем А. Камбон, — он плохо разбирался в заморских людях и вещах» [43, стр. 237]. Европейскую буржуазию Туниса неприятно поразило то, что, получив назначение, Арман Гийон не выразил по обычаю своей солидарности с предшественником. Он явно ориентировался на демократические круги французской общественности. Выезжая в Тунис, он счел своим долгом заявить, что в согласии с правительством он прежде всего примет меры помилования и будет добиваться разрядки напряженного положения в стране.

16 апреля 1936 г. Арман Гийон прибыл в Тунис и сразу же приступил к проведению новой политики. 22 апреля генеральная резиденция объявила об амнистии 65 лидеров национально-освободительного движения. 25 апреля были ликвидированы концентрационные лагеря в Бордж-Лебёфе и Ремаде. Находившиеся в них Матри, Бургиба, Гига, Салах бен Юсеф и другие лидеры Нового Дестура, руководители Тунисской коммунистической партии, Мухиэддин Клиби и некоторые его коллеги по Старому Дестуру были переведены на жительство в Габес и на о-в Джерба. Были освобождены и вернулись домой талебы Аз-Зитуны и другие участники демонстраций 22—23 февраля 1936 г. Социалистическому журналисту Сержу Моатти было разрешено возвратиться в Тунис. Начался пересмотр различного рода дисциплинарных санкций, принятых в отношении многих тунисских служащих за участие

в национально-освободительном движении. 25 апреля возобновили занятия учащиеся Аз-Зитуны. По всему Тунису распространились надежды на перемены к лучшему.

Меры помилования были первым признаком начавшейся оттепели. На парламентских выборах 26 апреля—3 мая 1936 г. партии Народного фронта, выступавшие под триединым лозунгом «Хлеб, мир, свобода», одержали полную победу. Социалисты, коммунисты, радикалы и другие левые группы получили в общей сложности 393 мандата, или 64% всех мест в палате депутатов. Перспектива создания левого правительства придала Гийону дополнительную решимость. Действуя, как всегда, со скрупулезной осторожностью, Гийон во время своей первой поездки по Тунису вступил в контакт с лидерами национально-освободительного движения. Он добился от них обещания сотрудничать с властями в деле нормализации обстановки¹ и вслед за этим начал освобождать одну группу политических заключенных за другой—коммунистов, новодестуровцев и других участников антиимпериалистического движения. 23 мая 1936 г. была освобождена последняя группа лидеров Нового Дестура, которым было разрешено вернуться домой.

Однако освобождение заключенных обставлялось целым рядом оговорок. Как отмечалось в коммюнике для печати, освобождение политических ссыльных носило «временный» характер и не должно было означать «никаких отклонений от действующих законов». Полная и легальная амнистия всех политических заключенных была объявлена значительно позднее, 16 сентября 1936 г., на основании французского закона об амнистии от 11 августа 1936 г.

Одновременно с освобождением политических заключенных Арман Гийон снял все ограничения с демократической печати. 17 мая 1936 г. возобновился выход газеты «Тюнис-социалист». После почти двухлетнего перерыва было разрешено ввозить и распространять на территории Туниса «Юманите», «Попюлер», «Пёпель» и другие левые газеты Франции.

Победные полосы демократической печати развеяли завесу молчания и явочным порядком привели к восстановлению демократических норм в общественно-политической жизни Туниса. Одно за другим открывались помещения ранее распущенных партий, возрождались партийные организации. С огромным воодушевлением массы встречали политических ссыльных, окруженных ореолом мучеников за народное дело. По пути их следования возникали стихийные митинги. Энту-

¹ 14 мая 1936 г. в газетах было опубликовано заявление ссыльных лидеров Нового Дестура о том, что они «заботятся об общих интересах, оказывают полное доверие представителю Франции в проведении либеральной и гуманной политики и что они готовы внести свой вклад в эту работу» [цит. по: 80, стр. 203].

зиязм народа преодолел сдержанность властей. 24 мая 1936 г. около 100 тыс. человек загрохотали улицы столицы, приветствуя триумфальное возвращение Хабиба Бургибы. Перед зданием Политбюро Нового Дестура Бургиба произнес речь, в которой под гром аплодисментов заявил, что «нашей целью всегда является независимость Туниса» [107, 6.VI. 1936]. С утра 25 мая людской поток устремился к дому Махмуда Матри. Десятки тысяч людей с развернутыми национальными знаменами прошли под окнами председателя Нового Дестура, непрерывно скандируя: «Да здравствует свободный и независимый Тунис!». 26 мая столица, особенно арабские кварталы, была празднично украшена. Люди обнимали друг друга и поздравляли с долгожданной свободой. Под радостные крики возбужденной толпы в Тунис вступал ликующий Народный фронт.

Народное объединение Туниса. 4 июня 1936 г. Леон Блюм сформировал первое коалиционное правительство Народного фронта с социалистическим руководством. Оно включало радикал-социалистов и пользовалось широкой поддержкой Французской коммунистической партии. Проблемы Северной Африки занимали если не главное, то достаточно важное место в его работе. Для управления подмандатными территориями Леванта и протекторатами в правительстве было создано специальное ведомство во главе с Пьером Вьено, который вошел в кабинет в ранге заместителя министра иностранных дел. Это был, говорит Ш.-А. Жюльен, «один из наиболее здравомыслящих министров Третьей республики» [63, стр. 85]. Он был искренним патриотом и стойким антифашистом, впоследствии отдавшим свою жизнь в борьбе за идеалы свободы. Вместе с тем Вьено был большим специалистом и знатоком Северной Африки, долгое время служил в Марокко. По мнению Ж. Берка, он сочетал уроки маршала Лиотэ с учением Л. Блюма. На одном из официальных завтраков в июле 1936 г. к недоумению заурядных колонизаторов, он процитировал слова Лиотэ: «Мы должны быть созидателями освобождения, которое отныне должно происходить под нашей опекой, но с пользой для нас» [см.: 40, стр. 279].

Одновременно была реорганизована деятельность другого правительственного органа по Северной Африке — Высшего средиземноморского комитета при председателе совета министров, которому, начиная с 1935 г., поручалось предварительное изучение и координация мусульманской политики правительства. На пост генерального секретаря этого комитета Леон Блюм назначил крупного французского историка и одного из видных функционеров СФИО Шарля-Андре Жюльена. Как историк и политик, сочувствовавший освободительной борьбе колониальных народов, Жюльен имел много друзей в общественно-политических кругах Магриба, в молодости приветствовал установление Советской власти в России и на всю жизнь

сохранил теплые воспоминания о В. И. Ленине. Говоря о его назначении, Берк пишет, что «это явилось залогом подготовки и демократического начинания на будущее» [40, стр. 280].

В своих первых шагах правительство Блюма исходило из программы Народного фронта. Она была результатом компромиссного соглашения между левыми партиями Франции, имевшего своей целью «мобилизацию трудящихся масс на борьбу с фашизмом» [8а, стр. 32]. При этом многие разногласия, в том числе по колониальному вопросу, были временно сняты, и все партии Народного фронта обязались следовать единой согласованной программе. В национально-колониальном вопросе, как уже отмечалось, она предусматривала создание парламентских комиссий для изучения политического, экономического и морального положения в колониях. Эта программа, отмечал в своем докладе на пленуме ЦК ФКП 25 мая 1936 г. Морис Торез, «не предусматривает ни эвакуации колоний, ни освобождения колониальных народов» [107, 29.V. 1936]. 20 мая 1936 г. в Париже с участием представителей всех партий Народного фронта состоялось собрание Ассоциации защиты и освобождения колониальных народов. На этом собрании ассоциация решила предложить правительству провести следующие мероприятия: общую амнистию всех жертв борьбы за свободу; предоставление демократических свобод; признание независимости и единства сирийского народа [107, 30.V. 1936].

Таким образом, если не считать Сирии, то программа Народного фронта не предусматривала решения национально-колониального вопроса. В отношении Северной Африки она по существу ограничивалась демократизацией общественно-политической жизни и проведением здесь социально-экономических преобразований. Отказ от решения национально-колониального вопроса в странах Магриба был одним из наиболее слабых мест в программе Народного фронта и объективно был чреват серьезными осложнениями, особенно если учесть ту роль, которую сыграло Марокко в судьбах республиканской Испании.

К счастью для Народного фронта, ведущие политические силы Туниса, Алжира и даже Марокко в это время ориентировались на французскую демократию. У Нового Дестура в правительстве было много политических друзей и союзников, а Бержери и Ш.-А. Жюльен являлись личными друзьями Бургибы. Между ними установились отношения, основанные на широком взаимопонимании. Не отказываясь от своего националистического идеала, Бургиба и Матри выступили в поддержку политики Народного фронта. Они постарались сделать все, чтобы облегчить первые шаги правительства Блюма. 10 июня 1936 г. состоялось чрезвычайное заседание Национального совета партии Новый Дестур. Оно недвусмысленно

высказалось за политику сотрудничества с Народным фронтом. В своей резолюции Национальный совет, констатируя верность Декларации 1933 г., вместе с тем выразил доверие «Народному фронту во Франции, поскольку он способствует установлению в колониях и странах протектората нового режима, режима свободы и справедливости, помогая моральному и материальному подъему колонизованных народов и постепенно ведя их к своему освобождению» [85, стр. 3].

Позиция Нового Дестура в значительной мере облегчала консолидацию Народного фронта в Тунисе. Победа французских трудящихся была отпразднована на массовом митинге в Гамбетта-парке 14 июня 1936 г. В нем приняли участие рабочие столичных предприятий, молодежь, женщины, бывшие фронтовики, представители антифашистских организаций. Пришли грузчики из порта во главе с Али Каруи — одним из сподвижников Мухаммеда Али, который незадолго перед этим вернулся из Египта на родину. С пением Интернационала и криками «Soviets partout!» («Советы везде!») пришла колонна коммунистов и членов общества «Друзья СССР». Руководили митингом, на который собралось около 15 тыс. трудящихся, в том числе 6 тыс. арабов [107, 19.VI. 1936], представители Тунисской федерации СФИО. Гремели рабочие духовые оркестры, развевались национальные флаги Франции и Туниса. Тысячи рук с поднятым вверх кулаком символизировали решимость трудового Туниса отстаивать идеалы свободы, равенства и братства.

После страстных речей (от компартии выступал Хасан Саадауи) участники митинга горячо поддержали предложение об образовании Народного объединения Туниса и утвердили его Региональный комитет. В него вошли представители Тунисской федерации СФИО, радикал-социалистической партии, Тунисской коммунистической партии (ТКП), объединенной ВКТ, бывших фронтовиков, Лиги прав человека и гражданина, Лиги женщин за мир и свободу и других демократических организаций. Новый Дестур энергично поддержал создание Регионального комитета. Правда, в дальнейшем он не вошел в его состав. Можно полагать, что Коэн-Хадриа и некоторые другие руководители Тунисской федерации СФИО отнюдь не стремились расширять Народное объединение за счет Нового Дестура. К тому же среди националистов многие не доверяли европейской демократической общественности и совсем не были убеждены в необходимости прочного союза с демократической Францией.

Вслед за митингом в Гамбетта-парке аналогичные собрания произошли в Сусе, Набёле, Сфаксе, Бизерте, Кайруане и других местностях Туниса. На них создавались местные (или «региональные») комитеты Народного объединения, ставшие организационной формой Народного фронта в Тунисе. Как и

во Франции, все партии, входившие в Народный фронт, сохраняли свою самостоятельность. Однако, объединяя трудящихся без различия языка, веры и политической философии на базе платформы Народного фронта, они сплачивали их в борьбе за новую, демократическую политику. В Тунисе они явились главной опорой Армана Гийона в проведении социально-экономических и демократических преобразований.

Восстановление демократических свобод. Демократические свободы в Тунисе возродились как-то сами собой, без всякой предварительной подготовки и сразу же после амнистии и победы Народного фронта. Все сдерживающие начала неожиданно рухнули. Никто ничему не препятствовал. Исчезла былая скованность печати. Люди в полный голос выражали свои мысли и настроения. Организовывались партийные клубы, созывались митинги и собрания. Растерянная администрация не знала, как ей быть, и ничего не предпринимала. Рене Тьерри, генеральный секретарь тунисского правительства с 1933 г., ушел в отставку. Другие остались на своих местах, но обнаружили, что придерживаются различных политических убеждений. Все были уверены, что страна находится на пороге больших перемен. «В массах,— писал журнал „Африк франсэз“,— с их более упрощенной и непосредственной реакцией старые инстинкты раззии² и джихада выливаются в насилия всякого рода» [99, 1936, № 7, стр. 370].

В первое время, пока Тунис осваивался с необычной для него ситуацией, инициатива шла из Парижа. 12 июля 1936 г. Арман Гийон объявил, что по поручению французского правительства он приступил к разработке нового законодательства, «имеющего целью, с одной стороны, увеличить общественные свободы, с другой — реформировать режим печати» [там же, № 8—9, стр. 468]. Наконец, 11 августа правительство протектората обнародовало пять декретов об общественных свободах, датированных 6 августа 1936 г.

Один из этих декретов отменял все прежние ограничения печати, устанавливал полное равенство перед законом между арабскими и французскими газетами и распространял на Тунис соответствующее законодательство метрополии. «Всякая газета или вообще периодическое издание,— говорилось в ст. 5 этого декрета,— могут издаваться без предварительного разрешения и без внесения залога» [20, стр. 230]. Декрет 6 августа 1936 г. об общественных собраниях провозглашал полную свободу любых публичных собраний. Отменялась обязанность брать предварительное разрешение. Отныне было достаточно простого уведомления властей о намерении провести политическое или религиозное собрание. В некоторых случаях власти

² Раззия (от арабск. «газу, газия») — грабительский набег с целью захвата стад и другого имущества.

сохраняли за собой право запрещать те или иные собрания. Декрет об ассоциациях также отменял предварительное разрешение на образование политических партий, организаций, культурных, спортивных и других обществ. Однако все вновь создаваемые организации обязывались информировать правительство о своем возникновении с приложением устава и целей ассоциации. Они признавались имеющими «легальное существование» лишь после того, как их устав получал визу генерального секретаря тунисского правительства. Остальные декреты 6 августа 1936 г. гарантировали свободу личности и ее права. В частности, упразднились декреты об административной высылке и взятии тунисцев под надзор полиции [см.: 20, стр. 227—232; 99, 1936, № 8—9, стр. 468—470].

Августовские декреты 1936 г. вводили в Тунисе полную свободу слова, печати, митингов и демонстраций. Они легализовали также все демократические и национальные партии независимо от их политической окраски и ориентации. В комюнике генеральной резиденции об обнародовании декрета об ассоциациях специально уточнялось, что его действие распространяется на все фактически существующие партии и группировки. Таким образом, ТКП, Новый Дестур и другие распущенные организации признавались законом и получали право на легальную деятельность.

Режим неограниченной демократии предоставлял равные права и возможности для всех политических партий и группировок. Единственное исключение было сделано для фашистов. Декреты 1936 г. не предоставляли им никаких демократических прав и свобод. В ст. 15 декрета об ассоциациях говорилось, что будут распускаться те организации, «которые вызывают вооруженные манифестации на улице или которые, кроме упорядоченно созданных обществ допризывной военной подготовки, спортивных и физкультурных обществ, по своей форме и по своей военной организации представляют боевые группы или частную милицию» [99, 1936, № 8—9, стр. 470].

Демократические свободы в условиях победы Народного фронта вызвали резкий подъем политической активности масс. Майско-июньские дни 1936 г. явились мощным ускорителем политического развития тунисских рабочих и крестьян. Присмирившие буржуа и колонисты временно затаились, кляня «интеллектуалов» и «горстку индивидов, неспособных понять, что такое работа правительства» [43, стр. 238]. Не скрывая своих чувств, буржуазно-колониетский историк А. Камбон писал, что «ничто не может внушить большего отвращения к демагогии, чем спектакль, разыгранный в Тунисе в это время» [там же]. И действительно, политическое творчество масс, их непосредственное участие в политической жизни коренным образом изменили весь характер общественно-политических отношений. От пейрутоновской «свободы работать и молчать»

не осталось и следа. Весь Тунис митинговал. На заводах и в учреждениях, в деревнях и на стоянках бедуинов происходили сотни митингов и собраний. Тысячи людей с напряженным вниманием слушали политических ораторов; им аплодировали, их освистывали и прерывали. Принимались сотни резолюций по самым различным вопросам тунисской жизни. Появилась неистребимая потребность знать и самому разбираться во всем происходящем. Страну охватила неутолимая жажда информации. Тех 7—8 т печатной продукции, которые до этого еженедельно ввозились из Франции [40, стр. 385], далеко уже не хватало. Осенью 1936 г. в Тунисе издавалось свыше 100 периодических изданий — абсолютный рекорд для страны с населением в 2,6 млн. человек.

Возрождение дестуровского движения, СФИО и Тунисской коммунистической партии. Политизация масс создала исключительно благоприятную почву для деятельности политических партий. Дестуровское движение возродилось как важный фактор национальной жизни. Правда, в первое время в его рядах не было единства. Националистический небосвод озарила целая радуга из дестуров, отражавших все мыслимые оттенки политического спектра: новые (нео), твердые, старые (архео), младо, мягкие и т. п. [см.: 99, 1936, № 7, стр. 400]. Наряду с «Аксон тюнизьен» и другими новодестуровскими газетами с 25 июля 1936 г. стали выходить «Шарт тюнизьен», отражавшая взгляды стародестуровского руководства, и «Жён-тюнизьен», в которой выступал со своими статьями Тахар Лахдар, председатель II Дестура и член ряда подпольных политбюро. Вслед за ними на политической сцене вновь появился Шадли Хайраллах, который стал издавать свой «Вуа дю тюнизьен» в качестве «независимого еженедельника позитивной политики». Однако на этот раз голос Хайраллаха довольно глухо звучал на антиимпериалистических нотах. Хайраллах, по словам корреспондента «Африк франсэз», решил «принять более умеренную и конструктивную линию» [99, 1937, № 6, стр. 336] и вследствие этого не встречал широкой поддержки в массах.

Кроме националистов к трудящимся-мусульманам обращались также лидеры местной французской демократии. Многие из них проявляли чувства искреннего прозелитизма, рассчитывая на общность социальных и классовых интересов. Со своей программой решения тунисских проблем выступила местная секция партии радикалов и радикал-социалистов. 11—12 июля 1936 г. она опубликовала «план политического, экономического и социального возрождения», который, впрочем, не затрагивал основ режима протектората [см.: 99, 1936, № 8—9, стр. 473].

Основную роль дирижера и межпартийного координатора политики Народного фронта взяла на себя Тунисская федера-

ция СФИО. Опираясь на авторитет правительства Блюма и широкие связи среди европейского и мусульманского населения, тунисские социалисты фактически стали правительственной партией. «Тюнис-социалист» превратилась в полуофициоз правительства протектората и в течение почти двух лет выступала как главный адвокат и комментатор правительственной политики. В 1936 г. Тунисская федерация СФИО значительно пополнила и укрепила свои ряды, создала довольно активную молодежную организацию во главе с Хабибом бен Сламой и установила широкие контакты в демократических организациях. Нередко она выступала как арбитр среди партий Народного фронта, и вследствие этого равнодействующая их усилий зачастую приумножала ее собственный политический вес.

Важную роль в проведении политики Народного фронта играла ТКП. В апреле 1936 г. из ссылки вернулись Али Джерад, Хасан Саадауи и другие видные руководители тунисского коммунистического движения. Перед ними стояла очень трудная задача. В это время коммунисты, по существу, не имели единой национальной партии. Они действовали отдельными группами в столичном районе, районе Ферривиль — Бизерта, в Кайруане, Монастире и др.

Наиболее активной и многочисленной была группа коммунистов г. Туниса, работавшая в тесном контакте с ФКП. В конце апреля 1936 г. на собрании этой группы было избрано временное руководство — Секретариат партии во главе с Али Джерадом, который пользовался у коммунистов наибольшим авторитетом и имел немалый опыт политической работы.

Эта группа взяла на себя инициативу по созданию в стране коммунистической партии. Было решено начать подготовку к учредительному съезду, укрепить и сплотить местные организации. 31 мая 1936 г. Али Джерад и Хасан Саадауи объявили о восстановлении легальной деятельности Тунисской коммунистической партии, как она стала именоваться в партийных документах, листовках и печати. Возобновилось издание коммунистической газеты на французском языке «Авенир социаль». Постепенно восстанавливались связи партии с массой и с различными демократическими организациями.

В первое время руководители партии во главе с Али Джерадом и Хасаном Саадауи сделали упор на организационное и идеологическое укрепление ТКП, на расширение ее массовой базы и сплочение трудящихся в поддержку политики Народного фронта. В отличие от прежних лет коммунисты пошли на смелые контакты с различными антифашистскими и демократическими организациями. В период Народного фронта они полностью отказались от огульной оценки социал-демократии как «социал-фашизма», перестали рассматривать ее как «главную социальную опору буржуазии», а ее руководителей, говоря словами Г. М. Димитрова, как «сознательных

предателей рабочего класса» [97а, 1965, № 7, стр. 84]. Изменилось само содержание коммунистической политики. «Если раньше, — отмечается в кратком очерке истории Коммунистического Интернационала, — она преимущественно связывалась с задачей завоевания большинства рабочего класса для подготовки непосредственно к социалистической революции, то теперь ее содержанием была прежде всего антифашистская борьба» [9а, стр. 398].

Как французские, так и тунисские коммунисты в период Народного фронта расстались со многими тезисами, которые, по их мнению, уже не соответствовали новой обстановке и задачам антифашистского единства. Они со всей решительностью выступали в защиту демократии, республиканских институтов и тесных связей, объединявших Францию с народами колониальных стран. ФКП недвусмысленно отмежеввалась от позиции, как говорил М. Торез, «революционного пораженчества» и «безоговорочной поддержки восстаний колониальных народов» [97, 1941, № 1, стр. 35], которую она занимала в течение длительного времени — от конца первой мировой войны вплоть до 1934 г. В новых условиях ФКП боролась прежде всего «за создание фронта мира, за организацию коллективной безопасности и защиту социальных завоеваний и свобод народа от возможной атаки извне» [там же].

В условиях Народного фронта коренным образом изменилось отношение к социал-демократической части рабочего класса, к средним слоям и крестьянству. Резко обострились противоречия с троцкистскими и другими ультрареволюционными течениями. Именно в это время Финидори и другие левацкие элементы в коммунистическом движении Туниса окончательно порвали с ТКП. Их революционный романтизм и бланкистские тенденции, стремление работать главным образом в профсоюзах и опираться только на рабочий класс привели их к непониманию политики партии в период Народного фронта. Финидори даже обвинил коммунистическую партию метрополии в том, что, поддержав правительство Блюма и сняв лозунг об оставлении колоний, она якобы отказалась от выполнения своего интернационального долга по отношению к колониальным народам. Фактически группа Финидори целиком и полностью сомкнулась с левацкими элементами ФКП, которые в июле 1936 г. были сурово осуждены Морисом Торезом за их выступления против единого и народного фронта [107, 12.VII.1936].

В результате идеологической борьбы 1936 г. и окончательного разрыва с анархо-синдикалистскими, троцкистскими и другими левацкими группировками произошло идейное укрепление ТКП, возродившейся на принципах, общепринятых в международном коммунистическом движении. Это был исключительно важный этап в истории ТКП, который собственно и

положил конец 15-летнему периоду борьбы за создание в Тунисе марксистско-ленинской партии нового типа. В 1936 г. тунисские коммунисты покончили с кружковщиной, характерной для предшествующего периода (нередко рассматривавшегося как период распространения марксизма и социалистических идей в Тунисе), и приступили к созданию партийных ячеек на предприятиях, в отдельных кварталах и населенных пунктах. Они стали основным звеном политико-организационной работы в массах. Коммунистические ячейки были созданы в Тунисе, Ферривиле, Бизерте, Матёре, Тиндже, Хаммам-Лифе и др. Наряду с ними создавались секции Федерации коммунистической молодежи Туниса и Союза девушек Туниса.

Тираж коммунистической газеты «Авенир социаль» достиг 3 тыс. экземпляров. Специально для трудящихся-мусульман помещалась арабская страница «Аль-Мустакбаль аль-иджитма» («Социальное будущее»). В результате всего этого в Тунисе в 1936 г. были заложены основы новой политической организации тунисских коммунистов как самостоятельного отряда международного рабочего движения.

Организационное обновление ТКП и решительный разрыв с левацкими элементами в значительной мере способствовали ликвидации сектантских тенденций среди коммунистов. ТКП вышла из состояния самоизоляции. Выступая за общедемократическую программу Народного фронта, за сплочение тунисского народа в борьбе против фашизма и военной угрозы, тунисские коммунисты значительно расширили свою аудиторию. Отныне они обращались «ко всем трудящимся, без различия расы, религии и философских взглядов» [99, 1937, № 6, стр. 340]. В региональных комитетах Народного объединения и в воссоединенной ВКТ они активно сотрудничали с социалистами и другими антифашистскими организациями и совместно с ними отстаивали политику Народного фронта.

Союз коммунистов и социалистов при благожелательной позиции Нового Дестура привел к возрождению в Тунисе единой ВКТ. В 1936 г. сразу после воссоединения Департаментское объединение ВКТ насчитывало 19 тыс. членов. Фактически оно объединяло всех политически сознательных рабочих Туниса. Оно строилось на последовательно демократических принципах свободного синдикализма. Все члены 92 профсоюзов Департаментского объединения ВКТ пользовались одинаковыми правами и обязанностями при полном соблюдении национальных, религиозных и политических интересов товарищей по труду. Если среди рабочих-европейцев еще могли встречаться отдельные проявления патернализма и других великодержавных тенденций, то, как пишет Поль Себа, «рабочие-тунисцы, массами вступая в ряды этой организации, легко могли бы с ними покончить» [20, стр. 243]. Как и прежде, воссоединенная ВКТ выступала в качестве мощной организации

рабочего класса, отстаивавшей его профессиональные и корпоративные интересы. В сентябре 1936 г. после двухлетнего изгнания в Тунис возвратился Альбер Бузанке. В качестве генерального секретаря он возглавил Департаментское объединение ВКТ и вместе с Робертом Биджауи составил весьма действенное руководящее ядро ВКТ. При активной помощи коммунистов и социалистов они восстановили общественно-политическую роль ВКТ и превратили ее в главное орудие Народного фронта в борьбе за социально-экономические преобразования в Тунисе.

Социальное законодательство Народного фронта. В отличие от Франции и Алжира наступление рабочего класса в Тунисе началось с некоторым запозданием. До середины июля, казалось, ничто не нарушало классовый мир. В течение всей весны 1936 г. в Тунисе не произошло ни одной сколько-нибудь значительной забастовки. Впрочем, это никого не обманывало. Тунисские рабочие были прекрасно осведомлены о том, что происходит во Франции, и самым тщательным образом готовились к борьбе. В мае — июне 1936 г. тунисские заводы, фабрики и карьеры были охвачены лихорадочной деятельностью. Из ссылок и лагерей возвращались профсоюзные активисты. Избирались бюро. В июне — июле «Тюнис-социалист» почти каждый день сообщала о собраниях и митингах, где рабочие обсуждали и составляли перечни требований. Наиболее распространенными были требования о заключении коллективных договоров, 40-часовой рабочей неделе, социальном страховании, пособиях по безработице, мерах по охране труда и технике безопасности, а также о расширении компетенции примирительных комиссий по урегулированию трудовых конфликтов [см.: 40, стр. 286—287; 99, 1936, № 8—9, стр. 467].

Тщательная подготовка и хладнокровие рабочих выводили из себя представителей имущих классов. Для начала они язвили по поводу парижских сценариев и их арабского исполнения, смеялись над тем, как рабочие впервые в жизни комплектовали собственные хоры и духовые оркестры. «Видимо, все же предпочиталось, — пишет Камбон, — чтобы тромбоны знали свои ноты, но это было уже второстепенное условие» [43, стр. 238]. Администрация занимала выжидательную позицию. В конце концов она пошла по пути, указанному Парижем. Арман Гийон заявил, что ему официально поручено распространить на Тунис французское социальное законодательство [см.: 99, 1936, № 7, стр. 399]. Но, пока в канцеляриях готовились и ждали, все оставалось на своих местах.

16 июля 1936 г. над Тунисом взвились красные флаги. Одна за другой начались забастовки. В авангарде первой стачечной волны (с середины июля до середины августа) шли рабочие городов Туниса и Бизерты. В столице первыми начали забастовку каменщики. 22 июля к ним присоединились рабочие

цементных заводов. 24 июля после арбитража генерального резидента бастующие приступили к работе. Однако 29 июля забастовка началась снова, охватив все предприятия строительной промышленности. Профсоюзные активисты с красными повязками на рукавах появлялись на различных предприятиях и стройках и в организованном порядке прекращали работу. Выставлялись пикеты. Произошло несколько инцидентов. Власти произвели два-три ареста, но движение не затихало. 1 августа собрание строителей решило продолжать забастовку, которая закончилась лишь 11 августа.

В Бизерте выступили металлисты. 20 июля они предъявили свои требования. Группы рабочих с красными флагами и оркестрами дефилировали по улицам города. К ним присоединялись сотни и тысячи безработных, прибывших из Сук-эль-Арбы, Сук-эль-Хамиса и других районов Северного Туниса. 22 июля 4,5 тыс. рабочих начали забастовку, которая протекала спокойно и организованно [там же, № 8—9, стр. 467].

Широкий размах забастовочного движения побудил А. Гийона ускорить разработку социального законодательства. Примером служила Франция. В полночь 29 июля 1936 г. на переговорах с патронатом и профсоюзами генеральная резиденция добилась согласия сторон на применение в Тунисе принципов Матиньонского соглашения. Оно, как известно, предусматривало значительное повышение заработной платы; оплачиваемые отпуска; производственное обучение на предприятиях; учреждение института рабочих делегатов, представлявших перед администрацией интересы рабочих и служащих; заключение коллективных договоров как основного документа, фиксирующего права и обязанности сторон. Наконец, 4 августа 1936 г. правительство протектората обнародовало декреты о распространении на Тунис французских социальных законов. В частности, декреты 4 августа вводили в Тунисе в законодательном порядке 40-часовую рабочую неделю, двухнедельные оплачиваемые отпуска и режим коллективных договоров [см.: 20, стр. 188—189; 99, 1936, № 11, стр. 614].

Проведение в жизнь нового социального законодательства, естественно, порождало массу непредвиденных конфликтов. Под любым предлогом хозяева медлили с заключением коллективных договоров, оттягивали сроки проведения в жизнь тех или иных положений августовских декретов 1936 г., наконец, попросту изменяли расценки, нормы выработки и т. п., лишь бы как-то компенсировать себя за ущерб, причиненный законодательством Народного фронта. Уловки хозяев, как само собой понятно, вызывали возмущение рабочих и встречали с их стороны самый решительный отпор. Осенью 1936 г. по Тунису прошла вторая волна забастовок. 21 сентября остановились заводы цветной металлургии. Впервые в Тунисе рабочие трех металлургических заводов заняли предприятия и в течение

двух дней не покидали их, пока не добились удовлетворения своих требований [см.: 108, 1937, № 1, стр. 54]. В ноябре забастовали предприятия всемогущей фосфоритной и железнодорожной компании Гафсы. Горняки Метлауи, Мдиллы, Редейефа, Мулареса заняли предприятия, создали единые забастовочные комитеты и в конечном счете 29 ноября вынудили компанию подписать коллективный договор, шедший навстречу требованиям рабочих [см.: 99, 1937, № 4, стр. 222].

Весной и летом 1937 г. Тунис вновь стал ареной ожесточенной классовой борьбы. Забастовочное движение достигло апогея. Количество забастовок и численность бастующих в десятки раз превышали средние показатели за межвоенные годы. Ниже приводятся данные статистики забастовок, за исключением тех, которые произошли на предприятиях, подчиненных контролю Управления общественных работ (шахты, железные дороги и т. п.) [35, стр. 95].

	Число забастовок	Число охваченных предприятий	Число бастующих
1919—1934 гг. (в среднем)	8	71	2 174
1935 г.	7	12	772
1936 г.	50	784	21 004
1937 г.	93	356	26 181
1938 г.	32	84	7 040
1939 г.	10	47	2 324
1940 г.	1	1	8

Отличительной особенностью забастовок 1936 г. был их ярко выраженный классовый характер. Рабочие, как правило, выступали единым фронтом в защиту своих корпоративных и материальных интересов. Они находились, как отмечалось в «Африк франсэз», если не под совместным, то по крайней мере под параллельным влиянием ВКТ и Нового Дестура [см.: 99, 1937, № 2, стр. 97]. При этом активисты Нового Дестура нередко входили в состав местных профсоюзных бюро и комитетов. Иногда они создавали, как, например, на предприятиях компании Гафсы, собственные фракционные группы и организации, но на первых порах, как правило, действовали совместно с представителями ВКТ и обычно уступали им руководящую роль.

В отличие от летне-осенних забастовок 1936 г. весенне-летнее движение 1937 г. не имело первоначальной сплоченности и организованности. Тем не менее хозяева были вынуждены отступать. Под давлением ВКТ патронат делал одну уступку за другой. В коллективные договоры постепенно вносились все основные положения социального законодательства 1936 г. В июне 1937 г. во всех отраслях промышленности, в торговле и государственных учреждениях была введена 40-часовая рабочая неделя и оплачиваемые отпуска [58, стр. 22].

Значительно улучшилось материальное положение рабочих и вообще лиц, живущих на заработную плату. Доходы низкооплачиваемых категорий трудящихся несколько приблизились к уровню привилегированных прослоек рабочего класса. Исчезла расово-национальная дискриминация в сфере трудовых отношений. Отныне все квалифицированные рабочие и служащие Туниса получали вполне реальную возможность, говоря словами Поля Себа, «жить хотя и очень скромно, но все же прилично» [20, стр. 189].

Главное же, в период Народного фронта среди рабочих возросли чувство ответственности и человеческое достоинство. Опираясь на сильные и независимые профсоюзы, рабочие научились отстаивать свои права. «Теперь,— говорил М. Торез на IX съезде ФКП,— перед предпринимателем стоит не боязливый до самоунижения человек, который не решается заявлять о своих требованиях, не доверяет не только соседу, но даже самому себе и который склонен безропотно подчиняться, так как считает и чувствует себя в той или иной степени одиноким. Предприниматель, ответственность и авторитет которого на предприятии несколько не оспариваются в условиях нынешнего режима, сталкивается теперь с объединенными, солидарными и сильными пролетариями, с доверием относящимися к своему профсоюзу, к своим представителям. Рабочие без страха предъявляют свои требования и отстаивают их. Цеховой или профсоюзный делегат, действуя от имени рабочих, отправляется в контору предпринимателя или директора и ведет переговоры, сняв шляпу, но с высоко поднятой головой. Он вежлив, но тверд» [23, стр. 209—210].

Вопрос о национальной независимости. Наиболее сложным и в то же время наиболее тревожным для Народного фронта оставался вопрос о национальной независимости Туниса. В отличие от социальных законов он затрагивал интересы всей нации и по существу определял весь климат франко-туниССких отношений. Демократические свободы создавали исключительно благоприятные условия для мирного выхода из кризиса, в котором находился режим протектората. Однако сами по себе они ничего не изменяли в кризисном состоянии общества. К тому же они не устраняли ни колониально-капиталистической эксплуатации туниССкого народа, ни его национальной приниженности.

Оказав доверие правительству Блюма, Новый Дестур тем не менее не отказался от борьбы за национальные требования. Однако выбор средств и методов борьбы был до крайности осложнен развитием внутреннего и международного положения Франции. Объективно победа Народного фронта, казалось бы, облегчала задачи антиимпериалистического и национально-освободительного движения. На самом же деле все обстояло значительно сложнее. Особенно неблагоприятной была между-

народная обстановка. Она складывалась крайне невыгодно для демократического движения Туниса и серьезно затрудняла борьбу за национальную независимость.

Фашизм, подобно липкой коричневой грязи, просачивался через границы. Вслед за Италией и Германией он одержал целый ряд успехов в странах Центральной Европы и на Балканах. «Завтра, — с самоуверенным бахвальством заявлял Муссолини, — Европа будет фашистской» [цит. по: 23, стр. 243]. Не брезгуя ничем, фашистские политики стремились изолировать Лигу наций — эту «женевскую чуму», как деликатно величал ее Бенито Муссолини, методически подрывали систему коллективной безопасности, стравливали своих потенциальных противников и беззастенчиво шантажировали их угрозой мировой войны. Бои уже шли в Абиссинии (Эфиопии). 7 марта 1936 г., т. е. всего лишь через год после отказа от военных статей Версальского договора, Гитлер в одностороннем порядке денонсировал Локарнские соглашения и ввел немецкие войска в Рейнскую демилитаризованную зону. С благословения панарабских кругов марокканские националисты завербовали в обеих зонах Марокко десятки тысяч марокканских солдат, составивших костяк армии генерала Франко, который 18 июля 1936 г. поднял мятеж против республиканского правительства Испании.

Да и в самой Франции фашисты не собирались расставаться с мечтами о реванше и захвате власти. Опираясь на темные силы антиинтеллектуализма, они спекулировали на антикапиталистических настроениях и националистических предрассудках деклассированных элементов и пауперизированных буржуа. Немалые надежды при этом возлагались на консервативные буржуазные круги, приходившие к убеждению, как писал известный французский журналист Пертинакс, «что социальная угроза страшнее немецкой угрозы, что тоталитарные государства следует рассматривать как гарантию против Москвы, что Адольф Гитлер и Бенито Муссолини являются хранителями нашей цивилизации и что война против них привела бы к непоправимым социальным потрясениям» [цит. по: 23, стр. 333].

В этих условиях борьба против Франции и правительства Народного фронта неизбежно приобретала характер борьбы против европейской демократии. Слепой национализм, независимо от субъективных побуждений его вдохновителей, неизбежно становился орудием международного фашизма. И этого не могли не учитывать лидеры национальных и демократических организаций Туниса. После долгих размышлений и глубокого изучения всех данных проблемы, говорил Бургиба на II съезде Нового Дестура, лидеры партии не могли занять негативную позицию в отношении Народного фронта и «играть таким образом на руку эксплуататорам народов» [74, стр. 28].

Этот момент, отражавший понимание неделимости судеб мировой демократии и социализма, являлся той общей платформой, на которой основывались демократические силы Франции и Туниса, определяя свою позицию в вопросе о независимости Туниса. Как Французская коммунистическая партия, так и французские социалисты считали, что тунисцы, как и всякий другой народ, в принципе имеет право на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Правительство и партии Народного фронта открыто провозглашали, что они поставили своей целью постепенно привести народы колоний к самоуправлению. Этой цели и должна была служить «политика согласия и понимания», которую провозгласило правительство Блюма. Однако эта политика, как неоднократно подчеркивалось представителями правительства и рабочих партий, ни в коем случае не предусматривала на данном этапе ликвидации протектората, немедленного провозглашения независимости и отделения Туниса от Франции.

«В отношениях с колониальными народами,— отмечалось в докладе М. Тореза на IX съезде ФКП в 1937 г.,— основным лозунгом нашей коммунистической партии остается право на самоопределение, право на независимость.

Напоминая высказывание Ленина по этому вопросу³,— продолжал М. Торез,— мы говорили уже тунисским товарищам, и они с нами согласились, что право на развод не предполагает обязательный развод. В настоящий момент решающим вопросом является успешная борьба против фашизма. Поэтому колониальные народы заинтересованы в том, чтобы быть в союзе с французским народом, а не занимать такую позицию, которая поощряла бы фашистские авантюры и могла бы, например, привести к тому, что Алжир, Тунис и Марокко оказались бы под пятой Муссолини или Гитлера» [23, стр. 267].

Эту позицию разделяли как руководители Туниисской федерации СФИО, так и тунисские коммунисты, которые полностью солидаризовались с ФКП и в качестве своей основной задачи выдвигали борьбу против фашизма и войны. При этом они действовали как стойкие революционеры-интернационалисты и вместе с тем как истинные патриоты, отчетливо понимавшие настоящие и будущие задачи национально-освободительного движения. Близорукий национализм в те годы ничем не оправдывал себя, да и не мог оправдать. «Отдельные требования демократии,— писал В. И. Ленин,— в том числе самоопределение, не абсолют, а *частичка* общедемократического (ныне: обще-

³ В. И. Ленин писал в 1914 г.: «Нетрудно понять, что признание марксистами *всей России* и в первую голову великороссами *права* наций на отделение несколько не исключает *агитации* против отделения со стороны марксистов той или иной *угнетенной* нации, как признание права на развод не исключает агитации в том или ином случае против развода» [6, стр. 318].

социалистического) *мирового* движения. Возможно, что в отдельных конкретных случаях частичка противоречит общему, тогда надо отвергнуть ее» [3, стр. 39].

Временный отказ от лозунга национальной независимости, разумеется, не означал отказа от борьбы за национальное освобождение. Он лишь подчинял национально-освободительную борьбу более высоким интересам демократического и антифашистского движения в целом. Марксисты всегда рассматривали национальный вопрос как подчиненный. Резюмируя его постановку в сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленин писал, что из социалистического и демократического мировоззрения вытекает «то, что 1) интересы освобождения нескольких крупных и крупнейших народов Европы стоят выше интересов освободительного движения мелких наций; 2) что требования демократии надо брать в общеевропейском — теперь следует сказать: мировом — масштабе, а не изолированно» [3, стр. 38].

Подчиняя свои интересы интересам антифашистского движения в целом, тунисские коммунисты не только выполняли свой интернациональный долг, но и брали на себя свою долю ответственности в борьбе с фашизмом и национал-социализмом. И вместе с тем они закладывали основы будущего развития Туниса как свободной нации, ибо отчетливо понимали, что без свободы великих народов не существует свободы малых народов.

Политические императивы, требовавшие полного и беспелляционного отказа от лозунга национальной независимости, совершенно не соответствовали массовым настроениям в стране. В 1936 г. подавляющее большинство тунисцев верило правительству Народного фронта и, более того, связывало с ним свои надежды на национальное освобождение. «Победа Народного фронта на выборах, — отмечалось в „Африк франсез“, — представляется молодым интеллигентам как событие, которое должно повлечь за собой осуществление политических требований» [99, 1936, № 7, стр. 370]. Ко всему прочему освободительные традиции, жертвы и национальные чувства тунисского народа требовали выхода, каких-то конкретных действий, которые приблизили бы осуществление националистического идеала. Летом 1936 г. националисты оживленно обсуждали вопрос о получении Тунисом статуса доминиона. Огромное впечатление на тунисскую публику произвели англо-египетский договор 26 августа 1936 г., объявлявший о прекращении английской оккупации Египта, и франко-сирийский договор 9 сентября 1936 г. о признании Францией независимости Сирии. Эти договоры в известной мере ранили национальное самолюбие тунисцев, которые сознавали, что они ничуть не хуже сирийцев и египтян и не менее их подготовлены к самоуправлению. В этом плане англо-египетский и франко-сирий-

ский договоры 1936 г. усилили националистические чувства и вместе с ними тоску об утраченной независимости. Осенью 1936 г. и зимой 1936/37 г. тунисская печать со все возрастающим упорством писала о неудовлетворенных чаяниях Туниса и жаждала четких заявлений о дальнейшей судьбе протектората.

В этих условиях отказ от лозунга национальной независимости, столь дорогого сердцу каждого тунисца, можно было обосновывать, только обращаясь к разуму и политической сознательности патриотов. В своих выступлениях Бургиба неоднократно просил тунисцев проявлять выдержку и терпение, не поддаваться горячим чувствам и исходить только из того, что диктуется холодным рассудком. В нынешних условиях, в частности без доброго согласия Франции, отмечал Бургиба на II съезде Нового Дестура, независимость Туниса может быть получена либо в результате победоносного восстания, либо в результате европейской войны, в которой демократическая Франция должна была бы потерпеть поражение [см.: 74, стр. 34]. Однако какими бы чудовищными ни казались эти посылки, связывавшие дело национальной независимости с торжеством реакции и фашизма, они по сути дела не приближали час национального освобождения. На них можно было бы рассчитывать, говоря словами Бургибы, только смеха ради. Даже если бы независимость была добыта такой ужасной ценой, то и тогда, как писал Бургиба 23 декабря 1936 г., «эта независимость была бы совершенно иллюзорной при нынешнем состоянии международной морали» [42, стр. 92]. И действительно, фашистские державы, открыто провозгласившие курс на мировое господство, не оставили бы Тунису никакой свободы выбора. Ему была бы уготована судьба поработенной Эфиопии или участь марионеточного Маньчжоу-Го во главе со своим «императором» Пу-и, которого никто не признавал, кроме собственного хозяина и маленького латиноамериканского Сальвадора. «Не нужно быть большим пророком,— говорил Хабиб Бургиба,— чтобы предвидеть, что Тунис, лишенный французской поддержки, сразу же попадет в когти хищной державы и все нужно будет начинать сначала» [74, стр. 34].

Если все же, продолжал Бургиба, мы каким-то путем завоевали бы независимость и со всех сторон были бы окружены не только мирными, но даже филантропическими державами, то и тогда мы не смогли бы управлять собой и взять в свои руки командные рычаги. «Осуществление власти в современных обществах,— отмечал в связи с этим Бургиба,— особенно в демократических обществах, не терпит ни эмпиризма, ни снизошедшего наития. Оно предполагает не только политическую зрелость и экономическую организацию, которыми мы еще далеко не обладаем, но и технику управления, которую тунисская элита, в течение полувека систематически отстраняемая от управления, утратила» [там же]. При этом следует

отметить, что Новый Дестур никогда всерьез не рассматривал ни бея, ни бейскую администрацию как возможное правительство нового Туниса. И вообще новодестуровские лидеры опасались, как бы в случае поспешного разрыва с Францией власть в стране не оказалась в руках тунисской реакции, религиозных шейхов и феодалов, которые попытались бы восстановить в стране старые средневековые порядки. «Быть может, в глубине души,— писал о Бургибе Феликс Гарас,— он даже не желал слишком быстрого освобождения, которое без достаточной подготовки открыло бы путь к другому рабству» [54, стр. 100].

Единственным выходом из создавшегося положения явилась бургибистская «теория этапов», которая в эти годы, собственно, и легла в основу политической стратегии Нового Дестура. Достижение независимости при этом откладывалось на более или менее отдаленный срок, а на первое место выдвигался вопрос о сотрудничестве с Францией. Единственным подлинным решением тунисской проблемы, говорил Бургиба на II съезде Нового Дестура, было бы «мирное освобождение по этапам при искреннем и доверчивом сотрудничестве между Францией и тунисским народом» [74, стр. 35]. При этом, уточнял Бургиба, речь шла не о тех или иных реформах, а о «большом пути постепенного освобождения колоний, которые в условиях мира должны прийти к полной свободе и занять свое место в сообществе свободных народов» [там же].

Национальные требования Нового Дестура. Основной задачей национально-освободительного движения в период Народного фронта Хабиб Бургиба считал установление свободного франко-тунисского сотрудничества, которое, «рассеивая взаимное недоверие и подозрительность, могло бы примирить тунисский народ с протекторатом и вести его к освобождению в орбите Франции» [42, стр. 90]. С этой целью руководители французской демократии должны были полностью пересмотреть политику Франции в отношении Туниса. Не упраздняя протектората, они должны были отказаться от ошибок прошлого, от ассимиляции, привилегий и прямого управления. Они должны были вернуться к духу договоров, признать наличие тунисского суверенитета и в конечном итоге ориентировать протекторат к «режиму добровольной ассоциации» [42, стр. 78]. Параллельно этому Франция должна была продолжать «цивилизаторскую миссию», искоренять социальную, экономическую и интеллектуальную нищету тунисского народа и «воспитывать» его в духе западных идеалов. Такова была вкратце «дестуровская идея», которую Бургиба ни много ни мало охарактеризовал как «форму франко-тунисского сотрудничества в духе договоров» [74, стр. 31]. Оно должно было пройти ряд этапов, составлявших в совокупности путь к «политическому, экономическому и социальному освобождению» [74, стр. 43].

В период Народного фронта в качестве первого этапа Новый Дестур выдвинул идею о так называемом юридическом протекторате. Фактически это означало провозглашение политической автономии Туниса, т. е. признание его в качестве отдельного самостоятельного государства со своим правительством, парламентом и другими государственными органами. Между этим тунисским государством и Францией должны были сохраняться самые тесные отношения, юридически базировавшиеся на Бардоском договоре и Ла-Марсской конвенции. Однако эти документы должны были получить новую интерпретацию в духе буквального истолкования текста договоров как международно-правовых соглашений между двумя суверенными правительствами. В целом «юридический протекторат», как говорилось в резолюции II съезда Нового Дестура, должен был характеризоваться «сосуществованием двух основных механизмов, и только двух: строго тунисского правительства, которое управляет, и представителя Франции, который контролирует» [74, стр. 44].

Формула «юридического протектората» была конкретизирована в программе ближайших требований Нового Дестура, составивших программу-минимум партии в период Народного фронта. Она исходила из стремления примирить национальные чаяния тунисского народа с интересами французской демократии. В своем первоначальном виде она была сформулирована на чрезвычайной сессии Национального совета партии 10 июня 1936 г. Принятая им программа представляла довольно обширный документ и весьма детально излагала требования Нового Дестура в области политических, административных и социально-экономических преобразований. В дальнейшем она была уточнена и дополнена. Важнейшими требованиями Нового Дестура, сформулированными в различных партийных документах 1936—1937 гг. [42, стр. 87, 90; 85, стр. 5—8], были следующие.

1. «Предоставление тунисскому народу конституционных гарантий, имеющих целью оградить его права в финансовых (бюджет) и законодательных делах». Должны быть отменены все исключительные законы и декреты, амнистированы политические заключенные и введены общественные свободы. В качестве первого шага к «более глубокой реформе» Новый Дестур соглашался на введение всеобщего избирательного права и расширение полномочий Большого совета, что позволило бы тунисскому народу «участвовать в управлении и принимать активное участие в разработке законов и вотировании бюджета». Впоследствии Новый Дестур требовал упразднить Большой совет, создать «национальный парламент» и «полное (т. е. без участия французских чиновников, возглавлявших генеральные управления.— Н. И.) ответственное министерство».

2. «Морализация государственной жизни», в частности

борьба против взяточничества, лихоимства и злоупотреблений всякого рода, которые поглощали большую часть доходов туниССских масс.

3. «Перестройка туниССской администрации в соответствии с принципами протектората», т. е. с учетом того, что в его основе лежали «два суверенитета — туниССский и французский». Среди административных преобразований Новый Дестур требовал: пересмотреть положение о гражданских контролерах, «обязанности которых должны ограничиваться исключительно контролем и осуществляться косвенным путем в соответствии с духом протектората»; лишить кайдов судебных и финансовых полномочий; упразднить военные территории Юга и учредить муниципальные советы, избираемые путем всеобщих выборов.

4. Доступ туниССцев ко всем государственным должностям. Чистка администрации от «всех реакционных элементов, еще пропитанных духом завоевания и расовыми предрассудками».

5. Увеличение числа туниССских судов, расширение их компетенции и создание условий для их действительной независимости. Разработка ряда туниССских кодексов.

6. Признание арабского языка в качестве официального языка.

7. Обязательное образование для туниССцев с обязательным преподаванием арабского языка в школах всех ступеней. Свобода обучения.

8. Борьба против нищеты, создание фонда помощи безработным, организация общественных работ, «улучшение туниССского земледелия путем расширения кредита мелким и средним земледельцам». Впоследствии Новый Дестур отмечал, что распределение помощи, выдача семенных и продовольственных ссуд, а также благотворительные работы являлись всего лишь «ограниченными паллиативами», и требовал принятия «энергичных мер», чтобы «прежде всего спасти туниССский народ от гибели».

9. Проведение финансовой политики в пользу масс. Пересмотр налоговой системы, в частности введение прогрессивного подоходного обложения и упразднение ряда косвенных налогов, особенно тех, которые давят на бедных и препятствуют возобновлению экономической деятельности.

10. Применение в ТуниССе социального и трудового законодательства Франции.

11. Экспроприация в пользу туниССского государства крупной промышленности (электричество, газ, горные разработки, трамвай и т. д.).

12. Уважение земельных прав туниССцев. Программа-минимум 10 июня 1936 г. требовала уважать «статут туниССской собственности (частные хабусы и коллективные земли)» и предусмотреть «участие туниССцев на равной основе в распределении участков, предоставляемых Управлением земледелия». За-

тем Новый Дестур выдвинул требование о полном прекращении официальной колонизации, т. е. о прекращении политики заселения страны французами.

13. Равенство в оплате труда между французами и тунидцами в соответствии с принципом «равную оплату за равный труд». Ликвидация «колонимальной трети» и отнесение всех расходов, которые связаны с предоставлением различных льгот лицам, действительно переезжающим на работу из Франции, на счет бюджета метрополии.

Центральным моментом в программе ближайших требований Нового Дестура, безусловно, было создание туниского парламента и правительства, ответственного перед ним. Это правительство, которое могло бы взять на себя задачи по освобождению Туниса в сотрудничестве с Францией, подчеркивалось в резолюции II съезда Нового Дестура, должно было быть «демократическим правительством из народа, пользующимся доверием туниских масс» [74, стр. 44]. Его создание являлось ключом к осуществлению всей программы «юридического протектората» и основным условием для свободного франко-туниского сотрудничества.

Свою программу ближайших требований Новый Дестур рассчитывал осуществить «в условиях порядка, мира и доверия при сотрудничестве туниского народа с либерально-демократической Францией» [74, стр. 45]. От оппозиции и борьбы руководители Нового Дестура перешли к политике сотрудничества с Народным фронтом. «Мы хотим,— писал Бургиба в декабре 1936 г., говоря об эмансипации туниского народа,— чтобы она происходила с Францией и благодаря Франции» [42, стр. 93].

По мнению Роже Ле Турно, у Бургибы была тенденция преувеличивать степень понимания со стороны французских левых партий [см.: 65, стр. 82]. Но как бы то ни было, Новый Дестур не предусматривал никаких иных средств для реализации своей программы, кроме убеждения и прямых переговоров с Францией. В июне 1936 г. началась бесконечная серия встреч и бесед новодестуровских лидеров с представителями французских властей, которые происходили как в метрополии, так и в Тунисе. Большей частью они носили полуофициальный характер дружественного зондажа, но были и официальные переговоры. 29 июня 1936 г. генеральный резидент А. Гийон принял делегацию Политбюро Нового Дестура в составе д-ра Матри, Бахри Гиги и Салаха бен Юсефа. Делегация изложила генеральному резиденту позицию партии по актуальным вопросам франко-туниских отношений и вручила ему программу ближайших требований Нового Дестура. После дружеской беседы Гийон обещал Политбюро внимательно изучить все его предложения [см.: 99, 1936, № 8—9, стр. 471—472]. В аналогичном духе проходило и большинство других встреч

между представителями Нового Дестура и демократической Франции.

Исключительно большое значение новодестуровские лидеры придавали пониманию своей политики со стороны мусульманского населения. Руководители партии постоянно выступали в печати, совершали пропагандистские туры по деревням и кочевьям, созывали митинги и собрания. На грандиозных митингах в Гамбетта-парке 28 августа и 11 сентября 1936 г. лидеры Нового Дестура дали отчет о своей деятельности. Они изложили основные принципы политики сотрудничества, которые были с энтузиазмом одобрены 20-тысячной аудиторией. Наблюдателей больше всего поразило, что ни в резолюции митинга, ни в речах ораторов не упоминалось слово «независимость». Вместо него везде и всюду звучало слово «освобождение». В своей речи, проникнутой доверием к правительству Народного фронта, Бургиба призвал тунисский народ «к освобождению, которое сделает из него свободный народ, присоединившийся к Франции» [там же, № 10, стр. 540].

За выступлениями в столице последовала серия аналогичных митингов в провинциальных городах: Набёле, Сфаксе, Ксар-Хеллале, Мокнине, Сусе, Бизерте, Бедже и др. На них выступали Бургиба, Сфар и другие члены Политбюро. Принимались резолюции, воспроизводившие основные положения резолюции в Гамбетта-парке. Они были полны заверений в дружбе и симпатиях к Франции, призывали к «освобождению» и полностью одобряли курс на постепенное движение к независимости по этапам. «Действительно,— писал впоследствии Аллаль аль-Фаси,— эта политика, которую называют политической этапов, обманула многих патриотов не только в Тунисе, но даже на Дальнем Магрибе» [27, стр. 68].

Большую роль в развитии политики сотрудничества сыграли переговоры, которые Бургиба вел в Париже летом 1936 г. В конце июня по поручению Политбюро он выехал во Францию, чтобы «установить контакты с новым правительством и со всеми нашими друзьями» [42, стр. 79]. Он оставался в Париже в течение двух месяцев и лишь 5 сентября возвратился на родину. Он встречался с членами правительства, парламентариями и лидерами французской социалистической партии. Беседы проходили в дружественной атмосфере, и Бургиба преисполнился самого радужного оптимизма. О его приподнятом настроении свидетельствовала телеграмма, которую доктор Матри зачитал на массовом митинге 28 августа 1936 г.: «Сегодня в 15 часов буду принят Вьено. Видел резидента вторник, Жюля Мока среду, Герню четверг. Благоприятный климат. Большие надежды. Идет письмо копиями докладов. С приветом, Бургиба» [99, 1936, № 8—9, стр. 474].

В августе 1936 г. Бургиба дважды встречался с Пьером Вьено. Во время второй беседы 28 августа он вручил ему

меморандум с изложением основных положений программы-минимум Нового Дестура. Прежде всего Бургиба [42] считал необходимым «рассеять недоразумения, побороть подозрительность, с которой смотрели на наше движение, изложить положение в Тунисе и требования тунисского народа» [стр. 79]. Во время первой беседы с Вьено, вспоминал впоследствии Бургиба, «я не скрывал от него, что нормальный, логичный и нужный идеал тунисского народа, как и всех народов, подчиненных иностранной опеке,— это достичь в конце концов своей независимости» [стр. 91]. Бургиба согласился, что время для этого еще не наступило, но тут же выразил убеждение, что «протекторат, несмотря на то что он с самого начала заражен насилием, может после полувекового контакта легко эволюционировать мирным путем» [стр. 87]. Он заверял Вьено, что свободный Тунис «не по расчету или политическому искусству» хотел бы иметь с Францией особые отношения, которые давали бы ей преимущества по сравнению с другими державами. «Что касается протектората,— писал Бургиба,— то мы признали, что Бардоский договор, соблюдаемый лояльно и без задней мысли с той и другой стороны, неизбежно должен будет привести к двум результатам, которые могут показаться поначалу противоречащими друг другу, но которые при ближайшем рассмотрении оказываются дополняющими друг друга,— это возвысить, эмансипировать тунисский народ и еще более прочно связать его с Францией» [стр. 92].

Остановившись, таким образом, на формуле «юридического протектората», Бургиба настойчиво убеждал Вьено способствовать ее претворению в жизнь. Во избежание худшего он просил Вьено покончить с «близорукой политикой немедленных выгод» [стр. 92] и решительно наметить новую политику, полностью противоположную «общей политике, которая проводилась до сих пор от имени Франции ограниченной и безответственной бюрократией» [99, 1936, № 8—9, стр. 473]. При этом Бургиба обязался уважать военно-стратегические, политические и экономические интересы Франции, а также так называемые приобретенные права. Последнее означало согласие Нового Дестура с присутствием в Тунисе французских колонистов, а также его обязательство гарантировать их имущество и их особое положение в стране. В связи с этим Бургиба отвергал обвинения в фанатизме, ксенофобии и желании «сбросить французов в море» [42, стр. 84].

После переговоров с Вьено Бургиба развернул кампанию против обострения национально-классовых противоречий в стране. Он считал ненормальным, что колонисты видели в новодестуровцах своих личных врагов и всерьез полагали, что партийные билеты рассматривались членами Нового Дестура как титулы собственности, дающие им право на захват колонистских земель. С другой стороны, он выступал против того,

чтобы бедуины взирали на колониста как на «руми», который украл его землю, крадет его труд и зарится на его жену и детей. Чтобы убедить тех и других в обратном, Бургиба даже предпринял кампанию по «сближению сердец колонистов и бедуинов», в частности приглашая колонистов на новодестуровские митинги [см.: 74, стр. 41].

Практические результаты августовских переговоров 1936 г. были невелики. Хотя Новый Дестур в случае принятия формулы «юридического протектората» обещал Франции «полное и лояльное сотрудничество» вплоть до участия в правительстве протектората, Вьено не сказал ничего определенного. Он лишь пообещал послать в Тунис правительственную комиссию. Бургиба, правда, вынес убеждение, что Вьено и правительство Блюма в целом были склонны к дальнейшему развитию политики согласия и понимания. Но никаких конкретных обязательств он, очевидно, не получил. «Сегодня можно с полной уверенностью сказать,— отмечал впоследствии Хабиб Бургиба,— что мои контакты с Вьено, заместителем министра иностранных дел, были бесполезны в том смысле, что они во многом способствовали созданию между нами атмосферы доверия...» [42, стр. 79].

Правительство Блюма, обеспокоенное растущей агрессивностью фашистских держав, явно не хотело никаких поспешных изменений. Было совершенно ясно, что оно стремилось сохранить протекторат Франции над Тунисом и всячески подчеркивало необходимость французского присутствия в стране. Исходя из этого, представители правительства и партий Народного фронта неоднократно отвергали слухи о предстоящем уходе Франции из Туниса. На пресс-конференции 30 сентября 1936 г. А. Гийон выразил крайнее удивление, когда ему задали вопрос: «Не собирается ли Франция отказываться от своего протектората над регентством?». «Об этом,— сказал Гийон,— никогда не было речи, и французское правительство никогда не предусматривало такого решения. Что касается меня, то я не получал на этот счет никаких инструкций» [99, 1936, № 10, стр. 539]. Он категорически заявил, что не может быть никаких аналогий между Сирией и Тунисом. 8 октября 1936 г. Дюран-Анливьель полностью поддержал позицию генерального резидента и заявил в газете «Тюнис-социалист», что «Франция Народного фронта не намерена, по крайней мере еще не намерена, денонсировать Бардоский договор» [там же, стр. 539]. 13 октября во время беседы с Матри и Бургибой Гийон отказался одобрить предложение Бургибы о создании «Тунисского собрания, которое имело бы законодательные полномочия» [там же, стр. 542]. Наконец, в начале ноября 1936 г. в интервью по вопросу о «политике Франции в отношении мусульманского населения Марокко и Туниса» Вьено заявил, что «водворение Франции в протекторатах имеет окончательный характер».

Правда, он тут же добавил, что она намерена «добиваться эффективного участия самого тунисского народа в осуществлении власти» [42, стр. 80, 98, 101].

Новый Дестур оказался в довольно затруднительном положении. Однако он не утратил надежды. В статье «Дестур и Франция», опубликованной в «Аксьон тюнизьен» 23 декабря 1936 г. и являвшейся ответом Бургибы на интервью Вьено, генеральный секретарь Нового Дестура писал: «Давайте пока оставим в стороне декларации, более или менее вызванные обстоятельствами, которые ничего не изменят в ходе истории, и будем судить о французском правительстве по программе реформ, которую оно нам объявит. Эти реформы будут для нас самым верным критерием реального отношения Франции к тунисскому народу» [42, стр. 93].

Правомусульманская оппозиция. В отличие от Нового Дестура правые националисты с нескрываемым раздражением восприняли победу Народного фронта. Перейдя в оппозицию, они по существу вновь сомкнулись с правыми кругами французской общественности Туниса. Их недовольство связывалось с двумя основными моментами — с августовскими декретами 1936 г. и с вопросом о дальнейшей судьбе протектората. При этом если по социальным проблемам мусульманские и европейские правые занимали по существу идентичные позиции, то по национально-колониальному вопросу их взгляды были диаметрально противоположны. Французские колонисты хотели покончить со всякими разговорами об эволюции протектората и укрепить власть колониальной бюрократии; мусульманские правые националисты, наоборот, рассчитывали на обострение межимпериалистических противоречий и стремились поскорее избавиться от заморских реформаторов и отделить Тунис от демократической Франции.

Сепаратистские идеи в этот период лежали в основе всей политики партии Старый Дестур. В 1936 г. она изменила фронт на 180° и от политики негласного сотрудничества с Пейрутоном перешла к открытой борьбе с правительством Народного фронта. Бывшие поклонники Пейрутона утратили прежнюю умеренность и реформистские иллюзии. После нескольких дежурных реверансов в сторону либеральной власти руководители Старого Дестура развернули энергичную антиправительственную кампанию и призвали тунисский народ не верить ничему, что говорилось и делалось от имени Народного фронта. «На своих сессиях, особенно на сессии, которая была созвана в г. Матёре,— писал Аллаль аль-Фаси,— Исполнительная комиссия предостерегала тунисский народ от того, чтобы он бросался в объятия Народного фронта» [27, стр. 69].

Своим главным врагом Старый Дестур считал социалистическую партию СФИО, а главным злом — борьбу рабочего класса за свои права. Салах Фархат и другие лидеры Старого

Дестура обвиняли Тунисскую федерацию СФИО в том, что она сеяла классовую ненависть в стране, которая якобы не имела ни пролетариата, ни капитализма, сравнимых с пролетариатом и капитализмом Европы [см.: 108, 1937, № 1, стр. 56]. Лицемерно благодаря Народный фронт за социальные и демократические преобразования, лидеры Старого Дестура вместе с тем настойчиво противопоставляли мусульманских трудящихся европейским рабочим. Они всячески подчеркивали различия в материальном и моральном уровне, в языке, обычаях и даже в одежде, которые существовали у представителей разных народов. В отличие от бургибистского реформизма Старый Дестур в период Народного фронта занял откровенно экстремистские позиции, выдвинув на первый план лозунг о полной и немедленной независимости Туниса, без этапов. При этом его не волновали ни борьба между фашизмом и демократией, ни возможная альтернатива Народному фронту во Франции.

Следует, впрочем, подчеркнуть, что в 1936—1937 гг. Старый Дестур не столько рассчитывал на независимость, сколько на ее притягательную силу для широких народных масс. Она служила ему исключительно удобным прикрытием для нападков на Народный фронт. Перекрюив по-своему новодестуровский лексикон периода борьбы с Пейрутоном, стародестуровская печать вела ожесточенную газетную войну. В октябре 1936 г. «Шарт тюнизьен» изо всех сил клеймила «проконсулат» Гийона, критиковала Тунисскую федерацию СФИО и изобличала «аннексионистские поползновения» Народного фронта, «противоречащие духу и букве договоров» [см.: 99, 1936, № 10, стр. 543]. Однако при всей своей решительности это была, говоря словами Бургибы, «чисто формальная и словесная оппозиция» [74, стр. 29]. Как и прежде, она не подкреплялась никакой организационной работой в массах и не проявлялась ни в каких конкретных действиях.

Наряду с критикой режима Старый Дестур пропагандировал свой положительный идеал. Он боролся за мусульманский характер и мусульманское будущее страны. Совместно с улемами он отстаивал самобытное развитие арабо-мусульманского общества, выступал в защиту ислама и арабской конфессиональной школы. Печать Старого Дестура и улемов-реформаторов вела систематическую критику школьной политики правительства протектората. Она обвиняла его в том, что оно держит народ в темноте и невежестве, стремится придать тунисской школе светский атеистический характер, а главное, препятствует развитию арабской национальной школы, где бы преподавание велось в духе основных принципов обновленного ислама. Улемы-реформаторы доказывали превосходство арабо-мусульманской культуры, противопоставляя ей тщеславный и меркантильный характер западноевропейской цивилизации.

В 1936—1937 гг. Ассоциация за сохранение и распростра-

нение Корана в Тунисе развернула настоящее наступление в защиту мусульманских идеалов⁴. Улемы-реформаторы открывали новые школы при мечетях, проводили «коранические диктанты», устраивали публичные лекции и диспуты. В сентябре 1937 г. они начали издавать специальный еженедельник «Нур аль-Хакк» («Свет истины»), который наряду с «Аль-Маджалла аз-зайтунийя» («Зитунийский журнал») стал главным органом тунисских улемов-реформаторов [95, стр. 370]. Они задавали тон всей тунисской исламофильской печати, которая без устали критиковала любые отступления от мусульманской морали, алкоголизм, азартные игры, европейские моды и привычки. Особое место в повседневной пропаганде бауандистов занимала борьба против начавшейся эмансипации мусульманской женщины. Газеты публиковали статьи на моральные темы, высказывания улемов, советы врачей, которые должны были доказать вредность европейской одежды и открытия лица. 9 декабря 1936 г. сторонники Бауанди устроили дебош на лекции Мессади и Бекира, которые развивали идеи Тахара аль-Хаддада, в частности выступали за обучение девочек иностранным языкам.

Деятельность улемов-реформаторов, естественно, встречала сопротивление в различных кругах тунисской общественности. По разным причинам, исходя иногда из диаметрально противоположных посылок, все они противостояли напору воинствующего обскурантизма.

Прежде всего, как само собою понятно, религиозно-обновленческие идеи бауандистов встречали отпор со стороны их религиозных оппонентов. Тунисские марабуты и поклонники традиционного ислама открыто выступали против улемов-реформаторов. Шейхи религиозных братств запрещали улемам устраивать «коранические диктанты» и школы в своих завиях и мечетях. Нередко это приводило к столкновениям, как это, например, имело место в Джеммале в сентябре 1936 г. Народные массы, как правило, стояли на стороне марабутов. Они не хотели отказываться от искореняемых улемами под предлогом «обновления ислама» старинных народных обычаев и обрядов. К тому же со времени кампании против натурализации они не питали никакого доверия к религиозным реформаторам.

Неустанную борьбу против улемов-реформаторов вели также представители тунисской интеллигенции, развивавшие идеи Тахара аль-Хаддада и Абу-ль-Касема Шабби. Их главной трибуной стал еженедельник «Аль-Бук» («Букцина»), начавший выходить 28 сентября 1936 г. [95, стр. 362]. Его издатель Эзеддин бен аль-Хадж в области политики полностью поддерживал официальную линию Нового Дестура, публиковал речи и фото-

⁴ Пользуясь случаем, автор считает своим долгом выразить глубокую признательность Ю. Н. Завадовскому за предоставленные им материалы о деятельности бауандистов в Тунисе.

графии новодестуровских вождей. В области культуры он стоял на стороне Мессади, Бекира и других последователей Тахара аль-Хаддада.

Против Старого Дестура и улемов-реформаторов, в том числе против их школьной политики, выступали демократические силы Туниса. Обычно они поддерживали борьбу в защиту национальной культуры, за равноправие арабского языка и т. д. Однако лозунги улемов, имевшие религиозно-обскурантистский характер и к тому же исходившие от сил, боровшихся с демократией, встречали с ее стороны враждебное отношение. Французские и тунисские демократы воспринимали их как очередную попытку феодально-клерикальных кругов воспрепятствовать интернациональному братству народов. Когда, например, осенью 1936 г. финансовая комиссия Тунисской секции Большого совета высказалась за увеличение правительственных субсидий кораническим школам, учителя Туниса выступили с резким протестом. В своей резолюции от 26 ноября 1936 г. учителя и учительницы начальных школ потребовали от правительства «отклонить всякое увеличение субсидий в целях расширения конфессиональных, коранических и тому подобных школ и посвятить все свои усилия расширению светской школы — единственной школы, действительно отвечающей нуждам населения этой страны» [цит. по: 99, 1937, № 2, стр. 97—98]. Подобного рода резолюции, как и вообще борьба между улемами и учителями, еще более обостряли отношения между светским Народным фронтом и исламофильским Старым Дестуром.

Наконец, следует отметить, что своеобразным дополнением негативной позиции Старого Дестура и улемов являлись панические настроения группы Шадли Хайраллаха, которая отражала взгляды обуржуазившейся интеллигенции Туниса, связанной с умеренно-либеральными кругами мусульманского общества. Они выступали за конституционные реформы и постепенную эволюцию протектората. Однако Народный фронт, по их мнению, дал тунисскому народу сразу слишком много демократии. Хайраллах со все возрастающей тревогой следил за развитием событий. «Повсюду,— писал он весной 1937 г.,— тирания масс рискует отбросить Францию к новому приступу цезаризма» [см.: 99, 1937, № 4, стр. 225].

Недовольство французских колонистов. Наибольшую опасность для Народного фронта представляла буржуазно-колониальная оппозиция, тесно связанная с империалистическими кругами метрополии. В отличие от Старого Дестура она имела действенный характер и оказывала серьезное влияние на настроения колониальной бюрократии. Колонисты, по выражению Ш.-А. Жюльена, рассматривали победу Народного фронта как предвестие космической катастрофы, а Пьера Вьено — как антихриста [63, стр. 85]. Их раздражало все. Режим неограни-

ченной демократии они квалифицировали как «диктатуру ВКТ» [107, 7.IV.1937]. Они негодовали по поводу «словоблудия, которое было тогда в ходу у партии, находившейся у власти во Франции», и считали, что переносить на почву Туниса парламентаризм, свободу печати и профсоюзное право — «это чистый абсурд» [43, стр. 239]. Они все настойчивее требовали объяснений и жаждали четких заверений, что Франция никогда не откажется от протектората над Тунисом.

Политика Народного фронта, по мнению колонистов, вела к ослаблению государства, к поощрению «панарабской деятельности в антисемитском обличье, которую поддерживали Москва или Берлин», к падению основ и захвату власти «ничтожным меньшинством», которое в случае успеха «станет осуществлять тираническую власть над массами». Уже в июле 1936 г. колониалистский журнал «Африк франсэз» писал, что «недостаточно констатировать уже до крайности опасное положение, продление которого все более увеличивает опасность. Надо лечить». В этой связи правые выступали против каких бы то ни было реформ. Они призывали правительство «ради национальных интересов» пересмотреть свою североафриканскую политику, а для начала вернуться хотя бы к *status quo ante*. «Нельзя строить новый этаж, когда пламя охватило нижний», — отмечал журнал [99, 1936, № 7, стр. 371, 373].

Недовольство колонистов нарастало с каждым днем. Активизировались различного рода союзы и объединения, тяготевшие к французской сельскохозяйственной палате Туниса, ставшей своего рода политической партией колонистов. 10 сентября 1936 г. они направили телеграмму главе правительства Леону Блюму и опубликовали резкий протест против снисходительности властей в отношении национально-освободительного движения. Несколько видных представителей французской колонии отправились в Париж, чтобы любыми средствами добиться изменения французской политики в Тунисе.

Положение осложнялось еще и тем, что армия и государственный аппарат были ненадежны. Большинство офицеров были скрытыми или даже явными врагами Народного фронта. Среди них зрели заговоры или по крайней мере планы вооруженного вмешательства в случае неблагоприятного развития событий. Генерал Анот, в 1936—1938 гг. являвшийся главным командующим войсками Туниса, и его окружение симпатизировали колонистам и пользовались с их стороны полным доверием. Большинство чиновников протектората также были настроены против Народного фронта. Чиновники, как правило, лишь формально выполняли свои обязанности, совершенно не желая успеха новой политике. Низшее административное звено фактически бездействовало. Оно, по мнению колонистов, было больше всего подвержено «повседневному шантажу». Распоряжения местных властей зачастую не выполнялись, если они не

получали санкции Нового Дестура. Перед лицом новодестуровского напора, с тревогой отмечал «Африк франсэз», бейская администрация и французский государственный аппарат были частично или полностью парализованы. Не получая, как им казалось, нужных инструкций, гражданские контролеры не давали никаких указаний каидам и другим должностным лицам на местах. «Каиды,— писал журнал,— обескуражены и охладели к своим обязанностям» [99, 1937, № 2, стр. 93].

Колонисты негодовали по поводу развала администрации и растущего брожения в бледе. Они протестовали, писали письма, посылали делегации в генеральную резиденцию и в Париж. Их лобби постоянно действовало в парламенте, в партийных и министерских кулуарах. Однако вплоть до января 1937 г. колонисты не начинали открытой борьбы. Они ждали и надеялись на скорое падение правительства Блюма.

Настроения среди колонистов и европейской буржуазии Туниса не являлись тайной для правительства протектората. Оно знало о них и принимало соответствующие меры. Больше всего оно опасалось экономического саботажа, попыток буржуазии удушить голодом Народный фронт. В целях борьбы с голодом и саботажем правительство протектората разработало специальное законодательство по продовольственному вопросу. 6 августа 1936 г. «чтобы избежать ущерба, который вздорожание продовольствия может нанести трудовым классам» [цит. по: 99, 1936, № 11, стр. 615], генеральный резидент издал два декрета: один из них запрещал экспорт ячменя, другой вводил повышенные пошлины на вывоз оливкового масла. Затем запрет был распространен на экспорт твердой пшеницы и низших сортов оливкового масла [58, стр. 1]. В дополнение к этим мерам декрет 7 августа 1936 г. разрешал Управлению экономических дел производить реквизиции «всех продовольственных продуктов и товаров, необходимых либо для снабжения гражданского населения, либо для посевных нужд» [99, 1936, № 11, стр. 615]. За реквизируемые товары власти выплачивали компенсацию по ценам, включающим процент с капитала и «нормальную прибыль». 1 октября 1936 г. правительство протектората издало декрет об ответственности за укрытие авуаров за границей. Лица, давшие неправильные заявления о принадлежавшем им движимом и недвижимом имуществе за границей, а также о процентных бумагах, карались тюремным заключением до пяти лет и штрафом, равным по стоимости укрытым авуарам. Наконец, декретом от 28 сентября 1936 г. (т. е. через три дня после решения о девальвации франка, осуществленной вопреки голосованию правых партий) был запрещен вывоз золота из Туниса.

Экономические мероприятия правительства еще больше раздражали буржуазно-колонистские круги. Они окончательно разуверились в возможности повлиять на политику правитель-

ства и все свои надежды стали возлагать на уход Блюма. «В течение декабря,— писал Бургиба,— они со дня на день ждали падения правительства — единственное, что могло рассеять их опасения. Сначала они рассчитывали на радикалов, затем на коммунистов, затем на контрнаступление хозяев, затем на девальвацию и финансовые трудности» [42, стр. 80]. Когда же все эти расчеты не оправдались, колонисты решили сами перейти в наступление. При этом они широко использовали экономические трудности и голод, начавшийся в большинстве районов Туниса.

Летом 1936 г. в Тунисе был на редкость плохой урожай: производство хлеба составляло всего лишь 2950 тыс. ц против 7700 тыс. ц в 1935 г., оливкового масла — только 150 тыс. ц, т. е. 1/4 обычного урожая [см.: 37, стр. 62, 66]. В Центре и на Юге крестьяне вообще ничего не собрали со своих оскудевших полей.

Демократические силы Туниса поднялись на помощь голодающим. Правительством протектората были выделены беспрецедентные средства: 29 млн. фр. на продовольственную помощь и 45 млн. фр. на закупку и распределение семенных ссуд [58, стр. 2]. Для борьбы с голодом был создан специальный Комитет помощи нуждающимся под председательством генерального резидента Армана Гийона. В него вошли представители мусульманского и европейского населения Туниса, в том числе представители отдельных демократических организаций — Дюран-Анльивьель от СФИО, Альбер Бузанке от ВКТ, Эва Фишер от Лиги женщин за мир и свободу и др. Члены комитета посетили бедствующие районы и делали все, чтобы наладить дело помощи голодающим. В Центре и на Юге началась раздача продовольствия и одежды. В октябре 1936 г. были созданы первые тэкки — лагеря для голодающих, которые официально именовались «центрами приюта».

Новый Дестур поддерживал мероприятия правительства по борьбе с голодом. Вместе с тем националистическая печать разоблачала различного рода махинации, связанные с распределением помощи, писала о халатности и небрежности местных властей. Нередко нарушались правила и нормы раздачи продовольствия. Голодающие иногда часами выстаивали в очередях за продовольственными пайками. Возникали различного рода эксцессы и беспорядки. Наиболее крупные волнения имели место в Бедже, Матёре, Тебурбе, Габесе. 10 января 1937 г. произошли столкновения в Монастире. Генеральный резидент начал лично инспектировать тэкки и обнаружил массу злоупотреблений. 23 января он отстранил от должности каида Таджруина и восемь чиновников его аппарата. 21 шейх (сельский староста) получил выговор с предупреждением [99, 1937, № 2, стр. 93].

Колонисты воспользовались голодом, чтобы начать широ-

кую пропагандистскую кампанию против политики Народного фронта. Эксцессы голодающих они приписывали коммунистам, Новому Дестуру и прочим «индивидам, известным своей революционной деятельностью». В связи с этим колонисты, а вместе с ними вся колонистская печать открыто требовали пересмотреть французскую политику в Тунисе и прежде всего:

раз и навсегда покончить с «губительной деятельностью» Дестура;

прекратить полемику, которая разделяла европейское население Туниса перед лицом «арабской опасности»;

положить конец всяким требованиям, которые «под предлогом социального прогресса» имели целью перенести в Тунис, еще не готовый к этому, меры, которые в самой метрополии находились в стадии эксперимента;

восстановить понятие о «французской дисциплине» [там же, стр. 98, 99].

«Депеш тюнизьен», отражавшая взгляды колонистов, 15 января 1937 г. с радостью информировала читателей об аресте одного из «агитаторов», об усилении службы безопасности и отправке войск в угрожаемые районы. Колонисты всячески стремились «раскрыть глаза» Арману Гийону и изолировать его от Нового Дестура. Сеялись различного рода слухи. В генеральную резиденцию поступали письма с требованием оградить безопасность французских колонистов. «Со всех сторон,— писал некто Робер Рандо,— тунисскому правительству и в генеральную резиденцию поступают доклады, в которых гражданские контролеры и кайды пытаются выразить свое беспокойство по поводу подымающейся волны анархии и неповиновения, мало-помалу охватившей всю тунисскую территорию» [там же, стр. 93].

Новый Дестур оказывался во все более затруднительном положении. Лидеры партии отмечали, что политическая атмосфера в стране начинала сгущаться. Они обвиняли правительство протектората в том, что оно пыталось укрыть голодающих в тайных лагерях, изолировать их от националистов и не дать Новому Дестуру возможности развернуть движение солидарности. Бургибу и Матри особенно беспокоили действия колонистов и местных властей, которые порой из-за собственной оплошности вызывали волнения, а затем обвиняли во всем генерального резидента и Новый Дестур. «При подобной тактике,— отмечал Бургиба,— ситуация могла ухудшиться в любой момент. Несмотря на усилия партии, внезапно могли возникнуть тяжелые беспорядки, особенно вследствие голода, который свирепствовал в деревнях и мешал людям сохранять хладнокровие. К тому же распределение помощи голодающим ежедневно приводило бедняков на грань терпения при соприкосновении с представителями власти, которые были заинтересованы в беспорядках» [42, стр. 81].

В этой исключительно напряженной обстановке «большая колонизация» перешла в открытое наступление. Сигнал подал сам Венек, председатель Французской сельскохозяйственной палаты и главный дирижер колониалистской клики, как характеризовал его Хабиб Бургиба. 23 января 1937 г. Венек опубликовал в газете «Колон франсэз» открытое письмо генеральному резиденту. Оно было полно угроз и оскорбительных намеков. «Я требую,— писал Венек,— от имени всех французских земледельцев Туниса, представителем которых я являюсь:

прекращения антифранцузской пропаганды, жертвами которой будут французские земледельцы, так же как и все их соотечественники, совершенно изолированные и беззащитные в деревнях;

более обдуманной и разумной деятельности профсоюзных организаций, которые под предлогом улучшения условий жизни сельскохозяйственных рабочих и при поддержке Дестура, использующего их в своей пропаганде, сеют ненависть между работающими и работодателями...

прекращения злобной и совершенно бесчестной кампании некоторых газет, натравливающих арабских рабочих на их работодателей...»

Далее Венек рекомендовал Гийону прислушиваться к мнению своих «сотрудников» и не обращать внимания на парижские декларации, которые «никогда не были столь лживы». В заключение лидер французских колонистов в угрожающем тоне писал, что «если энергичные и быстрые меры не будут приняты, то будет пролита кровь» [цит. по: 99, 1937, № 2, стр. 96]. Ультимативные требования Венека вызвали бурю оваций среди европейских колонистов, которые несколько недель спустя переизбрали его с величайшим триумфом.

Арман Гийон принял вызов. 24 января 1937 г. он опубликовал ответ Венеку. Отдельные беспорядки в бледе, писал он, «далеко не оправдывают психоз, который сам отнюдь не является здоровым элементом общественного порядка». Гийон твердо отстаивал либерально-демократические принципы новой французской политики. «Я считаю,— заявил он,— что репрессии не могут быть единственным способом управления». В заключение Арман Гийон писал: «Пользуясь случаем, я хотел бы дать вам самим совет рассмотреть в согласии с профсоюзными организациями условия жизни и оплаты сельскохозяйственных рабочих» [там же, стр. 96—97].

Итак, между правительством протектората, представлявшим Народный фронт в Тунисе, и французской колонизацией началась открытая борьба. Она четко определила размежевание сил. Новый Дестур и большинство других национальных организаций выступили на стороне французской демократии, против привилегированных слоев европейского населения. 30 января 1937 г. в Гамбетта-парке состоялся массовый митинг,

на котором выступили Матри, Бургиба, Салах бен Юсеф и другие лидеры Нового Дестура. В своей резолюции участники митинга протестовали против призывов к репрессиям и «против попыток чиновного меньшинства, которое, размахивая жупелом арабской опасности и сельских волнений, пытается восстановить французскую колонию против тунисского народа, утвердить свои корыстные привилегии и противодействовать политике согласия и понимания, провозглашенной правительством Народного фронта». В заключение участники митинга «выразили доверие представителю правительства Народного фронта в Тунисе» [там же, стр. 93]. 2 февраля 1937 г. Бургиба, Сфар, Гига, Бен Юсеф и Бен Слиман представили резолюцию митинга генеральному резиденту. Вслед за ними Гийона посетили Тахар бен Аммар и Мухаммед Шеник, которые засвидетельствовали ему «безграничное доверие» от имени Тунисской секции Большого совета. «Таким образом,— отмечал Бургиба,— последняя фаза тунисской проблемы характеризуется борьбой не между Дестуром и Францией, а между Францией, поддержанной всем тунисским народом, и экономическими конгрегациями, ничтожным меньшинством французов, решившим твердо защищать свои привилегии» [42, стр. 83].

Речь Вьено по тунисскому радио (1 марта 1937 г.). В этой исключительно тревожной обстановке Народный фронт медлил со своим выбором. Он терпеливо переносил растущую враждебность колонистов, не уступал им ни на йоту, но — самое главное — он никак не решался поддержать требования национально-освободительного движения тунисского народа. Ориентируясь в основном на настроения французской общественности, он отказывался идти на раздел власти с тунисскими националистами, хотя бы в духе идей о «юридическом протекторате».

22 января 1937 г. Региональный комитет Народного объединения представил наконец свою программу политических и экономических требований. Она предусматривала, в частности:

замену Большого совета «единым народным собранием, демократически избираемым путем всеобщих выборов и состоящим из французов и тунисцев, избранных двумя избирательными коллегиями»; это собрание должно было пользоваться правом инициативы по бюджетным вопросам и выносить по ним окончательные решения с последующим утверждением французским правительством;

создание экономического совета и муниципальных советов, избираемых на основе всеобщего избирательного права, со всеми прерогативами муниципалитетов Франции;

реформу каидатских советов;

распространение гражданского управления на всю территорию регентства;

равенство в заработной плате;
допуск тунисцев ко всем государственным должностям;
закрепление феллаха на земле и предоставление в его распоряжение необходимых земель;
налоговую реформу и национализацию фактических монополий [63, стр. 85].

Эта программа со всей очевидностью говорила о том, что если в области административных и экономических преобразований предложения французской демократии совпадали с программой ближайших требований Нового Дестура, то в области политической Региональный комитет Народного объединения совершенно не учитывал националистических стремлений туниского народа. Предложение о создании единого народного собрания на основе системы двух коллегий представляло собой откровенный шаг в сторону «алжиризации» Туниса и отнюдь не способствовало его постепенной деколонизации. Оно явно страдало политическим патернализмом и свидетельствовало о нежелании выпускать из рук командные рычаги власти. Естественно поэтому, что в демократических кругах национально-освободительного движения эта программа была встречена без всякого восторга.

В этих условиях в начале февраля 1937 г. Новый Дестур попытался еще раз убедить правительство Народного фронта в необходимости принять национальные требования. Бургиба вторично выехал в Париж. Ему было поручено обратить внимание правительства Народного фронта на положение в Тунисе, на растущую активизацию колонистов и по возможности ускорить приезд Вьено или правительственной комиссии. «Речь шла о том, — писал позднее Бургиба, — чтобы побудить Францию положить конец политике выжидания и оттяжек» [42, стр. 82].

Правительство Народного фронта само было обеспокоено обострением положения в Северной Африке. Вьено готовился к поездке в Тунис, и демарш Бургибы оказался несколько запоздалым. Правда, Бургиба успел передать Вьено свою записку, которая, видимо, не сыграла никакой особой роли и лишьполнила досье полномочного представителя Народного фронта. В Тунисе, куда Вьено прибыл 18 февраля 1937 г., его ждали новые меморандумы и предложения. 20 февраля он встретился с членами Политбюро Нового Дестура во главе с Матри. Затем последовали встречи с представителями других политических течений.

Новый Дестур воспользовался приездом Вьено для массовых проявлений своего доверия к политике Народного фронта. Во время поездки по стране Вьено окружала атмосфера восторженного энтузиазма. В большинстве городов, особенно в Сахеле, его встречали толпы ликующих тунисцев. Повсюду виднелись поднятые вверх сжатые кулаки — символ Народного

фронта. Раздавались крики: «Да здравствует Народный фронт!», «Да здравствует Дестур!», «Да здравствует Вьено!», «Да здравствует Бургиба!». Прием, оказанный Вьено на улицах Туниса, полностью изменил обычный протокол министерского визита и придал ему характер яркой демонстрации франко-тунисской солидарности.

Во время пребывания в Тунисе, во время контактов с общественными и политическими деятелями Вьено, по словам Ш.-А. Жюльена, составил «более честное представление» о положении в стране [63, стр. 85]. Свои выводы, а также свои предложения он изложил в знаменитой речи по тунисскому радио 1 марта 1937 г., которая имела огромный политический резонанс.

Прежде всего Вьено осудил старую ошибочную политику ассимиляции и произвола, отметил потрясающую нищету тунисского населения, а главное, отмежевался от колониальной бюрократии и привилегированных прослоек европейского меньшинства. Он провел четкую грань между интересами Франции и французской колонизации. «Некоторые частные интересы французов Туниса,— заявил он по тунисскому радио,— не обязательно совпадают с интересами Франции: она обязана их защищать только в той мере, в какой они не противоречат общим интересам Туниса»⁵. Далее он полностью дезавуировал действия колониальной администрации, сведя их к «отдельным индивидуальным ошибкам». Тут же, в своем выступлении по радио, Вьено наметил основные черты новой, «либеральной, человечной и смелой политики», которую Франция должна была проводить в Тунисе. При этом, по его словам, следовало исходить из того, что «Тунис не является вотчиной Франции, что он имеет собственную франко-тунисскую жизнь». Среди наиболее важных проблем, которые должны были проложить путь к совместному франко-тунисскому суверенитету, Вьено отметил «усовершенствование системы Большого совета и корпоративных палат, реформу местных собраний и расширение их полномочий, создание Законодательного консультативного комитета, организацию контроля над исполнением бюджета». Эти мероприятия должны были привести к «более прямому участию тунисского народа в государственной жизни». В дополнение к этому Вьено обещал выделить крупные средства на развитие образования, которому он придавал исключительно важное значение в процессе обновления страны. Он потребовал также пересмотреть договоры с концессионными обществами и поставил, таким образом, вопрос о возможной национализации горнодобывающей промышленности. Наконец, он довольно настойчиво говорил о необходимости «колонизации Туниса

⁵ Здесь и далее речь Вьено по тунисскому радио цит. по [99, 1937, № 3, стр. 167—168].

самими тунисцами», т. е. высказался в пользу политики постепенного наделения землей тунисского крестьянства. Все эти реформы должны были «отвечать самому принципу протектората» и, по мысли Вьено, содействовать нерасторжимости уз, которые объединяли Францию и Тунис.

Программа Вьено по сути дела исходила из тех же принципов, что и предложения Регионального комитета Народного объединения. Естественно поэтому, что она получила полную поддержку со стороны Тунисской федерации СФИО, ВКТ и других организаций, выступавших за политику Народного фронта. Правда, со стороны радикал-социалистов реакция была более чем сдержанной. «Эр нувель», например, увидела в речи Вьено «едва замаскированное обвинительное заключение, последствия которого бросают в дрожь» [цит. по: 54, стр. 109].

Что касается правых, то они буквально проклинали «разрушителя колониальной империи». Французские колонисты рассматривали выступление Вьено по радио как «образец политической безответственности и демагогического словоблудия». «Это был язык политика, а не члена правительства», — писал Анри Камбон [43, стр. 239], который никак не мог примириться с мыслью, что правительство метрополии может отказаться от поддержки привилегированных слоев французского населения. Парижская правая печать полностью солидаризировалась с колонистами и поддерживала их шумную кампанию против Вьено. По мнению правых, он был виновен в том, что «изо всех сил старался сделать все, чтобы Франция потеряла свою колониальную империю» [54, стр. 109].

Враждебная реакция буржуазно-колониалистских кругов по существу предопределила позицию новодестуровских лидеров. Сама по себе программа Вьено не соответствовала их ожиданиям. Однако, оказавшись перед дилеммой — либо с Народным фронтом, либо против него, — Новый Дестур выбрал первое. Сделав акцент на желании демократической Франции покончить со «старой ошибкой» и отмежеваться от «некоторых частных интересов», новодестуровское руководство поддержало программу Вьено как первый шаг на пути к реформам и вновь выразило доверие правительству Народного фронта. В интервью парижскому корреспонденту газеты «Пти Матэн», опубликованному 4 марта 1937 г., Бургиба заявил, что «нерасторжимый союз между Францией и Тунисом составляет основу всех требований Нового Дестура» [42, стр. 110]. Доктор Матри со своей стороны писал, что «тунисское население целиком готово к сотрудничеству в деле практического осуществления новой политики» [63, стр. 87].

Поддержав, таким образом, программу Вьено, руководители Нового Дестура тем не менее настаивали на одном из наиболее существенных моментов своей программы-минимума

мум — на необходимости покончить с засильем в администрации протектората реакционно настроенных чиновников. Новый Дестур при этом отмечал, что для успеха новой политики и ее дальнейшего развития нужны были кадры, заинтересованные в торжестве Народного фронта. Со своей стороны лидеры партии обещали всемерно «облегчить поворот и избавить французское правительство от неприятности вступить в борьбу с некоторыми из своих сограждан» [42, стр. 110]. В статье «Трудный поворот», опубликованной в «Аксьон тוניзьен» 18 марта 1937 г., Бургиба соглашался, что «всякий чиновник, который лояльно служит правительству, представляющему Францию, должен быть сохранен». Наряду с этим он потребовал решительной чистки страны от «реакционных элементов и их сообщников, которые засоряют высшую администрацию протектората». Бургиба поддержал идею, высказанную Ш.-А. Жюльеном 4 марта 1937 г. на страницах газеты «Попюлер», о необходимости «безжалостно устранять» всех саботажников и пораженцев. «В осуществлении этой предварительной и необходимой чистки,— писал он,— французское правительство будет иметь за собой весь тунисский народ, заинтересованный, как и оно, в успехе этой политики — единственной политики, которая может поднять престиж Франции, обеспечить ее безопасность и создать непреодолимый барьер против амбиций и происков международного фашизма» [42, стр. 112, 113].

Эта позиция руководителей Нового Дестура получила высокую оценку со стороны французской демократии. Морис Торез, в частности, приветствовал тот факт, что «Дестур считает судьбу Туниса неотделимой от судьбы демократической Франции» [цит. по: 99, 1937, № 3, стр. 170]. Это была, по выражению журнала «Африк франсэз», «коммуно-дестуровская ратификация Бардоского договора» [там же, стр. 170]. Если отбросить тенденциозную фразеологию журнала, то он совершенно правильно подметил стремление обеих сторон к возможно более широкому соглашению, которое становилось вполне реальным после поездки Вьено. Реализация этого соглашения могла бы заложить основы для мирной эволюции режима протектората и еще прочнее сплотить народы Франции и Туниса перед лицом общего врага — фашизма.

Фашизм и панарабская пропаганда в Тунисе. После роспуска фашистских лиг правозэкстремистские организации ушли в глубокое подполье. Они отступили, но отнюдь не сложили оружия. Более того, опираясь на поддержку извне, они усилили свою подрывную работу. В июне — июле 1936 г. одновременно с активизацией фашизма в Алжире была отмечена лихорадочная деятельность в праворадикальных кругах Туниса.

Вскоре после декретов 18 июня 1936 г. о запрещении фашистских лиг тунисские группы «Огненные кресты» и «Французское действие» получили официальное уведомление о своем

ропуске. В ответ на это члены различных фашистских организаций, в частности «Огненных крестов», «Патриотической молодежи», «Королевских молодцов», представлявших собой боевые группы «Французского действия», в начале июля 1936 г. собрались в Меджез-эль-Бабе на тайное совещание. На этом совещании фашисты попытались перестроить свои ряды в соответствии с новой обстановкой и поклялись вести беспощадную борьбу с правительством Народного фронта [см.: 107, 17.VII. 1936].

Особенно большую активность в Тунисе проявляли сторонники Дорио и полковника де Ла Рока. Несмотря на то что они не сумели договориться между собой, все они вели разнuzданную кампанию против политики Народного фронта. В качестве легального прикрытия они использовали организации Французской социальной партии (ПСФ) и Французской народной партии (ППФ). Французские националисты из ПСФ предпочитали полулегальные методы. Они нередко созывали подпольные собрания, организовывали секции, всячески саботируя мероприятия правительства и комитетов Народного объединения. В отличие от ПСФ, возникшей на базе «Огненных крестов», приверженцы Дорио пытались организовать массовое движение. Они создавали свои организации в городах и сельской местности, апеллировали не только к европейцам, но и к мусульманскому населению. В частности, они пытались использовать недовольство крестьян и безработных, доведенных голодом до полного отчаяния.

Помимо французских фашистов в стране продолжали действовать итальянские фашисты. Они группировались вокруг газеты «Унионе» и опирались на консульские учреждения фашистской Италии. Итальянская печать постоянно жаловалась на пристрастие французского суда в отношении «итальянцев, которые не принадлежат к масонским и революционным сектам».

Несмотря на отчаянные усилия, фашистам не удалось создать в Тунисе массовой базы. Их действия систематически разоблачались ТКП и другими антифашистскими партиями и организациями. Демократические силы не останавливались ни перед чем, чтобы не допустить превращения Северной Африки в плацдарм для фашистского мятежа. На улицах Туниса нередко завязывались драки и столкновения между фашистами и демократами. Одно из таких столкновений произошло 13 февраля 1937 г. у редакции газеты «Унионе». Директор газеты был приговорен к восьми дням тюрьмы и 100 фр. штрафа. Двое коммунистов, задержанных на месте происшествия, были тут же отпущены, отделавшись небольшим штрафом за нарушение общественного порядка [см.: 99, 1937, № 5, стр. 284]. 14 июля 1937 г., в день национального праздника, были выбиты стекла в помещении тунисского правления ППФ.

Не получив сколько-нибудь значительной поддержки со стороны европейцев Туниса, люди Дорио усилили работу среди мусульманского населения. По примеру Франко они решили воспользоваться арабским экстремизмом, чтобы с его помощью расшатать позиции Народного фронта в Северной Африке. При этом они откровенно рассчитывали на политическое невежество и легкую возбудимость мусульманских масс, на их традиционную ненависть к «руми». Они спекулировали на голоде и нерешенности национально-колониального вопроса, размахивали лозунгами борьбы против капитализма и колониального рабства. Впрочем, как отмечали многие наблюдатели, в своей повседневной пропаганде ППФ выступала не столько против колониализма, сколько против коммунистов и «лжемусульман, оплачиваемых коммунистической партией» [там же, стр. 364].

Особые надежды фашисты возлагали на праворадикальные элементы национально-освободительного движения и на пропаганду арабского национализма. В середине 30-х годов в пан-арабском движении произошли существенные изменения. С одной стороны, оно приобрело широкий действенный характер; окончательно оформились его доктрина и политическая программа. Появились первые работы Сати аль-Хусри, развивавшие идеи арабского национализма, основанного на расовых и лингвистических принципах. Значительно усилилась пропаганда и притягательная сила нового арабского движения. В состав арабской нации стали включаться страны Северной Африки и Египет, становившийся центром арабского мира. С другой стороны, в середине 30-х годов вожди арабского национализма в результате элементарного политического просчета, основанного на слепой ненависти к Западу, решили опираться на помощь гитлеровской Германии. В ней они увидели главного противника Англии и Франции, а также принципиального врага международного «еврейства», который не менее арабских националистов был заинтересован в ликвидации «национального очага для еврейского народа» в Палестине. На этой почве произошло сближение арабских националистов с «третьим рейхом». Военные, политические и молодежные организации арабских националистов стали пользоваться серьезным вниманием со стороны немецкой разведки, а их пропагандистская деятельность — финансово-технической помощью со стороны органов внешней пропаганды фашистских держав.

Особое внимание национал-социалисты уделяли председателю Верховного арабского комитета великому муфтию Иерусалима Амину аль-Хусейни, находившемуся, так сказать, на переднем крае борьбы, и друзскому эмиру Шекибу Арслану, который с 1918 г. обосновался в Швейцарии, в Женеве, где в 1930—1939 гг. от имени арабского Национального комитета издавал журнал «Насыон араб».

Амин аль-Хусейни был непримиримым врагом западной демократии и патологическим антисемитом. Во время второй мировой войны, уже находясь в Германии, он, как пишет Г. И. Мирский, «инкогнито посещал газовые камеры в Освенциме, наблюдая за истреблением евреев» [16, стр. 144]. Он всей душой ненавидел Англию и в 30-х годах был главным проводником германского влияния на Арабском Востоке. В 1931 г. по его инициативе Арабский конгресс в Иерусалиме принял так называемый Арабский пакт, в котором провозглашалось «полное и неделимое единство» всех арабских стран и их обязанность «бороться всеми силами» против англо-французского колониализма для достижения «единой цели — полной независимости и единства» [63, стр. 22].

Шекиб Арслан, фанатично преданный идеалам арабского национализма, в 30-х годах фактически полностью сомкнулся с Амином аль-Хусейни. Если раньше, в 20-х годах, он высоко ценил В. И. Ленина и роль коммунистического движения в борьбе против империализма⁶, то в 30-х годах, после торжества национал-социализма в Германии, он полностью перестроился и начал активно сотрудничать с фашистскими державами. Его журнал «Насьон араб» стал получать финансовую помощь от Германии. Значительно увеличилось влияние и тираж журнала, особенно в странах Северной Африки и среди магрибинской эмиграции во Франции. Шекиб Арслан установил личные контакты и поддерживал переписку со многими лидерами североафриканского национализма. Известны его огромное влияние на Мессали Хаджа, его роль в организации мятежа против республиканского правительства в Испании. У него существовали дружественные отношения с вождями алжирской Ассоциации улемов-реформаторов, а также с молодыми лидерами марокканского национально-освободительного движения. В Тунисе его влияние было несколько меньшим. Но все же и здесь у него были достаточно широкие связи. Особенно большим вниманием Шекиба Арслана пользовался его давний знакомый шейх Абд аль-Азиз Таальби, которого он рассматривал как вождя всего арабо-мусульманского движения в Северной Африке. В 1935 г. он познакомился с Шадли Хайраллахом, в 1936 г. с Хеди Нуирой, тогда еще студентом возглавлявшим федерацию Нового Дестура во Франции [см.: 63, стр. 21]. В феврале 1937 г. на одном из парижских банкетов Шекиб Арслан

⁶ Например, в декабре 1927 г. на сессии Генерального совета Антиимпериалистической лиги Шекиб Арслан резко критиковал политику английских лейбористов и французских социалистов в национально-колониальном вопросе, противопоставляя ее четкой и принципиальной позиции международного коммунистического движения. «Я не коммунист,— говорил Шекиб Арслан,— я не читал Маркса, но я знаю, что Ленин был первым, кто внушил пролетариату чувство братской дружбы к народам колоний, и коммунисты были первыми, кто распространял эту идею и применил ее на практике» [21, стр. 63].

встретился с Хабибом Бургибой. «Вопреки тому что говорили и писали,— утверждает в связи с этим Феликс Гарас,— между ними не было никаких согласованных действий» [54, стр. 111]. Несмотря на это, контакты Арслана с лидерами дестуровского движения были далеко не бесполезны и во многом способствовали пропаганде идей арабского национализма в Тунисе.

28 октября 1936 г. в алжирской газете «Вау эндижан» был перепечатан полный текст Манифеста сирийского Национального комитета арабских националистов, который привлек внимание всей магрибинской общественности. «Арабская нация,— говорилось в этом документе,— это население, которое живет на арабской территории и которое объединено общностью языка, образа мышления, исторических воспоминаний, нравов и обычаев, интересов и надежд». Оно едино на всей территории арабской родины, которую составляли все земли, простиравшиеся от Ирана и Бассорского залива на востоке до Атлантического океана на западе. «Наша арабская нация,— говорилось в Манифесте,— обладает славной историей; она имеет значительное превосходство над западной цивилизацией; из этого следует: мы горды тем, что мы арабы» [99, 1936, № 12, стр. 646]. Злейшими врагами арабского национализма авторы Манифеста объявили колониализм, нищету, невежество, социальный консерватизм и религиозный фанатизм и призвали патриотов бороться с ними «всеми нашими силами».

В 30-х годах пропаганда арабского национализма в Магрибе приняла интенсивный и целеустремленный характер. «Рост строительства мечетей, пропаганда через книги, газеты, грампластинки, проекты интенсификации образования на арабском языке,— писал журнал „Африк франсэз“,— все это непосредственные результаты панарабского начинания» [там же, № 6, стр. 317]. Все более широкий интерес вызывало прошлое и будущее арабов. Националистически настроенная молодежь 30-х годов совмещала приверженность к Народному фронту с экзальтированным поклонением Востоку. Недавний нигилизм уступил место горячему обожествлению. «Молодежь,— писал Ж. Берк,— чувствует себя социальным классом. Она терроризирует старших. В национальной библиотеке Туниса она не читает ничего, кроме романтиков, кроме работы Густава Лебона „Цивилизация арабов“. Она жадно листает каирские иллюстрированные издания» [40, стр. 403]. Тунисские студенты и лиценсты не хотели быть ни подданными бея, ни неофранцузами. В Востоке они видели отрицание теневых сторон западной цивилизации. Они жаждали революции, обновления и какого-то чудесного возрождения обезличенной и поработенной родины.

Кумиром лиценстов и всей учащейся молодежи середины 30-х годов был молодой преподаватель колледжа Садыки — Аллаль аль-Бельхауан, новодестуровец, окончивший Школу восточных языков в Париже. Он был знатоком и ценителем араб-

ского литературного языка, горячим поклонником средневековой арабской культуры. Его лекции по арабскому языку и литературе как нельзя более соответствовали новым веяниям. Тунисская интеллигенция, уже давно и свободно говорившая по-французски, обрела ностальгический интерес к классическому арабскому языку. Этот священный язык Корана и богословских сочинений вышел на широкую политическую арену. Как основной и решающий элемент, позволявший говорить о единой арабской нации, он приобрел огромное общественно-политическое звучание, стал символом и надеждой всего арабского национализма. Ему поклонялись, перед ним благоговели. Литературную арабскую речь слушали с замиранием сердца, даже если не все и не всегда понимали. По-видимому, именно в 30-х годах возникла исключительно острая проблема — соотношение между тунисским койнэ и классическим языком. Патриотически настроенные тунисцы все резче выражали свое недовольство по поводу того, что, оканчивая школу, учащиеся знали арабский литературный язык значительно хуже французского. В Тунисе, как и во многих странах Арабского Востока, разгорелись горячие споры о том, как преодолеть пропасть, разделявшую народный и классический язык. «Часто спрашивают,— писал Поль Себа,— какому из них принадлежит будущее? Разговорному языку, у которого нельзя отнять известного колорита и выразительности, но который для образованного уха постоянно звучит, как какой-то варваризм, и оказывается удивительно бедным, как только требуется выразить несколько отвлеченную мысль? Или же языку книжному, отличающемуся исключительным богатством, запечатленным во всех шедеврах Востока, но который в силу именно своего учебного характера очень труден для освоения?». В жизни, в газетном и политическом обиходе, как правило, пользовались «промежуточным» языком, представлявшим нечто среднее между разговорным и классическим языками. «Можно думать,— продолжал П. Себа,— что будущее принадлежит языку промежуточному, близкому несомненно к тому, каким пользуются журналисты и народные ораторы, которые, для того чтобы выразить сложные понятия, принуждены прибегать к словарной сокровищнице арабского классического языка, а для того чтобы остаться понятным массам — упрощают его морфологию и синтаксис» [20, стр. 206].

Культурно-языковые проблемы широко использовались арабскими националистами для пропаганды социальных и политических доктрин панарабского движения. Особенно большое распространение получили вопросы об арабском единстве, о сплочении арабских стран в борьбе против колониализма. Эти вопросы встречали растущую поддержку мусульманской общности, в том числе ведущих националистических партий. 3 июня 1937 г. Бургиба выпустил специальный номер «Аксьон

тунизьен», целиком посвятив его Шекибу Арслану и его пан-арабскому идеалу.

Все это свидетельствовало о росте националистических настроений в Тунисе и привлекало к себе пристальное внимание лидеров европейского фашизма. Франко, Муссолини, а за ними и германские национал-социалисты начали рекламировать себя в качестве защитников и покровителей арабского мира. В Тунисе особую активность проявляли агенты фашистской Италии. Пользуясь растущим интересом тунисской общественности, особенно молодежи, к проблемам арабского национализма, они попытались инспирировать в стране профашистское политическое движение, выступавшее под флагом арабских националистов. 3 марта 1937 г. вышел первый номер профашистской националистической газеты «Хабиб аш-Шааб». 16 апреля вместо нее стала выходить двухнедельная националистическая газета «Тюнис-насьоналист», издававшаяся на двух языках — арабском и французском [95, стр. 363, 373]. Как говорили, эти издания финансировались кругами, близкими к итальянскому консульству. Названия газет, особенно «Тюнис-насьоналист», говорили о непомерных амбициях их инициаторов, которым, очевидно, не давала покоя огромная популярность социалистической «Тюнис-сосоциалист» — наиболее авторитетного и читаемого органа Народного фронта в Тунисе.

С первых номеров «Хабиб аш-Шааб» и «Тюнис-насьоналист» подавали себя как неустрашимых глашатаев арабского национализма. 27 июня 1937 г. «Тюнис-насьоналист» объявила о создании Националистической партии и опубликовала ее декларацию, состоявшую из пяти пунктов.

1. Не признавать французскую власть во внутренних делах Туниса.

2. Продолжать всеми средствами борьбу за достижение полной независимости.

3. В борьбе за осуществление этой независимости полагаться только на тунисцев.

4. Продолжать искоренение колонизации.

5. Вести Тунис в арабскую федеральную систему — единственную гарантию дорого обретенной независимости [99, 1937, № 10, стр. 463].

Издателем газет и наиболее шумным лидером тунисской Националистической партии был некто Мухаммед Бушрара. Он опирался на немногочисленные группы радикально настроенной националистической молодежи, которые не имели ни массовой опоры, ни даже взаимного доверия и сплоченности. Большинство наблюдателей сходились во мнении, что Мухаммед Бушрара был подставным лицом. Подлинные организаторы и вдохновители Националистической партии предпочитали оставаться в тени. Однако передовая статья первого номера «Тюнис-насьоналист», открыто прославлявшая итальянскую

политику в Ливии, выдавала их с головой и вызывала подозрения у националистов дестуровской формации.

ТКП вела решительную борьбу против происков держав «оси». Коммунистическая печать разоблачала деятельность авантюристической группировки «Тюнис-насьоналист», требовала положить конец свободе, которой пользовались Бушрара и Националистическая партия. Руководители Нового Дестура также выступали с критикой правэкстремистской и террористической деятельности профашистских групп. Они, например, резко осудили террористический акт 29 марта 1937 г., когда фашистские провокаторы дважды стреляли в окна каида г. Монастира и пытались вызвать пожар в здании муниципального совета [107, 2.IV. 1937].

Старый Дестур со своей стороны также отмежевался от группировки Мухаммеда Бушрара. Эта исламофильская партия безусловно питала симпатии к великому муфтию Иерусалима и ненавидела Народный фронт. Но она тяготела к более уравновешенным и социально консервативным кругам арабского национализма. К тому же ее панарабский идеал, носивший традиционные панисламистские черты, был совершенно лишен социального радикализма правых экстремистов.

Антифранцузская пропаганда Националистической партии смыкалась с подрывной работой французских фашистов, и 1 июля 1937 г. Арман Гийон закрыл газету «Тюнис-насьоналист». Мухаммед Бушрара бежал в Алжир, где пытался скрыться от рук правосудия. Однако вскоре он был арестован и препровожден в Тунис, где предстал перед судом.

Реорганизация Нового Дестура. Провал праворадикальных экстремистов в значительной мере объяснялся тем, что мелкобуржуазные и люмпен-пролетарские слои мусульманского населения в это время шли в основном за Новым Дестуром. В 1936—1937 гг. партия Матри и Бургибы превратилась в массовую организацию, имевшую своих активистов в самых различных районах страны. Осенью 1937 г. Новый Дестур насчитывал 460 ячеек [29, стр. 15] и около 70 тыс. членов партии.

Основную массу сторонников Бургибы составляли совершенно неграмотные или в лучшем случае полуграмотные люди с самыми элементарными начатками политического самосознания. В силу своего культурного уровня они не могли ни понять, ни освоить западническую философию своих верховных руководителей. Они просто верили общепризнанным вождям и их местным представителям. Не разбираясь в тонкостях доктрины, рядовые члены партии шли за людьми, которые еще в 1934 г. завоевали огромный авторитет среди мусульманского населения. К тому же участие в новодестуровском движении, по крайней мере с сентября 1934 г., стало одной из форм проявления национальной солидарности. Вследствие этого отно-

шения внутри Нового Дестура зачастую покоились на факторах морального и эмоционального порядка и далеко не всегда определялись сознательным политическим выбором.

Эмоциональный характер связей между руководителями и партийными массами, стремление дисциплинировать и сплотить их в единую национальную партию, наконец, интересы самосохранения дестуровского движения как самостоятельной политической силы в условиях, когда Новый Дестур уступил Народному фронту всю полноту политической инициативы,— все это диктовало настоятельную необходимость в серьезной реорганизации. Нужна была прочная дисциплинирующая структура и яркая национальная символика, четко разграничивавшая своих и чужих. К тому же организационная работа давала выход революционной энергии молодежи, которая в период всеобщего подъема не могла сидеть сложа руки. Организационно-пропагандистская работа целиком поглощала ее революционный потенциал и была основной формой деятельности Нового Дестура в 1936—1937 гг. «Мы,— говорил Бургиба на II съезде Нового Дестура,— отнюдь не ограничивались тем, что оказывали доверие г-ну Вьено и генеральному резиденту и ждали конца колониального гнета по их доброй воле. Параллельно контактам, которые мы поддерживали с компетентными представителями демократической Франции, чтобы рассеять недоразумения, уничтожить предрассудки и показать народ таким, каков он есть, мы с возросшей энергией благодаря возможностям, которые давало более либеральное законодательство, возобновили нашу основную работу по воспитанию и организации масс путем методической пропаганды, имея в виду нейтрализовать власть денег и в случае необходимости противопоставить ее натиску непобедимую силу организованного народа» [74, стр. 29].

Непосредственную и самую надежную опору новодестуровского руководства составляли 28 тыс. низовых активистов [см.: 72, стр. 108], постоянно работавших в различных партийных организациях. Из них состояло руководящее ядро новодестуровских ячеек, по-прежнему являвшихся основным звеном партии. Однако в связи с резким увеличением количества ячеек Политбюро в 1936 г. решило приступить к созданию федераций Нового Дестура как промежуточной ступени между низовыми ячейками и высшими партийными инстанциями. В 1937 г. было образовано 17 федераций, которые вели пропаганду на местах, а также руководили деятельностью ячеек. В годы Народного фронта, в период так называемой децентрализации партии, Политбюро в принципе поощряло автономию федераций и даже призывало местных руководителей действовать в соответствии с обстановкой, не дожидаясь директив из центра. Комитеты федерации должны были подчиняться непосредственно Политбюро как высшему исполнительному органу

Нового Дестура. На практике это выражалось в получении инструкций и текущем контакте с отдельными членами Политбюро или с центральным аппаратом партии, который также оформился в 1936—1937 гг.

Партийную иерархию Нового Дестура по-прежнему возглавляло Политбюро, утверждавшееся на съездах партии или на сессиях Национального совета, которые фактически представляли собой периодические совещания членов Политбюро и председателей федераций. В мае 1936 г. Политбюро было сформировано в составе шести человек. Мухаммед Бургиба, скомпрометировавший себя в период репрессий, не вошел в высшее партийное руководство. В качестве членов Политбюро на чрезвычайной сессии Национального совета 10 июня 1936 г. были утверждены Махмуд Матри (председатель), Хабиб Бургиба (генеральный секретарь), Бахри Гига (заместитель генерального секретаря), Слиман бен Слиман, Тахар Сфар и Салах бен Юсеф. Новыми членами Политбюро являлись Салах бен Юсеф, фактически выдвинувшийся в руководство партии еще в 1934 г., и доктор Слиман бен Слиман. Как и многие другие активисты Нового Дестура, он происходил из крестьянской семьи, был молод (родился в 1905 г.) и полон кипучей энергии. В апреле 1922 г. вместе с другими учащимися колледжа Садыки он примкнул к дестуровскому движению, дал клятву на Коране и участвовал в уличных манифестациях. Во Франции, где он получил диплом врача, Бен Слиман близко сошелся с революционной эмиграцией, открыто симпатизировал Мессали Хаджу и «Североафриканской звезде». В 1936 г. он стал одним из наиболее популярных, динамичных и революционно настроенных лидеров Нового Дестура.

Главенствующая роль в Политбюро принадлежала 33-летнему Хабибу Бургибе. Официально занимая второе место в партийной иерархии, фактически именно он определял основную линию и принципы новодестуровской политики. В бледе он считался одним из самых главных героев сентябрьских дней. И не случайно поэтому в Новом Дестуре постепенно начал складываться культ Бургибы как верховного главы всего националистического движения.

Новый Дестур стремился всячески развивать культ вождя, позволявший ему прибегать к наиболее элементарным формам выражения массовой лояльности националистическому идеалу. Потребность в вожде ощущалась тем более остро, что Абд аль-Азиз Таальби, которого по-прежнему считали «отцом Дестура», был далеко и совершенно недостижим для массового поклонения. И все же культ нового вождя объективно конкурировал с канонизированным образом старого шейха. Чтобы избежать этого, новодестуровское руководство старалось всеми силами создать в народе впечатление о преемственности вождей. Вплоть до середины 1937 г. оно никогда не критико-

вало Абд аль-Азиза Таальби. Более того, оно пыталось использовать его престиж в своих собственных интересах. Бургиба никогда открыто не посягал на авторитет Таальби, стараясь представить себя в качестве его законного преемника. «Отец Дестура» как бы постепенно отодвигался в тень; на его тускнеющий образ исподволь наслаивались краски нового боже-ства. Таальби провозглашался «почетным председателем» почти на всех новодестуровских митингах и собраниях и тем самым невольно способствовал укреплению престижа нового лидера.

Культ Бургибы как вождя национально-освободительного движения зародился в 1936 г. Его выступлениям придавалось особое значение. При массовых скоплениях народа ему особенно долго аплодировали. На общенациональном митинге 28 августа 1936 г. сразу же после избрания Таальби «почетным председателем» Матри зачитал коротенькую телеграмму Бургибы. 5 сентября 1936 г., в день его возвращения из Парижа, арабские газеты, кажется, впервые в истории мусульманской прессы Туниса поместили фотографии; это были снимки Хабиба Бургибы. Тогда же ему была вручена «Серебряная медаль Дестуровского союза молодежи». Начиная с сентября 1936 г. новодестуровские газеты все чаще именовали его «Аль-Муджахид аль-кабир» («Великий борец за правое дело») [см.: 99, 1936, № 10, стр. 540].

С возникновением культа вождя оформилась новая организационно-политическая структура Нового Дестура. Она значительно отклонялась от обычных западноевропейских стандартов. Новый Дестур все более напоминал партии тоталитарного типа, стремящиеся к длительному монопольному руководству обществом. Политическая машина Нового Дестура была строго дифференцирована и имела своей целью подчинить единой воле различные индивидуальные, групповые и социальные интересы.

Под контролем Нового Дестура находились Союз дестуровской молодежи («Аш-Шабига ад-дестурийя»), группы «Мусульманских правоверных бойскаутов», охранные отряды и различные спортивные общества. Среди интеллигенции и студенчества создавались литературные и театральные ассоциации. Многие преподаватели, писатели и поэты были членами Нового Дестура или примыкали к Литературному клубу (Ар-Рабиата аль-адабийя), сочувствовавшему его целям и идеалам. От имени Литературного клуба Новый Дестур выпускал общественно-политический и литературный журнал «Аль-Афкар» («Мысли») [см.: 95, стр. 361]. Мустафа Храйеф, известный тунисский поэт и публицист, издавал новодестуровскую литературно-политическую газету «Ад-Дестур». Среди мелких торговцев и ремесленников распространялась новодестуровская газета «Аль-Амаль аш-шааби» («Народное дейст-

вие») — «орган защиты интересов ремесленников, мелких коммерсантов и рабочих». На вкусы и темперамент молодежи ориентировалась новодестуровская молодежная газета «Аш-Шабаб» («Молодежь»). Всего же под контролем Нового Дестура издавалось 18 общественно-политических, литературных, молодежных, местных и сатирических газет и журналов. Кроме того, к нему примыкали некоторые независимые общественно-политические газеты, такие, как «Аль-Бук», выражавшая взгляды откровенно западных кругов тунисской интеллигенции, и «Ат-Тунис» — одна из наиболее читаемых арабских газет Туниса, которая начала выходить в августе 1936 г.

Особенно большое внимание Новый Дестур уделял вовлечению женщин в национально-освободительное движение. В противовес демократическим женским организациям Новый Дестур стремился создать собственные женские союзы и ассоциации. В 1936 г. под председательством г-жи Бен Мрад состоялось первое собрание женщин-националисток, сочувствующих Новому Дестуру. В январе 1937 г. в Тунисе вышел первый номер феминистского журнала «Лейла», воспринявшего многие тезисы Тахара аль-Хаддада. В частности, он осуждал покрывало, затворничество и деполитизацию женщин. Однако во имя национального единства широкая новодестуровская пропаганда старалась избегать таких щекотливых вопросов, как проблемы семьи и брака, покоившиеся на многовековых принципах шариата, и не вступала в открытую полемику с улемами-реформаторами.

В городах, где Новый Дестур рассчитывал на наиболее действенную поддержку, он использовал самые новейшие методы массовой пропаганды. Оркестры, флаги, празднично украшенные трибуны привлекали на новодестуровские митинги сотни и тысячи участников. Помимо «Аль-Амаль», «Аксьон тюнизьен», «Аш-Шабаб» и других новодестуровских газет на арабском и французском языках широко распространялись политические памфлеты и листовки. Большое эмоциональное воздействие оказывали партийные гимны и патриотические песни, прославлявшие мученичество и готовность умереть за родину.

В 1936—1937 гг. Новый Дестур широко использовал демократические свободы, предоставленные правительством Народного фронта. В какой-то мере подражая тактической линии ФКП, он поддерживал прогрессивные мероприятия правительства Народного фронта и вместе с тем сохранял за собой полную свободу критики. С одной стороны, он стремился, по выражению журнала «Африк франсэз», «подменять законные собрания» [99, 1937, № 2, стр. 92]. В газетных статьях, в комюнике для печати и в беседах с генеральным резидентом лидеры партии высказывали конструктивные соображения по бюджету и по иным вопросам, выносившимся на обсуждение

Большого совета. С другой стороны, при полном нейтралитете властей Новый Дестур критиковал колониальный режим протектората. Анализируя газету «Аш-Шабаб», листовки и другие пропагандистские материалы Нового Дестура на арабском языке, журнал «Африк франсэз» выделил несколько основных направлений в новодестуровской пропаганде в период Народного фронта [там же, стр. 88—91].

Прежде всего Новый Дестур популяризировал свою программу ближайших требований. Широко используя революционную фразеологию, он разоблачал прислужническую роль Большого совета и призывал уничтожить его, как Бастилию. Он настаивал на введении всеобщего избирательного права, создании национального парламента и полного ответственного министерства. Изо дня в день новодестуровская печать требовала искоренять пережитки «пейрутоновщины». Она выступала за чистку администрации, против великодержавного патернализма и расистских тенденций. Одной из наиболее популярных тем новодестуровской пропаганды была борьба против «колониальной трети» и вообще против «политики фаворитизма». Новый Дестур требовал установления полного равенства в оплате труда, яростно критиковал европейских колонистов, забравших лучшие земли, и французских чиновников, обогащавшихся на слезах и страданиях тунисского народа. Новодестуровские газеты клеймили «привилегии» и «спекулятивные общества», занимавшиеся эксплуатацией тунисских трудящихся.

Большое внимание новодестуровская пропаганда уделяла внутренним врагам тунисского национализма. В газетах, листовках, в речах политических ораторов неустанно клеймились «раскольники и несогласные», подрывавшие «мощь и единство» дестуровского движения, а также «факиди аль-ватанийя» — безродные отщепенцы, утратившие патриотическое сознание, т. е. все те, кто не верил в торжество национального дела и стоял в стороне от национально-освободительной борьбы. Наконец, Новый Дестур всячески поносил властителей блада — так называемых кайасыра аль-афак («царей мира»). Это были мелкие феодалы, ростовщики и прочие деревенские potentаты, которые держали в своих руках нищее тунисское крестьянство, всячески помыкали им и в свою очередь пресмыкались перед французскими колониальными властями.

Среди сельского населения, в забитой и неграмотной тунисской деревне, Новый Дестур делал упор на личное общение и устную пропаганду. Во многих местностях Туниса были открыты специальные сельские бюро Нового Дестура. Богато украшенные в цвета национального флага, они привлекали окрестных жителей, которые собирались перед этими бюро и вели нескончаемые разговоры с представителями местных новодестуровских ячеек, устанавливавших здесь постоянное де-

журство. Время от времени в сельские районы выезжали руководители федераций и члены Политбюро Нового Дестура. Периодически они совершали пропагандистские туры с речами и выступлениями в отдельных деревнях, дуарах и завиях. Послушать ораторов стекались сотни крестьян и кочевников. «Визит в Центр какого-нибудь сиди из Дестура, прибывающего на рыночную площадь в украшенном флажком автомобиле — киф-киф⁷ резидент или самый главный генерал, — писала колониистская газета „Трибюн“ в январе 1937 г., — заставляет сильно задумываться невежественных феллахов» [цит. по: 99, 1937, № 2, стр. 97].

Выступая в роли защитника простых крестьян, Новый Дестур старался связать свою пропаганду с конкретными выступлениями против различного рода притеснений и несправедливостей, которыми была полна деревенская жизнь. Новодестуровские активисты составляли жалобы, ходатайствовали перед властями за своих подопечных. И раньше люди бедла, писал Роберт Рандо, приходили с жалобами к местным начальникам. Они излагали их устно, зачастую сбивчиво и редко добивались успеха. Теперь же крестьяне отправлялись к шейхам, халифам и каидам в сопровождении местных новодестуровских шефов и представляли письменные жалобы, написанные по всей форме. Если через какой-то «довольно короткий промежуток времени» жалобщик не получал удовлетворения, то его жалоба целиком воспроизводилась на страницах «Аксюн тюнизьен», которая вела с этой целью постоянную рубрику «Голос из глубины страны». В дело вмешивались высшие инстанции и заставляли местных начальников принимать срочные меры. Все это, естественно, укрепляло престиж Нового Дестура среди крестьянства.

Социальная база Нового Дестура. Успехам Нового Дестура в значительной мере способствовала эволюция общественного сознания, начавшаяся в конце 20-х годов, а главное, формирование и укрепление новых средних классов, т. е. промежуточных социальных прослоек, связанных с развитием современного общества, техники и крупного рыночного хозяйства.

Средние классы вообще играют чрезвычайно важную роль в идейном и культурном развитии нации. Как промежуточные слои, еще не утратившие живых связей с народом и вместе с тем в силу своего материального и культурного уровня способные к восприятию моральных ценностей высших классов, они выполняют важные посреднические функции в национальном сообществе. С одной стороны, они являются главными передатчиками культурных достижений и идеалов, выработанных в высших классах. С другой стороны, они обеспечивают

⁷ Арабское выражение, соответствующее русскому «точь-в-точь».

обратную связь: через них народные массы оказывают воздействие на формирование общенациональной культуры. Отсутствие средних классов создает пропасть, которая разрывает культурное единство нации и нередко приводит к отрыву интеллектуальной элиты от собственного народа. Это и произошло в подавляющем большинстве стран Востока на рубеже XIX—XX вв. Европеизированная верхушка этих стран с ее новыми идеалами и представлениями о жизни, выработанными с учетом достижений западноевропейской цивилизации, не сумела передать их широким народным массам. Еще академик И. Ю. Крачковский отмечал, что многие начинания, направленные на национальное возрождение арабских стран, были полностью парализованы одной и «той же преградой, которая так резко чувствуется в исламе XIX и XX века». Многие таланты и дарования были обречены на полное бесплодие; их личные стремления не становились достоянием нации. «Он,— писал об исламе И. Ю. Крачковский,— не обладает средой, которая могла бы продолжить и укрепить их работу; здесь нет еще того среднего класса, который мог бы служить связующим звеном между широкими слоями населения и крупнейшими представителями интеллигенции» [12, стр. 31].

С этой точки зрения положение в Тунисе значительно изменилось. В 30-х годах здесь в процессе разложения традиционных структур старого мусульманского общества возникли социальные прослойки, представлявшие некоторое подобие нового среднего класса, способного выполнять посреднические функции во внутринациональном идейном и культурном обмене. «В течение двух последних десятилетий,— говорил в 1955 г. Анри де Монтети, много занимавшийся проблемами тунисской социологии,— вследствие тех же самых причин, которые привели к обновлению и приумножению буржуазных классов (модернизация хозяйства и западное образование.— Н. И.), на более низком уровне, хотя и четко отделенном от народной массы, появились и в свою очередь стали развиваться несколько промежуточных категорий — средние классы» [70, стр. 133].

Решающими признаками, отличавшими этот нарождавшийся новый средний класс от других мелкобуржуазных слоев, были «западное» образование (хотя бы начальное в 30-х годах) и отсутствие собственности на средства производства. Представители нового среднего класса — низшие чиновники и служащие разного рода, судебные секретари, маклеры, нотариусы, фельдшера, учителя, техники и старшие мастера — жили на регулярно получаемую заработную плату, но в отличие от рабочих не занимались чисто физическим трудом.

Как и промышленные рабочие, новые средние слои были важнейшим фактором национального сплочения. В их среде, отмечал Анри де Монтети, впервые были стерты границы между страной бедуинов и горожан. Они были лишены старых

корпоративных, социальных и этнических предрассудков и в равной мере открыты к различным слоям тунисского народа. Являясь выходцами из крестьян, бедуинов и обедневших слоев торгово-ремесленного населения, они сохраняли генетическую близость к ним, а нередко и родственные связи. Вместе с тем, включившись в процесс крупного капиталистического производства, они не питали никакой вражды к новым формам жизни, развивавшимся под влиянием западноевропейской цивилизации.

В материальном отношении положение нового среднего класса было достаточно скромным. Однако по сравнению с широкими народными массами средние слои имели довольно высокий жизненный уровень. Они, как правило, покупали новую (а не поношенную) одежду и жили в двух- или трехкомнатных квартирах. Их привлекал европейский стиль жизни и новые европеизированные моды.

Но самое главное, новые средние классы вместе с промышленными рабочими были массовыми носителями той новой жизненной философии, которая стала складываться в результате морального кризиса мусульманского общества на рубеже 20—30-х годов. Порывая с традицией, они воспринимали новые, городские нравы и европеизированный образ мышления. «Эволюция нравов, характеризующаяся индивидуализмом и эмансипацией женщины,— отмечал Анри де Монтети,— широко и повсеместно присуща буржуазии, средним классам и городским рабочим» [70, стр. 137]. В большинстве своем представители нового среднего класса являлись *self made men*, людьми, самостоятельно утверждавшими себя в жизни, с огромным запасом энергии, с высоко развитым чувством личной ответственности и индивидуальной инициативы. Андре Демеерсман, социально-психологические наблюдения которого представляют несомненный интерес, отмечал у городской молодежи появление принципиально новых человеческих качеств и прежде всего «сознание личной индивидуальности» и «утверждение индивида как личности» перед лицом семьи и общества [46, стр. 58—59]. Представители европейски образованной городской молодежи, конституировавшейся в новый средний класс, решительно порывали с архаичной средой, с родо-племенным конформизмом и бездумным подчинением традиции. В брачных контрактах они отказывались от таких, с европейской точки зрения, странных условий, как обязательство не вынуждать жену покинуть свой квартал. «Индивид,— писал об этих людях Демеерсман,— отдает себе отчет в том, что он имеет фундаментальные права, права, которыми он не может пожертвовать никому, даже семейной группе, наиболее уважаемой из всех,— права на достойную жизнь, на жизненный минимум, на использование и развитие своих способностей, на труд и на плоды своего труда, на личную собственность, и

не только коллективную, на независимый семейный очаг, на свободное воспитание своих детей согласно своим концепциям» [46, стр. 59].

В 30-х годах численность нового среднего класса с его новой индивидуалистической психологией была еще сравнительно невелика. Однако его роль в обществе значительно повышалась вследствие трех моментов, которые характеризовали социальную атмосферу Туниса предвоенных лет. Во-первых, в состав нового среднего класса входили представители новой и сравнительно многочисленной тунисской интеллигенции, вышедшей из разношерстных, которая по своему происхождению и по своим социальным связям по сути дела представляла собой его наиболее образованный авангард. Во-вторых, в порядке обратной связи престиж Нового Дестура с его интеллигентским руководством увеличивал общественно-политическую значимость нового среднего класса. И, наконец, в-третьих, новые средние слои в Тунисе имели довольно существенный резерв в виде хозяйственно самостоятельных и инициативных прослоек сельского населения — садоводов, огородников, оливководов, рыбаков, владельцев сельских маслобоен, мелких и средних землевладельцев, переходивших к рыночному предпринимательскому хозяйству. Многие из них были зажиточны, постоянно или «все еще достаточно часто», как пишет П. Себа, прибегали к наемному труду [20, стр. 181] и по своей социальной характеристике приближались к той категории крестьянства, которую обычно рассматривают как «кулачество».

Следует, однако, подчеркнуть, что эти зажиточные прослойки сельского населения Туниса принципиально отличались от так называемого кулачества феодального типа — чрезвычайно распространенной на Востоке прослойки мелких сельских богатеев, этих «кайасыра аль-афак», использовавших традиционные методы эксплуатации крестьянства (ростовщичество, кабалу, внеэкономическое давление, вытекающее из связей с низовой властью). В Тунисе помимо этих богатеев в 20—30-х годах сложился новый тип мелкого сельского предпринимателя. Это были землевладельцы или экономически самостоятельные арендаторы, эксплуатировавшие с помощью нескольких рабочих цитрусовые сады, небольшие оливковые плантации или зерновые хозяйства площадью 20—50 га [см.: 70, стр. 136]. В Тунисе, в частности в Сахеле и в некоторых местностях на Северо-Востоке, некогда заселенных морисками — выходцами из мусульманской Испании, в отличие от ряда других арабских стран издавна существовали традиции мелкого частнособственнического хозяйства, основанного на личном труде свободных мелких мульковых землевладельцев. После первой мировой войны многие из них постепенно модернизировали свои хозяйства и начали переходить к европейским методам хозяйствования. Оценить

удельный вес этих «средних сельских классов» хотя бы с примерной точностью очень трудно. Если обратиться к данным Нового Дестура, основанным на результатах различных правительственных обследований 30-х годов, то из 1,8 млн. всего сельского населения Туниса около 1 млн. приходилось на безземельных крестьян, батраков, хаммасов, пауперизированных бедуинов и полунищих общинников, составлявших в совокупности «текущий пролетариат без реальных средств производства» [91, стр. 22]. 400 тыс. являлись джеддари или собственниками земли в районах зернового хозяйства и 450 тыс. занимались садово-плантационным хозяйством на Северо-Востоке, в Сахеле и южных оазисах. В зерновых районах Севера на современный тунисский сектор, включая помещичьи хозяйства, приходилось не более $\frac{1}{6}$ площади тунисских посевов; в степях Центра и Юга господствовал традиционный сектор. Лишь в Сахеле и на Северо-Востоке зажиточное хозяйственно самостоятельное крестьянство представляло крупную силу. В Сахеле, например, где вообще отсутствовало помещичье землевладение, а богатые семьи были совершенно незначительны, по данным обследования, опубликованном в 1938 г., около 10% сельского населения составляли зажиточные крестьяне (500—1000 оливковых деревьев) и 30% — крестьяне-середняки (не менее 100 оливковых деревьев) [см.: 112, 1938, № 2, стр. 310]. Таким образом, в Сахеле на «сельские средние классы» приходилось около 40% крестьянского населения, тогда как в целом по стране этот процент, вероятно, не превышал 10.

В целом средние слои — новый средний класс и примыкающие к нему прослойки зажиточного крестьянства — составляли основную социальную опору Нового Дестура, а Сахель (14% всего населения Туниса в 1936 г.) — его главную географическую базу. Новые средние слои и Сахель дали основную массу партийных активистов и почти весь руководящий состав Нового Дестура. Как уже отмечалось, 85% новодестуровского руководства составляли выпускники французских колледжей, лицеев и университетов, происходившие из низших классов.

В своей повседневной пропаганде Новый Дестур постоянно апеллировал к молодежи и «феллахам из деревень». Он квалифицировал их как свою самую надежную опору и в большинстве районов действительно сумел привлечь их на свою сторону. Разрыв замкнутых хозяйственных связей, упадок натурального хозяйства, вовлечение деревни в систему товарно-денежных отношений, разрушительные последствия мирового экономического кризиса, до основания потрясшие незамысловатую экономику крестьянских хозяйств, — все это способствовало успехам новодестуровской пропаганды. Наконец, надлом старого общества, происшедший на рубеже 20—30-х годов, распад старых социальных и родо-племенных связей,

подрыв традиций и ниспровержение вековых идеалов полностью видоизменили психологию туниССкого крестьянства. В 30-х годах феллахи и бедуины утратили веру в своих старых вождей и духовных наставников. Марабуты потеряли былую власть над душами деревенской молодежи, которая со все возрастающим интересом прислушивалась к новодестуровским проповедникам. «Марабутские братства,— констатировал франко-туниССкий историк Артур Пеллегрэн,— лишились большинства приверженцев, и их вожди более не имели прежнего влияния на массы» [80, стр. 205]. Морально-политический вакуум, образовавшийся в результате упадка марабутизма, постепенно начал заполняться Новым Дестуром. С ним крестьяне стали связывать свои самые заветные помыслы и стремления. Политика оттеснила веру и стала, по выражению Жака Берка, «новой формой надежды» [40, стр. 40].

Множество крестьян вступило в партию Новый Дестур; другие поддерживали его морально и материально, создавая благоприятный климат для новодестуровских активистов. Однако крестьянская прослойка в Новом Дестуре была далеко не самой главной. Крестьянство не являлось основной движущей силой новодестуровского движения. К тому же оно не определяло ни его тактику, ни его политико-философскую доктрину. Одним словом, Новый Дестур не стал крестьянской партией. И тем не менее симпатии крестьянства помогли Новому Дестуру занять ведущее место в национально-освободительном движении.

В городах массовую опору Нового Дестура составляли обездоленные слои непролетарского происхождения. В частности, в 1936—1937 гг. произошло резкое изменение в настроениях традиционных кругов мелкой буржуазии, связанных с мелкотоварным производством. В Тунисе они были представлены довольно многочисленными категориями мелких коммерсантов и предпринимателей: лавочниками, торговцами на суке, сельскими торговцами, ремесленниками, кустарями всякого рода, владельцами мельчайших транспортных и ремонтных предприятий. В социально-психологическом плане к ним примыкали неимущие прослойки арабского мещанства, восточный городской плебс, который, используя выражение Г. Мирского, можно характеризовать как «непролетарскую и полупролетарскую трудовую бедноту» [17, стр. 45]. Все эти бедняцкие и мелкобуржуазные прослойки города были целиком и полностью выключены из процесса крупного капиталистического производства и совершенно не затрагивались технико-экономическим прогрессом. Более того, иностранное капиталистическое господство с его наплывом импортных товаров и мод несло этим слоям неисчислимыя бедствия, обрекая их на постепенное вымирание. Не удивительно поэтому, что в мелкобуржуазных слоях сильнее всего были развиты антиим-

периалистические и антикапиталистические настроения. Они всей душой ненавидели империализм и западноевропейскую цивилизацию, были искренними приверженцами традиций. Они предпочитали унаследованную от дедов восточную одежду, шешию и старый сложившийся быт. В течение длительного времени они поддерживали Старый Дестур. Однако в конце 20-х годов они разочаровались в его лидерах. Фактически они оказались без аутентичного руководства. Не имея выбора, они еще во время кампании против натурализации обратили свои симпатии к революционной молодежи. Пейрутоновские репрессии укрепили эти чувства, и в период Народного фронта мелкобуржуазные и непролетарские слои города оказали Новому Дестуру широкую поддержку. В 1937 г. они начали массами вступать в партию, пополняя ее первичные организации и низовой аппарат [см.: 67, стр. 82]. К концу 1937 г., писал Кл. Мур, по крайней мере половину местных кадров Нового Дестура составляли выпускники Аз-Зитуны [72, стр. 35], как правило, разделявшие взгляды и настроения мелкобуржуазных мещанских слоев города.

Что касается буржуазии и высших классов, в совокупности составлявших не более 2% населения Туниса [см.: 70, стр. 135], то у них не было единой позиции по вопросу об отношении к новодестуровскому движению. В целом Бургиба и его друзья были для них «афаки» («деревенщина»), людьми другой социальной среды и формации.

Несмотря на это, национальная предпринимательская буржуазия во главе с Шеником, по крайней мере со времен дела о кредитном кооперативе, благосклонно относилась к Новому Дестуру. Фактически она довольно тесно блокировалась с ним. Располагая крупными материальными ресурсами и влиянием, в частности в Большом совете, она продолжала оказывать Новому Дестуру серьезную материальную и моральную поддержку. Основные выступления Шеника в этот период никогда не расходились с интересами новодестуровской политики. В порядке ответной любезности Новый Дестур во имя «национального единства» никогда не устраивал забастовок или каких-либо других массовых движений в хозяйствах тунисских предпринимателей, хотя условия труда в них зачастую были значительно хуже, чем на французских предприятиях или на фермах французских колонистов.

Патрицианская буржуазия, хабусные и традиционалистски настроенные землевладельцы по-прежнему были враждебны к Новому Дестуру и делали ставку на стародестуровское руководство.

Наконец, большинство аристократических фамилий мамлюкского и андалусского происхождения, буржуазная интеллигенция, высшие сановники и чины бейской администрации (каиды, кахьи, халифы), а также различного рода местные

нотабли — одним словом, все, кто обладал прочным положением в обществе, владел наследственными землями, приобретал облигации и акции французских компаний, составляли своего рода «феодално-компрадорскую верхушку». Она стояла за продолжение сотрудничества с либеральной Францией или в крайнем случае делила свои симпатии между Шеником и генеральной резиденцией. Многие ее представители были связаны с французскими банками и с различной долей искренности полагали, что без Франции «дело цивилизации» в Тунисе пойдет прахом. В большинстве своем они были враждебны Новому Дестуру и составляли местную опору французского колониализма.

Их главным антиподом был тунисский промышленный и сельскохозяйственный пролетариат, представлявший собой наиболее динамичную, сплоченную и естественно организованную силу тунисского общества. В середине 30-х годов его численность, а главное, его классовое самосознание заметно выросли. Интересно отметить, что даже рабочие кустарных предприятий в 1936—1937 гг. образовали собственные профсоюзные организации, противопоставлявшие себя профессиональным объединениям ремесленников и мелких хозяев. По сути дела это явилось последним ударом по старой цеховой организации тунисского ремесла, унаследованной от средних веков. В 1936—1937 гг. распались последние цехи и цеховая система прекратила свое существование [см.: 20, стр. 147].

Хотя большинство тунисского рабочего класса по-прежнему составляли неквалифицированные рабочие, как правило, неграмотные и не имевшие никакой специальной подготовки, тем не менее в межвоенные годы в Тунисе постепенно росли кадры квалифицированных рабочих-металлистов, горняков, транспортников и т. д. Постепенно повышался их культурный уровень. В социально-психологическом плане городские рабочие, занятые на крупных капиталистических предприятиях, практически мало чем отличались от представителей нового среднего класса. Они лучше других народных слоев чувствовали и понимали вкус новой жизни. К тому же они находились в постоянном общении со своими французскими и итальянскими товарищами, работали с ними бок о бок, совместно проводили забастовки и профсоюзные собрания.

Тунисские рабочие имели давние связи с новодестуровским движением. В 1934 г. докеры г. Туниса образовали одну из самых боевых организаций Нового Дестура. В 1935 г. рабочие сыграли ведущую роль в антиимпериалистических выступлениях новодестуровского подполья. Новодестуровские руководители, прошедшие политическую школу у французских марксистских партий, в полной мере отдавали себе отчет в потенциальных возможностях рабочего движения и прекрасно понимали, что от позиции рабочего класса во многом зависела

судьба национально-освободительного движения и участь самого Нового Дестура. Естественно поэтому, что руководство Нового Дестура прилагало максимум усилий, чтобы подчинить своему влиянию организованное движение тунисских рабочих.

Возрождение Тунисской всеобщей конфедерации труда. В период Народного фронта в профсоюзных организациях и на предприятиях исчезли наиболее одиозные формы расово-национальной дискриминации. Для всех рабочих, независимо от их национальной и политической принадлежности, существовали единые законы и одинаковые условия труда. Тунисские рабочие могли занимать любые должности в профсоюзах, в том числе в секретариате Департаментского объединения ВКТ с его социалистическо-коммунистическим руководством. И действительно, во многих случаях арабы, в том числе новодестуровцы, возглавляли низовые профсоюзные организации, если они пользовались доверием большинства рабочих.

На деле, однако, сохранялись существенные различия между европейскими и мусульманскими рабочими, которые вытекали из исторически сложившихся различий в уровне квалификации и общей культуры. В большинстве своем тунисские рабочие были неграмотны. Как правило, они выполняли менее квалифицированную и, следовательно, хуже оплачиваемую работу. «В крупных сельскохозяйственных имениях,— писал Поль Себа,— механиками, слесарями, кузнецами, водителями машин работали европейцы, а чернорабочими были тунисцы. На горных разработках начальники забоев, шахтеры, крепильщики набирались из европейцев, а чернорабочие в шахтах и на-гора — из тунисцев. На строительстве каменщиками, а также кровельщиками были европейцы, а землекопами — тунисцы. На автомобильном транспорте шоферами работали европейцы, а большинство рабочих, сопровождающих грузы, составляли тунисцы» [20, стр. 187]. Все это, естественно, создавало объективную почву для националистических настроений среди тунисского рабочего класса, не говоря уже о таких факторах субъективного порядка, как пережитки ксенофобии у недавних выходцев из деревень, кочевий и торгово-ремесленных кварталов, антиимпериалистические устремления тунисского народа, деятельность националистов и т. п.

Вследствие этого в Тунисе никогда не угасало стремление к образованию самостоятельных национальных профсоюзов. Среди тунисских рабочих были живы традиции Мухаммеда Али. Еще в октябре 1934 г. «товарищ из профсоюзов» говорил Лео Ваннеру, специальному корреспонденту «Юманите»: «Мы хотим получить „профсоюзное право“, но в рамках тунисской ВКТ» [107, 4.XI.1934].

В период Народного фронта эти настроения не исчезли. 14 июня 1936 г. на массовом митинге в Гамбетта-парке, посвященном образованию Народного объединения Туниса, вне

списка выступил Али Каруи — один из немногих оставшихся в живых сподвижников Мухаммеда Али. При бурной поддержке докеров, грузчиков и ломовых извозчиков он заявил: «Сегодня ТВКТ возрождается из пепла. Мы объединим вокруг себя все профсоюзы туниских трудящихся. Наша полная и окончательная реорганизация — это лишь вопрос дней... ТВКТ будет независима от местных организаций. Она представляет большинство и будет зависеть непосредственно от ВКТ и II Интернационала. Мы сделаем все необходимое для этого» [99, 1936, № 7, стр. 399].

18 июня 1936 г. Региональный комитет Народного объединения осудил выступление Али Каруи, как допустившего националистические высказывания, выразившиеся в отрицании общности интересов у туниских и французских рабочих [там же]. Новый Дестур со своей стороны сделал все возможное, чтобы замять инцидент и прекратить всякие разговоры о воссоздании ТВКТ.

Однако с течением времени политика сотрудничества с правительством Народного фронта оказывалась во все большем несоответствии с националистическими настроениями масс. Намечался явный разрыв между официальной линией новодестуровского руководства и ростом антифранцузских настроений в стране. Учащались различного рода эксцессы и столкновения на чисто национальной почве. В конце 1936 г. лидеры Нового Дестура были вынуждены констатировать появление признаков бури на политическом горизонте. Испытывая все возрастающее давление снизу, со стороны низовых активистов, Политбюро Нового Дестура фактически перестало сдерживать националистические выступления рабочих-мусульман. В начале января 1937 г. горняки-туниscopy Мулареса осvistали прибывшего к ним Альбера Бузанке — генерального секретаря Департаментского объединения ВКТ. 16 января в туниском порту произошла крупная драка между тунискими докерами и докерами-алжирцами, составлявшими основное ядро местной организации ВКТ. Около 20 человек было госпитализировано [см.: 99, 1937, № 2, стр. 97].

Отныне Новый Дестур активно включился в работу по восстановлению ТВКТ. Начался открытый раскол в профсоюзных организациях. В феврале — марте 1937 г. образовались первые «независимые» профсоюзы, более или менее открыто противопоставлявшие себя ВКТ. Основными центрами движения были пролетарская Бизерта — этот незатухающий очаг национального синдикализма, г. Тунис, особенно его портовые районы, горный бассейн Гафсы, рудники Джебель-Абиод, а также колонистские фермы в районах Беджи, Сук-эль-Хамиса и Сук-эль-Арбы в долине верхней Меджерды. Одними из первых сформировались профсоюзы туниских железнодорожников, докеров, шоферов, рабочих ткацких мастерских, булочных и

пекарен и т. д. Тунисские рабочие, находившиеся под влиянием Нового Дестура или независимых национал-синдикалистов, пытавшихся возродить традиции Мухаммеда Али, массами покидали организации ВКТ и вступали в новые тунисские профсоюзы.

Таким образом, через 12 лет после разгрома первой Тунисской всеобщей конфедерации труда были восстановлены автономные и национальные профсоюзы, заявившие о своем желании присоединиться к возрождавшейся ТВКТ. Одновременно с ними оформлялись центральные органы новой профсоюзной конфедерации. Они никем не утверждались и по сути дела представляли инициативную группу по восстановлению ТВКТ. Ее наиболее известными вождями были Али Каруи, Тахар бен Салем и Мухаммед Махбуби, а также Белькасем Гнауи — один из лидеров Нового Дестура, возглавлявший партию после краха III Политбюро в 1935 г.

Раскол ВКТ привел к разрыву единства и сплоченности тунисского рабочего движения. Выступления рабочих утратили интернациональный характер и все более окрашивались в националистические тона. Росло недоверие между французской и тунисской ВКТ. Многие забастовки стали проводиться несогласованно, иногда даже вопреки мнению другой профсоюзной организации. Уйдя из ВКТ, тунисские рабочие лишились ее бронированного прикрытия. Фактически они оказались один на один с патронатом, и этим немедленно воспользовались хозяева тунисской промышленности.

4 марта 1937 г. произошли трагические события на Юге, на фосфоритных разработках компании Гафсы. Несмотря на подписанный 29 ноября 1936 г. коллективный договор, обстановка на предприятиях компании продолжала оставаться исключительно напряженной. Согласившись на введение 40-часовой рабочей недели, администрация установила такие нормы дневной выработки, что, для того чтобы выполнить их и сохранить прежний уровень заработной платы, рабочие должны были оставаться на работе в сверхурочное время. Это сводило на нет социальные завоевания Народного фронта. До июня 1936 г. тунисские рабочие компании жили, как правило, в барачных общежитиях по пять-восемь человек в комнате, работали по 10—12 часов, нередко при жаре 40° в тени. Уловки компании отнимали у них всякую надежду на реальное улучшение условий жизни и труда.

Рабочие волновались. Представители ВКТ и компании вели нескончаемые переговоры об уточнении коллективного договора. ВКТ призывала горняков к хладнокровию и выдержке. Однако большинство рабочих не доверяли европейским товарищам, поддержали профсоюзных националистов и в конце концов решили действовать самостоятельно, выступив как против компании, так и против местного руководства ВКТ. Хотя

движение, по словам генерального резидента, не являлось чисто дестуровским, произошло «опасное смешение пропаганды собственно профсоюзной и пропаганды политической» [там же, № 4, стр. 223].

2 марта 1937 г. без согласования с ВКТ тунисские рабочие начали забастовку. Около рудников были выставлены пикеты. В Метлави забастовщики заняли территорию предприятия и блокировали часть помещений, в том числе склад с динамитом, военным снаряжением и оружием. Последнее, впрочем, было непригодно для использования из-за отсутствия некоторых основных частей. В Мдилле, Редейефе и Муларесе тунисцы встретили противодействие европейского персонала разработок. Департаментское руководство ВКТ осудило самочинную забастовку и предложило рабочим возобновить работу с утра 3 марта. Однако рабочие по призыву своего профсоюзного бюро, почти целиком состоявшего из членов Нового Дестура, отказались следовать указаниям ВКТ. Они не отходили от заблокированных помещений, «мирно пили чай, разговаривали и ждали» [107, 2.IV.1937]. Брахим, местный профсоюзный лидер, выехал в г. Тунис, чтобы добиться скорейшего мирного урегулирования.

Блокирование склада с оружием дало повод администрации обратиться за помощью к властям. 4 марта в Метлави прибыли каид Гафсы, гражданский контролер и крупные отряды жандармерии и спаги под общим командованием полковника Мура. «Люди,— писала „Юманите“ 2 апреля 1937 г.,— стали нервничать». Жандармы получили приказ овладеть складом оружия. Капитан Нассиве, начальник местной жандармерии, разместил своих людей около южных стен заводской территории и приказал рабочим отходить в противоположном направлении. Они отказались. Тогда капитан в сопровождении нескольких жандармов двинулся навстречу рабочим. Несколькими ударами он был сбит с ног; на жандармов и спаги обрушился град камней. Пытаясь спасти своего начальника, один из жандармов открыл огонь. Масса забастовщиков ринулась на солдат и жандармов. Грянул залп. 19 человек были убиты, 17 — ранены. Капитан, шесть жандармов и двое спаги были отправлены в госпиталь [см.: 99, 1937, № 4, стр. 223].

На следующий день жандармерия учинила расправу над рабочими Мдиллы. 5 марта здесь начались столкновения между бастующими рабочими-тунисцами, занявшими предприятие, и европейскими рабочими — членами ВКТ, которые хотели приступить к работе. Подоспевшие жандармы открыли огонь по тунисским рабочим. Четыре человека были убиты.

Не менее напряженное положение складывалось и в других районах Туниса. Образование параллельных тунисских профсоюзов почти повсеместно рождало массу непредвиденных

трудностей. То тут, то там возникали конфликты. 12 марта на севере страны на железных рудниках в Джебель-Абиоде также произошли кровавые столкновения между европейцами и тунисскими рабочими.

Французская демократическая печать выступила с единодушным осуждением полицейской расправы. «Юманите», «Попюлер», «Пепль» и другие левые газеты характеризовали события в Метлави и Мдилле как преднамеренную провокацию, как стремление денежных тузов вызывать повсюду кровавые столкновения, чтобы подорвать престиж правительства Народного фронта и его главного представителя в Тунисе [см.: 63, стр. 87]. Хабиб Бургиба со своей стороны был «счастлив отметить», что клевета буржуазной прессы получила отпор французских демократов, что «истина мало-помалу проясняется, что Департаментское объединение ВКТ в конце концов солидаризировалось с тунисскими рабочими и даже обещало обеспечить будущее 28 сирот — жертв Метлави и Мдиллы» [42, стр. 112]. ВКТ организовала по всей стране разъяснительную кампанию, призывая рабочих разных национальностей осознать единство классовых интересов. 21 марта 1937 г. в Тунисе в Гамбетта-парке состоялся митинг солидарности с борьбой тунисского рабочего класса. Председательствовал сам Дюрель — старейшина профсоюзного движения в Тунисе. Избрав в символический президиум «мучеников рабочего класса Метлави, Мдиллы и Клиши»⁸, участники митинга воздали должное жертвам «фашистско-капиталистических врагов тунисского дела» [99, 1937, № 4, стр. 224].

На этот раз, несмотря на разногласия в профсоюзах, партии Народного фронта и Новый Дестур сохранили единство действий и спасли политику согласия и понимания. Однако сам факт раскола тунисских организаций ВКТ был налицо и вселил определенные надежды в стане оппозиции. Правая печать с оживлением комментировала события, всячески раздувая националистические страсти.

Буржуазно-колониальные газеты особо подчеркивали успехи ТВКТ, возлагали ответственность за кровопролитие на новодестуровское движение, писали о ксенофобии и незрелости тунисских рабочих. Констатируя, что развитие событий опередило ВКТ, что она больше не контролировала забастовочное движение, которое якобы перерастало в политические волнения и мятежи, правые газеты призывали не останавливаться перед репрессиями и требовали лишить тунисских рабочих «профсоюзного права».

Стародестуровская печать со своей стороны разжигала

⁸ Клиши — промышленный пригород Парижа. В марте 1937 г. здесь произошла крупная демонстрация рабочих, протестовавших против вылазок фашизма. В дело вмешалась полиция, которая открыла огонь по демонстрантам. Шесть человек были убиты, многие — ранены.

профсоюзный национализм и всячески поносила руководителей ВКТ. 3—10 апреля 1937 г. Али Бухаджеб, после разрыва с Бургибой примкнувший к Старому Дестуру, опубликовал в «Шарт тюнизьен» серию статей о национальном синдикализме. Абсолютизируя общность национальных задач тунисского народа, он выступил против социалистов, коммунистов и ВКТ и призвал к полному и окончательному размежеванию между тунисскими и французскими рабочими. «Да, да, я знаю!», — писал он. — Никакого национализма, никакого знамени, кроме полностью красного! Все — братья, все — смешавшиеся ради строительства великого Града Будущего! Но я знаю также, что этот самый великий Град Будущего непременно должен быть увенчан шляпой, а не шешией. Почему, еще раз почему и тысячу раз почему?» [там же, стр. 225].

Али Бухаджеб заклинал тунисских рабочих отбросить в сторону интернационализм и всячески сохранять «наш собственный характер, наши привычки, наши обычаи, наш язык, наш образ жить, говорить и думать» [там же]. Он отождествлял руководителей ВКТ с завоевателями и ассимиляторами. Он утверждал, что между тунисскими и французскими рабочими не может быть никакого сотрудничества, что интернационализм — это лишь уловка французских профсоюзных господ. Он призывал тунисских рабочих не верить французской демократии. Рабочие-европейцы, по мнению Бухаджеба, как только им это будет выгодно, бросят тунисцев на произвол судьбы, и тогда, предостерегал он, «братство Карла Маркса пойдет на свалку в маленький музей их наивных сожалений вместе с набившей оскомину цивилизацией, столь милой сердцу господ» [там же].

Новый Дестур не разделял, да в тот период и не мог разделять, подобных узконационалистических и даже расистских взглядов. В первое время он официально стоял на позициях невмешательства в профсоюзную борьбу. «Мы считаем, — писал Бургиба, — что тунисский рабочий должен быть свободен вступить в ту группировку, которую он считает более пригодной защищать его хлеб и его достоинство труженика» [42, стр. 116]. Но даже в июне 1937 г., когда новодестуровское руководство решило открыто поддержать ТВКТ, оно исходило не из полумистической необходимости отстаивать арабские обычаи и язык, шешию против шляпы, а из законного права тунисского народа, как и всякой другой нации, на образование самостоятельного национального государства со всеми вытекающими отсюда последствиями. Жоаким Дюрель, говорил Бургиба, как-то писал в «Тюнис-социалист»: «Один союз на профессию, одно профобъединение на область, одна ВКТ на нацию, один интернационал на весь мир — вот формула рабочего единства». Но, «поскольку, — язвил Бургиба, — Тунис, насколько мне известно, не является „областью“ Фран-

ции и тунисская нация и фактически и юридически отличается от французской нации, постольку существование на туниССкой земле туниССкой ВКТ соответствует дюреллистской ортодоксии в ее чистом виде, и честно говоря, здесь нельзя видеть „раскола рабочего класса“» [там же].

Большинство националистически настроенных туниССких рабочих шли за Новым Дестуром. Они полностью отмежевались от экстремистской позиции Старого Дестура и поддерживали значительно более умеренную линию руководителей ТВКТ. ТуниССкие профсоюзные лидеры неоднократно отвергали попытки противопоставлять профсоюзы друг другу и стояли за тесное и равноправное сотрудничество с французской ВКТ. 4 апреля 1937 г. в газете «Пти Матэн» за подписью «Генеральный контролер ТВКТ» появилось коммюнике, в котором, в частности, говорилось: «Тем, кто проповедует распыление, мы отвечаем: совсем напротив, нашей целью является координация усилий для полной и окончательной эмансипации рабочего... В наши намерения отнюдь не входит начинать дуэль с представительством французской ВКТ. То, что мы хотим, так это создать, или, скорее, возродить, туниССкий орган, параллельный французскому органу, который будет объединять всех людей доброй воли, к какой бы расе или вероисповеданию они ни принадлежали. Почему же изо всех сил стараются противопоставить эти два органа, призванные сотрудничать в духе откровенности и полной лояльности?» [см.: 99, 1937, № 4, стр. 225].

Умеренность ТВКТ, однако, не спасла положение. В апреле 1937 г. состоялся X съезд Департаментского объединения профсоюзов ВКТ. Фактически он отклонил заявку ТВКТ на равноправное сотрудничество. Выступая на съезде, Бузанке говорил о необходимости единства. По существу он понимал под этим поглощение ТВКТ более мощным профсоюзным объединением. На практике лидеры ВКТ отказывали туниССким профсоюзам в праве говорить от имени туниССкого рабочего класса, обвиняли их в сговоре с Новым Дестуром и считали, что ТВКТ, как преследующая якобы чисто политические интересы, не имела ничего общего с защитой профсоюзных прав туниССких трудящихся. 27 мая 1937 г. руководители ВКТ даже опубликовали протест в связи с решениями арбитража по трудовым конфликтам на предприятиях компании Гафсы под тем предлогом, что в качестве представителей от рабочих в арбитражную комиссию были допущены на равных основаниях представители ВКТ и ТВКТ [см.: 99, 1937, № 6, стр. 339].

Явно ошибочная позиция Департаментского объединения профсоюзов ВКТ, к сожалению, не противоречила общей политике Народного фронта. Французские левые никак не отваживались на раздел ответственности с Новым Дестуром и примыкавшими к нему профсоюзам. «Семейные дразги между

социалистами и тунисскими националистами», как назвал эти события Феликс Гарас [54, стр. 111], стали перерастать в политическую драму. В мае 1937 г. ВКТ организовала по всей стране серию профсоюзных митингов, которые завершились 1 июня 1937 г. массовым митингом в Гамбетта-парке. «Нечего долго думать, — заявил на нем Бузанке, — надо вернуть их всех (тунисских рабочих. — Н. И.) в единственную рабочую организацию, достойную этого названия, — в великую ВКТ, и тогда этот союз, где неизвестны расы, религии и национальности, станет непобедимой силой, которая восторжествует над капитализмом» [99, 1937, № 6, стр. 339].

В ответ на это вдохновители тунисской ВКТ развернули массированную контркампанию. Они начали ее в конце мая. На митингах и собраниях они выступали против воссоединения с ВКТ и обвиняли ее во всех смертных грехах.

Кульминационным пунктом нового организационно-политического наступления ТВКТ явилось совещание по подготовке учредительного съезда ТВКТ. Оно состоялось в г. Тунисе 12 июня 1937 г. В клубе тунисского профсоюза шоферов собрались представители всех тунисских и автономных профсоюзов, которые заявили о своей готовности присоединиться к ТВКТ. Возглавлял совещание Белькасем Гнауи. Почетным председателем был избран «покойный профсоюзный борец» доктор Мухаммед Али. После двухчасовой речи Али Каруи, говорившего об истории и задачах тунисского профсоюзного движения, и нескольких выступлений участники совещания приняли решение о дате созыва съезда Тунисской всеобщей конфедерации труда [там же, № 10, стр. 468].

Соперничество профцентров еще более обострило обстановку в мире труда. 18 июня 1937 г. в тунисском порту произошла демонстрация тунисских докеров, протестовавших против использования на портовых работах иностранной рабочей силы. Демонстрация привела к тяжелым столкновениям между грузчиками-тунисцами, входившими в ТВКТ, и грузчиками-алжирцами, которые являлись членами ВКТ. Потребовалось вмешательство полиции. Около 45 тунисских докеров получили серьезные ранения. Гнауи и Магтуф немедленно отправили телеграммы протеста, в которых осуждали зверства полиции. ВКТ со своей стороны воздала должное службе порядка и опубликовала протест против покушения тунисских рабочих на свободу труда. 20 июня 1937 г. в «Попюлер» и «Тюнис-социалист» появились статьи, осуждавшие позицию тунисских профсоюзов. Альбер Бузанке в интервью газете «Тюнис-суар» заявил, что «движение манифестантов не было направлено на защиту их хлеба, а служило определенным политическим целям» [там же].

Новый Дестур расценил позицию СФИО и ВКТ как объявление войны тунисским профсоюзам. 25 июня 1937 г. в «Ак-

сьон тюнизьен» появилась статья Хабиба Бургибы «Дестур и ВКТ». В ней он резко осудил позицию Департаментского объединения ВКТ. Интервью Бузанке, которого, по словам Бургибы, «до сих пор считали другом тунищцев», он охарактеризовал как «брызжущие ядом декларации». Бургиба обвинил Бузанке в стремлении удушить ТВКТ и заявил, что отныне профсоюзная борьба утратила характер корпоративных разногласий. Новый Дестур сбросил маску нейтралитета и открыто поддержал ТВКТ. «Если Дестур 1925 г.,— писал Бургиба,— принес ТВКТ Мухаммеда Али в жертву Левому картелю, то Дестур 1937 г. не принесет ТВКТ Белькасема Гнауи в жертву Народному фронту» [42, стр. 115].

В этих условиях произошел окончательный раскол тунисского профсоюзного движения. 27 июня 1937 г. состоялся съезд ТВКТ, решительно отвергший претензии Департаментского объединения ВКТ на монопольное представительство тунисских рабочих. Он провозгласил воссоздание Тунисской всеобщей конфедерации труда и избрал ее руководящие органы. Из 45 делегатов съезда 40 человек проголосовали за избрание в качестве генерального секретаря ТВКТ Белькасема Гнауи, лишь 3 — за Мухаммеда Махбуби и только 2 — за Али Каруи. Заместителем генерального секретаря был избран Мухаммед Баш-Тобджи, казначеем — Мухаммед Магтуф [см.: 99, 1937, № 10, стр. 469, 470].

Отказ от объединения с СФИО. Образование ТВКТ отражало рост националистических настроений в массах и свидетельствовало об укреплении позиций экстремистского крыла в Новом Дестуре. Официально партия продолжала проводить политику сотрудничества с правительством Народного фронта. 7 мая 1937 г., на следующий день после возвращения из Парижа, Бургиба с наигранным оптимизмом заявил, что все идет хорошо и что он доволен результатами своего пребывания во Франции. Под свежим впечатлением от парижских бесед он заявил в интервью газете «Пти Матэн»: «Наша партия имеет полное доверие к новой политике правительства Народного фронта — друга угнетенных народов...» [там же, № 6, стр. 334]. Единственно, что его беспокоило, так это надолго ли хватит терпения у тунисского народа. «То, что я всегда просил, и то, что я всегда буду просить у своих соотечественников,— говорил в том же интервью Хабиб Бургиба,— это спокойно ждать событий и не давать нашим врагам никакого повода, который скомпрометировал бы наше дело каким-либо преждевременным взрывом» [там же].

Опасения Бургибы были не напрасны. В партии росло нетерпение. Вместе с притоком новых членов ее захлестывали волны националистических настроений. Национальный мир в стране был на грани катастрофы. Финальный матч на кубок Туниса по футболу 9 мая 1937 г. едва не стал прелюдией к

всеобщей арабско-французской резне. В этих условиях позиции экстремистского крыла в руководстве Нового Дестура усиливались с каждым днем. Слиман бен Слиман, Хабиб Бугетфа и другие вожди новодестуровского экстремизма считали, что надо быть ближе к массам и не слишком полагаться на обещания из Парижа. Они звали к более решительным действиям. Либеральные мероприятия правительства Блюма и освобождение политических заключенных они объясняли страхом Франции перед освободительным движением тунисского народа. Политику сотрудничества вожди новодестуровского экстремизма рассматривали как временную передышку. На массовом митинге в Гамбетта-парке 28 августа 1936 г. Слиман бен Слиман говорил, что тунисцы должны приветствовать возможно более продолжительное существование правительства Народного фронта, чтобы добиться максимума уступок, а затем идти дальше. «Вот цель сотрудничества, как мы ее понимаем,— говорил Бен Слиман.— Это сотрудничество только первый этап. Наша конечная цель — полная независимость Туниса. Наш злейший враг — это француз, который поселился в Тунисе, чтобы отобрать земли у тунисцев, это чиновник, который обогатился здесь и который посылает деньги во Францию. Вот что вызывает обнищание Туниса, который некогда был спокойным и процветающим» [99, 1936, № 8—9, стр. 474].

Рост новодестуровского экстремизма, безусловно, затруднял сотрудничество с партиями Народного фронта, в частности с Тунисской федерацией СФИО. По всей видимости, именно он усиливал те настроения недоброжелательности, которые нарастали в кругах французской демократии. В весенние дни 1936 г. Тунисская федерация СФИО призвала Новый Дестур к установлению «братских отношений». Она высоко ценила его социально-экономическую программу и даже рассматривала ее как базу для совместных действий.

Однако в новодестуровском движении, как уже отмечалось, национализм всегда превалировал над социалистическим началом. К тому же социалистическая доктрина Нового Дестура была очень аморфной и неопределенной. По существу Новый Дестур удовлетворялся общими положениями о социализме, которые были тогда в ходу у партий Народного фронта. Что касается марксизма как революционной теории о социалистическом переустройстве общества, то новодестуровские лидеры с самого начала относились к нему с предубеждением и считали его неприменимым в условиях Туниса. Бургиба рассматривал марксизм как теорию, разработанную исключительно для промышленных наций Запада. «Тунис,— писал он еще в 1931 г.,— страна средних классов и крестьян, тех, кого во Франции представляют радикалы» [цит. по: 72, стр. 43].

Несмотря на это, стремление к социальному переустрой-

ству общества на основах социалистического гуманизма сближало новодестуровское движение с французскими левыми течениями. «Хотя они,— писал о новодестуровских лидерах Кл. Мур,— считали хитросплетения марксистской диалектики и бесчеловечными и непригодными для Туниса, они разделяли взгляд левых на политику, как на дверь, ведущую в новое и лучшее общество» [72, стр. 31]. Они стремились к нему, хотя и не имели никакой четко выраженной социалистической доктрины. Их социалистические чувства отражали скорее неосознанный протест тунисских трудящихся против колониально-капиталистической эксплуатации, а не сознательное стремление к ниспровержению капиталистического строя. Социалистические настроения Нового Дестура были лишены серьезной классовой основы и никогда не связывались с классовой борьбой международного пролетариата. Социалистические воззрения Нового Дестура, по словам Кл. Мура, лучше всего можно представить «как выражение социально ориентированного национализма, чем как одно из ответвлений марксизма» [72, стр. 43]. Среди националистически настроенных тунисских рабочих продолжали иметь хождение лассальянские идеи в стиле Мухаммеда Али. И вообще в Новом Дестуре идеям кооперативного социализма отдавалось явное предпочтение перед всеми другими социалистическими учениями. «Политически,— писал Ф. Гарас,— новодестуровец — это социалист, но скорее школы Прудона, чем школы Карла Маркса» [54, стр. 98].

На практике доктринальные расхождения между СФИО и Новым Дестуром не влияли на близость их социально-экономических идеалов. Конкретные лозунги были настолько близки, что позволяли говорить об идентичности социально-экономических программ. Именно на этой почве возникли идеи об объединении Нового Дестура с французской социалистической партией СФИО. В июне — июле 1936 г. по всему Тунису ходили слухи о слиянии СФИО и Нового Дестура. В медине при этом уточняли, что новодестуровцы должны будут вступать в социалистическую партию индивидуально, в качестве ее обычных членов [см.: 99, 1936, № 7, стр. 400]. Герню, Шаллай и другие видные социалисты постоянно находились в окружении Бургибы. «В 1936 и 1937 гг.,— отмечал Берк,— региональные комитеты Народного объединения старались объединить СФИО и Новый Дестур» [40, стр. 289].

Разговоры об объединении то затихали, то возобновлялись с новой надеждой. Однако с самого начала они сталкивались с непреодолимой преградой — с разногласиями по национально-колониальному вопросу. Несмотря на близость социально-экономических идеалов, Новый Дестур и СФИО не могли прийти к соглашению по политическим проблемам. В печать время от времени проникали сведения о разногласиях между «старыми друзьями». Новодестуровцы обвиняли социалистов

в непонимании «туземных проблем». Некоторые арабские газеты, внимательно следившие за всеми перипетиями разговоров об объединении, еще летом 1936 г. утверждали, что новодестуровцы и социалисты не смогут выработать никакой общей программы.

По мере роста экстремистских тенденций в Новом Дестуре и все возрастающего недоверия к нему со стороны французской демократии разговоры об объединении лишались всякой реальной основы. Социалистическая печать все чаще критиковала националистическую политику Нового Дестура. 25 февраля 1937 г. «Тюнис-социалист» осудила новодестуровские лозунги о введении в Тунисе всеобщего избирательного права и другие требования «чрезмерного характера». 5 марта она писала о «тенденциозности и ошибочности некоторых дестуровских указаний» [99, 1937, № 3, стр. 169]. В мае — июне 1937 г. социалистические газеты выражали открытое недовольство по адресу ТВКТ, обвиняли ее в расизме, а также критиковали Новый Дестур за поддержку, которую он оказывал национальному синдикализму.

Новый Дестур со своей стороны открыто поддерживал ТВКТ и всячески подчеркивал свою политическую, организационную и идеологическую самостоятельность. 6 июня 1937 г. новодестуровское руководство объявило даже о несовместимости ислама и марксизма [63, стр. 88]. Тем самым оно утвердило себя как вполне независимую политическую силу и идеологически отмежевалось от французского рабочего движения.

Раскол рабочих организаций, официальное осуждение марксизма и разногласия по национально-колониальному вопросу, наконец, отставка Блюма, последовавшая 21 июня 1937 г., и состоявшийся в Марселе в июле 1937 г. 34-й съезд СФИО, который занял в отношении национально-освободительного движения крайне сдержанную позицию, — все это положило конец разговорам об объединении СФИО и Нового Дестура. Между ними пролегла ясная и четкая грань. Следует, однако, подчеркнуть, что это разграничение отнюдь не означало их полного и окончательного разрыва. В этом свете противоречия между социалистами и Новым Дестуром предстают как борьба за влияние в тунисском рабочем движении между двумя достаточно близкими течениями, каждое из которых оказалось не в состоянии преодолеть свои собственные национальные связи и интересы. Национальные барьеры в Тунисе и на этот раз оказались значительно выше классовых и социальных разграничений. Наконец, хотелось бы отметить, что, отмежевавшись от ВКТ и СФИО, Новый Дестур отнюдь не сжег мосты, ведущие в лагерь французской демократии, и сохранил глубокую привязанность к политике Народного фронта, с победой которого у него связывалось столько надежд.

АПРЕЛЬСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ 1938 г.

Экономическое оздоровление. Правление Народного фронта оживило хозяйственную жизнь Туниса. Мероприятия правительства Блюма привели к долгожданному повышению оптовых цен, расширили емкость французского рынка и в целом способствовали общему подъему деловой активности во Франции. Это немедленно и самым положительным образом сказалось на состоянии экономики Туниса. Объем внешней торговли возрос с 1860 млн. фр. в 1936 г. до 2465 млн. в 1937 г. и 2913 млн. фр. в 1938 г., немного не дотянув до рекордного уровня 1929 г.

В сельском хозяйстве последствия мирового экономического кризиса были в основном преодолены в 1937 г. Хорошие урожаи 1937—1938 гг. и восстановление цен позволили колонистам покрывать все издержки производства. В 1937 г. колонисты и тунисские сельские хозяева смогли приступить к реальному погашению своей задолженности. Поступления Земельной кассы Туниса впервые превысили сумму ссуд, выдаваемых под залог земель [83, стр. 318]. В 1938 г. в связи с нормализацией положения Земельная касса вообще прекратила операции по учету векселей.

В сравнительно широких масштабах возобновился импорт сельскохозяйственных машин и удобрений. Темпы технического переоснащения тунисского сельского хозяйства вновь приблизились к докризисным временам. В 1939 г. тракторный парк страны составлял 2565 единиц, в том числе 1445 гусеничных тракторов [83, стр. 410]. Успехи механизации в значительной мере облегчались внедрением дизельных тракторов, которые начиная с 1937 г. стали поступать на тунисский рынок. Они были более просты по своей конструкции и легко осваивались тунисскими рабочими [см.: 101, 1946, № 4, стр. 129]. Наряду с этим продолжалась постепенная химизация сельского хозяйства. Потребление суперфосфата в 1941 г. составляло 550 тыс. ц, что на несколько процентов превышало уровень 1929—1931 гг. В связи с развитием садово-плантационного хозяйства началось сравнительно широкое применение азотных и калийных удобрений (соответственно 9 тыс. ц и

5 тыс. ц в 1939 г.), практически неизвестных в начале 20-х годов [83, стр. 401].

Восстановление и модернизация сельского хозяйства привели к некоторому увеличению посевных площадей, а также к росту производства основных сельскохозяйственных культур. Среднегодовой сбор зерна в 1935—1939 гг. составлял 6030 тыс. ц, в том числе пшеницы — 4060 тыс. ц. Количество плодоносящих оливковых деревьев увеличилось с 12,2 млн. в 1932 г. до 14,9 млн. в 1939 г. [37, стр. 62, 66]. Среднегодовое производство оливкового масла составляло в 1935—1939 гг. 44,5 тыс. т, т. е. на 12% больше, чем в 1925—1929 гг.; вина — 1575 тыс. гл, или на 83% больше, чем в 1925—1929 гг. Однако в предвоенные годы тунисскому виноделию снова не повезло. Вслед за кризисом оно подверглось опустошениям филлоксеры. Появившись в 1936 г., она надолго подорвала развитие виноградарства и виноделия.

Накануне второй мировой войны крупные шаги сделало цитрусоводство — фактически новая отрасль тунисского торгового земледелия. Его становление было тесно связано с большой экспериментальной и исследовательской работой, которая началась под руководством американского профессора Ходжсона, в 1930—1931 гг. находившегося в Тунисе. Ходжсон обратил внимание на сходство климатических условий Туниса и Калифорнии и дал научно-технические рекомендации по развитию цитрусов. Близость потенциальных рынков (36 часов парходом до Марселя) и наличие квалифицированной рабочей силы — тунисских садоводов андалусского происхождения с вековыми традициями ухода за плодовыми деревьями предопределили успех всего начинания. К тому же гражданская война в Испании 1936—1939 гг. и экономические санкции против Италии, объявленные в ноябре 1935 г., создавали исключительно благоприятную конъюнктуру для экспорта тунисских цитрусов. В 1936—1937 гг. в Тунисе начался настоящий цитрусовый бум. В 1937 г. экспорт апельсинов, мандаринов и лимонов увеличился в 30 раз по сравнению с 1934 г. и составил 7,9 тыс. т. В Тунисе началась массовая закладка цитрусовых плантаций с рациональной планировкой и поливом, которые быстро оттеснили любительские сады и мелкие полукустарные плантации. Количество цитрусовых деревьев возросло с 330 тыс. в 1930 г. до 1160 тыс. в 1941 г. (включая 550 тыс. неплодоносящих саженцев) [83, стр. 313].

В горнодобывающей промышленности последствия кризиса были окончательно преодолены в 1937—1938 гг. Значительно выросла производительность труда, улучшились условия сбыта и вывоза сырья. В целом добыча полезных ископаемых лишь ненамного уступала докризисным показателям. Ниже приводятся данные о добыче минерального сырья в предвоенные годы (в тыс. т) [36, стр. 96]:

	1929 г.	1932 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.
Фосфориты	2511	1678	1771,0	2034,0	1628,0
Железная руда . . .	977	209	948,0	822,0	765,0
Свинцовая руда . . .	32	11	22,0	31,6	28,2
Цинковая руда . . .	10	—	2,6	1,4	1,0

По добыче фосфоритов Тунис удерживал третье место в мире (после США и СССР), давая 15% мирового производства. Серьезное беспокойство властей и тунисской общественности вызывало отсутствие собственной энергетической базы. В 1937 г. по инициативе государства начались работы по разведке нефти; был составлен и утвержден трехлетний план геологоразведочных работ. В 1939 г. с участием правительства началась разработка лигнитов, которым в преддверии войны придавалось особое значение.

Положение дел в обрабатывающей промышленности по-прежнему оставляло желать много лучшего. Ни государство, ни частный капитал не проявляли никакого интереса к промышленному предпринимательству в Тунисе. Появление полтора-двух десятков небольших заводов и фабрик ничего не изменяло в аграрном характере тунисской экономики. В 1938 г. продукция сельского хозяйства составляла 75% стоимости тунисского экспорта [20, стр. 160]. Никто в Тунисе не ставил даже вопроса об индустриализации страны. $\frac{2}{3}$ стоимости капитального строительства приходилось на жилищное строительство. Исключительно медленными темпами наращивались энергетические мощности. Сравнительно небольшого увеличения производства электроэнергии (с 40 млн. квт·ч в 1931 г. до 71 млн. квт·ч в 1939 г.) было вполне достаточно, чтобы покрывать скромные нужды промышленности, городского транспорта и населения.

Металлообрабатывающая промышленность, в которой было занято 6—8 тыс. рабочих, если исключить Бизертский арсенал, состояла в основном из небольших предприятий и ремонтных мастерских. Все машины, оборудование и большинство потребительских товаров по-прежнему ввозились из-за границы. Большая часть тунисских руд, фосфоритов, шерсти, кож, альфы вывозилась во Францию и другие страны Западной Европы. В 1938 г. средняя цена одной тонны экспорта (440 фр.) была в 4,4 раза ниже средней цены за одну тонну импорта (1928 фр.) [см.: 20, стр. 161].

Основное внимание правительства протектората было направлено на развитие инфраструктуры, в первую очередь шоссейных дорог и средств связи. Железные дороги, построенные в основном до 1914 г., находились в плохом состоянии и не выдерживали конкуренции со стороны быстро развивающегося автомобильного транспорта. В 1938 г. железные дороги Туниса работали с большими убытками, покрывавшимися за

счет государственного бюджета. Однако правительство проректората, озабоченное вопросами военной готовности страны, все свободные средства направляло на строительство автомобильных дорог. Еще в 1930 г. была разработана программа дорожного строительства, предусматривавшая, в частности, ежегодный ввод в эксплуатацию 300 км магистральных шоссе. Из-за финансовых трудностей в период кризиса эта программа была выполнена далеко не полностью. И тем не менее в 1930—1940 гг. в Тунисе было построено 2193 км новых дорог. Всего же в 1940 г. в стране насчитывалось 8450 км усовершенствованных дорог, в том числе 2700 км бетонированных и асфальтированных шоссе [93, стр. 334].

Отмечая развитие экономики Туниса в предвоенные годы, особенно транспорта и сельского хозяйства, следует подчеркнуть, что ускоренный рост населения, происходивший в Тунисе во все более убыстряющемся темпе, начисто съедал все достижения в области хозяйства. Показатель производства на душу населения фактически застыл на месте. По имеющимся данным, индекс производства на душу населения в 1935—1939 гг., несмотря на заметный рост производства, находился на уровне 1930—1934 гг. и был ниже соответствующих показателей 1925—1929 гг. [см.: 94].

Восстановление и развитие тунисской экономики в предвоенные годы не являлось чисто стихийным процессом. Дирижистские тенденции, наметившиеся еще в годы кризиса, в период Народного фронта легли в основу экономической политики правительства. Национализация железных дорог, военной и частично авиационной промышленности, создание Зернового управления — Office National Interprofessionnel du Blé (ОНИБ), установление контроля над Французским банком, регулирование отношений между трудом и капиталом и другие социально-экономические мероприятия правительства Блюма положили начало структурным преобразованиям во Франции [81, стр. 280]. Изменилась экономическая роль и значение государства. В кабинете Блюма было создано даже специальное министерство экономики. Решающим шагом на пути структурных преобразований должен был быть переход к планированию. Однако в предвоенные годы попытки перейти к плановому хозяйству натолкнулись на решительное сопротивление финансового капитала, правых политических партий и группировок, а также на «консерватизм и индивидуализм администрации» [38, стр. 13]. И даже внутри Народного фронта не было полного единства взглядов. Радикал-социалисты, выступавшие в качестве поборников полной свободы частного предпринимательства, в этом вопросе фактически смыкались с буржуазными консервативными партиями. Что касается коммунистов, то руководство ФКП считало, что переход к планированию в условиях буржуазного общества являлся чис-

тейшей иллюзией и лишь отвлекал Народный фронт от выполнения более важных задач, таких, как, например, борьба с фашистской опасностью. Вследствие этого переход к планированию и государственному руководству экономикой, начатый в 1936 г., так и не был завершен в период Народного фронта.

В Тунисе положение складывалось аналогичным образом. Начатые реформы не были доведены до конца. Переход к планированию не был осуществлен. К тому же большинство дирижистских начинаний правительства протектората, как и во Франции, натолкнулось на серьезное противодействие имущих классов.

Более или менее спокойно прошли лишь реорганизация рынка зерновых и установление государственного контроля над экспортом сельскохозяйственных продуктов (1937—1939 гг.). Эти меры по существу являлись дальнейшим развитием дирижистских мероприятий 1933—1934 гг. и отнюдь не расходились с интересами французской колонизации. Колонисты и тунисская буржуазия не возражали против такого государственного вмешательства, которое, упорядочивая сбыт сельскохозяйственной продукции, совершенно не касалось отношений собственности.

Наиболее важной из дирижистских реформ в Тунисе была реорганизация сбыта зерна. Декретом 3 сентября 1936 г. на Тунис были распространены положения французского закона 15 августа 1936 г. о создании Зернового управления. В мае 1937 г. Тунисская секция ОНИБ приступила к своей деятельности.

При посредстве трех крупнейших тунисских кооперативов, которые финансировались на основе государственных гарантий, Тунисская секция ОНИБ закупала, хранила и распределяла почти весь товарный хлеб, производившийся в Тунисе. Отныне все зерно, не предназначенное для личного потребления, хозяйственных нужд и местного розничного рынка, скупалось государством по единым закупочным ценам, которые устанавливались законом. Хранение и отправка зерна осуществлялись кооперативами, увеличившими емкость своих элеваторов с 500 тыс. до 900 тыс. ц. Наряду с ними тунисские общества попечения начиная с 1936 г. также стали выступать в роли закупочно-сбытовых кооперативов. Они открывали специальные закупочные центры, в 1937—1938 гг. построили сеть зернохранилищ и небольших элеваторов (на 5—10 тыс. ц зерна). В 1938 г. тунисские общества попечения закупали уже около 40% товарного хлеба, производимого в тунисских хозяйствах традиционного сектора [93, стр. 194].

Значительно сложнее обстояло дело с попытками вмешаться в деятельность горнопромышленных компаний и концессионных обществ. Банкиры и промышленные магнаты Ту-

ниса всячески чернили социально-экономическую политику Народного фронта, представляли нарочито мрачные прогнозы и спекулировали на малейших осложнениях экономической конъюнктуры. 27 мая 1937 г. один из важнейших колониальных банков Туниса «Креди фонсьер д'Альжери э де Тюнизи» опубликовал отчет о своей деятельности за 1936 г., в котором выражал сожаление, что хозяйственное оживление якобы тормозилось социальным законодательством [см.: 40, стр. 294].

Когда в конце 1937 г. Арман Гийон в соответствии с программой Вьено поставил вопрос о деятельности концессионных обществ, он столкнулся с ожесточенной оппозицией со стороны буржуазно-колониалистских кругов. Антуан Гаудиани — вице-президент Французской секции Большого совета заявил во время осенней сессии совета, что действия генерального резидента якобы находились вне закона. «Во всяком случае, — угрожал Гаудиани, — мы имеем твердое намерение оградить нашу независимость» [40, стр. 295]. Сами концессионеры через своих лобби из «Французского колониального союза» составили меморандум протеста и 9 ноября 1937 г. представили его французскому правительству.

На местах патронат и его агентура в колониальной администрации систематически саботировали усилия правительства, направленные на установление государственного контроля. 21 сентября 1937 г. правительство протектората издало декрет о создании Комиссии по пересмотру концессионных договоров. В частности, предполагалось отменить концессию на порт Гафсу. Но когда комиссия, преодолев невероятные трудности, представила свой доклад, он три раза «терялся» где-то в закоулках бюрократических канцелярий, пока не утратил своей актуальности в связи с отставкой самого Гийона [там же]. Вследствие не менее дружных усилий колониальных чиновников бейский декрет от 28 июня 1938 г. об учреждении Высшего социально-экономического совета также навсегда остался на бумаге. Все это убедительно говорило о том, что анонимная колониальная бюрократия, тесно связанная с буржуазно-колониалистскими кругами, не без успеха противодействовала всем попыткам представителей Народного фронта ограничить привилегии финансово-промышленных магнатов Туниса.

Нищета в беде. Экономическая политика Народного фронта отвечала интересам прежде всего тех слоев населения, которые жили на регулярно получаемую заработную плату. Стимулируя производство, правительство Блюма проводило инфляционную политику «подвижного франка». Вследствие этого в Тунисе, как, впрочем, и в метрополии, происходило постепенное повышение цен. С начала 1936 г. по август 1937 г. стоимость жизни в Тунисе увеличилась на 50% [58, стр. 23].

Особенно заметным был рост цен на продовольственные товары массового потребления — хлеб и оливковое масло. Однако периодические повышения заработной платы, следовавшие за постепенным увеличением стоимости жизни, за чем бдительно следили профсоюзы, практически нейтрализовали последствия инфляционной политики и существенно не отражались на пополневшем кармане рабочих и служащих.

Совершенно иначе обстояло дело с теми слоями населения, которые жили на неизменные фиксированные доходы, а также на доходы, получаемые от непостоянно производимых товаров и услуг. Это были в основном традиционные слои мелкой буржуазии — мелкие торговцы и ремесленники, а также лица, не имевшие постоянной работы по найму, в первую очередь непролетарская трудовая беднота. Девальвация и рост цен вызывали у них постоянное беспокойство. Обеспечение франка съедало их нищенские сбережения и нередко приводило к реальному понижению их жизненного уровня.

В какой-то степени от инфляции страдало и крестьянское население Туниса, хотя в целом экономическая политика Народного фронта отвечала интересам трудового крестьянства и принесла ему значительные выгоды. На IX съезде ФКП Морис Торез имел все основания заявить, что Народный фронт «сделал для крестьян больше, чем какая-либо политическая или парламентская группировка в прошлом» [23, стр. 212]. От реорганизации рынка зерновых выигрывали не только европейские колонисты, но и тунисские крестьяне. Государственные закупочные цены, устанавливавшиеся Тунисской секцией ОНИБ на том же уровне, что и во Франции, значительно превышали цены свободного рынка. В 1937 г. закупочные цены более чем удвоились по сравнению с 1935 г., когда у власти находились Лаваль и Пейрутон. В связи с отменой ашура, который был заменен контрольной пошлиной при сдаче хлеба государству (0,4% от стоимости сданной продукции), тунисские земледельцы фактически были освобождены от каких бы то ни было прямых поземельных налогов. В 1936 г. был отменен «иститан» — остатки старой подушной подати «меджа», упраздненной в 1913 г. Оставшиеся сборы с плодовых деревьев — так называемые кануны на финиковые пальмы и маслины — касались далеко не всего тунисского крестьянства и не являлись слишком обременительными (примерно 50 сантимов с оливкового дерева и около 1 фр. с финиковой пальмы в 1938 г.). Наконец, следует отметить, что инфляционные явления в тунисской экономике в какой-то мере облегчали расчеты тунисских крестьян со своими кредиторами, которые оказались невольными жертвами девальвации франка.

К сожалению, тунисские крестьяне в подавляющем боль-

шинстве не могли воспользоваться преимуществами, какие давала им политика Народного фронта. Налоговые льготы, торговые выгоды и неожиданное обесценение долговых обязательств ничего не значили для тех, кто ничего или почти ничего не производил на рынок. К тому же крестьяне были слишком голодны, чтобы немедленно не проесть случайно образовавшиеся излишки. Исключительно низкий уровень агротехники, совершенно мизерная производительность труда, различного рода докапиталистические пережитки в условиях всеобщей неграмотности сельского населения и непомерно большого количества несовершеннолетних иждивенцев — все это с фатальной неизбежностью обрекало на неудачу любые начинания, связанные с надеждами на самостоятельное развитие крестьянских хозяйств. Лишь единицы вставали на ноги, сотни просто продлевали свое существование в огромных резерватах средневековья.

В 1936—1939 гг. в бледе по-прежнему царил убогая нищета. Трущобы и бидонвили жили на частную милостыню и общественную благотворительность. Последствия кризиса и страшная засуха 1936 г. еще более усиливали масштабы народного бедствия. Десятки тысяч человек ютились в тэккиях, которые, как уже отмечалось, начали открываться в октябре 1936 г. Голодающим выдавали по 350 г зерна и 15 г оливкового масла в сутки. «Народный фронт, — справедливо отмечала газета „Юманите“ 4 июня 1937 г., — не несет никакой ответственности за этот голод; причиной его является вся история колонизации, а также нерадивая и непредусмотрительная политика предшествовавших правительств».

Народный фронт не смог улучшить условия жизни тунисских крестьян. Да это, по-видимому, было и невозможно. Масштабы недоедания тунисской деревни были слишком велики, чтобы поддаваться каким-либо быстродействующим средствам.

В 1937—1938 гг. доктор Бюрне, глава специальной миссии Лиги наций, направленной в Тунис для изучения вопросов питания, провел целый ряд обследований, главным образом среди крестьян. Результаты наблюдений, методика которых, кажется, никогда не вызывала возражений, были опубликованы в 1938 г. и произвели огромное впечатление на тунисскую общественность. Известно, что взрослому человеку в зависимости от условий жизни и труда требуется 3—5 тыс. ккал в сутки, в том числе лицам, занятым физическим трудом в сельском хозяйстве, — 4,5—5 тыс. ккал. Между тем в Тунисе 82% семей потребляли менее 3 тыс. ккал в сутки. Об этом свидетельствуют данные Бюрне, которые он привел в качестве своих основных выводов [20, стр. 183—184; 91, стр. 27—28]:

Группа населения по количеству калорий	Удель- ный вес, %
Вполне достаточное питание (3 тыс. ккал и более)	18
Достаточное (2,4—3 тыс. ккал)	15
Едва достаточное (2—2,4 тыс. ккал)	11
Определенное недоедание (1,5—2 тыс. ккал)	15
Серьезное недоедание (1—1,5 тыс. ккал)	22
Уровень, близкий к голодной смерти (менее 1 тыс. ккал)	17

В некоторых бедуинских семьях, пришедших на Север на уборку пшеницы и винограда, суточный рацион, по данным Бюрне, опускался до 300—400 и даже до 190 ккал [см.: 20, стр. 184].

Нехватка продуктов питания и недоедание арабского населения были широко использованы в политической борьбе против правительства Народного фронта. Резко обострились социальные и национальные противоречия. При этом граница между сытостью и недоеданием проходила не только по городской черте; она не только разделяла имущих и неимущих, но и — что самое главное — противопоставляла сытых французов голодающим арабам.

Профсоюзные междоусобицы. Усиление национальных противоречий в Тунисе происходило в условиях, когда во Франции начался постепенный сдвиг вправо. Ведущая ось французской политики, базируясь на прежнем парламентском большинстве, все более смещалась к центру. Социалисты ушли от руководства правительством. 22 июня 1937 г. Народный фронт возглавила партия радикалов и радикал-социалистов. Новым председателем совета министров был назначен Камил Шотан — «мелкий политический комбинатор, которому, — по словам И. Эренбурга, — казалось высотами искусства раздобыть в парламентском буфете несколько голосов для правительственного большинства» [25, стр. 48].

Формально правительство Шотана продолжало придерживаться программы Народного фронта. Наряду с радикалами в него входили министры-социалисты и представители других левых группировок. Кабинет пользовался поддержкой Французской коммунистической партии. Однако на деле в правительстве верховодили старые парламентские деятели, мастерски совмещавшие левые принципы с деловыми связями в финансовом мире. Содействуя формированию третьего кабинета Шотана (на этот раз на базе Народного фронта), они по-прежнему стояли за традиционные устои Третьей республики и были весьма далеки от какого бы то ни было революционного экспериментирования. Фактически с воцарением Камила Шо-

тана в Матиньонском дворце начался распад Народного фронта, постепенный отход от его принципов и революционных стремлений.

Изменения в правительстве и Народном фронте немедленно отразились на политической конъюнктуре в Тунисе. С одной стороны, они ободрили буржуазно-колониистскую оппозицию, которая давно мечтала об отставке Блюма. С другой стороны, они успокоили всех сторонников политики Народного фронта: от коммунистов до дестуровцев. На лидеров Нового Дестура особенно тягостное впечатление произвела отставка Пьера Вьено, олицетворявшего собой политику согласия и понимания. «Тот факт,— писал Бургиба,— что г-н Шотан не счел нужным сохранить на своем посту г-на Вьено, был для колониистов ясным свидетельством, говорящим о намерениях нового правительства» [42, стр. 118].

Отставку Вьено Новый Дестур рассматривал как намерение Шотана дезавуировать североафриканскую политику Блюма. И хотя Шотан ничего не говорил, что могло бы оправдать эти опасения, новодестуровских лидеров не покидало чувство глубокого беспокойства. Ни умиротворительные заверения Франсуа де Тесана, преемника Вьено на посту заместителя министра иностранных дел, ни по-прежнему хорошие отношения с Арманом Гийоном — ничто не могло рассеять тяжелых предчувствий. Официально Новый Дестур в конце концов решил продолжать политику сотрудничества. Матри, Бен Слиман, Бургиба, Гига и другие новодестуровские лидеры время от времени наведывались в Париж, где возобновляли зондаж в правительственных инстанциях. Но прежних отношений уже не существовало.

Начиная с лета 1937 г. вся политика Нового Дестура исходила из предположения о неизбежности столкновения с так называемыми *grépondérants*¹. Надежды на мирную эволюцию режима протектората постепенно уступали место экстремистским настроениям. Лидеры Нового Дестура все чаще придавали особое значение отдельным, зачастую изолированным конфликтам. Они спешили видеть в них начало чего-то неизбежного и трагического. 22 июля 1937 г. Хабиб Бургиба опубликовал в газете «Аксон тюнизьен» статью, в которой объявил, что заправилы колонизации развернули «наступление крупного масштаба» против «политики согласия и понимания, начатой правительством Народного фронта с социалистическим руководством» [42, стр. 117].

В действительности никакого нового «наступления» не было. Ободренные уходом Блюма, а также антидестуровскими

¹ «З а п р а в и л ы» — имеется в виду всемогущая буржуазно-колониистская верхушка Туниса, связанная с французской колониальной бюрократией.

настроениями, сквозившими в министерских кулуарах, буржуазно-колониальные круги продолжали старую политику саботажа Народного фронта. Начало было положено еще Венеком в январе 1937 г. С тех пор курс правой оппозиции не изменялся. Она хотела вбить клин между Новым Дестуром и французской демократией и всеми силами старалась изолировать Гийона. Развал администрации, который являлся результатом и вместе с тем средством давления на правительство, благоприятствовал ее планам. Во всем Тунисе царил атмосфера безнаказанности и безначалия. В стране поддерживалось чувство напряженности; то тут то там возникали волнения и беспорядки. В начале июня 1937 г. Арман Гийон пытался поставить полицию под свой непосредственный контроль и начать чистку администрации. Вместо этого — и, очевидно, по указаниям из Парижа — он издал декреты о запрещении самовольных митингов и о наказуемости прямого или косвенного оскорбления покровительствующей державы, а также клеветы на государственных служащих.

Авторитет генерального резидента падал. В возбужденной стране отсутствовала какая бы то ни была дисциплина. Местные власти и даже отдельные жандармы провоцировали население. Положение ухудшалось вследствие нищеты, царившей в бледе. Тысячи голодающих стекались в приморские города. Они валялись на улицах, нищенствовали и попрошайничали. Облавы и высылки этих недовольных людей нередко приводили к дракам и вооруженным столкновениям.

ВКТ и партии Народного фронта понимали опасность растущей анархии. Они стояли за укрепление авторитета правительства Народного фронта. Больше всего их беспокоили провокационные вылазки фашиствующих элементов, которые толкали возбужденных людей на антиправительственные выступления. Серьезное недовольство вызывали также отдельные действия Нового Дестура. Положение еще более осложнялось вследствие растущей отчужденности между двумя профсоюзными объединениями. ВКТ по-прежнему отказывалась признавать ТВКТ, не без основания полагая, что соглашаться с существованием самостоятельных тунисских профсоюзов — это значит согласиться с существованием Туниса как самостоятельного автономного государства или даже идти на его отделение от Франции. Новый Дестур со своей стороны по тем же самым соображениям упорно продолжал поддерживать ТВКТ, по-прежнему отвергая руководящую роль ВКТ.

Вследствие этого борьба между профсоюзами ВКТ и ТВКТ приобрела откровенно политический характер и вела к дальнейшему ухудшению отношений между Новым Дестуром и партиями Народного фронта. Патронат по мере сил содействовал соперничеству профцентров, провоцируя забастовки, не поддерживавшиеся параллельной профсоюзной организацией.

В большинстве случаев разыгрывался сценарий, уже апробированный в Метлави, Мдилле и Редейефе в марте 1937 г.

17 июля 1937 г. горняки Джерисы (к югу от Эль-Кефа) без санкции ВКТ начали забастовку, требуя увеличения заработной платы. Как некогда в Метлави, они заняли территорию рудника и отказались последовать призыву ВКТ о возобновлении работы. Прибыли жандармы и рота зуавов. 20 июля они учинили кровавую расправу над тунисскими горняками. Двое рабочих были убиты, пять — ранены. «Приказ об открытии огня, — цитировал Бургиба слова генерального секретаря Департаментского объединения ВКТ Бузанке, — не вызывался никакой необходимостью. Забастовщики, сраженные винтовочными и револьверными пулями, упали на дороге в 300 м от участка, который они занимали. Один из тех, кто погиб, был убит сзади, когда убегал в сторону. Руководящий персонал рудника участвовал в расстреле...» [42, стр. 119].

2 августа 1937 г. аналогичные события разыгрались в Метлине (в 10 км от Бизерты). Тунисские рабочие судоремонтного завода, выполнявшего военные заказы и входившего в систему Бизертского арсенала, начали забастовку. Произошли столкновения с французскими солдатами из охраны завода. По официальной версии, тунисские рабочие напали на солдат, якобы действовавших в рамках самообороны. Двое солдат были ранены; один тунисский рабочий был убит, пять получили тяжелые ранения. 3 августа ТВКТ выступила с резким протестом против зверств французской солдатчины и призвала тунисских трудящихся провести всеобщую забастовку «в знак солидарности с товарищами из Метлина, многие из которых убиты и ранены» [99, 1937, № 10, стр. 469]. 4 августа в различных пунктах Туниса, главным образом в городах Тунисе и Бизерте, состоялись забастовки; собирались средства в фонд помощи героическим рабочим Бизерты.

29 августа ТВКТ вновь провела однодневную забастовку в Бизерте «в знак траура и успокоения души» рабочего, погибшего в результате несчастного случая на производстве. За ней последовал ряд других выступлений тунисского пролетариата.

Во главе августовских и сентябрьских забастовок 1937 г. в районе Бизерты находился Хасан Нури — один из наиболее боевых руководителей национального рабочего движения. Алжирец по происхождению, он давно участвовал в забастовочных боях в Бизерте. В 1934 г. Нури подвергся репрессиям: был выслан в Алжир. Однако вскоре после майской победы 1936 г. он вернулся в Тунис и стал одним из наиболее активных организаторов ТВКТ в Бизерте, где он пользовался большим авторитетом среди рабочих-мусульман. Хасан Нури, который, по словам Бургибы, был «профсоюзным активистом неодестуrowsкой политической окраски» [42, стр. 163], совершенно не считался ни с Департаментским объединением, ни с его органи-

зациями в Бизерте. Его действия во время августовско-сентябрьских забастовок 1937 г. привели к неслыханному обострению отношений между ВКТ и ТВКТ. Соперничающие профсоюзы чинили откровенные помехи друг другу, апеллируя к культуре силы и революционного действия. В районе Бизерты начались открытые столкновения между членами противоборствующих профцентров. Наиболее серьезные инциденты имели место 3 сентября 1937 г. во время забастовки, которую ТВКТ организовала в Мензель-Джамиле вопреки решению ВКТ.

Ожесточенный характер профсоюзных столкновений в районе Бизерты привлек особое внимание правительства протектората. По всей стране были усилены меры безопасности. Гийон созвал совещание представителей гражданских и военных властей и дал указание неукоснительно соблюдать декреты о незаконных митингах и процессиях. Главные зачинщики беспорядков были арестованы. Хасан Нури предстал перед французским судом, который приговорил его к двум месяцам тюремного заключения с последующей высылкой в Алжир.

Всю вину за профсоюзные междоусобицы партии Народного фронта стали возлагать на Новый Дестур и Хабиба Бургибу. Это естественно привело к дальнейшему ухудшению отношений между французской демократией и Новым Дестуром. Социалисты характеризовали ТВКТ не иначе как «новый аспект дестуровского действия» [99, 1938, № 2, стр. 61]. Они обвиняли новодестуровское руководство в том, что арабские массы перестали прислушиваться к ВКТ. Они с сожалением констатировали, что Департаментское объединение ВКТ все чаще являлось зрителем массовых выступлений трудящихся-мусульман, которыми руководили другие вожди и другие организации.

«Таким образом,— писала газета „Тюнис-социалист“ 20 октября 1937 г.— движение за освобождение пролетариата под влиянием деятельности одного лидера (которому Пейрутон создал ореол мученика) превратилось в широкое антифранцузское движение. Не надо бояться слов: вся деятельность, направленная на освобождение тунисских трудящихся, которую вела ВКТ, была видоизменена, приостановлена и направлена к совершенно другой цели» [там же].

Борьба с итальянским фашизмом. Убийство Мичелли. Состояние перманентного возбуждения всячески подогревалось врагами Народного фронта. Любые конфликты (на базе голода, бюрократической волокиты, национальных предрассудков и религиозной нетерпимости) раздувались консервативно настроенными чиновниками. Они саботировали политику Народного фронта и были заинтересованы в поддержании постоянных неурядиц. В Сусе, например, по сообщению «Юманите», чиновники, имевшие отношение к оказанию помощи безработным, чинили всяческие придирки. Особенно нагло они вели себя

с рабочими, открыто симпатизировавшими Народному фронту. Рабочих-тунисцев или вообще не допускали на общественные работы, или давали им возможность подрабатывать только одну неделю в месяц [107, 3.IX.1937].

Среди чиновников колониальной бюрократии, в армии, полиции и жандармерии было много французских националистов, явных и тайных сторонников фашизма, особенно «Огненных крестов» полковника де ла Рока. Фашисты были немногочисленны и политически разбиты. Тем не менее они не собирались прекращать свою подрывную деятельность. Они всеми средствами нагнетали атмосферу нервного напряжения, провоцируя недовольство правительством Народного фронта. Поражения, которые французские фашисты понесли в 1934 и 1936 гг., отнюдь не гарантировали Францию от повторения фашистских авантур. Еще на VII конгрессе Коминтерна в 1935 г. Г. М. Димитров обратил внимание французских коммунистов на целый ряд моментов, которые благоприятствовали развитию фашизма во Франции. «Французский фашизм,— говорил он,— имеет такие сильные позиции в армии, среди офицерского корпуса, каких национал-социалисты до своего прихода к власти не имели в рейхсвере» [8а, стр. 87]. Любая оплошность, даже незначительный отрыв от масс, грозила французскому народу повторением трагедии Германии или бедствиями республиканской Испании.

Естественно, коммунистическое движение Франции и Туниса старалось быть начеку. Причем положение в Тунисе осложнялось тем, что непосредственное влияние коммунистической партии здесь было сравнительно невелико, а отношения с Новым Дестуром, как это показали профсоюзные столкновения, не давали никаких оснований для самоуспокоенности.

После роспуска фашистских лиг, после провала Французской народной партии, не сумевшей создать в Тунисе массовой базы, наконец, после удара, нанесенного по профашистской группировке арабских националистов во главе с Бушаррой, главной опасностью для Народного фронта в Тунисе стала деятельность итальянских фашистов. Они опирались на генеральное консульство Италии и систему итальянских учреждений в стране. При попустительстве властей, скрупулезно соблюдавших франко-итальянские конвенции о Тунисе, итальянские фашисты вели в протекторате разнузданную антифранцузскую кампанию, пытаясь создать нечто вроде государства в государстве.

Итальянское консульство прямо или косвенно контролировало большинство итальянских учреждений в Тунисе. В 1937 г. под его началом было восемь организаций бывших фронтовиков, общество «Данте Алигьери», организации «Дополаворо» («Рабочий досуг»), под покровом которых нередко маскировались «фаши» («союзы») партии Муссолини, итальянский союз

женщин, спортивные ассоциации, театральные и музыкальные общества, различного рода католические организации и т. п. В ведении консульства находились 23 итальянские школы, госпиталь, итальянский «Красный крест», книжное издательство, торговая палата, жилищное строительство и пр. [97, 1939, № 6, стр. 60]. В итальянском консульстве имелись «гражданский отдел», «отдел образования», «отдел вспомоществования» и другие отделы, не имевшие ничего общего с обычной консульской и внешнеполитической деятельностью. Консул назначал директоров итальянских учреждений в Тунисе и руководителей итальянских общественных организаций, которые в значительной мере финансировались за счет итальянского правительства.

При поддержке итальянского консульства в Тунисе издавались пять фашистских периодических изданий. Помимо ежедневной газеты «Унионе» фашисты издавали два еженедельника — «Африкано» и «Коккоде», иллюстрированное обозрение «Итальяни ди Тунисиа» и псевдолитературный журнал «Паджине Медитерранеэ». Все эти издания с дополнявшими их передачами итальянского радио изо дня в день вели ничем не прикрытую антифранцузскую кампанию. Без зазрения совести они эксплуатировали политические и экономические трудности Народного фронта, извращали их сущность и непрерывно нападали на руководителей правительства и партий Народного фронта. Больше всех доставалось «еврею Блюму», поношения которого содержались почти на каждой странице фашистских листов [107, 11.X.1937].

Тунисские коммунисты не оставляли без ответа ни одну агрессивную вылазку итальянского фашизма. Они призывали тунисский народ к бдительности против происков Муссолини. Еще в ноябре 1935 г. коммунисты Туниса совместно с коммунистическими партиями Южной Африки, Алжира, Палестины, Египта, Сирии, Ирана и Италии опубликовали декларацию в защиту Абиссинии [97, 1939, № 2, стр. 125]. Тунисские коммунисты выступали против фашистской интервенции в Испании и пиратских действий итальянского флота на море. Докеры Туниса — первыми в мире — воспрепятствовали отправке товаров во франкистскую Испанию.

Борьбу против итальянского фашизма ТКП вела в тесном контакте с коммунистическими партиями Франции и Италии. Они совместно разрабатывали основные мероприятия, действуя затем каждая на своем участке. Итальянские коммунисты, имевшие собственную организацию в Тунисе, обычно выступали вместе с другими итальянскими демократами в рамках единых антифашистских объединений. В течение длительного времени они старались не афишировать себя и по сути дела находились на полулегальном положении. Основной легальной организацией, объединявшей итальянских антифашистов в Ту-

нисе, была Итальянская лига прав человека. Она издавала газету «Итальяно ди Туниси», являвшуюся главным рупором итальянского демократического движения в стране.

Несмотря на организационные слабости и полуполюгальный характер, итальянские антифашисты мужественно противостояли напору муссолиниевского фашизма. В Тунисе они пользовались поддержкой подавляющего большинства итальянского населения страны. Правда, во многих случаях оно не рисковало открыто проявлять свои симпатии. Не имея ни французского, ни тунисского гражданства, зачастую не зная никакого другого языка, кроме итальянского, переселенцы с Апеннинского полуострова волей-неволей поддерживали связи с итальянскими консульствами, кредитными товариществами, школами, лечебными и религиозными учреждениями. Этим пользовались фашисты, чтобы навязать свою волю итальянским эмигрантам. Большую роль играли методы психологического давления, шантаж, запугивание и террор. «Влияние фашизма в Тунисе,— подчеркивал А. Ланди,— держится не на идеологической связи итальянских фашистов с местным населением итальянцев, а на терроре и запугивании» [97, 1939, № 6, стр. 61].

Фашистская пропаганда непрестанно клеймила ренегатов, всех тех, кто отрекался от «фашистской родины». Агенты ОВРА с помощью местных фашистов преследовали итальянских демократов, стремились запугать их и изолировать от итальянского населения Туниса. Они устанавливали за ними слежку, держали под наблюдением их квартиры. Антифашисты получали письма с угрозами и предупреждениями. Нередко фашисты нападали на них, устраивали у них самочинные обыски. Летом 1937 г. агенты ОВРА организовали похищение трех итальянских демократов и попытались вывезти их на территорию Италии. Лишь благодаря своевременному вмешательству Итальянской лиги прав человека французские власти заставили агентов Муссолини считаться с нормами международного права.

С этого времени Итальянская лига прав человека стала бельмом на глазу муссолиниевской пропаганды. Фашисты буквально ослепли от ярости. 20 сентября 1937 г. они произвели совершенно беспрецедентную по своей наглости террористическую акцию. Около 6 часов вечера большая группа моряков и курсантов с итальянских военно-учебных судов «Америго Веспуччи» и «Коломбо», зашедших на отдых в порт г. Туниса, сделала налет на помещение Итальянской лиги прав человека и редакции антифашистской газеты «Итальяно ди Туниси». Погромщики встретили отпор со стороны Джузеппе Мичелли, дежурившего в редакции. Это был, по словам Г. Пери, «скромный и пылкий молодой человек» [107, 11.X.1937], секретарь Итальянской лиги прав человека и один из руководителей ан-

тифашистского движения в Тунисе. Он погиб в неравной борьбе. Фашисты выбили оружие из рук Мичелли и выстрелом в упор убили отважного антифашиста.

Убийство Мичелли вызвало возмущение в демократических кругах Туниса. Оно послужило поводом для массовых антифашистских выступлений. Инициатива принадлежала ТКП и итальянским коммунистам. Уже вечером 20 сентября 1937 г. по их призыву на авеню Жюль Ферри состоялась демонстрация протеста против вылазок итальянского фашизма. Власти протектората арестовали 12 итальянских моряков. 21 сентября итальянские учебные суда спешно покинули тунисские воды.

23 сентября 1937 г. состоялись похороны Мичелли. Они вылились в грандиозную демонстрацию солидарности тунисских трудящихся с итальянским антифашистским движением. В похоронной процессии за гробом Мичелли шло около 50 тыс. человек. Все главные улицы г. Туниса были черны от народа. В большинстве столичных магазинов и ателье была объявлена забастовка протеста.

В начале октября 1937 г. в различных пунктах Туниса состоялись лекции и собрания трудящихся, посвященные памяти Мичелли. Их участники требовали положить конец фашистскому произволу. 3 октября после митинга на Бирже труда в г. Тунисе несколько тысяч человек направились к генеральной резиденции, чтобы передать властям свои требования. Из других мест поступали резолюции. Например, на чрезвычайном заседании местного объединения профсоюзов ВКТ г. Беджи была принята резолюция, которая требовала от правительства протектората:

1) немедленно закрыть помещение «фаши» г. Беджи, маскируемое под «Дополаворо»;

2) немедленно уволить из государственных учреждений итальянцев, принявших французское гражданство и вместе с тем состоящих членами каких-либо фашистских организаций;

3) запретить издание, продажу и распространение на территории Туниса фашистской и антифранцузской газеты «Унионе»;

4) немедленно выслать из Туниса всех итальянцев, которые ведут пропаганду в пользу рабского режима и против республиканского строя.

Наконец, трудящиеся требовали провести чистку администрации и полностью запретить на территории Туниса демонстрацию фашистских пропагандистских фильмов [107, 8.X.1937].

Власти, хотя бы частично, были вынуждены считаться с требованиями антифашистского движения. 3 октября 1937 г. Картерон, генеральный секретарь тунисского правительства, запретил показывать в Тунисе итальянскую кинохронику, про-

славлявшую действия фашистского правительства Муссолини. 27 октября по требованию антифашистов из Туниса был выслан итальянский журналист Даниэль Оккипинти. Однако правительства протектората и метрополии по-прежнему не решались открыто выступить против франко-итальянских соглашений о Тунисе. Пользуясь этим, итальянские фашисты продолжали удерживать в стране достаточно сильные позиции, которые оказывали неблагоприятное влияние на общий баланс политических сил в Тунисе.

Война Дестуров. Борьба между силами фашизма и демократии, развертывавшаяся на фоне профсоюзных столкновений (фактически прикрывавших начавшуюся борьбу между Новым Дестуром и партиями Народного фронта), осложнялась ко всему прочему борьбой внутри националистического лагеря. Здесь также не было единства взглядов. Отношения между двумя Дестурами в период Народного фронта оставляли желать много лучшего. 4 июля 1937 г. на одном из митингов в Ла-Гулете, когда руководитель местной секции Старого Дестура попытался взять слово, его сбили с ног, проволокли по земле и, наконец, пинками прогнали с митинга.

Новая фаза в междоусобной борьбе двух Дестуров наступила в связи с возвращением в Тунис шейха Абд аль-Азиза Таальби. Французские власти, обеспокоенные растущим авторитетом Бургибы, решили противопоставить ему старого вождя тунисского национализма. Тем самым они надеялись ослабить национально-освободительное движение, занять его междоусобной борьбой и в случае успеха дискредитировать Бургибу, а заодно внести разброд в ряды новодестуровского движения как главной и непосредственной опасности для режима протектората.

Возвращение Таальби было одним из требований тунисского национализма. Сам шейх давно домогался разрешения вернуться на родину. И когда в июне 1937 г. французское посольство в Каире предложило ему возвратиться в Тунис, он с радостью согласился. Весть о неожиданном возвращении Таальби наполнила оптимизмом вождей Старого Дестура и не на шутку встревожила руководителей Нового Дестура. Они уже привыкли самочинно распоряжаться именем Таальби. Теперь же старый шейх мог дезавуировать их и осложнить положение Бургибы как самозванного преемника «отца Дестура».

Однако прямая атака на легендарного шейха была совершенно исключена. Он мог перенести ее без особого вреда. К тому же она заранее отдавала престиж Таальби врагам новодестуровского движения. Поэтому Политбюро Нового Дестура решило поступить иначе. В соответствии со своими лозунгами оно постаралось представить возвращение шейха как осуществление своих самых заветных чаяний. Тем самым оно надеялось нейтрализовать правомусульманскую оппозицию,

еще раз выступить в роли поборника боевых традиций тунисского национально-освободительного движения и в случае успеха использовать «отца Дестура» в своих политических интересах. Вполне вероятно также, что многие члены Политбюро совершенно искренне надеялись привлечь Таальби на свою сторону.

Как бы там ни было, Новый Дестур решил организовать Таальби триумфальную встречу. Он был главным режиссером грандиозного спектакля, поставленного 8 июля 1937 г. В этот день в тунисском порту собрались тысячи празднично одетых тунисцев. Прибыли представители 32 национальных организаций. Шеренги новодестуровской молодежи, арабская музыка, звуки национальных гимнов, «ю-ю» мусульманских женщин являли картину ликующей родины. Дети в национальных костюмах держали цветы. Первым на палубу поднялся доктор Махмуд Матри — председатель Нового Дестура. Торжественным голосом он зачитал приветственную речь, которая начиналась словами: «Добро пожаловать, великий заим, отец тунисского возрождения!» [108, 1938, № 2, стр. 97].

Все газеты Туниса посвящали Таальби целые полосы. Репортеры следили за каждым его шагом. Прославленный вождь побывал дома, затем нанес визит в Политбюро Нового Дестура. «Говорят только о нем, — сообщала „Тюнизи франсэз“, — только он один говорит, пишет, принимает; только его принимают и приглашают на обеды» [цит. по: 99, 1937, № 10, стр. 466]. 12 июля 1937 г. состоялся грандиозный митинг в Гамбета-парке. Собравшиеся с энтузиазмом приветствовали вождя нации. Бургиба, Матри, Бен Юсеф, участвуя в церемониях, осторожно приглядывались к великому незнакомцу. 13 июля Арман Гийон принял Абд аль-Азиза Таальби. Его сопровождали Матри и Бургиба. 19 июля состоялась аудиенция у бея Ахмеда. Наблюдателям бросилось в глаза, что едва Таальби покинул бейские апартаменты, как к бею провели Хабиба Бургибу. По городу ползли слухи, что новодестуровские вожди недовольны, что Бургиба, Гига и Бен Юсеф не в состоянии скрыть свое раздражение.

Вернувшись в Тунис, Таальби не чувствовал себя стопроцентным тунисцем. Отвечая на приветствия, он поспешил передать Матри «чувства симпатии к тунисской нации со стороны Египта, Сирии, Палестины, Ирака — стран, которые объединились в любви к Тунису» [108, 1938, № 2, стр. 97]. За 14 лет эмиграции он отвык от Магриба, а главное, совершенно оторвался от тех процессов в общественно-политической жизни и быту, которые происходили в Тунисе. Он был человеком из другой общественной среды, с другими мыслями и настроениями. Он был и оставался теологом, улемом-реформатором, жившим в фантастическом мире своих концепций. Его идеалом был Машрик (Арабский Восток), его великое будущее, осно-

ывавшееся на верности исламу и прошлом величии. Таальби имел на Востоке много друзей и почитателей. Он гордился этим и без перерыва рассказывал о своих влиятельных друзьях — египетских пашах, об имаме Яхье, об иерусалимском муфтии Амине аль-Хусейни. Он откровенно восхищался этими людьми с «чувствительным сердцем» и «благородной душой».

Возвращаясь на родину, Таальби мечтал о восстановлении единства национально-освободительного движения. Он хотел воссоединить Старый и Новый Дестур и на их основе создать единую партию туниССких националистов, которая бы шла «в фарватере арабских государств» [54, стр. 112].

Все это заставляло руководителей Нового Дестура быть настороже. Несмотря на верность антиимпериалистическим идеалам, несмотря на глубокие симпатии к народам-братьям, они отнюдь не идеализировали общественные порядки, существовавшие в восточноарабских странах. Лидеров Нового Дестура неприятно поражал социальный консерватизм правящих кругов Машрика, их ортодоксальный догматизм и интеллектуальная косность. Бургиба, пишет Роже Ле Турно, «выступал за демократическую и светскую политику, которую он отказывался променять на панарабизм и панисламизм, не пробуждавшие в нем ничего, кроме небольших откликов» [65, стр. 83]. К тому же у Нового Дестура не было на Востоке ни политических друзей, ни единомышленников. В Машрике не было ни одной политической партии, которая хотя бы отдаленно напоминала Новый Дестур, его западническую философию и веру в массы. «ТуниССы, мусульмане,— отмечал Ф. Гарас,— имели чувства мусульманской солидарности, но эта солидарность была чисто духовной. Их преклонение перед Египтом и Сирией, которые сумели завоевать независимость, отнюдь не вело их к тому, чтобы копировать их учреждения или равняться на их политику; у них была даже подлинная антипатия к феодальным режимам некоторых ближневосточных государств» [54, стр. 94].

Во время совещания новодестурских лидеров накануне прибытия Таальби Бургиба твердо заявил, что он «будет продолжать идти своим путем с ним... или без него» [54, стр. 112]. Руководители Нового Дестура, видимо, предпочитали идти с ним. Они были готовы предоставить Таальби роль номинального вождя движения при условии, что реальное руководство партией останется в их руках. Однако последнее слово, естественно, оставалось за самим Абд аль-Азизом Таальби.

Старый вождь не спешил. Он принимал знаки внимания, благодарил, но не скрывал своих подлинных чувств. Таальби, «лелеявший,— как пишет Ш.-А. Жюльен,— духовные и унитарные идеалы арабского возрождения» [63, стр. 88], естественно, симпатизировал религиозному, консервативному и традиционалистскому Старому Дестуру. В своих публичных выступлениях он откровенно осуждал «светский конституционализм» и

прославлял «неукротимых воинов ислама» [54, стр. 113]. Он высоко ценил взгляды и личные качества вождей Старого Дестура, «особенно,— как он говорил,— ввиду их серьезности» [29, стр. 25]. В противоположность этому лидеры Нового Дестура казались ему «безрассудными и неуравновешенными». Он едва подавлял свою неприязнь к «ограниченным, чисто тунисским взглядам Нового Дестура и его орудия — ТВКТ» [43, стр. 240].

Формально Таальби придерживался нейтралитета. Фактически он полностью солидаризировался со Старым Дестуром. Он отказался санкционировать политику сотрудничества с Народным фронтом, поддерживал лозунг о полной и немедленной независимости. Он отстаивал панарабские идеалы, выступал за единство мусульманских стран и постоянно апеллировал к религиозным чувствам мусульман.

Кампания Таальби получила широкую поддержку из-за рубежа, особенно со стороны религиозно-консервативных кругов панарабского движения. Они выдвигали его на первый план, подчеркивали его заслуги перед национально-освободительным движением и выдающуюся роль в судьбах североафриканского ислама. Особое значение в этой связи имела поездка в Тунис шейха Абд аль-Хамида бен Бадиса — председателя алжирской Ассоциации улемов-реформаторов. Он уже приезжал в Тунис в конце мая 1937 г. Выступая на торжествах, посвященных 20-й годовщине со дня смерти Бешира Сфара, он произвел огромное впечатление на образованных мусульман. Их поразило его красноречие, его ослепительно белая джеллаба, его лицо аскета, обрамленное огромной черной бородой. «Шейх Бен Бадис,— писала „Пти Матэн“,— подлинный трибун, настоящий мастер слова, человек, пламенные речи которого поднимают толпы... и которого в Алжире почитают наравне со святым» [см.: 99, 1937, № 6, стр. 338]. И вот 22 июля 1937 г. этот прославленный вождь алжирских улемов-реформаторов во второй раз прибыл в Тунис, чтобы лично приветствовать возвращение своего друга и единомышленника шейха Абд аль-Азиза Таальби. Арабские газеты помещали фотографии выдающихся борцов за веру и с восторгом писали, как встретились и как беседовали между собой эти «столпы и прибежища полумесяца» [там же, № 10, стр. 466, 471].

Новый Дестур проиграл первый раунд. Несмотря на восторженный прием, Таальби отказался освящать своим авторитетом политику Нового Дестура. Он хотел быть реальным вождем тунисского национально-освободительного движения. Со всей решительностью он поставил вопрос об объединении Дестуров. От националистических вождей он потребовал как можно скорее определить свои позиции. И Новому Дестуру не оставалось ничего другого, как согласиться на объединение и начать переговоры о единстве.

5 августа 1937 г. после очередного совещания в доме Тааль-

би партии Новый и Старый Дестур опубликовали резолюцию об объединении. Ничего не могло быть более далекого от реальной действительности, чем слияние этих двух партий. Вся история национально-освободительного движения, непрекращавшаяся борьба между двумя Дестурами, различия в их классовой природе и политической философии — все это свидетельствовало о том, что для слияния этих партий не было никаких объективных условий. Каждая из них продолжала отстаивать свою политику и, начиная переговоры, фактически стремилась устранить конкурента, осуществить объединение, как пишет Роже Ле Турно, «в пользу своих вождей и своих собственных взглядов» [65, стр. 83]. Учитывая позицию Таальби, можно утверждать, что объединение должно было произойти за счет Нового Дестура. Над партией Бургибы нависла реальная угроза поглощения и растворения в Старом Дестуре.

Для подготовки объединения была создана комиссия под председательством Таальби. В нее вошли Тахар Сфар и Слимман бен Слимман от Политбюро Нового Дестура, Али Бухаджеб и Салах Фархат от Исполнительной комиссии Старого Дестура. Новодестуровские представители далеко не являлись ведущими фигурами в партии и в ответственные моменты, естественно, должны были обращаться за санкцией к руководящему ядру. Если это отвечало намерениям Таальби, не хотевшего приближать к себе Бургибу и Салаха бен Юсефа, то, с другой стороны, это отнюдь не способствовало успеху всего начинания.

Переговоры происходили в атмосфере взаимного недоверия и отчужденности. За первыми декларациями о служении общему делу посыпались обвинения и упреки. Таальби обвинял руководителей Нового Дестура в двурушничестве, в стремлении, как он говорил, плясать на двух канатах. «С одной стороны,— отмечалось в его последующем заявлении французскому следствию,— они обещают тунисскому народу независимость и говорят ему, что он получит ее, не иначе, как только следуя за ними; с другой стороны, они заявляют французам, что они сторонники сотрудничества и совместного суверенитета» [29, стр. 26]. Таальби самым категорическим образом возражал против отстранения от руководящих постов в объединенной партии Али Бухаджеба, Монсефа Местири, Мухиэддина Клиби и Шадли аль-Халляди, т. е. наиболее молодых и энергичных руководителей Старого Дестура, которых новодестуровские лидеры квалифицировали как «агентов Пейруттона» и требовали исключить из партии при первом удобном случае [29, стр. 25]. Политбюро Нового Дестура обвиняло Таальби в стремлении захватить руководство и стать единоличным вождем тунисского национализма. Наконец, вопрос о партийной кассе, поставленный одним из первых, произвел на новодестуровских лидеров самое неблагоприятное впечатление. Претен-

зии великого заима на финансовое единоначалие, отмечает Гарас, «показались подозрительными и несколько охладили пыл членов объединительной комиссии» [54, стр. 113].

Переговоры были совершенно безнадежны и вскоре зашли в тупик. Каждая из сторон утверждала, что она пользуется доверием народа и имеет полное право руководить им. Стародестуровцы поддерживали Абд аль-Азиза Таальби, представители Нового Дестура сплотились вокруг Хабиба Бургибы. В конечном счете было решено обратиться к мнению низовых организаций.

В самом конце августа 1937 г. переговоры были прерваны. Оба лидера отправились в пропагандистские турне. Они выступали на митингах и собраниях. Повсюду они отстаивали свою единственно правильную политику и призывали народ не верить лживым заявлениям соперника. На первых порах Таальби одерживал одну победу за другой. На полуострове мыса Бон его прибытие вызвало огромный энтузиазм. 62-летний вождь был опьянен успехом и, не долго думая, решил двинуться в Сахель — вотчину Нового Дестура. Он явно хотел поразить врага в самое сердце и заранее объявил о целой серии митингов в этом районе. Бургиба принял вызов и решил дать здесь генеральное сражение. 5 сентября 1937 г. он срочно выехал из Туниса. Минуя Хаммамет, где Таальби торжествовал победу, он прибыл в родной Сахель, объехал его города и селения. Повсюду ему оказывался самый восторженный прием. Люди Сахеля были за него. Убедившись в этом, Бургиба отправился в Кайруан, затем к кочевникам Зласс и, наконец, на Север, в долину р. Меджерды.

Соперники, так же как и печать обеих партий, не стеснялись в выборе выражений. У многих даже складывалось впечатление, что в развернувшейся перепалке политика служила лишь поводом для личных оскорблений. Таальби обвинял «самых новых дестуровцев» в двуличии и измене делу национального освобождения. Он характеризовал Бургибу как предателя и отступника, который союзу с мусульманскими братьями предпочел союз с французскими колонизаторами. Он заявлял, что Бургиба домогается власти и министерских постов в правительстве протектората. Не забывались при этом и физические недостатки соперников, а также их мнимые преимущества. Сравнивая грузного и располневшего Таальби с сухощавым Бургибой, стародестуровская газета «Шарт тюнизьен» с гордостью писала, что Таальби «превосходит своего противника морально и физически, и в длину и в ширину на несколько локтей» [цит. по: 99, 1937, № 10, стр. 470].

Бургиба со своей стороны обвинял Таальби в вождизме, называл его незадачливым кандидатом в диктаторы, агентом-провокатором на службе у колонистов. Членов Старого Дестура он именовал не иначе как «неомарабуты», «неодемагоги» и

«ньюфаундленды»² пейрутоновских репрессий, которые тосковали по старым временам и порядкам. За 15 лет (отсутствия Таальби), утверждал Бургиба, положение в Тунисе совершенно изменилось, и «все таальби мира ничего в этом не изменят; они рискуют только надорвать свои животы» [там же].

В своих речах Таальби обращался к соотечественникам и мусульманам вообще. Он не имел в виду определенной социальной аудитории. В отличие от него Бургиба апеллировал прежде всего к трудящимся массам — крестьянам, кочевникам, тунисским рабочим-мусульманам. Впоследствии Таальби жаловался, что Бургиба восстановил против него тунисских рабочих. Новый Дестур, говорил он, распускал слухи, «будто я согласен с резидентом в вопросе о роспуске профсоюзов, будто я получил от резидента Гийона 400 тыс. фр., за которые продаю Тунис, не считая автомобиля и ежемесячного оклада в 10 тыс. фр.» [29, стр. 26].

Наконец, если Таальби говорил, по его же собственным словам, на языке мудрости, то Бургиба говорил на языке народа. Вождь Нового Дестура широко использовал разговорный язык, избегал малопонятных слов и выражений, составлявших монополию улемов и курра (грамотных). Его выступления всегда вызывали бурю восторгов со стороны простых тунисских труженников, которые не только чувствовали, но и понимали о чем идет речь.

Исключительно большую роль в победе Бургибы сыграла политическая организация Нового Дестура. Осенью 1937 г. она показала всю свою эффективность. Едва Таальби добился первых успехов, как Бургиба поставил на ноги все партийные, молодежные и профсоюзные организации Нового Дестура. В адрес Таальби хлынул поток писем и телеграмм протеста. Активисты Нового Дестура не за страх, а за совесть разоблачали слова и действия Таальби. Под боевым лозунгом «Долой лжезаимов» они установили в стране атмосферу настоящего морального террора против сторонников Старого Дестура.

В начале сентября 1937 г. Таальби натолкнулся на сплошную стену всеобщего непонимания. Первые враждебные демонстрации встретили его на подступах к Сахелю. По дороге в Мсакен, в Сус и далее к Суасси его машина нередко пробиралась сквозь живой частокол улюлюкающих людей. Летели помидоры и камни. Это послужило основанием для иронического прозвища «шейх томатем» («помидорный шейх»), которое неотступно преследовало его по всему Тунису. В Сусе его дом забросали камнями. Один из них, вспоминал Таальби, «чуть не пробил мне голову» [там же]. Шум, свист, камни и помидоры заткнули рот сопернику Бургибы. Его митинги в Са-

² Ньюфаундленды — собаки-водолазы, спасающие тонущих людей.

хеле были сорваны. С грехом пополам добравшись до Суасси, он был вынужден повернуть обратно.

Это был крупный провал. Однако по-боевому настроенный шейх не хотел отступать. При первых известиях об успехах Бургибы в долине Меджерды — зоне традиционного влияния Старого Дестура — он ринулся на Север. На 25 сентября 1937 г. был назначен митинг в Матёре (приблизительно в 30 км от Бизерты). Таальби направился туда в сопровождении большой группы своих приверженцев. Около Матёра их ждали новодестуровские рабочие дружины и охранные отряды. Хеди Нуира и Хабиб Бугетфа привели около 400 рабочих из Бизерты, Беджи и Сук-эль-Хемиса. Они напали на Таальби и его спутников. Автомобиль шейха был перевернут. «Раздавите эту гадину», — вне себя кричал Таальби, указывая на ближайшего к нему новодестуровца [99, 1937, № 10, стр. 470]. Между сторонниками Нового и Старого Дестура развернулось настоящее сражение. В ход пошли ножи, палки и даже огнестрельное оружие. Таальби насчитал 51 выстрел [см.: 29, стр. 26]. Один член Старого Дестура был убит, 14 человек — ранены. Лишь прибытие французских войск и жандармерии приостановило побоище. Под охраной французов Таальби вступил в город и провел антибургибовский митинг, ради которого он совершил столь рискованное путешествие.

Аналогичные события повторились в Ферривиле, затем в Бедже. 2 октября 1937 г. около Беджи озверевшая толпа бросилась на Таальби, которому удалось спастись за спинами французских жандармов. В происшедшей схватке три человека были убиты, многие получили ранения. По престижу Таальби был нанесен серьезный удар. Вмешательство французской жандармерии развеяло миф о великом вожде мусульманского Туниса-мученика. В глазах народа он превратился в жалкого «томатного шейха», прячущегося от мусульман за французскими штывками.

После Беджи Таальби вернулся в Тунис. Его нервы сдали. Он отказался от публичных выступлений и издал «гневный манифест, где безжалостно заклеил Новый Дестур и его людей» [65, стр. 84]. 3 октября 1937 г. газета «Аль-Ирада» в качестве «шапки» к информации о событиях в Бедже поместила на первой полосе карикатурное изображение Бургибы и Матри с руками, обгавленными кровью, и надписью: «Сущая правда» [29, стр. 26]. В ответ на это Бургиба предал гласности одно из писем стародестуровского руководства к Пейрутону и вызвал шейха для объяснений на предстоящий съезд Нового Дестура. Таальби уклонился от продолжения полемики и замкнулся в узком кругу своих ближайших сторонников.

Под натиском Нового Дестура Таальби был вынужден сбросить маску арбитра. В сентябрьские дни он целиком и полностью связал себя со Старым Дестуром и вследствие своего

провала нанес ему смертельный удар. Сентябрьские события укрепили авторитет Нового Дестура, который с конца 1937 г. фактически стал единственной националистической партией, имевшей реальное влияние в трудящихся массах. «Эта победа Бургибы,— пишет Роже Ле Турно,— подтвердила Ксар-хел-фальский съезд: политический Тунис 20-х годов отмирал» [65, стр. 84].

В этом плане попытки панарабских кругов Алжира и Машрика вмешаться в пользу Таальби были заранее обречены на неудачу. В период Народного фронта Тунис перерос политику пустого слова. В этом скоро убедился шейх Абд аль-Хамид бен Бадис, который в сентябре 1937 г. еще раз прибыл в Тунис. После нескольких часов беседы с глазу на глаз со своим другом Таальби он предпочел уклониться от участия в междустуровской полемике. Столь же бесперспективным было вмешательство Амина аль-Хусейни. Торжественное послание³ великого муфтия Иерусалима произвело потрясающее впечатление на тунисских курра, но не изменило реального соотношения сил между Новым и Старым Дестуром. Совершенно бесплодным оказался также нажим со стороны египетского сенатора аль-Басиль-бея, который прибыл в Тунис по поручению панарабских кругов Каира. 25 октября 1937 г. в газете «Ат-Тунис» была опубликована беседа египетского эмиссара с тунисскими журналистами. «Ваше поведение,— говорил египтянин,— нас удивляет; ваши действия вызывают у нас в Египте сильное недоумение. Мы направили к вам шейха Таальби, чтобы он провел у вас работу, являющуюся одновременно и патриотической и мусульманской. Речь шла о независимости Туниса, которая связана с независимостью других стран Северной Африки, Арабского Востока и Мусульманского Востока. А что сделали вы? Вы его плохо приняли. Вы саботировали дело, которое он прибыл отстаивать. Вы не имеете права относиться к нему таким образом. Тунис принадлежит не только вам, он — неотъемлемая часть мусульманского мира, великого арабского единства. Ваш долг заключается в том, чтобы положить конец нападкам против него, объединиться и сплотиться вокруг него ради окончательного торжества общего дела» [цит. по: 99, 1938, № 4, стр. 167]. Крупными буквами газета воспроизвела угрозы Басиль-бея, который заявил, что египтяне будут вынуждены вычеркнуть Тунис из списка мусульманских стран и даже выдворить из Египта тех тунисцев, которые жи-

³ «...До нас дошли вести,— писал аль-Хусейни,— о ваших огромных усилиях по объединению рядов и сплочению разных группировок, чтобы единой партией действовать на благо родины и страны, и о вашей наставляемой богом деятельности, заключающейся в том, чтобы в результате многих усилий сблизить сердца и сделать тунисцев братьями по богу, направляющими все свои силы к единой цели, благодаря правильности ваших советов и высокому авторитету вашего руководства» [см.: 99, 1937, № 12, стр. 568].

вут в Каире, пользуясь правами мусульманского гостеприимства. Но ничто не помогало. Дело Таальби было безнадежно проиграно.

Блиц-крушение Таальби опрокинуло расчеты тех французских политиков, которые надеялись с его помощью развалить Новый Дестур и ослабить национально-освободительное движение в целом. Новый Дестур отстоял свои позиции. Таальби, напротив, оказался отброшенным назад. Он снова стал тем, кем был фактически все это время, — вождем Старого Дестура. Ему не удалось объединить националистическое движение Туниса на исламофильских панарабских основах. Тунис оказался единственной арабской страной, где накануне второй мировой войны арабским националистам не удалось создать сколько-нибудь серьезной общественной базы.

Самым неприятным для французских политиков было усиление экстремистских настроений в Новом Дестуре. Отвергая обвинения в пособничестве, лидеры Нового Дестура были вынуждены занимать по всем вопросам франко-тунисских отношений все более твердые и бескомпромиссные позиции. В период ожесточенной полемики со Старым Дестуром любая уступка французской общественности могла обернуться ложным шагом. Вследствие этого формула сотрудничества с Народным фронтом постепенно лишалась своего реального содержания.

Возврат Франции к имперской политике. С французской стороны воля к взаимопониманию фактически также совершенно исчезла. Руководители Народного фронта требовали от националистов по существу безоговорочной ориентации на свою политику. Упорство Нового Дестура порождало у них чувства подлинной неприязни. Везде и всюду — в профсоюзах, в молодежном движении, в общественно-политической жизни — им приходилось преодолевать противодействие новодестуровцев. Французским демократам претил националистический угар, обуревавший активистам национально-освободительного движения. Он создавал, как они полагали, совершенно неподходящую атмосферу для борьбы за общие идеалы трудящихся. К тому же в Париже не делали никаких особых различий между ведущими националистическими движениями Магриба и по существу мерили их все на один аршин «антифранцузской деятельности». Фактически тунисская политика Франции являлась производным от ее «мусульманской» политики и строилась на оценках, которые давала историческая действительность Ближнего Востока и Северной Африки вообще.

Большую роль по-прежнему играли соображения военно-политического порядка. Народный фронт опасался неконтролируемого развала французской администрации. Его руководители справедливо полагали, что состояние растущего безначалия было на руку державам «оси», и фактически ничего не имели против укрепления авторитета власти.

Этими настроениями широко воспользовались многочисленные лобби французской колонизации и французских колониальных трестов, которые буквально наводняли кулуары парламента и правлений политических партий. В один голос они требовали навести порядок в Северной Африке и прекратить анархию.

Показательны в этом отношении высказывания, появившиеся на страницах колониалистского журнала «Африк франсэз». В конце 1937 г. он опубликовал серию статей под общим названием «Пролегомены ко всякой разумной туземной политике». Их автор пожелал остаться неизвестным и выступил под псевдонимом «Африканец». В самой резкой и откровенной форме он выразил то, о чем думали наиболее реакционные круги французской империалистической буржуазии.

Прежде всего «Африканец» [99, 1937, № 11] со свойственным ему цинизмом колониального сноба требовал отбросить разного рода «априорные принципы» и «твердые убеждения». Он требовал встать на почву так называемых реальных фактов, в частности забыть о Декларации прав человека и гражданина. «В туземной политике,— заявлял этот убежденный колонизатор,— не существует абстрактного человека. Абстрактный человек — это существо, которое выдумали политики — сознательные или бессознательные ученики Руссо и рационалистов XVIII в., изобретателей „доброего дикаря“. В действительности есть аннамиты, негры, арабо-берберы. Управляйте же ими так, как они того заслуживают, а не как избирателями, перекормленными Декларацией прав человека» [стр. 504].

Во-вторых, по мнению «Африканца», колониальную политику следовало освободить от каких бы то ни было избирательных капризов и прочих случайностей момента. Вместо того чтобы развивать либеральную демократию, «Африканец» предлагал обратиться к «способам управления, которые на протяжении веков применялись к автохтонам» [стр. 504].

Далее «Африканец» выступал за то, чтобы восстановить и укрепить постоянные личные контакты с представителями старой мусульманской элиты. Другими словами, он предлагал установить прочный союз французской монополистической буржуазии с феодально-помещичьей верхушкой Магриба. «Национализм,— вещал „Африканец“, — это зачастую просто вопрос о раненом кожном покрове». По его мнению, следовало избегать всего, что могло бы ранить этот нежный покров, и вместе с тем изолировать автохтонное общество от «беззастенчивых индивидов» и «меньшинства, более внимательного к нашим ошибкам, нежели к нашим хорошим действиям» [стр. 506].

И наконец, самое главное, «Африканец» требовал установить в Северной Африке твердую власть. Наиболее подходящей формой правления он считал режим суровой военной диктату-

ры. Он выступал за то, чтобы вся полнота власти перешла к проконсулу — единоличному колониальному диктатору, который в сфере своей компетенции действовал бы совершенно независимо от правительства метрополии. Это была голубая мечта колониальной буржуазии Магриба. Установление военной диктатуры выражало ее самые сокровенные чаяния. Это было единственное, что могло бы рассеять преследовавший ее кошмар «арабской опасности». За военную диктатуру стояли также правые буржуазные группировки во Франции. Все они мечтали о властном правителе, избегающем «дешевой популярности», но твердо обеспечивающем порядок и авторитет власти. «Мусульманин,— писал „Африканец“,— почитает сильную власть, которая справедлива и благосклонна к тихому человеку и в то же время безжалостна по отношению к смутьянам. Искусная пропаганда прославляет в настоящее время во всем исламе некоторых диктаторов, которые своим видом и своими методами создают у публики по крайней мере иллюзию решительности и характера. Противопоставляя даже театральное проявление этих качеств известной застенчивости, эта пропаганда легко находит доверие» [там же, № 12, стр. 556].

Итак, осенью 1937 г. империалистические круги Франции открыто выступили против проявлений слабости и либеральной застенчивости. Они требовали установить в Северной Африке режим военной диктатуры. На парламент и правительство оказывался все возрастающий нажим. Шотан, который, с одной стороны, пытался оправдать доверие финансового капитала, а с другой — зависел от левого парламентского большинства, находился в довольно затруднительном положении. Пытаясь найти выход, он предпринял очередной маневр, который, видимо, устраивал правых, не вызывая в то же время серьезных опасений у левых. 19 октября 1937 г. он ввел в свой кабинет одного из крупнейших деятелей Третьей республики — Альбера Сарро, назначив его «государственным министром, уполномоченным контролировать и координировать управление Северной Африкой». Как депутат и сенатор, Сарро представлял правое крыло партии радикалов и радикал-социалистов; он дважды возглавлял правительство Франции, неоднократно занимал ответственные министерские посты. За плечами у Сарро — одного из видных теоретиков и практиков французского колониализма был солидный опыт колониальной деятельности. В течение многих лет он управлял Индокитаем, дважды являлся министром колоний и — что было особенно важно для Шотана — пользовался полным доверием в кругах крупной буржуазии и колониальных политиков.

В соответствии с декретом 19 октября 1937 г. Альберу Сарро были предоставлены специальные полномочия по «спасению трех территорий». Основная трудность заключалась в том, чтобы преодолеть либеральные предрассудки правительственного

большинства. Сарро прекрасно знал настроения в стране и парламенте и довольно быстро нашел компромисс между интересами колониализма и левой фразы. Он знал, что депутаты были совершенно подавлены агрессивностью фашистских держав и безропотно утверждали все, что прикрывалось интересами национальной безопасности. Учитывая это, Сарро разработал свою программу «под знаком безопасности и справедливости».

24 ноября 1937 г. Сарро выступил на заседании Комиссии по делам Алжира, колоний и протекторатов палаты депутатов, а 25 ноября сделал доклад на заседании совета министров. В обеих инстанциях он подробно говорил о тяжелом политическом положении в странах Северной Африки. Националистическое движение он представил как действия безответственных фанатиков, играющих на руку фашизму и получающих поддержку из-за рубежа. Согласно одной колониетской газете, Сарро заявил депутатам, что «это фанатическое движение находит ценную поддержку в пропаганде и субсидиях иностранных наций — Рима, Берлина, франкистской Испании, а также Москвы через посредство коммунистической партии». Государственный министр дал резко отрицательную оценку обоим Дестуров, охарактеризовав их как подстрекательские антифранцузские партии. Деятельность Нового Дестура он квалифицировал как «крайне опасную», а Старый Дестур изобразил как «буржуазное движение», дошедшее до полного исступления и враждебное всякому французскому сотрудничеству [там же, стр. 591].

Во имя национальной безопасности, французского суверенитета и общественного спокойствия Альбер Сарро ратовал за всемерное укрепление «порядка и справедливости». Он подробно обосновал мероприятия по обеспечению «внешней и внутренней безопасности трех стран — Марокко, Алжира и Туниса и восстановлению власти, которая должна ее гарантировать» [там же].

Однако одних репрессий, как понимал Сарро, было недостаточно. Поэтому он предлагал активно продолжать политику улучшения материального положения туземцев. Она подразумевала «совокупность экономических, моральных, социальных и административных мероприятий», проведение которых предусматривалось еще правительством Блюма. В частности, в предложениях Сарро содержались обещания помочь «жертвам голода, безработицы и нищеты», развернуть ирригационное строительство, приняться за решение школьного и жилищного вопроса, организовать так называемый Пейзанат, т. е. план постепенной модернизации крестьянских хозяйств традиционного сектора.

Правительство Шотана одобрило программу действий, предложенную Сарро, и добилось ее поддержки со стороны

партий Народного фронта. Не последнюю роль при этом помимо соображений безопасности сыграла обширная программа социально-экономических мероприятий. Она давала полное удовлетворение левым партиям, которые делали акцент на необходимости улучшить материальное положение североафриканских трудящихся. Вместе с тем предложения Альбера Сарро, особенно восстановление власти, были встречены с глубоким удовлетворением в правых кругах французской общест-венности.

Формально Альбер Сарро не отрекался от программы Народно-го фронта. В ряде моментов, особенно в области соци-ально-экономических мероприятий, он сохранил преемствен-ность с предыдущим правительством. Однако фактически он полностью пересмотрел североафриканскую политику Народно-го фронта. В его программе не осталось ничего от стремле-ния к равноправному сотрудничеству с колониальными наро-дами. Он отбросил самую мысль о возможности реформ в по-литическом строе Магриба. В его речах не содержалось ни од-ного слова критики в адрес колониальных властей и концес-сионных обществ. В его словах ничто не указывало на то, что он разделяет тезис Вьено о несовпадении интересов Франции и «некоторых частных интересов французских граждан». По существу это был молчаливый отказ от проектов Блюма и Вьено, от их политики согласия и понимания.

В основу своей программы действий Сарро положил восста-новление власти и незыблемость французского суверенитета. Он исходил из принципа единства и целостности французской империи как сложившейся системы колоний и протекторатов и выступал против любых попыток подорвать этот принцип. Фак-тически это означало возврат к старой имперской политике, к той политике, которую на протяжении десятилетий проводили все правительства Третьей республики.

Новая ориентация правительства Народного фронта при отсутствии подлинного взаимопонимания между руководи-телями французской демократии и тунисского национально-осво-бодительного движения изменила весь климат франко-тунисских отношений. Неприязнь французской общественности к пан-арабскому движению, которое, как уже отмечалось (см. выше стр. 236), было скомпрометировано своими связями с фашиз-мом, давала о себе знать и в Тунисе. Осуществление планов политической автономии стало более чем проблематично. Не было никаких надежд на примирение между французскими и тунисскими профсоюзами, на возобновление взаимовери-тельных контактов между ответственными представителями Народного фронта и Нового Дестура. Отношения между дву-мя сторонами окончательно испортились и предопределили ультимативную жесткость французской демократии в тунис-ском вопросе.

Переход Нового Дестура в оппозицию. Трибунальский съезд. На другом полюсе — в лагере национально-освободительного движения — октябрьские и ноябрьские дни характеризовались бурным ростом революционно-националистических настроений. Проволочки и нерешительность французских друзей вызывали раздражение у наиболее нетерпеливых активистов Нового Дестура. Холодная отчужденность французской демократии повергала в уныние тех, кто искренне надеялся на успех Народного фронта. Наконец, после поражения Таальби наблюдался массовый наплыв в партию новых членов и активистов из мелкобуржуазных и люмпен-пролетарских прослоек города. Это самым серьезным образом отразилось на ее социальном составе. Он изменился в пользу мелкобуржуазных и крестьянских элементов. В партии возобладали чувства националистической непримиримости и почти неприкрытой ксенофобии. Экстремизм стал господствующей тенденцией в Новом Дестуре. Особенно сильно влияние экстремистов, отмечает Ш.-А. Жюльен, выросло во время борьбы с Таальби [63, стр. 88]. Экстремистские лидеры открыто говорили о провале Народного фронта, о тщетности реформ и необходимости энергичной антифранцузской акции.

Двусмысленная политика Шотана играла на руку экстремистам. В их пользу говорили также аресты в Алжире и Марокко. Среди новодестуровцев росло сознание общности судеб антиимпериалистического движения в Магрибе. Понятия о североафриканской солидарности приобретали все более реальные очертания. Если в 1936 г. Новый Дестур оказал умеряющее влияние на марокканских и отчасти алжирских националистов, то теперь наоборот: события в Марокко и Алжире революционизировали партию Бургибы.

У Нового Дестура не было организационно-политических связей с националистическими партиями Магриба. Эти партии отличались от него по своей политической философии и международной ориентации. Наиболее близкой по своему социальному составу, но отнюдь не по доктрине, была «Североафриканская звезда» Мессали Хаджа. С нею поддерживались более или менее регулярные контакты. Иногда дело доходило до взаимной поддержки, предоставления явочных квартир, каналов связи и т. п. В начале 1937 г. Бургиба попытался активизировать сотрудничество с Мессали Хаджем. Респект 26 января 1937 г. «Североафриканской звезды» давал для этого неплохой повод. 14 февраля Новый Дестур организовал в Париже митинг солидарности. Выступая на нем, Мессали Хадж заявил, что, несмотря на некоторые расхождения во взглядах, его партия имеет с Новым Дестуром идентичные цели. Бургиба со своей стороны заверил алжирских националистов в полной солидарности и даже набросал план совместной борьбы в Алжире, Тунисе и Марокко [105, 22.II.1937].

Летом и особенно осенью 1937 г., чтобы противостоять пан-арабским лозунгам Таальби, Бургиба вновь обратился к теме совместной борьбы братских североафриканских стран. Новый Дестур всячески афишировал солидарность с Партией алжирского народа (ППА) Мессали Хаджа и с марокканской Национальной партией для осуществления требований. Меры, принятые против алжирских и марокканских националистов, в частности события в Мекнесе и арест Мессали Хаджа 27 августа 1937 г., вызвали энергичные протесты со стороны Нового Дестура. Репрессии еще более обострили недоверие Бургибы к политическому курсу правительства Шотана. В статье «Франция в тупике», опубликованной в «Аксьон» 2 сентября 1937 г. в связи с арестом «нашего товарища» Мессали Хаджа, Бургиба писал: «В Алжире после 15 месяцев болтовни, обещаний, уверток и колебаний Франция вернулась к старой ошибочной политике ассимиляции, осужденной Вьено» [42, стр. 120].

Новый Дестур отмечал общность целей и борьбы трех североафриканских народов. Он всячески подчеркивал, что репрессии находились в противоречии с подлинными интересами безопасности Франции «на Рейне и в Средиземном море» [42, стр. 123]. Проявления магрибинской солидарности помимо антиимпериалистических чувств тунисского народа отражали растущее беспокойство новодестуровских лидеров перед близостью Шотана. Арест Аллаля аль-Фаси 25 октября 1937 г. еще более увеличил нервозность в руководящих кругах Нового Дестура.

Из Парижа по-прежнему не поступало никаких приятных новостей. Доктор Матри, который вел беседы с Франсуа де Тесаном и де Буазанже, начальником канцелярии министра иностранных дел, не мог сказать ничего определенного. Ему казалось, что соглашение уже близко, но надо сделать лишь несколько дополнительных уступок. В октябре 1937 г. Бургиба сам отправился в Париж. Перед отъездом, 30 сентября 1937 г., он твердо заявил, что «мы будем бороться против всякого фанатизма, как против фанатизма старых марабутов, так и против фанатизма привилегированных». Вместе с тем он заверил французскую демократию, что готов «протянуть руку колонистам, чиновникам, французам, итальянцам, евреям, всем тем, кому нечего терять и кто все выиграет от открытого, лояльного и полного сотрудничества с тунисским народом» [цит. по: 54, стр. 115]. Однако в Париже Бургибу ждало глубокое разочарование. Зондаж в правительственных инстанциях и оценка настроений французской общественности не дали никаких утешительных результатов. Назначение Сарро и предоставление ему особых полномочий еще более усилили тревогу Бургибы, который уже почти не надеялся на успешное развитие политики сотрудничества.

В этой обстановке растущей неуверенности в верхах, рево-

люционных настроений в массах и начавшихся репрессий в Марокко и Алжире состоялся II съезд партии Новый Дестур. Он проходил с 30 октября по 2 ноября 1937 г. в здании центрального правления партии на ул. Трибуналь — в самом сердце тунисской медины. В связи с этим его иногда называют Трибунальский съезд (муатамар нахдж ат-Трибуналь). На нем присутствовало около 700 делегатов, представлявших 460 ячеек Нового Дестура [29, стр. 15].

Первоначальной задачей съезда было обсуждение обстановки, сложившейся в национально-освободительном движении в связи с войной Дестуров. Он мыслился как открытый процесс по делу Таальби и его друзей из Старого Дестура. Бургиба хотел разделаться с ними окончательно и навсегда. Однако старый шейх не явился на съезд, да и сама проблема к этому времени утратила всякое значение. Провал Таальби был слишком очевиден, чтобы надолго занимать умы делегатов.

Фактически центральным вопросом на съезде стала проблема франко-тунисских отношений. Что получил Тунис от политики сотрудничества? Следует ли продолжать эту политику? Как относиться к партиям и правительству Народного фронта? Вот те основные вопросы, которые действительно волновали партию и делегатов съезда. Вокруг них разгорелись жаркие споры, переросшие в острую политическую дискуссию. Столкнулись две противоположные точки зрения: следует ли отделять интересы французской демократии от интересов французского колониализма или же это не имеет принципиального значения для судеб тунисского национально-освободительного движения?

Бургиба и особенно доктор Матри стояли на первой точке зрения, рьяно отстаивали политику сотрудничества с правительством Народного фронта и призывали делегатов к максимальной сдержанности, к уяснению внутреннего и международного положения Франции. В своей речи на съезде [74] Бургиба заявил, что он понимает нетерпение ряда активистов. Он признал, что реформы действительно запаздывали. Тем не менее он считал, что проводившаяся политика была правильной. Возражая оппонентам, Бургиба говорил, что «есть сотрудничество и сотрудничество» [стр. 28], что все зависит от того, с кем и во имя чего проводить политику сотрудничества. Проанализировав позицию Нового Дестура в 1936—1937 гг., Бургиба осудил авантюристический лозунг Старого Дестура о полной и немедленной независимости и высказался за продолжение политики мирной деколонизации по этапам при поддержке демократической Франции.

Вторую точку зрения, политически менее сбалансированную, но более полно отражавшую настроения низовых активистов, высказывали представители экстремистского крыла

Нового Дестура. Они выступали против мирной эволюции и реформистских иллюзий. Они стояли за возобновление борьбы и развертывание массового антиимпериалистического движения независимо от того, какое правительство правит во Франции. Основной тезис Бен Слимана заключался в том, что партийные и персональные перемены во французском правительстве не имели никакого принципиального значения и не изменяли природу французского колониализма. Хабиб Бугетфа, который выступал на съезде с развернутым докладом об общей политике, призывал делегатов к открытой борьбе с Францией и правительством протектората. Сторонники этой точки зрения утверждали, что национально-освободительное движение еще в 1933 г. отвергло какую бы то ни было политику сотрудничества, и настоятельно требовали, чтобы партия «прекратила сотрудничество с правительством и вернулась к политике оппозиции» [стр. 26].

Большинство съезда разделяло настроения Бугетфы и Бен Слимана и недвусмысленно высказалось в пользу более непримиримой политики. Боясь утратить контакт с партией и оказаться полководцем без армии, Бургиба в конечном счете отказался от попыток противостоять течению. Заключительные документы съезда свидетельствовали об известном компромиссе между двумя крайними точками зрения. Лидеры учли настроения в массах. Съезд утвердил полномочия шести членов Политбюро, принял новый устав партии и избрал 29 членов Национального совета. Самое главное, съезд принял резолюцию об общей политике, которая, подводя итоги дискуссии, заявила о переходе партии Новый Дестур в оппозицию к правительству Народного фронта.

Резолюция отмечала, что политика согласия и понимания, проводившаяся первым правительством Народного фронта, встретила противодействие со стороны «финансово-экономических олигархий», которым удалось помешать «проявлению воли большинства французского народа» [стр. 43]. Новое правительство Франции, отмечалось далее в резолюции, вернулось к «старой, ошибочной политике», удалило в отставку господина Вьено и «уже встало на путь репрессий» в Алжире и Марокко. «Не теряя надежды на будущее,— говорилось в резолюции,— партия считает себя вправе лишиться с этого времени нынешнее правительство того благоприятного предрасположения, которое она оказывала предыдущему правительству» [стр. 44].

Трибунальский съезд оставил без изменений программу-минимум Нового Дестура и подтвердил стремление к свободному франко-туниССкому сотрудничеству. Вместе с тем съезд отметил, что провал политики Блюма и Вьено «пролил свет на тот парадоксальный факт, что власть в Тунисе отнюдь не принадлежит регулярным органам режима протектората (бейское

правительство при содействии генерального резидента), а находится фактически в руках анонимной безответственной бюрократии, которая наряду с прерогативами тунисского государства присвоила себе прерогативы державы-покровительницы» [стр. 44]. Съезд констатировал, что дальнейшее проведение политики сотрудничества стало невозможным, так как она «натолкнулась на:

1) интересы финансово-экономической олигархии, которая под покровом французского знамени и через посредство непомерных привилегий продолжает методическую эксплуатацию страны;

2) привычки, усвоенные многими французами, которые рассматривают Тунис как завоеванную страну и видят в тунисцах народ побежденных, осужденных на постоянное бесправие;

3) косность ограниченной и всесильной бюрократии, которая захватила все командные рычаги и которая не отступает ни перед саботажем, ни перед провокацией» [стр. 45].

Магрибинская забастовка 20 ноября 1937 г. Отказ от политики сотрудничества и переход в оппозицию укрепил положение экстремистского крыла Нового Дестура. Совершенно по-новому встал вопрос о связях с массами. Анализируя сложившуюся ситуацию, Ш.-А. Жюльен отмечал, что отказ в «благоприятном предрасположении» лишил Новый Дестур того «престижа, каким он пользовался в массах благодаря своим контактам с властями, имевшим разумное паблисити» [63, стр. 89]. Теперь центр тяжести перешел на моменты чисто националистического порядка. Социально-экономическая программа Народного фронта, его социальные законы и нововведения пользовались поддержкой огромного большинства тунисского народа. И даже отстаивая самостоятельность своих национальных организаций, тунисские рабочие по существу не выступали против политики Народного фронта. Ни в социальной, ни в экономической области Новый Дестур не мог противостоять Народному фронту. Единственной областью, где он мог рассчитывать на успех в борьбе с демократическими партиями, была сфера национальных взаимоотношений. И нет ничего удивительного, что переход в оппозицию сопровождался резким креном Нового Дестура в сторону крайнего национализма и экстремизма.

Не следует также забывать уроки предшествующей истории Туниса. Многие наблюдатели были уверены в том, что, отказавшись от политики сотрудничества, Новый Дестур неизбежно вступит на путь Старого Дестура. Действительно, на политическом горизонте этой партии, казалось, не вырисовывалось ничего, кроме довольно мрачной перспективы бессильной оппозиции, уповающей на бога и поддержку извне. Ш.-А. Жюльен писал, что решения II съезда ввергли Новый

Дестур «в блистательное одиночество Старого Дестура, традиционная тактика которого получила, таким образом, бесспорное подтверждение в глазах общественности» [там же]. Имобилизм везде и всегда убивал оппозицию. Это прекрасно понимали могильщики Старого Дестура, и они стремились действовать.

Тунисская реальность не давала никакого повода для массового выступления. В Тунисе не происходило ничего, что могло бы сыграть роль детонатора, и руководители Нового Дестура решили еще раз обратиться к теме магрибинской солидарности.

События в Алжире и Марокко безусловно находили отклик в сердцах тунисских мусульман. К тому же наступил рамадан. Чувства религиозной экзальтации невольно охватывали мусульманское общество, и вожди Нового Дестура призвали тунисский народ к действенной солидарности с «жертвами репрессий Народного фронта» в Алжире и Марокко.

На 20 ноября 1937 г. была назначена всеобщая забастовка солидарности. Она явилась первой крупной антиправительственной акцией Нового Дестура, своего рода репетицией, генеральным смотром боевых возможностей партии. Активная подготовка началась с 13 ноября 1937 г. В этот день «Аксон тюнизьен» обратилась к населению Туниса с призывом к солидарности. «В момент, когда французский империализм,— писала газета,— пытается проводить в Северной Африке согласованные репрессии, в момент, когда он развернул наступление против партии Марокканского действия и Алжирской народной партии, Дестур обесчестил бы себя, если бы он не выступил на стороне двух братских партий. Поэтому он призывает всех своих активистов, всех сочувствующих, весь тунисский народ проявить мирным действием свою активную солидарность с нашими братьями из Марокко и Алжира» [цит. по: 99, 1937, № 12, стр. 569].

Магрибинская забастовка Нового Дестура, совершенно абстрагировавшегося от положения во Франции и Европе, не встретила понимания со стороны национальных и демократических организаций Туниса. Бургиба и его друзья оказались в полном одиночестве. Старый Дестур, как само собою понятно, не принимал в движении никакого участия. Тунисская буржуазия также отошла в сторону. Тунисская секция Большого совета, Тунисская торговая палата, смешанные палаты Центра и Юга выразили глубокое сожаление в связи с решением Политбюро Нового Дестура. С недвусмысленным осуждением забастовки выступили французские и тунисские демократические организации. ТКП, федерация СФИО и генеральный резидент Гийон как официальный представитель правительства Народного фронта высказались против забастовки. 19 ноября 1937 г. «Тюнис-сосиалист» опубликовала статью Дюран-Анльи-

вьеля, в которой он выступил против забастовочного движения.

Всеобщая конфедерация труда, а после некоторых колебаний и ТВКТ решили не принимать участия в забастовке. Гнауи и большинство тунисских профсоюзных лидеров, видимо, не разделяли экстремистских настроений, возобладавших на II съезде Нового Дестура. Они опасались, что разрыв с Народным фронтом может повлечь за собой тяжелые последствия для национального и рабочего движения. Они не хотели, писал Дюран-Анльвивель, ставить себя под удар закона. К тому же после августовских и сентябрьских столкновений отношения между ВКТ и ТВКТ значительно улучшились. ТВКТ стала широко применять тактику выдвижения идентичных требований и нередко проводила забастовки совместно с ВКТ.

В связи с магрибинской забастовкой и переходом Нового Дестура в оппозицию ТВКТ оказалась перед нелегким выбором — ВКТ или Новый Дестур. Белькасем Гнауи избрал первое. Возникла ситуация, напоминая февральские дни 1925 г. Только на этот раз не партия, а профсоюзы отмежевались от союзника по антиимпериалистической борьбе. «Произведя маневр 1925 г. в обратном направлении,— писал Бургиба,— резиденция стакнулась на этот раз с ТВКТ, сделала ей обещания, уверяя ее, что ее связи с Новым Дестуром ставят под угрозу само существование тунисского профсоюзного центра, что настоящая профсоюзная деятельность должна замыкаться профессиональными рамками и не заходить в область политики, что всякое смешение между этими двумя областями нанесло бы ущерб прежде всего самим трудящимся, и не только тем, что рисковало приостановить развитие тунисского синдикализма, но также и тем, что неминуемо привело бы к утрате социальных завоеваний, благодаря которым только что произошло улучшение уровня жизни рабочих. Белькасем Гнауи,— добавлял Бургиба,— не устоял перед этими аргументами» [42, стр. 383—384].

Как бы там ни было, Новый Дестур взял на себя всю ответственность за проведение магрибинской забастовки. Трудящиеся-мусульмане вне всякого сомнения сочувствовали борьбе братских североафриканских народов. Однако непосредственно им ничто не угрожало. Движение не было связано ни с какими жизненно важными интересами трудящихся и носило чисто националистический характер.

Анализ результатов забастовки 20 ноября в значительной мере осложняется вследствие того, что она была назначена на субботу. В связи с переходом на 40-часовую рабочую неделю большинство магазинов и учреждений закрывалось после полудня. «Выбрать субботу,— писала газета „Пти Матэн“,— это заранее придать намеченному движению видимость полного успеха» [99, 1937, № 12, стр. 570].

Как колониистская, так и демократическая печать расценили забастовку как крупную неудачу Нового Дестура. Действительно, движение не имело всеобщего характера. Большинство заводов и фабрик тунисского промышленного района, а также тунисский порт — эта вотчина Гнауи не откликнулись на призыв Нового Дестура. Лишь в Сахеле, Бизерте и на юге страны трудящиеся-мусульмане поддержали новодестуровские лозунги. В частности, почти полностью прекратили работу предприятия горнопромышленного бассейна Сфакс — Гафса, а также мастерские и магазины в Габесе и Монастире. Частично были парализованы предприятия Бизерты и Суса. В самой столице были закрыты только сук и часть мусульманских магазинов [108, 1938, № 2, стр. 99].

Наконец, забастовка выявила глубокие разногласия между руководителями Нового Дестура и профсоюзов. Внутри ТВКТ начался серьезный кризис. Экстремисты, оказавшиеся значительно слабее, чем в партии, не сумели навязать свою волю руководству конфедерации и стали источником центробежных стремлений. Наконец, сама ТВКТ по своей силе и влиянию намного уступала Департаментскому объединению ВКТ. В конце 1937 г. Департаментское объединение ВКТ насчитывало 187 профсоюзов против 55 профсоюзов, входивших в ТВКТ. К нему примыкало большинство тунисских рабочих-мусульман. По данным Бузанке, в конце 1937 г. Департаментское объединение ВКТ имело 40 тыс. членов, из которых 75% составляли тунисские арабы [см.: 99, 1938, № 2, стр. 61, 62].

В 1937 г. в Департаментском объединении ВКТ усилилось влияние левого крыла. Многие профсоюзные активисты открыто ориентировались на ТКП, которая значительно укрепила свои связи с трудящимися-мусульманами. В июне 1937 г. коммунисты начали издавать еженедельную газету на арабском языке «Ат-Талиа» («Авангард»), тираж которой составлял около 2 тыс. экземпляров [95, стр. 372]. Ее издатель Хасан ас-Саадауи был одним из наиболее популярных вождей тунисских рабочих. В конце 1937 г. социалистическое руководство Департаментского объединения ВКТ во главе с Альбером Бузанке растеряло значительную часть своего авторитета. Столичные профсоюзы, провалившие забастовку 20 ноября в тунисском промышленном районе, почти полностью перешли под контроль коммунистов и других левых элементов, главным образом пивертистов⁴, видимо, сумевших объединить различные анархо-синдикалистские и троцкистские течения, продолжавшие существовать в тунисском рабочем движении. 5 января 1938 г. они вынудили Бузанке на время оставить пост генераль-

⁴ Пивертисты — сторонники Марсо Пивера — лидера левоэкстремистского крыла СФИО, находившегося под влиянием троцкистских идей; в июне 1938 г. были исключены из СФИО и образовали рабоче-крестьянскую социалистическую партию.

ного секретаря Департаментского объединения ВКТ и объявить о созыве тунисского федерального съезда ВКТ [см.: 99, 1938, № 2, стр. 61].

Влияние левых профсоюзных лидеров, особенно в столице, временное соглашение, которое им удалось достичь с руководством ТВКТ, наконец, приверженность рабочих к идеалам Народного фронта — все это несомненно подрывало позиции Нового Дестура в рабочем движении. 20 ноября 1937 г. большинство тунисских рабочих не пошло за Новым Дестуром. Тунисские докеры впервые не откликнулись на призыв Хабиба Бургибы. Они отказались поддержать отвлеченные лозунги магрибинской забастовки, никак не связанные с жизнью и борьбой тунисского рабочего класса. В отличие от новодестуровцев они не утратили веру в Народный фронт.

Тунисские коммунисты в борьбе за политику Народного фронта. На протяжении всего периода Народного фронта тунисские коммунисты выступали в качестве активных поборников его антифашистских принципов. Преодолев сектанство и кружковщину, они усилили свое влияние в массах и в демократических организациях. Как уже отмечалось, тунисские коммунисты значительно расширили свою социальную аудиторию. Опираясь на Народное объединение, на профсоюзы ВКТ, на общественные организации и печать, они апеллировали к трудящимся города и деревни, к безработным, крестьянам, к торгово-ремесленному населению городов. В союзе с рабочим классом Франции они добивались их поддержки в борьбе против фашизма.

Тунисские коммунисты подчеркивали свою решимость защищать материальные интересы мусульманских масс. Они выступали против произвола «фашистских чиновников», спекулянтов и ростовщиков. ТКП полностью отказалась от чисто пропагандистских лозунгов. Она решительно покончила с практикой, «когда выставлялись нереальные требования с единственной целью показать массам эксплуататорский характер капитализма или разоблачить реформистских лидеров» [9а, стр. 402].

В период Народного фронта ТКП исходила из реального соотношения социально-политических сил в Тунисе и подчиняла свою программу социально-экономических требований интересам антифашистского единства. Тунисские коммунисты полностью поддерживали согласованную программу Регионального комитета Народного объединения от 22 января 1937 г. В порядке уточнения этой программы они выдвинули целый ряд конкретных предложений, исходивших из интересов пролетарских слоев мусульманского населения.

Для скорейшего разрешения сельскохозяйственного и торгово-ремесленного кризиса тунисские коммунисты выдвигали следующие требования:

1) пересмотр цен на продукты земли в сочетании с энергичной борьбой против спекуляции и дороговизны;

2) ликвидация дани, взимаемой спекулянтами с производителей и потребителей; создание Национального межпрофессионального оффиса для сельскохозяйственных продуктов первой необходимости (зерно, оливковое масло, вино);

3) прекращение экспроприаций и арестов имущества; отсрочка задолженности по налогам с мелких налогоплательщиков и честных должников, в настоящее время находящихся в стесненном положении;

4) немедленное создание фонда помощи, безвозмездное распределение семян среди мелких земледельцев, строгий контроль за распределением семенных ссуд;

5) передача в распоряжение мелких земледельцев пригодных к обработке и незанятых государственных земель, с тем чтобы избавить этих трудящихся от работы по найму в сельском хозяйстве;

6) закрепление феллахов на земле путем развития политики в пользу оссирантс коллективных земель;

7) оборудование источников и рытье колодцев силами государства (минуя всяких посредников); рациональное распределение воды;

8) кадастр сельскохозяйственных земель и ускоренная им-матрикуляция земельной собственности вообще;

9) кооперативная организация и широкая децентрализация сельскохозяйственного и ремесленного кредита под контролем и с гарантией государства, позволяющая начать выдачу ссуд мелким и средним земледельцам, ремесленникам и коммерсантам [107, 30.X.1937].

Помимо этого, тунисские коммунисты требовали последовательного проведения в жизнь принципа «равная оплата за равный труд», допуска тунисцев ко всем государственным должностям и осуществления широкой программы общественных работ, которая могла бы уменьшить безработицу. В ожидании этого, считали коммунисты, следовало создать национальный фонд безработицы [там же].

Осуществление программы социально-экономических требований, по мнению ТКП, имело бы важное значение для успеха всей политики Народного фронта. При этом тунисские коммунисты подчеркивали, что осуществление минимальной программы социально-экономических требований могло быть проведено безотлагательно, без каких-либо предварительных изменений в общественном и государственном строе Туниса.

Социально-экономические программы-минимум ТКП, СФИО и Нового Дестура в период Народного фронта мало чем отличались друг от друга. Однако Новый Дестур, располагавший в деревне разветвленной сетью сельских ячеек и бюро, имел в беде преобладающее влияние.

Начиная с лета 1937 г. тунисские коммунисты с тревогой отмечали растущую отчужденность и даже враждебность мусульманских масс, их недоверие к политике и лозунгам Народного фронта. Их беспокойство разделяли коммунисты Франции и Италии. Они опасались, что отход мусульманских масс от Народного фронта может быть использован международным фашизмом в интересах, не имеющих ничего общего с интересами демократического и национально-освободительного движения стран Северной Африки. В 1937 г. «Юманите» с тревогой писала, что целые дуары (селения) во французской зоне Марокко были совершенно пусты. Почти все взрослые мужчины ушли в испанскую зону воевать в армии генерала Франко [107, 20.X.1937]. Повсюду звучали голоса арабских дикторов радио Севильи и Тетуана. На территории Туниса легко принимались передачи радио Бари. Во всех мекках Северной Африки, в том числе на суке г. Туниса, из-под полы распространялись арабские переводы исламофильских речей Муссолини. Без особых трудностей можно было достать арабское издание «Майн Кампф» — этого бредового сочинения Адольфа Гитлера, из которого предварительно были вычищены всякие упоминания об арабах, как низшей расе. «Положение в Африке,— говорил Вайян-Кутюрье, главный редактор „Юманите“, совершивший поездку по Тунису,— чревато грубыми просчетами, если Франция не будет действовать с достаточной быстротой» [107, 10.XI.1937].

В сентябре 1937 г. в Тунис прибыл Габриэль Пери — член ЦК ФКП, депутат парламента, редактор международного отдела «Юманите». Он встретился с целым рядом общественно-политических деятелей Туниса, разговаривал с шейхом Таальби и имел продолжительную беседу с Хабибом Бургибой. Вождь Нового Дестура принял его вечером в редакции «Аксьон тюнизьен». Прямо перед входом на утоптанной земле вповалку спали оборванцы — старики, женщины и дети. Но самое тяжелое впечатление на Г. Пери произвел рост антифранцузских настроений.

«Арабы,— отмечал Габриэль Пери,— еще с воодушевлением говорят о манифестациях, которыми были встречены как в крупных городах, так и в отдаленных общинах внутренних районов результаты майских выборов 1936 г. Один из них говорил мне:

— Мы в это время в первый раз кричали „Да здравствует Франция!“ от всего сердца и без всякой задней мысли.

— А теперь?

Мой собеседник сделал неопределенный знак» [107, 27.X.1937].

Коммунисты Франции и Туниса отдавали себе отчет в том, что Новый Дестур являлся ведущей силой национально-освободительного движения, что он имел за собой поддержку ши-

роких масс мусульманского населения. Они как должное восприняли победу Нового Дестура над Таальби. Поражение шейха, по мнению коммунистов, закономерно вытекало из всей его политической позиции, из его отказа сочетать борьбу за национальное освобождение с борьбой за социально-экономические требования трудящихся.

«Таальби,— говорил Али Джерад, в то время генеральный секретарь ТКП,— предлагал единство без какой-либо прочной и ясной основы. А голодающий, погрязший в темноте и эксплуатируемый хищным капитализмом народ хочет работы, хлеба и школ. Он знает, что только единство поможет ему вырвать у капитализма те ближайшие требования, которые позволят ему избавиться от нестерпимой нищеты. Однако Таальби не учел этого состояния вещей. С другой стороны,— продолжал Али Джерад,— Таальби ограничивал свои предложения о единстве только двумя фракциями Дестура. Он игнорировал другие существующие демократические организации. А единство народа могло быть реальным и эффективным только в том случае, если бы все демократические партии, которые борются за счастье Туниса, были объединены в единый блок для защиты интересов тунисского народа» [107, 30.X. 1937].

Создание единого демократического блока, к сожалению, натолкнулось на непреодолимое препятствие, каким являлся расово-национальный барьер. Даже профсоюзное движение не смогло уберечь себя от раскола. Если бы не это, если бы не различия в подходе к тунисской проблеме, то, видимо, ничто не препятствовало бы достижению по крайней мере соглашения о единстве действий. В беседе с Габриэлем Пери Хабиб Бургиба воздал должное принципиальной позиции ФКП. Он вспоминал о своем выступлении в Париже в феврале 1937 г. (см. выше, стр. 234). «Морис Торез присутствовал на этом собрании, и г-н Бургиба,— пишет Пери,— не преминул мне сказать, насколько тунисское население было тронуту выступлением генерального секретаря партии» [там же].

С тех пор, особенно после раскола Департаментского объединения ВКТ, положение резко изменилось. «Повсюду,— говорил Пери,— друзья демократии обращались ко мне с одним и тем же упреком: между июнем 1936 г. и июнем 1937 г. Франция потеряла самый великолепный случай. Никогда ее престиж не был так велик на африканском побережье. Надо было быть смелым. Надежды Туниса, Алжира и Марокко могли быть осуществлены. Требования народов этих стран были законными и скромными. Надо было сметь их удовлетворить. Если бы иметь эту смелость, то речи Муссолини и переводы «Майн Кампф» не нанесли бы никакого ущерба в мекках Африки» [107, 27.X. 1937]. «Но этой смелости не было»,— заключает Габриэль Пери.

Чтобы не отдавать Тунис во власть фашистской демагогии,

надо было идти навстречу национальным чаяниям тунисского народа. Это прекрасно понимали руководители коммунистического движения Франции и Туниса. И тем большее раздражение у них вызывало изменение правительственной политики, связанное с назначением Альбера Сарро министром-координатором по делам Северной Африки. «Юманите», хотя она и была органом партии, принадлежавшей к правительственному большинству, выражала открытое недоумение в связи с декларациями Сарро. «Пауза? — с сарказмом спрашивал Габриэль Пери.— Остановка, чтобы передохнуть после долгого пути? Но много ли пройдено? Не морочим ли мы общественное мнение, поскольку в области крупных реформ, которые Тунис ждет от Народного фронта, мы все еще находимся на первой ступеньке косноязычия. Перевести дух, господин министр? Но при каких, собственно, упражнениях вы сбили свое дыхание?» [там же].

Проблемы Северной Африки, по глубокому убеждению коммунистов, нельзя было решать, «декретируя паузу». Нужны были реформы, отвечавшие национальным стремлениям народов Туниса, Алжира и Марокко. Нужно было сохранить, говоря словами Г. Пери, «уже сильно поколебленное доверие к Народному фронту» («даже если мы будем обвинены нашими арабскими друзьями в том, что мы слишком снисходительны в отношении его») и в то же время предостеречь «наших арабских братьев против некоторых ошибок, выразившихся, в частности, в расколе Департаментского объединения ВКТ и образовании чисто мусульманского профцентра» [107, 10.XI.1937].

По логике внутривластного развития Франции ФКП не имела возможности выступить за пересмотр североафриканской политики правительства. Значительно большими возможностями обладала ТКП, действовавшая на тунисской национальной почве. Обострение национальных противоречий осенью 1937 г. настоятельно требовало от ТКП уточнить свою национальную позицию.

С приходом правительства Народного фронта ТКП, как и Новый Дестур, сняла лозунг о немедленной независимости Туниса. В 1936—1937 гг. она выступала за политико-административные реформы, которые «должны были подготовить учреждение демократии на тунисской земле». Прежде всего тунисские коммунисты боролись за обновление тунисской административной системы. Они требовали «лишить каидов их судебных полномочий, изменить положение о гражданских контролерах, ввести обязательное и бесплатное государственное образование». Коммунисты выступили за то, чтобы ввести в Тунисе всеобщее избирательное право и предоставить право голоса всем тунисцам, достигшим 21 года. Они настаивали на расширении народного представительства и выборности муниципальных советов. ТКП требовала заменить Большой совет новым собранием, «демократически избираемым отдельно ту-

ниской и французской коллегиями и уполномоченным контролировать исполнение бюджета» [107, 30.X.1937].

«Хлеб, земля, работа, свобода, школы — вот, что требует тунисский народ. Вот, что должно гарантировать доброе франко-тунисское согласие», — заявил Али Джерад в беседе с Габриэлем Пери [там же].

По существу национально-политическая программа ТКП в период Народного фронта не выходила за рамки программы Регионального комитета Народного объединения от 22 января 1937 г. Она отражала настроения, господствовавшие среди европейских демократов и части рабочего класса Туниса. Однако в условиях обострения национальных противоречий ориентация на Региональный комитет, где преобладали патерналистские взгляды, не могла привлечь на сторону ТКП широкие массы трудящихся-мусульман.

Отрыв от крестьянства и непролетарских масс города был чреват тяжелыми последствиями. С одной стороны, он отдалял ТКП от Нового Дестура и тем самым объективно тормозил создание единого антифашистского фронта в Тунисе. На VII конгрессе Коминтерна Г. Димитров [8а] подчеркивал, что «при создании антифашистского народного фронта большое значение имеет правильный подход к тем организациям и партиям, в которые входят в значительном количестве трудящееся крестьянство и основные массы мелкой буржуазии города» [стр. 32]. «Независимо от того, — продолжал Г. Димитров, — имеются ли шансы на привлечение таких партий и организаций на сторону народного фронта, наша тактика при *всех условиях* должна быть направлена на то, чтобы втягивать входящих в них мелких крестьян, ремесленников, кустарей и т. п. в антифашистский народный фронт» [стр. 33].

С другой стороны, смазывая национальные лозунги, ТКП волей-неволей уступала их Новому Дестуру и — что еще хуже — фашистским радиопропагандистам. Между тем в идеологической борьбе с фашизмом национальный патриотический момент приобретал совершенно исключительное значение. Оставаясь интернационалистами, коммунисты, говорил Г. Димитров, не являются «сторонниками национального нигилизма» [стр. 68]. Коммунистическим партиям рекомендовалось сделать все возможное, чтобы заявить о себе как о борцах за национальные интересы народных масс. «Не могут же коммунисты, принадлежащие к угнетенной, зависимой нации, — отмечал Г. Димитров, — с успехом выступать против шовинизма в рядах своей нации, если они *одновременно не покажут* на практике массового движения, что они на деле борются за освобождение своей нации от чужеземного ига» [стр. 71].

Тунисские коммунисты, к сожалению, медленно осваивали новую тактику международного коммунистического движения, с трудом перестраивали свою деятельность в качестве само-

стоятельной секции Коминтерна и со дня на день откладывали разработку национальной программы, отвечавшей интересам антифашистского сплочения масс. Еще в 1936 г. Коминтерн подверг критическому анализу деятельность коммунистических партий арабских стран. В феврале 1936 г. Секретариат Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) принял резолюцию, в которой вскрывались ошибки и слабости арабского коммунистического движения. Секретариат ИККИ решительно осудил курс коммунистов Алжира и Туниса на борьбу против национал-реформистских организаций. «Коммунисты арабских стран,— говорилось в резолюции,— должны глубоко осознать, что они отвечают за участь своего народа и своей страны, что на них ложится ответственность за удачный или неудачный исход борьбы за национальную независимость и социальное освобождение, что они являются наследниками и защитниками наилучших национальных и культурных традиций их народа» [9а, стр. 453]. Коммунистическим партиям арабских стран рекомендовалось «обеспечить тесное сотрудничество с национал-революционерами, добиваться сотрудничества с национал-реформистскими организациями, поддерживать требования этих организаций, направленные против позиций империализма» [там же].

Эти указания ИККИ легли в основу деятельности тунисских коммунистов в период Народного фронта. Несмотря на идеологическую и организационную слабость, на недостаточное влияние в крестьянских массах, коммунисты смогли внести большой вклад в антифашистскую борьбу тунисского народа, в сплочение всех патриотических сил страны. Они были активными и последовательными защитниками политики Народного фронта, направленной на улучшение положения трудящихся, на демократизацию общественной жизни в стране. Они защищали Народный фронт от нападок как справа, со стороны буржуазно-колонистской оппозиции, так и слева, со стороны различного рода левацких и национал-экстремистских элементов. Они упорно отстаивали социальные и демократические завоевания трудящихся масс, стремились углубить антифашистское содержание Народного фронта и укрепить его социальную базу.

Разрыв между Народным фронтом и Новым Дестуром. В результате раскола профсоюзного движения и перехода в оппозицию к правительству Народного фронта Новый Дестур порвал все прежние союзы. Фактически он оказался в политической изоляции и мог рассчитывать только на свои силы. Его дальнейшая судьба целиком и полностью зависела от настроений крестьянства и непролетарской трудовой бедноты, составлявших большинство населения Туниса. Их роль в новодестуровском движении возросла как вследствие их массового наплыва в партию, так и в результате ослабления позиций

Нового Дестура в рабочем классе и демократическом движении страны.

В конце 1937 г. Новый Дестур фактически стал заложником непролетарских масс. После 20 ноября 1937 г. не столько партия вела массы, сколько массы вели партию. Вследствие этого в Тунисе возникла очень своеобразная ситуация. Роже Ле Турно не без оснований считает ее одним из важнейших факторов апрельского кризиса 1938 г.: «Оно (тунисское население.— *Н. И.*) в значительной мере благоприятно откликлось на все начинания новодестуровцев, но в то самое время, когда оно их поддерживало, оно их несло, вероятно, быстрее и значительно дальше, чем это хотелось бы им самим; они стали вождями и в какой-то степени хозяевами толпы, но в то же время ее пленниками. Это население, нередко нищее, как-то сразу поверило, что перед ним открывается чарующее будущее, и оно ни за что не согласилось бы, чтобы это будущее отодвигалось вдаль и чтобы к нему вели сложные и запутанные пути. Под страхом потерять свою власть дестуровские вожди были вынуждены идти без остановок и все время вперед» [65, стр. 87].

Любая остановка, любой шаг назад грозили серьезными неприятностями или полным отрывом от масс. Пути к отступлению были отрезаны, и после 20 ноября 1937 г. Новый Дестур начал безостановочный марш к неизвестности.

4 декабря 1937 г. Политбюро Нового Дестура призвало народ к экономической битве. Массы должны были подняться на борьбу против колониального ограбления родины, за справедливое распределение ее богатств. 20 ноября, по мнению Бургибы, показало, что тунисский народ способен к коллективным действиям и к коллективной защите своих интересов. «В $\frac{9}{10}$ страны,— писал он,— преданность партии победила страх перед жандармом» [42, стр. 159—160]. Теперь тунисцы должны были понять «механику нищеты» и «политические причины голода». Они должны были вырвать природные богатства из рук колонизаторов и сообща использовать их в интересах народа.

Обращаясь к лозунгам национально-экономической борьбы, Новый Дестур по сути дела призывал трудящихся-мусульман отказаться от экономической и профессиональной борьбы совместно с рабочими-европейцами и перестроить свои действия на принципах экономического национализма. Настал час, говорили вожди Нового Дестура, чтобы народ на коллективных основах начал создавать собственные торговые и промышленные предприятия. Они должны были иметь автономную национальную организацию, опирающуюся на «мощь партийной организации и дисциплину ее активистов» [42, стр. 160]. Было объявлено, что для координации хозяйственной деятельности партии будет создано Экономическое бюро под председательством одного из членов Политбюро Нового Дестура. Для финансирования народных предприятий создавался новодестуров-

ский Национальный банк (Банк ватани). Был образован его учредительный комитет во главе с Ахмедом бен Хамидой.

11 декабря 1937 г. Бургиба призвал тунисский народ к революционным методам борьбы. «Привилегии колониалистов,— писал он в „Аксьон тюнизьен“,— потрясены в своих основах. Им ничего не остается, как сохранять их грубой силой, при помощи танков и штыков. Партия решила противопоставить ей моральную силу хорошо организованного народа, решившегося на все жертвы, чтобы сбросить всю эту вшивоту из спекулянтов и взяточников». Почти все газеты Туниса воспроизвели заключительные слова Бургибы: «В настоящих условиях тунисскому народу, чтобы найти выход из тупика и завоевать свое право на жизнь, не остается ничего другого, как выйти на улицы! Этого ли хочет Франция? Это нам скажет будущее» [цит. по: 99, 1938, № 2, стр. 63].

17—18 декабря 1937 г. состоялась сессия Национального совета партии Новый Дестур. Она одобрила решение Политбюро об экономической битве, высказалась за переход к политике активной оппозиции и призвала тунисский народ к решительной борьбе с колонизаторами на всех фронтах. Новый Дестур решил отказать в доверии генеральному резиденту Гийону, который после Трибунальского съезда вопреки правилам формальной логики продолжал пользоваться расположением Политбюро. Под давлением Нового Дестура Тунисская секция Большого совета во время декабрьской сессии 1937 г. проголосовала против бюджета, представленного правительством протектората.

25 декабря 1937 г. в «Аксьон тюнизьен» появилась статья Бургибы «Недобросовестность или цинизм». Она содержала личные выпады против генерального резидента. Бургиба едко высмеивал политику Франции и позицию колониальных властей. «Все происходит так,— писал он,— как если бы правительство искало ссоры... И оно ее найдет...— заявил лидер тунисских националистов...— Страна решила бороться,— продолжал Бургиба.— Она готова на все жертвы, которые влечет за собой эта борьба. Раскаты гнева, этого плохого советчика, слышны почти отовсюду. Тунисский народ не хочет, чтобы его судьба была игрушкой в руках анонимных бюро и никчемных комитетов по координации...» [42, стр. 162—163].

Появление этой статьи, опубликованной без ведома и против воли Махмуда Матри, официально занимавшего пост председателя Нового Дестура, послужило поводом для бурных объяснений. Махмуда Матри уже давно раздражал словесный революционаризм, охвативший новодестуровское движение после II съезда. Он стоял за продолжение сотрудничества с демократической Францией. По Тунису ходили слухи, что доктор Матри был недоволен Бургибой и считал, что он, «пренебрегая национальным делом Туниса, целиком отдался лич-

ной борьбе против лидера шейха Таальби». Говорили также, что «доктор Матри хотел изменить политическую программу партии и договориться с Францией о соглашении, лишь в незначительной степени учитывающем чаяния тунисцев». В некоторых газетах промелькнули даже сообщения, что «у Матри было намерение основать новую политическую группу» [см.: 99, 1938, № 2, стр. 63]. Как бы там ни было, Махмуд Матри отказался санкционировать волю большинства и, сославшись на состояние здоровья, заявил об уходе с поста председателя партии.

Политбюро Нового Дестура приняло отставку доктора Матри. С этого времени номером два новодестуровского движения стал Салах бен Юсеф, уже давно пользовавшийся полным доверием Бургибы. 6 января 1938 г. на одном из массовых митингов Бургиба публично заявил об отставке Матри, обвинив его в стремлении к соглашательству.

Отставка Матри подвела итог острой внутривнутрипартийной борьбы, происходившей в Новом Дестуре после Трибунальского съезда. По некоторым сведениям, опасения доктора Матри разделял Тахар Сфар — один из старейших деятелей Нового Дестура. Оставшись членом Политбюро, он фактически полностью отошел от активного руководства партией. Открытое недовольство выражал также другой член Политбюро Нового Дестура — Бахри Гига. В это время он находился в Париже, где установил контакты с Альбером Сарро. Он уведомил руководителей Нового Дестура, что отставка Матри может неблагоприятно сказаться на исходе его переговоров [54, стр. 117].

Вместе с Матри из партии ушли многие представители умеренного крыла Нового Дестура, стоявшие за продолжение политики сотрудничества с Народным фронтом. Большею частью они были связаны с либеральной интеллигенцией и отражали ее недовольство новым революционно-националистическим курсом партии. Вслед за профсоюзами у Нового Дестура возникли разногласия с советом Литературного клуба. Изменилась также ориентация некоторых националистических газет, в частности «Ат-Тунис», издававшейся Зейн аль-Абидином ас-Снуси. Это была одна из наиболее читаемых газет Туниса, соперничавшая по своим тиражам с официальными новодестуровскими органами «Аль-Амаль» и «Аксьон» [см.: 95, стр. 373]. С конца декабря 1937 г. эта газета, которую в течение полутора лет рассматривали как неофициальный орган Нового Дестура, перестала поддерживать политику Бургибы и Салаха бен Юсефа.

Французская демократия, или, говоря словами Феликса Гараса, «большинство французских друзей Нового Дестура» [54, стр. 117], глубоко сожалела об отставке Матри. Ш.-А. Жюльен с горечью писал, что в конце декабря 1937 г. партия

Новый Дестур лишилась всеми уважаемого деятеля [63, стр. 89]. Действительно, уход Матри означал полное торжество экстремистского революционно-националистического крыла. Руководители Народного фронта с еще большим пессимизмом стали оценивать перспективы франко-туниССких отношений и трудности, возникавшие перед генеральным резидентом Арманом Гийоном.

Положение еще более ухудшалось вследствие активизации туниССких фашистов. На туниССкой политической сцене вновь появились арабские националисты, ориентировавшиеся на фашистскую Италию. Выйдя из тюрьмы, уже почти забытый Мухаммед Бушрара 12 ноября 1937 г. возобновил издание «Тюнис-националист». На этот раз он издавал ее на арабском языке под названием «Тунис аль-каумийя». Являясь непосредственным продолжением «Тюнис-националист», новый листок Бушрары начал выпускаться сразу с восьмого номера [95, стр. 373]. Профашистски настроенные арабские националисты слонялись около забастовочных пикетов, являлись на митинги и демонстрации. Их было немного. Но их развязная крикливость привлекала внимание публики и прессы. Нередко из их запроданных глоток неслись различного рода провокационные лозунги, как, например, «Да здравствует Муссолини», которые немедленно попадали в газетные отчеты и подхлестывали антидестуровские настроения среди французской общественности.

Провокационные лозунги арабских националистов давали повод для обвинений туниССкого национализма в связях с фашизмом. Они бросали тень на туниССкое национально-освободительное движение в целом. И дело не меняется от того, что эти безответственные выкрики, реальная ценность которых ни для кого не являлась секретом, искусственно притягивались вождами ВКТ для оправдания их неприязни к новодестуровскому движению. Антифашизм при этом лишь прикрывал патерналистские тенденции, еще бытовавшие среди руководителей Народного объединения Туниса. Сначала осторожно, потом значительно смелее они стали подхватывать двусмысленные намеки и инсинуации буржуазно-колониССкой печати. «Иллюзии мало-помалу исчезают», — писала 20 октября 1937 г. газета «Тюнис-социалист». «Долгое время, — продолжала газета, — левые группировки верили в искренность чувств г-на Хабиба Бургибы; сегодня в глазах многих становится ясно, что этот человек хочет разыгрывать из себя диктатора (по примеру кое-кого другого) и преследует только одну цель: изгнать французов из Туниса» [цит. по: 99, 1938, № 2, стр. 61]. 15 ноября 1937 г. Альбер Бузанке заявил в той же газете, что ТВКТ все чаще используется для того, чтобы «спутать карты и служить интересам, которые нетрудно разгадать» [там же].

Тунисские коммунисты также все более склонялись к мысли

о том, что активизация Нового Дестура не соответствовала интересам демократии и антифашистского движения. Они считали, что любые выступления националистического порядка играли на руку международному фашизму. Более того, в некоторых коммунистических кругах все большее распространение получал тезис, вскоре, впрочем, отброшенный компартиями Франции и Туниса, согласно которому националистические выступления рассматривались как проявления фашистской подрывной работы, как сознательное стремление фашистов вызвать сумятицу среди тех наций, которые они избирали в качестве своих очередных жертв. В Тунисе эти мотивы впервые прозвучали в связи с магрибинской забастовкой 20 ноября 1937 г. «Следует подчеркнуть,— писала „Юманите“ 22 ноября 1937 г. по поводу забастовки,— роль итальянского фашизма, который попытался использовать положение, чтобы посеять панику среди населения». В выступлении на IX съезде ФКП в конце декабря 1937 г. глава тунисской делегации Семама оценил положение в Тунисе как начало наступления реакции и фашизма [107, 29. XII. 1937].

Беспокойство коммунистов Франции и Туниса усиливалось информацией об успехах фашистской пропаганды на Арабском Востоке. В ноябре 1937 г. «Юманите» с тревогой писала о волнениях в Сирии и Ливане, о связях с фашизмом «экс-диктатора Ирака» генерала Бакра Сидки, о фашистском влиянии в египетском молодежном движении, в таких организациях, как «Миср аль-Фатат», «Зеленые рубашки», «Голубые рубашки» и т. п. Тягостное впечатление на коммунистов производили отступничество Мишеля Афляка, который решил посвятить себя переводу на арабский язык сочинений Альфреда Розенберга, шумиха, поднятая в связи с намерением Бальдура фон Шираха посетить Сирию, наконец, слухи о визите Геббельса в Египет.

Новый тон коммунистической и социалистической печати вызывал недовольство в тунисских националистических кругах. С чувством незаслуженной обиды новодестуровские газеты заговорили об изменении политики Народного фронта и даже об измене и аннексионистских поползновениях французской демократии. В новодестуровских газетах стали появляться полемические материалы против «коммунистов из „Юманите“».

В самом начале 1938 г., особенно в связи с событиями в Бизерте, партии Народного фронта начали открыто обвинять Новый Дестур в сговоре с итальянским фашизмом. 10 января 1938 г. Коэн-Хадриа писал в «Попюлер» о негласном вмешательстве «одной соседней иностранной державы». 11 января Габриэль Пери заявил в «Юманите» о длительной подрывной работе «под эгидой итальянского консульства в Тунисе». Газета французских коммунистов начала открыто писать о многочисленных «муссолиниевских агентах» и «агентах ОВРА» в

Новом Дестуре. Как правило, левые газеты не приводили никаких имен и обычно ограничивались общей констатацией положения. При этом они нередко прибегали к своего рода методу «доказательства от противного» — анализировали положение в Тунисе через оценки фашистского радио и печати. Например, уже непосредственно в связи с апрельской демонстрацией 1938 г. «Юманите» привела комментарии «официозных гитлеровских кругов», которые сводились к тому, что «Франция неспособна управлять своими внешними владениями» и что «итальянцы имеют все основания взять принадлежащие им права».

«Эти комментарии германских кругов, — отмечала „Юманите“, — являющиеся нетерпимым вмешательством во внутренние дела нашей страны, срывают покров с происков муссолиниевских агентов» [107, 11. IV. 1938].

Журнал «Африк франсэз», поразительную осведомленность которого обычно объясняют его связями с французскими секретными службами, отнесся к антидестуровской кампании левых газет с известной долей иронии. Заявив, что он весьма далек от того, чтобы защищать Хабиба Бургибу, журнал тем не менее счел нужным отметить, что «Бургиба и его люди не нуждаются в Риме, чтобы быть антифранцузами» [99, 1938, № 2, стр. 60]. Четверть века спустя, возвращаясь к этому вопросу, Роже Ле Турно констатировал, что фашистская Италия, безусловно, пыталась воспользоваться затруднительным положением Франции в Тунисе. «Она, — пишет Роже Ле Турно, — установила контакты и кое у кого встретила благожелательное расположение; это несомненно. Но было бы совершенно нелепо говорить о том, что Политбюро Нового Дестура участвовало в этих контактах и, более того, что оно следовало указаниям итальянских агентов» [65, стр. 87].

Вопрос о сговоре Нового Дестура с фашистской Италией являлся всего лишь предположением некоторых руководителей Народного фронта. Но в те трудные времена, когда события в Испании расшатывали единство французской демократии, когда во Франции во всю орудовала «пятая колонна», когда бдительность революционеров нередко перерастала в подозрительность, — в этой обстановке более или менее вероятное предположение легко превращалось в убеждение и ложилось в основу практических действий.

Положение в Северной Африке серьезно беспокоило ответственных руководителей Народного фронта и Французской коммунистической партии. На IX съезде ФКП, происходившем 25—29 декабря 1937 г., генеральный секретарь компартии Морис Торез говорил о том, что надежды колониальных народов были сильно подорваны и что интересы антифашистского движения требовали безотлагательного удовлетворения их национальных требований. «Нужно удовлетворить эти требова-

ния... — отмечал М. Торез. — Это необходимо также сделать в интересах Франции, чтобы лишить фашистов возможности демагогическими приемами натравливать против нашей страны некоторые слои колониального населения» [23, стр. 266]. В заключительном слове 29 декабря 1937 г. Морис Торез снова вернулся к этому вопросу: «Мы еще раз заявляем нашим алжирским, тунисским, сирийским и ливанским товарищам, выстулавшим с этой трибуны, — говорил М. Торез, — мы вновь заявляем нашим братьям во всех колониальных странах, что мы хотим, чтобы Франция Народного фронта удовлетворила их справедливые требования. В интересах народов колоний, в интересах Франции фашизму, провоцирующему мятежи и гражданскую войну в колониях, нужно противопоставить свободный, искренний, братский союз колониальных народов и народа демократической Франции» [23, стр. 297].

Теоретически и практически это было единственно правильное решение тунисского вопроса, вполне соответствовавшее революционным традициям ФКП и антифашистскому духу Народного фронта. Однако момент для этого был упущен. Новодестуровское руководство встало на откровенно националистические позиции и своими действиями давало фашистским радиопропагандистам повод для нападков на Народный фронт.

В конце 1937 г. между Новым Дестуром и Народным фронтом пролегла глубокая пропасть. Союз между французской демократией и тунисским национально-освободительным движением был нарушен, и это имело самые трагические последствия.

Бизертский расстрел 8 января 1938 г. Первым признаком надвигающейся катастрофы были события в Бизерте. Здесь находилась французская военно-морская база; было много военных, которые оказывали далеко не умеряющее воздействие на местную администрацию. В бизертских профсоюзах ТВКТ безраздельно господствовали новодестуровские экстремисты. Национальные и межпрофсоюзные отношения оставляли желать много лучшего. Августовские и сентябрьские стычки 1937 г. нанесли глубокие раны, которые далеко еще не затянулись.

Отголоском этих событий явились демонстрация и стачка в Бизерте 8 января 1938 г. Поводом к выступлению послужило уведомление властей о высылке из Туниса Хасана Нури — одного из главных героев профсоюзной войны 1937 г. После отбытия двухмесячного срока тюремного заключения ему было предложено отказаться от профсоюзной деятельности и выехать в Алжир. Бизертские организации Нового Дестура и ТВКТ расценили это как акт грубого административного произвола и призвали бизертских трудящихся заявить решительный протест. В ночь с 7 на 8 января 1938 г. в Бизерте были

расклеены афиши, объявлявшие о забастовке и демонстрации протеста. По всему городу разбрасывались листовки; многие коммерсанты, как утверждала местная печать, получили письма, предлагавшие им в знак солидарности с тунисскими рабочими закрыть свои лавки и магазины [99, 1938, № 22, стр. 60].

Утром 8 января 1938 г. около 1,5 тыс. человек собралось перед зданием местного руководства ТВКТ. Оттуда колонна демонстрантов во главе с членами местных бюро Нового Дестура и ТВКТ двинулась к резиденции гражданского контролера. Около 10 часов утра их путь преградили крупные силы полиции и солдат. Демонстранты отошли, перестроились и сомкнутыми рядами двинулись на полицейские заслоны. Последовал приказ разойтись. Демонстранты ответили градом булыжников. Полицейский комиссар получил травму. Его люди открыли беспорядочный огонь. Их поддержала рота регулярных войск, которая начала стрельбу холостыми патронами. 6 демонстрантов были убиты, около 20 ранены.

Волнения продолжались. 10 января 1938 г., в день похорон бизертских шахидов («мучеников»), состоялся массовый митинг. С гневными речами выступили Бубакер Бекир — один из руководителей бизертской организации ТВКТ и Хабиб Бугетфа — председатель бизертской федерации Нового Дестура. Они были тут же арестованы. Генеральный резидент Гийон отдал приказ о строжайшем запрещении любых процессий и собраний, которые бы могли нарушить общественный порядок [там же, стр. 59—60].

Эхо бизертского расстрела отозвалось как похоронный звон по тунисской политике демократической Франции. Кровь на бизертских мостовых провела четкую грань между Новым Дестуром и партиями Народного фронта.

Роспуск экстремистских профсоюзов ТВКТ. После Бизерты в Тунисе завершился процесс размежевания общественно-политических сил. Различные партии и группировки неумолимо отбрасывались по ту или иную сторону от ведущей оси тунисской политики, каким являлся национально-колониальный вопрос. Отказ правительства Народного фронта удовлетворить национальные чаяния Туниса создал глубокую пропасть между французской демократией и тунисским национально-освободительным движением. Этого давно ждали и на это надеялись правые группировки Туниса. На этом строились все расчеты буржуазно-колониальной оппозиции и ее покровителей из метрополии.

Объективно разрыв между Народным фронтом и новодестуровским движением отвечал интересам правых. Улемы и консерваторы всех мастей, колонисты, европейская буржуазия Туниса, военные и колониальная бюрократия с усмешкой наблюдали, как расправлялись друг с другом вчерашние боевые союзники. Они радовались, что в конце концов им удалось

вбить клин между своими главными врагами. Они ждали своего часа и знали, что этот час приближается.

18 января 1938 г. Шотан произвел реорганизацию кабинета. Министры-социалисты покинули правительство. Альбер Сарро получил портфель министра внутренних дел, сохранив свои полномочия по координации североафриканской политики. В метрополии начался последний и завершающий этап в процессе распада Народного фронта. Банки и зарубежные союзники усилили нажим. Действуя через правых радикал-социалистов и умеренных республиканцев, они старались развалить Народный фронт и поскорее покончить со всеми его неприятностями.

В Тунисе падало влияние буферных и соглашательских группировок. Махмуд Матри не сумел объединить своих сторонников или не захотел противопоставлять их Новому Дестуру. Белькасем Гнауи, который после Бизерты заявил о своем стремлении быть вне политики, подвергся жесткому давлению со стороны Нового Дестура. Его положение как лидера национального профсоюзного движения еще более осложнилось усилением патерналистских тенденций в ВКТ и растущей непримиримостью антифашистских партий.

16 января 1938 г. состоялся федеральный съезд ВКТ. Умеренные течения дали на нем бой революционным элементам из Департаментского объединения ВКТ. Перевес сил оказался на их стороне. Альбер Бузанке, подавший было в отставку, вновь был избран генеральным секретарем Департаментского объединения ВКТ. За него было подано 85—90% голосов от периферии и 60—65% голосов от г. Туниса. Левая прокоммунистическая фракция ВКТ сдала ряд позиций, завоеванных ею в 1937 г. Патерналистское большинство съезда высказалось против ТВКТ и Нового Дестура. В своей резолюции оно осудило «движение ксенофобии, фанатизма и туземного национализма» [99, 1938, № 2, стр. 61].

Отказ ВКТ от равноправного сотрудничества с национальными профсоюзами осложнил положение Гнауи. Он оказался в состоянии политической изоляции. К тому же сама ТВКТ фактически раскололась. В ней образовались два противостоящих друг другу течения.

Одно из них возглавлял сам Белькасем Гнауи. Его сторонники выступали против нового революционно-националистического курса Нового Дестура, не участвовали в магрибинской забастовке 20 ноября 1937 г. и осудили бизертскую стачку 8 января 1938 г. Отвернувшись от Нового Дестура, они стали выступать под флагом независимости профсоюзного движения. Гнауи заявил, что ТВКТ полностью порвала с политикой и со всеми политическими движениями. Сторонники Гнауи выступали за чисто экономические и профессиональные требования рабочих-мусульман, добивались нормализации отношений с

ВКТ и, по мнению Коэн-Хадри, «больше сознавали свои классовые интересы» [там же, стр. 62]. Новый Дестур обвинял их в том, что они отказывались вести борьбу против колониализма как главного эксплуататора народа.

Другое, оппозиционное течение ТВКТ опиралось на боевые бизертские профсоюзы. Его главой был Хеди Нуира — молодой (родился в 1911 г.) энергичный активист, уроженец г. Монастира (Сахель), «француз по культуре» [54, стр. 123], который в 1937 г. окончил факультет права в Париже. В течение ряда лет он был секретарем парижской ячейки Нового Дестура. Осенью 1937 г. он отличился в борьбе с Таальби и снискал глубокую привязанность бизертских рабочих. Его сторонники полностью поддерживали политику партии Новый Дестур и рассматривали себя как одну из ее массовых организаций. Они активно участвовали в магрибинской забастовке 20 ноября 1937 г. и были инициаторами бизертского движения. Они выступали против сотрудничества с ВКТ и в середине января 1938 г. сорвали попытку соглашения с лидерами Департаментского объединения ВКТ. Во главу угла они ставили борьбу против колониализма в тесном сотрудничестве и под руководством Нового Дестура.

Гнауи и Нуира имели за собой примерно равные силы. Из 55 профсоюзов ТВКТ за Гнауи был 31 профсоюз — почти все профсоюзные организации г. Туниса, в том числе докеры, а также несколько союзов сельскохозяйственных рабочих и горняков. Хеди Нуиру поддерживали 24 профсоюза — все профсоюзы Бизерты (строители, металлисты, маляры, булочники, муниципальные рабочие), большинство профсоюзов юго-западного горнопромышленного района (горняки Мдиллы, Редейефа, Мулареса, Метлави и т. п.), а также профсоюз шоферов г. Туниса, сельскохозяйственных рабочих района Беджы и некоторые другие [см.: 99, 1938, № 2, стр. 62].

В январе 1938 г., когда разногласия между сторонниками Гнауи и Нуиры достигли своей кульминации, Новый Дестур со всей решительностью выступил на стороне Хеди Нуиры. В это время он энергично дисциплинировал массовые национальные организации, боролся против шатаний и разногласий в их рядах. Он стремился во что бы то ни стало сохранить их под своим контролем и ни в коем случае не допустить их политической нейтрализации. С большим скандалом во время перевыборов Совета Литературного клуба он обеспечил за собой руководство этой организацией [см.: 108, 1937, № 7, стр. 382]. Еще более драматические события развернулись 28 января 1938 г. во время съезда ТВКТ, призванного решить судьбу этой профсоюзной конфедерации.

Первоначально Новый Дестур и сторонники Нуиры пытались сорвать созыв съезда, клеймили его инициаторов и отказывались принимать в нем какое-либо участие. На съезд, соз-

ванный Белькасемом Гнауи, прибыли делегаты только от тех профсоюзных организаций, которые поддерживали его. Когда созыв съезда стал фактом, сторонники Нуиры заявили, что он не в праве говорить от имени ТВКТ, и решили его разогнать. 28 января 1938 г. новодестуровцы вломилась в помещение, где начались заседания съезда, выгнали оттуда его участников, заняли их места и объявили себя единственно законным съездом ТВКТ. Они избрали новый состав бюро ТВКТ. Генеральным секретарем был избран Хеди Нуира, которого Коэн-Хадриа тут же объявил «правой рукой г-на Хабиба Бургибы» [99, 1938, № 2, стр. 62]. Кроме него в состав бюро ТВКТ вошли Мухаммед Баш-Тобджи, избравшийся в качестве заместителя генерального секретаря на первом съезде ТВКТ, Мухаммед Магтуф, бывший казначей ТВКТ, и Мухаммед Эссид, также входивший в первоначальное руководство ТВКТ. Из-за разногласий с Белькасемом Гнауи все они вышли из бюро ТВКТ. Магтуф был исключен 22 сентября 1937 г., вскоре после профсоюзных столкновений в Бизерте в августе — сентябре 1937 г. Наконец, для «укрепления» нового руководства ТВКТ в его состав были введены член Политбюро Нового Дестура Салах бен Юсеф и восходящая звезда партии Монжи Слим — молодой способный адвокат, выходец из крупно-буржуазной семьи греческого происхождения. Он родился в 1908 г. в г. Тунисе, где его семья имела небольшой «элегантный дворец» [54, стр. 123], длительное время жил и учился в Париже. В 1936 г. он вернулся в Тунис и быстро выдвинулся как один из наиболее энергичных и работоспособных функционеров Нового Дестура.

Таким образом, образовалось два бюро Тунисской всеобщей конфедерации труда. Фактически 28 января 1938 г. ТВКТ раскололась на две различные организации с двумя различными руководствами.

В этот момент ВКТ, партии Народного фронта и генеральный резидент, ранее стоявшие в стороне от фракционной борьбы внутри ТВКТ, решили вмешаться в пользу Белькасема Гнауи. 2 февраля 1938 г. Арман Гийон заявил, что он принимает меры, чтобы «обеспечить осуществление профсоюзных свобод в рамках профессиональных интересов» [99, 1938, № 2, стр. 62]. Сославшись на события в Бизерте 8 января 1938 г. и на попытку захватить бюро ТВКТ со стороны «известных активистов новодестуровской партии, чуждых профессиональным организациям», он объявил о своем намерении распустить «некоторые профсоюзные группировки, склоняющиеся к политической деятельности» [там же]. Через два дня в печати был опубликован декрет, датированный 3 февраля 1938 г., о роспуске бизертских и других организаций ТВКТ, поддерживавших Хеди Нуиру. Таким образом, власти признали ТВКТ Белькасема Гнауи в качестве единственно законной тунисской

профсоюзной конфедерации и без лишних слов упразднили конкурировавшую с ней организацию Нуиры.

Пристрастное решение властей, разумеется, не привело к восстановлению единства ТВКТ. Нуира не сложил оружия. Он воссоздал большинство распущенных организаций, которые перешли на полуполюгальное положение и в течение февраля — марта 1938 г. руководили многочисленными забастовками, объявлявшимися по самому малейшему поводу. Что касается Гнауи, то поддержка властей оказалась для него медвежьей услугой. Отмежевываясь от Нового Дестура и национально-освободительного движения, его конфедерация утратила *raison d'être* — самый смысл своего существования. Три десятка союзов, изолированных от Нового Дестура и организаций Хеди Нуиры, фактически превратились в придаток ВКТ. Национальная окраска и автономность по сути дела были уже не нужны. Отстаивать чисто профессиональные интересы было гораздо легче в рамках всемогущей ВКТ. И один за другим профсоюзы Гнауи стали сливаться с соответствующими организациями Департаментского объединения ВКТ. Первыми на этот путь встали рабочие пекарен. В марте 1938 г. они образовали единый профсоюз, примыкавший к ВКТ. В июле 1938 г. последние два союза ТВКТ Гнауи вступили в переговоры о присоединении к ВКТ.

Сессия Национального совета Нового Дестура 13—14 марта 1938 г. Роспуск профсоюзных организаций Нуиры был первой мерой в серии предупредительных санкций, принятых генеральной резиденцией в отношении национально-освободительного движения. Лично Гийон, видимо, был против репрессий. Как отмечают, он сохранял глубокое уважение к лидерам Нового Дестура. Он несомненно испытывал серьезные затруднения в связи с разрывом между Бургибой и Народным фронтом. Его политика была фактически дезавуирована парижскими инстанциями. Его собственный аппарат оказывал на него все возрастающее давление, требуя восстановить порядок и государственную дисциплину. Все это безусловно сказывалось на политике генерального резидента, которая в февральско-мартовские дни 1938 г. отличалась чертами явной непоследовательности.

Действительно, вслед за роспуском профсоюзов Нуиры последовали новые санкции. Хабиб Бугетфа, Бубакер Бекир и другие руководители бизертского движения 8 января 1938 г. предстали перед судом. 23 февраля 1938 г. власти распустили одну из новодестуровских молодежных организаций — «Скаутскую звезду» («Ан-Наджм аль-кашшафи»). 26 февраля 1938 г. Бургиба был вызван к следователю. Ему предъявили обвинение в антифранцузской пропаганде и в подрывной деятельности, затем отпустили [см.: 99, 1938, № 4, стр. 158].

С другой стороны, ни партия Новый Дестур, ни ее лидеры

не подвергались никаким другим преследованиям. Их не лишили ни свободы слова, ни свободы деятельности. Новодестуровская печать продолжала критику правительства. Руководители Нового Дестура свободно разъезжали по стране, устраивали митинги и собрания. 20 февраля 1938 г. в Бизерте состоялся массовый митинг в связи с 40-м днем смерти бизертских шахидов. На нем присутствовали почти все руководители партии. По всей стране шли забастовки, вспыхивали волнения.

Обстановка в Тунисе накалялась, но ни одна из сторон не брала на себя ответственность за решающий шаг. В стране на некоторое время воцарилась странная неопределенность. С одной стороны, как будто принимались репрессивные санкции, давались последние предупреждения. С другой стороны, эти меры не доводились до конца. Новый Дестур, его лидеры и печать продолжали пользоваться полной свободой. Создавалось впечатление, что в верхах, попросту говоря, не знали, что делать. Возможно, что в правительстве протектората не было единства взглядов. Во всяком случае было совершенно очевидно, что в основе выборочных санкций не было ни единой воли, ни ясной политической перспективы. Буржуазно-колониальная печать негодовала. Она раздувала кампанию против Бургибы и выражала недоумение по поводу бездеятельности властей, которые не принимали никаких решительных мер в отношении новодестуровского движения [там же, № 2, стр. 63].

Нерешительность власти развязывала революционную инициативу. Аналогичное действие оказывали факторы международного порядка, в частности мюнхенская политика умиротворения гитлеровской Германии. Многие националисты рассматривали ее как признак разложения Франции, как ее неспособность противостоять политике совершившихся фактов. Во всяком случае такой информированный историк, как Ш.-А. Жюльен, обращает внимание на то, что бездействие Франции во время гитлеровской оккупации Австрии 12 марта 1938 г. укрепило решимость Нового Дестура перейти к прямому революционному действию. Новый Дестур, пишет он, анализируя отступничество Франции при аншлюссе, быть может, решил, что она примет отделение Туниса как совершившийся факт [63, стр. 90]. В руководстве Нового Дестура, в том числе в Политбюро, в это время оформилась достаточно сильная группа, выступавшая за то, чтобы использовать международную обстановку для дела национального освобождения.

Основным носителем этих настроений являлось экстремистское крыло Нового Дестура. Подобно многим националистам на Арабском Востоке, оно не видело принципиальных различий между национал-социализмом и буржуазно-демократическими режимами, не понимало, что по самой своей природе фашизм не мог дать свободы Тунису и что победа нацистов во много раз осложнила бы дело национальной эман-

сипации. В борьбе между демократией и фашизмом они не видели ничего, кроме самых обычных межимпериалистических противоречий, которые, по их мнению, следовало использовать в интересах тунисского национализма. Они с большим простодушием толковали принцип «враг моего врага — мой друг» и не имели ничего против авансов, которые расточала гитлеровская пропаганда. Слиман бен Слиман и ряд других активистов Нового Дестура, очарованные первыми успехами нацистской дипломатии, прочно уверовали в конечное торжество гитлеровской Германии и даже предлагали строить на этом революционную тактику Нового Дестура. Они были против пассивности и оттяжек, которые уже давно приелись боевым элементам новодестуровского движения, и решительно выступали за принятие поддержки извне, исключаяющей какие бы то ни было иллюзии, связанные с надеждами на изменение французской политики.

Бургиба был против расчетов на гитлеровскую Германию и других столь же сомнительных союзников. В своем анализе франко-тунисских отношений весной 1938 г. он исходил из необходимости вести борьбу один на один и по-прежнему верил в возможность компромисса с французской демократией. Однако как и его коллеги по новодестуровскому руководству, он выступал против политики пассивной оппозиции. Он считал, что обстановка требовала перехода к решительным революционным действиям.

Бургиба исходил из того, что колониалистские силы во Франции временно взяли верх. «Я прекрасно понимаю,— писал он [42] в марте 1938 г.,— искушение неких правительственных сфер во Франции и Тунисе разом покончить со всем тем, что Филэнт однажды назвал дестуровской „раковой опухолью“» [стр. 165]. По мнению Бургибы, надо было изменить эти настроения, убедить французские правящие круги в необходимости сотрудничества с тунисским национально-освободительным движением. Мы, отмечал Бургиба, играем в открытую. «Вы,— обращался он к руководителям французской политики,— очень хорошо знаете, что мы хотим, что мы представляем, что мы требуем. Мы об этом достаточно кричали на все лады до того, как, говоря прямо и без обиняков, мы были обвинены в предательстве» [стр. 165]. Тунисский народ готов принять вызов, заявлял Бургиба, хотя бы лишь для того, чтобы доказать Альберу Сарро, что «только политика согласия и понимания, только формула сотрудничества народа с народом в состоянии сохранить Тунис и вследствие этого всю Северную Африку за Францией» [стр. 165].

Но как реализовать эту формулу сотрудничества, если другая сторона склонялась к хирургическому вмешательству? Идти на дальнейшие уступки, по мнению Нового Дестура, было бесполезно, ибо это было равнозначно капитуляции. «Го-

ворить о компромиссе,— писал Бургиба,— это говорить об уступках и с той и с другой стороны» [стр. 172]. Что же делать? И здесь Бургиба предложил довольно парадоксальное решение. Для подготовки компромисса, заявил он, надо развертывать массовое революционное движение. Путем широкой дезорганизации общественной и государственной жизни Новый Дестур должен был показать бесперспективность политики репрессий. Он должен был показать, что без согласия с Новым Дестуром Франция не сможет добиться себе надежный тыл в случае международного конфликта. Провал политики Сарро, по мнению Бургибы, должен был заставить Францию сесть за стол переговоров и выработать взаимоприемлемый компромисс. «Она (вера в либеральную политику Блюма — Вьено.— *Н. И.*) — говорил Бургиба,— возродится, когда новый, еще более сокрушительный провал политики силы приведет к власти людей, которые в правильно понятых интересах своей родины хотели внести немного справедливости и немного свободы в отношения, объединяющие нас с Францией» [стр. 166].

Можно спорить о том, насколько реалистическими были предложения Бургибы. Можно соглашаться или не соглашаться с теми историками, которые считают, что у молодого Бургибы и у его еще более молодых советников было мало политического опыта и слишком много политической наивности. Но другого выхода — если не считать политики бесплодного выжидания Старого Дестура или капитулянтского соглашения в духе Геллати — по сути дела не было. К тому же анализ Бургибы обладал по крайней мере двумя немаловажными достоинствами: он не связывал дело национального освобождения с успехами фашистских держав и, что самое главное, отвечал революционным настроениям масс.

Свои мысли и предложения Бургиба изложил на сессии Национального совета партии Новый Дестур 13—14 марта 1938 г. В качестве генерального секретаря Нового Дестура он сделал доклад о «современном положении». Доклад вызвал оживленную дискуссию, и после двухдневных прений Национальный совет единодушно принял резолюцию, которая легла в основу новодестуровской политики сопротивления.

Национальный совет Нового Дестура призвал народ к возобновлению борьбы с правительством протектората. В своей резолюции он выразил протест против политики репрессий, оказал «доверие Политбюро, в частности его генеральному секретарю, статьи и речи которого выражают политическую линию партии», призвал активистов «продолжать борьбу против пагубной и деструктивной политики колониализма, организуя сопротивление тунисских масс», и, наконец, обратился к «просвещенному патриотизму всего тунисского народа, чтобы сплотить ряды вокруг своих вождей, свобода которых на-

ходится под угрозой, и вокруг своей партии, существование которой также поставлено под угрозу». В заключение Национальный совет заявил, что он «снимает с себя всякую ответственность за осложнения, которые неизбежно возникнут в случае, если правительство будет продолжать свою политику едва замаскированных репрессий против Партии Народа и, следовательно, против чаяний, которые она символизирует» [стр. 167].

Новый Дестур сделал решающий шаг. В середине марта 1938 г. его войска перешли политический Рубикон. Во Франции, вспоминая впоследствии Бургиба, решения Национального совета были восприняты как подлинное объявление войны [111, 21.III.1962].

Волнения и беспорядки среди учащихся. Вскоре после сессии Национального совета руководители Нового Дестура разъехались по стране, чтобы на местах возглавить борьбу против правительства протектората. В провинциальных городках и селениях созывались сотни митингов и собраний. На них вожди партии призывали народ к организации гражданского сопротивления. Они говорили, что освобождение Туниса может быть делом только самих тунисцев. Помощи ждать неоткуда. Надо самим подниматься на борьбу и прежде всего, не подчиняться властям. Новодестуровские ораторы убеждали своих слушателей отказываться от уплаты налогов и от службы во французской армии. Всячески развивались идеи мученичества, смерти во имя торжества правого дела. На митингах и собраниях читались стихи из Корана, прославлялись шахиды, отдавшие жизнь в борьбе за веру [26, стр. 49; 63, стр. 89—90].

Новый Дестур по-прежнему выступал за политическую автономию в рамках протектората. Самые популярные и самые распространенные требования выражались в двух главных лозунгах: «Тунисский парламент», «Национальное правительство». Они на все лады повторялись в речах новодестуровских ораторов, скандировались участниками митингов и уличных шествий. Они печатались на листовках, писались на стенах и дорогах.

Во всех речах беспощадно клеймились французские колонизаторы и их приспешники. От бывшего «сближения сердец» колонистов и бедуинов не осталось и следа. В качестве типичного образца революционной фразеологии Нового Дестура в мартовские дни 1938 г. Роже Ле Турно приводит следующие выдержки из речи Салаха бен Юсефа в Тале: «Французы приезжают в Тунис в рвани и быстро делают состояние... У вас взяли все, не дав вам ничего взамен. У вас отняли ваши деньги, чтобы оплачивать чиновников и покупать у вас ваши собственные земли. Затем вас изгнали в горы, в пустыни, к скорпионам, на бесплодные земли, где низведенные до уровня жи-

вотных вы вынуждены есть траву. Тунисский народ должен сбросить иго французского протектората... Как можете вы, потомки гордых фрешишей⁵, терпеть, чтобы вами правили низкие люди, которых Франция посылает пакостить вам? Лучше умереть, чем вести такое существование... Франция, прижатая к границам грозными врагами, уже испугалась вас. Она вернула из изгнания ваших вождей. Но этого недостаточно. Когда вы покажете угнетателям, как это славно показали ваши братья, погибшие во время восстаний в Бизерте и Сахеле, что вы не хотите больше этой тирании, когда вы подниметесь, когда вы откажетесь платить налоги и отпускать ваших сыновей на военную службу, только тогда Франция учтет ваши требования и будет вынуждена их удовлетворить» [65, стр. 85—86].

Время от времени власти пытались пресечь поток новодестуровской пропаганды. 11 марта 1938 г. они запретили проведение публичной лекции Аллаля аль-Бельхауана — преподавателя колледжа Садыки, члена Национального совета Нового Дестура. Тогда по призыву новодестуровской Ассоциации учащейся молодежи (Джамийат аш-шабиба аль-мадрасийя) около 2 тыс. учащихся собралось перед зданием Политбюро Нового Дестура и выразило протест против запрещения лекции. Нормальные занятия в колледже прекратились. 18 марта 1938 г. в Политбюро состоялась другая лекция — «Об участии молодежи в борьбе» [см.: 108, 1938, № 7, стр. 383]. После нее состоялась огромная националистическая манифестация. Учащиеся Садыки поддержали учащихся других учебных заведений. Волнения перекинулись в колледжи и лицеи Карно, Алави, Эмиль Лубэ, затем в периферийные учебные заведения.

25 марта 1938 г. правительство протектората закрыло колледж Садыки и его интернат. Учащиеся перекочевали в Политбюро Нового Дестура. Его помещения были переоборудованы под спальные комнаты, столовую и т. д. 26 марта Аллаль аль-Бельхауан — этот трибун тунисской молодежи — был отстранен от преподавательской деятельности. Все занятия в Тунисе прекратились. Учащиеся ходили по митингам, распространяли «поджигательские» листовки и даже устраивали своего рода карательные экспедиции против талемов религиозно-богословского университета Аз-Зитуна, патриотический энтузиазм которых казался им недостаточно высоким. Наконец, учащиеся Аз-Зитуны также бросили занятия и примкнули к своим собратьям из светских учебных заведений.

Обстановка в Тунисе обострялась с каждым днем. Голодная страна, охваченная антифранцузскими настроениями, была на грани отчаяния. Тысячи и десятки тысяч людей, нашедших убежище в тэкиях и бидонвилях, а то и просто слонявшихся в мединах без определенного места жительства, были преис-

⁵ Одно из главных племен района Талы.

полнены мрачной решимости. Существование этих людей производило самое тягостное впечатление. Нищая деревня, страдавшая, по словам Г. Пери, «одновременно от крепостничества хаммасата, неграмотности и шаманства» [107, 30.X.1937], была не в состоянии их прокормить. В особенно тяжелом положении находились беженцы из разоренных кочевий Центра и Юга. Тэккии, эти «центры приюта», поражали воображение даже привычных к бедности деятелей профсоюзов и демократических женских организаций. «Этот круг нищеты,— писали они о тэккии в Айн-Джеллуле,— где руки из последних сил тянутся, чтобы попросить подавание, где заключены тысячи человеческих существ, низведенных до уровня животных, расположен за пределами местностей, где есть в изобилии пшеница, ячмень, оливковое масло, в центре страны, которая имеет плодородные поля и деятельные города» [107, 27.X.1937].

Инфляция и непрерывное повышение стоимости жизни служили источником постоянной тревоги для огромных масс мусульманского населения. Для жителей бидонвилей и безработных крестьян не имели значения гарантированные уровни заработных плат и неплохие закупочные цены, устанавливавшиеся правительством протектората. Их больше всего беспокоило то, что цены на хлеб доходили до 3 фр. за 1 кг, так как в основном они зарабатывали, и то если удавалось найти поденную работу, по 6—10 фр. в день [см.: 107, 11.I.1939].

Рабочие-мусульмане не доверяли профсоюзным вождям и рабочим-европейцам, как правило, более грамотным и лучше обеспеченным. Они не забывали профсоюзной войны и патерналистского высокомерия лидеров Департаментского объединения ВКТ. Они от всей души ненавидели колониальную администрацию, жандармских и полицейских чинов, олицетворявших власть Французской республики. Они ненавидели хозяев-европейцев, живших в респектабельных домах и радушно принимавших представителей местной власти. Горняки Редейефа помнили, что когда они осмелились послать прошение в генеральную резиденцию, компания в течении шести месяцев держала их без воды. Бастовавшие горняки Метлави, дорожившие каждой чашкой чаю, не забывали, что жандармский капитан прибыл к ним для «решительного разговора» после обильного угощения, на которое не скупилась администрация рудников. Рабочие Туниса не забыли, по чьей вине была пролита кровь на бизертских мостовых.

У них, у трудящихся-мусульман, у крестьян, у нищих пролетариев, не было ни прошлого, ни настоящего. Все их надежды были связаны с победой Нового Дестура. Его выпады против жандармов, спекулянтов и прочих иностранных господ находили среди них самый горячий отклик. Нормальная жизнь страны была полностью опрокинута. Тунис трепала лихорадка нетерпеливого ожидания. Полуголодные рабочие, босяки,

обнищавшие ремесленники и оборванцы с базаров жадно внимали новодестуровским ораторам. Они целиком разделяли антифранцузские лозунги учащейся молодежи и сами были готовы громить ненавистных «руми». Листовки и надписи Нового Дестура ежеминутно напоминали о беспрецедентном движении, мало-помалу охватившем всю страну. Буржуазия и колонисты обвиняли генерального резидента в преступном попустительстве. Французские демократические организации были на грани паники. Выступления учащихся окончательно вывели их из состояния покоя. «Недопустимо,— писала г-жа Биджауи на страницах „Тюнис-социалист“ 30 марта 1938 г.,— чтобы детям разрешалось принимать участие в деле, все элементы которого они просто не знают и которое они не в состоянии оценить» [99, 1938, № 4, стр. 160].

Таальби и Старый Дестур выступили с резким осуждением политики Бургибы. 28 марта и 4 апреля 1938 г. «Шарт тюнизьен» отмежевалась от деятельности Нового Дестура и пыталась высмеять его запоздалые антифранцузские выступления. Таальби вновь обрел голос и способность к передвижению. В марте 1938 г. он совершил турне по Сахелю, где выступал с резкой критикой Бургибы и всей его «нечестной игры» [там же, № 8—9, стр. 347].

К началу апреля 1938 г. волнения охватили всю территорию Туниса. Повсюду происходили митинги и демонстрации, которые начали перерастать в прямые столкновения с французской полицией и войсками.

Начало кризиса. Наиболее крупные беспорядки, потрясшие страну и, собственно говоря, положившие начало апрельскому кризису, произошли 4 апреля 1938 г. в Уэд-Мелизе, в районе Сук-эль-Арбы. В начале апреля здесь состоялось несколько митингов. Выступали член Политбюро Нового Дестура Слиман бен Слиман, член Национального совета Юсеф Руиси, руководители местных организаций Нового Дестура. Один из них — председатель новодестуровской ячейки в Сук-эль-Арбе Аиса Сахри — отличился особенно резкими выражениями. Его арестовали и препроводили в тюрьму.

Через два дня после ареста Сахри, 4 апреля 1938 г. в Уэд-Мелизе был созван митинг протеста. Ораторы требовали освободить арестованного. С перепугу власти попытались разогнать собравшихся. Прибыли жандармы и солдаты французской регулярной армии. Завязались ожесточенные столкновения, которые продолжались несколько часов. Кахья Сук-эль-Арбы получил серьезные травмы. Солдаты пустили в ход оружие. Несколько десятков человек были убиты, сотни ранены [см.: 26, стр. 49]. К вечеру 4 апреля власти арестовали Слимана бен Слимана, Юсефа Руиси и руководителей местных ячеек Нового Дестура. Вместе с ними были арестованы несколько активистов новодестуровских молодежных организаций [109,

6.IV.1938]. Их обвинили в разжигании расовой ненависти и в призыве к мятежу.

Весть о волнениях в Уэд-Мелизе и о начавшихся арестах руководителей Нового Дестура всколыхнула всю страну. Митинги и «народные встречи» происходили в напряженной атмосфере едва сдерживаемого бунта. Обстановка накалилась до предела; активисты с трудом поддерживали дисциплину. Иногда манифестанты срывались и самочинно переходили к насильственным действиям. 5 апреля волнения охватили весь район Сук-эль-Арбы и Эль-Кефа. Крупные беспорядки были отмечены в Бизерте и некоторых других пунктах [99, 1938, № 4, стр. 160].

Утром 6 апреля 1938 г. по обвинению в разжигании расовой ненависти и в покушении на права и полномочия покровительствующей державы были арестованы Салах бен Юсеф, Хеди Нуира и ряд членов Национального совета. Положение ухудшалось с каждым часом. Вечером 5 и 6 апреля состоялись два заседания Политбюро Нового Дестура. Остававшиеся на свободе лидеры партии дважды совещались под председательством Тахара Сфара — единственного имевшегося в наличии члена Политбюро [109, 7.IV.1938]. Бахри Гига находился в Париже; Бургиба был болен и лежал в постели. Лишь время от времени его навещали ответственные представители новодестуровского руководства и обменивались с ним мнениями о развитии политического положения в Тунисе.

В ответ на репрессии Новый Дестур решил организовать широкое движение протеста. На места были разосланы соответствующие инструкции и распоряжения. 6 апреля в Бизерте, Бедже, Сук-эль-Арбе и Эль-Кефе состоялись манифестации с требованием освободить арестованных. Росла напряженность в Сахеле и Сфаксе. В г. Тунисе продолжались студенческие волнения. К бастующим учащимся колледжей и лицеев присоединились талебы Аз-Зитуны, которые образовали специальный Комитет действия зитунийского студенческого союза [29, стр. 20].

Общенациональное движение протеста началось с утра 7 апреля 1938 г. Оно имело ненасильственный характер и строго контролировалось партийными инстанциями. Утром 7 апреля около 2 тыс. демонстрантов, прибывших из г. Туниса на поездах и автомашинах, собрались перед резиденцией бея в Хаммам-Лифе. Их поддержали манифестанты из окрестных селений. Огромная толпа скандировала националистические лозунги. Делегация во главе с Монжи Слимом добилась приема у бея Ахмеда и вручила ему требования нации.

Митинги и несколько сравнительно небольших манифестаций состоялись в г. Тунисе и провинциальных центрах. 8 апреля в обращении к населению Туниса генеральный резидент Арман Гийон отмечал, что по всей территории регентства рас-

пространялись призывы к гражданскому неповиновению, отказу от несения военной службы и уплаты налогов. Иногда, по словам резидента, раздавались призывы к актам саботажа и убийствам [109, 8.IV.1938]. Повсюду собирались подписи под петициями об освобождении арестованных. Серьезных инцидентов не было, за исключением Бизерты, где демонстранты были рассеяны полицией, произведшей ряд арестов.

Власти, пишет Ш.-А. Жюльен, реагировали весьма энергично [63, стр. 90]. С утра 7 апреля полиция конфисковала свежий номер новодестуровской еженедельной газеты «Аль-Амаль». Ее издание было прекращено. В различных пунктах Туниса продолжались аресты за «призывы к мятежу и гражданскому неповиновению» [109, 8.IV.1938].

Утром 7 апреля 1938 г. у Армана Гийона состоялось совещание высших руководителей армии, полиции и службы безопасности. Французское правительство, постоянно опасавшееся обвинений в слабости, видимо, настаивало на принятии самых энергичных мер. Военные также выступали против каких бы то ни было уступок и требовали применения силы. К исходу совещания было решено использовать войска для подавления начавшихся беспорядков, хотя было совершенно очевидно, что ни сам характер движения, ни его цели не оправдывали ввода в действие вооруженных сил. Генералам, по всей вероятности, просто не хотелось упускать случая для прямого вмешательства. К вечеру 7 апреля войска тунисского гарнизона и некоторые другие части были приведены в состояние боевой готовности.

Французское население Туниса было более или менее единодушно. В апрельские дни оно полностью поддерживало действия властей. Буржуазно-колониальные круги совершенно откровенно рассчитывали на вмешательство стотысячной французской армии, расквартированной в Тунисе. Они хотели руками армии раз и навсегда покончить с Бургибой и новодестуровским движением. Демократические организации Туниса, враждебные Новому Дестуру, в этом вопросе фактически полностью сомкнулись с остальной французской колонией. В начале апреля 1938 г. они безоговорочно рассматривали Новый Дестур как агентуру итальянского фашизма. На своем заседании 3—4 апреля 1938 г. Тунисский комитет партии радикалов и радикал-социалистов резко осудил «сепаратистскую пропаганду» Нового Дестура, которая «играет на руку врагам Франции» [109, 7.IV.1938]. Департаментское объединение ВКТ, Тунисская федерация СФИО и Тунисская коммунистическая партия отмежевались от движения протеста, развертывавшегося под эгидой Нового Дестура. Сообщив о начавшихся демонстрациях в Тунисе, «Юманите» 9 апреля 1938 г. писала, что «надо безотлагательно дать удовлетворение требованиям населения Северной Африки, законное недовольство которого

эксплуатируется некоторыми элементами, связанными с мусолиниевским фашизмом» [107, 9.IV.1938].

Старый Дестур и улемы не участвовали в новодестуровском движении протеста и не имели никакого отношения к «глупой комедии», как охарактеризовал впоследствии Таальби апрельскую демонстрацию 1938 г. Они были уверены в разгроме движения и мирно ждали исхода апрельской драмы. Что касается тунисской национальной буржуазии, не говоря уже о феодально-компрадорских кругах, то она была насмерть перепугана уличными беспорядками и боялась «бунтарских элементов» больше, чем французских колонизаторов. Она полностью отошла от Нового Дестура. Вечером 6 апреля делегация Тунисской секции Большого совета во главе с Тахаром бен Аммаром, в состав которой входили Мухаммед Шеник, Садок Тлатли, Альбер Бессис и другие, посетила генерального резидента и поспешила выразить ему чувства искренней привязанности [109, 7.IV.1938]. 8 апреля в газетах появился призыв к спокойствию, опубликованный Тахаром бен Аммаром от имени Тунисской секции Большого совета. «Секция,— отмечалось в обращении тунисских членов Большого совета,— во всех обстоятельствах будет защищать права и интересы тунисского населения и при поддержке правительства будет добиваться давно ожидаемых законных реформ, которые обеспечат ему возможность вполне достойной жизни» [109, 8.IV.1938]. В заключение секция сочла нужным «еще раз заявить, что все тунисское население сохраняет к Франции глубокую привязанность, которая не будет поставлена под сомнение, и что оно будет на ее стороне при всех обстоятельствах» [там же].

Призывы Тунисской секции Большого совета, так же как заявления различных комитетов и общественных организаций, не оказали никакого влияния на настроение масс. Волнения продолжались. На 8 апреля 1938 г. Новый Дестур назначил общенациональную забастовку и демонстрацию протеста. Несмотря на значительные потери в кадрах, директивы Политбюро были исполнены точно и в срок.

В г. Тунисе с самого утра 8 апреля чувствовалась крайне нервная обстановка. Повсюду были размещены войска и усиленные наряды полиции. В различных пунктах города собирались группы манифестантов. Раздавались патриотические песни; скандировались новодестуровские лозунги. Постепенно закрывались кафе, магазины, лавки. Остановился транспорт. Опустел базар. Около полудня плотные массы манифестантов заполнили авеню Жюль Ферри (ныне авеню Хабиб Бургиба). На соединение к ним шли многотысячные колонны от площади Хальфауин и от площади Аль-Ганам, которые двумя бурными потоками огибали медину — одна через Баб-Суика, Баб-Картаджна и улицу Мальтийцев, другая через авеню Баб-Дждид и улицу Аль-Джазира. Демонстранты, большей частью моло-

дежь, а также женщины и дети, которые впервые принимали участие в крупной политической манифестации, несли плакаты на французском и арабском языках: «Тунисский парламент», «Национальное правительство», «Да здравствует Дестур!», «Долой привилегии!», «Власть — тунисцам!». Некоторые кричали: «Освободить арестованных!», «Долой Францию!», «Независимость!». В 15.05 обе колонны, предшествующие нарастающим гулом, соединились на авеню де Франс и слились с толпами на авеню Жюль Ферри. Все площади, улицы и переулки, примыкавшие к зданию генеральной резиденции, были запружены народом.

Весь квартал, где находилась генеральная резиденция, был обнесен колючей проволокой, тянувшейся от улицы Садыкийя до улицы Голландии. За нею стояли шеренги французских солдат. Чины тунисского гарнизона демонстративно инспектировали выстроенные войска. Манифестанты строго соблюдали дисциплину и не поддавались ни на какие провокации. Члены Нового Дестура и Дестуровского союза молодежи, как отмечалось в печати, с редкой энергией поддерживали порядок [109, 9.IV.1938].

Блокированные войсками демонстранты организовали импровизированный митинг перед генеральной резиденцией. Ораторы поднимались на плечи своих товарищей. С пламенными антиимпериалистическими речами выступили Аллаль аль-Бельхауан и Монжи Слим. Затем к собравшимся обратился бывший председатель Нового Дестура доктор Матри, который участвовал в демонстрации, как пишет Роже Ле Турно, «быть может, потому, что ему не оставалось ничего другого» [65, стр. 86]. Матри, по мнению обозревателя «Африк франсэз», вовлеченный в демонстрацию помимо своей воли [99, 1938, № 4, стр. 160], взывал к чувствам разума и в заключение просил манифестантов мирно разойтись по домам.

В 15.40 демонстранты начали расходиться. Часть из них прошла перед домом Хабиба Бургибы. Инцидентов не было. Лишь к вечеру около 17.00, когда большая группа молодежи устроила демонстрацию перед тюрьмой, требуя освободить арестованных, вмешалась полиция. Жертв не было.

Во внутренних районах страны 8 апреля 1938 г. во всех более или менее крупных населенных пунктах состоялись митинги и демонстрации. Хозяйственная жизнь Туниса была полностью парализована. Повсюду были закрыты магазины, лавки, базары. В Сфаксе, Сусе и основных центрах Сахеля (Монастир, Махдия, Мокнин, Ксар-Хеллаль, Джеммаль, Мсакен, Калъа-Кебира) полиция и войска были приведены в состояние боевой готовности. Шумные колонны демонстрантов обычно направлялись к резиденциям местной власти — гражданских контролеров, кайдов, кахий. В ряде мест — Сук-эль-Арбе, Сук-эль-Хемисе, Пон-дю-Факсе, Громбалии, Кайруане,

Гафсе, Габесе — властям передавались петиции с сотнями подписей, требующие освободить арестованных. В манифестациях, как правило, участвовали крестьяне и бедуины, прибывавшие из окрестных селений и становищ.

В Сфаксе, где напряженность не спадала уже в течение нескольких дней, манифестация во главе с Хеди Шакером прошла без каких-либо инцидентов. Столь же мирно протекали демонстрации и в большинстве других городов и местечек. Лишь в Бизерте — этом главном центре пролетарского национализма — произошли кровавые столкновения. Около полудня войска, конная и пешая полиция, патрулировавшие улицы, вступили в схватку с манифестантами. В долине Верхней Меджерды — в Тестуре, Сук-эль-Арбе, Уэд-Мелизе, Гардимау — власти произвели новую серию арестов и фактически обезглавили движение. Несколько арестов было произведено в Махдии. В горнопромышленном районе Гафсы, где также были сильны профсоюзные организации Нуиры, отмечались отдельные акты саботажа, в частности были повалены телеграфные столбы [109, 9.IV.1938].

Всего, по данным Аллаля аль-Бельхауана, в демонстрациях 8 апреля приняло участие свыше 1 млн. человек, т. е. почти все политически активное население Туниса. Новый Дестур расценил это, говоря словами Бельхауана, как достижение «своей первой главной цели — пробуждение национального сознания, распространение патриотических чувств во всех слоях народа и его объединение для борьбы с империализмом» [26, стр. 49].

К вечеру 8 апреля демонстрации стихли. Однако напряженность не спадала. В любую минуту мог произойти взрыв. По Тунису ходили противоречивые слухи. Говорили, что Бельхауан объявил о повторении демонстрации 9 апреля. Другие сообщали, что демонстрация назначена на 10 апреля. Одни с надеждой, другие со страхом ожидали выступления Хабиба Бургибы.

Арман Гийон не знал, что предпринять. Он явно не владел положением. Все зависело от дальнейших действий Нового Дестура. И вот вечером 8 апреля 1938 г. на квартиру к Бургибе явился доктор Матри. Он убеждал старого друга соблюдать чувство меры. Он считал, что начинать безысходную борьбу, которая не могла привести ни к чему, кроме полного поражения, было чистым безумием. Он просил Бургибу проявить максимум умеренности, внести успокоение в разгоряченные умы и дать партии соответствующие указания.

Бургиба очень холодно воспринял демарш Матри. Он понимал, что нет такой силы, которая могла бы погасить пробудившийся энтузиазм масс. К тому же он считал, что визит Матри был инспирирован генеральным резидентом. Бургиба полностью разошелся с Матри в оценке политического поло-

жения и в конце концов ответил ему решительным отказом. «Послушай,— сказал он,— мы в пути и не можем отступить. Мы или одержим победу, или погибнем. Ты меня просто заставляешь терять время. Оставь меня в покое!» [65, стр. 86].

Ко всему прочему во Франции разразился правительственный кризис. 8 апреля 1938 г. после 25-дневной отчаянной попытки возродить дух Народного фронта второй кабинет Блюма ушел в отставку. Героями дня были умеренные республиканцы и радикалы. Они одержали решающую победу. Народный фронт прекратил существование. Франция была без правительства и быстро скользила вправо.

В решающие дни 8—10 апреля Париж был занят самим собой. Оттуда нельзя было ждать никаких четких и авторитетных директив. Не зная как быть, генеральный резидент оказался в очень затруднительном положении. В наиболее критический момент он, попросту говоря, устранился от осуществления верховной политической власти и пошел на поводу у высших военачальников.

На первый план выдвинулся дивизионный генерал Шарль Анот — главнокомандующий войсками Туниса, надежда и гордость французских колонистов. В течение 15 лет он служил в колониальных войсках в Марокко и слыл за убежденного сторонника французского протектората. В апрельские дни 1938 г. он взял на себя всю полноту верховной власти в Тунисе. Фактически он отстранил от дел генерального резидента, который не смог противостоять его напору. Единственное, что удалось сделать Гийону, — это убедить генералов в необходимости соблюдать видимость закона. Военные, как показывает ряд свидетельств, собирались физически уничтожить главных лидеров национально-освободительного движения. Берк, основываясь на устной информации, сообщает, что некоторым лидерам Нового Дестура, в частности Бургибе, заочно, без суда были вынесены смертные приговоры [см.: 40, стр. 299]. «Если верить некоторым свидетельствам, — пишет Гарас, — безответственные власти приняли даже решение казнить Бургибу» [54, стр. 119]. В оправдание этого они представили Гийону фальшивые материалы, якобы изобличавшие Бургибу как агента Италии⁶. К чести Гийона надо сказать, что он добился отмены позорного решения о самочинном расстреле Бургибы и других лидеров Нового Дестура и настоял на том, чтобы после

⁶ В начале апреля 1938 г. в некоторых франко-тунисских газетах появились сообщения о том, что на аэродроме Аль-Ауина был случайно задержан некто Ло Бальбо, у которого было обнаружено важное письмо к Бургибе от некоего Анфузо, именовавшегося служащим итальянского министерства иностранных дел. В письме выражалась признательность Бургибе и говорилось о готовности Италии выплатить ему 40 тыс. лир. По просьбе Гийона этот «документ» был отправлен в Париж на экспертизу, которая признала его подложным.

нормализации положения их дела были переданы в регулярные судебные инстанции. В остальном он, видимо, просто санкционировал действия генерала Анота, не видя никакого другого выхода из создавшегося положения.

9 апреля. Как и в сентябрьские дни 1934 г., Новый Дестур не готовил никакого вооруженного восстания. Он не собирался выходить за рамки широкой кампании гражданского неповиновения. Он преследовал одну цель — показать абсолютную невозможность управлять Тунисом старыми, изжившими себя методами. В соответствии с классическими канонами бургибизма он пытался создать позицию силы для последующих переговоров с Францией. Новый Дестур не ставил перед собой никаких других задач, кроме реализации программы-минимум, выдвинутой им на заре Народного фронта. Лидеры Нового Дестура не хотели, чтобы кампания гражданского неповиновения воспринималась как антифранцузское и антидемократическое движение. «Хотя эта братоубийственная война, — писал Бургиба 9 апреля 1938 г., в самый разгар уличных боев в Тунисе, — рискует нанести Франции тяжелый ущерб, никто из вождей движения, никто из активистов не считает, что он ведет борьбу против Франции. После опыта Вьено каждый из них убежден, что он борется против банды хищных флибустьеров, которые прячутся за протекторатом» [42, стр. 171].

Вожди Нового Дестура пошли на широкую антиправительственную кампанию, руководствуясь чисто внутренними, тунисскими условиями и предпосылками. Прежде всего они исходили из настроений в массах, из непримиримой ненависти народа к иностранным поработителям. «Своего рода священное опьянение, — говорил Бургиба, — охватило сегодня массу». Люди жаждали практической борьбы за те высокие идеалы, которые проповедовали им новые пророки. В стране ощущался огромный подъем, неукротимое стремление обновить весь склад тунисской жизни. «Каждый активист, — отмечал Бургиба, — убежден, что он участвует в грандиозной эпопее, во вдвойне священном деле, в национальном, социальном и политическом освобождении» [там же].

К исходу 8 апреля 1938 г. обе стороны приняли окончательные решения. Столкновение было совершенно неизбежно. Однако Бургиба сознавал, что время работало на Новый Дестур, и старался как можно дольше оттянуть трагическую развязку. Он отменил или, как утверждал впоследствии, вообще не назначал никаких демонстраций на 9 апреля. В противоположность ему генерал Анот решил форсировать события. Он понимал, что промедление таит в себе новые осложнения и лучше в зародыше задуть пламя революции, чем дать ему разрастись до опасных размеров.

Утро 9 апреля не предвещало ничего хорошего. Повсюду царило лихорадочное возбуждение. Люди с нетерпением ждали

новых событий. То тут, то там появлялись группы разгоряченной молодежи. С невероятной быстротой распространялись различного рода слухи. Свыше 500 человек, в основном учащихся, собралось перед дворцом Дар аль-Бей — резиденцией великого везира (туниССкого премьер-министра). Делегация демонстрантов во главе с Тахаром Сфаром во второй раз за последние двое суток была принята в парламенте официального главы туниССкого правительства. Премьер-министр, естественно, не мог сказать ничего вразумительного и отделался, как обычно, ничего не значащими заверениями успокоительного характера. Несмотря на призыв к спокойствию, с которым обратился Сфар, толпа заволновалась. «Опять пустословие, ложь и увертки», — воскликнул Али Даргут, один из новодестуровских активистов. «Надо полагаться на самих себя», — заявил он и повел толпу к дому Хабиба Бургибы, «чтобы получить его указания» [99, 1938, № 4, стр. 161]. Здесь им было сказано, что 9 апреля ничего не будет и что демонстрация и митинг назначены на 10 апреля.

Кроме этих отдельных митингов и демонстраций, в городе ничего не происходило. Войска, находившиеся в состоянии полной готовности, без дела томились в небольших переулках, прилегающих к наиболее горячим точкам столицы. Европейская часть города непрерывно патрулировалась усиленными нарядами полиции и солдат. Час за часом проходил без сколько-нибудь существенных инцидентов. В конце концов это, видимо, стало надоедать генералу Аноту и его ближайшему окружению.

Около 14.00 по распоряжению прокуратуры были арестованы и препровождены во Дворец правосудия Аллаль аль-Бельхауан и Монжи Слим. Весть об аресте этих настоящих идолов националистической молодежи, ставших в апрельские дни кумирами всего Туниса, в мгновение ока распространилась по городу. Около Дворца правосудия собралась большая толпа туниССцев. Никто ими не руководил. Они требовали и ждали освобождения арестованных. Другая толпа заполнила улицу за зданием суда. Полиция без особого труда сдерживала манифестантов, которые соблюдали «достаточно хороший порядок» [там же].

Время от времени полиция оттесняла толпу. Нервы были напряжены до предела, когда примерно в 15.00 началось побоище. «Дело разыгралось из-за ничего», — пишет Анри де Монтети, наблюдавший эту картину из своего окна [71, стр. 143]. Согласно французской версии, из толпы неожиданно раздавался револьверный выстрел, затем второй. Полиция открыла ответный огонь и начала крушить толпу дубинками. Несколько тысяч человек ринулись на штурм Дворца правосудия, смяв цепи полиции и жандармов. Одному из жандармов ножом перерезали горло. Началась яростная схватка. На

помощь полиции пришли войска, которые с самого начала пустили в ход огнестрельное оружие.

Многотысячная толпа хлынула врассыпную. Несколько десятков человек упало. За какие-нибудь полчаса медина стала «как вымершая» [71, стр. 143]. Отовсюду бежали люди. Никому не известные, «более или менее импровизированные ораторы» [54, стр. 119] возглашали смерть «руми», призывали принять мученическую смерть. Десятки тысяч людей высыпали на площади и бульвары, опоясывавшие медину. «Мятеж,— пишет Ш.-А. Жюльен,— вспыхнул, как пожар, в народных кварталах» [63, стр. 90]. Бездомные пролетарии, обитатели туберкулезных трущоб и грязных бидонвилей, голодные грузчики, лиценсты и люди базара спешили расправиться с «привилегированными», с иноземцами и их прихвостнями из «продавшихся» мусульман. Хватали ножи, камни, железные прутья. Кое у кого оказались заряженные револьверы. Мусульманская часть города оказалась во власти слепой стихии. «Никогда со времен Джеллазского дела,— отмечает Роже Ле Турно,— Тунис не знал подобного разгула страстей» [65, стр. 87]. Повстанцы в ярости били фонари, крушили зеркальные витрины, опрокидывали автомобили, поджигали и корежили трамвайные вагоны.

Одновременно со схватками у Дворца правосудия и на площади Касбы, где кавалерия безжалостно топтала манифестантов, завязались столкновения на улице Хальфауин, Баб-Суика, вдоль всего авеню Баб-аль-Банат и Баб-Менара. Женщины облепили террасы и балконы домов. Пронзительными «ю-ю» они подбадривали бойцов, бросали во французов бутылки и поленья. Крики, брань, предсмертные стоны, «ю-ю», висевшие над мусульманскими кварталами, сливались с винтовочными залпами и пулеметными очередями. Большинство правительственных зданий оказалось в зоне мятежа. Военные грузовики спешно вывозили французский персонал государственных учреждений [109, 10.IV.1938].

На площади Касбы французы довольно быстро справились с положением. Хуже обстояло дело на авеню Баб-Менара и Баб-аль-Банат. Полиция и войска оказались здесь под градом бутылок и камней. Стреляя залпами через определенные промежутки времени, под прикрытием броневиков цепи зуавов и сенегальских стрелков начали медленно продвигаться вперед. По некоторым сведениям, в ход были пущены танки [26, стр. 50]. Манифестанты с проклятиями разбежались по боковым улицам и переулкам. Они уносили с собой раненых и убитых, завернув их в национальные знамена. Многие манифестанты собирались вновь и еще раз пытались прорываться к центральным площадям и авеню.

К 17.00 французам удалось очистить авеню Баб-Менара и Баб-аль-Банат. К 18.00 они установили контроль над всеми

главными улицами и площадями мусульманской части города. Отдельные схватки продолжались еще некоторое время внутри кварталов. С наступлением темноты стрельба постепенно стихла и обезлюдевший город погрузился в гробовое молчание.

Никто и никогда не подсчитывал число жертв 9 апреля. Официальные данные с самого начала не вызывали никакого доверия. Во-первых, власти были заинтересованы в том, чтобы всячески преуменьшить характер и масштабы уличных столкновений. Во-вторых, они просто не располагали точными данными, так как большинство убитых и раненых было унесено повстанцами. По оценкам Нового Дестура, 9 апреля 1938 г. погибли 200 тунисцев [42, стр. 173]. Аллаль аль-Бельхауан пишет, что 9 апреля были убиты сотни тунисцев и сотни ранены [26, стр. 50].

Европейские колонисты и буржуазия торжествовали победу. По всему Тунису начались репрессии, сопровождавшиеся разгромом партийных, профсоюзных и других массовых организаций Нового Дестура. В 19.00 в г. Тунисе и Тунисском округе гражданского контроля было объявлено осадное положение. Учреждались военные трибуналы. В соответствии с декретом 9 апреля 1938 г. о введении осадного положения военные власти получили право: 1) производить обыски в домах подозрительных лиц; 2) арестовывать и высылать лиц, уже отбывавших наказание за антифранцузскую деятельность, всех подозрительных лиц, а также лиц, пребывание которых в столице могло бы привести к нарушению общественного порядка.

Кроме того, в г. Тунисе устанавливался комендантский час, вводилась предварительная цензура печати, запрещалось проведение каких бы то ни было митингов и собраний. Генерал Анот со своей стороны издал приказ, запрещавший носить оружие и собираться группами более шести человек.

В ночь с 9 на 10 апреля начались массовые обыски и облавы. По данным Нового Дестура, было арестовано около 3 тыс. человек [42, стр. 173]. На рассвете 10 апреля был арестован Хабиб Бургиба. Его больным подняли с постели и препроводили в городскую тюрьму Туниса, где уже находились почти все руководители Нового Дестура.

Утром 10 апреля газеты Туниса вышли с огромными белыми полосами и пятнами. Военные цензоры самым тщательным образом просматривали всю информацию, шедшую из страны. Многие корреспонденции были задержаны на несколько дней. 9 апреля впредь до особого распоряжения была закрыта газета «Аксьон тюнизьен».

10 апреля в г. Тунисе было по-прежнему беспокойно. Улицы были пусты. Лишь у редких продовольственных магазинов и табачных лавок виднелись небольшие группы жителей. Согласно официальному коммюнике, 10 апреля полиция и войска

«рассеяли сборища, которые пытались организовать», патрулировали улицы, обыскивая всех «прохожих, довольно большое число которых имело при себе кинжалы, ножи и пистолеты» [99, 1938, № 4, стр. 162].

Во внутренних районах Туниса относительное спокойствие, которое царило там 9 апреля, сменилось бурными антиимпериалистическими выступлениями. В Сахеле, Сфаксе и некоторых других местностях беспорядки были отмечены еще вечером 9 апреля, когда туда поступили первые известия о кровопролитии в столице. 10 апреля по всему Тунису прокатилась неудержимая волна демонстраций, которые нередко заканчивались столкновениями с полицией и войсками. Почти повсюду были закрыты мусульманские магазины, лавки и базары. В Сахеле, на полуострове мыса Бон, в районе Беджи были отмечены акты саботажа. Особенно сильно пострадали линии телефонных и телеграфных передач. Войска и жандармерия патрулировали важнейшие дороги. В городах на помощь полиции были брошены подразделения регулярной армии. Повсюду производились обыски и аресты. В большинстве центров волнения продолжались несколько дней. 10—14 апреля 1938 г. военные власти, иногда по два раза в день, публиковали коммюнике о положении в стране. В этих сводках обычно сообщалось об отдельных актах саботажа и арестах. Почти ежедневно говорилось о быстрой нормализации положения. В ряде случаев содержались угрозы по адресу тех, кто препятствовал восстановлению нормальной хозяйственной жизни.

Особенно крупный размах беспорядки приняли в Сахеле и на полуострове мыса Бон. 10 апреля Сусский округ гражданского контроля был объявлен на осадном положении; 11 апреля аналогичные меры были приняты в Громбалии [109, 11 и 12.IV.1938]. В связи с введением осадного положения дивизионный генерал Абади, командовавший войсками в Сусе и Кайруане, издал следующее обращение:

«Город Сус.

Новодестуровским вождям Сахеля:

Осадное положение введено в Сахеле 10 апреля 1938 г. в 17 часов 45 минут.

Все полномочия отныне находятся в руках военных властей, которые полны решимости безжалостно подавить любые беспорядки.

Я не обсуждаю цели, которые преследует Новый Дестур, но я гарантирую, что вы никогда не достигнете этих целей путем насилия и мятежа.

...Я даю вам 48 часов на то, чтобы распустить ваши группы и восстановить полное спокойствие в Сахеле. Вы мне отвечаете за это вашими головами» [99, 1938, № 4, стр. 162].

Обращение генерала Абади явилось красноречивым документом, свидетельствовавшим о беспросветной империалисти-

ческой философии бравых колониальных служаков. Они не понимали ничего, кроме грубой силы, и хотели командовать Тунисом так же, как они командовали бессловесными полками зуавов и сенегальских стрелков. В Сахеле и на полуострове мыса Бон были учреждены военные трибуналы, введен комендантский час, запрещено собираться группами более шести человек. Начались повальные обыски и аресты.

На всей территории Туниса армия установила контроль над общественной и государственной жизнью. Беспощадно подавлялись любые попытки неповиновения. Новый Дестур, естественно, не мог оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Его сила заключалась в организации и моральном вооружении масс. Чтобы сломить ее, генерал Анот использовал железный кулак колониального солдата и без особого труда добился видимости успеха. В вечернем коммюнике 12 апреля 1938 г. военные власти в самой категорической форме еще раз потребовали прекратить экономический саботаж. Они заявили о своей решимости арестовывать на месте всякого, кто бы попытался склонять коммерсантов к закрытию магазинов, а также тех торговцев, которые отказывались от возобновления нормальной торговли [109, 13.IV.1938].

Принятые меры возымели свое действие. В Тунисе начался процесс нормализации. Жизнь стала возвращаться в обычную колею. 12 апреля в г. Тунисе возобновилось уличное движение. Один за другим стали открываться магазины. Город очищался от мусора и битого стекла. Со стен стирались новодестуровские лозунги и призывы. 13 апреля, как писала газета «Пти Матэн», столица обрела свой обычный вид. Лишь военные патрули на улицах напоминали о прошедших событиях [109, 14.IV.1938]. 14 апреля было опубликовано последнее коммюнике, сообщавшее, что на всей территории регентства царит полный порядок [109, 15.IV.1938].

Буржуазия Туниса вздохнула свободно. Если «население Туниса,— пишет Роже Ле Турно,— на некоторое время погрузилось в своего рода оцепенение», то «многие буржуа и мирные граждане испустили вздох облегчения: нарыв прорвался; на смену постоянной лихорадке, трепавшей тунисское население, шел период разрядки, который позволял спокойно вздохнуть. Нельзя поэтому говорить, что принятые меры якобы вызвали всеобщее осуждение в Тунисе» [65, стр. 89].

Радовались не только европейские буржуа, но и зажиточные арабские мещане. «Буржуазия медины,— отмечал Анри де Монтети, довольно крупный знаток тунисской действительности,— была испугана мятежом и бунтовщическими элементами» [71, стр. 143]. После апрельских дней она всячески открещивалась от былых мимолетных увлечений, от Бургибы и Нового Дестура.

Колонисты и европейская буржуазия Туниса не скрывали

своего торжества. Они радовались разгрому Нового Дестура и с большим удовлетворением восприняли переход власти в руки армии. Они рассматривали это как реванш, как возмездие за Народный фронт, за годы страха то перед «красной», то перед «арабской» опасностью. Они стремились как можно скорее вернуться к старому и навсегда покончить с кошмаром 1936—1937 гг.

Французская демократия в апрельские дни 1938 г. отпрянула в лагерь крупной колонизации. В самый напряженный момент апрельского кризиса она, попросту говоря, очистила политическую сцену, а затем одобрила действия генерала Анота. 8 и 9 апреля 1938 г. Департаментское объединение ВКТ по инициативе социалистов выступило с осуждением политики Нового Дестура и призвало своих членов соблюдать спокойствие и порядок [109, 11.IV.1938]. 12 апреля 1938 г. Тунисская федерация СФИО приняла одну из самых позорных резолюций в своей истории. «Кампания ненависти против Франции,— говорилось в ней,— маскируемая руководителями Нового Дестура под видом борьбы за непринятое требование о политической автономии, которое само было представлено в недопустимой форме мятежа, привела к роковым последствиям, к кровавым столкновениям службы порядка и некоторых элементов тунисского населения. Социалистическая партия,— продолжала резолюция,— благоговейно склоняется перед жертвами долга: жандармами и солдатами, а также служащими полиции, убитыми или ранеными на своем боевом посту».

Для оправдания своей позиции Тунисская федерация СФИО вновь повторила слухи о фашистских связях Нового Дестура. Социалисты, отмечалось в резолюции, «не допускают никакого сомнения относительно сговора некоторых влиятельных элементов из Нового Дестура с агентами иностранной пропаганды в Тунисе». В заключение резолюция 12 апреля целиком одобряла действия властей и лишь просила, чтобы «осадное положение было отменено в самое ближайшее время» [99, 1938, № 6, стр. 256].

Тунисские коммунисты возложили вину за разгром апрельской демонстрации на авантюристические элементы Нового Дестура. 15 апреля 1938 г. «Авенир социаль», орган тунисских коммунистов, опубликовал «Призыв к тунисскому населению». «Нищета, голод, безработица обрушились на вас,— говорилось в Призыве.— Мы голодаем вместе с вами, страдаем от нищеты вместе с вами. Мы всегда провозглашаем справедливость ваших материальных требований. Но сегодня для нас, коммунистов, нашим долгом является сказать вам — берегитесь! В ваши ряды проникли элементы, которые, спекулируя на нищете, в которую вы повергнуты, хотят восстановить вас против демократии и свобод. Это — те элементы, которые не

представляют даже незначительного меньшинства, а лишь несколько беззастенчивых и готовых продать свою родину индивидов...» [107, 21.IV.1938].

Улемы и Старый Дестур не приняли никакого участия в апрельских событиях 1938 г. Они безусловно питали вражду к Франции и французской демократии. Но они считали момент неподходящим. Апрельскую демонстрацию они рассматривали как авантюру, как преждевременное выступление, заранее обреченное на провал. Абд аль-Азиз Таальби не скрывал своей радости в связи с неудачей бургибистской тактики Нового Дестура. Как пишет Ш.-А. Жюльен, он безжалостно топтал своего поверженного противника [63, стр. 91]. Свой анализ апрельских событий он дал в «Письме египетскому другу», которое в начале июня 1938 г. появилось в ряде египетских изданий, в частности в газете «Аль-Мысри» и еженедельнике «Ар-Рабита аль-арабийя».

Всему виной была безответственность и демагогия Нового Дестура. «Эти преступники,— как „деликатно“ именовал престарелый эфенди руководителей новодестуровского движения,— своей лживой пропагандой ввели в заблуждение этот народ, который легко поддается обольщению». Мартовское турне Таальби, видимо, не внесло существенных изменений. От тлетворного влияния «преступников» ему удалось спасти лишь «по крайней мере половину народа». Заметив, что их нечестная игра терпит провал, «преступники» из Нового Дестура «собрали всех своих едких насекомых и бросили их в подстрекательскую работу, вызвав таким образом события 9 апреля...». «В том, что касается нас, меня и моей партии, то мы остаемся зрителями этой прискорбной комедии и ждем ее окончания — все в воле Бога. Мы решили ни в коем случае не рисковать собой в этой катастрофе, и мы по нашей доброй воле на время остановили выпуск наших газет как на французском, так и на арабском языках. Когда буря уляжется, мы возобновим нашу деятельность с решительностью и достоинством» [99, 1938, № 8—9, стр. 347; 108, 1938, № 7, стр. 384].

Письмо Таальби довольно ясно говорило о причинах, которые побудили Старый Дестур занять выжидательную позицию. Он явно не хотел рисковать собой. Он берег кадры и во что бы то ни стало хотел сохранить их до другого дня «X», который, как показала его позиция в апрельские дни, совершенно не связывался с развитием внутривосточной обстановки в Тунисе. Не последнюю роль играли также настроения буржуазно-помещичьих кругов. Они боялись тунисской революции больше, чем французского империализма.

В апрельские дни 1938 г. тунисское национально-освободительное движение понесло тяжелые потери. По существу была парализована деятельность всех политических партий. Особенно крупный урон понесла партия Новый Дестур. 21 человек

из новодестуровского руководства, в том числе Хабиб Бургиба, сидел в тюрьме. Тысячи активистов лишились свободы. Газеты, клубы и массовые организации Нового Дестура оказались под запретом. 12 апреля 1938 г. правительство протектората приняло постановление о «ропуске Тунисской либерально-конституционной партии (Новый Дестур) за провоцирование вооруженных уличных манифестаций и покушение на права покровительствующей державы» [109, 15.IV.1938]. По всей стране происходили массовые облавы на активистов новодестуровских партийных, молодежных и профсоюзных организаций. Арестовывались все подряд, независимо от того, какую позицию они занимали в апрельские дни. 22 апреля 1938 г. в г. Тунисе был арестован Тахар Сфар; 24 апреля в Париже — Бахри Гига, последний остававшийся на свободе член Политбюро Нового Дестура. Полиция обыскивала все здания и помещения, где находились новодестуровские ячейки. Обнаруженные материалы свозились в полицейские комиссариаты, помещения закрывались и опечатывались.

Главную политическую ответственность за апрельскую демонстрацию в Тунисе несла партия Новый Дестур. Именно она организовала и морально вооружила массы, призвала их к открытой борьбе против правительства протектората. Но, просчитавшись в оценке внутреннего и международного положения, она не дала массам никакой ясной политической перспективы. В последний момент Бургиба осознал огромное неравенство сил и почти полную безнадежность затеянной им битвы. «Мрачный пессимизм,— писал он в своей апрельской статье,— воодушевляет эту безнадежную борьбу. Весь народ готовится к тому, чтобы погибнуть... в освободительной катастрофе» [42, стр. 171]. Но иного выхода не было. Новый Дестур был не в состоянии повернуть в другом направлении. Он был силен, но не настолько, чтобы направлять судьбы народа. Скорее, наоборот, в апрельские дни он сам оказался игрушкой в руках судьбы и народа.

Диктатура генерала Анота. Несостоятельность Гийона расчистила путь к военной диктатуре. Его правление со всей очевидностью показало невозможность демократического развития Туниса в условиях колониального режима. Вместе с тем оно свидетельствовало о невозможности демократического управления поработченными народами колоний. Демократия и колониализм несовместимы. Не отважившись на мирную и демократическую эволюцию режима протектората — что было вполне возможно в период Народного фронта — французская демократия в Тунисе обрекла себя. В решающие дни апрельского кризиса она сделала выбор в пользу протектората и тем самым оттолкнула от себя широкие слои мусульманского населения.

Самоустранение Народного объединения и приход армии к власти означали восстановление режима протектората на прежней социально-политической базе. К управлению страной вернулась колониальная бюрократия, опиравшаяся на колониетскую буржуазию Туниса. В течение двух лет она саботировала политику Народного фронта и теперь упивалась перспективами «настоящей государственной работы». Революционные идеи Народного фронта были отброшены прочь. Законодательство 1936 г. о свободах было отменено. Его заменили приказы и распоряжения военных властей, устанавливавшие в Тунисе новый правопорядок.

Декреты 9—11 апреля 1938 г. отменили в Тунисе все конституционные гарантии. Вся полнота верховной власти в стране перешла в руки генерала Анота. Он один имел право разрешать или не разрешать общественные собрания, закрывать газеты и запрещать на территории Туниса неугодные ему периодические издания метрополии. По его приказу можно было арестовать каждого, кто вызывал подозрения в антифранцузской деятельности. Столь широкие полномочия давали генералу Аноту явный приоритет перед гражданскими властями и фактически делали его единоличным неконституционным правителем Туниса. Гражданская власть в лице генерального ре-

зидента отошла на второй план и фактически превратилась в легальное прикрытие военной диктатуры Шарля Анота.

Новое положение вещей со всей очевидностью проявилось вечером 14 апреля 1938 г., когда генерал Ано́т и генеральный резидент Арман Гийон созвали представителей печати. Генерал Шарль Ано́т безапелляционно заявил, что в Тунисе полностью восстановлен «порядок» и что он будет поддерживать силами армии. Генеральный резидент со своей стороны дал понять, что гражданская власть сдала свои полномочия военным. «Правительство,— заявил Гийон,— в согласии с военными властями преследует только одну цель, а именно установить порядок» [109, 15.IV.1938].

Отныне комендантский час, цензура и приказы военного командования регламентировали внутреннюю жизнь Туниса. По всей стране происходили аресты и облавы. Непрерывно, иногда круглосуточно, заседали военные трибуналы. Они пачками выносили приговоры за «антифранцузскую деятельность», покушение на свободу труда, расовую ненависть и призывы к убийству. Все, что было живого и честного в Тунисе, беспощадно подавлялось. Поощрялись различные акты отступничества. Находились люди, которые публично каялись в «преступлениях» против Франции. 20 апреля в Бенихасане, небольшом селении близ Джеммаля (в Сахеле), один из руководителей новодестуровской ячейки в порыве раскаяния взобрался на минарет местной мечети и с его высоты отрезался от Нового Дестура [107, 21.IV.1938].

Вся жизнь Туниса потекла под гром военных оркестров. В апреле и мае 1938 г. по улицам тунисских городов непрерывно дефилировали войска. Устраивались смотры и парады. 24 мая, во время большого торжественного парада в г. Тунисе, генерал Ано́т лично вручал боевые награды солдатам и офицерам, отличившимся в событиях 9 апреля. «Оскорбление армии» стало одним из самых тяжких преступлений, какие только могли себе представить журналисты, общественные и профсоюзные деятели.

После 9 апреля вся политическая жизнь в Тунисе полностью замерла. Были запрещены митинги, собрания и демонстрации. ТКП, СФИО и ВКТ фактически были обречены на бездействие. Их терпели, но не давали возможности работать в массах. Их газеты, как, впрочем, и все остальные газеты Туниса, выходили с большими белыми пятнами. Все корреспонденции и телеграфные сообщения тщательно просматривались цензурой. Большинство газет прекратило свое существование. Часть из них была закрыта; другие перестали выходить по собственной инициативе. Писать в Тунисе стало небезопасно, да и не о чем. Даже такая буржуазно-респектабельная газета, как «Депеш тюнизьен», опубликовала 17 апреля 1938 г. следующее заявление: «В настоящее время, когда в Тунисе ничего

нельзя писать, не прославляя правительство, мы считаем совершенно бесполезным продолжать изложение того, что мы думаем о политике, направленной на сохранение и развитие французского влияния в Тунисе» [99, 1938, № 6, стр. 252].

Анот чувствовал за собой поддержку империалистических кругов Франции. Народный фронт отошел в область истории. 10 апреля 1938 г. Эдуард Даладьё сформировал правительство национального единства, которое не имело ничего общего со своими предшественниками, кроме парламентского большинства. Альбер Сарро, получивший у Даладьё министерство внутренних дел, сохранил за собой полномочия по координации североафриканской политики. Некоторое время спустя его заменил Камил Шотан, ставший министром-координатором по делам Северной Африки. Все трое выступали за сохранение традиционных форм колониального господства и отнюдь не намеревались идти на какие-либо уступки национально-освободительному движению. В правительственной декларации Даладьё подчеркнул решимость правительства «защитить интересы Франции и целостность ее империи».

В Тунисе Даладьё оказал осторожную, но достаточно твердую поддержку начинаниям генерала Анота. Как искушенный парламентарий, он прежде всего направил в Тунис комиссию палаты депутатов. Она состояла из представителей всех фракций парламента и должна была на месте ознакомиться с «актуальными проблемами». После двухнедельного пребывания в Тунисе (15—29 апреля 1938 г.) она, как и рассчитывал Даладьё, одобрила деятельность властей. Перед отъездом она констатировала, что «в настоящее время полнейшее спокойствие царит во всем протекторате» [107, 30.IV.1938]. Ее выводы послужили для Даладьё удобным прикрытием от возможных обвинений в попустительстве нарушителям конституционной законности.

Несмотря на положительные выводы комиссии, события в Тунисе не могли не беспокоить французскую общественность. Правда, газеты и парламентарии были поглощены заботами совершенно иного порядка. Им было не до Туниса. К тому же разговоры об агентах ОВРА, об арестах итальянских фашистов и арабских националистов¹ заглушали чувство недоумения. В известной мере они служили удобным самооправданием. И тем не менее в политических кругах Франции, в частности в руководстве СФИО, росло беспокойство по поводу того, что происходит в Тунисе. «Попюлер» и «Юманите» начали обращать внимание на цензуру и другие ограничения демократических свобод.

Не желая осложнять отношения с французской обществен-

¹ 14 апреля 1938 г. в Сусе был арестован Мухаммед Бушрара — редактор и издатель «Тюнис-насьоналист».

ностью, генерал Анот решил пойти на отмену предварительной цензуры печати, тем более что это давало удовлетворение генеральному резиденту Арману Гийону и его друзьям из Народного объединения Туниса. 28 апреля 1938 г., накануне отъезда парламентской комиссии, Анот и Гийон созвали пресс-конференцию. Первым взял слово генеральный резидент. «Поскольку спокойствие полностью восстановлено,— заявил он журналистам,— я решил отменить цензуру. Но осадное положение существует, и декрет 9 апреля предоставляет военным властям возможность запрещать издания, если они сочтут, что по своему характеру эти издания нарушают общественный порядок» [99, 1938, № 6, стр. 253]. Оговорка Гийона имела весьма существенное значение. Ни о какой действительной свободе печати в условиях военной диктатуры не могло быть и речи. Цензура просто заменялась жестким самоконтролем редакции. Чтобы на этот счет не было никаких сомнений, сразу же после Гийона на пресс-конференции выступил генерал Анот. Он решил высказать прессе несколько «советов» и замечаний. В частности, он предостерег журналистов против «ошибочной и тенденциозной информации, которая появляется в иностранной печати» [там же].

Сдержанность метрополии с лихвой возмещалась горячей поддержкой, которую генерал Анот получил со стороны колониальной буржуазии Туниса. Она составляла самую последовательную и надежную опору режима военной диктатуры. Это была ее власть; о ней она мечтала в годы Народного фронта. Колонисты и французская буржуазия Туниса полностью разделяли идеи генерала Анота, его принципы и образ действия. Это они аплодировали французским войскам, маршировавшим по улицам Туниса. Это они вздохнули свободно, когда французские солдаты и полиция развернули настоящую охоту на «профессиональных злоумышленников» и «политических агитаторов».

Главным лидером и глашатаем колониальной буржуазии Туниса был Антуан Гаудиани — вице-президент Французской секции Большого совета. Его сторонники, обижавшиеся, когда их называли «фашистами», выступали под классическими лозунгами правого национализма. Они ратовали за единство и сплочение «французской колонии» в Тунисе, за образование «французского блока» в этой североафриканской стране, против разделения и классовой борьбы. Они объявили Гийона «вне закона», когда он в 1937 г. попытался упорядочить договоры о концессиях и ограничить их классовые привилегии. Они требовали полного и безусловного отказа от политики франко-тунисского сотрудничества и снисходительно похлопывали левых по плечу за ту позицию, которую они заняли во время апрельского кризиса.

Приход армии к власти, по мнению правых, имел «исцеля-

ющее действие» [43, стр. 241]. Колонисты полностью поддержали все мероприятия генерала Анота. Во французском Тунисе, говорили они, не может быть почвы для борьбы партий. Перед лицом арабской опасности все французы Туниса должны составлять единое целое и как один поддерживать генерала Анота. После 9 апреля правые старались завершить политическую изоляцию Гийона. 15 апреля 1938 г. делегация колонистов Туниса во главе с Гаудиани посетила Армана Гийона и известила его о том, что французские колонисты решили разорвать всякие отношения с генеральным резидентом [см.: 99, 1938, № 6, стр. 255—256]. Единственной властью, которую они хотели признавать, был генерал Анот, главнокомандующий стотысячной французской армией в Тунисе.

Новодестуровское подполье. Колонистская буржуазия Туниса упивалась разгромом Нового Дестура. Она была уверена, что с бургибистским национализмом было покончено навсегда. В буржуазно-колонистских кругах с оживлением дебатировали вопрос о том, какие силы будут теперь привлекать тунисский пролетариат. Кто соберет войска? Каковы дальнейшие судьбы тунисского национализма?

Среди колонистов существовало две точки зрения по этому вопросу. Пролетариат они единодушно «отдавали» ВКТ. Национально-освободительное движение, по мнению большинства, должна будет возглавлять какая-нибудь новая националистическая партия, возникшая на базе умеренных элементов Нового Дестура. В качестве возможных вождей называли доктора Матри и особенно Мухаммеда Шеника, лидера тунисской национальной буржуазии, председателя Тунисской торговой палаты. Другие полагали, что разгром Нового Дестура увеличивал шансы Старого Дестура, который, по их мнению, получил реальную возможность вновь превратиться в единый Дестур, омоложенный за счет перебежчиков из экстремистского крыла Нового Дестура [99, 1938, № 5, стр. 241].

Однако развитие событий после 9 апреля не оправдало ни одной из этих гипотез. Были, конечно, попытки создать новую националистическую партию. Активизировались лидеры Старого Дестура. Где-то за кулисами действовали Шеник, Матри и другие бывшие дестуровцы. Но никаких реальных сдвигов в расстановке политических сил в Тунисе не произошло. В июне 1938 г. Мухаммед Шеник опубликовал в газете «Пти Матэн» письмо, в котором официально опроверг слухи о том, что он якобы имел намерение образовать новую политическую партию [см.: 108, 1938, № 7, стр. 385]. Лидер тунисской буржуазии, по всей вероятности, не видел никаких реальных шансов на успех. Не было таких шансов ни у Старого Дестура, ни у созданной Шамседдином Ладжми партии «Единение и прогресс», ни у других комитетов и группировок, пытавшихся заменить Новый Дестур.

Дело в том, что апрельское поражение не привело к исчезновению Нового Дестура как важнейшего фактора тунисской политики. Партия Бургибы не прекратила своего существования. В новых условиях военно-полицейских репрессий она перестроила свою деятельность на нелегальных основах. Вместо разгромленных федераций и ячеек Новый Дестур создал хорошо законспирированную сеть подпольных организаций. Во главе ее находились Хабиб Тамер, Бахи Ладгам и Салахеддин Бушуша, которые возглавили новодестуровское «движение сопротивления» [74, стр. 46].

Руководители новодестуровского подполья, как правило, являлись ближайшими друзьями и помощниками арестованных вождей. Хабиб Тамер, молодой врач (родился в 1909 г.), который 10 апреля 1938 г. возглавил подпольное Политбюро, был двоюродным братом Монжи Слима. Так же как и Слим, он принадлежал к высшим слоям тунисского общества, являясь выходцем из семьи, связанной родственными отношениями с бейской фамилией. В противоположность ему Бахи Ладгам происходил из среды мелкой буржуазии. Он родился в 1913 г. в г. Тунисе в семье мелкого коммерсанта, который держал продовольственную лавку на Баб-Саадун. Ладгам, как и большинство лидеров Нового Дестура, учился в колледже Садыки, приобщился там к националистическому движению и в 1934 г. примкнул к Новому Дестуру. 11 мая 1938 г. при провале первого подпольного Политбюро он был арестован и просидел в тюрьме свыше трех месяцев. 30 августа 1938 г., выйдя на свободу, он снова включился в антиимпериалистическую борьбу и вплоть до своего второго ареста (18 ноября 1939 г.) являлся одной из центральных фигур новодестуровского подполья.

Время от времени подпольный центр поддерживал контакты с находящимися в тюрьме членами Политбюро Нового Дестура. С их санкции Тамер, Ладгам и Бушуша подбирали руководящие кадры для новодестуровского подполья и формировали временные руководящие органы. С апреля 1938 г. по ноябрь 1939 г. сменилось пять составов подпольного Политбюро. Каждый последующий, как правило, назначался заранее и до поры до времени не раскрывал себя. Лишь после ареста предшествующего состава он вступал в действие [72, стр. 110] и сразу же подключал к работе нераскрытую сеть подпольных организаций со своими явками, связями, нелегальными квартирами и типографиями.

Временное Политбюро координировало деятельность подпольных ячеек и боевых групп Нового Дестура. Несмотря на аресты и постоянные потери в кадрах, они насчитывали в 1939 г. около 2 тыс. активистов [там же]. Между ними поддерживалась тесная и довольно надежная связь. Политбюро имело около 40 постоянных корреспондентов в различных районах страны. Аллаль аль-Бельхауан пишет, что публикации

партии в течение одного дня распространялись по территории всего Туниса [26, стр. 51].

После 9 апреля партия Новый Дестур не имела легальных изданий. Однако многие материалы, отражавшие новодестуровскую точку зрения, время от времени появлялись в независимых националистических газетах. Многие из них закрывались, выходили под новыми названиями и вновь запрещались. Особенно широко Новый Дестур использовал газету «Тунис», частично — газету «Ан-Нахда». Непосредственно от своего имени Новый Дестур выпускал листовки. Они расклеивались на стенах, распространялись из-под полы, опускались в почтовые ящики.

Основные темы новодестуровской пропаганды не претерпели существенных изменений. Листовки призывали народ поддерживать апрельские лозунги партии: национальное правительство, тунисский парламент, всеобщее избирательное право [см.: 99, 1938, № 6, стр. 254]. Требования Нового Дестура по-прежнему не выходили за рамки политической автономии и майской Декларации 1933 г. Единственным новым лозунгом, появившимся после 9 апреля, было требование об освобождении политических заключенных, прежде всего Хабиба Бургибы, который почти повсеместно именовался не иначе как «муджахид аль-акбар» (верховный борец).

Довольно значительное место в новодестуровском движении 1938—1939 гг. занимали акты саботажа. Они имели в основном политическое значение и должны были привлекать внимание общественности. Акты саботажа начались сразу же после введения осадного положения. С некоторыми периодами спада они фактически не прекращались на протяжении всего предвоенного периода. Они выражались в повреждении железнодорожных путей, линий связи (прежде всего в спиливании телеграфных столбов), а также в эпизодических нападениях на французских военнослужащих. Чаще всего страдали часовые и солдаты, несшие патрульную службу. В них стреляли из револьверов, а то и просто забрасывали камнями.

Время от времени Новый Дестур устраивал открытые антифранцузские выступления. Они имели характер политического вызова и нервировали власти, создавая обстановку постоянного напряжения. Различного рода «мятежными выкриками» новодестуровцы «омрачали» или даже срывали различного рода официальные церемонии. 10 мая 1938 г. бей был вынужден отменить традиционное посещение медины по случаю религиозного праздника «мулуд». 19 июня в Корбусе власти подверглись «устным оскорблениям». 29 июня 1938 г., во время проезда генерального резидента через Ксар-Хеллал, раздались крики: «Да здравствует Бургиба! Долой Францию! Да здравствует Дестур!» [там же, № 8—9, стр. 324]. Значительно меньший успех имели забастовки, митинги и демонст-

рации, которые немедленно и беспощадно подавлялись властями. Тем не менее тунисские газеты время от времени фиксировали попытки Нового Дестура вызвать волнения и беспорядки. «Покушение на свободу труда» являлось одним из наиболее распространенных обвинений, выдвигавшихся против новодестуровских активистов.

Враждебные выступления, систематическая антифранцузская пропаганда и отдельные акты саботажа со всей очевидностью показали ошибочность расчетов генерала Анота. Он совершенно не принимал во внимание сдвиги в общественном сознании тунисцев и, естественно, не мог добиться успеха. С каждым днем становилось яснее, что он одержал пиррову победу. Армия успешно расправилась с националистами. Но она была не в состоянии изменить настроения в стране и заставить Тунис отказаться от тех идеалов, за которые он боролся в период Народного фронта. Буржуазно-колониетские круги с тревогой отмечали, что разрядка была «неполной» [43, стр. 241].

Оппозиция социалистов и коммунистов. Срыв нормализации поставил перед французской общественностью и колониальными властями довольно деликатную проблему дальнейшего выбора пути. Положение осложнялось вследствие разногласий, существовавших по этому вопросу между различными группами французского населения. Несовпадение интересов между колониетской буржуазией и европейскими трудящимися Туниса было слишком велико, чтобы надолго поддерживать иллюзию о единстве «французского блока». После победы правых социалисты возобновили борьбу на два фронта и волей-неволей пришли к убеждению, что 9 апреля они допустили серьезный промах. Победа над «национализмом» досталась им слишком дорогой ценой — утратой власти и демократических завоеваний 1936 г. Они поняли, что режим военной диктатуры направлен не только против новодестуровского движения, но и против политики Народного фронта.

В апрельские дни 1938 г. Тунисская федерация СФИО потеряла все свое влияние в Тунисе. Вследствие развала Народного фронта она перестала также быть арбитром и «вождем» тунисского демократического движения. Наконец, с приходом к власти генерала Анота она утратила значение правительственной партии. 9 апреля ее без сознания вынесли из резидентского дворца. Очнувшись на улице, Тунисская федерация СФИО предприняла отчаянные усилия, чтобы вернуть утраченные позиции.

Сигнал был подан из Парижа. Резолюция Тунисской федерации СФИО от 12 апреля 1938 г. произвела здесь неблагоприятное впечатление. Парижское руководство социалистов выразило глубокое сожаление, что вследствие военной цензуры оно с запозданием получило текст резолюции и не смогло

вовремя исправить положение [99, 1938, № 6, стр. 252]. На лидеров Тунисской федерации посыпались обвинения в забвении основных принципов демократического социализма. К тому же позиция федерального руководства вызывала серьезное недовольство среди рядовых социалистов Туниса, особенно тех, которые были связаны с пивертистскими кругами и рабочими-мусульманами, примыкавшими к ВКТ.

Под давлением сверху, со стороны парижских инстанций, и снизу Тунисская федерация СФИО пересмотрела свою политическую платформу. От поддержки «героев» 9 апреля она перешла к осуждению главарей военной диктатуры. Изменилось и отношение к партии Новый Дестур. 20 апреля 1938 г. в «Тюнис-сосиалист» появилась статья госпожи Биджауи, свидетельствующая о перемене настроений в Тунисской федерации СФИО. Исчезли утверждения о фашистских связях Нового Дестура; появились нотки раскаяния и самооправдания.

«В той мере,— писала Биджауи,— в какой дестуровские вожди представляют для нас один из аспектов тунисской мысли, мы не можем не считаться с ними... Нет ничего преступного в том, чтобы желать независимости своей родины. Виновность начинается только с того момента, когда для достижения идеала обращаются к преступным средствам... Мы отделились от них в тот день, когда у нас сложилось убеждение, что для дестуровских вождей куда менее важно построить общество, где к труду не будут относиться как к бедному родственнику, чем отнять прибыли у элементов, которые не являются автохтонами». И в заключение Биджауи заявляла, что «наш окончательный разрыв с Дестуром» начался с того дня, когда он стал поддерживать развитие ТВКТ и тем самым «ослабил борьбу рабочего класса за свои права» [там же, стр. 256].

С оправданием семейной ссоры, которая привела к апрельской трагедии 1938 г., выступали и другие вожди Тунисской федерации СФИО. Всеми силами они старались убедить французскую общественность, что у них не было другого выхода. В частности, в газете «Пёплъ» 15 и 16 мая 1938 г. появились две статьи Альбера Бузанке: «Почему объединение профсоюзов Туниса осудило деятельность Нового Дестура?» и «Новый Дестур и рабочий класс в Тунисе». Всячески оправдывая позицию Департаментского объединения ВКТ, Бузанке не постеснялся заявить, что «удивление наших товарищей несомненно имеет своей причиной их неосведомленность в тунисском вопросе» [там же].

После 9 апреля Тунисская федерация СФИО попыталась наметить новый политический курс. Серьезные изменения произошли в руководстве. Вместо Коэн-Хадрии федеральным секретарем СФИО стал Ладель. Изменился тон и характер социалистической печати, в частности газеты «Тюнис-сосиалист».

Из официоза правительства она снова превратилась в орган оппозиции.

Главным объектом критики социалистов стал режим военной диктатуры. СФИО требовала отменить осадное положение, ликвидировать цензуру и другие ограничения демократических свобод. Она выступала против узурпации власти группой генералов и требовала немедленно восстановить конституционные права граждан. Одним словом, она хотела вернуться к положению, существовавшему до 9 апреля 1938 г., однако с той существенной разницей, что ей не хотелось восстанавливать Новый Дестур. Послеапрельская оппозиция СФИО никогда не заходила так далеко, чтобы требовать отмены санкций в отношении национально-освободительного движения. В парижских инстанциях и на съезде СФИО в июне 1938 г. Дюран-Анльвивель вновь обратился к теме о подрывной работе фашистской агентуры. Правда, в отличие от резолюции 12 апреля теперь социалисты предпочитали говорить не о сговоре Нового Дестура с итальянским фашизмом, а об объективном совпадении интересов внутренних и внешних врагов Франции. «Те, кто руководят ею (деятельностью, противоречащей интересам Франции.— *Н. И.*),— писал в начале августа 1938 г. Ладель,— заслуживают всяческих похвал от Гитлера и Муссолини» [там же, № 8—9, стр. 325].

В мае — июне 1938 г. Тунисская федерация СФИО развернула настоящую кампанию против внешнего и внутреннего фашизма. Причем под внутренними фашистами она понимала не только сторонников Дорио, но и колонистские круги, которые поддерживали генерала Анота и искали спасения от арабской опасности на путях военной диктатуры. Колонисты Туниса, заметил Ш.-А. Жюльен, хотя и заявляли о себе как о непримиримых противниках Италии, тем не менее выражали такое восхищение методами дуче, которое давало понять, что в случае несостоятельности французской власти они были бы не прочь найти компенсацию на Апеннинском полуострове [63, стр. 92—93]. Эти настроения, разумеется, не составляли секрета для французских демократов в Тунисе, которые не питали никакого доверия к подлинным целям и намерениям генерала Анота.

Антиправительственная кампания социалистов получила поддержку со стороны Тунисской коммунистической партии, Департаментского объединения ВКТ и других демократических организаций. Все они выступали «против махинаций внутреннего и внешнего фашизма» [107, 1.VI.1938].

Коммунисты склонялись к тому, чтобы рассматривать апрельские события главным образом как результат «объединенных усилий реакционной администрации (находящейся на службе у крупной колонизации) и итальянского фашизма». Диктатуру Анота, прикрытую декретами о введении осадного

положения, они квалифицировали как «действие фашизма», которое не имело ничего общего с защитой интересов демократии. Тунисские коммунисты неизменно выступали за то, чтобы решительно и безжалостно пресекать любые вылазки фашистской агентуры. Однако они были против смешения в одну кучу фашизма и национально-освободительного движения Северной Африки. Коммунисты самым решительным образом возражали против того, чтобы под прикрытием разговоров о борьбе с фашизмом осуществлялась расправа над магрибинским национализмом. Еще осенью 1937 г. Габриэль Пери предупреждал руководителей французского правительства: «Пресекайте антифранцузские вылазки международного фашизма, но, господа из правительства, не ошибитесь адресом» [107, 10.XI.1937].

К сожалению, произошло худшее. Репрессии обрушились не на фашистов, а на тунисское национально-освободительное движение. Когда истина стала проясняться, тунисские коммунисты выступили с решительным осуждением колониального империалистического террора. Они считали, что нельзя решить тунисскую проблему, нельзя восстановить спокойствие в умах, «заимствуя фашистские методы», производя массовые аресты и вынося ничем не оправданные суровые приговоры. «Подлинный мир,— говорили коммунисты,— не будет восстановлен, пока будут прибегать к неоправданной жестокости в отношении жителей городов, находящихся на осадном положении, где грубо и беззастенчиво обыскивают прохожих, доходя даже до того, что позволяют издеваться над женщинами, бить прикладами стариков, бранить и высмеивать служителей культа» [107, 1.VI.1938]. Коммунистическая печать с негодованием осуждала бессмысленную жестокость карателей. В Громбалии, писала «Юманите», публично пороли новодестуровцев. В Ариане и Хаммам-Лифе их заставляли на виду у публики жечь партийную документацию, убранство ячеек и другой новодестуровский реквизит. «Эта политика,— подчеркивали коммунисты,— которая служит врагам Франции, на какое-то время может заставить замолчать Тунис, но она вселяет в сердце этой страны ненависть к Франции» [там же].

Коммунистическая партия требовала отменить осадное положение и восстановить в Тунисе демократические свободы. «Репрессивные меры,— писала „Юманите“,— принятые военными властями против ВКТ, Коммунистической партии и Социалистической партии, запрещение созывать общие собрания также не служат интересам французской демократии» [там же]. Коммунисты требовали немедленно восстановить полную свободу деятельности этих демократических организаций.

Коммунисты Франции и Туниса считали, что фашистские методы генерала Анота дискредитировали Францию в глазах мусульманских масс. Они требовали покончить с политикой

репрессий и обратиться «к смелой политике социального прогресса и свободы, которая сделает из тунисского народа союзника французского народа в их общей борьбе в защиту демократии и мира» [там же].

Разоблачения коммунистической и социалистической печати вызывали крайнее раздражение среди французских колонистов. Они развернули кампанию травли против антифашистского и рабочего движения. Особую ненависть в армейских кругах вызывали выступления прогрессивной печати. Ее отношения с военной властью были накалены до предела и в конце концов привели к открытому конфликту. 10 июня 1938 г. «Тюнис-социалист» сообщала, что по обвинению в «оскорблении армии» были арестованы и брошены в тюрьму Шадли Раим — секретарь Объединения профсоюзов Беджи и Армандо Робердэ — редактор «Тюнис-социалист». 15 июня 1938 г. генерал Анот вообще закрыл газету «Тюнис-социалист» [см.: 99, 1938, № 6, стр. 256].

Расправа армии с социалистической печатью выявила слабость антифашистского движения в Тунисе, не сумевшего обеспечить себе поддержку мусульманских масс. Ослабили позиции демократических партий и организаций. Делегация Регионального комитета Народного объединения Туниса посетила с очередным протестом генерального резидента. Однако Гийон, превратившийся в чисто декоративную фигуру, как и следовало ожидать, не смог добиться ни освобождения Шадли Раима, ни разрешения на выход «Тюнис-социалист». Обращение к массам в условиях осадного положения вряд ли было возможно. Оставалось одно — обратиться за помощью в Париж. И оттуда пришла единственная поддержка, которая помогла Тунисской федерации СФИО и ее друзьям продолжать борьбу с армией. 17 июня 1938 г. руководство французской социалистической партии СФИО в самых решительных тонах потребовало восстановить в Тунисе «конституционный порядок» и развернуло энергичную кампанию против произвола военщины в Тунисе.

Июньские декреты 1938 г. На первых порах демократическая общественность Франции и Туниса рассчитывала на генерального резидента Армана Гийона. Она видела в нем гаранта либеральной политики Франции. Большинство французов, видимо, не подозревало, что после 9 апреля он не имел реальной власти в стране и что политика, которую он лицедействовал, давно уже была отброшена прочь. В связи с этим любопытно отметить, что тунисская общественность, по словам Ш.-А. Жюльена, лишь в июне 1938 г. поняла, что либеральная политика Народного фронта была дезавуирована [63, стр. 91].

На самом деле политика Народного фронта была дезавуирована значительно раньше. 9 апреля с нею было покончено самым откровенным образом. Камуфляж с Гийоном никого не

обманывал, разве что его друзей и сторонников. Реально Гийон был посредником между армией и правительством метрополии. Вполне возможно, что он рассматривал полномочия Анота как явление временного порядка и по мере сил старался возродить формулу либерального правления. «С чистосердечностью и простотой, которые не исключали упорства,— пишет Гарас,— он продолжал политику примирения, которая, опираясь на смелые реформы, имела бы все шансы на успех» [54, стр. 132]. Он спас жизнь Хабибу Бургибе, добился отмены предварительной цензуры печати и после 9 апреля не скрывал, что не намерен отказываться от либеральной политики. Всю первую половину мая 1938 г. он провел в Париже, добиваясь согласия правительства на проведение социально-экономических и административных реформ в Тунисе.

Армия и колонисты всячески препятствовали планам Гийона. Они считали либеральную политику главным злом, которое привело к апрельским событиям 1938 г. Они стояли за легализацию военной диктатуры. Их идеалом по-прежнему являлся железный проконсул, обладавший всей полнотой власти в стране. Даладье, по горло занятый европейскими проблемами, не хотел усложнять своего положения. «К тому же,— замечает Гарас,— правительства во Франции решаются на что-либо лишь под давлением событий» [там же]. В Тунисе в этом плане был восстановлен полный «порядок», и Даладье не видел никаких оснований спешить. Короче говоря, он отказался от какого-либо радикального решения тунисского вопроса, надеясь постепенно вернуться к *status quo ante*, к колониальной рутине Третей республики.

Первым шагом на этом пути явились июньские декреты 1938 г. В условиях осадного положения они ограничивали произвол военных властей и давали частичные конституционные гарантии. С юридической точки зрения они являлись возвращением к положению, которое существовало до 1936 г. Декреты 28 июня 1938 г. о печати, ассоциациях, собраниях и уличных шествиях были призваны заменить августовские декреты 1936 г. и вновь ограничивали общественные свободы. Для создания политических партий и группировок, для издания газет, организации митингов и собраний вновь требовалось предварительное разрешение властей. Декрет 28 июня 1938 г. о печати вновь давал правительству право в административном порядке закрывать любую газету, виновную «в оскорблении государя... в выступлениях против прав и власти Французской республики» [20, стр. 230]. Право на организацию митингов, собраний и демонстраций предоставлялось только легально существующим ассоциациям, обязанным соблюдать целый ряд формальностей. Создание ассоциаций было обусловлено их лояльным отношением к Франции. В соответствии с декретом 28 июня 1938 г. все политические партии и группировки

обязывались уважать договоры о протекторате, а также права и полномочия покровительствующей державы. По сравнению с 1936 г. значительно увеличивались наказания за нарушение закона, так же как и число случаев, когда правительство имело право прибегать к различного рода санкциям.

Июньские декреты 1938 г. не устраивали ни социалистов, ни сторонников Гаудиани. Колонисты были недовольны тем, что июньские декреты ограничивали власть армии и фактически закрывали путь к легализации военной диктатуры. Они выражали удовлетворение ограничениями демократических свобод, но считали их совершенно недостаточными. По их мнению, было бы куда предпочтительнее запретить всякую политическую деятельность в Тунисе, по крайней мере не разрешать никаких митингов и собраний политического характера [43, стр. 241]. Социалисты же были недовольны тем, что июньские декреты ограничивали демократические свободы. Они рассматривали их как реванш крупной колонизации. Тунисская федерация СФИО выступала за скорейшую отмену осадного положения и дальнейшую либерализацию общественно-политической жизни. По ее мнению, декреты 28 июня 1938 г. ущемляли неотъемлемые права граждан, особенно арабского населения.

Ключом ко всему июньскому законодательству 1938 г., раскрывающему всю его колониалистскую антидемократическую сущность, является статья 2 декрета об ассоциациях. «Уставы организаций, имеющих политические цели,—говорилось в ней,—должны содержать статью, заявляющую, что они обязуются уважать договоры о протекторате, права его высочества государя и права покровительствующей державы» [108, 1939, № 1, стр. 72]. В соответствии с декретом все существующие партии и группировки должны были в течение месяца внести в свои уставы соответствующую статью. В противном случае они не получали визы генерального секретаря тунисского правительства и лишались права на легальное существование, а их руководители подлежали аресту или высылке из Туниса.

По сути дела декрет об ассоциациях объявлял тунисский национализм вне закона. Все политические партии и группировки, выступавшие за ликвидацию колониального режима протектората, выносились за рамки легально функционирующей системы. В соответствии с июньскими декретами демократия восстанавливалась только для ограниченного числа французских граждан. Патриотически настроенные тунисцы лишались каких бы то ни было политических прав. Их уделом было либо политическое офранцузивание, либо гражданское неполноправие.

Декреты 28 июня 1938 г. об общественных свободах свидетельствовали о решимости французского правительства не идти ни на какие политические уступки тунисскому национа-

лизму. Единственной областью, где оно выражало готовность пойти навстречу требованиям страны, была сфера религиозной и культурной жизни. После 9 апреля французское правительство подготовило серию мероприятий, в значительной мере учитывающих программу улемов-реформаторов. Возможно, что таким путем оно надеялось отвлечь массы от борьбы за политическую автономию. Как бы там ни было, Франция допустила крупный просчет, явно переоценив значение ислама в общественно-политической жизни Туниса.

Вопрос о коранических школах и хабусных имуществах не имел здесь такого значения, как, например, в Алжире, и, естественно, не мог переключить на себя внимание общественности. Вследствие этого демократическая демагогия на религиозных чувствах мусульман явно не увенчалась успехом. Декрет 28 июня 1938 г. о создании социально-экономического совета, призванного, по словам Ш.-А. Жюльена, облегчить франко-тунисское сотрудничество, а также декреты о коранических школах и управлении частными хабусами, как отмечает тот же Ш.-А. Жюльен, оставили тунисскую общественность совершенно индифферентной [63, стр. 91].

В отличие от мусульман европейская общественность Туниса в большинстве своем поддержала принцип незыблемости протектората, лежавший в основе июньского законодательства 1938 г. Она охотно допускала необходимость уважать социальные, культурные и религиозные права местного населения при сохранении руководящей роли за европейцами. Если не считать националистов, то все существовавшие тогда политические партии Туниса заявили о своей верности Франции. Почти все они согласились изменить свои уставы в соответствии со ст. 2 декрета об ассоциациях 28 июня 1938 г. Они обязались уважать договор о протекторате и не предпринимать ничего, что могло бы нанести ущерб покровительствующей державе.

Единственным исключением была Тунисская федерация СФИО. Она открыто заявила о своем неподчинении «окаянным» декретам 28 июня 1938 г. Ее лидеры — Ладель и Дюран-Анльивьель — объявили, что СФИО скорее предпочтет прекратить свою деятельность в Тунисе, чем дополнять свой устав положениями, находящимися в противоречии с ее основными принципами. Тунисская федерация СФИО, заявили они, выступает против «всякой колониальной и империалистической политики», признает за Тунисом право на самоопределение и вследствие этого не может включить в свой устав обязательство об уважении протектората [108, 1939, № 1, стр. 72].

Отмена осадного положения. Осуждение июньских декретов 1938 г. привело к открытому конфликту между СФИО и генеральным резидентом Арманом Гийоном. 2 июля 1938 г., на следующий день после опубликования декретов об ограни-

чении общественных свобод, делегация СФИО посетила генерального резидента и заявила ему решительный протест. «Пока будет продолжаться осадное положение, мы не вернемся в резиденцию»,— заявили лидеры Тунисской федерации СФИО [99, 1938, № 8—9, стр. 326].

После разрыва с Гийоном они усилили антиправительственную кампанию. Ни закрытие «Тюнис-социалист», ни враждебные выпады сторонников сильной власти не поколебали их решимости. 21 июня 1938 г. вместо «Тюнис-социалист» они начали издавать газету «Тюнизи увриер», которая как две капли воды была похожа на свою предшественницу. В метрополии СФИО ввела в действие свои главные силы. В середине июля 1938 г. в «Попюлер» появилась серия статей Леона Блюма о «тунисских делах». «Не выбирайте генерала...— писал Блюм 17 июля.— Не надо посылать в Тунис военного вождя» [там же, № 7, стр. 290].

Под нажимом слева Даладье был вынужден уступить. После выступления Блюма он дезавуировал действия генерала Анота. 22 июля 1938 г. власти отменили санкции в отношении Шадли Раима и дали разрешение на выход «Тюнис-социалист». Наконец, 13 августа 1938 г. по указанию Даладье генеральная резиденция приняла решение об отмене осадного положения.

Чрезвычайные меры отменялись с 16 августа 1938 г. Хотя армия сохранила целый ряд охранно-полицейских функций, декрет 13 августа 1938 г. фактически привел к ликвидации режима военной диктатуры. Генерал Ано́т был лишен особых полномочий, позволявших ему безраздельно властвовать в Тунисе. Приоритет вновь перешел к гражданским властям. «С отменой осадного положения,— заявил Гийон на пресс-конференции 13 августа 1938 г.,— мы возвращаемся к обычным формам дружественного и доверительного сотрудничества, которое всегда существовало между гражданской властью и военным командованием. Гражданская власть возобновит осуществление прав, которые она уступила несколько месяцев назад...» [там же, № 8—9, стр. 326].

Следует подчеркнуть, что отмена осадного положения отнюдь не смягчила отношений между националистами и правительством протектората и ее ни в коем случае нельзя рассматривать как «уступку» национально-освободительному движению. Ни в августе 1938 г., ни в последующее время не было объявлено ни об амнистии политических заключенных, ни о прекращении преследований за участие в антиимпериалистических выступлениях. Более того, в соответствии с декретом от 13 августа 1938 г. в Тунисе сохранялись военные трибуналы. Как и прежде, они рассматривали дела об антифранцузской деятельности.

Колонисты Туниса не могли жаловаться на Даладье как

на разрушителя империи. Их беспокоило другое: его заурядность, его неспособность противостоять настроениям «общественности» и то, что он легко отказался от поддержки генерала Анота. Крайне правые были недовольны отменой осадного положения. Они боялись, что из-за опрометчивой позиции метрополии они потеряли еще один шанс пересмотреть сложившуюся систему управления и установить в Тунисе колониально-диктаторский режим сильной власти.

С отменой осадного положения борьба между социалистами и сторонниками сильной власти не прекратилась. Буржуазно-колониалистские круги были недовольны позицией Тунисской федерации СФИО, выразившей неудовлетворение половинчатыми мерами властей. Социалисты требовали не только ликвидации полномочий генерала Анота, но и отмены июньских декретов 1938 г. «Сегодня осадное положение отменено,— писала 18 августа 1938 г. газета „Тюнис-социалист“.— Но применение декрета 28 июня об ассоциациях не дает нам возможности вернуться в генеральную резиденцию...». Тунисская федерация СФИО решила остаться в оппозиции. «Военное осадное положение отменено, гражданское осадное положение остается»,— заявила «Тюнис-социалист» [там же].

Оппозиционная запальчивость СФИО вызывала ярость ревнителей сильной власти. Они не могли простить социалистам их нападок на армию. Явно не без ведома генерала Анота военные власти возобновили судебное преследование против активистов СФИО. 14 октября 1938 г. военный трибунал г. Туниса приговорил Шадли Раима к шести месяцам тюремного заключения. Редактор «Тюнис-социалист» Армандо Робердэ был приговорен к одному году тюремного заключения и 3 тыс. фр. штрафа за «оскорбление армии» [108, 1939, № 1, стр. 72].

Борьба между армией и СФИО вызывала раздражение в Париже. Даладье, видимо, твердо решил ничего не делать. Его не устраивали ни либерально-примиренческие жесты Тунисской федерации СФИО, ни диктаторские замашки генерала Анота. Он хотел как можно скорее вернуться к нормальному положению. Он не замечал, а возможно, и не хотел замечать никаких кризисных явлений в системе протектората. Ему хотелось все оставить по-старому. Ему были чужды и действия генерала Анота, паниковавшего перед «арабской опасностью», и либеральные намерения Армана Гийона, ставшего явным анахронизмом. Их дальнейшее пребывание в Тунисе, по мнению французского правительства, вносило элемент беспокойства, и при первой возможности Даладье постарался заменить их людьми, не обремененными грузом прошлого.

Смена власти в Тунисе произошла без каких-либо драматических эффектов. 18 октября 1938 г. Арман Гийон отправился в очередной вояж во Францию. По прибытии в Париж

22 октября он был уведомлен об освобождении от поста генерального резидента Франции в Тунисе. 16 ноября 1938 г. он был назначен государственным советником. Одновременно произошли изменения в высшем военном командовании в Тунисе. Наиболее активные вдохновители режима военной диктатуры покинули страну. 21 октября 1938 г. генерал Шарль Анот получил назначение во Второй отдел генерального штаба; генерал Абади, командовавший войсками в Сахеле, был отчислен в запас.

Эрик Лабонн. Новым генеральным резидентом Франции в Тунисе Даладье назначил Эрика Лабонна. Это был профессиональный дипломат с опытом колониальной службы. В течение четырех лет он был генеральным секретарем марокканского правительства, затем послом Франции в республиканской Испании. «Высокого роста, сухой, с костистым лицом, которое оживлялось улыбкой,— пишет о нем Ш.-А. Жюльен,— он носил гигантские прямые воротнички и облакал свои длинные конечности в темные ткани. Хотя он принадлежал к карьерным дипломатам, он не был ни консерватором, ни приспособленцем, ни светским человеком и уделял больше времени беседам со специалистами, чем коктейлю. Самостоятельно мыслящий, он без жалости судил о людях и вещах и не боялся это высказывать» [63, стр. 92]. Он прибыл в Тунис 22 ноября 1938 г. и сразу же показал себя как аутентичный представитель правительства Даладье. Его не волновали проблемы тунисского национализма. Всем своим поведением он как бы говорил, что приехал управлять тем Тунисом, который существовал на протяжении многих десятилетий Третьей республики.

Прибытие Лабонна ожидалось в Тунисе с большим нетерпением. Все понимали, что периоду экспериментирования пришел конец. Но каков будет новый курс тунисского правительства? Принесет ли он разрядку и успокоение умов? Националисты были более чем обеспокоены, так как пребывание Гийона на посту генерального резидента давало им надежду, что с репрессиями будет постепенно покончено. Колонисты в большинстве своем полагали, что новый генеральный резидент, как писала газета «Депеш тюнизьен», «покажет лентяям и нарушителям, где раки зимуют» [99, 1939, № 1, стр. 23]. Более умеренные надеялись, что «он покажет здоровым элементам путь к обновлению Туниса и к его процветанию» [там же].

Эрик Лабонн оставил без ответа все эти прогнозы тунисской общественности. В программной речи 28 ноября 1938 г. на открытии очередной сессии Большого совета он ограничился заявлением о незыблемости протектората и всего существующего порядка. «Мы отнюдь не намерены,— подчеркнул он,— отречься от того достояния, которое завоевали наши отцы...» [там же, стр. 24]. В качестве девиза своего правления

он провозгласил: «Порядок, сплоченность и производительность».

Основные усилия Лабонн направил на подготовку Туниса к военным действиям. Он считал войну близкой и совершенно неизбежной. Он полагал, что она будет иметь затяжной характер и приведет к почти полному прекращению связей с метрополией. В связи с этим он считал своим долгом подготовить Тунис к длительной экономической блокаде. Эрик Лабонн был убежден в богатствах тунисских недр и считал, что в случае войны Тунис сможет обеспечить себя всем необходимым. По его указанию в стране развернулись широкие геологоразведочные работы. В 1939 г. благодаря его личной инициативе было создано государственно-частное Общество горных разведок и разработок Туниса (СОРЕМИТ), которое возобновило добычу лигнитов на полуострове мыса Бон и в годы войны сумело обеспечить топливом Ла-Гулетскую электростанцию, тунисский железнодорожный транспорт и большинство промышленных предприятий.

Большое внимание Лабонн уделял вопросам обороны. Французские военные рассматривали Тунис как один из важнейших и наиболее угрожаемых стратегических плацдармов. Они считали, что он будет играть первостепенную роль в предстоящей войне с Италией. 29 октября 1938 г. в Тунис прибыли генерал Гамелен — начальник генерального штаба французской армии и вице-адмирал Дарлан. Они инспектировали французские войска в Тунисе и подхлестнули ход военных приготовлений. По всей стране приводились в порядок дороги, аэродромы, военные базы. Совершенно особое значение придавалось строительству линии Марета — этому своего рода тунисскому варианту знаменитой линии Мажино. Она находилась примерно в 35 км к юго-востоку от Габеса и должна была защитить Тунис от вторжения итальянских войск из Ливии. Строительные работы на линии Марета начались в конце 1936 г. и завершились в 1939 г. созданием сплошной полосы укреплений, шедших от Средиземного моря до подножия горной цепи Ксур в районе Матматы.

Эрик Лабонн с головой ушел в военные и хозяйственные вопросы и делал вид, что для него не существует никаких других проблем. Он упорно не замечал ни требований Нового Дестура, ни политической апатии мусульманских масс, которая в преддверии военного конфликта не предвещала ничего хорошего для Франции. То ли по собственному убеждению, то ли в соответствии с твердыми инструкциями правительства, но он с невозмутимым хладнокровием гнал от себя любую мысль о диалоге с Новым Дестуром, который преследовал его буквально с первых шагов по тунисской земле.

22 ноября 1938 г., сразу же по прибытии, как только Лабонн появился в салоне для приема почетных гостей, разда-

лись крики: «Да здравствует Бургиба! Да здравствует Дестур! Долой привилегии!». Это небольшая группа тунисских женщин (около семи человек), среди которых была племянница Хабиба Бургибы, проникли в порт и на виду у представителей печати и властей устроили небольшую новодестуровскую демонстрацию. При проезде резидентского кортежа по улицам Туниса разрозненные группы молодежи размахивали тунисскими флагами и скандировали те же самые лозунги. Одновременно в городе было распространено большое количество листовок, подписанных «V политбюро» [там же, стр. 24].

Полиция произвела целый ряд арестов. 15 декабря 1938 г. за участие в ноябрьской демонстрации трое молодых тунисцев были приговорены к одному-трем месяцам тюрьмы. Остальные, в том числе женщины, устроившие демонстрацию в тунисском порту, после допросов были освобождены [108, 1939, № 1, стр. 71].

Лабонн игнорировал требования новодестуровского подполья, так же как и намеки арабской подцензурной печати. Он старался не создавать проблемы там, где, по его мнению, ее не должно было существовать. Представители тунисской буржуазии с должным благоразумием относились к политике Лабонна и не докучали ему требованиями националистического порядка. Декабрьская сессия (28 ноября — 29 декабря 1938 г.) Большого совета утвердила бюджет, представленный правительством протектората. Делегация Большого совета во главе с Тахаром бен Аммаром, прибывшая в Париж в конце декабря 1938 г., ограничилась постановкой вопросов о бюджете и о тяжести налогового бремени. Старый Дестур воспрял и начал было издавать газету «Аль-Ирада». Новый Дестур продолжал кампанию за освобождение Бургибы, время от времени давая о себе знать листовками и отдельными актами саботажа. Производились аресты. Суровых приговоров, как правило, не было. Эрик Лабонн старался не раздражать общественное мнение и не привлекать его внимание к новодестуровскому подполью. Неосторожные националистические газеты немедленно закрывались. Однако в стране не было ни массовых арестов, ни новых ограничительных мер. Политические заключенные в безвестности отбывали свои сроки. Многие из них сидели без суда и даже без надежды на скорое разбирательство. Процесс 19 руководителей Нового Дестура откладывался все дальше и дальше. Следствие по их делу продвигалось медленно и едва было завершено к августу 1939 г.

В противовес национальным проблемам Лабонн всячески выдвигал вопросы внешней политики. Растущая агрессивность фашистской Италии все больше тревожила тунисскую общественность и позволяла резиденции переключить ее внимание с внутренних вопросов на международную обстановку, складывавшуюся вокруг Туниса.

Аннексионистские притязания Италии. 30 сентября 1938 г. Даладье подписал Мюнхенское соглашение. «Я испытываю,— писал Блум,— двойственное чувство трусливого облегчения и стыда!» [цит. по: 22, стр. 432]. Нечто подобное переживали и многие другие представители демократической общественности Франции и Туниса. Однако большинство тунисского населения, по словам Ш.-А. Жюльена, восприняло Мюнхен с чувством подлинного облегчения [63, стр. 91]. Непосредственная угроза войны отпала. На самом деле положение было не столь ободряющим. Капитуляция Даладье показала, что Франция была неспособна, как пишет Табуи, «вести и выиграть» войну [22, стр. 432].

Это имело самые роковые последствия. Успех политики блефа вскружил голову фашистским диктаторам. Они усилили шантаж против «загнивших» западных демократий. Сразу же после мюнхенского соглашения они предъявили целый ряд новых территориальных требований. Не успели погаснуть улыбки на лицах «миротворцев», как гитлеровские и муссолиниевские агенты заговорили о необходимости «исправить положение в Тунисе» [10, стр. 650]. В октябре 1938 г. итальянская печать вновь начала писать о дискриминации 130 тыс. тунисских итальянцев (включая так называемых «насильно натурализованных»), об исторической роли и цивилизаторской работе Италии в Тунисе, которая якобы давала ей право на обладание этой территорией. Фашистская пропаганда развернула энергичную критику итало-французского Римского договора 7 января 1935 г. об урегулировании интересов в Африке.

Римский договор 1935 г., подписанный Лавалем и Муссолини, на некоторое время сгладил франко-итальянские противоречия из-за Туниса. Лаваль, стремившийся к далеко идущему соглашению с фашистской Италией, пытался за счет Эфиопии гарантировать права Франции в Тунисе. В ст. 1 договора говорилось, что положение и права итальянцев в Тунисе будут регулироваться специальной конвенцией. В приложенном к договору специальном протоколе по Тунису было выражено согласие сторон сохранить в силе до 28 марта 1945 г. особый режим экстерриториальности, которым пользовались в Тунисе итальянские граждане на основе конвенций 1896 г. [см. выше, стр. 95—96]. Затем должен был наступить 20-летний период постепенной ликвидации итальянских привилегий. Муссолини согласился на переход итальянцев, которые появятся на свет в Тунисе после 28 марта 1945 г., во французское гражданство, а также на упразднение после 1955 г. итальянских государственных школ в Тунисе.

Римский договор 1935 г. был нужен Муссолини, чтобы получить свободу рук в Эфиопии. После аннексии этого средневекового христианского государства он исчерпал выго-

ды соглашения с Лавалем. Римский договор утратил для него всякую привлекательность. Более того, он начал стеснять непомерно разросшиеся амбиции тщеславного дуче. После Мюнхена Италия всеми силами пыталась поставить вопрос о Тунисе на повестку дня международной политики. «Мюнхенский метод может и должен быть вновь применен с не меньшим успехом,— заявляла итальянская печать,— чтобы разрешить одну за другой все оставшиеся неразрешенными проблемы» [10, стр. 654].

В подражание Генлейну итало-фашистская агентура в Тунисе развернула бурную кампанию в поддержку аннексионистских притязаний Италии. 11 октября 1938 г. газета «Унионе» начала публикацию статей о нарушении Францией Римского договора 1935 г. Фашистская газета писала, что итальянские трудящиеся в Тунисе не имели права создавать собственные профсоюзы, что в отношении итальянцев проводилась дискриминация при приеме на работу и при оплате труда, что итальянские граждане не имели своего представительства в муниципалитетах и т. д. С самым грозным видом газета протестовала против того, что французские власти издавали декреты, постановления и циркуляры относительно итальянцев, проживавших в Тунисе, без ведома итальянских властей. Ссылаясь на неравноправные договоры, которые в начале XIX в. были заключены между Тунисом и итальянскими государствами (Тоскана, Сардиния, Королевство Обеих Сицилий), «Унионе» требовала признать за итальянцами особые права экстерриториальности, т. е. фактически выступала за восстановление режима капитуляций. Наконец, газета настаивала на разработке нового статута итальянцев в Тунисе, на расширении сети школ и других итальянских учреждений в этой арабской североафриканской стране [см.: 108, 1939, № 1, стр. 74—75].

Итальянские фашисты в Тунисе открыто носили фашистские значки, устраивали сборища в генеральном консульстве и фашистских клубах, горланили на улицах «Джовинеццу» и другие фашистские песни. Через итальянские книжные магазины распространялась фашистская литература. Широкую рекламу получила программа строительства школ и жилищ для итальянских граждан в Тунисе.

Кульминационным пунктом разнузданной антифранцузской кампании явилась речь фашистского министра иностранных дел графа Чиано, которую он произнес 30 ноября 1938 г. в итальянском парламенте. Когда Чиано упомянул о «естественных притязаниях Италии», фашистские депутаты повскакали с мест и начали кричать: «Тунис, Джибути, Корсика!».

Антифашистские демонстрации 4—10 декабря 1938 г. Спектакль в Монтечиторио (парламенте), поставленный фашистской режиссурой с беспрецедентным цинизмом и нагло-

стью, произвел огромное впечатление в Тунисе. Как ничто другое, он помог французскому и мусульманскому населению, так же как и итальянской антифашистской эмиграции, осознать всю глубину опасности, нависшей над страной. Вопли в Монтечиторио послужили сигналом к развертыванию мощной антифашистской кампании, которая в декабрьские дни потрясла Тунис.

4 декабря 1938 г. по призыву коммунистов и социалистов несколько тысяч манифестантов с пением «Марсельезы» прошли по центральным улицам Туниса. Они скандировали антифашистские лозунги, разгромили редакцию «Унионе», разнесли витрины итальянского книжного магазина и выбили стекла в зданиях итальянской компании туризма и пароходного общества «Тиррения». 5 декабря антифашисты рассеяли жалкие группы фашиствующих хулиганов. Фашистская печать проливали слезы по поводу «свистопляски», разыгравшейся 4—5 декабря вокруг одиноких итальянцев, которых якобы оскорбляли и избивали лишь за то, что они осмеливались носить фашистские значки [см.: 108, 1939, № 1, стр. 75—76]. Наиболее строптивых фашистов арестовывали и отводили в полицейские комиссариаты. Аналогичные события развернулись в Сусе и некоторых других городах Туниса. В Сусе несколько тысяч человек с французскими и тунисскими флагами, собравшись перед итальянским консульством, кричали: «Да здравствует Франция! Да здравствует армия! Да здравствуют бей и Тунис!» [107, 5.XII. 1938].

В столице антифашистские выступления возобновились 7 декабря 1938 г. По призыву ВКТ железнодорожники Туниса организовали мощную антифашистскую демонстрацию. Они окружили генеральное консульство Италии, куда сбегалось более сотни дрожавших от страха поклонников Муссолини, выкрикивали антифашистские лозунги и забросали консульство камнями. «Бутылкой чернил,— жаловались фашисты,— они обесчестили изображение государя Италии» [108, 1939, № 1, стр. 76]. На следующий день разрозненные группы фашистской молодежи попытались организовать контрманифестацию на авеню Жюль Ферри. Несколько сот итальянцев построились в колонну и начали петь «Джовинеццу». Завязались схватки с полицией и антифашистами. Несколько десятков наиболее разошедшихся фашистов были арестованы. Среди них оказались Убальдо Рей — руководитель местного «Дополаворо» и председатель Общества итальянских ветеранов Туниса и Вестри Личинио — служащий генерального консульства Италии [см.: 107, 9.XII. 1938].

На периферии столкновения с фашистами продолжались еще несколько дней. В частности, 10 декабря 1938 г. в Сусе произошла бурная демонстрация железнодорожников. Около 3 тыс. человек осаждали местное консульство Италии.

В первых рядах антифашистского движения в Тунисе находился рабочий класс. Коммунисты с удовлетворением подчеркивали, что демонстрации против аннексионистских притязаний Италии носили «четко определенный антифашистский и антимюнхенский характер» [104, 1939, № 1, стр. 8]. Антифашистские лозунги ВКТ, ТКП и Тунисской федерации СФИО встречали широкую поддержку среди трудящихся Туниса, прежде всего среди рабочих-европейцев. При этом в борьбе против фашизма участвовали не только трудящиеся-французы, но и широкие слои итальянского населения Туниса.

Большинство итальянцев, проживавших в стране, не разделяли идей и принципов фашизма. Они презирали дуче и более чем прохладно воспринимали демагогические курбеты итальянской фашистской пропаганды. Тунисские итальянцы знали, что 24 декабря 1938 г. Ватикан осудил политику Муссолини, что по всей Италии шли аресты неблагонадежных лиц, что на Апеннинском полуострове с усмешкой говорили: «Не итальянцы должны освобождать Тунис, а тунисцы должны освободить Италию от фашизма» [107, 26.XII.1938]. Многие итальянцы Туниса были стойкими антифашистами. Они занимали ответственные посты в профсоюзах и демократических организациях. Многие находились в государственных органах и на муниципальной службе. В Тунисе итальянские демократы поддерживали между собой тесные связи. Они имели собственные политические организации и печать. В 1938 г. они начали издавать ежедневную демократическую газету «Иль джорнале». Вместе с еженедельником «Итальяно ди Туниси» она выступала против политики Муссолини, разъясняла широким общественным слоям Туниса «различие между фашизмом и итальянским народом» [97, 1939, № 6, стр. 62] и призывала итальянских рабочих и антифашистов Туниса сплотиться с тунисским и французским народами для совместной борьбы против фашистских агрессоров.

Итальянское антифашистское движение в Тунисе возглавляло Итальянское народное объединение. В него входили Тунисская секция Итальянской социалистической партии, тунисские организации Итальянской республиканской и Итальянской коммунистической партии, итальянская Лига прав человека и представители итальянского антифашистского движения «Справедливость и свобода». Все они недвусмысленно осуждали аннексионистские поползновения муссолиниевского фашизма и от имени всей итальянской демократии отмежевались от наглых притязаний Муссолини на Тунис.

В воззвании ЦК Итальянской компартии по поводу антифранцузских провокаций итальянского фашизма со всей определенностью подчеркивалось, что «итальянский народ, борющийся за свою свободу, не желает стать орудием уничтожения свободы других народов». Итальянские коммунисты разобла-

чали лживые утверждения Муссолини, будто он намеревался защищать интересы итальянского народа и итальянских рабочих в Тунисе. «Итальянские коммунисты...— говорилось в воззвании,— одобряют и поддерживают все мероприятия, направленные к тому, чтобы лишить фашистское правительство привилегий, которые были обеспечены ему в Тунисе соглашениями и которые оно использовало против итальянского, французского и тунисского народов и против интересов итальянских рабочих в Тунисе» [там же, стр. 61—62]. Эту точку зрения разделяли все итальянские демократические организации Туниса. «Необходимо,— подчеркивали они,— разорвать вынужденную связь итальянского населения Туниса с итальянскими властями, уничтожить так называемые привилегии, которые итальянское правительство использовало и использует в качестве орудия для осуществления своего контроля над эмиграцией и внесения розни между итальянцами и другими народностями Туниса, и в то же время сохранить за итальянскими трудящимися их права и их национальную культуру — вот путь к изоляции фашизма, к лишению его базы и к созданию единого тунисско-франко-итальянского блока против фашизма, за мир и свободу» [там же, стр. 61].

Итальянские демократы Туниса вели борьбу с фашизмом в тесном контакте с антифашистскими партиями из Народного объединения Туниса. Особенно тесные связи поддерживались между коммунистическими партиями Франции, Италии и Туниса. По сути дела они занимали идентичную позицию. Это выражалось как в единстве действий, так и в совпадении взглядов братских партий по основным политическим проблемам. В связи с воинственными декларациями Муссолини коммунистические партии Франции и Италии опубликовали 2 января 1939 г. совместное обращение «Против агрессивных замыслов итальянского фашизма». В нем они разоблачали антинациональный и антинародный характер аннексионистских притязаний итальянского империализма и вместе с тем осуждали «французские реакционные круги», которые пытались преуменьшить значение фашистской угрозы и в то же время раздували кампанию ксенофобии в отношении итальянского населения, проживавшего в Тунисе [см.: 104, 1939, № 1, стр. 140—141].

Арабо-мусульманское население Туниса не имело легальных политических и профсоюзных организаций и вследствие этого не могло организованно выразить свою волю. Вынужденное молчание арабов фашисты попытались истолковать в выгодном для себя свете. 5 декабря 1938 г. «Унионе» заявила, что в прошедших накануне демонстрациях было много евреев и ни одного араба [108, 1939, № 1, стр. 75]. Сомнительный тезис фашистской пропаганды подхватили некоторые органы франко-тунисской печати, в частности газета «Тюнис-сосиа-

лист», также сообщившая, что арабы не принимали участия в демонстрации 4 декабря.

Неправильная интерпретация позиции арабов и их вынужденного молчания вызвала отповедь со стороны немногих легально издававшихся арабских газет. 9 декабря 1938 г. газета «Ан-Нахда» заявила, что арабское население Туниса было враждебно по отношению к Италии, но не имело возможности выразить свои чувства. В серии статей, появившихся в середине декабря, газета писала о лояльности тунисцев в отношении Франции. Вместе с тем она сочла своим долгом обратить внимание общественности на ненормальное положение арабского населения. Воспользовавшись случаем, «Ан-Нахда» в осторожной форме выдвинула ряд новодестуровских требований. В частности, она высказалась за освобождение политических заключенных и проведение реформ, соответствовавших обоюдным интересам народов Франции и Туниса [см.: 108, 1939, № 1, стр. 75]. Все это, по мнению газеты, не выходило за рамки франко-туниССких отношений и не имело никакой связи с антифранцузской политикой держав «оси». «Если мы имеем требования, осуществление которых ждем от Франции,— писала „Ан-Нахда“,— если мы хотим, чтобы политика протектората клонилась к более терпимому и более мягкому решению, то все это не выходит из области строго семейных отношений, и иностранцы не имеют права вмешиваться в эти дела и пытаться извлечь выгоду из дискуссии (которую может вызвать представление наших требований), с тем чтобы попытаться вселиться в нашем доме» [цит. по: 107, 2.1. 1939].

Вслед за «Ан-Нахда» в середине декабря 1938 г. антиитальянские статьи с выражением лояльности Франции появились в газете «Аль-Ирада» — официальном органе Старого Дестура. С аналогичным заявлением выступил Мухаммед Шеник — вице-президент Тунисской секции Большого совета. В самом Большом совете спектакль в Монтечиторно вызвал чувство, близкое к панике. 3 декабря 1938 г. Тунисская секция Большого совета добилась приема у Эрика Лабонна и поспешила выразить ему «искреннюю преданность» арабского населения Франции [см.: 108, 1939, № 1, стр. 75].

Антиитальянская позиция мусульманской общественности встретила одобрение со стороны французской демократии. «В последние недели,— писала „Юманите“ 22 декабря 1938 г.,— мы были свидетелями довольно ободряющего зрелища. В Тунисе, т. е. в одном из районов, особенно обрабатываемых итальянской пропагандой, арабские партии, наиболее страстные в защите своих требований, были первыми, кто энергично восстал против итальянских требований». Несмотря на домыслы некоторых французских и итальянских газет, подлинные чувства туниССкого народа ни у кого не вызывали сомнений. «Даже дестуровский экстремист,— отмечал Ш.-А. Жюльен,—

не делал колебаний между „колониализмом“ Франции и Италии» [63, стр. 93]. Арабское население Туниса никогда не питало симпатий к фашистской Италии. Тунисцы довольно хорошо знали, что происходило в соседней Ливии, и отдавали себе отчет в реальной ценности исламофильской демагогии дуче. Они знали, что в Киренаике с помощью фашистского государства поселилось 20 тыс. итальянских колонистов. За ними должны были следовать еще 100 тыс. «Этот пример мог быть заразителен,— пишет Гарас, передавая рассуждения тунисских националистов.— А что если в случае войны и победы держав „оси“ Италия распространит на Тунис свои иммиграционные планы?» [54, стр. 133].

Ни промусульманская политика Муссолини, ни фашистская доктрина, ни методы итальянского колониализма в Ливии — ничто не могло привлечь к себе лидеров тунисского национализма. Говоря о точке зрения, преобладавшей в новодестуровском руководстве, Бургиба писал в 1943 г., что еще до войны, несмотря на то что «в это время считалось признаком хорошего тона обвинять нас в „психологическом“ сговоре с Италией», руководство Нового Дестура «осудило домогательства Муссолини на Тунис, а также подрывную и окруженческую работу, которую он проводил в этой стране, чтобы установить свое господство на Средиземном море, заменить Францию на африканских берегах и восстановить в пользу Италии древнюю римскую империю» [42, стр. 184].

При этом руководители Нового Дестура подчеркивали, что, поддерживая Францию против Муссолини, они отнюдь не отказывались от национальных требований. В этом направлении давались установки всем подпольным центрам и организациям. Несмотря на сложные условия нелегальной работы, V Политбюро упорно искало пути и средства для открытого выражения воли партии и арабских масс. Оно искало случай продемонстрировать перед международным общественным мнением недвусмысленное осуждение Тунисом аннексионистских притязаний Италии и поддержку Франции без отказа от национальных требований. Повод для такого рода демонстрации вскоре представился в связи с поездкой в Тунис главы французского правительства Эдуарда Даладье.

Визит Даладье. 22 декабря 1938 г. Муссолини официально денонсировал Римский договор 1935 г. «Это означало,— пишут А. М. Панкратова и В. П. Потемкин,— что Италия отказывается от политики соглашения с Францией и готовится перейти против нее в открытое наступление» [10, стр. 654]. День ото дня усиливался дипломатический нажим. Муссолини хотел добиться от Франции таких же уступок, какие Гитлер получил от Чехословакии. В дипломатических кругах почти открыто говорили о необходимости как минимум исправить границы на юге Туниса и установить франко-итальянский про-

текторат над Тунисом. Чтобы продемонстрировать решимость Франции не отступать перед шантажом хотя бы за счет собственных владений, Даладье предпринял демонстративную поездку в Тунис. Она продолжалась с 3 по 5 января 1939 г. Председатель совета министров посетил Бардо, проехал по улицам г. Туниса, специальным поездом через Сус и Сфакс прибыл в Габес, побывал на линии Марета. Свой визит он завершил в Бизерте. «Мы дадим отпор,— говорил Даладье,— любому нападению, прямому или косвенному, произведенному при помощи силы или хитрости. Мы сделаем это с решимостью и энергией, которым ничто в мире не сможет противостоять» [10, стр. 652—653].

Обе дестуровские партии использовали поездку Даладье, чтобы заявить о своем осуждении империалистической политики Италии. Они обратились к массам с призывом оказать Даладье самую сердечную встречу. Решающее значение безусловно имела позиция Нового Дестура. Хабиб Тамер дал указание всему новодестуровскому подполью использовать приезд главы французского правительства для организации массовых манифестаций под двуедиными лозунгами защиты Франции и национальных требований Нового Дестура.

Позиция националистов предопределила настроение мусульманских масс. В г. Тунисе на авеню Гамбетта Даладье приветствовало около 100 тыс. человек. На каждой станции, где останавливался или сбавлял ход специальный поезд главы французского правительства, его встречала пестрая и восторженная толпа. Сам по себе Даладье не пользовался в Тунисе никакой особой популярностью. Однако перед лицом фашистской угрозы ему был оказан такой радушный прием, какой вряд ли оказывался какому-нибудь государственному деятелю Франции. При иных обстоятельствах он не мог бы рассчитывать и на сотую долю тех аплодисментов, которыми награждался его слова о решимости противостоять фашизму. «Самые пламенные приветы,— подчеркивал корреспондент „Юманите“,— обращались не к какому-либо официальному лицу, а к французам, прибывшим сюда и через них ко всему дружественному народу Франции» [107, 5.1. 1939]. Выполняя указание Нового Дестура, тунисцы размахивали перед Даладье национальными флажками, «давая понять,— как пишет Анри де Монтети,— что если Тунис был на стороне Франции перед нацистской угрозой, то он вовсе не отказывался от своего национального идеала» [71, стр. 131]. В ряде мест при проезде Даладье над шумными и ликующими толпами поднимались плакаты с новодестуровскими лозунгами «Освобождение национальных вождей», «Свобода и независимость». Наиболее удачные демонстрации, по утверждению Аллала аль-Бельхауана, имели место в Бизерте, Бардо, Тунисе и Сфаксе [26, стр. 51]. В Сфаксе огромные массы тунисцев-мусульман друж-

но скандировали антифашистские лозунги. Однако почти все корреспонденты, сопровождавшие Даладье, отметили, что полиция выводила из толпы новодестуровцев, поднявших плакаты с лозунгами: «Да здравствует Даладье! Да здравствует Дестур!».

Впоследствии Новый Дестур расценивал январские демонстрации 1939 г. как одну из самых крупных и самых успешных акций V Политбюро [см.: 98, 10.IV. 1970].

Коммунистические газеты с удовлетворением отмечали, что фашистская и национал-социалистическая печать квалифицировала визит Даладье как «провокационную» поездку, противоречившую «духу Мюнхена» [107, 11.I. 1939]. Морис Торез расценил прием, оказанный Даладье, как недвусмысленное осуждение тунисским народом мюнхенской политики и действий Жоржа Бонне — министра иностранных дел Франции, откровенно ориентировавшегося на сговор с фашистскими державами [см.: 104, 1939, № 2, стр. 249].

Визит Даладье, безусловно, ускорил изоляцию итальянских фашистов в Тунисе. После декабрьских и январских демонстраций вокруг них создавалась атмосфера общественной нетерпимости. Наиболее скомпрометированные фашисты лишались работы; им отказывали в поддержке или благоприятном предрасположении. Для многих фашистов жизнь в Тунисе стала совершенно невыносимой. В марте 1939 г. около 270 итальянских семей (примерно 1,6 тыс. человек) было вынуждено покинуть Тунис и выехать в свою фашистскую Италию [108, 1939, № 7, стр. 405].

Однако угроза фашизма отнюдь не миновала. В Тунисе это ощущалось особенно остро. 8 марта 1939 г. в Бизерту прибыли 11 кораблей испанского республиканского флота. Население с живым участием встречало моряков-республиканцев, отказавшихся капитулировать перед Франко. 14 марта 1939 г. гитлеровцы начали оккупацию Чехословакии. 22 марта они аннексировали литовскую Клайпеду (Мемель). 26 марта Муссолини заявил, что «Средиземное море является жизненным пространством для Италии» и вновь потребовал «решить» проблемы Туниса, Джибути и Суэцкого канала. 7 апреля итальянские войска начали вторжение в Албанию.

Демократические партии и организации Туниса требовали укреплять оборону и безжалостно пресекать подрывную работу итало-фашистской агентуры. Они говорили о необходимости переходить от слов к делу. 16 апреля 1939 г. по инициативе Ассоциации ветеранов Туниса в г. Тунисе состоялось собрание представителей всех французских и тунисских легальных организаций, которое приняло и направило правительству Франции конкретную программу неотложных антифашистских действий. В частности, собрание рекомендовало Даладье упразднить экстерриториальные права итальянских

граждан, вытекавшие из конвенций 1896 г., запретить итальянские профашистские молодежные организации и установить эффективный контроль над итальянской печатью в Тунисе.

Арабская пронационалистическая печать, которая в отличие от итало-фашистской прессы подвергалась различного рода ограничениям, со своей стороны также развернула резкую антиитальянскую кампанию. В течение всей весны и лета 1939 г. немногочисленные арабские газеты Туниса совершенно не стеснялись проявлять довольно откровенную италофобию. Нередко она перерастала обычные рамки антифашистской борьбы и в 1939 г. служила едва ли не самой главной формой проявления национальных чувств. Ведущая роль в антиитальянской кампании принадлежала газете «Ан-Нахда». Во всяком случае, она пользовалась особым нерасположением фашистской пропаганды. 26 июля 1939 г. «Ан-Нахда» начала открытую полемику с «Унионе», допуская, по выражению журнала «Ориенте модерно», оскорбительные выпады в адрес Италии и итальянской политики в Ливии [см.: 108, 1940, № 1, стр. 29].

Национализм в преддверии войны. Накануне войны тунисское национально-освободительное движение как следствие 9 апреля было полностью оторвано от антифашистского и демократического движения в Тунисе. Оно не имело ни внешних, ни внутренних союзников и ко всему прочему не отличалось глубоким внутренним единством.

Решающей националистической силой по-прежнему был Новый Дестур. Хотя его непосредственное воздействие на массы, безусловно, ослабло, он продолжал пользоваться у них серьезным моральным авторитетом. Без особого преувеличения можно сказать, что сочувствие новодестуровскому подполью было наиболее распространенной формой выражения националистических чувств. В народе любая антифранцузская акция воспринималась как дело Нового Дестура. В бледе всякий, кто выступал и действовал против колониальных властей, претендовал на то, чтобы его рассматривали как новодестуровца. Лозунги Нового Дестура стали общим местом в политическом лексиконе среднего тунисца. В частности, требование Нового Дестура об освобождении политических заключенных настолько прочно вошло в сознание мусульманских масс, что его стали поддерживать партии и группировки, не имевшие ничего общего с Новым Дестуром, кроме стремления работать в массах.

После январских демонстраций 1939 г. новодестуровское подполье вновь резко активизировало свою деятельность. В конце 1938 г. Ладгам, Бушуша и другие руководители V Политбюро столкнулись с растущей апатией подпольных организаций. Большие трудности возникали из-за усталости, страха и отчаяния, мало-помалу охватывавших новодестуровское движение. Под воздействием террора в новодестуровском под-

полье широкое распространение получили настроения безысходности и неверия в успех национального дела. Многие активисты стремились отойти от нелегальной деятельности. Они все чаще уваливали от выполнения наиболее опасных заданий центра. Не желая подвергать себя риску, некоторые подпольщики стали сами уничтожать листовки, которые им поручалось распространять. Зимой 1938/39 г. почти повсеместно прекратились акты саботажа. Бургиба был в полном отчаянии и через активистов, выходивших на свободу, требовал от Политбюро усилить подпольную работу, в частности «посвятить как можно больше усилий прямому действию» [98, 10.IV. 1970].

К весне 1939 г. V Политбюро удалось частично преодолеть пассивность партии. После успеха январских демонстраций значительно оживилась политико-пропагандистская деятельность Нового Дестура. 25 июня 1939 г. газета «Тан» с беспокоем отмечала многочисленные факты нелегального восстановления новодестуровских ячеек. В марте 1939 г. возобновились акты саботажа. В середине 1939 г. по указанию Хабиба Бургибы был создан Комитет сопротивления Тунисской либерально-конституционной партии, ставший главным организующим и связующим центром новодестуровских боевых групп.

Во главе Комитета сопротивления встал Бешир Зарг аль-Айон, уроженец Юга, который накануне апрельских событий был председателем новодестуровской ячейки в Мидуне на о-ве Джерба. В апреле 1938 г. он был приговорен к одному году тюремного заключения за то, что 10 апреля организовал бурную демонстрацию на о-ве Джерба и пытался взять штурмом здание гражданского контроля в Хумт-Суке. Перед выходом из тюрьмы он имел продолжительную беседу с Хабибом Бургибой и по его поручению связался с Хеди Саиди — ответственным за координацию в V Политбюро. Кроме них в руководящее ядро Комитета сопротивления вошли Амор бен Хамида, который под видом коммерсанта, поселившегося в Алжире, обеспечивал связь с Партией алжирского народа, и Мухаммед бен Амара, молодой активист, всецело отдавшийся нелегальной работе [там же].

Летом 1939 г. Комитет сопротивления объединил действия боевых групп Нового Дестура, создал склады взрывчатки и оружия и приступил к подготовке боевых акций. Вплоть до своего ареста 15 января 1940 г. он организовал целую серию взрывов, поджогов и различного рода актов саботажа на железных дорогах и линиях связи. Наибольшую активность проявляли боевые группы в Сахеле, на о-ве Джерба, в Бизерте и в районе Меджез-эль-Баба. Как правило, акты саботажа не причиняли серьезного экономического ущерба, обходились без человеческих жертв и были рассчитаны главным образом на психологический эффект. В сочетании с большим

количеством периодически распространяемых листовок они поддерживали в массах уверенность в существовании прочной новодестуровской организации. Буржуазные газеты с тревогой писали, что, несмотря на укрепление службы безопасности, в ночь на 19 августа 1939 г. в более чем 100 различных пунктах г. Туниса были расклеены новодестуровские листовки, подписанные «V Политбюро» [99, 1939, № 8—9, стр. 216].

Подпольную работу Новый Дестур стремился сочетать с различными формами полулегальной деятельности. В Париже среди туниского студенчества был основан Комитет в защиту общественных свобод в Тунисе, который был связан с подпольным руководством Нового Дестура. Он вел широкую кампанию за освобождение политических заключенных и другие национальные требования [см.: 27, стр. 72]. Немаловажное значение руководители новодестуровского подполья придавали изданию легальных независимых националистических газет. В 1938—1939 гг. под руководством V Политбюро выходили «Тунис аль-Фатат» («Молодой Тунис»), «Буа де жён» и «Аксон норд-африкэн». Наряду с другими легальными и полулегальными изданиями новодестуровского характера они полностью отвечали интересам массовой пропаганды партии и использовались как открытая трибуна для выражения взглядов Нового Дестура.

Многие материалы Нового Дестура появлялись в газете «Ан-Нахда» — наиболее непримиримом противнике Муссолини среди туниских арабов. Вследствие крайнего италофобства фашисты рассматривали ее как «орган французской пропаганды» [108, 1940, № 1, стр. 29]. На самом же деле это было далеко не так. Помимо разоблачения фашизма газета использовала все возможности для легальной критики режима протектората. Она старалась не упускать ни одного случая, чтобы не отметить произвол французских чиновников. Она выступала против любого проявления ассимиляционистских тенденций, отстаивая туниский характер государства и администрации. Почему в Тунисе — арабской стране, формально находившейся лишь под покровительством Франции, из 12 тыс. чиновников 7,5 тыс. были европейцами? «Ан-нахда» вела ожесточенную полемику с «Тюнизи франсэз» — буржуазно-колониистским органом националистического направления, который считал, что единственным решением туниского вопроса было включение Туниса во «французскую семью» [108, 1939, № 7, стр. 404].

Наряду с этим «Ан-Нахда» выступала против Старого Дестура. Время от времени она критиковала деятельность и взгляды Абд аль-Азиза Таальби. Особенно большое впечатление на публику произвели статьи, появившиеся в «Ан-Нахда» 9—13 июля 1939 г. В них она обвиняла Таальби и «его клику» во всех смертных грехах, в частности в том, что они

были главной причиной всех зол, выпавших на долю Туниса в конце 30-х годов [108, 1940, № 1, стр. 29].

Старый Дестур не смог воспользоваться разгромом Нового Дестура. Его доктрина и методы работы были безнадежно устаревшими. Фактически он превратился в исторический реликт, который мало кого беспокоил. Ни преимущества полулегального положения, ни сохранность кадров и партийной организации не могли компенсировать отсутствие динамизма и ясной политической перспективы. Старый Дестур не знал, что делать. Ему были чужды радикальные взгляды прогермански настроенных арабских националистов. Притязания Муссолини вызывали в нем самый решительный протест. Он не шел и не хотел идти ни на какие компромиссы с Францией. Он не желал поддерживать националистических акций Нового Дестура и воздерживался от участия в его подпольной деятельности. Фактически он вообще отгораживался от всякой политики, все более замыкаясь в области морали и мусульманской мысли.

После 9 апреля Таальби еще более осложнил положение. В разгар военного террора он занял в отношении Нового Дестура явно непродуманную позицию. Создается впечатление, что им руководило исключительно чувство мести. 29 июня 1938 г. в качестве свидетеля он дал показания французскому военному следствию по делу Хабиба Бургибы. Перед лицом врага он всячески унижал и оскорблял вождя национально-освободительного движения [текст свидетельских показаний Таальби см.: 29, стр. 24—26]. Ни у кого не оставалось сомнения, что он хотел уничтожить его руками французов, что он «продавал» его «руми». Видимо, не без содействия Нового Дестура показания Таальби получили широкую огласку. Они оттолкнули от него тех, кто был еще склонен прислушиваться к его мнению. Без всякого преувеличения можно сказать, что в кабинете французского военного следователя закончилась политическая карьера шейха Таальби. И ни очередной визит Абд аль-Хамида бен Бадиса, который 22 августа 1938 г. прибыл в Тунис, чтобы навестить своего старого друга, ни попытки гальванизировать почти забытую славу — ничто уже было не в состоянии вернуть Таальби утраченную репутацию.

В конце 1938 г. партию Старый Дестур возглавили Мухиэддин Клиби и Салах Фархат, занявшие соответственно посты председателя и генерального секретаря. Они активизировали деятельность партии, возобновили издание газеты «Аль-Ирада». В Старом Дестуре выдвинулось несколько новых активистов, отличавшихся самоотверженностью и способностью идти на жертвы во имя национального освобождения. Однако они были бессильны. У них не было живой связи с народом. Они были обременены грузом прошлого и, несмотря на все

свои достоинства, оказались не в состоянии остановить упадок партии, идеалы которой не соответствовали надеждам и чаяниям страны.

В 1938—1939 гг. Старый Дестур окончательно утратил авторитет в массах и превратился в чисто верхушечное движение тунисских улемов и патрицианской буржуазии г. Туниса. У него сохранялись связи в мечети, при дворе и в панарабских кругах Ближнего Востока. Но этого было мало, чтобы противостоять Новому Дестуру и оспаривать у него руководящую роль в национально-освободительном движении.

Третьей националистической силой, которая в случае развала Нового Дестура имела все шансы на успех, был арабский национализм. Ностальгия, боль и тоска об арабской родине волновали учащуюся молодежь, создавали благоприятную почву для распространения идей арабского национализма. Провал Бушары и его друзей объяснялся главным образом притягательной силой Нового Дестура как общенационального антиимпериалистического объединения. После 9 апреля Новый Дестур был загнан в подполье и перестал существовать как фактор повседневного идеологического воздействия на массы.

Мелкая буржуазия Туниса и примыкавшая к ней непролетарская трудовая беднота больше всех страдали от колониального капитализма и от всей души ненавидели «французскую тиранию». Они составляли довольно широкую базу для национал-экстремизма и были легко восприимчивы к самым крайним антиимпериалистическим лозунгам. После 9 апреля, когда голоса национальных вождей замолкли в тюремных камерах, они с готовностью воспринимали антифранцузские призывы, шедшие из-за рубежа. В условиях, когда живое национальное слово оказалось под запретом, «Насьон араб» Шекиба Арслана приобрела совершенно неотразимую привлекательность для значительной части интеллигенции. Вся страна с затаенным злорадством была готова воспринимать любую брань по адресу французских колонизаторов.

Только этим, очевидно, можно объяснить неожиданный успех немецкой радиопропаганды. В 1939 г. берлинское радио начало передачи для арабских стран, в том числе для стран Северной Африки [60, стр. 41]. Тунисские программы вплоть до 1942 г. поражали своей нецелеустремленностью. Они были самыми общими и составлялись с постоянной оглядкой на Италию. И тем не менее антиколониализм берлинского радио привлекал к себе угнетенную терроризированную страну, лишенную возможности выражать свои национальные чаяния. Особенно восприимчивую аудиторию составляла радикально настроенная националистическая молодежь. «Нацистская антикапиталистическая и антиеврейская демагогия», отмечает Л. Хиршович, находила у нее определенный отклик [60, стр. 291—292].

«Эти тенденции,— утверждает Феликс Гарас,— получали отпор со стороны новодестуровцев» [54, стр. 134]. Ни Старый Дестур, ни Новый Дестур как политические партии не поддерживали гитлеровскую Германию. Идеология национал-социализма была им абсолютно чужда. И тем не менее в преддверии войны в Тунисе появились мелкие группы и, говоря словами Ле Турно, «отдельные индивиды, большей частью без определенных политических привязанностей» [65, стр. 94], которые недвусмысленно выражали свою готовность действовать в интересах Шекиба Арслана и его немецких покровителей. С ростом международных затруднений Франции они оказывали все более заметное влияние на настроения мусульманского населения.

1 съезд Тунисской коммунистической партии. Немецкая пропаганда и давление фашистских держав усиливали угрозу, нависшую над Тунисом. Несмотря на изоляцию итало-фашистской агентуры внутри страны, опасность фашистского порабощения отнюдь не миновала. В стране отсутствовало какое бы то ни было морально-политическое единство. Различные этнические группировки находились в состоянии открытой вражды. Это играло на руку фашистским державам, которые могли использовать национальные противоречия в своих интересах. Особенно большое беспокойство вызывало то обстоятельство, что антифашистские силы Туниса не имели широкой поддержки со стороны мусульманских масс.

В первое время после 9 апреля демократические организации Туниса попытались установить прямой контакт с массами, минуя Новый Дестур. Отвергая националистические лозунги, они выступали под интернациональными знаменами борьбы против войны и власти капитала. Основной массовой организацией, вокруг которой предполагалось сплотить всех трудящихся Туниса, было Департаментское объединение ВКТ. В борьбе за единство рабочего класса оно находило полную поддержку со стороны ТКП и Тунисской федерации СФИО. Их руководители всячески подчеркивали необходимость ясного классового сознания и интернационального братства рабочих как решающих факторов в борьбе против капиталистического гнета и фашистской угрозы.

Выдвигая на первый план классовый интернациональный момент, Департаментское объединение ВКТ считало возможным отложить удовлетворение национальных требований тунисцев. К тому же многие профсоюзные вожди по-прежнему относились к арабам с патерналистским высокомерием, а то и просто выступали как самые настоящие французские националисты. Вследствие этого Департаментское объединение ВКТ не смогло преодолеть пассивности и политической отчужденности мусульманских масс. Оно не сумело привлечь их на свою сторону и воссоздать ту атмосферу интернационального

братства, которая являлась отличительной чертой героического периода Народного фронта. Оно не сумело завоевать элементарного доверия трудящихся-мусульман, переносивших свои предубеждения националистического порядка с профсоюзных вождей на все демократическое и антифашистское движение в Тунисе. «Осторожнее, господа,— писала, например, „Ан-Нахда“ 8 августа 1938 г.,— правоверного два раза не проведешь на одной и той же проделке; мы познакомились со всем тем, что означает у вас слово „освобождение“, и мы знаем, что значит в ваших устах „эмансипация“ и „независимость“. Нас не обманешь ни иллюзиями, ни игрой в слова... Нет, господа, мы не верим в искренность вашего призыва» [цит. по: 99, 1938, № 8—9, стр. 325].

Подобного рода настроения имели широкое хождение среди арабских трудящихся и были, пожалуй, самым печальным результатом апрельских событий 1938 г. Рабочие-мусульмане, в том числе те, которые входили в профсоюзы ВКТ, были склонны рассматривать свои профсоюзы как чисто профессиональные организации с ограниченными целями и задачами. Рабочие-мусульмане понимали их полезность, но отнюдь не разделяли их политической ориентации. В большинстве своем они, видимо, не питали никакого доверия к трудящимся-европейцам.

Глубокий раскол среди трудящихся Туниса сильно затруднял деятельность ТКП. Различия во взглядах, проистекавшие из различий в национальной и религиозной принадлежности рабочих, мешали их интернациональному сплочению на классовой пролетарской базе. Профсоюзное единство было поверхностным и по сути дела лишь маскировало расово-национальный барьер, существовавший среди трудящихся. Коммунисты отчетливо сознавали, что расовые и национальные предрасудки таили в себе большую опасность. Прежде всего они затрудняли единство действий в борьбе против фашизма. Надо было преодолеть пассивность и отчужденность мусульманских масс. В 1939 г. тунисские коммунисты предприняли целый ряд усилий, чтобы вовлечь трудящихся-мусульман в единое русло антифашистского движения. Большое значение в этой связи имели собрания арабов, сочувствовавших ТКП. Одно из них состоялось в начале мая 1939 г. в г. Тунисе. Перед собравшимися выступил генеральный секретарь ЦК ТКП Али Джерад, который подчеркнул, что для успешной реализации союза тунисского народа с французской демократией надо было покончить с политикой, которая рассматривала тунисца как врага, предоставить ему свободу и благосостояние, а также освободить жертвы инцидентов 9 апреля.

Собрание приняло резолюцию, в которой обязалось:

1) приложить все усилия для того, чтобы осуществить союз тунисского народа с французской демократией против итальян-

янского фашизма, который угрожает миру и благополучию Туниса;

2) просить французское правительство не делать никаких уступок итальянскому фашизму [107, 10.V.1939].

Не менее остро стоял вопрос об отношениях с непролетарскими слоями трудящихся-мусульман. Их настроения все чаще тревожили тунисских антифашистов. Они пытались разъяснить арабам, что замена французской власти другим чужеземным господством отнюдь не могла бы вывести их из тяжелой беспросветной нужды. Стремясь завоевать их на свою сторону, коммунисты предлагали немедленно улучшить их материальное положение, повысить их медицинское и культурное обслуживание — одним словом, заинтересовать их в сотрудничестве с Францией. «Мы,— говорили коммунисты,— отнюдь не намерены оправдывать политику французского империализма, мы всегда разоблачали ее как имеющую реакционный и угнетательский характер. Но мы все же обязаны сказать, что, несмотря на позорную эксплуатацию колониальных масс, если они перейдут под гитлеровское господство, то это будет значительный регресс...» [104, 1938, № 2, стр. 910].

К сожалению, эти суждения далеко не всегда находили отклик в широких массах мусульманского населения. Накануне войны ТКП в полном смысле этого слова была зажата между Сциллой и Харибдой — между резко антифранцузскими настроениями мусульманских масс и политическими императивами, диктовавшими необходимость самого тесного союза с Францией. Тунисские коммунисты не могли уйти от этой дилеммы. Отдавая приоритет интересам антифашистской борьбы, они не могли отрицать необходимости союза с Францией.

В связи с этим тунисские коммунисты снизили интерес к национально-колониальной проблеме и фактически свели ее к аграрно-крестьянскому вопросу. Немаловажную роль при этом играли представления, которые в 30-х годах господствовали в революционных марксистских кругах, выдвигавших аграрно-крестьянский вопрос как ключевую проблему антиимпериалистического движения, как основу национального вопроса. Тунисские коммунисты исходили из того, что крестьянство, как неоднократно отмечалось в материалах Коминтерна, представляет основную армию национального движения. Они рассматривали его как основной объект империалистического угнетения и вследствие этого как главного союзника пролетарской революции.

Все эти факторы объективного и субъективного порядка определили характер и направление работ I съезда Тунисской коммунистической партии. Он проходил 20—21 мая 1939 г. в Ариане (пригород г. Туниса). Как первый съезд тунисских коммунистов он приобрел учредительный характер и положил

начало организационному существованию ТКП как самостоятельной национальной партии страны.

С отчетным докладом на съезде выступил Али Джерад — генеральный секретарь ЦК ТКП. Он подвел итоги развития партии и наметил задачи туниских коммунистов на ближайший период.

В отличие от группы Финидори руководство ТКП считало, что в такой отсталой и деревенской стране, как Тунис, рабочий класс не мог выполнить свою историческую миссию без союза с крестьянством и другими слоями пауперизованного населения. Проблему крестьянства оно выдвигало на первый план. «Самым главным пунктом важнейших требований Туниса,— подчеркивал в своем докладе Али Джерад,— является аграрный вопрос». Из более 800 тыс. взрослого населения, говорил Джерад, 574 тыс. были крестьянами, 100 тыс.— сельскохозяйственными рабочими, остальные 153 тыс.— трудящимися, которые жили за счет продажи рабочей силы в ремесленном производстве и в торговле. Французский империализм, отмечалось в докладе, привел к массовой экспроприации и к сгону туницев с земель, которые были собственностью их отцов и дедов. «Сотни тысяч феллахов, которые до сих пор,— по словам Джерада,— плохо ли, хорошо ли жили на землях своих предков, были вынуждены жить без земли, без работы, блуждая от одного города к другому, от одного дуара к другому, в поисках куска хлеба и готовые продать свою рабочую силу за голодную зарплату» [107, 14.VI.1939].

Нищета народных масс, отмечал Джерад, была главной причиной политического кризиса, охватившего систему протектората. Голод и экспроприация крестьянства лежали в основе всего антиколониального и антиимпериалистического движения, в том числе в основе сентябрьских волнений 1934 г. и апрельской демонстрации 1938 г. При этом Али Джерад был склонен полностью абстрагироваться от всех моментов субъективного порядка, от социально-психологических и политических факторов. «Всем известно,— говорилось в докладе,— что реальной причиной сентябрьских событий 1934 г. была не коммунистическая и не дестуровская агитация, как заявляют власть имущие, а злоупотребления банкиров и ростовщиков, которые пустили с молотка девять десятых крестьянских хозяйств» [107, 5.VII.1939]. «Постольку, поскольку массы экспропрированных и изгнанных со своих земель крестьян продолжают нищенскую, голодную жизнь,— говорил Али Джерад,— они остаются объектом самых худших провокаций и орудием происков врагов Туниса и одновременно врагов Франции» [107, 14.VI.1939].

Тунисская коммунистическая партия считала, что надо безотлагательно решать аграрный вопрос. В качестве своей основной задачи она выдвигала борьбу за удовлетворение тре-

бований крестьянства. В своем докладе Али Джерад поддержал основные мероприятия правительства Народного фронта, направленные на улучшение положения крестьянских масс. Он высоко оценил создание Тунисской секции ОНИБ, отметил такие мероприятия властей, как декрет 6 августа 1936 г. о борьбе с ростовщичеством, операции по «закреплению тунисца на земле», образование комиссии «Пейзаната» и т. п. Однако этих мер, по его мнению, было совершенно недостаточно. «Мы требуем,— говорил Джерад,— предоставить каждой крестьянской семье земельную площадь, отвечающую ее потребностям и дающую возможность избавиться от нищеты [там же]. ТКП требовала в кратчайшие сроки наделить крестьян землей, дать им воду, машины и кредиты. «Поднять деревню, помочь крестьянину улучшить свою участь — такова ближайшая священная цель Тунисской коммунистической партии»,— говорилось в докладе Али Джерада [107, 5.VII.1939].

Как интернациональной партии тунисским коммунистам приходилось преодолевать расово-национальный барьер, скрыто существовавший на всех ступенях социального здания тунисского общества. Объединяя в своих рядах представителей мусульманского, еврейского и европейского населения страны, тунисские коммунисты считали, что расовые и националистические предрассудки могли быть преодолены еще в процессе борьбы за национальное и социальное освобождение. В какой-то мере они, возможно, находились также под влиянием высказываний Мориса Тореза об Алжире как о «nation en formation». Во всяком случае, на I съезде ТКП Али Джерад выдвинул свой вариант «сближения сердец колонистов и бедуинов», с которым Бургиба выступал в 1936—1937 гг. В докладе на съезде он отмечал, что мелкие и средние колонисты «также находились под сапогом банков, ростовщиков и крупной колонизации» и в связи с этим имели общие интересы с тунисским крестьянством. «Мы,— говорил Али Джерад,— призываем их идти с нами, примкнуть к тунисскому народу с целью улучшить свою судьбу» [там же].

В вопросе об отношениях с Францией тунисские коммунисты занимали позицию, которая накануне войны являлась общей для всех прогрессивных и национально-демократических сил Туниса [см. выше, стр. 209—214]. Они оценивали международное положение как крайне неблагоприятное для борьбы за национальную независимость. В 1936—1939 гг. в Европе и Азии фактически шла необъявленная война между силами фашизма и демократии. Тунис являлся объектом захватнических устремлений муссолиниевского фашизма. Естественно, что тунисские коммунисты делали все, что от них зависело, чтобы не допустить превращения Туниса в резерв фашистских агрессоров. ТКП была категорически против перехода страны под прямой или косвенный контроль держав «оси».

Коммунисты считали, что рабочий класс и народ Франции являлись естественными союзниками Туниса в борьбе с фашизмом. В этой связи они поддерживали усилия ФКП, которая в 1938—1939 гг. выступала за создание «французского сообщества, состоявшего из метрополии и колоний, образующих единое целое, способное противостоять гегемонистическим планам гитлеровского расизма» [104, 1938, № 12, стр. 910]. В связи с этим на I съезде тунисские коммунисты не ставили вопрос об отмене договоров и о борьбе за национальную независимость. Впоследствии тунисские коммунисты не раз отмечали, что накануне войны ТКП имела все основания считать, что путь к национальному освобождению для тунисского народа проходил через борьбу против фашистского заговора в тесном союзе с народом Франции [77, стр. 2].

Запрещение Тунисской коммунистической партии. ТКП на протяжении всей ее истории вызывала неприязнь в кругах мусульманской и колониальной буржуазии Туниса. Наряду с Дестуром она подвергалась самым злобным нападкам со стороны крупной колонизации. В 1937 г. колонистам удалось разьединить основные силы антиимпериалистического движения, изолировать и в конце концов разгромить Новый Дестур. После 9 апреля их главной мишенью стала ТКП. Во время борьбы между антифашистами и французскими националистами, поддерживавшими генерала Анота, европейская буржуазия и колонисты Туниса начали методическую кампанию клеветы и различного рода инсинуаций против тунисских коммунистов. Опираясь на солдатские штыки, они чинили всяческие помехи для легальной деятельности ТКП. Вскоре после прихода к власти правительства Даладьё многие представители правого крыла стали открыто требовать роспуска ТКП и полного запрещения коммунистической деятельности.

Антикоммунистическая кампания правых кругов совпала с наступлением патроната на социальные завоевания периода Народного фронта. В конце 1938 — первой половине 1939 г. рабочие Туниса вели упорную борьбу в защиту своих прав, против антирабочей политики Даладьё — Рейно. Под руководством ВКТ они устраивали забастовки и демонстрации протеста. 18 июня 1939 г. около 1,5 тыс. железнодорожников прошли по улицам г. Туниса, протестуя против нежелания властей считаться с их интересами.

Борясь за права трудящихся, рабочие Туниса видели в ТКП естественного защитника и выразителя их интересов. Без различия религиозных убеждений и политических взглядов они поддерживали ее борьбу против банков, крупной колонизации и концессионных обществ. Они со всей решительностью отстаивали ее право на легальное существование. В декабре 1938 г. Департаментское объединение ВКТ приняло специальную резолюцию, в которой выразило «сожаление, что прави-

тельство разрешает распространять небезызвестную идею о роспуске пролетарской партии — члена Народного объединения» [107, 29.XII.1938].

Положение ТКП значительно осложнилось летом 1939 г. Разжигая антисоветские настроения, буржуазно-колониальные круги попытались изолировать коммунистов от других демократических и антифашистских сил. В августе 1939 г. в связи с ухудшением международной обстановки правительство протектората приняло целый ряд мер, ограничивавших общественные свободы. 3 августа, несмотря на протесты ряда демократических организаций, при генеральном секретариате тунисского правительства было создано специальное Управление службы безопасности. 29 августа правительство протектората восстановило предварительную цензуру печати. 2 сентября 1939 г. в связи с объявлением войны Германии генерал Амеде Блан — преемник Анота на посту главнокомандующего войсками Туниса — ввел в стране осадное положение. Власти получили право арестовывать и ссылать под надзор полиции всех «нежелательных» и «подозрительных» лиц. Наконец, 6 сентября генерал Блан запретил прием иностранных радиопередач, а 7 сентября — проведение каких бы то ни было собраний, митингов и демонстраций.

Формально эти меры были направлены против фашистской агентуры и националистического подполья. Фактически, поскольку националисты еще с апреля 1938 г. находились на нелегальном положении, они коснулись прежде всего рабочих и демократических организаций. Их роль и значение в общественно-политической жизни Туниса резко упали.

В особенно тяжелое положение была поставлена ТКП. Антисоветские настроения французской буржуазии, находившие отражение в небезызвестной сентенции: «Лучше худой мир с Гитлером, чем победа со Сталиным», придавали всем действиям и мероприятиям властей вполне определенный привкус антикоммунизма. В августе 1939 г. коммунисты стали объектом особенно ожесточенной травли. 25 августа Даладье закрыл газету «Юманите». Во Франции и в Тунисе начались настоящие гонения против всех прогрессивно мыслящих патриотических элементов. Радикал-социалисты, СФИО и другие бывшие союзники коммунистов по Народному фронту повернулись к ним спиной. Даже часть членов ФКП во главе с Життоном, Вассаром, Девезом и другими выступила против Центрального комитета ФКП, который в своем манифесте 25 августа 1939 г. в связи с заключением договора о ненападении между СССР и Германией «дал самую высокую оценку мирной политике Советского Союза и выразил доверие и преданность коммунистов Франции Сталину» [97, 1940, № 2, стр. 119].

После объявления войны ТКП оказалась в крайне тяжелом положении. Вслед за роспуском ФКП над ней нависла

угроза запрещения. Колониальные власти преследовали коммунистическую печать, закрыли газету «Авенир социаль». Наконец, в середине ноября 1939 г. в «Журналь оффисель» был опубликован декрет о роспуске ТКП. Правительство протектората оправдывало его как меру, распространившую на Тунис французское законодательство 26 сентября 1939 г. о запрещении ФКП, всех ее филиалов и организаций. В соответствии с ноябрьским декретом 1939 г. правительство протектората объявило о роспуске ТКП и о конфискации всего принадлежавшего ей имущества. Десятки революционных борцов — коммунистов и членов ВКТ — были арестованы и брошены в тюрьмы.

В суровых условиях эмиграции и подпольной борьбы тунисские коммунисты продолжали мужественную борьбу за интересы рабочего класса Туниса, разоблачали мюнхенскую политику французских прислужников Гитлера и выступали за сплочение всех национальных и антиимпериалистических сил Туниса на антифашистской основе. Находясь в глубоком подполье, Тунисская коммунистическая партия не утратила веры в конечное торжество принципов антифашистского и национально-освободительного движения.

«Трудящиеся массы Туниса и других колоний,— говорилось в одной из статей в „Коммунистическом Интернационале“ за подписью Е. Рамазан,— найдут выход из того состояния рабства, нищеты и голода, на которые их обрекает алчность империалистических поработителей. И этот выход они найдут в национальном раскрепощении, в создании национально независимого государства, в уничтожении всякого угнетения и эксплуатации человека человеком» [там же, № 1, стр. 77].

* * *

Подавление национальных и демократических организаций Туниса означало временное торжество колониальной буржуазии и стоявших за ее спиной империалистических кругов метрополии. Рабочее и национально-освободительное движение Туниса временно потерпело поражение. Оно объяснялось как расколом антиимпериалистических сил внутри страны, так и крайне неблагоприятным для демократии международным положением. Немаловажное значение имело также то обстоятельство, что общественное мнение во Франции было еще не готово к деколонизации империи.

Французские правящие круги выражали едва сдерживаемое удовлетворение по поводу того, что к началу общеевропейского конфликта им удалось восстановить в Тунисе спокойствие и порядок. Однако это спокойствие было чисто внешним. К тому же оно было достигнуто ценой полного отказа от либерально-демократических принципов и методов управления. Порядок поддерживался штыками сотысячной французской

армии в Тунисе, которая в полном смысле слова терроризировала страну.

Отказ от либеральных методов управления и попытки перейти к военному режиму означали банкротство французской колониальной политики времен Третьей республики. Старые формы колониального господства изжили себя. Попытки реформ в период Народного фронта, так же как и стремление к военной диктатуре, свидетельствовали о том, что правящие круги Франции не могли управлять Тунисом по-старому.

Проблема в значительной мере осложнялась недовольством колониальной буржуазии Туниса — основной социальной опоры колониально-капиталистического режима протектората. Мировой экономический кризис и его последствия показали, что народное хозяйство Туниса уже не могло развиваться и функционировать по-старому. В 30-х годах иссякли источники, питавшие колониальное грядущее, основанное на свободном частном предпринимательстве. Колонизационные планы застыли и больше не возобновлялись. Тунис все более напоминал старое заброшенное имение, которое хозяева передоверили своим управляющим — местной европейской буржуазии.

С другой стороны, моральный кризис мусульманского общества, начавшийся в Тунисе в 20-х годах, свидетельствовал о разложении традиционных социальных структур, унаследованных от средневекового ислама. Старые семейные и общественные связи находились на грани распада. Упадок кочевничества, пролетаризация крестьянства и начавшийся процесс колониальной урбанизации породили массу социальных противоречий, которые не находили своего разрешения в условиях колониального капитализма.

В 30-х годах недовольство охватило практически все слои мусульманского населения. Новые представления о счастье не соответствовали колониальной действительности. На почве новых идеалов в тунисском обществе возникла непреодолимая жажда перемен. Она находила свое выражение как в конфликте поколений, так и в идейно-литературной борьбе. В сфере политики она выражалась в распространении различного рода революционных доктрин — от идей Великой Октябрьской социалистической революции до арабского национализма включительно. Наиболее полное обобщение — в силу особенностей политического развития Туниса в 30-х годах — она нашла в революционно-националистических идеалах Нового Дестура.

Неоспоримые успехи Нового Дестура, призывавшего к коренному обновлению всей тунисской жизни, отражали эту всеобщую жажду перемен. Его выдвижение в качестве гегемона нации означало прежде всего то, что народные массы Туниса не хотели более жить по-старому.

Возникновение массового новодестуровского движения

явилось отражением глубокого социального, экономического и политического кризиса, охватившего систему протектората. Победа Народного фронта давала реальные шансы на мирную и гуманную эволюцию режима протектората, на постепенное решение острых социально-политических проблем, которые были выдвинуты предшествующим историческим развитием Туниса. Отказавшись от принципов Народного фронта, Сарро и Даладье попытались сохранить то, что фактически было обречено. Тем самым они встали на ложный путь. Разгромив Новый Дестур, они прежде всего обманули самих себя. Следствия они приняли за причины. Путем репрессий они не решили ни одной реально существующей проблемы и вследствие этого не устранили действительных причин, породивших кризис протектората. Установив порядок при помощи солдатского сапога, они загнали эти проблемы вглубь, что было чревато стагнацией или новым социально-политическим взрывом.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА
И ИСТОЧНИКИ

1. Ф. Энгельс, Внешняя политика русского царизма,— К. Маркс и Ф. Энгельс, сочинения, изд. 2, т. 22.
2. В. И. Ленин, Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока, 22 ноября 1919,— полное собрание сочинений, т. 39.
3. В. И. Ленин, Итоги дискуссии о самоопределении,— там же, т. 30.
4. В. И. Ленин, К десятилетнему юбилею «Правды»,— там же, т. 45.
5. В. И. Ленин, Начало революции в России, там же, т. 9.
6. В. И. Ленин, О праве наций на самоопределение,— там же, т. 25.

7. Аваков Р. М., Французский монополистический капитал в Северной Африке, М., 1958.
8. Андровский П., Внешняя политика фашистской Италии, М., 1931.
- 8а. Димитров Г., Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса, против фашизма. Доклад на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала, М., 1958.
9. Иванов Н. А., Феодальное землевладение в Тунисе в 70-е годы XIX века и его основные формы,— «Краткие сообщения Института востоковедения», выпуск XXVI, М., 1958.
- 9а. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк, М., 1969.
10. «История дипломатии, том третий. Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919—1939 гг.)», под ред. акад. В. П. Потемкина, М.—Л., 1945.
11. Коммунистический интернационал перед VII Всемирным конгрессом (Материалы), М., 1935.
12. Крачковский И. Ю., Мустафа Кямиль и Жюльетта Адан (К истории национального движения в Египте),— «Известия Ленинградского государственного университета», Л., 1928.
13. Ланда Р. Г., Ассоциация алжирских улемов в борьбе за независимость Алжира,— сб. «Арабские страны, История. Экономика», М., 1970.
14. Луцкая Н. С., Республика Риф, М., 1959.
15. Международный аграрный институт, Аграрный кризис, кн. 4, М., 1933.
16. Мирский Г. И., Ирак в смутное время. 1930—1941 гг., М., 1961.
17. Мирский Г., Покатеева Т., Классы и классовая борьба в развивающихся странах,— «Мировая экономика и международные отношения», 1966, № 2.
18. Научно-исследовательская ассоциация по изучению национальных и колониальных проблем (НИАНКП). Арабский кабинет,— «Информационный бюллетень», М., 1935, Февраль.
19. НИАНКП. Арабский кабинет,— там же, № 9—10.
20. Себа Поль, Тунис, М., 1953.
21. Соркин Г. З., Антиимпериалистическая лига (1927—1935), Исторический очерк, М., 1965.
22. Табуи Женевьева, 20 лет дипломатической борьбы, М., 1960.
23. Торез Морис, Избранные произведения, т. I, М., 1959.

24. Шарль Р., Мусульманское право, М., 1959.
25. Эренбург И., Люди, годы, жизнь,— «Новый мир», 1965, № 4.
26. Али Бельхауан, Восставший Тунис. Каир, 1954 (на араб. яз.).
27. Аллаль аль-Фаси, Движение за независимость в Арабском Магрибе, Тетуан, 1948 (на араб. яз.).
28. Амин Саид, Объединенное арабское государство, часть третья. История национального пробуждения у арабов и проект создания Объединенного арабского государства, [б. м.], [б. г.] (на араб. яз.).
29. «Возрождение нации и строительство государства. Заметки из истории тунисской дестуровской партии (1934—1964)», Тунис, 1964 (на араб. яз.).
30. Тахар аль-Хаддад, Тунисские рабочие и возникновение профсоюзного движения, Тунис, 1927 (на араб. яз.).
31. Amin Samir, L'Economie du Maghreb. La colonisation et la décolonisation, Paris, 1966.
32. Annales de la Chambre des Députés. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1922, t. II, Paris, 1923.
33. Annales de la Chambre des Députés. Débats parlementaires. Session 1925, t. I, Paris, 1925.
34. Annuaire du Monde Musulman. Rédigé par L. Massignon, Paris, 1955.
35. Annuaire statistique de la Tunisie. Années 1940 à 1946, Tunis, [б. р.].
36. Annuaire statistique de la Tunisie. Année 1947, Tunis, [б. р.].
37. Annuaire statistique de la Tunisie. Année 1948, Tunis, [б. р.].
38. Bauchet P. La Planification française. Quinze ans d'expérience, Paris, 1962.
39. Ben Cheikh Abdelkader, Vingt-cinq ans après la mort de Tahar Haddad,— «Tribune du Progrès», 1961, № 3.
40. Berque Jacques, Le Maghreb entre deux guerres, Paris, 1962.
41. Berque Jacques, Ça et là dans les débuts du réformisme religieux au Maghreb,— «Etudes d'orientalisme dédiées à la mémoire de Lévi-Provençal», t. II, Paris, 1962.
42. Bourguiba Habib, La Tunisie et la France, Vingt-cinq ans de lutte pour une coopération libre, Paris, 1954.
43. Cambon Henri, Histoire de la Régence de Tunis, Paris, 1948.
44. «Le Cinquantenaire du protectorat français en Tunisie. 1881—1931», [б. м.], 1931.
45. «Congrès de l'Afrique du Nord. Compte rendu des travaux», t. II, Paris, 1909.
46. Demeersman André, Tunisie, Sève nouvelle, Paris, 1957.
47. Desfeuilles P., La Tunisie, Paris, 1928.
48. Fanon Frantz, Peau noire, masques blancs, Paris, 1952.
49. Fanon Frantz, L'An V de la révolution algérienne, Paris, 1959.
50. Fanon Frantz, Les damnés de la terre, Paris, 1961.
51. Ferrat A., Histoire du Parti communiste français, Paris, 1931.
52. «La France et les Trusts», — «Economie et politique», 1954, № 5—6 (русск. перев.: «Франция и тресты», М., 1955).
53. Fréville, Né du Feu. De la faillite de la IIe Internationale au congrès de Tours, Paris, 1960.
54. Garas Félix, Bourguiba et la naissance d'une nation, Paris, 1956.
55. Céniaux Ch., Comment on devient colon, Paris, 1908.
56. Ghedira Ameur, Essai d'une biographie d'Abu-l-Qasim al-Sabbi,— «Arabica», 1959, № 3.
57. Girault Arth., Principes de colonisation et de législation coloniale. La Tunisie et le Maroc, Paris, 1936.
58. Great Britain. Department of overseas trade, Report on economic and commercial conditions in Tunisia, Nov. 1937, London, 1938.

59. Hahn L., North Africa. Nationalism to Nationhood, Washington, 1960
60. Hirsowicz Lukasz, The Third Reich and the Arab East, London, 1966.
61. «Initiation à la Tunisie», Paris, 1950.
62. Julien Ch.-André, Histoire de l'Afrique du Nord, Tunisie Algérie, Maroc, Paris, 1931.
63. Julien Ch.-André, L'Afrique du Nord en marche, Paris, 1952.
64. Lanessan J.-L. de, La Tunisie, Paris, 1917.
65. Le Tourneau Roger, Evolution politique de l'Afrique du Nord musulmane. 1920—1961, Paris, 1962.
66. Merad Ali, Maraboutisme et réformisme en Algérie, — «Regards sur l'Islam», Aix-en-Provence, 1964.
67. Micaud Ch.-A, Brown L. C., Moore Cl. H., Tunisia. The Politics of modernization, New-York — London, 1964.
68. Millet, La Tunisie, Paris, 1896.
69. Milliot L., L'Association agricole chez les musulmans du Maghreb (Maroc, Algérie, Tunisie), Paris, 1911.
70. Montety Henri de, Le développement de classes moyennes en Tunisie, — «Institut International des civilisations différents. Développement d'une classe moyenne dans les pays tropicaux et subtropicaux. Compte rendu de la XXIXe session», Bruxelles, 1956.
71. Montety Henri de, Femmes de Tunisie, Paris — La Haye, 1958.
72. Moore Cl. H., Tunisia since Independence. The Dynamics of One-party Government, Berkeley — Los Angeles, 1965.
73. Mori Attilio, La Tunisia, Roma, 1930.
74. Neo-Destour. Tunisie. Les Congrès du Neo-Destour. Tunis, Secrétariat d'Etat à l'information, 1959.
75. Nolfo Ennio di, Mussolini e la politica estera italiana (1919—1933), Padova, 1960.
76. Parti communiste, Rapport moral du Secrétariat général présenté au 20e Congrès National (2e Congrès du Parti Communiste), Courbevoie, 1922.
77. Parti communiste tunisien, Deux ans de lutte pour la liberté et la démocratie, pour la pain, la terre et la paix, Tunis, (1948).
78. Parti Socialiste, 18e Congrès National tenu à Tours. Les 25—30 déc. 1920. Compte rendu sténographique, Paris, 1921.
79. Pellegrin Arthur, L'Islam dans le monde, Paris, 1937.
80. Pellegrin Arthur, Histoire de la Tunisie depuis les origines jusqu'à nos jours, Tunis, 1948.
81. Perroux F., L'Economie du XXe siècle, Paris, 1961.
82. Peyrouton Marcel, Histoire générale du Maghreb, Paris, 1966.
83. Poncet Jean, La Colonisation et l'agriculture européennes en Tunisie depuis 1881, Paris, 1962.
84. Régence de Tunis. «Procès-verbaux de la Conférence Consultative. 7e session», Tunis, 1894.
85. «Revendications minima du Parti Liberal Constitutionnaliste Tunisien (Néo-Destour) présentées au gouvernement et à l'opinion publique», Tunis, [6. r.].
86. Rodd B alek [Ch. Monchicourt], La Tunisie après la guerre, — «L'Afrique Française», 1920—1922.
87. «Statistique générale de la Tunisie, Année 1923», Tunis, 1924.
88. «Statistique générale de la Tunisie. Année 1927», Tunis, 1928.
89. «Statistique générale de la Tunisie. Année 1937», Tunis, [6. r.].
90. Toynbee Arnold J., Survey of International Affairs. 1925, vol. 1. The Islamic World, London, 1927.
91. Tunisian Destur Party, The Problem of Tunisia (2), Economic Policy of the Protectorate, Cairo, 1948.
92. Tunisie. Commission d'études économiques et financières, Rapport de la sous-commission d'études économiques, t. I, Tunis, 1932.
93. «Tunisie», sous la direction d'Eugène Guernier, Paris, 1948.

94. V i b e r t Jean, L'Economie tunisienne à la fin de 1955.
 95. Z a w a d o w s k i G., Index de la presse indigène de Tunisie, «Revue des Etudes islamiques», 1937, № 4.
 96. Z i a d e h Nicola A., Origins of Nationalism in Tunisia, Beirut, 1962.

Периодические издания

97. «Коммунистический интернационал», М.
 97а. «Вопросы истории КПСС», М.
 98. «L'Action», Tunis.
 99. «L'Afrique Française», Paris.
 100. «L'Avenir social», Tunis.
 101. «Bulletin économique de la Tunisie», Tunis.
 102. «Bulletin économique et social de la Tunisie», Tunis.
 103. «Bulletin de l'Association de géographes français», Paris.
 104. «Cahiers du bolchevisme», Paris.
 105. «Dépêche Tunisienne», Tunis.
 106. «Esprit», Paris.
 107. «L'Humanité», Paris.
 108. «Oriente moderno», Roma.
 109. «Le Petit Matin», Tunis.
 110. «Le Populaire», Paris.
 111. «La Presse», Tunis.
 112. «Renseignements coloniaux (Suppl. à «l'Afrique Française»), Paris.
 113. «Le Temps», Paris.
 114. «Les Temps Modernes», Paris.
 115. «Tribune du Progrès», Tunis.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

Абади 342, 364	аль-Афгани Джамаль ад-Дин 41
Аббас Фархат 56	Афляк Мишель 317
Абд аль-Хакк 110	Ахмед Сиди бей 94, 140, 141, 156,
170, 174, 180, 285, 332
Абдо Мухаммед 22, 41, 100	
Абдул Меджид 68	
св. Августин 111	
Адда 189	Бадра Си Мадани 145
Азан 185	Байрам Ахмед 140
Аззопарди 187	Барту Л. 98
аль-Айари Мухтар 36, 38, 76, 78—
80, 82	аль-Басиль-бей 292
Айаши Хасуна 55	Бастианини 97
Акаша Бешир 55	аль-Бауанди Абд аль-Азиз 181
Амин Касим 105	Баш-Тобджи Мухаммед 263, 323
Амин Самир 91, 120, 192	Баш-Хамба Али 39, 40, 74, 143
Андровский П. 97	Баш-Хамба Бешир 39, 40
Аннаби Бешир 81, 82	Бекир Бубакер 223, 224, 320, 324
Анот Шарль 225, 337—339, 341,
343, 344, 347—351, 354, 356—359,
362—364, 386, 387	аль-Бельхауан Аллалль 238, 329,
335, 336, 339, 341, 352, 374
Арслан Шекиб 236—238, 240,
380—381	Бен Айд, Фархат 41
Ататюрк 100	Бен Амара Мухаммед 377
	Бен Аммар Ибрахим 78
	Бен Аммар Насер 188
	Бен Аммар Тайеб 188

* Указатель имен составлен Н. Н. Фисенко и Э. А. Байрамовой.

- Бен Аммар Тахар 51, 174, 230, 334, 366
 Бен Ашур Мухаммед Фадель 41
 Бен Ашур Тахар 140, 142, 152
 Бен Бадис Абд аль-Хамид 287, 292, 379
 Бен Гадахум Али 130
 Бен Милад Ахмед 170
 Бен Мрад 245
 Бен Мустафа Тайеб 72
 Бен Салем Тахар 76, 257
 Бен Слама Хабиб 203
 Бен Слимман Слимман 230, 243, 264, 276, 288, 300, 326, 331
 Бен аль-Хадж Эззеддин 223
 Бен Хамида Амор 377
 Бен Хамида Ахмед 314
 Бен Хатира Али 187
 Бен Юсеф Мухаммед 140
 Бен Юсеф Салах 166, 170, 175, 180, 182, 195, 217, 230, 243, 285, 288, 315, 323, 328, 332
 Бен Яхья Салах 41, 51
 Бержери Г. 128, 150, 198
 Берк Жак 35, 92, 93, 104, 106, 124, 125, 127, 133, 152, 175, 193, 194, 197, 198, 238, 252, 265, 337
 Бертон Андре 39, 43, 79, 81
 Бессис Альбер 143, 334
 Бессис Эжен 189
 Биджауи 331, 355
 Биджауи Роберт 206
 Бисмарк 204
 Блан Амеде 387
 Блюм Леон 197, 198, 203, 204, 209, 211, 220, 225—227, 264, 266, 267, 270, 272, 276, 281, 296, 297, 301, 327, 337, 362, 367
 Богушевич О. В. 34
 Боливар 130, 131
 де Бомарше Морис 50, 98
 Боне 164
 Бонне Жорж 375
 Ботория Тахар 70
 Браун Л. К. 40, 98, 109
 Брахим 258
 де Буазанже 299
 Бугетфа Хабиб 166, 175, 180, 264, 291, 301, 320, 324
 Бузанке Альбер 126, 164, 206, 227, 256, 261—263, 278, 305, 316, 321, 355
 Букордага 180
 Бургиба Мухаммед 55, 72, 129, 133, 147, 159, 169, 188, 243
 Бургиба Хабиб 20—21, 32—33, 69, 72, 80, 109, 117, 125, 129—139, 141—142, 145—147, 150—151, 154—160, 163—166, 169—170, 172, 174—175, 183—184, 188, 195, 197—198, 210, 213—214, 217—222, 227—234, 238—239, 241—244, 253, 259—260, 263—265, 276, 278—279, 284—286, 288—292, 299—301, 304, 306, 308—309, 313—316, 318, 323—328, 331—339, 341, 343, 346, 353, 359, 366, 373, 377, 379, 385
 Бурд Поль 191
 Бухаджеб Али 133, 145, 147, 182, 260, 288
 Бу Хаджеб Халиль 140
 Бушрара Мухаммед 240, 241, 280, 316, 349, 380
 Бушуша Салахеддин 352, 376
 Бюжо 41
 Бюрне 274
 Вайян-Кутюрье 308
 Ваннер Лео 255
 Венек 229, 277
 Вильсон В. 33, 40, 42, 43
 Витиело 187
 Вьено Пьер 197, 218—221, 224, 230—234, 242, 272, 276, 297, 299, 301, 327, 338
 аль-Габади Мухаммед 78, 82
 Гази Мухаммед Фарид 24
 Гамлен 365
 Ганди Мохандас Карамчанд 130, 131, 150
 Ганнибал 111
 аль-Гануши Мухаммед 78, 82
 Гарас Феликс 28, 43, 50, 55, 67, 70, 93, 94, 130, 131, 133, 136, 166, 188, 214, 238, 262, 265, 286, 289, 315, 337, 359, 373, 381
 Гарибальди Джузеппе 95, 130
 Гаудиани Антуан 272, 350, 351, 360
 Гегель Г. 130
 Геллати Хасан 42, 46, 48, 52—57, 81, 82, 115, 145, 327
 Генлейн 368
 Герню 164, 218, 265
 Гёте 101
 Гига Бахри 133, 143, 145, 147, 156, 159, 170, 172, 174, 175, 180, 182, 195, 217, 230, 243, 276, 285, 315, 332, 346
 Гийон Арман 195, 196, 200, 206, 207, 217, 220, 222, 227—230, 241, 272, 276, 277, 279, 285, 290, 303, 314, 316, 320, 323, 324, 332, 333, 336, 337, 347, 348, 350, 351, 358, 361—364
 Гнауи Белькасем 185, 257, 262—263, 304—305, 321—324

- Даво 161, 164
 Даладые Эдуард 151, 349, 359,
 362—364, 367, 373—375, 386, 390
 Даргут Али 170, 339
 Дарлан 365
 Девез 161, 164, 387
 Демеерсман Андре 249
 Джадуи Слиман 105
 Джеббари Саид 169
 Джеллули Тайеб 63
 Джемаль Тайеб 68, 75, 156, 182
 Джерад Али 186—188, 203, 309,
 311, 382, 384, 385
 Джерад Мухаммед 187, 188
 Джуди Бешир 78
 Димитров Г. 114, 203, 280, 311
 Дингизли Бешир 103
 Дингизли Мустафа 63
 Дорио 235, 236, 356
 Думерг Гастон 127
 Дусбуа-Тэн 144
 Дюгамель 159
 Дюран-Анльивьель 35, 52, 58, 97,
 135, 150, 151, 186, 220, 227, 303,
 304, 356, 361
 Дюрель Жоаким 37, 78, 109, 126,
 151, 164, 259, 260
- Жорес Жан** 8, 71
Жубер Марсель 39
Жуо Леон 38, 78, 110
Жюльен Шарль-Андре 66, 166,
 183, 192, 198, 224, 232, 234, 286,
 298, 302, 315, 325, 333, 340, 345,
 356, 361, 364, 367, 372
- Завадовский Ю. И.** 223
Заглул 51
Зарг аль-Айюн, Бешир 377
Зауш Абд аль-джелиль 13, 17, 18
Зауш Мухаммед ас-Суиси 182
Зауш Нуреддин 182, 188
Зауш Тахар 182, 183
Зияде Никола 41, 43, 50, 60, 67
Змерли Мухаммед 103
Змерли Садок 42, 55
- Ибн Халдун** 111
Ибн аш-Шейх Тауфик 182
- Каак Осман** 72
Каддур, Мухаммед 78
Камбон Анри 66, 94, 190, 195,
 201, 206, 233
Камбон Поль 26, 190
Камель Хасан 43, 51
- Камиль Мустафа** 84
де Карньер 20
Картерон 283
аль-Каруи Али 82, 199, 256, 257,
 262, 263
аль-Каруи Хасуна 188
Касталли Шадли 111
Катаяма Сэн 114
Кахья Али 42
Кашен Марсель 35
Кениата Джомо 114
Кларк М. Ж. 16
Клиби Мухиэддин 112, 147, 156,
 180, 181, 195, 288, 379
Конт О. 130
Коста Энрико 38
Козн-Хадрия 35, 186, 199, 322—
 323, 355
Крачковский И. Ю. 248
Криспи 96
Куас 187, 188
- Лабонн Эрик** 364—366, 372
Лаваль П. 98, 190, 273, 367, 368
Лавижери 84, 109
Ладгам Бахи 352, 376
Ладель 355, 356, 361
Ладжми Шамседдин 351
Ламартин 101, 103
Ланди А. 282
Лариши 187
де Ла Рок 161, 235, 280
Лассаль 71
Лауити Аллала 188
Лаффон 164
Лахдар Тахар 170, 175, 182, 202
Лебон Густав 238
Лейг Жорж 51, 52
Лемэтр 127
Ленин В. И. 31, 32, 36, 198, 211,
 212, 237
Ле Турно Роже 62, 63, 113, 159,
 175, 217, 286, 288, 292, 313, 318,
 328, 335, 340, 343, 381
Лютэ 197
Личинио Вестри 369
Лоррэн Матильда 130
Лубэ 164
Лузон Робер 36, 38, 39, 106
Людовик XVI 164
- Магтуф Мухаммед** 262, 263, 323
аль-Мадани Ахмед Тауфик 68, 75,
 84, 181
Мадзини 130
Мами Ларби 70
Мансерон Франсуа 94, 122, 129,
 150, 151, 153, 155

Маркс К. 24, 36, 70, 130, 212, 237, 260, 265

Мартелл Карл 24

Матри Махмуд 130, 132—135, 138, 139, 141, 142, 145—147, 150, 154—157, 159, 160, 169, 170, 172, 174, 183, 184, 195, 197, 198, 217, 218, 220, 228, 230, 231, 233, 241, 243, 244, 276, 285, 291, 299, 300, 314—316, 321, 335—336, 351

аль-Мауи Хабиб 84

Махбуби Мухаммед 257, 263

Мелья Хулио 114

Мерад Али 98

Мессади 223, 224

аль-Местири Монсеф 182, 288

Мильеран Александр 50, 60—63

Мирский Г. И. 237, 252

Мичелли Джузеппе 279, 282, 283

Моатти Серж 186, 189, 195

Мок Жюль 218

Моннэ 164

де Монтети Анри 100, 103, 104, 159, 166, 248, 249, 339, 343, 374

Моншикур Ш. 32, 41—44

Морино 64

Мсака Хасан 152

Мур Клемент Генри 80, 102, 129, 132, 141, 165, 253, 265

аль-Мурали Шадли 181

Муро 258

Мутэ М. 58, 128, 150, 164

Мухаммед Али 69—73, 75—80, 82, 101, 110, 130, 150, 199, 255—257, 262, 263, 265

Мюссе 103

Надо Людовик 98

ан-Насер Мухаммед 50, 51, 53, 59—61, 63

Нассиве 258

Неру Джавахарлал 114, 131

Николь Шарль 10

ан-Ниффер Садок 49, 50

Номан Мухаммед 42, 48, 53—55, 111, 132

Нуира Хеди 237, 291, 322—324, 332, 336

Нури Хасан 278, 279, 319

Оккипинти Даниэль 284

Ориоль Венсан 164, 186

Пейрутон Марсель 151—159, 161—164, 168, 169, 172—176, 178—180, 182—184, 186—190, 192, 195, 221, 222, 273, 279, 288, 291

Пеллегрэн Артур 252

Пеллетье Фернан 110

Пери Габриэль 282, 308—311, 317, 330, 357

Пертинакс 210

Петр Великий 36

Пивер Марсо 305

Понсэ Жан 15, 121, 191

Прудон 265

Пуанкаре Р. 39, 60, 62, 64

Пу-и 213

Раим Шадли 358, 362, 363

Рандо Робер 228, 247

Рей Убальдо 369

Ренан Э. 130

Рида Рашид 68

Рийахи Мухаммед 41, 51, 84

Робердэ Армандо 358, 363

Родд Балек см. Моншикур Ш.

Руа 45

Русис Юсеф 331

Руссо 136, 294

Саадауи Хасан 169, 199, 203, 305

Саид Амин 41, 46, 50, 60—63, 67

Саиди Хеди 377

Сакка Ахмед 41, 43

Сарро Альбер 295—297, 299, 310, 315, 321, 326, 327, 349, 390

ас-Сафи Ахмед 42, 46, 49, 50, 52—54, 58, 68, 72, 74, 75, 81, 82, 111, 114, 147, 155, 156, 160, 170, 181

Сахри Аиса 331

Себа Поль 3, 9, 10, 19, 22, 24, 29, 191, 205, 209, 239, 250, 255

Семама 317

Сидки Бакр 317

Слим Монжи 323, 332, 335, 339

ас-Снуси Зейн аль-Абидин 315

Сталин И. В. 387

Сукарно Ахмед 114

Сфар Бешир 287

Сфар Тахар 72, 128, 156—159, 170, 172, 174, 175, 180, 182, 218, 230, 243, 288, 315, 332, 339, 346

Сфез Морис 189

Сэн Люсьен 51—53, 55, 58, 61—63, 66, 67, 72, 80, 85, 94, 104, 130

Таабури 180

Таальби Абд аль-Азиз 39, 41—46, 50—55, 57, 59—63, 66—68, 74, 100, 101, 131, 134, 160, 161, 237, 243, 244, 284—293, 298—300, 308, 309, 315, 322, 331, 334, 345, 378, 379

Табуи Женевьева 367
Тамер Хабиб 352, 374
Тарди 144
де Тесан Франсуа 276, 299
Теттенже Пьер 58, 59, 64
Тлатли Садок 334
Тойнби Арнольд 31, 32
Тома Филипп 4
Торез Морис 198, 204, 209, 211,
234, 273, 309, 318, 319, 375, 385
Тьерри Рене 200

Фалех Бешир 78
Фанон Ф. 19, 21, 23—25
Фархат Салах 68, 72, 74, 75, 81,
82, 111, 128, 146, 147, 156, 160,
170, 182, 221, 288, 379
аль-Фаси Аллаль 61, 62, 67, 218,
221, 299
Ферра 161, 164
Ферри Жюль 190
Финидори 36, 39, 77, 80—82, 107,
204, 384
Фишер Эва 227
Фланден Этьен 45, 46, 49—51
Франко 210, 236, 240, 308, 375
Франс А. 103
Фроссар 35
аль-Фурати Бешир 182
Фэвр Ив 186

аль-Хабиб Мухаммед 53, 63, 67,
83, 94
аль-Хаддад Тахар 37, 49, 69—72,
78, 101, 105, 106, 109, 135, 140,
223, 224, 245
Хадж Мессали 113, 114, 237, 243,
298, 299
Хазнадар Мухаммед Шадли 101,
156

Хайдер Рашид 55
Хайрадин Тахар 52, 163
Хайраллах Шадли 84, 113—115,
128, 132, 138, 145, 157, 182—187,
202, 224, 227
Халед эмир 115
аль-Халляди Шадли 288
Хемири Мухаммед 76
Хиршович 380
Хлодвиг 24
Ходжсон 268
Храйеф, Мустафа 244
аль-Хусейни Амин 236, 237, 286,
292
аль-Хусри Сати 236

Чинано 368

Шабби Абу-ль-Касем 101, 103, 106,
223
Шакер Хеди 166, 180, 336
Шаллай Фелисьен 125, 265
Шатобриан 103
Шеник Мухаммед 56, 80, 82, 143—
145, 158, 174, 230, 253, 254, 334,
351, 372
Шерб 170
Шериф Эззэддин 182
Шотан Камил 275, 276, 295, 296,
298, 299, 321, 349

Энвер-паша 70
Энгельс Ф. 29, 36, 212
Эренбург И. 275
Эррио Эдуард 72—75, 78, 79, 81,
83, 109, 144
Эссид Мухаммед 323

Яхья имам 286

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I.	
Колониальный режим протектората	3
Европейская колонизация (3). Традиционный сектор (10). Два общества (европейцы и мусульмане) (18). Государственное устройство (25).	
Глава II.	
Дестур и коммунисты	31
Октябрьская революция как новый фактор мировой истории (31). Распространение марксизма и социалистических идей. Рабочее движение (33). Таальби и новая стратегия мусульманских националистов (39). «Тунис — мученик» (43). Борьба за хабусы (вакфы) и создание партии Дестур (45). Люсьен Сэн и разногласия в Дестуре (51).	
Глава III.	
Июльские реформы 1922 г. Рабочее движение и кризис Дестура . .	55
Образование реформистской партии (55). Европейская оппозиция (57). Апрельский кризис 1922 г. (59). Реформа 13 июля 1922 г. (63). Отъезд Таальби (66). Мухаммед Али и Тунисское общество экономической взаимопомощи (69). Третий Вафд (72). Тунисская всеобщая конфедерация труда (75). Картель националистов и разгром ТВКТ (79). Кризис Дестура (83).	
Глава IV.	
Тунис на перепутье	87
Экономический бум 20-х годов (87). Формирование колониальной бюрократии (92). Итальянская опасность (94). Эволюция тунисского общества (99). Споры и колебания: коммунисты, социалисты, националисты (106). Дестур и «Североафриканская звезда» (111).	
Глава V.	
Хабиб Бургиба и возрождение тунисского национализма	117
Экономический кризис (117). Возникновение бидонвилей (121). Легализация профсоюзов и националистические волнения 1930—1931 гг. (125). Хабиб Бургиба (129). «Аксон». Зарождение бургибизма (132). Кампания против натурализации (139). Дело Шеника (143). Объединительный съезд Дестура (145).	
Глава VI.	
Сентябрьское полувосстание 1934 г.	149
Кампания гражданского неповиновения (149). Марсель Пейрутон (151). Образование партии Новый Дестур (155). Демократическое движение в городах летом 1934 г. (161). Обстановка	

в деревне (164). Бунты и беспорядки в Сахеле (168). Крестьянское законодательство 1934—1935 гг. (175). Революционное движение 1935—1936 гг. (179). Кризис режима (190).

Глава VII.

Народный фронт в Тунисе 195

Арман Гийон. Начало разрядки (195). Народное объединение Туниса (197). Восстановление демократических свобод (200). Возрождение дестуровского движения, СФИО и Тунисской коммунистической партии (202). Социальное законодательство Народного фронта (206). Вопрос о национальной независимости (209). Национальные требования Нового Дестура (214). Правомусульманская оппозиция (221). Недовольство французских колонистов (224). Речь Вьено по тунисскому радио (1 марта 1937 г.) (230). Фашизм и панарабская пропаганда в Тунисе (234). Реорганизация Нового Дестура (241). Социальная база Нового Дестура (247). Возрождение Тунисской всеобщей конфедерации труда (255). Отказ от объединения с СФИО (263).

Глава VIII.

Апрельская демонстрация 1938 г. 267

Экономическое оздоровление (267). Нищета в бледе (272). Профсоюзные междоусобицы (275). Борьба с итальянским фашизмом. Убийство Мичелли (279). Война Дестуров (284). Возврат Франции к имперской политике (293). Переход Нового Дестура в оппозицию. Трибунальский съезд (298). Магрибинская забастовка 20 ноября 1937 г. (302). Тунисские коммунисты в борьбе за политику Народного фронта (306). Разрыв между Народным фронтом и Новым Дестуром (312). Бизертский расстрел 8 января 1938 г. (319). Роспуск экстремистских профсоюзов ТВКТ (320). Сессия Национального совета Нового Дестура 13—14 марта 1938 г. (324). Волнения и беспорядки среди учащихся (328). Начало кризиса (331). 9 апреля (338).

Глава IX.

Тунис накануне войны 347

Диктатура генерала Анота (347). Новодестуровское подполье (351). Оппозиция социалистов и коммунистов (354). Июньские декреты 1938 г. (358). Отмена осадного положения (361). Эрик Лабонн (364). Аннексионистские притязания Италии (367). Антифашистские демонстрации 4—10 декабря 1938 г. (368). Визит Даладьё (373). Национализм в преддверии войны (376). I съезд Тунисской коммунистической партии (381). Запрещение Тунисской коммунистической партии (386).

Цитируемая литература и источники 391

Указатель имен 394